СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

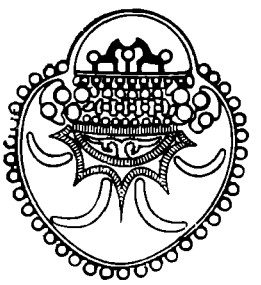
3

1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



ДЕСЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1966

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. А. Арциховский, главный редактор,
С. Н. Бибиков, *В. Д. Блаватский*, *А. Я. Брюсов*, *М. К. Каргер*,
Е. И. Крупнов, *Б. Б. Пиотровский*, *Б. А. Рыбаков*,
А. П. Смирнов (зам. главного редактора)

Ответственный секретарь *А. И. Мелюкова*

Адрес редакции:
Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, д. 19

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Т-09619 Подписано к печати 2/VI 1966 г. Формат бумаги $70\times108^{1}/_{16}$ Бум. л. $9^{1}/_{2}$
Печ. л. 26,6 + 3 вкл. Уч.-изд. л. 29,3 Тираж 2135 экз. Заказ 694

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

XXIII СЪЕЗД КПСС И ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

XXIII съезд КПСС был событием огромного политического значения. Он подвел итоги значительного периода в истории нашей страны, определил главные задачи на будущее. Съезд одобрил деятельность Центрального Комитета, утвердил его отчетный доклад, с которым выступил товарищ Л. И. Брежнев. Съезд заслушал доклад товарища А. Н. Косыгина о новом пятилетнем плане и предложения делегатов к этому плану. Решения съезда наметили величественную программу коммунистического строительства, которое еще больше усилит мощь нашей страны, увеличит ее экономический потенциал, приблизит нашу общую цель — коммунизм. Этому посвящены принятые на съезде директивы по составлению нового пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР.

Съезд является исторической вехой не только для самой партии, но и для всего советского народа. Он имеет огромное международное значение. Гости съезда — делегации 86 коммунистических, рабочих, а также национально-демократических и социалистических партий мира солидаризировались с деятельностью КПСС и вместе со съездом продемонстрировали твердую решимость бороться с силами империализма и войны, отстаивать мир.

Работа XXIII съезда КПСС завершилась единодушным принятием частичных изменений в Уставе и избранием руководящих органов партии.

Съезды партии для нашего народа являются историческими событиями. Трудящиеся Советской страны оглядываются на пройденный путь, оценивают свои успехи, свои достижения, и вместе с тем с особым вниманием смотрят вперед, согласовывая свои усилия и планы с общими планами страны и партии, которые определяются съездом. Люди всех профессий и областей труда видят в съезде важнейшую для себя веху, помогающую им оценить свой труд, почувствовать себя частью огромного многомиллионного коллектива советских людей, борющихся за общую великую цель — построение коммунизма.

Новый пятилетний план будет существенным шагом на пути к коммунизму. Резко повысится эффективность всего общественного производства. Партия ставит задачу обеспечить неуклонный рост материального благосостояния советского народа, увеличить производство продуктов народного потребления, в том числе продуктов сельского хозяйства. Большое внимание уделяется повышению обороноспособности нашей страны.

Вся работа съезда отвечает тем задачам, которые стоят перед партией и страной. Ленинская принципиальность и деловитость, смелое, политически зрелое вскрытие имеющихся недостатков, научный подход к разработке пятилетнего плана, высокая партийная требовательность, непримиримость к враждебной коммунизму идеологии — вот что характерно

было для работы XXIII съезда КПСС. Делегаты съезда продемонстрировали сплоченность партии вокруг его ленинского Центрального Комитета, оказали единодушную поддержку его политики как в области внутренней жизни, так и в сфере международных отношений.

XXIII съезд ленинской партии имеет колоссальное значение для работников культуры и науки. С трибуны съезда много говорилось о необходимости повышения идейно-теоретического уровня нашей науки, усиления воспитательного воздействия нашей культуры на людей. Вся идеологическая работа должна быть приведена в соответствие с величественными планами построения коммунизма.

Каждое ослабление этой идеологической работы, каждое ослабление воспитательной работы в духе коммунизма, как учил нас В. И. Ленин, означает усиление буржуазного влияния на людей, усиление буржуазной идеологии. Нет и не может быть абстрактной, внеклассовой идеологии. Деятели культуры, искусства и науки должны бороться за коммунистическое воспитание масс, молодого поколения, развивать теорию коммунизма, пропагандировать марксистско-ленинское учение со всей ответственностью и с сознанием важности своей работы.

С высокой трибуны съезда прозвучал призыв к нашим ученым не только завоевать новые рубежи в математике и физике, химии, астрономии и технике, но и добиться новых успехов в области истории и политической экономии, социологии и философии.

В отчетном докладе ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев сказал:

«В нынешних условиях масштабы и задачи теоретической работы еще более возрастают. Ни одно общество не нуждалось так в научной теории, как социалистическое общество. Поэтому теория должна и впредь прокладывать путь практике, обеспечивать строго научный подход к руководству экономической и культурной жизнью советского народа. Широко поставленная теоретическая работа призвана ярким маяком освещать путь нашей партии. Дальнейшее творческое развитие марксистско-ленинской теории партия рассматривает как важнейшую задачу, как необходимое условие успехов в строительстве коммунизма.

Большую роль в этом деле призваны играть общественные науки, на которые партия всегда возлагала и возлагает большие надежды и большую ответственность. Разработка важных проблем экономики и политики, философии и социологии, истории и права, других общественных наук в тесной связи с практикой коммунистического строительства — важнейшая задача советских ученых. Они призваны всесторонне исследовать такие проблемы, как направление и характер процесса формирования коммунистических общественных отношений, совершенствование государственного строя и развитие социалистической демократии, формы и методы хозяйствования, научная организация труда, содержание и методы коммунистического воспитания и другие актуальные темы.

Надо покончить с бытующим у части наших кадров представлением, будто общественные науки имеют лишь пропагандистское значение, призваны разъяснять и комментировать практику. Развитие общественных наук и внедрение их рекомендаций в практику играют не менее важную роль, чем использование достижений естественных наук в сфере материального производства и развитии духовной жизни народа» [1].

В этих словах ярко проявилась забота партии об общественных науках, определено то огромное значение, которое партия придает идеологии и общественным наукам. Наша эпоха — самая революционная. На наших глазах происходят явления всемирноисторического значения. В невидан-

---

[1] Правда, 30/III 1966 г., № 89 (17406), стр. 9.

но быстром темпе совершаются события огромных масштабов, в которые втянуты миллионные массы людей. Происходит всемирно-исторический процесс освобождения человека от эксплуатации и рождение нового бесклассового общества в странах социалистического лагеря, победа идей коммунизма во всем мире. В то же время буржуазный мир потрясает сильнейший кризис. Все более и более разгорается пламя национально-освободительного движения. Миллионы вчерашних колониальных рабов становятся полноправными хозяевами своей земли. Они впервые познают и свое прошлое, знакомятся со своей историей.

Роль исторических наук в освещении этих событий, в разработке теории, объясняющей эти события с точки зрения марксистско-ленинской идеологии — велика. Всякое принижение ее играет на руку буржуазии. Археология — наука о древностях. Но это не значит, что ее роль в этой теоретической работе историков мала или несущественна. Нельзя брать только новейшие периоды истории. Чтобы понять настоящее надо знать прошлое. Только археология может научно осветить огромную эпоху прошлого человечества — его первобытно-общинный строй. Археология может оказать неоценимые услуги историкам при изучении тех эпох, от которых сохранилось мало письменных источников или их не было совсем.

Задача археологов в свете решений XXIII съезда партии состоит в том, чтобы активно включиться в идеологическую, теоретическую работу всех общественных, исторических наук. Археологи должны сосредоточить свои усилия прежде всего на теоретической разработке тех проблем, которые являются наиболее острыми в идейной борьбе с буржуазным мировоззрением.

Эпоха первобытности — один из основных объектов приложения усилий археологов; ее изучение таит ряд актуальных идейных проблем, начиная от становления человеческого общества до сложения больших этнокультурных общностей.

До сих пор не утратили значения вопросы возникновения классов и государства, возникновения и упадка социально-экономических формаций, роль материального производства в истории общества. Раскрыть общественную природу государства в каждом конкретном случае, показать его историческое значение — это далеко не устаревшая задача. Археологи часто сталкиваются с необходимостью исследовать древние ремесла и древнюю экономику. Материалистическое объяснение истории — необходимый элемент в борьбе с буржуазной идеологией — остро нуждается в этой работе археологов.

Западная буржуазная историческая наука все время выдвигает новые и новые социологические теории. В последние годы на Западе возникла особая историческая дисциплина — аксиология, произвольно дающая свою оценку важнейшим достижениям, фактам и событиям из истории человечества. Нашей марксистско-ленинской исторической науке следует постоянно вести борьбу с буржуазной идеологией во всеоружии самых конкретных исследований, во всеоружии новейшего фактического материала, добытого как самими советскими учеными, так и буржуазными. Мы должны в работах буржуазных археологов строго различать, где кончается фактический материал, позитивная, полезная для нас часть исследования, и где начинается враждебная нам идеология, пусть скрытая за вывеской объективизма и аполитичности. Этому учил нас В. И. Ленин, когда писал:

«*Ни единому* из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, *нельзя верить ни в едином слове*, раз речь заходит о философии. Почему? По той же причине, по которой *ни единому* профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить *ни в одном слове*, раз речь заходит об общей

теории политической экономии. Ибо эта последняя — такая же *партийная* наука в современном обществе, как и *гносеология*.

В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии — ученые приказчики теологов.

Задача марксистов и тут и там суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками» (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков),— и *уметь* отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию и бороться *со всей линией* враждебных нам сил и классов» [2].

В современном буржуазном мире подлинные исторические исследования нередко подменяются рассуждениями об извечности религии, мистикой, теософией, мрачными циклическими теориями. Буржуазные ученые рисуют исторический процесс как роковую смену так называемых «циклов», в которых после подъема неизбежно следует упадок, и где нет места прогрессивному развитию общества. Археология может и должна на примере тех эпох, где археологи являются главными исследователями, показать лживость и порочность этих идей. Надо сказать, что именно первобытность и ранняя классовая история человечества используется апологетами этих теорий не менее часто, чем новейшие периоды истории. Особенно остро вопрос стоит в области проблем, относящихся к этногенезу и к происхождению человека, где до сих пор клерикализм пытается находить себе почву, маскируясь научными фактами. Не менее актуальны вопросы происхождения искусства и религии — здесь идеализм и теология так же должны быть выбиты со своих позиций. Стремиться к успешному решению всех этих животрепещущих проблем должны советские ученые-археологи в союзе с философами, этнографами, искусствоведами, языковедами, антропологами и другими представителями смежных научных дисциплин.

Религия — вреднейший пережиток прошлого. Археологи СССР ведут борьбу со всякого рода идеализмом и религией на страницах специальных исследований, в научно-популярной литературе и в лекциях. Эту борьбу нужно усилить. В буржуазном мире религия пользуется поддержкой господствующих классов. Идеализм и клерикализм в науке использует и археологию для своей пропаганды. Модными стали библейские легенды, якобы подтвержденные археологией. Религия стремится использовать для доказательства историчности евангельских мифов замечательные археологические находки в Кумране. Погоня за сенсациями, поиски мистических явлений в прошлом человечества — вот что все более и более загрязняет археологию за рубежом социалистического лагеря и советские археологи должны возглавить идеологическую борьбу против этих явлений. В этой борьбе особое значение принадлежит популяризации и распространению правильно освещенных и понятых научных знаний и достижений археологии среди широчайших масс народа.

Расизм и связанные с ним теории миграционизма — всегда были наиболее отвратительными проявлениями буржуазной идеологии в исторической науке, в том числе и в археологии. Советские археологи не должны ослаблять борьбу с расизмом, доказывая равноправие всех рас и наций, не должны забывать, что после разгрома фашизма расизм остался и гнездится в современной реакционной неоколониалистской идеологии.

Советские археологи работают не только в СССР. Они участвуют в

---

[2] В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Полное собрание сочинений, М., 1961, стр. 363, 364.

разработке важнейших тем по археологии Африки, Азии и Америки, участвуют в археологических раскопках за рубежом. Они овладевают всем фактическим багажом современной мировой археологической науки. Советские археологи должны активно исследовать основные проблемы древнейшей истории человечества. При этом особое внимание необходимо уделять изучению прошлого народов, которые были еще недавно под ярмом империализма, а сейчас обрели национальную самостоятельность. Показывая прошлое этих народов, помогая этим народам понять и изучить их историю, археологи СССР тем самым включаются в великую борьбу за освобождение всех угнетенных и порабощенных народов, за их политическое, идеологическое и экономическое освобождение.

Чтобы быть на передовых рубежах современной науки, чтобы вести за собой передовые круги интеллигенции и молодежи, сочувственно относящихся к коммунистической идеологии, а таких становится все больше и больше на Западе, чтобы успешнее бороться с идейными врагами марксизма-ленинизма, советская археология должна быть во всеоружии современных методов. А эти методы в археологии развиваются очень быстро. Советские археологи уже овладели рядом методов новейших достижений естественных и технических наук. Уже создана советская школа дендрохронологии, опередившая буржуазных ученых, работающих в этой области. Развивается применение математических методов в археологии, используются счетно-вычислительные машины. На повестку дня ставится задача огромных масштабов, требующая массы труда, но необходимая для дальнейшего развития советской археологии — учет всех археологических фондов в музеях и институтах СССР. Другой чертой современного развития науки является комплексность применения исследовательских методов при решении научных проблем. И в этом отношении советские археологи должны стоять на высоте поставленных перед нами задач.

Археология тесно связана со строительством новых предприятий, освоением новых земель и природных богатств нашей страны, со строительством гидроэлектростанций, карьеров, заводов и т. п. Величественная программа строительства, предусмотренная новой пятилеткой, директивы по которой были приняты XXIII съездом, потребуют от советских археологов новых усилий и упорного труда. Предстоит разведать и раскопать тысячи памятников в зоне затопления новых ГЭС, предстоит зафиксировать и изучить памятники прошлого на территории больших новых строительств, чтобы эти памятники не пропали для последующих поколений. Археологи всегда шли вместе со всем народом, борящимся за выполнение наших экономических планов, находились в первых рядах армии строителей коммунизма. Известны успехи советских археологов в разведках полезных ископаемых и в изучении древних систем орошения в Средней Азии, работы археологов по истории сложения почв и колебания климата в Поволжьи. Существенное значение для современного животноводства имеют работы археологов и биологов по истории древнего скотоводства и древнего земледелия на базе тех материалов, которые добываются при археологических раскопках. Рекомендации археологов по ряду конкретных хозяйственных проблем, освоение некоторых районов Средней Азии и северо-западного Прикаспия, оказались весьма ценными и практически уже осуществляются.

Археология мирная наука. Она не связана с войнами, с разрушениями, она заинтересована как и весь народ в мире. Только археологи могут восстановить и дать новую жизнь тем неисчислимым сокровищам человеческой культуры и труда, которые были разрушены за все тысячелетия человеческой истории. Но бороться за мир для советских людей, ученых-общественников, будь то историки, археологи или филологи — это значит в первую очередь разоблачать все проявления идеологии капитализма, антикоммунизма, показывать народу истинных виновников войн на зем-

ле, разоблачать господствующие эксплуататорские классы и их деятельность как в прошлом, так и в настоящем. Археологи со всеми советскими учеными призваны партией выполнить те задачи, которые возложил на них XXIII съезд КПСС, добиться того, что записано в Программе нашей партии:

«Дело чести советских ученых — закрепить за советской наукой завоеванные передовые позиции в важнейших отраслях знания и занять *ведущее положение в мировой науке* по всем основным направлениям» [3].

---

[3] Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1962, стр. 277.

З. А. АБРАМОВА

О ЛОКАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЯХ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР АНГАРЫ И ЕНИСЕЯ

Своеобразие палеолита Сибири по сравнению с палеолитом других крупных областей отмечалось многими исследователями. Это своеобразие, как и территориальная изоляция сибирского палеолита, отделенного от Европы неисследованными просторами Западной Сибири, не позволило до сих пор провести отчетливые корреляции не только с палеолитом Европы, но и со значительно более близкими культурами сопредельных областей Азии. В то же время и сибирский палеолит, сосредоточенный главным образом в бассейнах крупных рек — Енисея, Ангары, Лены и Селенги, разделенных «белыми пятнами» водоразделов, не представляет единого целого. Поэтому первоочередной задачей мы считаем рассмотрение отдельных локальных групп внутри сибирского палеолита, их хронологическую взаимосвязанность, их общие черты и различия.

При сопоставлении памятников палеолита Ангары и Енисея видно, что пути развития этих двух больших локальных групп, пока наиболее полно изученных в Сибири, если судить по степени опубликованности материалов, были различны и лишь в отдельных случаях намечаются определенные соответствия. Не требует доказательств положение, что только учет всей полноты сведений о памятнике: условия залегания; экология, основанная на фаунистических остатках и палинологических анализах; характеристика культурного слоя, связанная со строительными и бытовыми комплексами; особенности техники изготовления орудий, включающие качественный и количественный анализ инвентаря,— может привести к желаемым результатам. При настоящем уровне исследований нам представляется необходимым оказать предпочтение именно анализу кремневого и костяного инвентаря, как основных археологических данных, привлекая все остальные материалы лишь по мере необходимости. Трудность такого анализа заключается в том, что для сибирского палеолита совершенно не разработана классификация орудий и в одну и ту же рубрику «скребла» или «скребки», например, попадают самые различные изделия. Поэтому при рассмотрении инвентаря особое внимание следует уделять не только количественному соотношению тех или иных типов, но и, главным образом, тем различиям, которые существуют внутри этих типов.

Наиболее известны и полно изучены на Ангаре памятники ранней ступени позднего палеолита Сибири — Мальта и Буреть. На поселении Мальта, вскрытом на площади около 800 $м^2$, сохранились остатки многочисленных жилищ, кости ископаемых животных: мамонта, шерстистого носорога, а также северного оленя, песца и др. Для изготовления кремневых орудий использовался главным образом местный темно-серый кремень с прожилками. Основой для орудий служила преимущественно пластинка средних размеров призматической формы. Часто очертания таких пластинок неправильные и грани неровные. Они обработаны ретушью на концах и по краям и представляют, таким образом, многочисленные острия, проколки,

резчики с прямым или асимметрично расположенным жальцем. Резцы изготовлялись из таких же пластинок с одним или двумя резцовыми сколами на конце.

В Мальте нуклеусы из небольших желваков кремня использовались очень экономно, следуя очертаниям желвака. Скалывание часто производилось в различных направлениях. Большинство нуклеусов сработано до предела и сохраняет следы сколов коротких и широких пластинок. Клиновидных нуклеусов и соответствующих им микропластинок правильной огранки в Мальте нет совсем, хотя можно считать, судя по отдельным изделиям, что здесь имеются следы зарождения такой техники. В Мальте полностью отсутствуют полулунные и другой формы крупные скребла. Набор костяных орудий, произведений искусства, включающих широко известные фигурки женщин и птиц, а также предметов украшения уникален [1].

Полностью аналогична Мальте стоянка Буреть, расположенная в 30 *км* от Мальты на правом берегу Ангары [2].

Своеобразная мальтинская культура в целом отлична от других палеолитических культур Сибири. Но она не пропала бесследно. Об этом свидетельствует тот факт, что отдельные ее элементы можно встретить и на других памятниках. В частности, заметно определенное сходство с материалами недавно открытой и лишь предварительно опубликованной Ачинской стоянки на Чулыме (полное отсутствие клиновидных нуклеусов, основа для орудий — ножевидная пластинка неправильных очертаний, отдельные формы орудий) [3].

Материалы значительно более позднего по времени поселения Красный Яр позволили нам предположить его генетическое сходство с Мальтой. Это кратковременное поселение без следов углубленных в землю жилищ существовало в иной, по сравнению с Мальтой, географической среде, при полном отсутствии в фауне толстокожих. Но кремневый инвентарь Красного Яра обнаруживает определенное сходство с мальтинским кремнем. Основой для орудий тут и там служила тонкая кремневая пластинка, часто неправильных очертаний, обработанная ретушью по краям. Концевые скребки обнаруживают некоторое сходство на этих стоянках, хотя в Красном Яру совершенно отсутствуют мелкие округлые скребки высокой формы с овальным рабочим краем, напоминающие ориньякские формы этих орудий, хорошо представленные в Мальте.

Для Красного Яра характерно полное отсутствие следов первичного производства: нет желваков, заготовок, крайне редки краевые отщепы. По-видимому, вся первичная обработка камня производилась где-то на стороне, а на поселение приносились уже полностью подготовленные заготовки. Этим объясняется наличие сравнительно большого количества клиновидных нуклеусов и почти полное отсутствие нуклеусов других форм. Типы орудий: острия, проколки, скребки, многочисленные долотовидные орудия с подтеской прямого или вогнутого рабочего края с двух сторон, пластины, пластинки и микропластинки с ретушью, орудия с резцовыми сколами, отщепы с ретушью, кремневые и кварцитовые небольшие скребла и ножи. Галечные рубящие орудия единичны [4].

Материалы поселения Красный Яр могут быть сравнимы с материалами таких енисейских памятников, как Таштык II, несмотря на недостаточ-

---

[1] М. М. Герасимов. Мальта, палеолитическая стоянка. Иркутск, 1931; его же. Раскопки палеолитической стоянки в с. Мальте. ИГАИМК, 118, 1935; его же. Палеолитическая стоянка Мальта (раскопки 1956—1957 гг.). СЭ, 1958, 3.

[2] А. П. Окладников. Буреть — новая палеолитическая «стоянка» на Ангаре. СА, V, 1940; его же. Новые данные о палеолитическом прошлом Прибайкалья. КСИИМК, V, 1940; его же. Палеолитические жилища в Бурети. КСИИМК, X, 1941.

[3] Г. А. Авраменко. Палеолитическая стоянка у г. Ачинска. Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963.

[4] З. А. Абрамова. Красный Яр — новая палеолитическая стоянка на Ангаре. СА. 1963, 3.

ную изученность последнего (вскрытая площадь 36 *м*²)[5]. Наиболее характерный элемент орудий Красного Яра — долотовидные орудия с подтеской брюшка — хорошо представлен и в Таштыке II, где имеются также и мелкие проколки, изготовленные из миниатюрных ножевидных пластинок, и тонкие костяные иглы с ушками. Основная форма нуклеусов Красного Яра — клиновидная. Они представлены и на енисейских стоянках, родственных Таштыку II. И тут, и там встречаются немногочисленные скребла из крупных отщепов. Таштык II имеет много общего с поселениями Афонтовой горы. Широкая известность последних позволяет нам ограничиться лишь самой краткой характеристикой материала поселения Афонтова гора II. По Э. И. Равскому и С. М. Цейтлину, нижний культурный горизонт Афонтовой горы II «...лежит в низах толщи покровных лессовидных образований, перекрывающих аллювий II террасы, нарушенных в своем залегании и вовлеченных в оползание» [6]. Учитывая геологическую датировку этого памятника низами сартанского оледенения и абсолютную дату в 19 800 ± 300 лет [7], следует считать его одним из самых древних на Енисее. Богатая коллекция каменных и костяных орудий, происходящая из раскопок 1923—1925 гг., характеризуется следующими типами. Подавляющее большинство каменных орудий составляют скребла различных типов и скребки преимущественно из отщепов. Встречены также проколки, провертки, долотовидные орудия с подтеской конца с двух сторон, галечные рубящие орудия, пластинки с ретушью, среди которых заметное место принадлежит ножевидным пластинкам правильной огранки. Остроконечники и резцы единичны и мало выразительны. Среди нуклеусов наряду с галечными представлены и клиновидные. Орудия из кости и рога многочисленны, это наконечники копий и дротиков, шилья, иглы, просверленные рога северного оленя и пр. Широко представлены и украшения: бусинки и подвески из камня, кости и зубов животных [8].

Характерным памятником афонтовской культуры в пределах Минусинской котловины является поселение Кокорево II (Тележный Лог). Любопытно, что это поселение, отнесенное Г. П. Сосновским к ранней ступени развития позднего палеолита на Енисее, имеет весьма развитый инвентарь. Палеолитический отряд Красноярской экспедиции на стоянке Кокорево II вскрыл площадь 66 *м*². Она имеет один культурный слой толщиной в среднем 60 *см*, залегающий на глубине 5,40 *м* от поверхности, непосредственно под мощным слоем погребенной почвы. Для этого поселения типичны мелкие клиновидные нуклеусы, или сработанные, или неустоявшихся неправильных форм, но со следами сколов миниатюрных ножевидных пластинок; скребла овальной формы часто имеют двустороннюю обработку, причем одна сторона выпуклая, а вторая уплощена многочисленными сколами; большое количество скребков из небольших отщепов, часто овальной формы; долотовидные орудия, для которых также характерны небольшие размеры, хотя встречаются и единичные крупные орудия; проколки из небольших отщепов. Резцов на этой стоянке нет. Остроконечники единичны. Характерные формы инвентаря Кокорево II представлены на рис. 1.

Фауна поселения Кокорево II во многом сходна с фауной афонтовских поселений и значительно отличается от фаунистических остатков, собранных на других поселениях кокоревской группы. Здесь встречены кости мамонта, лошади, северного оленя, зайца, белой куропатки, зубра, аргали, благородного оленя, в небольших количествах кулана и сайги, а также

---

[5] З. А. Абрамова. Раскопки палеолитических стоянок на речке Таштык в 1960 г. КСИА АН СССР, 92, 1962.

[6] Э. И. Равский, С. М. Цейтлин. Геологическая периодизация палеолитических памятников Сибири. Тезисы докладов к Всесоюзному совещанию по изучению четвертичного периода. Новосибирск, 1964, стр. 82.

[7] Анализ Геологического института АН СССР (ГИН). Образец № 127.

[8] Н. К. Ауэрбах, Г. П. Сосновский. Материалы к изучению палеолитической индустрии и условий ее нахождения на стоянке Афонтова гора. Тр. КИЧП, I, 1932.

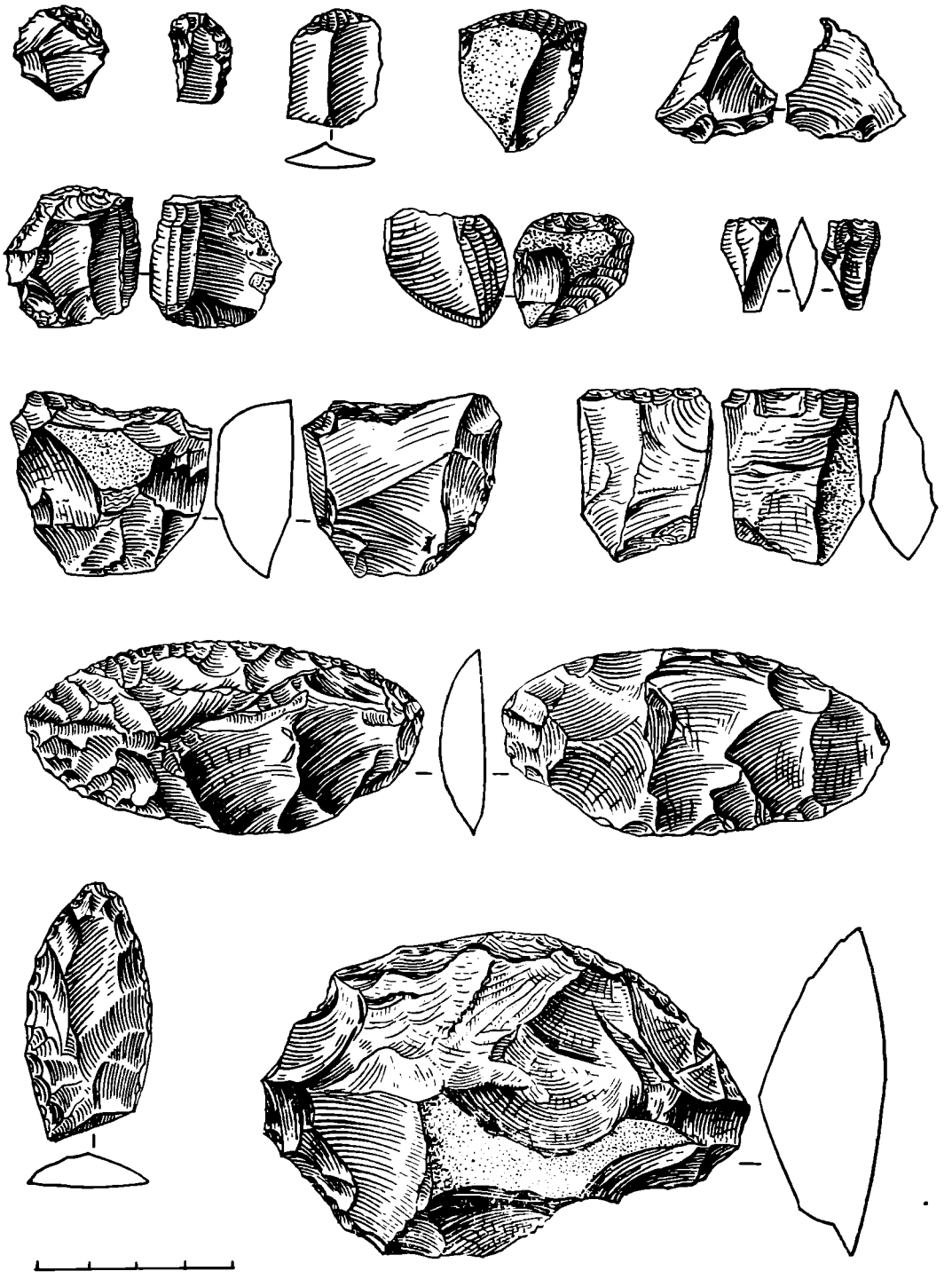


Рис. 1. Инвентарь стоянки Кокорево II

хищников: пещерного льва и медведя. Интересно отметить наличие костей рыб[9].

Большой интерес представляет открытие в Кокорево II богатой серии роговых и костяных орудий, ранее здесь неизвестных. Это главным образом различные наконечники копий и дротиков с пазами и без пазов, не уплощенные, а овальные в сечении. Один целый наконечник без пазов достигает 35 *см* длины. Здесь также представлены лощилоподобные изделия, шилья, иглы, украшения. Весь комплекс инвентаря находит значительные аналогии в материалах поселений Афонтова гора II и III.

Если в костяном инвентаре поселения Кокорево I можно найти некоторое сходство с обработанной костью афонтовской культуры, то каменный

[9] Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность Н. М. Ермоловой, определившей фауну кокоревских поселений.

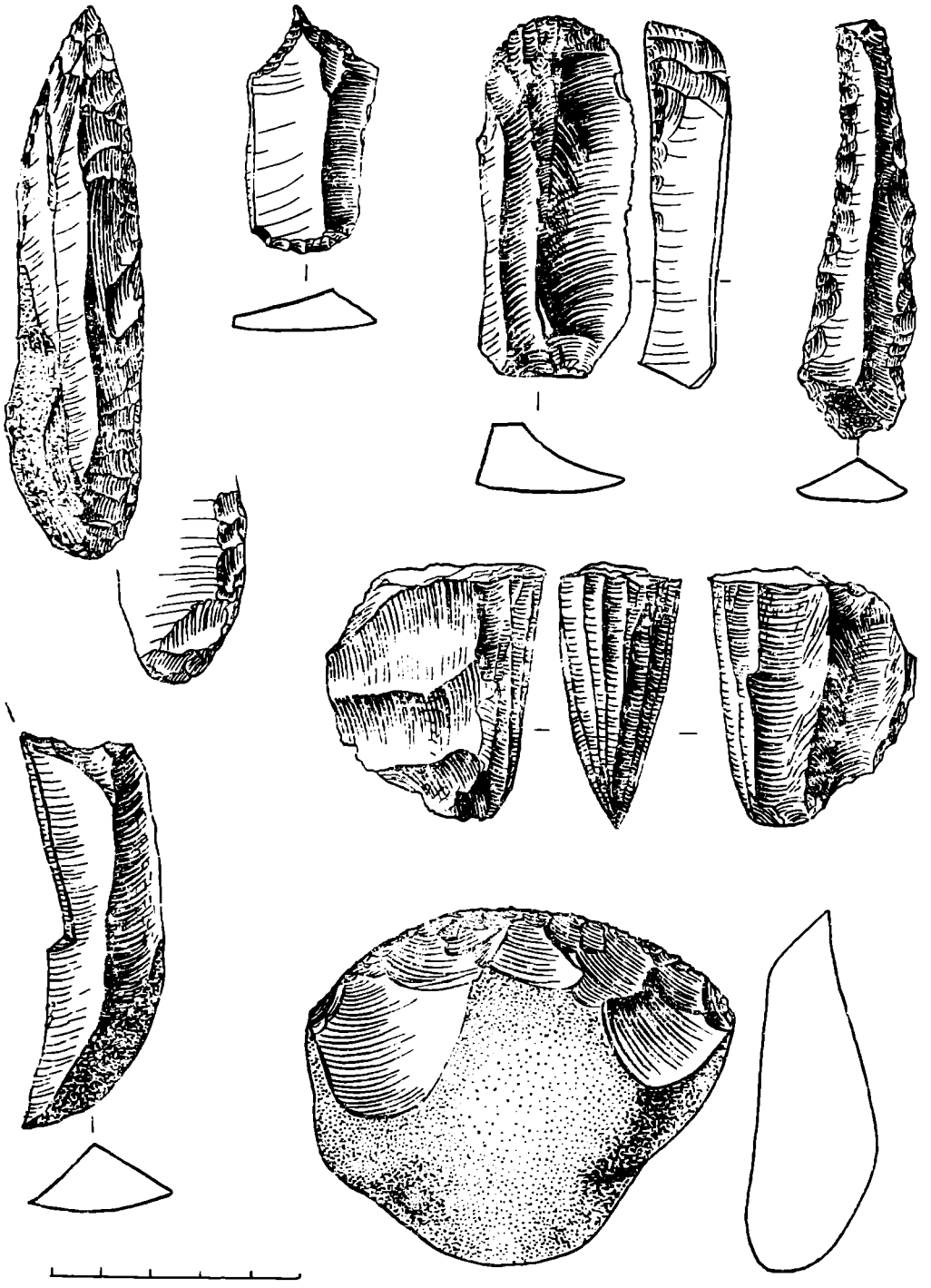


Рис. 2. Инвентарь стоянки Кокорево I

инвентарь этой стоянки обладает большим своеобразием. Поселение Кокорево I (Забочка), наиболее полно изученное на Енисее, вскрыто Палеолитическим отрядом Красноярской экспедиции на площади 540 $м^2$. Здесь отмечено четыре культурных горизонта, разделенных стерильными прослойками, причем 1-й горизонт развит слабо, а 2-й, 3-й и 4-й свидетельствуют о более длительном времени обитания. В раскопе I были вскрыты еще остатки 5-го горизонта в виде линзы мелких расщепленных костей животных. Три основных горизонта насыщены культурными остатками, в каждом из них имеются чашевидные очаги диаметром 60—80 *см*, сложенные из поставленных на ребро плиток песчаника и крупных галек.

По-видимому, все горизонты незначительно отстоят друг от друга по времени и являются сезонными стоянками одной общины. Каменный инвентарь, рассматриваемый в целом, многочислен и весьма характерен. Не-

которые типы инвентаря представлены на рис. 2. Нуклеусы главным образом крупные, призматические, часто двуплощадочные, изгтоовленные из массивных галек, со следами сколов крупных пластинчатых отщепов. Имеются клиновидные нуклеусы выработанной, можно сказать, классической формы. В соответствии с характером нуклеусов большинство орудий изготовлено из крупных пластин: это совершенной формы остроконечники, обработанные тщательной ретушью, иногда имеющие подтеску на плоскости откола для уплощения ударного бугорка. Остроконечники — впервые на Енисее хорошо представленная серия орудий. Новым элементом является также серия резцов из пластин довольно крупных размеров — срединных и боковых. Заметное место принадлежит скреблам, часто из массивных отщепов, односторонне обработанных; лишь изредка один конец бывает подправлен и с противоположной стороны. В единственном экземпляре встречена тщательно обработанная пластина с подтеской обоих концов. Долотовидные орудия, напротив, представлены достаточно разнообразной серией. Особо следует отметить небольшой топорик с двусторонней обработкой сторон и лезвия. Скребки изготовлены или из крупных довольно массивных пластинок с овальным рабочим краем, иногда высокой формы, или из округлых отщепов. В одном экземпляре представлено двойное орудие — скребок-проколка, изготовленное из пластинки. Другие проколки изготовлены из отщепов и имеют тонкое вытянутое жальце.

Соответствующие клиновидным нуклеусам микропластинки правильной огранки использовались без обработки, о чем свидетельствует находка обломка рогового наконечника с пазом, в котором сохранились на месте тончайшие микропластинки без следов ретуши. Набор костяных и роговых орудий достаточно разнообразен. Здесь и крупные мотыги, и «жезлы начальников» — целые и в обломках, многочисленные наконечники копий и дротиков, костяные основы кинжалов с длинными и глубокими пазами для вставки кремневых вкладышей, шилья, иглы различных размеров, лощилообразные орудия, орудия с треугольно срезанным концом непонятного назначения, украшения в виде подвесок из зубов животных с просверлинами и бус из кости и камня. В целом материалы поселения Кокорево I позволяют определить его как типичный памятник культуры, которую можно назвать кокоревской.

Фауна Кокорево I не представляет значительных отличий по горизонтам, являясь типичной для позднего палеолита Енисея без мамонта и песца. В ней преобладают северный олень и заяц-беляк, встречаются лошадь, зубр, благородный олень, архар, мелкий волк или собака и в верхнем горизонте, под вопросом, косуля. Имеются также единичные остатки птиц и грызунов.

Кокорево I и Кокорево II по инвентарю из кости и рога, как мы говорили, напоминают поселения Афонтовой горы. Наибольшее сходство обнаруживают Кокорево II и Афонтова гора II (нижний горизонт) по форме типичных костяных орудий и по изделиям из камня, которые характерны для этих стоянок. Интересно наличие здесь и там ножевидных пластинок с ретушью, хотя в Афонтовой горе они многочисленнее и выражены значительно лучше, что, возможно, объясняется наличием несравненно большей коллекции. В Кокорево I таких пластинок нет. В Афонтовой горе нет орудий из крупных пластин, таких как удлиненные наконечники копий или резцы, хотя сами по себе пластины без обработки и их сечения имеются. В то же время орудия из рога частично совпадают, как и некоторые виды украшений. Особо следует отметить находку в Кокорево II диадемы, которая характерна для Мальты и памятников Восточной Европы.

В фауне Кокорево II заметное место принадлежит мамонту, и это обстоятельство кажется не случайным, как не случайно и то, что обитатели стоянки Кокорево I (если учитывать общую площадь всех горизонтов — свыше 2000 $м^2$) не убили ни одного мамонта. В Кокорево II имеются и поделки из бивня мамонта. Это говорит если не о разновременности этих памятни-

ков, то о различном бытовом укладе. В то же время, по мнению Э. И. Равского и С. М. Цейтлина, геологически Кокорево I и Кокорево II одновременны. Этому заключению не противоречат и абсолютные даты, полученные для этих стоянок методом C_{14}: Кокорево I по данным Радиоуглеродной лаборатории Института археологии АН СССР (шифр ЛЕ-540) имеет дату 12 940 ± 270 лет, по данным ГИН-91 — 13 300 ± 50 лет; Кокорево II по данным ГИН-90 — 13 330 ± 100 лет. Если эти данные верны и Кокорево I и Кокорево II окажутся практически одновременными, то возможно будет высказать предположение о сосуществовании двух различных культурных традиций, имеющих общее происхождение. Но даже при таком предположении культура Кокорево I имеет более развитый облик, более близкий к последующим эпохам (наличие топорика отчетливо выраженной формы, вкладышевая техника с использованием необработанных микропластинок).

На Енисее нам известен пока только один памятник, аналогичный Кокорево I как по наличию очагов, сложенных из каменных плиток, так и по инвентарю — это Кокорево IV, раскоп 4 (раскопки С. Н. Астахова 1963 г.). Тем более интересно полное несовпадение дат. Образец угля из этой стоянки, исследованный методом C_{14}, дал результат 15 460 ± 320 лет (анализ Радиоуглеродной лаборатории ИА АН СССР, шифр ЛЕ-540).

Мы уже говорили о принадлежности поселения Кокорево II к афонтовской культуре. С другой стороны, можно высказать предположение, что это поселение после дальнейшего углубленного анализа материалов найдет свое продолжение в поселении Кокорево III.

Кокорево III (Каменный Лог) раскопано на площади 75 *м*^{2}. Культурный слой толщиной 15—20 *см* приурочен к отложениям конуса выноса и делювиального шлейфа, перекрывающим аллювиальные отложения II надпойменной террасы Енисея. Над культурным горизонтом видны два прослоя малиновой щебенки и гравия, совершенно аналогичные соответствующим отложениям верхней части разреза Кокорево I. Собственно культурный слой предсталяет собой тонкую углистую прослойку в буроватой рыхлой супеси. В этой прослойке, а также выше и ниже ее располагались плитки песчаника, сползшие со склона, между которыми в большом количестве залегал расщепленный кремень и обломки костей животных плохой сохранности. Фауна та же, что и в Кокорево I, но с преобладанием зайца-беляка: северный олень, лошадь, зубр, кулан, аргали, суслик, птица (ближе не определенная).

Для каменного инвентаря этого поселения характерны миниатюрные клиновидные и других форм микронуклеусы, служившие для получения узких микропластинок, часто очень сработанные. Среди них особо нужно отметить нуклеусы, по типу близкие к гобийским. Из орудий больше всего скребел, среди которых выделяются скребла мелких размеров, переходные к массивным скребкам с широким поперечным овальным рабочим краем; встречены скребки небольших размеров из отщепов, проколки, орудия типа долотовидных.

Как условия залегания, так и облик инвентаря с очевидностью свидетельствуют о более позднем возрасте стоянки Кокорево III по сравнению со стоянками Кокорево I и Кокорево II. Инвентарь Кокорево III обнаруживает значительные черты сходства с инвентарем ангарской стоянки Федяево, открытой Н. А. Логачевым и раскопанной на небольшой площади С. Н. Астаховым. Сходны нуклеусы и орудия, которые и тут и там бедны типами. В Федяево, помимо клиновидных нуклеусов очень небольших размеров (от 1,5 до 2,8 *см* высотой), найдены лишь скребла и их обломки, а также долотовидной формы орудия небольших размеров. В коллекции из Федяево нет ни скребков, ни проколок, ни изделий из кости, что, возможно, объясняется небольшой площадью раскопа. Малочисленность инвентаря Федяево затрудняет датировку стоянки, хотя С. Н. Астахов отмечает, что по «...геологическим условиям стоянка Федяево близка к небольшому ком-

плексу верхнего слоя Мальты, но, вероятно, немного древнее его»[10]. В согласии с геологическими данными, Федяево относится к самому концу сартанского оледенения. К тому же времени, по-видимому, относится и стоянка Кокорево III[11].

Слабо освещенная в литературе культура конца позднего палеолита Приангарья, включающая такие памятники, как Бадай, Черемушник, верхний горизонт Мальты, обладает рядом признаков, отличающих ее как от предшествующей ступени, так и от Верхоленской горы[12]. Исследованные Л. М. Тарасовым палеолитические местонахождения южнее с. Бадай дают огромное количество отбросов производства: отщепы, осколки, нуклеусы грубых очертаний. Имеются нуклеусы призматические, карандашевидные и клиновидные. Из орудий можно отметить скребла и ножи с односторонней и двусторонней обработкой, скребки из отщепов, крупные скребловидные и рубящие орудия, небольшое количество пластин, часть которых имеет ретушь или следы употребления. Значительно больше отщепов с ретушью[13].

Иной облик имеет культура Верхоленской горы, которая, по утверждению Г. И. Медведева, существовала в условиях голоцена и непосредственно предшествовала эпохе неолита. Этот вывод основывается на данных геологии и фауне, которая включает лося, благородного оленя, северного оленя, косулю и волка[14]. Техника обработки камня на стоянке Верхоленская гора напоминает технику обработки на поселении Кокорево I, причем наблюдается и прямое совпадение некоторых форм орудий, заготовкой для большинства которых являлась крупная пластина, снятая с призматического нуклеуса (в Верхоленской горе и сам нуклеус и снятая с него пластина более выработанной, правильной формы, более близкой к неолитической). Основное отличие в материалах этих поселений состоит в том, что на Верхоленской горе найдены двусторонне обработанные лавролистные наконечники и гарпуны, которые неизвестны в палеолите Енисея. В этом сказываются несомненно локальные особенности развития ангарского палеолита, на поздней ступени близко связанного с палеолитом Забайкалья.

Подводя итог сказанному выше, отметим, что в общих чертах пути развития енисейского палеолита Г. П. Сосновским были намечены правильно[15]. Те дополнения и уточнения, которые могут внести новые материалы, сводятся к следующему: наиболее ранний этап на Енисее — афонтовская культура, куда могут быть включены нижний горизонт Афонтовой горы II, Афонтова гора III, Кокорево II, на поздней ступени развития Таштык II. Он соответствует этапу Красного Яра на Ангаре, культура развивается по направлению к Кокорево III на Енисее и Федяево на Ангаре. Параллельно на Енисее идет развитие другой культуры, и где-то между Кокорево II и Кокорево III помещается Кокорево I, эталонный памятник кокоревской культуры. На Ангаре в это время существуют бадайская и верхоленская культуры.

Эта схематическая картина не объясняет, естественно, всей сложности реального исторического процесса и нуждается в дальнейшей разработке.

---

[10] С. Н. Астахов. Позднепалеолитическая стоянка у дер. Федяево на Ангаре. СА, 1963, 3, стр. 214.

[11] Э. И. Равскпй, С. М. Цейтлин. Ук. соч., стр. 82.

[12] М. М. Герасимов. Поздние палеолитические стоянки р. Белой. БКИЧП, 6—7, М., 1940, стр. 122—124.

[13] Отчет Л. М. Тарасова за 1957 г. Материалы хранятся в ЛОИА АН СССР.

[14] Г. И. Медведев. Место культуры Верхоленской горы в археологической периодизации Прибайкалья. Сб.: «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск, 1961, стр. 237.

[15] Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки Северной Азии. Тр. II МАИЧПЕ, V, Ленинград — Москва — Новосибирск, 1934.

В. И. ГУЛЯЕВ

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ МАЙЯ

Проблема происхождения цивилизации майя считается наиболее сложной и трудной в археологии Центральной Америки. К XVI в. племена языковой группы майя занимали территорию южномексиканских штатов Табаско, Кампече, Юкатана и Кинтана Роо, всю Гватемалу, Британский Гондурас и часть западного Гондураса. Эти границы приблизительно соответствовали распространению культуры майя и в более раннюю эпоху — в I тысячелетии (рис. 1) [1].

В работах западных исследователей признаки цивилизации майя сводятся обычно к перечислению таких черт, как иероглифическая письменность, календарь и своеобразная каменная архитектура со ступенчатым («ложным») сводом. «Термин «цивилизация майя»,— писал Сильванус Морли,— относится исключительно к той древней культуре американских индейцев, которая характеризуется тремя вышеуказанными признаками. Повсюду, где эти черты культуры встречаются вместе, там наверняка процветала когда-то цивилизация майя» [2]. Подобное определение цивилизации майя, помимо своей односторонности, страдает еще одним серьезным недостатком: под него не подпадает целая область культуры майя — Горная Гватемала. Культурное различие горных районов Гватемалы и обширной лесистой низменности (Lowlands), лежащей к северу и востоку, было замечено уже давно. Поскольку в Горной Гватемале каменная архитектура со ступенчатым сводом почти не встречается, а находки иероглифических надписей были единичны, многие археологи исключали ее из понятия «цивилизация майя». Сложилось парадоксальное положение. И в низменных, и в горных районах Гватемалы жили племена языковой группы майя, достигшие на рубеже нашей эры порога цивилизации. Но поскольку у одних не было зданий со ступенчатым сводом и иероглифических письмен, а у других они были, термин «цивилизация майя» стал применяться только к культуре населения равнинных районов [3]. На наш взгляд, здесь речь идет о двух локальных вариантах одной родственной культуры. Долгое время при решении вопроса о происхождении цивилизации майя ученые опирались на анализ письменности, календаря и скульптуры, пытаясь проследить их истоки. Тем самым вопрос о происхождении археологической культуры подменялся поисками родины иероглифической письменности и каменных стел с календарными датами. Подобный подход был характерен для всех западных исследователей — С. Морли, Э. Томпсона, М. Ковarрубиаса и др. До последнего времени в специальной литературе существовали две противоположные точки зрения.

Одно направление, состоявшее главным образом из археологов США во главе с С. Морли, отстаивало теорию о том, что классическая культура

---

[1] S. G. Morley. The Ancient Maya. Stanford, 1947, стр. 3.

[2] S. G. Morley. Указ. соч., стр. 38.

[3] A. V. Kidder, D. Jennings, E. M. Shook. Excavations et Kaminaljuyu. Guatemala. CIW Publication 561. Washington, 1946, стр. 8 (карта).

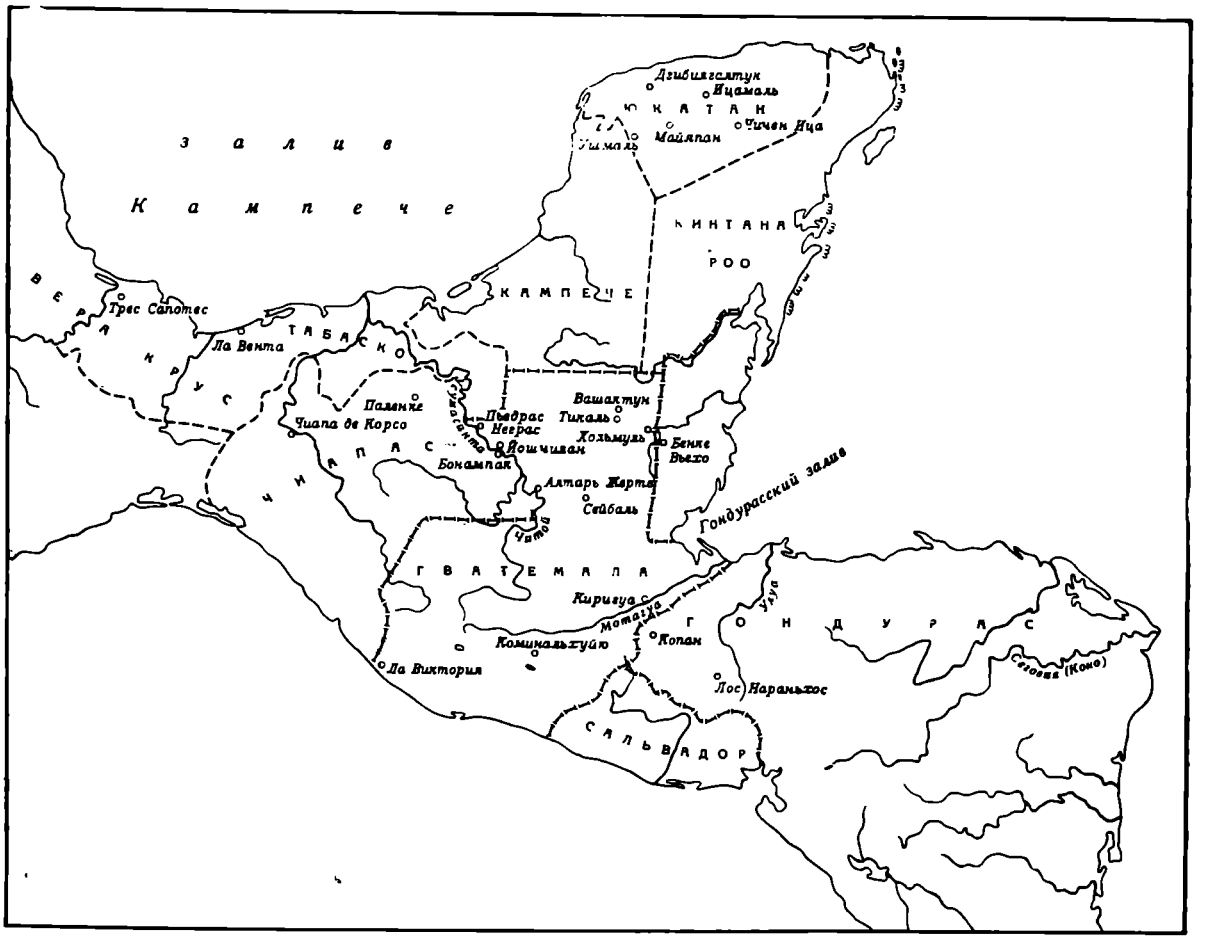


Рис. 1. Карта основных археологических памятников майя

майя [4] зародилась там, где были найдены наиболее ранние образцы иероглифической письменности, календаря и каменных построек со ступенчатым сводом, а именно — в департаменте Петен (Северная Гватемала) [5]. К такому же выводу на основе тщательного анализа мотивов искусства майя пришла Т. Проскурякова (США) [6].

Совершенно иных взглядов на данный вопрос придерживаются некоторые мексиканские исследователи. Известный искусствовед С. Тоскано считает, например, что предки майя пришли в бассейн р. Усумасинты и в Петен лишь в I—II вв. с атлантического побережья Мексики [7]. С более прочным обоснованием этой точки зрения выступил позднее М. Коваррубиас. Опираясь на конкретные факты, он показал, что наиболее ранние образцы календаря майя найдены не на их территории, а западнее — в области ольмеков. Там наиболее ранняя находка этого рода — стела «Ц» из Трес Сапотес (Веракрус) — имеет календарную дату, соответствующую 31 г. до н. э., тогда как древнейшие образцы майяской эпиграфики, найденные до сих пор, относятся лишь к III в.

Используя этот факт, Коваррубиас выдвинул гипотезу о происхождении цивилизации майя на территории мексиканских штатов Веракрус и

---

[4] В настоящее время историю майя делят на три больших периода: доклассический или архаический (1500 г. до н. э.— 300 г. н. э.); классический (300—900 гг.) и пост-классический (900—1500 гг.) (G. Willey. Mesoamerica. New York, 1962. Схема археологических эпох). Под термином «классическая культура майя» западные археологи понимают культуру равнинных районов майя в эпоху цивилизации.

[5] S. G. Morley. Ук. соч., стр. 42, 43.

[6] T. Proskouriakoff. Definitions of Maya Art and Culture..., «The Art Quarterly», 22, 2, New York, 1959, стр. 116.

[7] S. Toscano. Arte Precolombino de Mexico y de la America Central. Mexico, 1944, стр. 24—25.

Табаско, т. е. на территории ольмеков [8]. На таких же позициях стоит и советский исследователь Ю. В. Кнорозов, считающий, что майя, вооруженные всеми достижениями цивилизации, пришли в Петен и на Юкатан сравнительно поздно, в начале нашей эры. Основной его аргумент состоит в том, что самые ранние образцы календаря и письменности майя найдены в области ольмеков [9].

Таким образом, сторонники обоих направлений подменяют фактически вопрос о происхождении культуры вопросом о происхождении письменности и календаря. В последние годы ряд западных археологов уделяет все большее внимание доклассическим (раннеземледельческим) памятникам на территории майя, справедливо считая их той основой, на которой выросла яркая цивилизация местных индейских племен [10]. Однако дальше общих рассуждений и гипотез дело не идет. Специальных аргументированных работ по проблеме в целом до сих пор нет. Многих исследователей на Западе смущает тот резкий качественный скачок, который знаменует собой переход от сравнительно простой культуры ранних земледельцев (доклассический период) к цивилизации; отсутствие в ряде областей постепенных этапов развития культуры и т. д. Тем не менее сама постановка вопроса о поисках корней цивилизации майя в культуре предшествующего доклассического периода заслуживает внимания.

Если мы обратимся к древнейшим памятникам майя, то можно без особого труда установить, что на большей части низменных тропических районов (Lowlands Maya) первые следы обитания появляются лишь на рубеже II — I тысячелетий до н. э.

С другой стороны, горные районы (Highlands Maya), включающие плоскогорья Чиапаса, Центральную Гватемалу и часть Гондураса, содержат памятники глубокой древности, уходящие своими корнями к периоду первого появления человека в этих местах (IX—VIII тысячелетия до н. э.). Начиная с 1000 г. до н. э. развитие культуры в низменных районах майя протекает без заметного перерыва вплоть до появления цивилизации. Поскольку существует предположение, что именно эта доклассическая культура ранних земледельцев послужила питательной средой для всех последующих достижений эпохи цивилизации, нам необходимо решить следующие вопросы:

1) происхождение доклассической (раннеземледельческой) культуры в низменных районах майя (Lowlands) и ее связь с культурой горных районов;

2) преемственность доклассической и классической культур в низменных районах майя.

1. Происхождение доклассической культуры в низменных районах майя

Освоение области тропических джунглей на территории майя началось, по-видимому, лишь в самом конце II тысячелетия до н. э. Об этом свидетельствует полное отсутствие здесь следов предшествующего обитания, почти одновременное появление раннеземледельческих памятников на всей этой огромной территории от Юкатана до р. Улуа в Гондурасе, а также вполне сложившийся облик культуры населения, оставившего эти памятники. Столь позднее освоение майя области тропических лесов на фоне культурного развития других частей Мезоамерики [11] не является чем-то неожиданным.

---

[8] M. Covarrubias. The Indian Art of Mexico and Central America. New York, 1957, стр. 210—211.

[9] Ю. В. Кнорозов. Письменность индейцев майя. М.— Л., 1963, стр. 8.

[10] G. Willey. Mesoamerica. New York, 1962; его же. An Archaeological Frame of Reference for Maya Culture History. «Desarrollo cultural de los Mayas». Mexico, 1964.

[11] Под термином «Мезоамерика» понимается район, включающий Мексику, Гватемалу и Гондурас.

Общеизвестно, что древнейшие очаги земледелия возникали прежде всего в горных тропических и субтропических районах, создававших наиболее благоприятные условия для развития полезных растений и жизни человека. Освоение низменных лесистых областей происходило, как правило, значительно позднее — с развитием земледельческого хозяйства и общего уровня культуры. Эти наблюдения, сделанные советским ботаником Н. И. Вавиловым [12], находят свое подтверждение в археологическом материале Мезоамерики. Древнейшие очаги земледелия, согласно последним исследованиям [13], приурочены там именно к горным районам — Тамаулипас (северо-восточная Мексика), Пуэбла и Оахака (юго-восточная Мексика), Чиапас и Горная Гватемала. Для нас особый интерес представляют районы, вошедшие позднее в состав территории культуры майя, а именно — Чиапас, Центральная (горная) Гватемала и часть Гондураса. Следы пребывания человека в этих местах относятся еще к IX—VII тысячелетиям до н. э., т. е. к эпохе первобытных охотников верхнего плейстоцена (например, каменный наконечник копья типа Кловис из Сан Рафаэль в Гватемале) [14].

Вторая крупная докерамическая эпоха приходится на отрезок времени между 7000 и 2000 гг. до н. э. Она характеризуется кремневыми орудиями, указывающими на преобладание хозяйства, основанного на охоте за мелкой дичью, собирательстве и начатках земледелия. Среди находок этого времени из западных (горных) районов территории майя особое значение имеет комплекс вещей из грота Санта Марта в штате Чиапас (Мексика). Древнейшие слои этого памятника содержали камни для разбивания орехов, терочники из булыжников, примитивные зернотерки, маленькие метательные наконечники, «чопперы» и скребки. По радиокарбонному анализу, эти слои относятся к VI—IV тысячелетию до н. э. [15]. Стратиграфия из грота Санта Марта позволяет сделать вывод о существовании преемственности различных форм местной культуры от докерамической эпохи (VI тысячелетие до н. э.) до появления развитого земледелия и керамики (этап Которра : 1500—1000 гг. до н. э.).

Этот факт косвенным образом может свидетельствовать о том, что предки майя обосновались в Чиапасе еще в глубокой древности. Следующая эпоха — доклассическая или архаическая [16] (1500—100 гг до н. э.) — отражает важнейшие изменения в экономике и культуре местного населения. На рубеже III и II тысячелетий до н. э. здесь (в горных районах майя и в других частях Мезоамерики) появляются раннеземледельческие культуры неолитического облика с маисовым земледелием, развитой керамической традицией и культом глиняных женских статуэток. Обычно эту эпоху делят на три этапа в соответствии с изменениями в формах керамики и статуэток и на основе характера поселений: ранний (1500—1000 гг. до н. э.); средний (1000—500 гг. до н. э.) и поздний (500—100 гг. до н. э.).

Как уже говорилось выше, памятники раннего доклассического этапа на территории майя встречаются только в горных районах. Наиболее важными среди них являются Чиапа де Корсо в штате Чиапас Мексики (этап Чиапа I или Которра, датируемый по C_{14} 1500—1000 гг. до н. э.) [17], Ками-

---

[12] Н. И. Вавилов. Проблема происхождения мирового земледелия. М.— Л., 1932, стр. 5, 6.

[13] R. MacNeish. The First Annual Report of the Tehuacan Archaeological-Botanical Project. Andover, 1961, стр. 8; его же. The Second Annual Report..., Andover, 1962.

[14] M. D. Coe. A Fluted Point from Highland Guatemala. AA, 25, 3, 1960, стр. 412—413.

[15] R. MacNeish, F. Peterson. The Santa Marta Rock Shelter Ocozocoautla. Chiapas, Mexico. Papers of the NWAF, 14. Publication 10. Provo, Utah, 1962.

[16] Наиболее распространенные термины для эпохи ранних земледельцев таковы: архаическая, средняя, формативная, доклассическая.

[17] G. Lowe, P. Agrinier. Mound 1, Chiapa de Corzo... Papers of the NWAF, 8, Provo, Utah, 1960, стр. 7.

нальхуйю в Горной Гватемале (этап Аревало — 1500—1000 гг. до н. э.) [18]; Ла Виктория на тихоокеанском побережье Гватемалы (этап Окос — 1500—1000 гг. до н. э.) [19] и, наконец, этапы Ярумела I и «йохоа монохромный» в Гондурасе (2000—1000 гг. до н. э.) [20]. Все эти ранние памятники, несмотря на свою огромную удаленность друг от друга, имеют много общего, причем некоторые специфические параллели никак не объяснишь на основе конвергенции или культурных контактов. Так, материалы этапа Окос в Ла Виктории и Чиапа I в Чиапа де Корсо содержат идентичный тип лепных глиняных статуэток и практически идентичные формы керамики: тонкостенные кувшины без горла с жалобчатым орнаментом, красные блюда с плоскими днищами и утолщенным краем и т. д. [21]. Позднее эти связи выступают еще отчетливее. Основываясь на этом факте, ряд исследователей выдвинул гипотезу о том, что в доклассический период племена прамайя, создатели одной большой родственной культуры, занимали всю территорию Южной Мексики, Гватемалу и Гондурас, начиная от Веракрус и до р. Улуа [22]. На наш взгляд, подобное предположение вполне оправдано на современном уровне наших знаний.

Средний этап доклассической эпохи (1000—500 гг. до н. э.) отмечается повсеместным распространением памятников ранних земледельцев в низменных тропических районах майя. Одновременность их появления на огромной территории и развитый облик культуры, не имеющей местных корней, указывают на пришлый характер этого населения. В то время как в низменной области началась широкая колонизация тропических лесных массивов, в горных районах майя (Гватемала, Чиапас) продолжали развиваться старые традиции раннеземледельческой культуры.

Какова же взаимосвязь тех и других областей? Следует отметить, что доклассические памятники в Lowlands известны нам пока довольно плохо. Совершенная керамическая периодизация была создана лишь для одного центра — Вашактуна (Петен, рис. 2). Наиболее ранние слои этого города содержали материалы доклассического времени, которые авторы раскопок разделили на два этапа: Мамом (средний этап доклассического времени, 1000—400 гг. до н. э.) и Чиканель (поздний этап доклассического времени, 400—100 гг. до н. э.) [23].

Эти этапы стали своеобразным эталоном доклассической культуры майя в низменных районах. Керамика этапа Мамом имеет восковую на ощупь поверхность как у ангобированных, так и у лощеных сосудов. Преобладают сосуды с монохромной поверхностью — плоскодонные тарелки и чаши, большие кувшины. Характерной чертой являются маленькие петлеобразные ручки. Сосуды на ножках совершенно отсутствуют. Орнамент преимущественно резной и желобчатый. Специфическую черту керамики Мамом образуют сосуды кремового цвета с красной росписью. Очень распространены в это время лепные глиняные статуэтки с белым ангобом [24].

Керамика, близкая материалам этапа Мамом из Вашактуна, встречается на ряде других памятников доклассического времени из низменных рай-

---

[18] A. V. Kidder. Archaeological Investigations of Kaminaljuyu. PAPS, 105, 6, Philadelphia, 1961, стр. 569.

[19] M. Coe. La Victoria. An Early Site on the Pacific Coast of Guatemala. PPM, 53, Cambridge, Massachussets, 1961. Хронологическая таблица.

[20] I. S. Canby. Possible Chronological Implications of the Long Ceramic Sequence at Yarumela, Honduras. Selected Papers of the 29th ICA, Chicago, 1951, стр. 80.

[21] M. Coe. La Victoria..., стр. 123.

[22] R. MacNeish. An Early Archeological Site near Pancca, Vera Cruz. Transactions of the Amer. Philosophical Society, нов. сер. 44, 5, Philadelphia, 1954; R. Wauchope. A Tentative Sequence of Preclassic Ceramics in Middle America. Middle Amer. Research Institute. Publication 15. Middle Amer. Research. Records, 1, 14, New Orleans, 1950.

[23] R. E. Smith. Ceramic Sequence at Uaxactun, I, New Orleans, 1955, стр. 7.

[24] Там же, стр. 21.

онов: в Сан Хосе Британского Гондураса (этап Сан Хосе I) [25], в Тикале [26], в Сейбале [27] и в Алтаре Жертв. Раскопки последнего поселения имеют особо важное значение. Там были найдены материалы более ранние, чем керамика этапа Мамом (Вашактун). Древнейший керамический этап Алтаря Жертв — «Ше» начинается, судя по данным C_{14} и стратиграфии, около

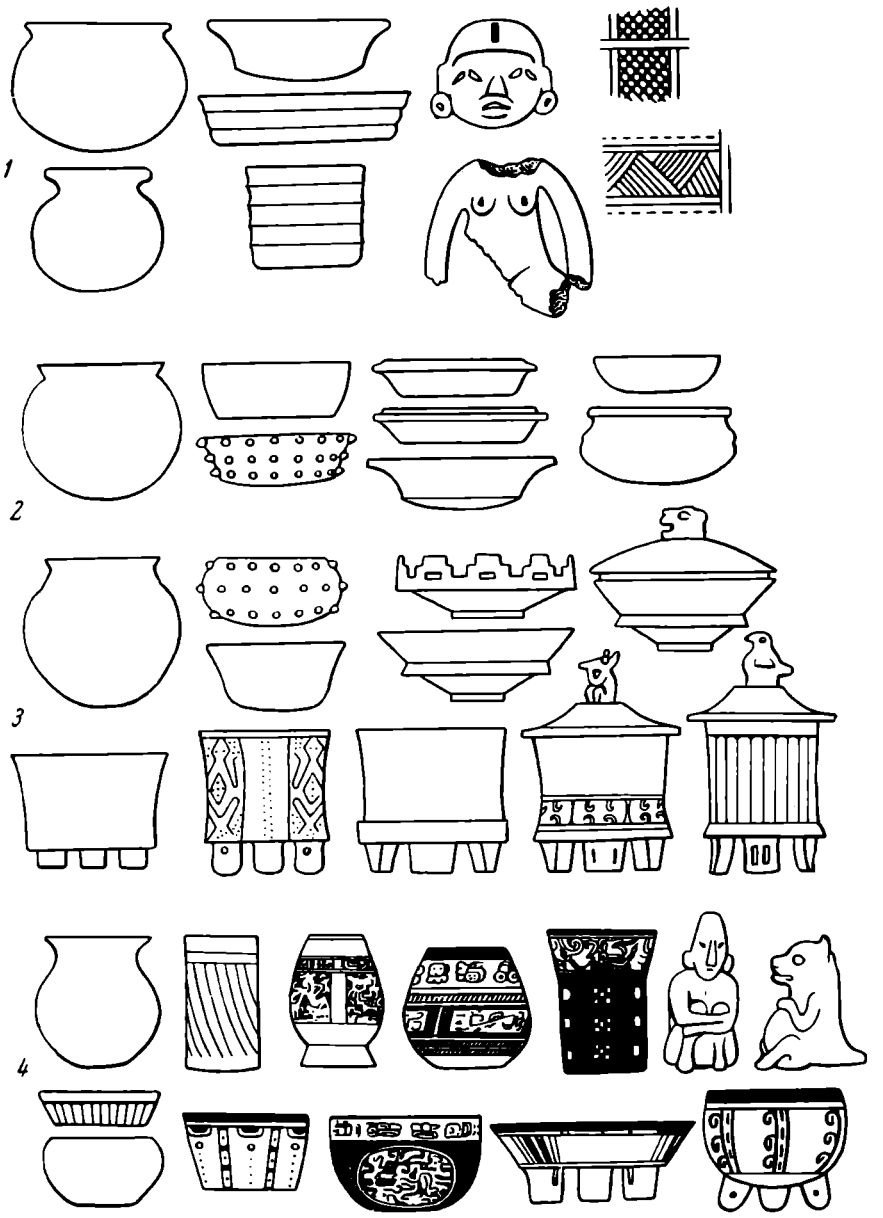


Рис. 2. Схема керамических этапов для города Вашактуна (Сев. Гватемала):

1 — Мамом, *2* — Чиканель, *3* — Цаколь, *4* — Тепеу

1100 гг. до н. э. Кроме того, керамика «Ше» имеет поразительное сходство с материалами этапа Дили или Чиапа II в Чиапа де Корсо (1000—550 гг. до н. э.) из соседнего Чиапаса, где истоки культурного развития прослеживаются непрерывно, начиная с VII—VI тысячелетий до н. э. [28]. Роберт Смит, много лет занимавшийся керамикой Вашактуна, установил, что наиболее близкие параллели материалам этапа Мамом имеются в Горной Гва-

[25] I. E. Thompson. Excavations at San Jose, Brit. Honduras. CIW Publication 506. Washington, 1939, стр. 49.

[26] W. A. Coe. Summary of Excavation at Tikal. Estudios de cultura Maya, III, Mexico, 1963.

[27] R. Adams. Seibal, Peten: una secuencia ceramica preliminar Estudios de cultura Maya, III, стр. 86.

[28] G. Willey, A. L. Smith. New Discoveries at Altar de los Sacrificios Guatemala. «Archaeology», 16, 2, New York, 1963, стр. 85.

темале (этап Лас Чаркас, Каминальхуйю). Там сосуды типа «красным по белому» удивительно напоминают вашактунскую керамику «красным по кремовому» [29].

На п-ове Юкатан (Мексика) в течение последних лет велись интенсивные раскопки крупного города майя — Дзибилчалтуна, расположенного в нескольких километрах от современной Мериды. На большой глубине под остатками грандиозных архитектурных сооружений классической эпохи были обнаружены материалы предшествующего доклассического времени. Наиболее ранние находки из Дзибилчалтуна, с одной стороны, тесно связаны с керамикой этапа Мамом в Петене, а с другой — с материалами Эскалеры или Чиапа III из Чиапа де Корсо. При этом многие образцы керамики из Чиапы почти невозможно отличить от сосудов из древнейших слоев Дзибилчалтуна [30] (Чиапа III относится, по данным C_{14}, к 550—450 гг. до н. э.).

О тесных связях между материалами Чиапа де Корсо и Горной Гватемалы (особенно тихоокеанского ее побережья) на раннем этапе доклассического времени уже говорилось выше. Позднее эти связи сохраняются, а в некоторых случаях становятся еще более тесными. Значительное сходство с древнейшей керамикой Вашактуна демонстрируют материалы из раскопок доклассических памятников в Британском Гондурасе: Сан Хосе (Сан-Хосе I) [31], Бенке Вьехо (этап I-а) [32], Нохоч Эк (этап I) [33], Кашаль Куниль [34] и др.

Таким образом, и в горных и в низменных районах майя наблюдается на среднем этапе доклассического периода удивительная близость культуры, что связано, вероятно, с ее общим происхождением. Позднее, в позднеархаическое время, внутри этой территории ярко выступают едва заметные прежде локальные различия.

На основании сказанного выше можно сделать следующие выводы:

1. Древнейшие памятники ранних земледельцев в низменных районах майя появляются на рубеже II и I тысячелетий до н. э.

2. Отсутствие следов предшествующего развития на данной территории, почти одновременное возникновение поселков древних земледельцев от Юкатана до Гондураса и, наконец, вполне сложившийся облик культуры, появившейся там, доказывают, на наш взгляд, пришлый характер культуры майя в этой области.

3. Анализ доклассических памятников из низменных районов майя показывает, что они тесно связаны с синхронными им культурами Чиапаса и Горной Гватемалы. Эти последние — единственные области, населенные племенами языковой группы майя, где культурное развитие не ограничивается средним этапом доклассического периода, а уходит в глубь тысячелетий.

4. Горные районы майя, Чиапас и Центральная Гватемала являлись, по-видимому, древнейшими очагами земледелия в Мезоамерике, о чем свидетельствует комплекс из грота Санта Марта.

5. С возникновением земледелия развитие культуры здесь продолжается без заметных перерывов, вплоть до европейского завоевания.

6. Изложенное дает основание предполагать, что именно горные районы Чиапаса и Гватемалы были местом происхождения раннеземледельческой

---

[29] R. E. Smith. Ук. соч., стр. 7.

[30] W. Andrews. Excavaciones en Dzibilchaltun Yucatan, 1956—1962. Estudios de cultura Maya, II, Mexico, 1962, стр. 161.

[31] I. E. Thompson. Excavations at San Jose..., стр. 49—50.

[32] I. E. Thompson. Late Ceramic Horizons at Benque Viejo. CIW Publication 528. Washington. 1942.

[33] W. Coe, M. Coe. Excavations at Nohoch Ek, Brit. Honduras, AA, 21, 4, 1956, стр. 372.

[34] I. E. Thompson. Archaeological Investigation in the Southern Cayo District. Brit. Honduras. Field Mus. of Nat. History. Publication 301, антропологич. сер. XVII. 3, Chicago, 1931, стр. 330—332.

культуры майя. На рубеже II и I тысячелетий до н. э. выходцы из горных районов начинают освоение почти безлюдных до этого районов тропических джунглей в Южной Мексике и Северной Гватемале.

7. К концу среднего этапа доклассической эпохи (600—500 гг. до н. э.) колонизация большей части низменной области майя была завершена.

8. Начиная с этого времени, развитие культуры в Lowlands протекало более или менее самостоятельно, через последовательно сменяющие друг друга этапы, вплоть до появления цивилизации:

а) Мамом (1000—400 гг. до н. э.),

б) Чиканель (400—100 гг. до н. э.),

в) Мацанель или Хольмуль I (100 г. до н. э.— 100 г. н. э.).

Первые два этапа относятся к доклассическому времени. Третий отражает переходный этап между раннеземледельческой культурой и цивилизацией.

2. Проблема преемственности доклассической и классической культуры майя

Теперь наша задача сводится к тому, чтобы проследить преемственность доклассической и классической культур в низменных районах майя. Выше уже отмечалось, что многие зарубежные исследователи признают факт происхождения цивилизации майя на основе местной раннеземледельческой культуры. Но как только дело доходит до анализа конкретного материала, они недоумевают по поводу резкого качественного отличия археологических памятников майя эпохи цивилизации от более скромной культуры предшествующего времени.

Сложная каменная архитектура, развитая религия, зрелый характер классического искусства майя — все это настолько не походит на скромные памятники ранних земледельцев, что многие археологи на Западе стали поговаривать о загадочной внезапности появления блестящих достижений майя в этом районе, об отсутствии местных корней и т. д. Этот непонятный, на первый взгляд, разрыв в плавной эволюции местной культуры создавал благоприятную почву для всякого рода спекуляций относительно происхождения цивилизации майя. Некоторые исследователи вполне серьезно принялись искать корни искусства майя среди древних цивилизаций Старого Света [35].

В действительности, несмотря на очевидное различие доклассической культуры майя и культуры эпохи цивилизации, вполне понятное при переходе общества от первобытнообщинного строя к классовому, преемственность между ними прослеживается довольно четко, причем в ключевых областях материальной культуры.

А. Архитектура. Благодаря многолетним раскопкам городов майя исследователи собрали сейчас множество важных сведений о каменной архитектуре. Несмотря на ряд локальных отличий, для всех архитектурных стилей цивилизации майя свойственно несколько общих признаков: употребление ступенчатого свода; планировка архитектурных сооружений в особые комплексы, состоящие из построек, расположенных вокруг прямоугольных двориков или площадей; повсеместное использование стилобатов — высоких фундаментов в виде усеченных пирамид; концентрация важнейших религиозных и административных зданий города на возвышенных местах — «акрополях» и т. д.

Хотя архитектура майя классического периода изучена довольно хорошо, многие важнейшие вопросы, связанные с ней, по-прежнему остаются нерешенными. Особенно много споров вызывает вопрос о времени и месте происхождения ступенчатого свода — наиболее специфической черты ар-

[35] R. Heine-Geldern, G. Ekholm. Significant Parallels in the Symbolic Art of Southern Asia and Middle America. Selected papers of the 29th ICA, 1, Chicago, 1951.

хитектуры майя. Ряд исследователей, в их числе С. Морли [36] и А. Смит [37], пришли к выводу о местном происхождении этой черты. Они ссылались при этом на то, что наиболее ранние образцы каменных зданий со ступенчатым сводом появляются раньше всего в Петене и Британском Гондурасе в 300—400 гг. (рис. 3).

Возникновение архитектуры со сводом рассматривается многими археологами как начало эпохи цивилизации в низменных районах майя.

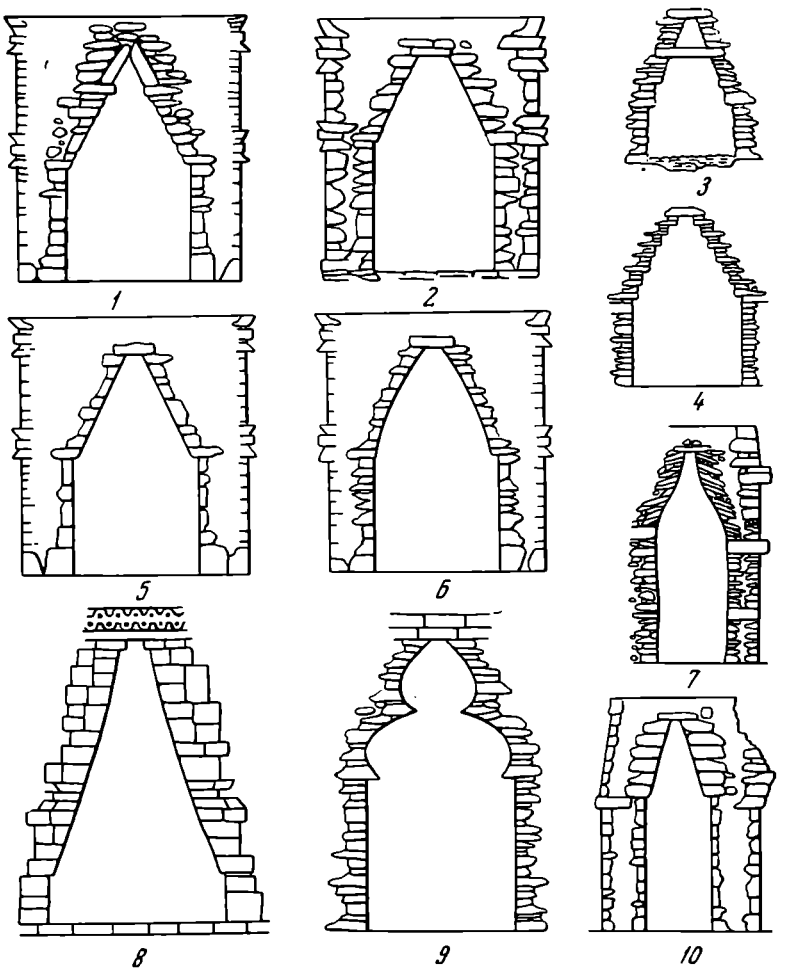


Рис. 3. Типы ступенчатого («ложного») свода у майя:

1, 10 — Чичен-Ица; *2* — типичный свод Древнего царства; *3, 9* — Паленке; *4, 7* — Вашактун; *5, 6* — типичный свод Нового царства; *8* — Ушмаль

Археологические работы последних лет значительно исправляют прежнюю точку зрения. В 1962 г. в Алтаре Жертв на северо-западе Петена внутри древней пирамиды позднеархаического времени была обнаружена гробница, сложенная из блоков красного песчаника. Перекрытие ее было сделано с использованием ступенчатого свода. Керамика, найденная внутри пирамиды, относится к местному этапу Планча, что соответствует приблизительно 300—100 гг. до н. э. [38].

Почти аналогичная гробница со ступенчатым сводом была обнаружена в крупнейшем городе майя — Тикале (департамент Петен, Гватемала). Первоначально, на основе данных C_{14}, эту гробницу отнесли к 300 г. до н. э. Позднее авторы раскопок пересмотрели свои выводы и датируют теперь эту находку рубежом нашей эры [39]. Однако столь поспешное изменение

[36] S. G. Morley. The Ancient Maya. Stanford, 1947, стр. 42.

[37] A. L. Smith. The Corbeled Arch in the New World. Сб.: «Maya and their Neighbors». New York, 1940, стр. 203.

[38] G. Willey, A. Smith. New Discoveries at Altar de Sacrificios. «Archaeology», 16, 2, New York, 1963, стр. 88.

[39] W. Coe, R. McGinn. Tikal. «Expedition», 5, 2, Philadelphia, 1963, стр. 31—33.

взглядов вызывает вполне законные сомнения. Дело в том, что керамика из этой гробницы (Burial 85) относится к этапу Каук — местной разновидности Чиканеля, и, по словам автора раскопок Уильяма Ко, датируется концом архаического (доклассического) периода, т. е. 200—100 гг. до н. э. [40].

Следовательно, на территории Петена первые образцы каменных сооружений со ступенчатым сводом появляются еще в позднеархаическое время. Гробницы со сводом продолжали употребляться и в течение следующего переходного периода (Мацанель или Хольмуль I) [41], т. е. в 100 г. до н. э.— 100 (200) гг. н. э. (рис. 4). Конечно, это были в техническом отношении еще довольно простые сооружения — каменные гробницы с низкими стенами. Но сам принцип сводчатых перекрытий был уже изобретен. В дальнейшем, по мере развития технического мастерства, майяские архитекторы стали применять ступенчатый свод и при сооружении крупных зданий — дворцов и храмов.

Рис. 4. Каменная гробница со ступенчатым сводом из города Хольмуль (Сев. Гватемала)

Другой характерной чертой архитектуры майя является планировка зданий вокруг прямоугольных двориков и площадей. По мнению Г. Уилли, первые признаки подобной планировки появляются в Горной Гватемале еще в среднеархаическое время (1000—500 гг. до н. э.) [42]. Но широкое ее распространение приходится на позднеархаический этап истории майя (500—100 гг. до н. э.). Она представлена почти на всех крупных памятниках майя — как в горных, так и в низменных районах,— которые имеют слои этого времени (постройки группы «Е» этапа Чиканель в Вашактуне, в том числе знаменитая пирамида E-VII-суб [43]; архитектурные комплексы Тикаля [44], Алтаря Жертв [45] и др.). С позднеархаического времени начинается также использование отесанных каменных блоков и известкового раствора, облицовка храмов слоем белого штука и т. д.

Примечательно, что ряд памятников эпохи цивилизации демонстрирует полное совпадение планировки с позднеархаическими архитектурными ансамблями. Во многих местах расположение архаических построек предопределило планировку последующих комплексов. Строители раннеклассического периода (начало эпохи цивилизации) попросту расширяли старые холмы-фундаменты, заключив их внутрь новых более крупных сооружений. И при каждой перестройке этот процесс повторялся опять. Таким образом, холмы, относящиеся к эпохе цивилизации, заключают в себе по несколько пирамид предшествующего времени.

Примерно в то же время, т. е. в конце архаического периода, появляется архитектурный комплекс типа «акрополя», хорошо известный среди классических памятников майя. «Акрополь» — естественное или искусст-

[40] W. Coe. A Summary of Excavation and Research at Tikal. Estudios de cultura Maya, III, стр. 44.

[41] Гробницы в Хольмуле, Вашактуне, Сан-Хосе и других местах.

[42] G. Willey. An Archaeological Frame..., стр. 143, 146.

[43] O. G. Ricketson, E. B. Ricktson. Uaxactun, Guatemala, Group E, 1926—1931. CIW Publication 477. Washington, 1937, стр. 72.

[44] W. Coe. A Summary of Excavation..., стр. 41—44.

[45] G. Willey, A. L. Smith. New Discoveries..., стр. 86—88.

венное возвышение, на котором были сосредоточены важнейшие ритуальные и административные здания города. Часто поверхность площадки на вершине такого холма покрывалась каменной вымосткой или слоем штука. «Акрополь» подобного типа был обнаружен при раскопках города Дзибилчалтуна на Юкатане. Судя по керамике, соответствующей этапу Чиканель (в Петене), этот комплекс относится к позднеархаическому времени [46]. В Тикале подобный «акрополь» возникает около 200 г. до н. э. [47].

Рис. 5. Образцы керамики переходного этапа Хольмуль I

Б. Керамика. Одним из важнейших признаков любой археологической культуры является керамика. Начало эпохи цивилизации в низменных районах майя совпадает с широким распространением керамики с полихромной росписью. Таким образом, вопрос о времени и месте ее происхождения имеет немаловажное значение. Впервые сосуды с полихромной росписью мы встречаем в низменных районах майя во время переходного периода от архаики к цивилизации (этап Хольмуль I или Мацанель). Эта керамика содержит в себе как черты предшествующего (архаического) периода, так и новые черты, свойственные уже классической культуре майя. Она имеет, например, лощеную (лаковую) поверхность, характерную для керамической традиции этапа Цаколь (раннеклассический пе-

[46] W. Andrews. Excavaciones en Dzibilchaltun Yucatan, 1956—1962. Estudios de cultura Maya, II, стр. 161.

[47] W. Coe. Tikal, Guatemala. «Expedition», 6, 1, Philadelphia, 1963, стр. 35.

риод), и восковидную на ощупь поверхность, свойственную сосудам этапа Чиканель (позднеархаическое время). Полихромная роспись сочетается здесь с большой толщиной стенок и тетраподной формой, что придает этой керамике известную архаичность (рис. 5). Та же двойственность прослеживается и в орнаментации сосудов: на одном и том же сосуде желобчатый орнамент и оранжевый цвет поверхности (типичные для керамики Чиканеля) сочетаются зачастую с полихромной росписью [48].

Наиболее ярким доказательством местного происхождения полихромной керамики служат материалы из Сан Хосе — небольшого древнего поселения в Британском Гондурасе. Там развитие местной культуры, начавшись от среднеархаического этапа Сан Хосе I, доходит до конца классического периода (Сан Хосе V) [49]. Часть материалов Сан Хосе I характеризуется керамикой, близкой Чиканелю — позднеархаическому этапу Петена. Среди характерных форм керамики этого времени можно назвать монохромные и бихромные кувшины, чаши и тарелки. 81% всей керамики Сан Хосе I имел примесь кальцита и 16,5% — шамота [50].

Между этапами Сан Хосе I (архаический период) и Сан Хосе II (начало классического периода) нет никакого разрыва; напротив, здесь налицо преемственность в формах керамики. Но в Сан Хосе II, кроме бытовой посуды, впервые появляются сосуды с полихромной росписью — так называемые «чаши с боковым выступом у основания» (basal flange bowls). При анализе керамики Сан Хосе II оказалось, что 91,9% всей бытовой и 93% полихромной посуды содержит примесь кальцита — характерная черта местной керамики на протяжении всех этапов ее развития [51]. Аналогичное открытие было сделано на древнем поселении № 1 в Лос Нараньхос, на северном берегу оз. Йохоа в Гондурасе. Там в одной из траншей, обозначенной литерой «А», верхний слой содержал обломки полихромной керамики. Затем шел стерильный слой желтой глины и гравия до 50 *см* толщиной, а под ним — черно-коричневый слой с монохромной и бихромной керамикой. Подавляющее большинство сосудов из этого нижнего слоя имело тесто с примесью дресвы и песка.

При анализе примесей полихромной посуды из верхнего слоя было установлено, что они ничем не отличаются от керамики нижнего слоя. Авторы раскопок сделали вполне оправданный вывод о том, что керамика обоих горизонтов была сделана из местной глины, а стало быть — и местными мастерами [52]. Конечно, очень трудно решать вопрос о преемственности керамических традиций майя только на основе тех немногих публикаций, которыми мы сейчас располагаем. Но при желании следы такой преемственности можно обнаружить на многих хорошо изученных памятниках майя.

В. Погребальный обряд майя. Это — одна из наиболее плохо изученных сторон их культуры, что связано, прежде всего, с явной недооценкой значения погребального обряда как важного исторического источника многими западными археологами. Очень редко погребения на территории майя являются основной целью работ. Обычно их находят и исследуют попутно с раскопками различных архитектурных сооружений. Отсюда постепенно сложилось убеждение, что захоронения под полами или внутри зданий— чуть ли не единственный обряд погребений у майя в классическую эпоху. Разница состоит лишь в том, что каменные гробницы знати и жрецов устроены под основаниями храмов и «дворцов», а могилы простого люда — под полами их убогих домов с тростниковыми крышами. Погребальный обряд интересует нас здесь лишь как источник доказа-

[48] R. E. Smith. Ceramic Sequence at Uaxactun. New Orleans, 1955, стр. 22.
[49] I. E. Thompson. Excavations at San Jose..., стр. 49—50.
[50] I. E. Thompson. Ук. соч., стр. 154.
[51] Там же, стр. 159.
[52] D. Strong, A. V. Kidder II, D. Paul. Preliminary Report on the Smithsonian Inst.— Harvard Univ. Archaeological Expedition to Northwestern Honduras, 1936. Smithsonian Miscellaneous Collections, 97, 1, Washington, 1938, стр. 112.

тельств в пользу преемственности архаической и классической культуры майя.

Погребения среднеархаического времени из низменных районов майя нам почти неизвестны. Исключение составляет большой могильник Плайя де лос Муэртос на берегу р. Улуа в Гондурасе. Это — южная граница культуры майя. Керамика и лепные статуэтки из погребений Плайя де лос Муэртос необычайно близки материалам среднеархаического этапа Мамом в Петене (1000—400 гг. до н. э.).

Погребение № 3 этого могильника содержало скелет взрослого мужчины, лежащего лицом вниз, вытянуто, с руками, прижатыми вдоль туловища. Наиболее интересной чертой его является наличие искусственной деформации черепа [53]. Обычай искусственной деформации лобной части черепа — характерная черта внешнего облика майя вплоть до прихода испанцев. Описание этого обычая можно встретить у многих ранних хронистов.

Погребение № 5 интересно тем, что во рту скелета между верхними и нижними зубами черепа лежала одна нефритовая бусина [54]. Многие погребения классического периода в таких городах, как Тикаль, Вашактун, Пьедрас Неграс и т. д., демонстрируют тот же самый обычай [55]. Он доживает, по-видимому, у майя вплоть до появления европейцев. Описание этого обряда содержится у Диего де Ланды: «...умерших они завертывали в саван, набивая им рот размолотой кукурузой и с ней несколько камешков из тех, что они употребляют как монеты» [56] (имеется в виду нефрит.— *В. Г.*).

Погребения последующего, позднеархаического этапа известны нам значительно лучше. Да и преемственность их с классическими захоронениями выступает гораздо ярче.

В Вашактуне было найдено 116 погребений различного времени: от Мамома (среднеархаический этап) до Тепеу (позднеклассический этап). Причем подавляющая их часть содержала скелеты с искусственно деформированной лобной частью. Фигурное подпиливание зубов — еще одна характерная черта облика майя — практиковалось на всех этапах жизни города от Мамома до Тепеу [57]. Тогда же появляется и еще одна особенность — инкрустация зубов кусочками нефрита и других минералов [58].

К концу архаического периода различия между рядовыми погребениями и гробницами знати и жрецов выступают уже вполне отчетливо. Рядовые захоронения представляют собой простые ямы, иногда с каменной облицовкой по стенам. Их инвентарь состоит из нескольких глиняных сосудов, одного-двух украшений (нефрит, раковины, кость) и каменных орудий (например, простые погребения этапа Чиканель из города Вашактуна).

Одновременно в различных частях территории майя, как в горных, так и в низменных, встречаются пышные гробницы аристократии и жреческой верхушки. К числу наиболее ранних находок этого рода относятся гробницы из пирамиды E-III-3 в Каминальхуйю (Горная Гватемала). Судя по керамике, они принадлежат местному позднеархаическому этапу Мирафлорес [59]. Обе гробницы были устроены внутри крупнейшей пирамиды Каминальхуйю, достигающей 20 *м* высоты. Перекрытие держалось на деревянных столбах. Стены были сложены из адобов. В число погребальных приношений входило 400 глиняных сосудов, множество нефритовых укра-

---

[53] D. Popenoe. Some Excavations at Playa de los Muertos. Ulua River, Honduras. «Maya Research», 1, 2, New York, 1934, стр. 68.

[54] Там же, стр. 70.

[55] A. L. Smith. Uaxactun, стр. 89—90.

[56] Диего де Ланда. Сообщение о делах на Юкатане. М.— Л., 1955, стр. 163.

[57] A. L. Smith. Uaxactun, стр. 89.

[58] P. Agrinier. Nuevos casos de mutilaciones dentarias procedentes de Chiapas. Anales del INAH, XV, Mexico, 1963, стр. 242.

[59] A. V. Kidder, A. L. Smith. Mound E-III-3, Kaminaljuyu, Guatemala. Contributions to Amer. Anthropology and History, 53, Washington, 1952.

шений, изделия из мрамора, зернотерки, каменная маска с инкрустациями из кусочков нефрита.

Заупокойные человеческие жертвы, сопровождавшие обоих погребенных, свидетельствуют о развитии новых социальных отношений, углублении имущественного и общественного неравенства среди горных майя. Позднеархаические каменные гробницы со ступенчатым сводом (Алтарь Жертв, Тикаль и др.) уже упоминались выше.

В дальнейшем, в переходную эпоху от архаики к цивилизации, число пышных каменных гробниц со всеми характерными чертами классического погребального обряда майя продолжает возрастать: Хольмуль (этап Хольмуль I) [60], Кашаль Куниль [61] и др.

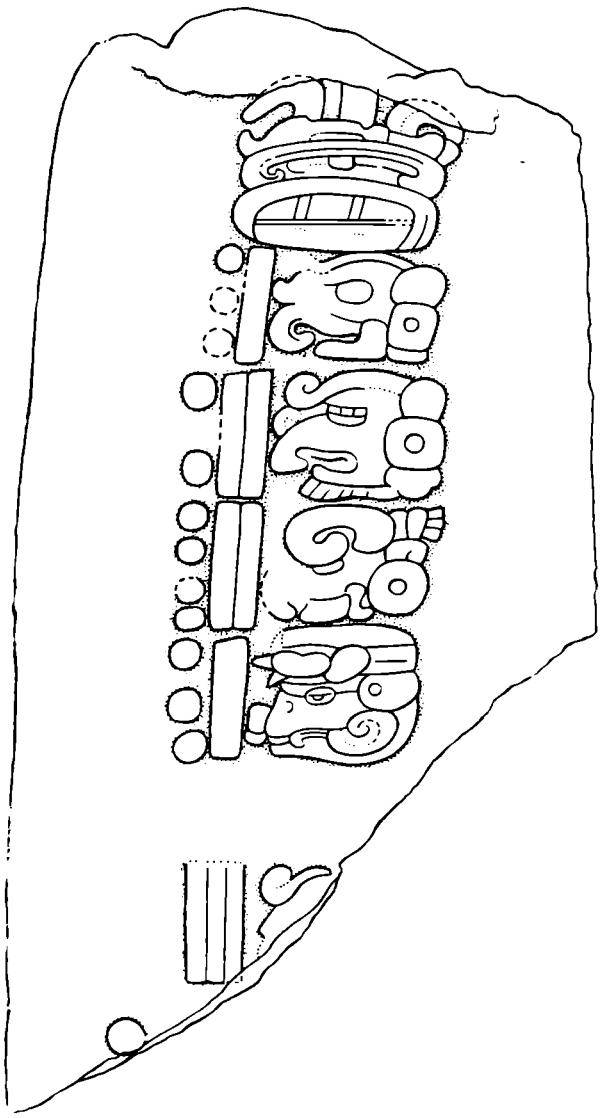


Рис. 6. Стела 29 из г. Тикаль с надписью, содержащей дату

Не менее примечателен тот факт, что гробница 85 из Тикаля, относящаяся к 200—100 гг. до н. э. (на 400—500 лет ранее предполагаемого появления цивилизации майя в низменных районах), содержала, помимо ступенчатого свода, черты погребального обряда, свойственные уже эпохе цивилизации. К их числу относятся обязательные во всех богатых погребениях иглы морского ежа и морские раковины спондилус [62].

Таким образом, анализ погребального обряда майя свидетельствует о том, что основные его элементы, свойственные эпохе цивилизации, зародились еще в архаическое время (одни на среднем, другие на позднем этапе архаического периода).

Г. Ритуальные обряды и верования. Наиболее интересным элементом религиозного культа у майя являются особого рода ритуальные приношения в тайниках (caches). Они совершались при закладке или перестройке зданий, возведении стел и в ряде других случаев жизни. Однако подобные приношения никогда не были связаны с погребениями. Каждый тайник — это небольшая ямка, закрытая сверху камнем или слоем известкового раствора. Содержание их бывает самое разнообразное: глиняные сосуды, украшения из нефрита или раковин, ритуальные предметы из кремня или обсидиана. К числу наиболее ранних образцов приношений в тайниках относится находка из

---

[60] R. Merwin, G. Vaillant. The Ruins of Holmul. MPM, 3, 2, Cambridge, 1932.

[61] I. E. Thompson. Archaeological Investigations in the Southern Cayo District. Brit. Honduras. Field Mus. of Natural History. Publication 301, антропологич. сер., 17, 3, Chicago, 1931, стр. 294.

[62] W. R. Coe. A Summary of Excavation and Research at Tikal, Guatemala, 1962. Estudios de cultura Maya, III, стр. 44.

Каминальхуйю. Там в тайнике заложенном в одной из пирамид, было обнаружено ритуальное приношение, состоящее из 300 нефритовых предметов. Время возникновения этого тайника установлено достаточно точно — местный этап Махадас, что относится не позднее 500 г. до н. э.[63]. Столь же почтенный возраст имело ритуальное приношение керамики, обнаруженное в древней платформе Дзибилчалтуна (Юкатан) — 700—500 гг. до н. э.[64]. В Чиапасе подобные тайники известны с этапа Франсеса (450—250 гг. до н. э.)[65].

Не менее важным элементом ритуала майя был культ стелы-алтаря. Как известно, появление стел с календарными датами считается важнейшим признаком классической цивилизации майя. Поэтому поиски истоков культа стелы-алтаря всегда занимали значительное место в работах западных исследователей. В настоящее время положение вещей примерно таково: древнейшей стелой с календарной датой в низменных районах майя является стела № 29 из Тикаля (292 г. н. э.), найденная в 1959 г. (рис. 6)[66].

Но вместе с тем несколько стел с более ранними датами, записанными по системе календаря майя, найдено за пределами Петена — общепризнанного центра майяской цивилизации. Это прежде всего стела «Ц» из Трес Сапотес (31 г. до н. э.), Веракрус[67] и статуэтка из Сан Андрес Тустла (167 г. н. э.) в Чиапасе[68].

Таким образом, возможны два решения этой проблемы: либо стелы с более ранними датами будут найдены в Петене в будущем, либо культ стелы-алтаря, а вместе с ним и иероглифическая письменность были заимствованы населением низменных районов майя у своих западных соседей — близких им по культуре и родственных этнически. Большой интерес в этом отношении представляет находка резных каменных стел в Горной Гватемале.

Каменные монументы с грубыми изваяниями встречаются в Каминальхуйю еще в среднеархаическое время (этап Лас Чаркас) в холмах С-III-6 и С-III-10[69]. Но это еще слишком робкие шаги в области скульптуры. Гораздо важнее другая находка из Каминальхуйю, относящаяся уже к позднеархаическому этапу Мирафлорес. Речь идет о фрагменте резной стелы с иероглифической надписью, которая во всех отношениях близка классическим монументам майя и может считаться их прототипом[70].

Конечно, приведенные выше примеры далеко не исчерпывают всех возможностей в этой области. Специалисты, непосредственно сталкивающиеся с археологическим материалом, могут без труда увеличить число примеров, доказывающих преемственность между архаической культурой и цивилизацией майя. Но основной вывод от этого не изменится — важнейшие элементы цивилизации майя зародились в недрах местной раннеземледельческой культуры архаического времени.

---

[63] G. Willey. An Archaeological Frame..., стр. 146.
[64] W. Andrews. Excavaciones en Dzibilchaltun..., стр. 161.
[65] G. Lowe, P. Agrinier. Mound 1, Chiapa de Corzo..., стр. 10.
[66] Р. В. Кинжалов. Современное состояние Ольмекской проблемы. СЭ, 1962, 2.
[67] W. Holmes. On a Nephrite Statuette from San Andres Tuxtla, Mexico, «Amer. Anthrop.». нов. сер., IX, 4, Lancaster, 1907.
[68] E. M. Shook. Tikal. Stela 29. «Expedition», 2, 2, Philadelphia, 1960, стр. 28—35.
[69] T. Proskouriakoff. El arte Maya y el modelo genetico de cultura Desarrollo cultural de los Mayas, стр. 183.
[70] G. Willey. An Archaeological Frame..., стр. 144.

О. Н. БАДЕР

КУЛЬТУРА С «ТЕКСТИЛЬНОЙ» КЕРАМИКОЙ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Поселения с «текстильной» керамикой давно и широко известны, общепризнана их основная роль в формировании культур городищ дьяковского и городецкого типа [1], но вопрос о возникновении этой своеобразной культуры поздней бронзы далеко не решен; более того, этот сложный вопрос никем не подвергался специальному исследованию.

На «текстильную», «сетчатую», «ниточную» или «рябчатую» керамику в среднем течении Оки впервые обратил серьезное внимание еще в конце прошлого века и правильно определил ее место в общеисторическом процессе В. А. Городцов. В своем отчете о работах на Оке в 1897 г. он писал: «До последнего времени имелось большое затруднение в определении времени или эпохи, к которой относилась такая посуда, так как по своему типу она не подходила ни к неолитической посуде, ни к посуде железного века, что и давало повод относить ее к особой промежуточной культурной эпохе» [2], а именно — к эпохе бронзы. В его последующих работах она неоднократно упоминается на археологических памятниках среднего и нижнего течения Оки. Примерно в тех же районах в разведках 1924—1928 гг. мною обследовано 14 поселений с «текстильной» керамикой, выяснено их позднее стратиграфическое положение и отсутствие их в низовьях Оки, в Балахнинской низине [3], историческое развитие населения которой в конце бронзовой эпохи пошло другим путем.

В 1928 г. в докладе на 3 Совещании палеоэтнологов Центрально-Промышленной области в Москве автор демонстрировал карту Волго-Окского междуречья, на которой было нанесено уже до 60 поселений с «текстильной» керамикой. Интересующие нас памятники Верхнего Поволжья изучались многими авторами и особенно подробно рассмотрены в последних работах Н. Н. Гуриной, где опубликованы хотя и не полные, но интересные карты распространения древней «текстильной» керамики на очень широкой территории Северной Европы [4].

Как известно, «текстильная» керамика чаще всего встречается на поселениях вместе с керамикой других типов, поздняковской, фатьяновской, волосовской, позднейшей ямочно-гребенчатой [5] и пр. В связи с этим закономерно возникает вопрос, не является ли «текстильная» керамика лишь своеобразным типом посуды, свойственной одной из перечисленных куль-

---

[1] Б. С. Жуков. Теория хронологических и территориальных модификаций неолитических культур Восточной Европы. «Этнография», 1929, 1.

[2] В. А. Городцов. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки 1897 г. Сб. «Древности», XVII, М., 1900, стр. 26.

[3] O. Bahder. Zur Erforschung der neolithischen Wohnplätze im Okatale. ESA, IV, Helsinki, 1929.

[4] Н. Н. Гурина. Древняя история северо-запада европейской части СССР. МИА, 87, 1961, рис. 29; ее же. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье. МИА, 110, 1963, рис. 80.

[5] O. Bahder. Указ. соч., табл. рис. *2*.

тур, т. е. следует ли поселения с «текстильной» керамикой выделять в особую археологическую культуру или культурную группу, отличную от прочих? На этот вопрос должен быть дан отчетливый положительный ответ: да, поселения с «текстильной» керамикой на позднем этапе их существования на всем пространстве Волго-Окского края, исключая низовья Оки, Балахнинскую низину, представляют собою уже сложившуюся, достаточно своеобразную культуру, в среде которой, в свою очередь, уже формируются некоторые культурные элементы, вошедшие в непосредственно следующую за ней дьяковскую культуру железного века.

Но когда и при каких обстоятельствах появляется культура поселений с «текстильной» керамикой? На этот вопрос сейчас еще нельзя дать четкого ответа. Пытаясь ответить на него, не следует применять трафаретный в археологии прием: выводить ее, как почти всякую новую культуру, в готовом виде с иной территории, мало заботясь о том, имеется ли там она сама или хотя бы ее достоверные истоки.

Наиболее характерный признак рассматриваемой культуры — «текстильная» керамика — вначале появляется в составе смешанных комплексов и лишь впоследствии, в конце бронзовой эпохи образует относительно чистые комплексы, наиболее близкие раннедьяковским. Объективно создается картина автохтонного формирования новой культуры. Процесс формирования культуры с «текстильной» керамикой следует рассматривать как отражение процесса ассимиляции разнородных этнических элементов и постепенного слияния их в единое целое. Этот процесс завершается в период появления на Оке поселений с резко преобладающей и «чистой» текстильной керамикой, вероятно, в самом конце II или, скорее, в начале I тысячелетия до н. э. Понятно, что процесс этот на всей обширной территории не мог протекать равномерно.

К сожалению, сейчас нельзя с уверенностью говорить о времени и месте появления древнейшей керамики с текстильными отпечатками в нашей лесной полосе. По мнению А. Я. Брюсова, «древнесетчатая керамика... возникает и развивается на большом пространстве в древних культурах волго-окской области и севернее, в культурах с ямочно-зубчатой керамикой, а не в фатьяновской или абашевской культурах» [6]. Однако М. Е. Фосс, на которую А. Я. Брюсов при этом ссылается, лишь указывает, что ею «прослежена преемственность между культурой дьяковских племен и культурой предшествующего времени. характеризуемой древнесетчатой керамикой, т. е. установлена связь между памятниками раннежелезной эпохи и предшествовавшими» [7], что было, впрочем, сделано и аргументировано на обширном материале Антропологической комплексной экспедиции МГУ Б. С. Жуковым и мною двадцатью годами раньше, еще в конце 20-х годов [8]. Но еще раньше, в начале 20-х годов, Ю. Айлио писал, что в Северной и Восточной Европе сетчатая керамика появляется в позднее время гребенчатой керамики неолита и связана так или иначе с сетчатой керамикой городищ [9]. Подчеркиваю, что Ю. Айлио пишет о позднем времени гребенчатой керамики, т. е. не о неолитическом, а о более позднем времени II тысячелетия до н. э.

Как указывалось, еще в 90-х годах прошлого века В. А. Городцов правильно отнес сетчатую керамику на Оке к бронзовой эпохе [10]. Пользуясь обширным новым материалом, я в 20-х годах пришел к выводу, что «культура текстильной керамики с кремневой индустрией, будучи иногда связана с керамикой упадочного неолита, является культурой металла и, не-

---

[6] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 258.

[7] М. Е. Фосс. Итоги Галичской экспедиции. КСИИМК, XXVI, 1949, стр. 39.

[8] Б. С. Жуков. Ук. соч.; О. Н. Бадер. Ук. соч.

[9] J. Ailio. Fragen der russischen Steinzeit. «Finska Fornminnesföreningens Tidskrift», XXXIX, 1, Helsinki, 1922.

[10] В. А. Городцов. Отчет об археологических исследованиях..., стр. 26.

посредственно переходя к городищам, дает чрезвычайно поздние пережитки» [11].

Б. Ф. Земляков заметил, что в Северо-Западной области лишь только в пору третьей, позднейшей фазы керамики с гребенчатым (а не ямочно-гребенчатым) орнаментом «встречаются также остатки сосудов, покрытые сетчатым узором, полученным при помощи плетения или грубой ткани» [12]. По новейшим наблюдениям, сделанным на этой территории Н. Н. Гуриной, поселения с «текстильной» керамикой, которые она связывает с финно-угорскими народами, относятся на северо-западе к концу II тысячелетия до н. э. [13].

Тем не менее в одной из последних работ Н. Н. Гурина, рассматривая вопрос о происхождении «текстильной керамики», считает маловероятным ее зарождение в недрах фатьяновской, волосовской, галичской и турбинской культур, с чем вполне можно согласиться, и приходит к выводу о наибольшей вероятности развития «текстильной» керамики из позднейших вариантов поздненеолитической ямочно-гребенчатой керамики, мотивируя это некоторым сходством разреженного ямочного орнамента, круглодонной формы и профилировки сосудов, а также составом глиняного теста того и другого керамического комплекса [14].

С этим выводом трудно согласиться. Прежде всего, представляется принципиально ошибочным самый подход к решению этого вопроса, т. е. желание вывести культуру с «текстильной» керамикой непременно из какой-либо определенной, одной культуры из числа сложного конгломерата культур середины II тысячелетия до н. э., в значительной мере уже слившихся.

Переходя к конкретным возражениям, необходимо указать на следующее:

1. Между эпохой неолита с ямочно-гребенчатой керамикой и появлением «текстильной» керамики существует значительный хронологический разрыв.

2. Культура позднейших потомков указанных волго-окских племен, которая могла войти в качестве одного из компонентов в состав формировавшейся культуры с «текстильной» керамикой около середины II тысячелетия до н. э. или его второй половины, была уже сильно видоизменена в результате ассимилятивных процессов с волосовской, фатьяновской, балановской и, вероятно, с поздняковской и абашевской культурами и сохранилась к этому времени лишь у разрозненных групп, уже не составлявших большинства населения края.

3. Круглодонная форма, свойственная сосудам с текстильными отпечатками, характерна не только для неолитической ямочно-гребенчатой керамики, но и для волосовской, фатьяновской, балановской и абашевской; по составу глины, толщине стенок, так же как по еще более характерной для нее плоскодонной горшковидной форме и орнаменту, «текстильная» керамика ближе всего к поздняковской керамике; для нее очень характерен, в частности, орнамент из ямочных оттисков продолговатого штампа, в виде «городков», поясков из круглоямочных вдавлений вокруг шейки и, в особенности, поясков из выпуклых «жемчужин»; шнуровой орнамент, встречающийся на «текстильной» керамике, также чужд ямочно-гребенчатой керамике, но обычен на фатьяновской и поздняковской.

4. Двумя годами раньше выхода в свет цитированной выше работы Н. Н. Гурина, подводя итоги исследованиям древних памятников северо-запада европейской части СССР, приходит к диаметрально противоположному и, с нашей точки зрения, правильному выводу о том, что «керамика с

---

[11] O. Bahder. Ук. соч., стр. 101.

[12] Б. Ф. Земляков. Доисторический человек Северо-Западной области в связи с ее геологией в послеледниковое время. ДАН, 1928, стр. 85.

[13] Н. Н. Гурина. Древняя история северо-запада..., стр. 167.

[14] Н. Н. Гурина. Памятники эпохи бронзы..., стр. 201—203.

отпечатками ткани весьма отлична от предшествующей ей ямочно-гребенчатой», и подробно и убедительно аргументирует этот вывод. «На территории Карелии мы не можем указать такой последовательности, где бы элементы (даже элементы.— *О. Б.*) текстильной керамики зарождались в предшествующей стадии. Она резко отлична и по тексту, и по орнаментации. Как правило, стоянки с текстильной керамикой в пределах Карелии и Ленинградской области имеются в чистом виде, без примеси более ранних элементов... Таким образом, стоянки с текстильной керамикой как бы не имеют своих предшественников» [15].

С этим можно полностью согласиться, и это понятно, так как в Карелии и Ленинградской области недостает большей части тех культурных элементов, которые слагают эту культуру в Волго-Окском крае. Из всей суммы фактов и заключений Н. Н. Гурина делает конечный и совершенно логичный вывод о том, что «носители текстильной керамики в первой фазе ее в Южной Карелии и северной части Ленинградской области не были аборигенами, а представляли собой пришлый элемент, сложившийся где-то во вне рассматриваемой нами территории» [16].

Остается неясным, почему на Северо-Западе не произошло формирования культуры с текстильной керамикой на базе предшествовавшей ей культуры с ямочно-гребенчатой керамикой, а в Волго-Окском крае именно такой процесс представляется наиболее вероятным.

5. Поселения с «текстильной» керамикой имеются и на Ветлуге, и в районах Казанского Поволжья, куда неолитическая культура с ямочно-гребенчатой керамикой вообще не распространялась. По А. В. Збруевой, «сетчатая» керамика имеется в незначительной примеси на поселениях поздней бронзы Старо-Грязнухинском, Зеленовском, Усть-Камском и Гроханском на Каме близ устья Вятки, но восточнее не распространяется. На Моркваншинском поселении сетчатая керамика составляет 40% [17], а на Казанском, по Н. Ф. Калинину,— 67% [18]. Она распространяется здесь лишь в конце II тысячелетия до н. э. в памятниках приказанской культуры (Займище II, Волжская, Криуши) и в начале I тысячелетия до н. э. По мнению А. Х. Халикова, это произошло «очевидно, в результате некоторого сдвига волго-окских племен на восток». Но использование здесь теории сдвигов неприемлемо по той причине, что на указанных поселениях «текстильная» керамика находится не в волго-окских комплексах, а в комплексах приказанской культуры и не в виде посторонней примеси: текстильные отпечатки на сосудах «нанесены преимущественно вместе с орнаментом (однорядные ямочные вдавления и резные узоры) позднеприказанского типа» [19]. Естественнее всего и здесь смотреть на появление «текстильной» керамики как на результат автохтонного процесса, конечно, не изолированного от аналогичного процесса на смежных западных территориях. Из слагаемых культурных элементов, которые нужно принимать во внимание в Волго-Окском крае, в Приказанском Поволжье нет или почти нет ямочно-гребенчатой керамики, но есть и волосовская, и балановская, и абашевская, и срубно-поздняковская. Таким образом, на примере Казанского Поволжья можно видеть, что ямочно-гребенчатая керамика не является основой для возникновения керамики с текстильными отпечатками; более того, необязательно даже ее участие в этом процессе.

Нельзя исключать известной роли фатьяновской культуры в рассматриваемом процессе. Более того, вполне возможно, что фатьяновцы Верхнего

---

[15] Н. Н. Гурина. Древняя история северо-запада..., стр. 157, 158, 163.

[16] Там же, стр. 164.

[17] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 30, 1952.

[18] Н. Ф. Калинин. Казанская стоянка. «Историко-археологический сборник» Ин-та краеведческой и музейной работы. М., 1948.

[19] А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Тр. МАЭ, I, Йошкар-Ола, 1960, стр. 165.

Поволжья на поздних этапах своей истории, как и поздняковцы, даже жили на поселениях с «текстильной» керамикой, сохраняя свои традиционные культурные черты лишь в ритуале, памятниками которого являются погребения. Об этом свидетельствуют теперь уже многочисленные находки фатьяновской керамики на поселениях с «текстильной» керамикой и даже примеры совмещения текстильных отпечатков с фатьяновским орнаментом на одних и тех же круглодонных сосудах (Ватажка, по П. Н. Третьякову).

Но фатьяновская керамика значительно отличается от «текстильной», и в этом совершенно права Н. Н. Гурина [20]. Судя по профилировке, массовому появлению уплощенных и плоских днищ, составу глиняного теста, способам обработки поверхности и наиболее характерным орнаментам («городки», пояски ямок и выпуклых «жемчужин» вокруг шейки), на типе «текстильной» керамики гораздо ближе сказывается влияние поздняковской культуры.

В этом отношении интересен пример Среднего Поволжья. Там на обширной территории смешения балановской и пережиточно-неолитической (в которую вошли и элементы ямочно-гребенчатой) культур «текстильная» керамика не возникла, а сложилась чирковско-сеймснская культура. Примесь «текстильной» керамики появляется лишь в позднейших ее памятниках, когда она появляется в смежной, частью перекрывшей территорию чирковско-сейменской культуры, приказанской культуре. Следовательно, не балановская культура, родственная фатьяновской, а срубно-поздняковская культура была здесь фактором, сопровождавшим появление «текстильной» керамики. Очевидно, аналогичную картину мы имеем на Оке и на Верхней Волге.

Подводя итог всему сказанному по поводу сложения культуры с «текстильной» керамикой, необходимо сказать, что ее истоков нельзя искать в какой-либо одной культуре. Она являлась как бы синтезом всех элементов, составивших смешанное население Волго-Окского края в середине II тысячелетия до н. э. В соответствии с этим нет оснований возражать против участия в ее формировании потомков неолитического населения с ямочно-гребенчатой керамикой, как и волосовских, фатьяновских, балановских, поздняковских и абашевских элементов. Ее образование явилось актом нивелировки, слияния всех разнородных элементов, которые впитал в себя Волго-Окский край в предшествующие века богатого событиями II тысячелетия до н. э.

Время становления культуры с «текстильной» керамикой в Волго-Окском крае нельзя отождествлять с моментом первого появления одного из ее признаков — отпечатков ткани или плетенки на сосудах. Оговариваясь об условности граней, которые мы устанавливаем для подразделения этногонического процесса на этапы, и не имея сейчас достаточных фактов для уточнения искомой даты, можно приурочить существование уже сложившейся культуры с «текстильной» керамикой к последней четверти II тысячелетия до н. э., скорее к концу ее. При этом не подлежит сомнению, что процесс сложения культуры не был равномерным на всем пространстве огромного края, что в некоторых районах она сложилась раньше, в других позднее и, вероятно, в различных локальных вариантах.

Возникшая таким образом новая культура характеризуется многочисленными поселениями, часть которых, вероятно более поздняя, содержит уже более или менее чистый комплекс «текстильной» керамики. Эти поселения еще очень плохо изучены и требуют к себе ближайшего внимания исследователей. До сих пор не существует удовлетворительных периодизации и классификации «текстильной» керамики. Проявляющаяся естественная тенденция считать круглодонную керамику более древней далеко не всегда подтверждается материалом; так, А. В. Збруева датирует такую керамику на Липкинской стоянке в низовьях Клязьмы вместе со всем ее

---

[20] Н. Н. Гурина. Памятники эпохи бронзы..., стр. 201, 202.

комплексом временем около 1000 лет до н. э.[21], а А. Х. Халиков указывает, что «текстильная» керамика примерно того же времени в Казанском Поволжье почти вся круглодонная[22].

Поселения с «текстильной» керамикой характеризуют развитую земледельческо-скотоводческую культуру с уже упадочным кремневым инвентарем, что всегда свидетельствует о прогрессе в употреблении металлических орудий; на многих поселениях со смешанной керамикой кремневый инвентарь не может быть с достоверностью подразделен на группы, связанные с тем или иным керамическим комплексом.

Поселения располагаются обычно еще на низких берегах рек и озер, чаще всего на краю надпойменной террасы или на дюнах. Но некоторые позднейшие поселения с «текстильной» керамикой начинают отходить от непосредственной близости к водоему и переходят на высокие берега, превращаясь, по археологической терминологии, из стоянок в селища. Это обстоятельство следует связать с существенными переменами в экономике: с преобладанием огневого земледелия над остальными формами хозяйства. Наконец, уже на этой ступени появляются первые укрепленные поселения — городища; таково, например, Мокеевское городище на берегу Лебединского озера в Мещерском крае, открытое мною в 1928 г. Оно расположено на невысоком песчаном мысу и сохранило сильно оплывший вал и древнетекстильную керамику с кремневым инвентарем на площадке. Мнение о столь раннем возникновении городищ высказано и П. Н. Третьяковым, предположительно относящим этот момент к рубежу II и I тысячелетий до н. э.[23].

Могильники, которые обладали бы специфическими особенностями и которые можно было бы с уверенностью связать с рассматриваемой культурой, пока не исследованы. Может быть, сюда относится Ефановский могильник с находками бронзовых кельтов и Младший Волосовский могильник; последний, впрочем, дал уже остатки железных предметов.

Непосредственная историческая связь позднебронзовой культуры с «текстильной» керамикой и раннежелезной культурой городищ дьяковского типа в Окском Поволжье и на Верхней Волге не подлежит никакому сомнению, так же как и связь культуры дьяковских городищ с раннеисторическими финноязычными племенами той же территории[24]. Тем самым устанавливается и финноязычность населения культуры с «текстильной керамикой». Поселения с «текстильной» керамикой и каменным инвентарем можно рассматривать как памятники раннего этапа дьяковской культуры.

Из всего этого необходимо сделать вывод, что происходившие на рассматриваемой территории на протяжении бронзовой эпохи этнические сдвиги и скрещения древнейших волго-окских, финно-угорских, индоевропейских и индоиранских групп в конечном счете привели к победе финских языков, первыми носителями которых были здесь племена с культурой волосовского типа.

---

[21] A. V. Zbrujeva. Der Wohnplatz von Lipki im Gouv. Vladimir. ESA. IV.

[22] А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения..., стр. 165.

[23] П. Н. Третьяков. Древнейшие городища Верхнего Поволжья. СА, IX, 1947; его же. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 85.

[24] Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 94, 1961.

Э. А. СЫМОНОВИЧ

О СВЯЗЯХ ЛЕСНЫХ И ЛЕСОСТЕПНЫХ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ КУЛЬТУР ПОДНЕПРОВЬЯ

(*По керамическим материалам*)[1]

Керамика — яркий показатель культурной принадлежности археологических памятников. Она сохраняет это значение и позднее, в частности для времени сложения Киевского государства. Ниже речь пойдет не о памятниках, непосредственно предшествующих созданию Киевского государства, культура которых в достаточной степени изучена (роменско-боршевских и синхронных им на Правобережье Украины и Белоруссии), но о находках, еще более ранних и слабее изученных, близких середине I тысячелетия и вызывающих много споров. Нам здесь придется иметь дело с керамикой, полученной при раскопках памятников разного типа: городищ, единичных грунтовых могильников с трупосожжениями в Курской, Брянской, Смоленской областях, средней и южной Белоруссии; поселений, курганных и грунтовых могильников типа Корчак и неукрепленных поселений, обнаруженных в лесостепи на территории, ранее занятой культурой полей погребений черняховского типа на Украине.

На керамическом материале мы попытаемся выяснить, насколько правомерно говорить о единстве археологических культур VI—VII вв. на огромных пространствах, занятых племенами, которых считают прямыми предками восточных славян.

И. И. Ляпушкин, сравнивая древности правобережного и левобережного Поднепровья, осветил историю вопроса. Он привел аргументацию исследователей, одни из которых сближали северные и южные, западные и восточные памятники I тысячелетия, другие противопоставляли их друг другу. Он подробно разобрал взгляды П. Н. Третьякова на эту проблему и подверг критике доказательства исследователей, склонных противопоставлять культурные особенности памятников широких территорий, главным образом относящихся к VIII—IX вв. И. И. Ляпушкин утверждает, что славянские древности данного периода по многим элементам близки культуре роменско-боршевского типа, известной по раскопкам на Левобережье[2]. Мнение это было поддержано статьями Г. Ф. Корзухиной[3], П. И. Хавлюка[4] и подверглось критике со стороны М. Ю. Брайчевского[5] и некоторых других киевских исследователей.

Около десяти лет назад постановка этого вопроса И. И. Ляпушкиным о соотношении одновременных памятников периода, непосредственно пред-

[1] Доклад, прочитанный на секции славяно-русской археологии Пленума ИА АН СССР и АН БССР в Минске 23 февраля 1963 г.

[2] И. И. Ляпушкин. Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей. ВЛГУ, 20, 1956, стр. 45—60.

[3] Г. Ф. Корзухина. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. СА, XXII, 1955, стр. 63—68.

[4] П. И. Хавлюк. Славянские поселения VIII — начала IX века на Южном Буге. Археологический сборник ГЭ, 4, Л., 1962, стр. 126.

[5] М. Ю. Брайчевский. К истории лесостепной полосы Восточной Европы в I тысячелетии. н. э. СА, 1957, 3, стр. 119—126.

шествующего эпохе Киевской Руси, была своевременной в связи с началом широкого изучения материалов второй половины I тысячелетия. И хотя до сих пор нет полного единодушия в среде археологов по поводу возможности называть все памятники VIII—IX вв. роменско-боршевскими, тем не менее очевидной становится тенденция постепенной нивелировки культуры восточных славян, тем большая, чем ближе эпоха Киевского государства.

В настоящее время делаются попытки проследить такое же единство и в более древнем периоде V—VII вв. Но только слабая изученность материала позволяет, на наш взгляд, рассматривать предполагаемое единство уже вполне сложившимся в столь раннее время на разобщенных в предшествующий период территориях леса и лесостепи, занятых в первой половине I тысячелетия различными культурами. Несмотря на значительные достижения в области изучения памятников середины I тысячелетия, не представляется возможным сравнивать культуры различных областей по всем их важнейшим особенностям. В одном районе мы имеем для этого периода лучше всего изученные поселения (Среднее Поднепровье и Побужье), в другом — городища-убежища и святилища (Верхнее Поднепровье и Волынь), в третьем — могильники (Румыния, Чехословакия).

Сравниваемые нами памятники разбросаны на широких пространствах от смоленского Поднепровья до Надпорожья и от левобережного Днепра до Западного Буга, Прута и далее на запад, т. е. находятся в различных физико-географических условиях. Между тем хорошо известно, что слабость экономической базы делает более значимым для ранних этапов развития человечества физико-географический фактор. Влияние этого фактора на материальную культуру не может быть полностью изжито даже на самых поздних этапах развития общества. Пример тому — сохраняющаяся до сих пор разница в сельском домостроительстве северных и южных групп славянского населения. Сравнение некоторых особенностей древней восточно-славянской культуры, например жилищ и их отопительных устройств, обнаружит существенные отличия севера от юга и т. д. Пока в лесостепи недостаточно изучены могильники середины I тысячелетия, сравнение важнейших показателей этно-культурной общности (например, черт обряда погребения) вообще невозможно.

Для сопоставления памятников широких территорий и предварительного выяснения их сходства и различий наиболее надежные признаки позволяет получить на настоящем этапе изучения массовый керамический материал. При этом, конечно, нельзя забывать положение, не требующее доказательств, что общность экономической базы населения различных областей может привести к образованию ряда общих черт в культуре различных племен, в том числе и в керамике. В таком случае типологическая близость керамики не обязательно должна быть объяснена этническим родством, а скорее единством экономической основы общества, сложившегося в условиях одинаковой физико-географической среды. Все же пока не изучены культуры данной эпохи во всех аспектах, керамика, как один из важнейших показателей культуры древнего населения, дает путеводную нить, позволяющую наметить круг культур одного периода со сходной экономической, а может быть и этнической общностью. Задача сравнительного изучения культуры древних восточнославянских племен по керамическому материалу облегчается еще тем, что древней славянской керамике разных территорий посвящен ряд специальных работ [6].

---

[6] М. Макаренко. Орнаментація керамічних виробів в культурі городищ Роменського типу; Niederlův Sborník, Praha, 1925; С. Магура. До питання про стару слав'янску керамику часів родоплемінного ладу. Наукові записки ІІМК, 1, Київ, 1934; Я. В. Станкевич. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги. СА, XV, 1951: А. М. Шовкопляс. Раннеславянская керамика с горы Киселевка в Киеве. МИА, 108, 1963, стр. 138—144; Albrecht. Beitrag zur Kenntnis der slavischen Keramik. Leipzig. 1923; J. Borkovský. Staroslovanská keramika ve střední Evropě. Praha, 1940: K. Jażdżewski. Uwagi o chronologii ceramiki zachodnios-

Итак, руководствуясь главным образом керамическим материалом, полученным с более или менее широко раскопанных памятников, мы начнем наши сопоставления с описания посуды городища Колочин I в Южной Белоруссии [7].

Городище-убежище Колочин I раскопано полностью и датировано VI—VII вв. Оно расположено в центральной части очерченной нами территории, т. е. его вполне можно принять за исходный пункт наших рассуждений. Результаты раскопок опубликованы, и мы остановимся только на описании характерного своим однообразием керамического материала. Число керамических находок с городища и площади на запад от него, где располагалось древнее поселение, составляет 5807 номеров в описи. Немногочисленные фрагменты зарубинецкой лощеной и кухонной керамики прекрасно отличаются от посуды середины I тысячелетия. Последняя широко представлена на городище, и материал позволил восстановить многие формы сосудов полностью (рис. 1). Вся керамика этого периода была вылеплена от руки из глины с дресвой, слабо обожжена и имела шероховатую поверхность без признаков лощения.

Посуда подразделяется на два типа. Первый тип составляют горшки удлиненно-баночных форм, со слабопрофилированным туловом, края и днища их иногда бывают слегка выделены отгибом. Сосуд обычно имеет максимальное расширение тулова посредине высоты. Второй, менее распространенный тип посуды — это горшки с оттянутым валиком на месте перегиба тулова, в средней части сосуда. Верхняя часть имеет прямые стенки, немного сужающиеся или расширяющиеся кверху. Нижняя часть, конически сужаясь, заканчивается плоским дном. Орнаментация на сосудах первого типа вообще не встречается. На горшках с угловатым перегибом тулова в редких случаях под венчиком имеется налепной валик, как исключение, украшенный косыми насечками (рис. 2). Никаких сосудов импортного происхождения на городище найдено не было. На поселении западнее городища Колочин I было обнаружено углубленное в землю жилище с печью-каменкой, которое возникло после гибели городища. В заполнении землянки была керамика того населения, которое пришло на смену племенам, построившим городище. Это — горшки с хорошо выраженными плечиками, сковородки роменского облика, украшенные наколами или гусеничным орнаментом. Подобные сосуды на Правобережье, относящиеся к эпохе непосредственно предшествующей Киевской Руси, были нами найдены также в заполнении одной из ям за пределами валов территориально близкого Колочину I Чаплинского городища [8]. Эта вылепленная от руки керамика, сделанная из глины с примесью шамота, совершенно чужда посуде с дресвой в тесте предшествующего периода, не только по своим технологическим особенностям, но также своими формами и системой орнаментации (рис. 2).

Круг бесспорных керамических аналогий материалам городища Колочин I середины I тысячелетия расположен в пределах лесной зоны. Тушемля и Акатово на Смоленщине [9], Банцеровское городище и другие памят-

---

łowiańskej z wczesnego średniowiecza. PA, X, 29—31, 1954—1956, Poznań, 1958; H. A. Knorr. Die slawische Keramik in Ostdeutschland. Jahrbuch für historischen Keramik zwischen Elbe und Oder. Mannus-Bücherei, 58, Leipzig, 1937; J. Kostrzewski. Ceramika słowiańska między Labą a Odrą w zaraniu dziejów. PA, VII, 1, Poznań, 1946; К. Миятев. Славянска керамика. София, 1948; K. Strauss. Studien zur mittelalterlichen Keramik. Mannus-Bücherei, 30, Leipzig, 1923.

[7] Э. А. Сымонович. Раскопки городища Колочин I на Гомельщине. КСИИМК, 77, 1959, стр. 70—76; его же. Городище Колочин I на Гомельщине. МИА, 108, стр. 97—137.

[8] Э. А. Сымонович. Поселение эпохи Киевской Руси в с. Чаплин в Южной Белоруссии. СА, 1961, 2, стр. 208.

[9] П. Н. Третьяков. Городища-святилища левобережной Смоленщины. СА, 1958, 4; его же. Древние городища Смоленщины. Сб. «Древние городища Смоленщины». М.— Л., 1963, стр. 15, рис. 4, сверху; Е. А. Шмидт. Поле погребений и курганы у дер. Акатово Смоленской области. СА, 1962, 4, стр. 192, рис. 3; его же. Не-

ники в районе Минска [10], Кветунь — Макорзно на Брянщине [11] и даже еще более восточные памятники Курской обл., как например, Авдеево, Арбузово Успенка [12] дают нам типологически близкие формы посуды. На городищах и могильниках Смоленщины и Брянщины найдены баночные и биконические горшки, сделанные из глины с примесью дресвы и точно повторяю-

Рис. 1. Сосуды VI—VII вв. Городище Колочин I в Южной Белоруссии

щие колочинские (рис. 2). Даже формы сосудов, приходящие на смену горшкам VI—VII вв. в Акатове [13], совпадают с находками, сделанными в землянке роменского времени западнее Колочинского I городища.

которые археологические памятники Смоленщины второй половины I тысячелетия н. э. МИА, 108.

[10] А. Н. Лявданский. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции. СГАИМК, 78, 1932, стр. 58—59, табл. II.

[11] Л. В. Артишевская. Могильник раннеславянского времени на р. Десне. МИА, 108.

[12] А. Е. Алихова. Авдеевское селище и могильник. КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 109, рис. 47, *3*; ее же. Авдеевское селище и могильник, МИА, 108; Ю. А. Липкинг. Очерки древнейшего прошлого Курской области. Краеведческие записки Курского областного краеведческого музея, 2, Курск, 1963, стр. 159.

[13] Е. А. Шмидт. Некоторые археологические памятники Смоленщины..., стр. 61, рис. 11, *4*; его же. Поле погребений и курганы у дер. Акатово..., стр. 192, рис. 4, *1*.

Таким образом, типичная керамика объединяет большие области главным образом лесной зоны. Кроме того, памятники очерченного круга сближают ряд других моментов: городища с расположенными по краям постройками, грунтовые и затем курганные могильники с трупосожжениями, ограниченное число находок из металла и пр. Упомянутые памятники не

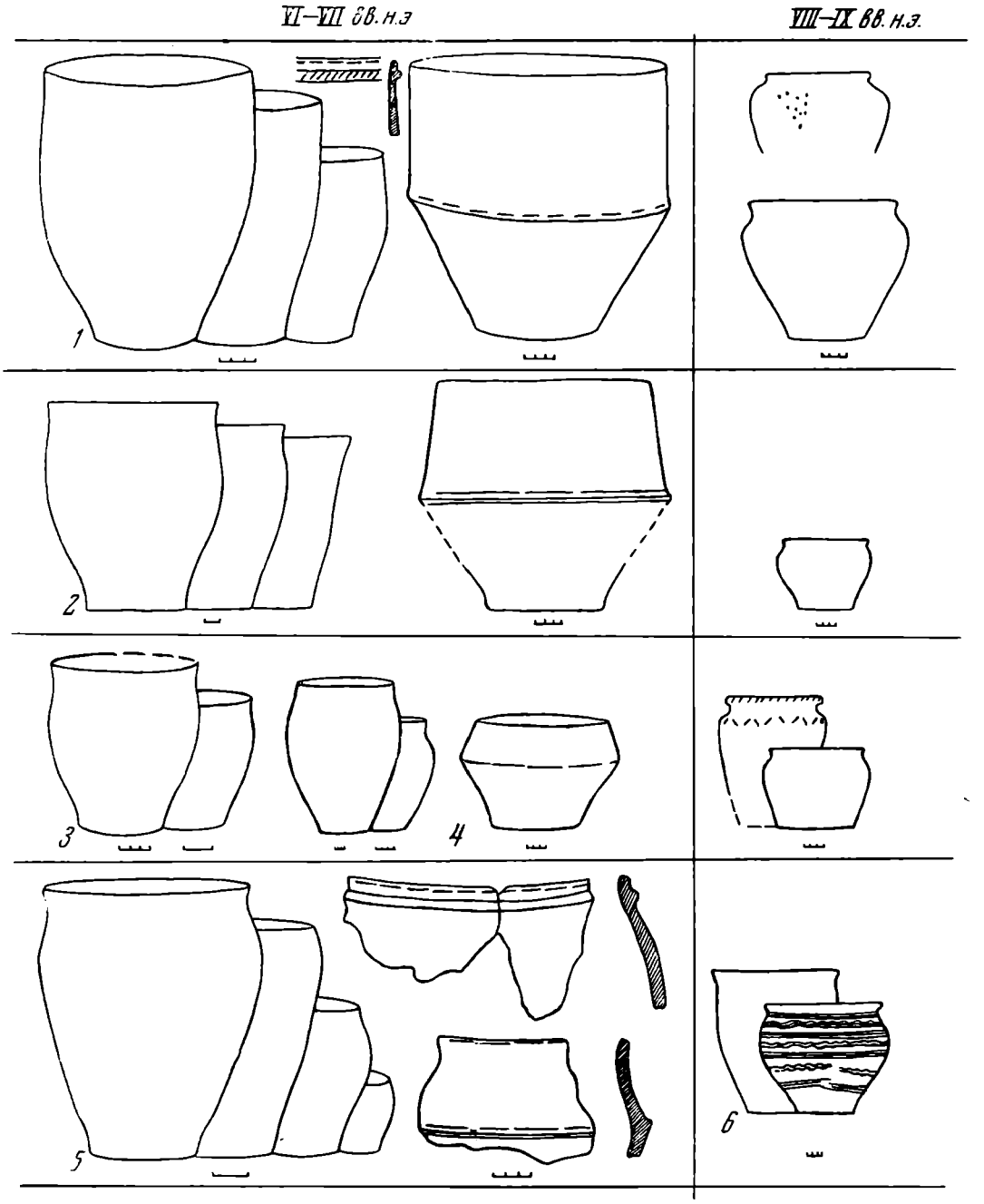


Рис. 2. Основные формы посуды памятников лесной зоны VI—VII вв. и некоторые сменяющие их сосуды VIII—IX вв.

1 — Колочин I в Южной Белоруссии; *2* — Акатово под Смоленском (по Е. А. Шмидту); *3* — Кветунь-Макорзно на Брянщине (по Л. В. Артишевской); *4* — Авдеево под Курском (по А. Е. Алиховой); *5* — Корчак на Житомирщине (по В. П. Петрову и И. П. Русановой); *6* — Лука-Райковецкая под Бердичевым (по В. К. Гончарову)

могут быть включены в пределы балтской общности. Это не позволяет сделать слишком позднее время их существования, но также и то, что по лингвистическим материалам балтские топонимы не заходят за линию р. Сейма, что соответствует мнению советских и зарубежных ученых. В то же время такие памятники известны значительно южнее предполагаемой

балтской области в бассейне р. Псла на р. Судже [14]. Такого рода материалы по совокупности археологических данных Г. Ф. Соловьева сочла возможным связать с непосредственно предшествующими памятниками летописных племен [15]. На западе и, в особенности, на юго-западе, керамика памятников, по времени близких Колочинскому I городищу, несмотря на общее стилистическое сходство, имеет ряд различий [16]. Мы имеем в виду городища Хотомель и Бабка на Волыни [17], материалы ранних землянок поселения Лука-Райковецкая в урочище Запасика около Бердичева [18] и, в первую очередь, памятники типа Корчак на границе зоны лесов и лесостепи [19]. Сравнение колочинских находок с керамикой корчакской группы памятников представляется особенно важным, так как раскопки С. С. Гамченко в районе с. Корчак открыли памятники эпохи, непосредственно предшествующей Киевской Руси, а материалы с раскопанных им поселений и могильников стали представляться некоторым ученым своего рода эталоном для определения раннеславянской культуры.

В настоящее время широко раскопаны и опубликованы результаты исследований селищ с углубленными в землю жилищами, с очагами и печами из камней, а также грунтовых и курганных могильников. Погребения характеризуются использованием камня при устройстве могил и находками кусочков кремня в захоронениях. Как на поселениях, так и на могильниках типа Корчак подавляющую массу находок составляет керамика. Для нее указывают параллели в керамике так называемого пражского типа на Западе (в Румынии, Чехословакии и Польше), хотя разнообразие форм последней гораздо большее. Керамика корчакских могильников и селищ, а также нижних слоев городищ Хотомель и Бабка, подобно находкам в Колочине I не отличается разнообразием типов. Мы здесь видим однообразные по форме горшки удлиненных пропорций, с краем почти не отогнутым. Они сделаны из глины с грубыми примесями. Сосуды перечисленных памятников имеют обычное для них расширение тулова в верхней трети высоты сосуда, а горшки колочинско-акатовско-тушемлинского круга, как правило, расширены больше всего по середине высоты тулова. Несмотря на отмеченную «плечистость» сосудов из Корчака и Хотемля, нам кажется нет особых оснований для их резкого противопоставления керамике Колочина и других ему подобных памятников. Кроме общего стиля и широкой распространенности поразительно однообразных форм удлиненно-баночных горшков, в сходстве керамики особенно убеждает существование аналогий второму типу посуды Колочинского I городища на селище возле с. Корчак. Хотя И. П. Русанова высказывает предположение о привозе откуда-то подобных сосудов, важное значение имеет тот факт, что они найдены в двух из 12 открытых жилищ. Предположение же об импорте грубых лепных горшков, учитывая полное отсутствие следов межплеменной торговли на селище возле с. Корчак (как и в Колочине I), на наш

---

[14] Это подтверждается материалами раскопок Ю. А. Липкинга на Княжинском могильнике (р. Суджа). Ю. А. Липкинг. Памятники второй половины I тысячелетия в Курской области. Тезисы доклада, прочитанного на секторе славяно-русской археологии ИА АН СССР 11 февраля 1965 г.

[15] Г. Ф. Соловьева. Радимичи и вятичи по данным археологических памятников второй половины I тысячелетия. Доклад, прочитанный на секторе славяно-русской археологии ИА АН СССР 25 февраля 1965 г.

[16] Находки на западе, в частности в Польше под Варшавой, в Меджиборуве, позволяют считать, что типы горшков, найденные в погребениях с трупосожжениями, подобные основным формам сосудов городища Колочин I, были в употреблении и за пределами границ СССР. См. W. Bernat. Wczesnośredniowieczne cmentarzysko ciałopalne w miejsc. Miedzyborów, pow. Grodzisk Mazowiecki. Wiadomości archeologiczne, XXII, Zesz. 1, Warszawa, 1955, стр. 82, рис. 2, 4.

[17] Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья. М., 1961, табл. 6.

[18] В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 11—12; его же. Лука-Райковецкая. МИА, 108, стр. 283—315.

[19] В. П. Петров. Памятники корчакского типа. МИА, 108, стр. 16—38; И. П. Русанова. Поселение у с. Корчака на р. Тетереве. МИА, 108, стр. 39—50.

взгляд, критики не выдерживает [20]. Южнее Колочина I только в Корчаке на селище были найдены обломки баночно-биконических горшков с оттянутым валиком посредине высоты тулова. Так же как и в Колочине I, сосуды крупных размеров корчакского селища изредка бывают украшены массивным налепным валиком под краем венчика [21]. В то же время возле Колочина I был найден сосуд вполне «корчакского» профиля, с определенно выраженными плечиками [22], а на Корчакском селище известны баночные горшки вполне «колочинских» пропорций с соответствующей слабой крутизной плечиков [23].

Эти находки являются дополнительными фактами, подтверждающими известную близость культуры населения лесной зоны памятникам границы лесостепи, где располагаются корчакские поселения и могильники. Почти полное отсутствие на памятниках типа Колочин I, Корчак и Хотомель следов развитых межплеменных сношений с далекими областями, например со сравнительно высокоразвитыми культурами юга, говорит об органическом, а не о случайном характере сближающих их элементов. К сожалению, из-за пробелов в археологическом изучении памятников нет возможности сопоставить тут и там во всех деталях жилища, обряд погребения и пр. Частичная близость керамического материала городищ и поселений типа Колочин I и Корчака позволяет принять корчакскую группу памятников за своего рода промежуточное звено. С одной стороны, памятники типа Корчак близки одновременным им лесным, с другой — имеют элементы культуры и некоторые особенности керамики, сближающие их с лесостепными находками [24].

Керамика типа Корчак, как пишет И. П. Русанова, распространена «на территории древлян и волынян». На юге и юго-востоке древлянская земля доходит до пределов «Русской земли» IX в. (по А. Н. Насонову и Б. А. Рыбакову)», т. е. проходила она по рекам Тетереву и Здвижу [25]. Установленное разграничение соответствует различиям в керамике предков «мужей смысленых» полян, уличей и др., живших южнее лесостепных племен VI—VII вв.

В самом деле, население лесостепи и степи, проживавшее в пределах украинских черноземов, образует иное культурное единство, чем в лесной зоне. Даже наиболее ранние и еще недостаточно изученные памятники VI—VII вв. типа Пеньковки (в урочище Молочарня и отчасти в урочище Луг I в Среднем Поднепровье [26]), Скибинцы (остров Мытковский, Семенки в Побужье) [27], Зимно и Рипнев II (Западная Украина) [28] во многом от-

---

[20] И. П. Русанова. Ук. соч., стр. 47. Примечательно, что и в зарисовке С. С. Гамченко изображен удлиненно-биконический сосуд, чрезвычайно близкий сосудам второго типа городища Колочин I; В. П. Петров. Ук. соч., стр. 33, рис. 8.

[21] И. П. Русанова. Ук. соч., стр. 47, рис. 8, *1*.

[22] Э. А. Сымонович. Раскопки городища Колочин I..., стр. 128, рис. 23, *7*.

[23] И. П. Русанова. Ук. соч., стр. 45, рис. 7, *4*.

[24] Характерно, что для румынского ученого В. Теодореску близость керамики типа Корчак и Колочин I для фазы развития керамики середины VI в. не вызывает никаких сомнений; V. Teodorescu. Despre cultura Ipoteşti-Cindeşti în lumina cercetarilor archeologice din nord — estul Munteniei (regiuna Ploieşti). SCIV, 15, 4, Bucureşti, 1964, стр. 501. П. Н. Третьяков не считает нужным отрицать определенное сходство материалов колочинских и раннесредневековых славянских городищ; (П. Н. Третьяков. К вопросу о балтах и славянах в области Верхнего Поднепровья «Slavia Antiqua», XI, Warszawa — Poznań, 1964, стр. 31; его же. О древностях середины третьей четверти I тысячелетия в южных частях Верхнего Поднепровья. СА, 1965, 4, стр. 76, 77).

[25] И. П. Русанова. Археологические памятники древлян. Автореф. канд. дис. М., 1960, стр. 11.

[26] Д. Т. Березовец. Поселения уличей на р. Тясмине. МИА, 108.

[27] П. И. Хавлюк. Раннеславянские поселения в средней части Южного Побужья. СА, 1961, 3; его же. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Бута. МИА, 108.

[28] В. В. Аулiх. Материали з верхнього горизонту городища біля с. Зимне Волинської області. МДАПВ, 3 Київ, 1961; В. Д. Баран. Раннеславянское поселение у с. Рипнева (Рипнев II) на Западном Буге. МИА, 108.

личаются от одновременных им комплексов лесной зоны. Достаточно взглянуть на таблицу керамики поднепровских, побужских и западноукраинских памятников и сравнить ее с изображениями примитивных баночных горшков лесной зоны, чтобы в этом убедиться. На рис. 3 собраны преимущественно целые формы сосудов, происходящие из указанных выше пунктов и других памятников [29], наиболее близких середине I тысячелетия. Если первые три вертикальных ряда баночных и удлиненно-конических горшков еще можно привлечь для сравнения с материалами Колочина I, Корчака и пр., то последующие формы яйцевидных с загнутыми внутрь венчиками, приземистых круглобоких и миниатюрных сосудов не имеют в лесной зоне никаких аналогий. Группа сосудов биконической формы, изображенная в последних рядах таблицы и отделенная вертикальной чертой. тоже резко отличается от биконических сосудов с оттянутым валиком и прямым краем подобных находкам в Колочине I, Корчаке и Акатове. С ними могут быть сопоставлены, пожалуй, только отдельные сосуды из Побужья [30].

Исследователи памятников VI—VII вв. черноземной полосы не без оснований выделяют для этого периода много типов сосудов, среди которых никак нельзя назвать преобладающими вытянутые баночные горшки, столь характерные для памятников типа Колочин I и Корчак. Традиционно сложившийся более высокий, по сравнению с севером, уровень развития культуры и экономики населения черноземных лесостепных и степных областей объясняет различия керамических комплексов обеих территорий. Археологические данные свидетельствуют об ином уровне развития земледелия и скотоводства, ремесел и торговли на юге по сравнению с северными соседями, что представляется естественным.

В предшествующий период в зоне лесостепных и степных черноземов были широко распространены памятники культуры полей погребений черняховского типа, оставленной экономически высокоразвитым земледельческо-скотоводческим населением (рис. 4). В последнее время в археологической литературе появилась тенденция противопоставлять предшествующие и последующие памятники периода I тысячелетия, существовавшие на одной территории. Между тем, противопоставление часто идет по неправильному пути. Исследователи нередко сравнивают с культурой полей погребений черняховского типа, во-первых, памятники, территориально разобщенные и находящиеся в различных физико-географических условиях типа Корчак и ему подобные; во-вторых, для противопоставления в основном привлекают материалы лесостепных памятников третьей четверти I тысячелетия, хронологически далеко отстоящих от черняховских II—V вв.

Нам представляется закономерным сравнение культур только территориально и хронологически близких, т. е. памятников, действительно относящихся к середине I тысячелетия, и черняховской культуры. При таком подходе, обращаясь к лепной посуде памятников черноземной полосы двух близких по времени эпох, мы увидим не только разницу, но и многие черты, сближающие эти памятники между собой [31].

А. Т. Брайчевская и В. Д. Баран, анализируя культурные особенности и, в частности, лепную посуду изучаемых ими нижнеднепровских и запад-

---

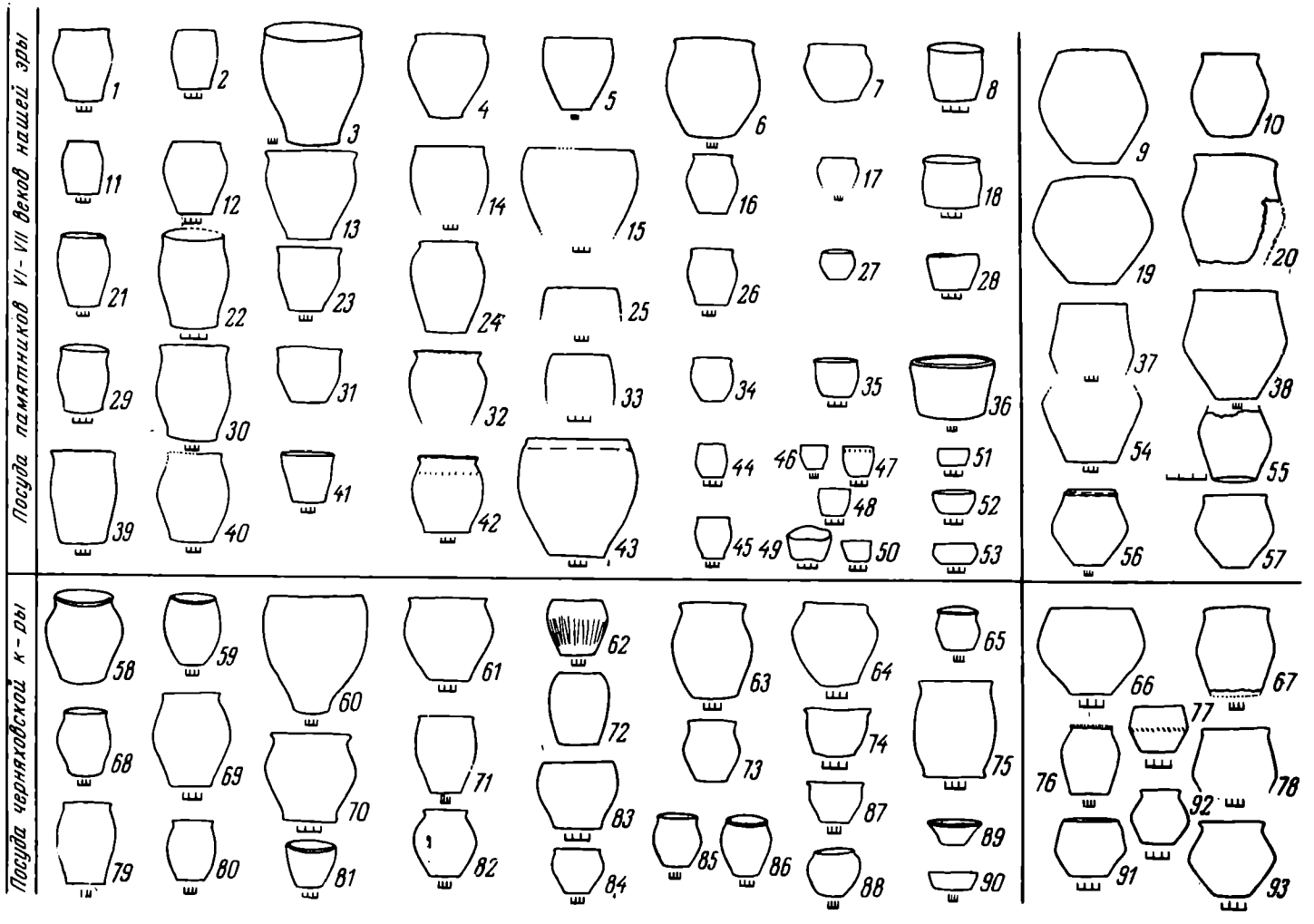
[29] Эта таблица могла бы быть сделана более компактной за счет отбора близких или повторяющихся форм сосудов, найденных на разных территориях. Однако, на наш взгляд, необходима взаимная проверка типичности форм, и для этого должно быть произведено сопоставление сосудов областей Поднепровья, Побужья и Поднестровья.

[30] В. І. Бідзіля. Залізоплавильні горни середини I тисячоліття н. е. на Південному Бузі. «Археологія», XV, Київ, 1963.

[31] На сопоставлении гончарной сероглиняной грубой и лощеной керамики, часто встречающейся на поселениях середины I тысячелетия в Поднепровье и Побужье, и аналогичной черняховской керамике мы не останавливаемся ввиду очевидного сходства той и другой, хотя у исследователей имеется тенденция сопоставлять ее с салтовской керамикой, а не с черняховской.

Рис. 3. Основные формы посуды лесостепных памятников VI—VII вв. и аналогичные лепные сосуды черняховской культуры

1, 2, 5, 14, 42, 43 — Рипнев II в Западной Украине (по В. Д. Барану); *3, 22* — Шуровцы на Южном Буге (по П. И. Хавлюку); *4, 7, 10, 24, 31, 35, 44, 47, 48, 50, 51, 52, 56* — Пеньковка, урочище Луг I в Среднем Поднепровье (по Д. Т. Березовцу); *6, 16, 27, 32, 34, 57* — Стецовка I в Среднем Поднепровье (по В. П. Петрову); *8, 55* — Кисляк на Южном Буге (по П. И. Хавлюку); *9, 19* — район Волошского в днепровском Надпорожье (по Д. Т. Березовцу); *11, 12, 17, 25, 45, 46* — Зимно в Западной Украине (по В. В. Аулиху); *13* — Молдавия (по Г. Б. Федорову); *15, 18, 21, 28, 29, 30, 36, 38, 39, 40, 41, 49, 53* — Семенки на Южном Буге (по П. И. Хавлюку); *20* — Пеньковка, урочище Молочарня в Среднем Поднепровье (по Д. Т. Березовцу); *23, 26* — Скибинцы, о. Мытковский на Южном Буге (по П. И. Хавлюку); *33* — Незвиско в Поднестровье (по Г. И. Смирновой); *37, 54* — Солгутов-Гайворон на Южном Буге (по В. И. Бидзиле); *58* — Малаешты в Молдавии (по Г. Б. Федорову); *59, 63, 86* — Будешты в Молдавии (по Э. А. Рикману); *61, 78* — Ломоватое I в Среднем Поднепровье; *60, 71, 79, 89, 90* — Черепин в Западной Украине (по В. Д. Барану); *73* — Федоровка в днепровском Надпорожье (по А. Т. Брайчевской); *62, 64, 80, 82, 84, 87* — Овчарня совхоза «Приднепровского» на Нижнем Днепре; *65, 85, 88* — Каменка Днепровская на Нижнем Днепре; *66, 67, 70* — Черняхов в Среднем Поднепровье; *68* — Лука-Врублевецкая на Поднестровье (по М. А. Тихановой); *69* — Неслухов в Западной Украине (по В. Д. Барану); *72* — Волосское в днепровском Надпорожье (по А. Т. Брайчевской); *74, 93* — Викторовка II в Причерноморье; *75* — Ракобуты в Западной Украине (по В. Д. Барану); *76, 83, 92* — Журавка Ольшанская в Среднем Поднепровье; *77* — Данилова Балка на Южном Буге; *81* — Заплазы в верховьях р. Тилигула (по М. А. Тихановой); *91* — Лохвица в Верхнем Поднепровье Подражание лепной посуде (по В. П. Петрову и Д. Т. Березовцу)



ноукраинских памятников середины I тысячелетия, уже отметили, что для материалов этого периода в области Надпорожья характерным является «наличие в них явных традиций черняховской и сарматской культур» [32], а для Западной Украины «изучение лепной керамики культуры полей погребений черняховского типа с территории Днестра и Западного Буга показало, что она по формам и фактуре довольно близка лепной посуде наиболее ранних славянских комплексов начала второй половины I тысячелетия» [33].

Подобного рода наблюдения сделаны и нами во время работ в Среднем Поднепровье, в особенности при раскопках поселений и могильников в

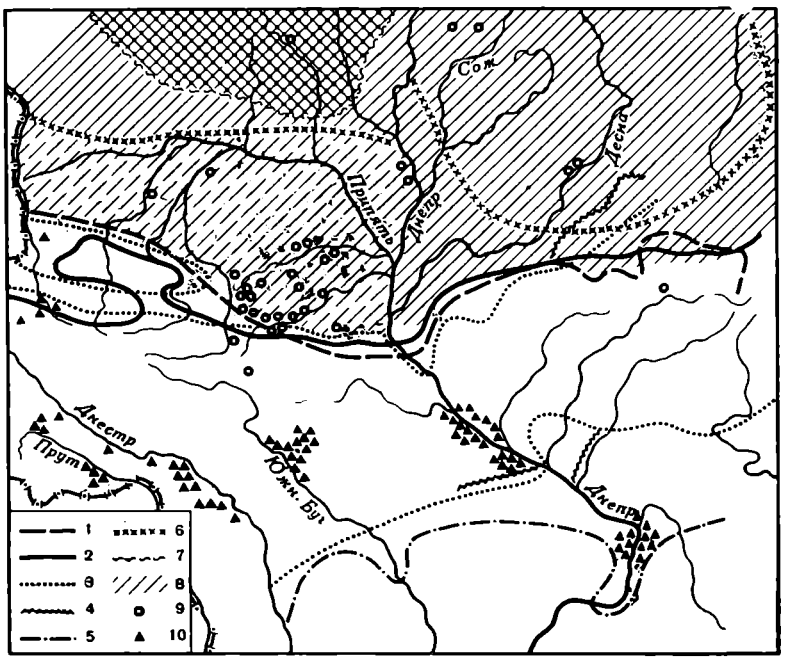


Рис. 4. Схема размещения основных памятников VI—VIII вв. лесной и лесостепной полосы в сопоставлении с границами других культур и почвенно-ландшафтными зонами

1 — северная граница памятников черняховской культуры; *2* — северная граница черноземов; *3, 4* — границы лесостепи по разным источникам; *5* — схематическая граница основной массы южночерняховских памятников Украины; *6* — границы балтийских племен к середине I тысячелетия (по М. Гимбутас); *7* — приблизительные границы культуры штрихованной керамики (по Ф. Д. Гуревич); *8* — зона балтийских гидронимов (по В. Н. Топорову и О. Н. Трубачеву); *9* — основные памятники VI—VII вв. и более позднего времени, связанные с культурами лесной полосы; *10* — основные группы памятников того же времени лесостепной полосы

Черкасской и Киевской областях. К числу общих для черняховского и последующего периода форм лепной посуды мы относим: невысокие горшки с округлыми боками и слегка отогнутым венчиком, яйцевидные горшки, края которых немного загнуты внутрь, горшки биконической формы с нерезким перегибом и выделенным венчиком, более редкие в черняховскую эпоху приземистые горшки с вертикальным краем, а также сковородки.

Особенно замечательно, на наш взгляд, совпадение основных для культуры полей погребений первых трех из перечисленных форм горшков (рис. 3). Не менее характерны этого рода сосуды и для памятников середины I тысячелетия. Например, горшки биконической формы, аналогии которым известны нам в Среднем Поднепровье на поселениях в Ломова-

[32] А. Т. Брайчевская. Поселение у балки Яцевой в Надпорожье. МИА, 108, стр. 280.

[33] В. Д. Баран. До питання про ліпну кераміку культури полів поховань черняхівського типу у межиріччі Дністра і Західного Бугу. МДАПВ, 3 стр. 88.

том I, Журавке Ольшанской и Черняхове, Д. Т. Березовец называет в числе характерных форм посуды для поселений VI—VII вв., обнаруженных на р. Тясьмине в районе с. Пеньковки[34]. В. И. Бидзиля, описывая раскопки железоплавильных горнов середины I тысячелетия на безымянном острове Южного Буга между с. Солгутов и г. Гайворон, говорит: «Горшки с биконическим туловом составляют основную форму посуды»[35]. На поселении черняховской культуры в Журавке Ольшанской один из таких биконических горшков был найден вмазанным в под печи черняховской полуземлянки (рис. 3, *76*), а в Черняхове на поселении верхняя часть подобного же сосуда (рис. 3, *67*) была найдена в яме вместе с выразительным обломком дна чернолощеного сосуда на кольцевом поддоне. Известны они и в погребениях черняховской культуры, что не позволяет их считать принадлежащими другой эпохе.

Некоторые глиняные изделия, как например, глиняные сковороды и так называемые «хлебцы», процент которых одинаково невелик в черняховских (Лука-Врублевецкая, Ломоватое I[36], Лески[37], Журавка Ольшанская[38] и др.) и последующих памятниках[39], тоже являются одним из звеньев, сближающих обе группы памятников[40]. Некоторые исследователи, например И. И. Ляпушкин, до сих пор склонны недооценивать лепную керамику культуры полей погребений черняховского типа, считая типично черняховскими только памятники с решительным преобладанием сделанной на круге посуды. Между тем многочисленные находки лепных сосудов в погребальных комплексах вместе с гончарными сосудами, показывают неправильность такого подхода.

Сходство ряда черт более ранних и более поздних памятников середины I тысячелетия лесостепной зоны прослеживается не только при сравнении керамических комплексов. В данной статье было бы неуместно развернутое изложение и подробное обоснование таких моментов сходства. Мы ограничимся кратким их перечнем. Общим для поселений культуры полей погребений черняховского типа и памятников третьей четверти I тысячелетия является выбор мест для поселения. Попытки Д. Т. Березовца, В. П. Петрова и П. И. Хавлюка противопоставить обе группы поселений утверждением, что для памятников середины I тысячелетия, в противоположность черняховским, характерно низинное местоположение поселений, не могут быть признаны удачными[41]. Хотя случаи расположения поселений середины I тысячелетия в пойме нам известны, однако

---

[34] Д. Т. Березовец. Поселения уличей..., стр. 154.

[35] В. І. Бідзіля. Залізоплавильні горни..., стр. 139.

[36] Э. А. Симонович. О раннечерняховских поселениях культуры полей погребений. СА, 1958, 1, стр. 251, рис. 1.

[37] А. Т. Брайчевская, М. Ю. Брайчевский. Раскопки в с. Леськах близ Черкасс. КСИА АН УССР, 8, 1959, стр. 51, табл. 1, *4*.

[38] Э. А. Симонович. Работы на черняховских памятниках в Приднепровье. КСИА АН СССР, 94, 1963, стр. 81.

[39] Д. Т. Березовец. Поселения уличей..., стр. 188, табл. 1. Например, в Потясьмине в урочище Молочарня на поселении середины I тысячелетия сковородки составляли 0,12% всей керамики.

[40] Следует заметить, что при подборе аналогий посуде памятников середины I тысячелетия были выбраны не отдельные случайные формы лепной черняховской керамики, но достаточно широко представленные и в большинстве случаев типичные для многих поселений и могильников культуры полей погребений.

[41] В. П. Петров. Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н. э. МИА, 108. стр. 210—211; Д. Т. Березовец. Поселение уличей..., стр. 200; В. К. Гончаров. Лука-Райковецкая..., стр. 311. Только преднамеренным желанием противопоставить во что бы то ни стало, эти группы можно объяснить категорически высказанное П. И. Хавлюком положение о памятниках середины I тысячелетия, что их «топографические условия расположения совершенно отличны от черняховских. В основном они обнаружены на надпойменных участках рек, островах, но не располагались на плато. Нет ни одного случая расположения антских поселений на месте черняховских». П. И. Хавлюк. Антские поселения средней части Южного Побужья. Канд. дис., Л., 1962, стр. 4, 129. Последнее утверждение ошибочно — на плато располагаются не поселения черняховской культуры, а могильники.

еще больше фактов, когда поселения предшествующего и последующего периода совпадают [42]. Очень часто культурные остатки двух эпох встречаются на одном и том же памятнике [43]. Число подобных примеров может быть увеличено, и нельзя считать это случайным совпадением.

Там и тут достаточно широко распространены углубленные в землю постройки, в том числе овальные и квадратные в плане. Количество черняховских поселений с полуземляночными жилищами становится все больше (например, Никольское, Привольное, Журавка Ольшанская, Лука-Врублевецкая, Незвиско, Черепин, Ракобуты, Рипнев II, Делакеу и др. [44]). В настоящее время нет убедительных доводов, чтобы считать повсеместно господствующей формой построек культуры полей погребений большие дома, как это пытался делать Э. А. Рикман [45]. Квадратные углубленные в землю жилища с печью-каменкой в углу также не являются единственным видом построек в лесостепи в середине I тысячелетия. В некоторых местностях установлено сходство отопительных устройств ранних и поздних лесостепных памятников [46]. При раскопках хорошо документированных черняховских поселений кроме очагов были неоднократно найдены сводчатые печи и даже печи, сложенные из камня (Журавка Ольшанская, Синицивка — Сабатиновка, Лука-Врублевецкая), хотя следует отметить, что последняя группа печей на памятниках черняховского типа встречается редко. Предпечные ямы и ямы хозяйственного назначения, вынесенные за контур жилища, также хорошо известны как в культуре полей погребений, так и на памятниках, ее сменяющих. Некоторые орудия труда обоих периодов также имеют сходство (глиняные пряслица, костяные «ту́пики», железные ножи, шилья и пр.).

Мы пока не знаем, какие могильники преобладали в лесостепной зоне Украины в третьей четверти I тысячелетия, но, судя по отдельным находкам, это были прежде всего «поля погребений», содержащие захоронения с трупосожжениями, и только на второе место следует поставить подкурганный обряд. Последний пока зафиксирован лишь в северных районах УССР, где распространены достаточно своеобразные и обособленные памятники типа Корчак [47]. Экономическая база населения черноземной полосы, которую составляло развитое земледелие и скотоводство при мини-

---

[42] И. П. Русанова. Поселение у с. Корчака..., стр. 35; Д. Т. Березовец. Поселения уличей..., стр. 194; П. И. Хавлюк. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы..., стр. 341, рис. 19; А. Т. Брайчевская. Поселение у балки Яцевой..., стр. 257; П. И. Хавлюк. Антские поселения.... стр. 64—65. Описание топографических условий расположения поселений середины I тысячелетия дает И. П. Русанова: «Селища обычно занимают пологий склон невысокой первой или второй надпойменной террасы и иногда примыкают к устью небольших ручьев и оврагов». Используя эти указания, можно разыскивать черняховские памятники.

[43] М. Ю. Брайчевський. Біля джерел слов'янської державності. Київ, 1964, стр. 150.

[44] А. Т. Брайчевская. Черняховские памятники Надпорожья. МИА, 82, 1960; Ю. В. Кухаренко. Поселение и могильник в селе Привольном. СА. XXII, 1955; М. А. Тиханова. Раскопки поселения первых веков н. э. в Луке-Врублевецкой (Днестр). КСИИМК, XXVII, 1949. стр. 73; Э. А. Симоновпч. Про культуру полів поховань на Поділлі (в зв'язку з розкопками в с. Луці-Врублівецькій). «Археологія», V, 1951, стр. 107; его же. Работы на черняховских памятниках..., стр. 80—81; Г. І. Смирнова. Підсумки досліджень верхніх шарів незвиського поселення. МДАПВ, 2, Київ, 1959, стр. 93; В. Д. Баран. Результаты вивчення матеріалів з розкопок на поселенні першої половини I тисячоліття н. е. в с. Черепин Львівської області. Диссертаційний збірник. Київ, 1958, стр. 72; его же. Поселения I тис. н. е. в с. Ракобути на Західному Бузі. МДАПВ, 4, Київ, 1962, стр. 86.

[45] Э. А. Рикман. К вопросу о «больших домах» на селищах черняховского типа. СЭ, 1962, 3; Е. В. Махно. Ягнятинська археологічна експедиція. АП, III, Київ, 1952, стр. 155.

[46] М. А. Тиханова. Раскопки поселения первых веков..., стр. 73; Е. О. Симонович. Про культуру полів поховань..., стр. 108; его же. Млинове спорудження перших століть н. е. на Південному Бузі. «Археологія», VI, 1952, стр. 99; его же. Работы на черняховских памятниках..., стр. 80—81, рис. 23, *4*.

[47] В. П. Петров. Памятники корчакского типа..., стр. 19, рис. 3.

мальном значении охоты и рыболовства, также была одинакова у лесостепного населения догуннского и последующего времени.

Население обеих культур поддерживало определенные межплеменные связи, в результате чего в лесостепь попадали многочисленные изделия из бронзы и серебра. В то же время на памятниках типа Корчак и Колочин I эти связи почти неощутимы [48]. Мы прекрасно понимаем, что перечисленные выше черты сходства не решают проблемы происхождения и соотношения культур во всех деталях. Однако сравнение территориально и хронологически близких памятников черноземной зоны закономерно и нужно. Нужно оно в настоящее время потому, что исследователи нередко увлекаются только противопоставлением черняховской культуры материалам середины I тысячелетия. Было бы неестественно, чтобы население последующего времени не впитало бы никаких культурных достижений предшествующего периода. Между тем предлагаемые параллели было бы совершенно невозможно провести, если бы мы попытались сопоставить черняховскую культуру с памятниками лесной полосы типа Колочина I, Тушемли, Акатова, Кветунь-Макорзно и даже с территориально более близкими лесостепными памятниками корчакской группы. Не случайно о жителях лесов и болот летописец говорил, что они живут «зверинским образом», противопоставляя их населению лесостепи. Все предшествующее развитие областей лесной зоны, с ее бедными песчаными и супесчаными почвами, пока человек не смог преодолеть неблагоприятную, по сравнению с южными районами физико-географическую среду, способствовало экономическому и культурному отставанию проживавшего там населения. И. Забелин еще в 1876 г. зорко усмотрел разницу в развитии населения, жившего в лесу и в степи [49].

Изучение памятников лесной и лесостепной зон приводит к выводу о постепенном разобщении различных групп восточнославянских племен в послечерняховский период. Мы присутствуем при крушении теории о мнимом единстве памятников середины I тысячелетия, якобы одинаковых по всем категориям материальной культуры (жилища, обряд погребения, керамика и прочий инвентарь). Исторические и физико-географические условия способствовали обособленному развитию широко расселившихся оседлых земледельческих племен, что нашло отражение и в керамическом материале. Особенности материальной культуры племен, упомянутых в летописи, возникли не сразу, а исподволь и постепенно на богатой традициями почве.

На данном этапе изучения можно констатировать сходство некоторых основных особенностей памятников черняховского типа и середины I тысячелетия в черноземных областях лесостепи и в то же время отметить обособленные от них пути развития материальной культуры племен лесной зоны.

В. В. Седов явно переоценивает роль балтов на славянских землях, когда включает всю лесную зону Поднепровья в балтскую общность археологических культур [50]. Он проецирует этот вывод на поздние памятники типа Банцеровщина, Колочин I, Тушемля и др. [51] Такое отнесение было бы правильным, если бы кроме балтийских топонимов и гидронимов в областях севернее рек Припяти и Сейма отсутствовали для этой эпохи географические названия славянского происхождения.

С другой стороны следует помнить, что многие балтийские названия пока не могут быть точно датированы. Не решен окончательно и вопрос о характере балто-славянских языковых связей в древности. Балтское

---

[48] И. П. Русанова. Поселение у с. Корчака...; Э. А. Сымонович. Городище Колочин I.

[49] И. Е. Забелин. История русской жизни с древнейших времен. М., 1876, стр. 12.

[50] В. В. Седов. Балто-иранский контакт в днепровском левобережье. СА. 1965, 4.

[51] Там же, стр. 59, 61, 62.

«единство», зафиксированное гидронимами в лесной зоне, может быть, следует отнести ко времени балто-славянской общности. Сходство керамики в VI—VII вв. в лесной зоне, характерное многими особенностями и для памятников типа Корчак, не может из-за позднего времени ее существования характеризовать балто-славянскую общность. Тем более пространство от Минска и Смоленска до Житомирщины и от Курска и Суджи до Гомельщины в VI—VII вв. нельзя включать только в балтийскую этническую общность. По демографическим законам, даже допуская быстрое расселение и естественный прирост населения, эта огромная территория, расположенная к северу от корчакских памятников, и лесостепь на юге от них не могли быть вдруг освоены славянами в течение одного — двух веков, если на севере по В. В. Седову еще в VI — VII вв. лесная полоса была сплошь балтийской, а на юге жили якобы неславянские черняховские племена. Если и для раннего железного века доводы о «победе... балтских этнических элементов» представляются пока недостаточно убедительными, то еще необоснованнее выглядит заключение В. В. Седова о существовании грандиозной балтийской общности на территориях огромной лесной полосы всего Верхнего Поднепровья буквально накануне времени появления летописных славянских племен.

Славянские археологические культуры севера и юга накануне образования Киевской Руси имели довольно резкие различия, обусловленные разными культурными подосновами предшествующих периодов. Однако, их связующие элементы безусловно имелись, что мы прослеживаем и по керамике. Одни только памятники типа Корчак невозможно признать за единственную бесспорно славянскую культуру этого времени, так как это противоречило бы письменным источникам и исторической локализации склавинов и антов у Прокопия и Иордана в VI в. Как известно, там где заведомо были славяне (северное Приазовье и Причерноморье между Днепром и Днестром), памятники типа Корчак пока не обнаружены. Лишь многовековой путь развития славян «сильных своею численностью» мог привести к широкому освоению ими больших пространств.

С. К. КАБАНОВ

К ИЗУЧЕНИЮ АГРАРНОГО СТРОЯ СОГДА В V — VI вв.

В средней части долины р. Кашка-Дарьи в 1955—1957 гг. велись археологические работы в зоне Чим-Курганского водохранилища [1]. Район работ экспедиции находился в 65 *км* от Шахрисябза, расположенного в верхней части долины, и примерно на таком же расстоянии от Карши, находящегося в ее низовой части. В ходе работ были исследованы памятники, находившиеся в зоне орошения канала (арыка) Бердали (рис. 1). Почти на всех развалинах поселений были обнаружены наслоения V—VI вв. Таким образом, в пределах одной древней сельской округи исследован комплекс развалин поселений, различных по величине и топографическим признакам, но относящихся в определенных слоях к одному времени. Это позволило в данной статье рассмотреть поселения в свете общественных отношений в один из малоизученных периодов истории народов Средней Азии.

Долина р. Кашка-Дарьи в средней части — типичная степь, прорезаемая немногими горными потоками, вытекающими с Гиссарского хребта. Орошенные земли тянутся почти сплошной полосой лишь вдоль берегов Кашка-Дарьи. Водами канала Бердали орошали довольно узкую полосу нижних трех террас северного берега реки по крайней мере с первых веков до нашей эры. Ширина этой полосы до 2 *км*, длина — около 10 *км* по прямой; на этой площади выявлено восемь памятников с наслоениями V — VI вв., некоторые из них однослойные, целиком относящиеся к этому времени. Выявляется, таким образом, ряд поселений, обитатели которых были явно связаны общностью производственных интересов, поскольку их земли орошались водами одного канала. Перед нами — типичный и, надо полагать, простейший вид расселения в стране, где основой хозяйства являлось орошаемое земледелие.

Рассмотрение памятников начнем с наиболее исследованного из них — Аул-Тепе, находившегося в среднем течении канала Бердали на краю третьей террасы менее 1 *км* от реки. Предварительное сообщение об исследовании этого памятника уже опубликовано [2], однако и здесь необходимо в кратких чертах осветить основные его особенности как архитектурного сооружения, так же как и характерные признаки представленной им культуры.

Аул-Тепе (рис. 1, 7) являлось развалинами многокомнатного здания общей площадью 34 × 28 *м*. Организующим архитектурным элементом внутреннего пространства здания являлся обходной коридор длиной около 20 *м*, охватывающий центральные жилые помещения со всех сторон. Для планировки здания характерна симметричность в расположении помещений и чередование больших (4,2 × 4 *м*) и малых (2,5 × 2,2 *м*) комнат по внешнему обводу. Надо отметить, что из восьми больших помещений внешнего обвода только два разделены тонкой стенкой с проемом, тогда как в центральной части пять помещений разделены перегородками на две части, причем три из них — наглухо, с устройством новых дверных проемов.

[1] С. К. Кабанов. Археологические памятники зоны Чим-Курганского водохранилища. ИАН УзССР, сер. обществ. наук, 1957, 2, стр. 75, 76.

План нижнего этажа был восстановлен полностью. Наличие в центре здания лестничной клетки с пандусом, ведущим наверх, а также и массивность внутренних стен дают основание полагать, что существовал и второй этаж, однако лишь над центральной частью здания; этот вывод подтверждал и характер завалов, заполнявших помещения.

Для устройства возвышенного стилобата здания был применен простой прием: от края террасы глубоким рвом отделен небольшой участок, на

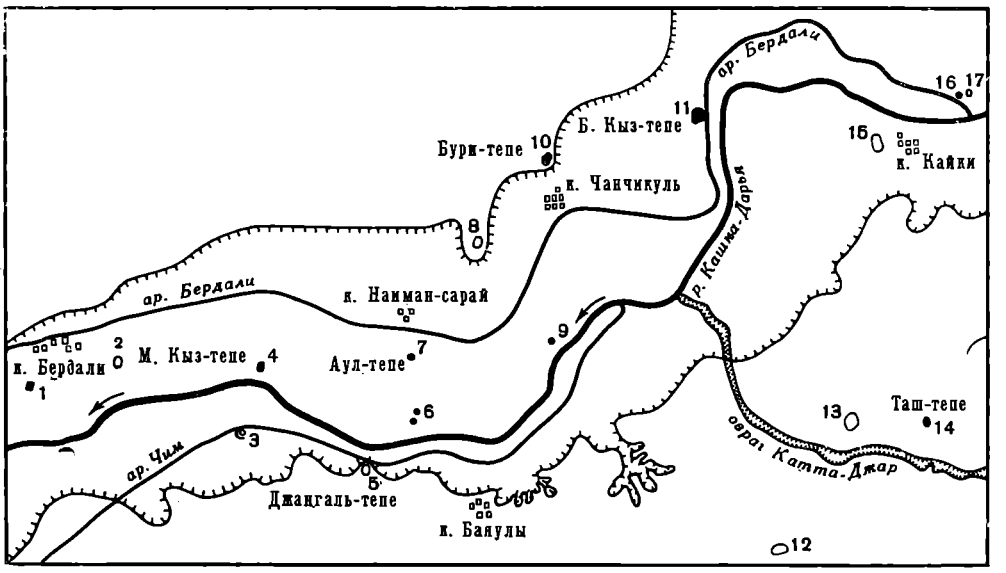


Рис. 1. Археологическая карта зоны орошения канала Бердали и прилегающей местности

1 — Бабаяр-Тепе; *2* — Намаз-Тепе; *3* — Сары-Тепе; *4* — Малое Кыз-Тепе; *5* — Джангаль-Тепе; *6* — Нарай-Тепе; *7* — Аул-Тепе; *8* — Джангаль-баба-Тепе; *9* — Халмат-Тепе; *10* — Бури-Тепе; *11* — Большое Кыз-Тепе; *12* — Калян-Тепе; *13* — Кендакли-Тепе; *14* — Таш-Тепе; *15* — Сары-Тепе

котором и был возведен замок. По другую сторону рва, против входа в здание, выявлены признаки современного ему поселения, возможно, жилищ подвластных владетелю замка людей и хозяйственных помещений.

При раскопках Аул-Тупе найден значительный хозяйственный и бытовой инвентарь. Среди сосудов наиболее характерны кубковидные чаши (рис. 2, *1—2*) и кринки со сливом под венчиком (рис. 2, *3—4*) (подобные сосуды известны во многих местах Согда); целая курильница с семью витками спиральной ложбинки на стержне (рис. 2, *5*), что, надо полагать, имело культовое значение; фрагмент кувшина с родовым знаком ихшидов Согда [3], названного У-образным знаком [4], и с его вариантами [5]. Почти все сосуды изготовлены хорошей гончарной техникой на станке, который применялся также и для изготовления котлов. Из производственного инвентаря найдены пряслица дисковидной и грушевидной форм; пирамидальные подвески для ткацкого станка; ножи и серпы (?); различные изделия из камня — зернотерки, жернова, точила и терки различных видов; кроме того, монеты, позволившие определить время существования здания от 70-х годов V в. до тюркского завоевания (563—567 гг.) [6].

---

[2] С. К. Кабанов. Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашка-Дарьи (Узбекистан). СА, 1958, 3; его же. Археологические данные к этнической истории Южного Согда в III—VI веках. СА, 1963, 1, стр. 222—226.

[3] С. К. Кабанов. Согдийское здание V в. ..., стр. 149, рис. 8.

[4] О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963, стр. 43, 62, 63.

[5] С. К. Кабанов. Археологические данные к этнической истории..., стр. 224, рис. 4.

[6] С. К. Кабанов. Нахшебские монеты V—VI вв. ВДИ, 1961, 1, стр. 137—144.

Планировка памятника необычна для жилого здания. Симметричность в расположении помещений обязывала обитателей сообразовывать свои удобства не с семейным, а скорее с общественным (или служебным) положением. Видно, что здесь сравнительно много людей жило примерно на одинаковых правах: в данной связи обращает внимание наличие восьми небольших и восьми больших помещений, прилегающих к внешним стенам здания. Почти одинаковы размеры жилых помещений в центре, но

Рис. 2. Сосуды из Аул-Тепе

все они были разделены на две равные части стенами уже в ходе использования здания, по-видимому, в связи с увеличением количества проживавших в нем семей.

Здание, раскрытое в долине Зеравшана близ поселения Кафир-Кала, является пока единственным известным памятником, в планировке которого устанавливаются признаки сходства с Аул-Тепе. Г. В. Шишкина, исследовавшая его, считает этот дом загородной усадьбой крупного землевладельца[7], однако некоторые особенности планировки памятника и устройство в стенах продухов, неизвестных в жилых зданиях, дали архи-

[7] Г. В. Шишкина. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом. ИМКУ, 2. Ташкент, 1961, стр. 192—222.

тектору В. А. Нильсену веские основания сделать вывод, что оно не было жилым. Это была дахма — здание, по назначению связанное с погребальными обрядами зороастрийцев [8]. Признаками сходства в планировке этого памятника с Аул-Тепе служат обходные коридоры и симметричное расположение помещений. Разумеется, эти черты сходства не могут быть случайными. Они отражают общие особенности еще мало изученной древней согдийской монументальной архитектуры, и, несомненно, их можно истолковать как признак высокого общественного положения владельца здания, развалинами которого было Аул-Тепе. Надо при этом учитывать идеологические особенности мышления людей в древности: в их представление о власти всегда вкладывался элемент сакральности.

Есть еще один признак, свидетельствующий о высоком положении владельца здания, развалинами которого было Аул-Тепе, это — состав керамического материала: в нем почти не было лепной керамики, тогда как в других соседних поселениях значительная часть посуды лепилась от руки. Кроме того, на некоторых сосудах из комплекса Аул-Тепе были обнаружены, как уже указывалось, знаки, встречавшиеся на согдийских монетах и определенные как родовые знаки согдийских владетелей. Исходя из этих наблюдений мы можем сделать вывод, что владетель изучаемого здания занимал выдающееся место среди жителей сельской округи.

В планировке здания не заметно особого выделения какой-либо его части для владельца с семьей, но не все помещения одинаковы. Видимо, более удобными для жилья были большие помещения внешнего обвода, они более просторны и в них должно было быть больше света [9]. Кроме того, примечательно, что ни одно из помещений внешнего обвода не делилось наглухо перегородками, тогда из шести помещений в центре, как уже указывалось, три делились наглухо, с устройством отдельных дверных проемов. Это наблюдение позволяет сделать вывод, что среди обитателей здания выделялась более привилегированная часть, им предоставлялись более удобные помещения по внешнему обводу. Помещения для самого владельца, надо полагать, были во втором этаже.

Очень существенно, что в жилых помещениях не было признаков очагов для приготовления пищи. Очаг был только в хозяйственном помещении, расположенном почти в центре здания, однако его было явно недостаточно для всех обитателей.

В Пенджикенте в зданиях удалось найти остатки вторых этажей, где размещались хозяйственные помещения (кухни, склады, пекарни [10]). Исходя из этого, возможно предположить, что и на втором этаже Аул-Тепе могли быть хозяйственные помещения, вероятнее всего, для привилегированной части жильцов. Это обстоятельство, видимо, не мешало здесь же размещаться владельцу всего здания с семьей. Нужно также учесть, что на втором этаже было не менее семи относительно больших помещений, на что указывает планировка центральной части здания в нижнем этаже. Кроме того, во втором этаже для бытовых надобностей, как обычно на Востоке, могла использоваться плоская крыша одноэтажной части здания.

Выше отмечены признаки глинобитных построек у входа в здание: по-видимому, это были жилища зависимых людей, а также и хозяйственные помещения.

Вывод о выдающейся роли владельца описанного здания в данной местности теперь, с опубликованием большой группы согдийских нумизмати-

---

[8] В. А. Нильсен. К вопросу о назначении согдийского здания около Кафир-Кала под Самаркандом. ИМКУ, 6, Ташкент, 1965, стр. 116—123.

[9] Освещение помещений, расположенных по внешнему обводу, могло быть верхним, через люки в потолке, тогда как в центральные помещения, над которыми был второй этаж, свет мог проникать только через дверные проемы, выводящие в коридор.

[10] А. М. Беленицкий. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951—1953). МИА, 66, 1958, стр. 120; В. Л. Воронина. Архитектура древнего Пейджикента. Там же, стр. 200.

ческих и письменных источников, можно несколько точнее конкретизировать.

Существовали три ступени в иерархии владетелей Согда в VII—VIII вв. [11], предположительно определяемой как уже феодальной. Верхнюю ступень в этой иерархии занимал ихшид — верховный правитель Согда, власть которого, видимо, в значительной мере была номинальной, особенно в V—VI вв. Вторую ступень в иерархии занимал афшин (собственно — «господин») [12]. Владетель этого ранга мог управлять целой округой. Владетели отдельных селений-крепостей относились к третьей ступени иерархии.

Если мы допустили, что владетель здания, развалинами которого было Аул-Тепе, возглавлял социальную иерархию всей рассматриваемой сельской округи, то, проектируя его общественное положение на приведенную иерархию согдийских владетелей более позднего времени, мы можем приравнять его к положению владетеля ранга «афшина». Обнаружение в комплексе Аул-Тепе фрагментов посуды с династийными знаками, в дополнение к другим указанным выше признакам, дает основание предположить, что владетель замка принадлежал к династии верховных владетелей Согда.

Выше отмечалась особенность планировки Аул-Тепе, заключавшаяся в том, что на первом этаже не видно помещений, в которых мог бы располагаться сам владетель с семьей: эти помещения, как уже предполагалось, были во втором этаже над центральной частью здания. Однако теперь есть возможность выяснить, хотя бы предположительно, чем объясняется особенность планировки нижнего этажа здания, расположение и размеры помещений которого позволяли разместить относительно большое количество лиц, по своему общественному (или служебному) положению почти равных. Допустив, что владелец замка являлся правителем всей округи, можно полагать, что помещения нижнего этажа предназначались для придворной челяди, а также и для хранения различного имущества.

Из документов, взятых на горе Муг известен обширный круг придворных служащих, начиная от старшего жреца и кончая палачом [13]; в число служащих включались также и воины. Конечно, были существенные различия в положении придворных. Они-то и имели значение при распределении помещений. Более сановные лица могли располагаться в больших помещениях по внешнему обводу; некоторые из этих помещений, быть может, были общими для обитателей замка. К таким помещениям относится, например, среднее в западной части здания: вдоль стен этого помещения были устроены суфы (возвышения из глины) для сиденья, в нем было обнаружено большое количество обломков посуды. Это помещение очень напоминает собой по планировке парадные залы огромного жилого комплекса в Пенджикенте [14]. Такого же типа помещение было и в северном фасе здания к западу от входа.

Небольшие помещения внешнего обвода могли предназначаться, например, для воинов или слуг, в них можно было также хранить различное имущество. В северо-восточном центральном помещении были обнаружены зольные ямы, много золы и угля было и над полом. Несомненно, это помещение было мастерской, но характер производства точно установить не удалось: по-видимому, оно было связано с обработкой металлов (здесь найдена керамическая труба, напоминающая сопло от кузнечного меха).

---

[11] О. И. Смирнова. Каталог монет.... стр. 30, 31; Согдийские документы с горы Муг. III. Хозяйственные документы. М., 1963, стр. 8, 9.

[12] В. А. Лившиц считает, что термин «афшин» не засвидетельствован в согдийских документах как титул именно согдийского владетеля. «Согдийские документы с горы Муг». II. Юридические документы и письма. М., 1962, стр. 50, 51.

[13] Согдийские документы с горы Муг, III, стр. 51, 52.

[14] В. Л. Воронина. Архитектура древнего Пенджикента. МИА, 124, 1964, стр. 52 сл.

В целом Аул-Тепе предстало перед нами как развалины замка, являвшегося резиденцией крупного владетеля; в здании было предусмотрено размещение необходимых служб, придворных и складов.

Важно рассмотреть развалины других древних поселений, расположенных вдоль канала Бердали. Вблизи головного сооружения канала находились два небольших тепе. На верхней площадке более крупного из них, известного по названием Ирзо-Тепе (рис. 1, *17*), были обнаружены остатки глинобитных стен двух небольших помещений, соединенных проемом; толщина стен 60 *см*. В помещениях найдены лишь фрагменты толстостенных сосудов, позволивших датировать памятник лишь в широких рамках — III—VI вв. Более характерный материал дало второе тепе, расположенное рядом (рис. 1, *16*). Оно было очень сильно разрушено прорезавшим его поздним небольшим каналом. Установить какие-либо конструктивные признаки не удалось, за исключением ровного пола, на котором обнаружена прослойка с битой керамикой, среди которой были фрагменты кубковидных чаш и кринок со сливом под венчиком, столь характерных для Аул-Тепе. Высота этого бугорка около 3 *м*, диаметр у основания около 30 *м*, что, учитывая его расплывчатость, свидетельствует о совсем небольших размерах существовавшего здесь в V—VI вв. здания [15].

Древние обитатели зданий, развалинами которых были оба тепе, не могли орошать свои земли водами канала Бердали, поскольку они стояли на относительно высоком берегу; быть может, в их задачу входило содержание в исправности его головного сооружения.

Примерно в 2 *км* западнее находился крупный бугор Большое Кыз-Тепе (рис. 1, *11*) [16]. Рельеф памятника двухъярусный, с конической вершиной в западной части (высота ее 12 *м*). На вершине был заложен стратиграфический раскоп, материалы которого дали возможность установить, что поселение здесь существовало с первых веков до нашей эры и до монгольского завоевания. Незначительные остатки здания V—VI вв. были установлены лишь в верхних наслоениях. Здесь была обнаружена стена толщиной 135 *см*, сложенная комбинированной кладкой с применением сырцового кирпича (размером 41 × 25 × 7—8 *см*), однотипного кирпичу из Аул-Тепе. В этом же слое найдены кубковидные чаши и кринки со сливом под венчиком. Особо отметим находку глиняного диска диаметром 35 *см*, на лицевую сторону которого до обжига закругленным острием было нанесено изображение птицы с вытянутой вверх длинной шеей, как у павлина; голова увенчана султаном в виде полукруга с нимбом из мелких насечек (рис. 3). Около края диска сделаны два налепа в виде ушей собаки. Описанный диск, по-видимому, являлся крышкой хума (корчаги), а изображения должны были играть роль оберегов [17] для содержимого (зерно, вода).

В 1,5 *км* западнее Большого Кыз-Тепе находилось городище, известное под названием Бури-Тепе (рис. 1, *10*). В 1956 г. В. Д. Жуков произвел на Бури-Тепе разведочные раскопки, в результате которых выяснилось, что этот памятник также является многослойным. Поселение существовало с первых веков нашей эры и до монгольского завоевания [18]. Наслоения V—VI вв. и здесь были обнаружены только на вершине, причем никаких сооружений, которые можно было бы с уверенностью отнести

---

[15] Раскопки Ирзо-Тепе и разрушенного тепе велись под наблюдением К. М. Аминова.

[16] В зоне Чим-Курганского водохранилища обнаружены два памятника с названием «Кыз-Тепе»; для удобства изложения данный памятник мы называли Большим Кыз-Тепе, в отличие от второго — Малого Кыз-Тепе.

[17] Г. В. Григорьев. К истории народного узора Востока. «Искусство», 1937, 1, стр. 131—134.

[18] В. Д. Жуков. Археологическая разведка на Бури-Тепе в 1956 г. ИАН УзССР, сер. обществ. наук, 1958. 5, стр. 53—58.

к этому времени, здесь не установлено, но несомненно, что и на нем было здание, современное Аул-Тепе, но уступавшее ему размерами.

В 2 *км* к югу от Бури-Тепе находится возвышающийся над самой рекой бугор Халмат-Тепе (рис. 1, *9*). На этом бугре в 1955 г. М. Д. Корзухина заложила небольшой раскоп. Выяснилось, что этот бугор естественного происхождения, только на самой его вершине был обнаружен культурный слой толщиной 30—40 *см*. Остатки стен не были выявлены.

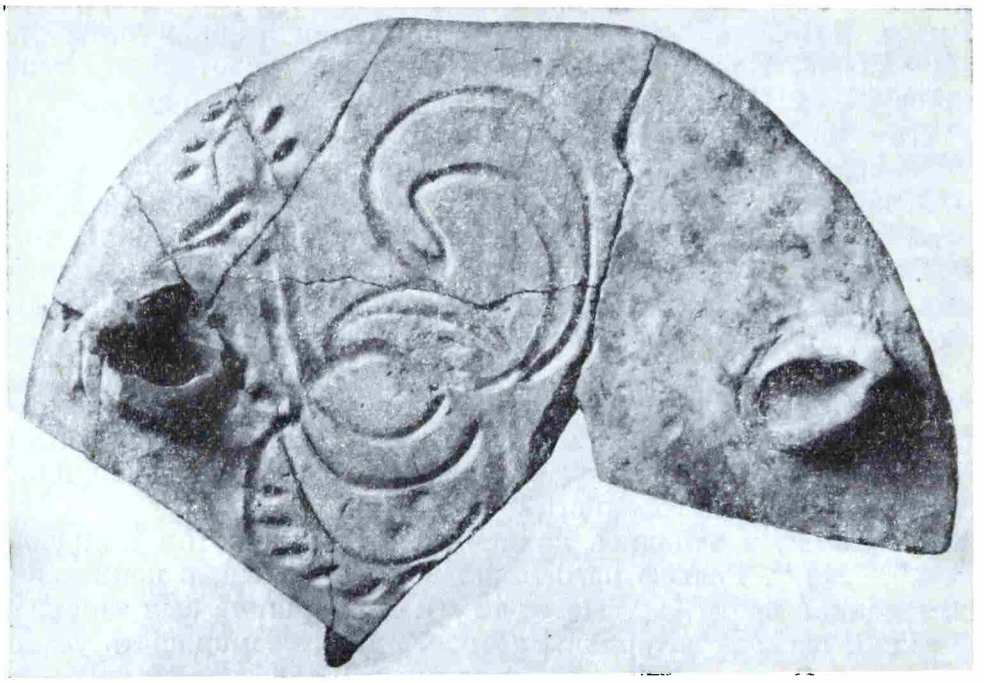


Рис. 3. Глиняный диск с магическими изображениями зороастрийцев

но найдена кубковидная чаша, позволяющая и этот памятник датировать V—VI вв. В. Д. Жуков считает, что бугор использовался лишь пастухами для наблюдений за стадами скота [19], однако значительный культурный слой, на наш взгляд, указывает на более стабильное существование поселения.

К югу от Аул-Тепе, на самом берегу реки, находится Нарай-Тепе; В. Д. Жуков установил, что здесь были разновременные постройки сельского типа [20], в целом датируемые первой половиной I тысячелетия; керамические находки свидетельствуют о том, что поселение существовало и в V—VI вв. Обитателей поселения в последний период его существования В. Д. Жуков определял как временных, спорадически использовавших старые постройки. Всестороннее изучение памятника позволяет, однако, сделать вывод, что это поселение все же являлось постоянным.

В 1,5 *км* к западу от Аул-Тепе находится Малое Кыз-Тепе (рис. 1, *4*). В результате раскопок [21] выяснилось, что поселение в основном относится к III—V вв., но в его верхнем слое найдены типичные для V—VI вв. кубковидные чаши и кринки со сливом под венчиком. Однако даже признаков стен построек в верхних наслоениях с определенностью установлено не было; это последнее обстоятельство может свидетельствовать лишь о том, что постройки последнего периода в жизни поселения были далеко

---

[19] В. Д. Жуков. Остатки древних поселений на берегу р. Кашка-Дарьи. ИАН УзССР, сер. обществ. наук, 1958, 2, стр. 89.

[20] Там же, стр. 86—89.

[21] С. К. Кабанов. Руины поселения III—V вв. в долине Кашка-Дарьи. ИМКУ, VI, стр. 71—76.

не капитальными: сложенные из глины и находясь на поверхности бугра, они были полностью уничтожены дождями и ветрами.

В пределах кишлака Бердали выявлено еще два древних поселения. На восточной его окраине находится Намаз-Тепе (рис. 1, *2*). Это — прямоугольный в плане бугор размером 150 × 100 *м* вытянутый с севера на юг. В середине восточной стороны городища расположена вершина, в одном из обнажений которой обнаружен фрагмент стены из сырцового кирпича размером 44 × 25 × 8 *см*, однотипного аул-тепинскому, чем и устанавливается наличие в памятнике слоя V—VI вв. Памятник несомненно многослойный: в обнажениях и на поверхности найдены фрагменты керамики первых веков и XI—XII вв. Из ранних находок отметим терракотовое изображение головы мужчины европеоидного типа, с широким овалом лица, слегка покатым лбом, тонко очерченными глазами, небольшим лбом и тяжелым подбородком (рис. 4); пышные усы обозначены тонкими валиками. Характерен головной убор в виде повязки с двумя выступами над лбом. От основания выступов на середину лба опущены два стерженька до переносицы, по-видимому, изображающие собой некое металлическое украшение.

Рис. 4. Голова древнего согдийца Терракота

Группа развалин древних поселений, орошавшихся каналом Бердали, с запада, в низовой его части, замыкается довольно крупным памятником, известным под названием Бабаяр-Тепе. Памятник имеет вид прямоугольника размером 200 × 120 *м*, вытянутого с севера на юг. Подъемная керамика нехарактерная, встречались фрагменты сосудов с белой поливой. В отличие от Намаз-Тепе, подрытого со всех сторон, памятник в относительно хорошей сохранности; его мощные верхние наслоения, датируемые IX—XII вв. плотно прикрывают собой более древние слои [22].

Итак, нами рассмотрены развалины поселений, в древности орошавшихся одним магистральным каналом, проведенным вдоль северного берега реки. Хронологически с этим комплексом поселений связан и один из исследованных памятников южного берега — Таш-Тепе [23], который мы здесь кратко опишем. Его сохранность и степень исследования позволяют в некоторой мере дополнить наши сведения об описанных выше памятниках.

Таш-Тепе представляет собой бугор высотой 7 *м*, квадратный в плане, с размером верхней площадки 25 × 25 *м* (рис. 1, *14*). Раскоп был заложен вдоль западной стены поселения, причем выяснилось, что вдоль этой капитальной стены лепится ряд небольших помещений с относительно тонкими стенами; этот ряд продолжается и вдоль северной стены (рис. 5). Установлено, что в середине поселения находился двор, пол которого прикрывали

---

[22] На Намаз-Тепе и Бабаяр-Тепе раскопки не велись, так как они находились вне зоны строительства. Не велись раскопки на Джангаль-баба-Тепе (рис. 1, *8*), занятом кладбищем. Все эти памятники многослойные, типа Большого Кыз-Тепе и Бурн-Тепе.

[23] В 1955 г. на Таш-Тепе вели раскопки Л. П. Матвеева и М. Д. Корзухина. Материалы этого памятника использованы с их разрешения.

мощные слои из органических остатков. Таким образом, несмотря на то, что поселение раскрыто приблизительно на одну треть его площади, планировка в основных чертах восстанавливается полностью. Есть основания полагать, что двор был обрамлен с севера и востока таким же рядом небольших помещений, как и с западной стороны. Вход был с юга, где склон памятника относительно пологий.

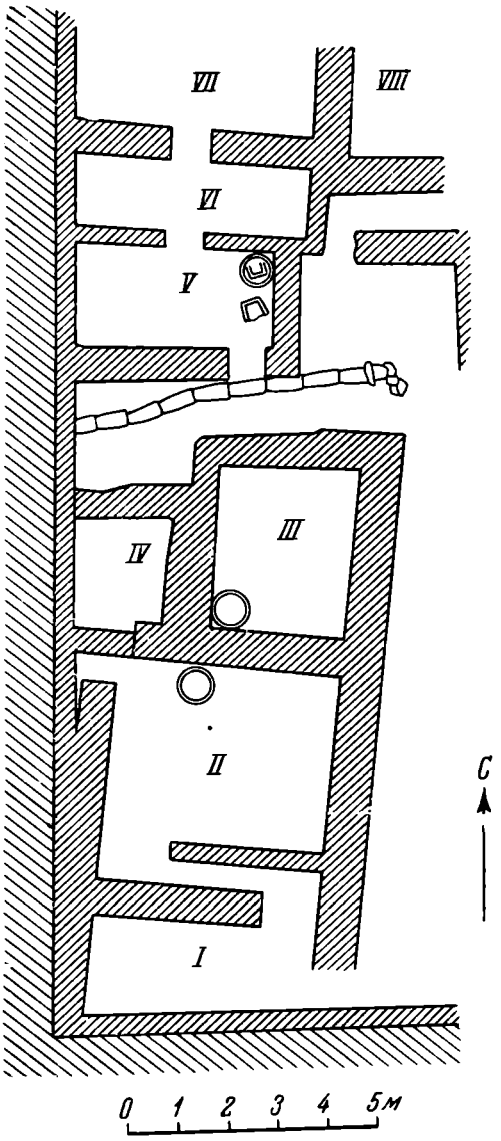


Рис. 5. План помещений Таш-Тепе

Л. П. Матвеева и М. Д. Корзухина на Таш-Тепе выявили наслоения двух строительных периодов, причем верхний слой памятника, соответствовавший последнему периоду жизни поселения, по всем основным признакам (размеры сырцового кирпича, состав керамических изделий, рис. 6) близок к комплексу Аул-Тепе. В дальнейшем нами будут использованы материалы исследования только верхних наслоений памятника, относящихся к V—VI вв.

В отличие от строгой симметричности планировки Аул-Тепе, на Таш-Тепе обнаружены небольшие, беспорядочно расположенные помещения площадью от 4 до 10 $м^2$. Все помещения, надо полагать, были перекрыты общей плоской кровлей с водоотводами во двор. Со двора воды отводились за стены здания при помощи водоотвода из крупных глиняных труб. Во дворе размещался скот на ночь, что видно из большого количества навоза, устилавшего пол.

Небольшие размеры поселения, развалинами которого является Таш-Тепе, позволяют определить количество обитателей приблизительно едва ли более чем в 50 человек. Какова же была общественная организация, в условиях которой жил и развивался этот относительно небольшой земледельческий коллектив? Определенную трудность при решении этого вопроса представляет то обстоятельство, что здание не вскрыто полностью, однако в оставшейся неисследованной его части не могло быть помещений, которые сильно отличались бы размерами и планировкой от вскрытых: для более крупных помещений с усложненной планировкой просто не хватило бы места внутри крепостных стен. Следовательно, можно полагать, что все обитатели здания жили примерно в одинаковых условиях, а это наблюдение дает нам основание прийтп к выводу, что здесь обитала семейная община или патриархальная большая семья — общественная форма, возникшая еще в условиях первобытно-общинного строя, существовавшая затем и в древности и в средневековье. Вопросу о большой семье (или семейной общине) в различных исторических условиях посвящена необозримая литература [24]. Укажем лишь на некоторые факты.

Еще в древнеассирийском обществе, во II тысячелетии до н. э., существовали большие семьи, носившие название семей «неразделенных братьев» [25]. Много позднее в соседнем Иране — в III—V вв.— большая

[24] М. О. Косвен. Семейная община и патронимия. М., 1963.
[25] И. М. Дьяконов. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949, стр. 28

семья «занимала центральное положение как основная социальная ячейка общества» [26]. В Согде в начале VIII в. отмечен факт продажи двумя братьями участка земли братьям из другой семьи, что указывает на существование семейной общины. Обширен круг этнографических источников, свидетельствующих о том, что семейные общины существовали в Средней Азии до XX в. [27].

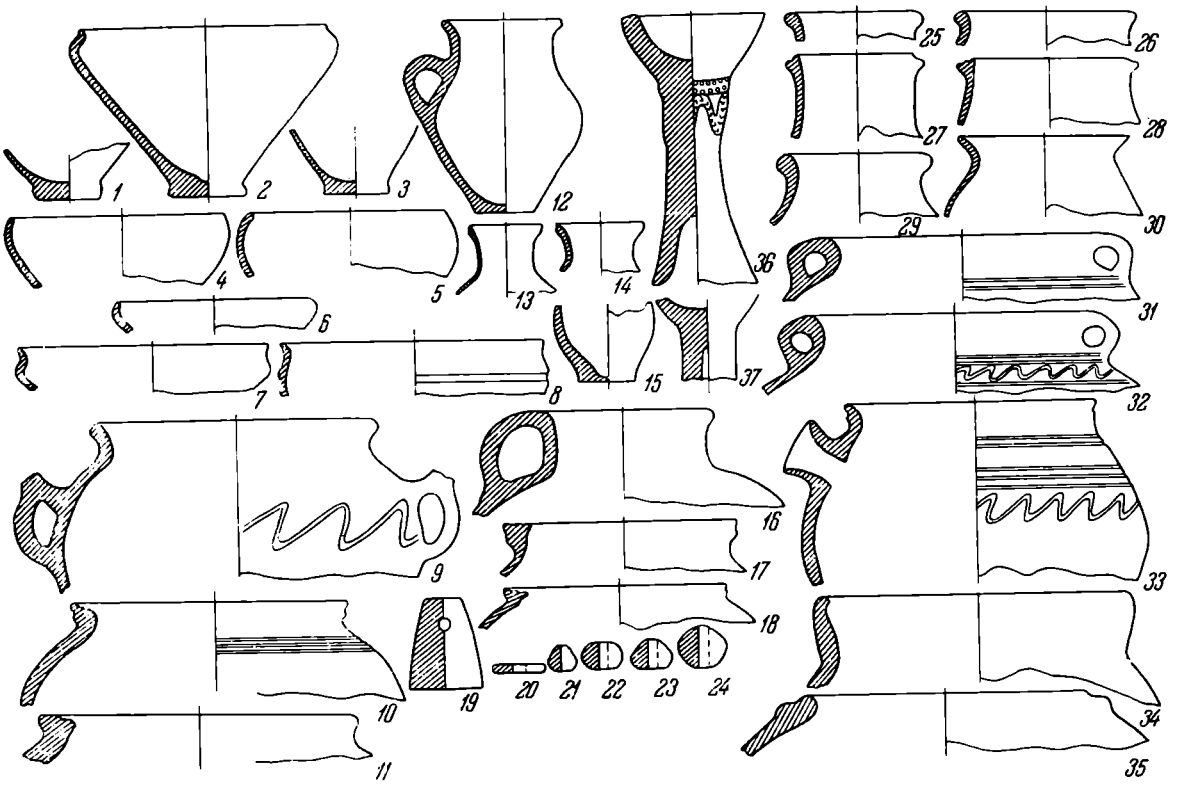


Рис. 6. Керамика верхнего слоя Таш-Тепе

Семейная община существовала повсеместно накануне образования классовых обществ; в силу конкретно-исторических условий развития она часто сохранялась и в классовых обществах в качестве уклада [28]. Особая устойчивость общины в странах Востока объясняется, видимо, еще и необходимостью применения коллективных форм труда в земледелии в условиях искусственного орошения.

Условия существования древних обитателей Таш-Тепе, насколько они выявлены, показывают, что у них могло быть лишь общее хозяйство; общим было также и потребление. Среди членов семейной общины могли быть и подневольные работники — рабы.

Таш-Тепе по типу поселения близко к замку № 19 Беркут-Калинского оазиса в Хорезме. Хотя особенности планировки внутреннего пространства замка № 19 несколько иные (в нем намечаются отдельные небольшие группы помещений), тем не менее эти помещения по размерам и характеру расположения, грубо сложенным стенам с несомненностью свидетельствуют о сходстве бытового уклада древних обитателей обоих поселений.

---

[26] Н. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье. М.— Л., 1956, стр. 181.

[27] А. Н. Кандауров. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. Тр. ИЭ, III, 1, М.— Л., 1940, стр. 40—52; Н. А. Кисляков. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX века. М.— Л., 1962, стр. 153—155.

[28] Н. Б. Тер-Акопян. Развитие взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на азиатский способ производства и земледельческую общину. «Народы Азии и Африки», 1965, 3, стр. 84—85.

Предполагается, что замок № 19 был жилищем крестьянской большой семьи [29].

Итак, нами установлены основные условия существования древних обитателей Таш-Тепе, как их можно реконструировать на основе археологических данных и этнографических параллелей. Однако обитатели поселений, развалинами которых были Большое Кыз-Тепе и Бури-Тепе, в V—VI вв. жили почти в одинаковых условиях с таш-тепинскими: они приблизительно были одинаковой величины (наслоения V—VI вв. обнаружены лишь на вершинах бугров) и построены с использованием древних развалин в качестве стилобатов. В основе их общественной организации, как можно предполагать, также были большие семьи, но, конечно, могло быть различие в числе подневольных работников; этим числом, видимо, и определялось различие в положении каждого отдельного владетеля (или главы семейной общины), социальная категория которых историческими источниками определялась словом «кетхуда». Бируни пишет, что мифический царь Феридун «назначил людей правителями своих домов, своих семейств и потомков и дал им название кетхуда, что значит: господин этого дома» [30]. В понятие кет(кед) «кроме собственного жилища главы дома, входили жилища его отделенных сыновей и других родственников, хозяйственные постройки и т. п., причем все эти постройки находились внутри одной общей ограды» [31].

До недавнего времени слово кет(кед) в форме «кат» сохранялось в живой речи ягнобцев, причем оно означало одновременно «хозяйство» и «дом», тогда как у жителей равнинной части долины р. Зеравшан эти понятия обозначались уже различными словами [32]. В топонимике долины р. Кашка-Дарьи и теперь сохранились названия «Кят», «Наукад» («Новый кят»), но так называются уже целые кишлаки.

А. И. Васильев на основе изучения согдийских, арабских и персидских источников в составе кедов различает три социальные категории: 1) «домочадцы» — ближайшие родственники домовладыки; 2) «сыновья», «зависимые», под которыми понимались дружинники; 3) рабы, слуги-воины [33]. При сопоставлении этих данных с материалами археологического изучения Аул-Тепе и Таш-Тепе следует вывод, что, по-видимому, обитатели не всех поселений делились на три названные категории; иначе сказать, сообщения письменных источников могли относиться не только к кедам, но и к поселениям других типов. Например, среди жителей поселения, развалинами которого было Аул-Тепе, могли быть все три отмеченные письменными источниками социальные категории, хотя этот памятник нельзя определить как здание, в котором обитала семейная община, но среди обитателей Таш-Тепе могло и не быть дружинников-воинов, хотя оно является развалинами кеда.

Определение развалин рассматриваемых нами укрепленных поселений как остатков жилищ патриархальных общин-кедов уже давно высказано в научной литературе [34]. Рассмотрение этого вопроса на материалах исследований в долине р. Кашка-Дарьи в некоторой мере, как можно полагать, конкретизируют сведения об этой важной стороне общественных отношений в древности. Не исключено, что при стационарных работах на таких

---

[29] Е. Е. Неразик. Раскопки в Беркут-Калинском оазисе в 1953—1956 гг. МХЭ, 1, М., 1959, стр. 113—117.

[30] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения, I, М., 1963, стр. 273. Слово «кетхуда» — персидское, в согдийском ему соответствует другое, одного с ним корня (см. «Согдийские документы с горы Муг», III, стр. 95). В дальнейшем это название мы будем передавать словом «домовладыка».

[31] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Сочинения, II, ч. 1, М., 1963, стр. 209.

[32] А. Н. Кандауров. Ук. соч., стр. 33.

[33] А. И. Васильев. Согдийцы и их вооружение. Тезисы диссертации на степень канд. истор. наук. Л., 1936, стр. 6.

[34] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 150, 151.

памятниках, как Большое Кыз-Тепе и Бури-Тепе, возможно выявить признаки разложения большой семейной общины и выделения землевладельческой аристократии — дехкан более поздних исторических источников. Впрочем надо отметить, что условия изучения слоев V—VI вв. на наших развалинах не были благоприятными, потому что и после этого времени они в течение ряда веков были заселены.

Среди рассмотренных выше памятников зоны орошения канала Бердали выделяется группа самых небольших, остатки сооружений на которых или очень незначительны, или вовсе не сохранились. К ним относится разрушенное тепе у головного сооружения канала Бердали, Халмат-Тепе, Нарай-Тепе и верхний слой Малого Кыз-Тепе.

Жилые постройки V—VI вв. в Средней Азии уже широко известны. Обычно они воздвигались на естественных или искусственных стилобатах и были укреплены. Это соответствовало условиям существования земледельческих обществ в ту бурную эпоху, когда организованная вооруженная сила даже в составе нескольких десятков человек представляла собой грозную опасность для групп поселений, расположенных вдоль отдельных каналов, подобных рассмотренным выше. Перечисленные небольшие памятники, за исключением разрушенного тепе, также были расположены на искусственных возвышениях, что позволило их обитателям вести наблюдения над окрестностями. Но они не были укреплены. Разрушенное тепе было почти без стилобата, но рядом находилось гораздо более высокое Ирзо-Тепе, с которого возможно было вести наблюдение. Наличие неукрепленных поселений свидетельствует о том, что существовала категория земледельцев настолько бедных, что они не в силах были соорудить укрепления. Необходимые запасы пищи (зерно) они могли хранить закопанными в землю в глиняных хумах, что часто встречается.

Неукрепленные поселения представляли собой глинобитные или каркасные хижины очень небольших размеров, поэтому, естественно, стены их или вовсе не сохранились, или, как на Нарай-Тепе, сохранились лишь очень фрагментарно. Небольшие размеры хижин в какой-то мере определяли и количество их обитателей: в них могли жить лишь небольшие семьи. Попытаемся определить социальную природу обитателей неукрепленных поселений, несомненно относившихся к эксплуатируемым «низам» общества, сопоставив факт существования таких поселений с данными письменных источников.

В одном из документов различаются четыре категории зависимых людей[35]. В. А. Лившиц и Б. А. Литвинский дают развернутую интерпретацию этой зависимости, три категории которой возможно определить как различные формы рабства[36]. Обращает внимание сама относительная многочисленность форм рабства. Возможно предположить, что среди трех категорий зависимых людей могли быть такие, которые выделились из хозяйства их владельца, не проживали в доме господина и вели свое небольшое хозяйство в какой-то мере самостоятельно. В Иране в более раннее время была известна категория рабов, освобожденных частично. Они, по-видимому, возделывали выделенные им участки в составе крупных рабовладельческих хозяйств[37]. Однако в V—VI вв. рабов уже переводили на парцеллы, что является признаком перехода к феодальному строю[38]. В Восточном Туркестане во II—IV вв. в распоряжении рабов были уже участки земли даже на правах владения[39].

---

[35] Согдийские документы с горы Муг, II, стр. 24, 34—37.

[36] История таджикского народа, I, М., 1963, стр. 471—477.

[37] А. Г. Периханян. К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени. ВДИ, 1952, 4, стр. 17, 18.

[38] Н. Пигулевская. Ук. соч., стр. 193.

[39] Ratna Chandra Agrawala. Position of Slaves and Serfs as depicted in the Kharosti Documents from Chinese Turkestan. «The Indian Historical Quarterly», XXIX, 2, 1953, стр. 106.

Из приведенных данных видно, что формы эксплуатации рабов или приближающихся к ним по социальному положению земледельцев были очень разнообразными. Можно еще предположить, что обитателям рассматриваемых неукрепленных поселений поручались отдельные виды работ, таких, например, как уход за скотом, садоводство, рыболовство, но и в этих случаях факт отделения непосредственных производителей от общего хозяйства кеда или других типов хозяйств — налицо; такой работник в условиях преимущественно натурального хозяйства, конечно, должен был бы иметь и обрабатываемый им самим участок земли.

Таким образом, факт ведения обитателями неукрепленных поселений своих хозяйств в какой-то мере самостоятельно не вызывает сомнений. Нельзя при этом не отметить, что три поселения рассматриваемого типа были расположены на расстоянии 1—1,5 *км* от Аул-Тепе — резиденции правителя всей округи, четвертое находилось в голове канала и может быть определено как жилище надсмотрщика за головным сооружением. Эти наблюдения дают основание предположить, что обитатели неукрепленных поселений непосредственно зависели от главы всей округи; по-видимому, это были «кедивары» более поздних исторических источников. Знаменательно, что термин «кедивар» как обозначение определенной категории земледельцев, владевших или распоряжавшихся усадьбами, существовал до XIV — XV вв., хотя социальное его содержание, надо полагать, сильно изменилось [40].

Итак, нами рассмотрен ряд памятников, которые почти все расположены на землях, орошавшихся одним каналом. Взаимосвязь или взаимозависимость обитателей этих поселений несомненна, однако при взгляде на план расположения памятников (рис. 1) прежде всего обращают на себя внимание относительно большие разделяющие их расстояния. Можно предположить, что не все развалины древних поселений сохранились, но исчезнувших без следа вряд ли было много. Из изложенного видно, что даже неукрепленные поселения строились на заметных местах; что касается укрепленных, то их развалины, надо полагать, все сохранились. Тем самым устанавливается, что жители местности, в которой и позднее не велось интенсивного земледелия, не могли испытывать недостатка в поливных землях или в землях, которые без чрезмерных затрат труда можно было бы превратить в поливные, не говоря уже о богарных. Окружающую степь вполне можно было использовать под посевы зерновых, а также для пастбищ. Факт относительно слабой заселенности местности имеет важное значение для выяснения вопроса о характере землевладения, с которым связан и вопрос о форме эксплуатации трудового населения.

Ф. Энгельс, рассматривая вопрос о происхождении земельной собственности у древних германцев, отмечает: «При редком населении всегда оставалось достаточно свободных пустошей, что делало излишними всякие споры из-за обладания землей. Только спустя столетия, когда число членов домашних общин так возросло, что при тогдашних условиях производства становилось уже невозможным ведение общего хозяйства, эти общины распались...» [41]. Таким образом, вопрос о собственности на землю на ранних этапах развития земледелия у древних германцев не был острым; речь могла идти лишь о владении обрабатываемой землей.

Сходные условия при обилии земель складывались и у горных таджиков, но в других исторических условиях — уже в начале XX в. В горной долине Вандж «феодалы не были заинтересованы в концентрации в своих руках на правах частной собственности земельных площадей,

---

[40] О. Д. Чехович. К истории крестьян Бухары XIV в. ИАН УзССР, сер. обществ. наук, 1959, 1, стр. 73, 74; там же литература вопроса.

[41] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, М., 1961, стр. 140.

и эксплуатация направлялась по линии «танхо» — владения крепостными хозяйствами, которые отдавали свой прибавочный труд в виде готовых продуктов, полученных в процессе труда на своем клочке земли»[42]. Характерно, что эти крепостные хозяйства велись большими семьями[43].

Номинальным собственником всех обширных земель в зоне орошения долины р. Кашка-Дарьи, поливных и неполивных, а также и степей в рассматриваемое время было эфталитское государство, в составе которого тогда были владения согдийской аристократии; в таких условиях, надо полагать, вопрос о земельной собственности для каждой отдельной общины или местного владетеля по существу не возникал. Но если государство было верховным собственником земли, то в этом случае «...не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей»[44].

Обилие земель при относительной неразвитости меновых отношений не способствовало закреплению их за семейными общинами или за отдельными владетелями на правах частной собственности. Земля была лишь во владении[45], размеры же владений определялись, естественно, трудовыми ресурсами каждой общины или правителя округи.

Нами приведены данные, которые позволяют прийти к выводу, что владелец здания, развалинами которого являлось Аул-Тепе, принадлежал к высшей согдийской знати, даже к правящей династии. Следовательно, это здание нельзя отнести к типу кеда — жилища семейной общины. Обитатели этого здания не составляли одной семьи, хотя бы большой, они жили в условиях более сложной общественной организации. Семья владельца могла быть многочисленной по количеству ее членов, но она не могла быть «семьей неразделенных братьев». При дворе жил обширный круг лиц, занятых в управлении и в войсковой дружине. Несомненно, при дворе было и хозяйство, как это можно видеть из документов, найденных на горе Муг, уже использованных для характеристики подобного хозяйства[46], хотя и значительно более позднего и несомненно более крупного. К сожалению, эти документы прямо не говорят об организации производства в этом хозяйстве, а следовательно, и о формах эксплуатации непосредственных производителей. В научной литературе высказано предположение, что земли дробились на участки и отдавались в аренду издольщикам[47], однако при этом в качестве предпосылки принималось малоземелье, в условиях которого легко было найти издольщиков[48].

В условиях орошения зоны канала Бердали не могло быть малоземелья, скорее всего могло не хватать рабочей силы. Конечно, нет оснований полагать, что здесь существовала латифундия — для этого слишком недостаточно были развиты меновые отношения; но, несомненно, были относительно большие участки земли, обрабатывавшиеся, по-видимому, зависимыми людьми, жившими при замке, а также и привлекаемыми работниками из подвластных кедов.

В семейных общинах не было большого различия между рядовыми общинниками и лицами, находившимися в рабской или долговой зависимости; может быть, зависимым людям работа выпала потяжелей да пи-

---

[42] Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло. М.— Л., 1936, стр. 98.

[43] Там же, стр. 56.

[44] К. Маркс. Капитал. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, М., 1962, стр. 354.

[45] М. В. Калганов. Собственность. Докапиталистические формации. М., 1962, стр. 3—9.

[46] Б. Я. Ставиский. Дворцовое хозяйство Пенджикентского владетеля. «Советское Востоковедение». 1957, 1, стр. 90—94.

[47] А. Ю. Якубовский. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.). КСИИМК, XXVIII, 1949, стр. 32.

[48] Там же, стр. 34.

ща была похуже. Поскольку успех хозяйства определялся в первую очередь трудовыми ресурсами все члены общины должны были принимать участие в производительном труде, включая и домовладыку, выполнявшего роль распорядителя.

В результате археологических работ, проведенных в зоне орошения канала Бердали, получен материал, на наш взгляд достаточный для раскрытия общественных отношений. Выявляются элементы рабства и крепостничества, что вполне свойственно для рассматриваемого переходного периода. Вместе с тем, очень ощутимы и признаки еще доклассовых отношений, выражающиеся в существовании большой семейной общины; видимо, эти отношения в данной местности были особенно сильны в связи с удаленностью от крупных оазисов орошаемого земледелия.

А. Ф. ДУБЫНИН

О ПЛЕМЕННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ОКРАИНЫ МУРОМСКОЙ ЗЕМЛИ

В лесистой и болотистой полосе при впадении р. Люлих в Клязьму находятся озера Большой Печкур и Малый Печкур, а также дер. Печкур. Их названия по своему окончанию на «кур» или «ур» близки названиям Муромского края, оканчивающимся на «ур», «нур», «тур», «чур» и т. д. В 70 *км* севернее от впадения р. Луха в Клязьму имеются по р. Ландех два селения: Большая Муромка и Малая Муромка [1]. По другим источникам Малая Муромка называется Новолесная Муромка [2]. Название селения Новолесная Муромка уже показывает, что это селение возникло в лесистой местности. Подобного рода названия населенных пунктов обычно связаны с территорией летописной Муромы. Нам кажется несомненной связь района левых притоков Клязьмы, Луха и Люлих с муромой, на что указывает топонимика Муромского края.

При обследовании археологических памятников Ивановской обл. в 24 *км* от селения Малая Муромка на правом берегу р. Лух у селения Кочкино Е. Н. Ерофеева обнаружила могильник, первоначальные сведения о котором были сообщены местным жителем А. С. Киселевым. При разведочных раскопках [3] на разрушенной местным населением части могильника были обнаружены остатки нескольких захоронений с инвентарем, представляющим для нас большой интерес [4]. В 1959 г. было раскопано около 60 $м^2$ и частично вскрыты четыре могильные ямы и несколько кострищ. Могилы содержали вещи, характерные как для мужских, так и для женских погребений. Около мужских комплексов вещей обнаружены более или менее значительные кучки жженых костей. На вещах только в редких случаях были замечены слабые следы действия огня. Вместе с женскими вещами встречались мумифицированные остатки костей, причем в некоторых случаях человеческие кости и вещи были как бы завернуты в шерстяную или льняную ткань, или это были части одежды. В одном случае (могила № 4) обнаружен женский череп с сохранившимся на нем головным убором. Незначительные остатки костяка этого погребения, как и все остальные вещи, лежали беспорядочно. Захоронения находились ниже верхнего песчаного слоя в подстилающем твердом грунте на глубине 1,1—1,5 *м* от поверхности. Вещи мужских комплексов чаще располагались у стенок ямы, в женских — ближе к середине и несколько глубже.

Наиболее богатым по количеству находок был мужской комплекс в могиле № 1, где вещи располагались в основном двумя скоплениями.

[1] Список населенных мест Владимирской губ., Владимир, 1905.

[2] Список населенных мест по сведениям 1859 г. Владимирская губерния. СПб., 1863, № 2255.

[3] Е. Н. Ерофеева. Отчет о раскопках бескурганного могильника у дер. Кочкино Палехского р-на Ивановской области в октябре 1959 г. Архив ИА АН СССР, р. 1, д. № 1925.

[4] В раскопках могильника принимал участие К. А. Смирнов.

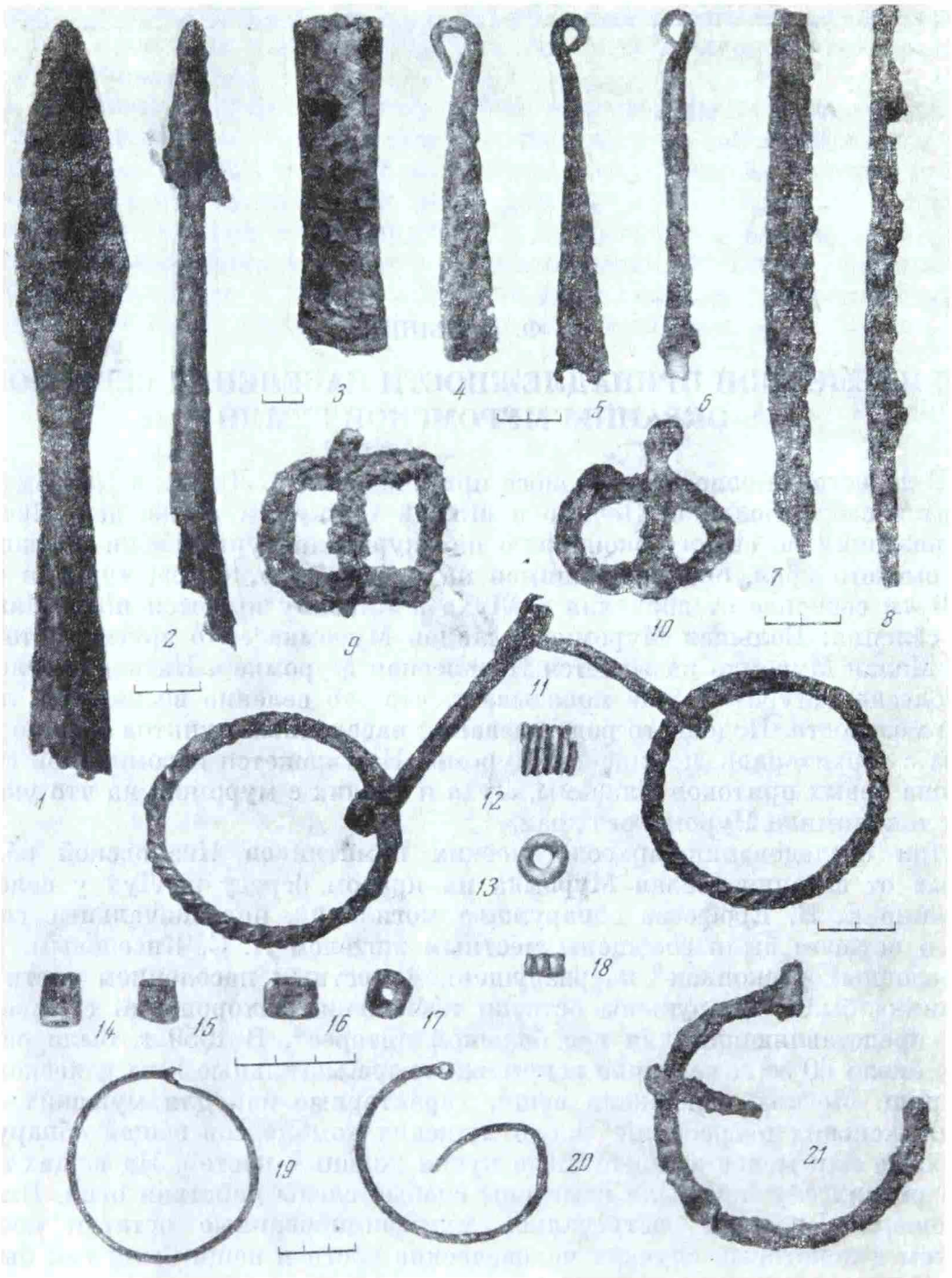


Рис. 1. Комплекс вещей из могилы № 1 Кочкинского могильника

Из находок, которые могут быть отнесены к погребению мужчины, представлены: копье, дротик, кельт длиной 15 *см*, продетый в кольца конских удил, нож, два стержня с продольным пазом, три огнива в виде пластинок с петлей, три кремня (один в виде проколки), пряжки от поясов, застежки от одежды и два горшка (рис. 1, *1—5, 8—11*; 2, *11, 12*; 3, *4, 10—13*). К женскому комплексу относятся: части венца, три височных кольца, из них два муромского типа со щитком, бусы от ожерелья — красная пастовая, две темно-синие со срезанными углами и две черные призматические, две большие застежки-сульгамы, перстень спиральный с фалангой пальца, нож, стержень с пазом и игла (рис. 1, *6, 7, 12—21*; 3, *1, 7*). Следует отметить, что так называемые железные стержни с продольным пазом и петлей на одном конце, по-видимому, являлись обоймой ножен или кошелька и

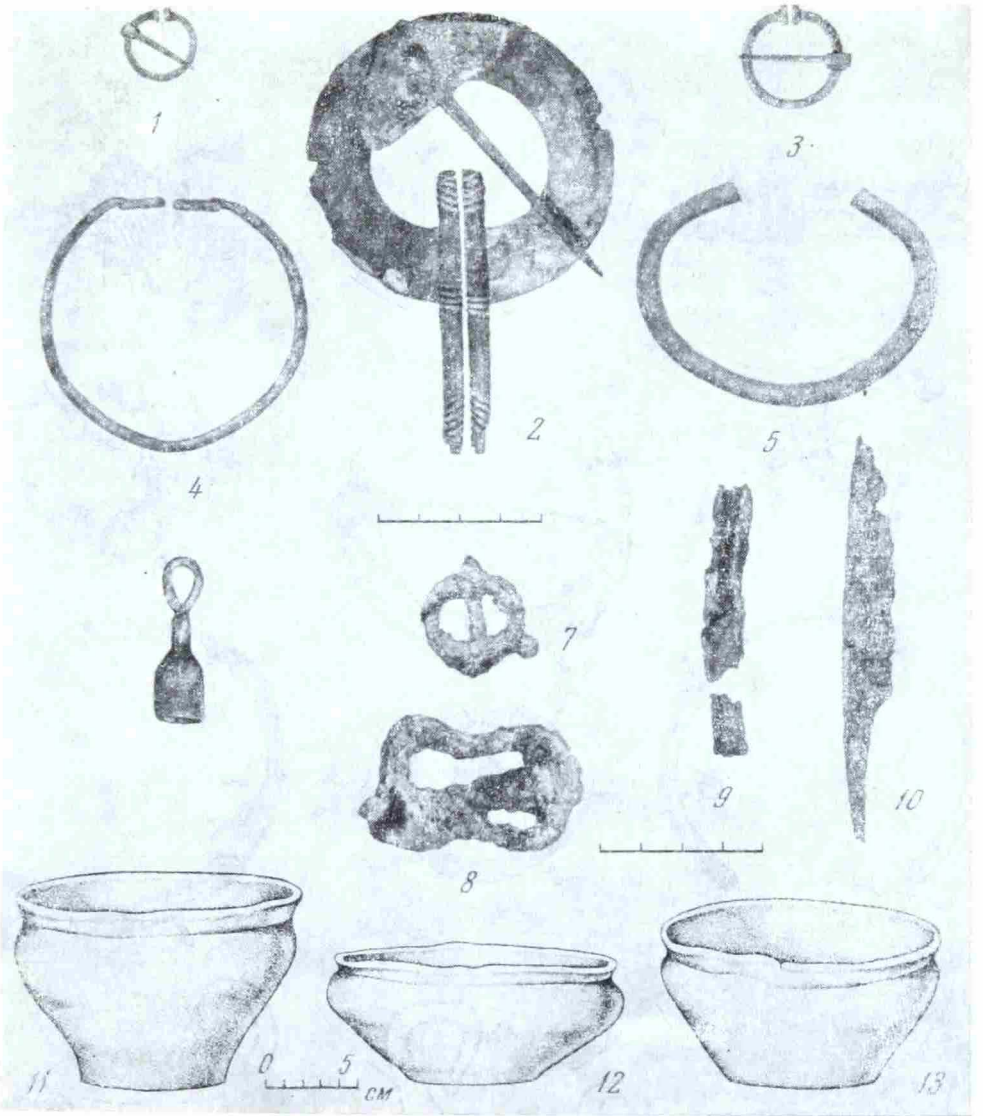


Рис. 2. Вещи из Кочкинского могильника:

1—10 — женский комплекс, могила № 2; *11*, *12* — из могилы № 1; *13* — из угольного скопления

служили для их подвешивания к поясу. В мужском комплексе один стержень с пазом мог быть от ножен, второй — от кошелька, в котором, очевидно, хранились огнива и кремни. В женском комплексе стержень с пазом мог быть от ножен.

В могиле № 2 мужской комплекс состоял из однолезвийного меча длиной 51 *см* (рукоять разрушилась), копья, кельта длиной 15 *см* и кельта в 22 *см* (последний был воткнут в землю), двух удил разного размера, ножа-кинжала, ножа и нескольких застежек (рис. 4), причем одни удила (рис. 4, *8*), нож (рис. 4, *5*) и застежка (рис. 4, *11*) находились несколько выше других вещей.

К женскому комплексу могут быть отнесены предметы, главным образом, находившиеся в средней части ямы: нагрудная бляха, два браслета, два перстня, подвеска в виде колокольчика, пряжки, застежки, нож, стержень с пазом от ножен и пряжка от пояса, к которому очевидно, был подвешен нож (рис. 2, *1—10*; 3, *3*, *5*). Следует отметить, что вместе с браслетом (рис. 2, *4*) сохранились части костей от руки, один перстень (рис. 3, *3*) был надет на мумифицированный согнутый палец детской руки. Этот перстень находился вместе с двумя ребрами, частью позвонка и двумя фалангами детских пальцев. Второй браслет (рис. 2, *5*) был вместе с мумифицированными частями пястных костей; тут же находились: части челюсти, ребра, куски желтой шкуры и кусочек прошитой

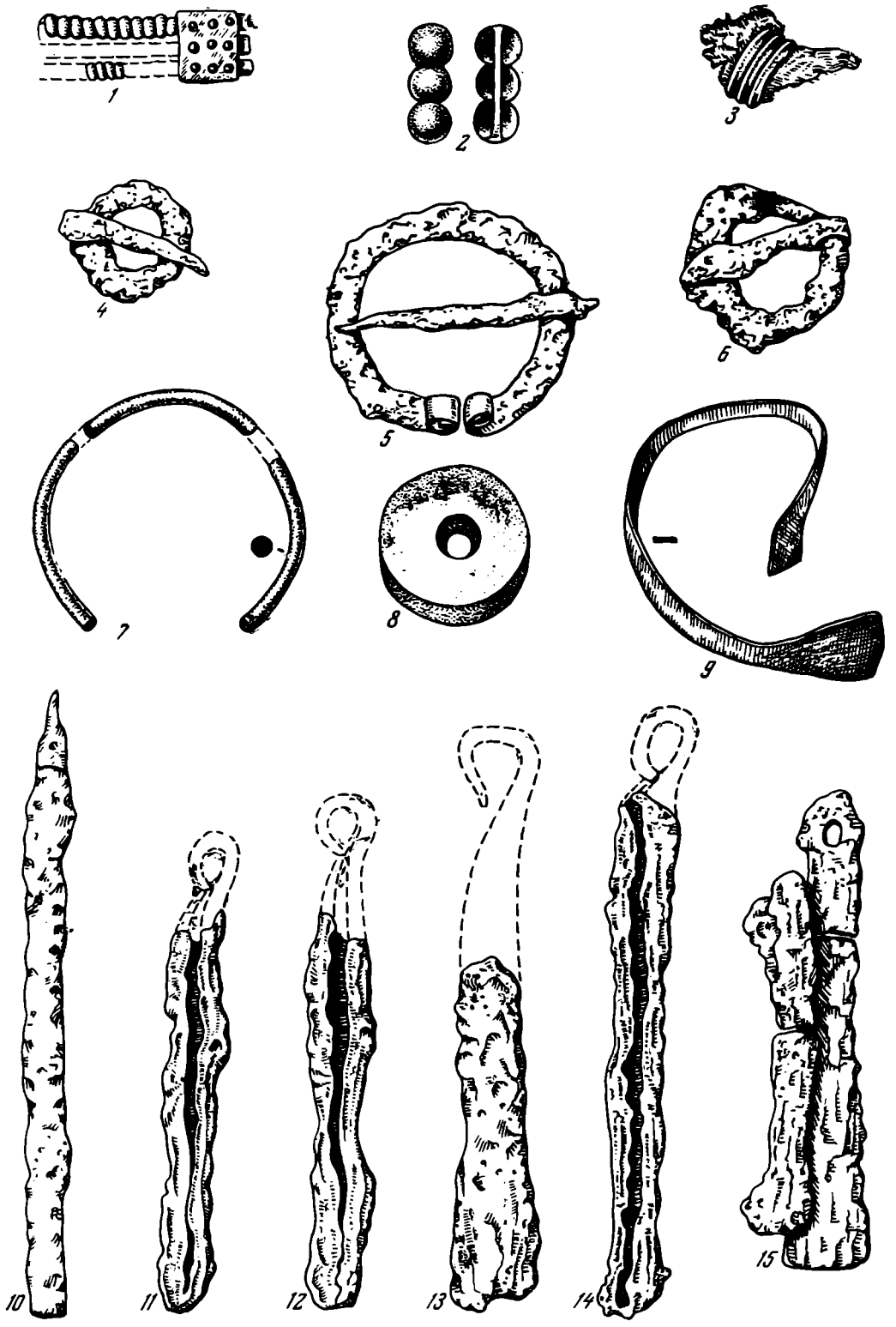


Рис. 3. Вещи из Кочкинского могильника:

1, 4, 7, 10—12 — из могилы № 1; *3, 5* — из могилы № 2; *13—15* — из могилы № 4; *2, 6, 8, 9* — из кострищ.

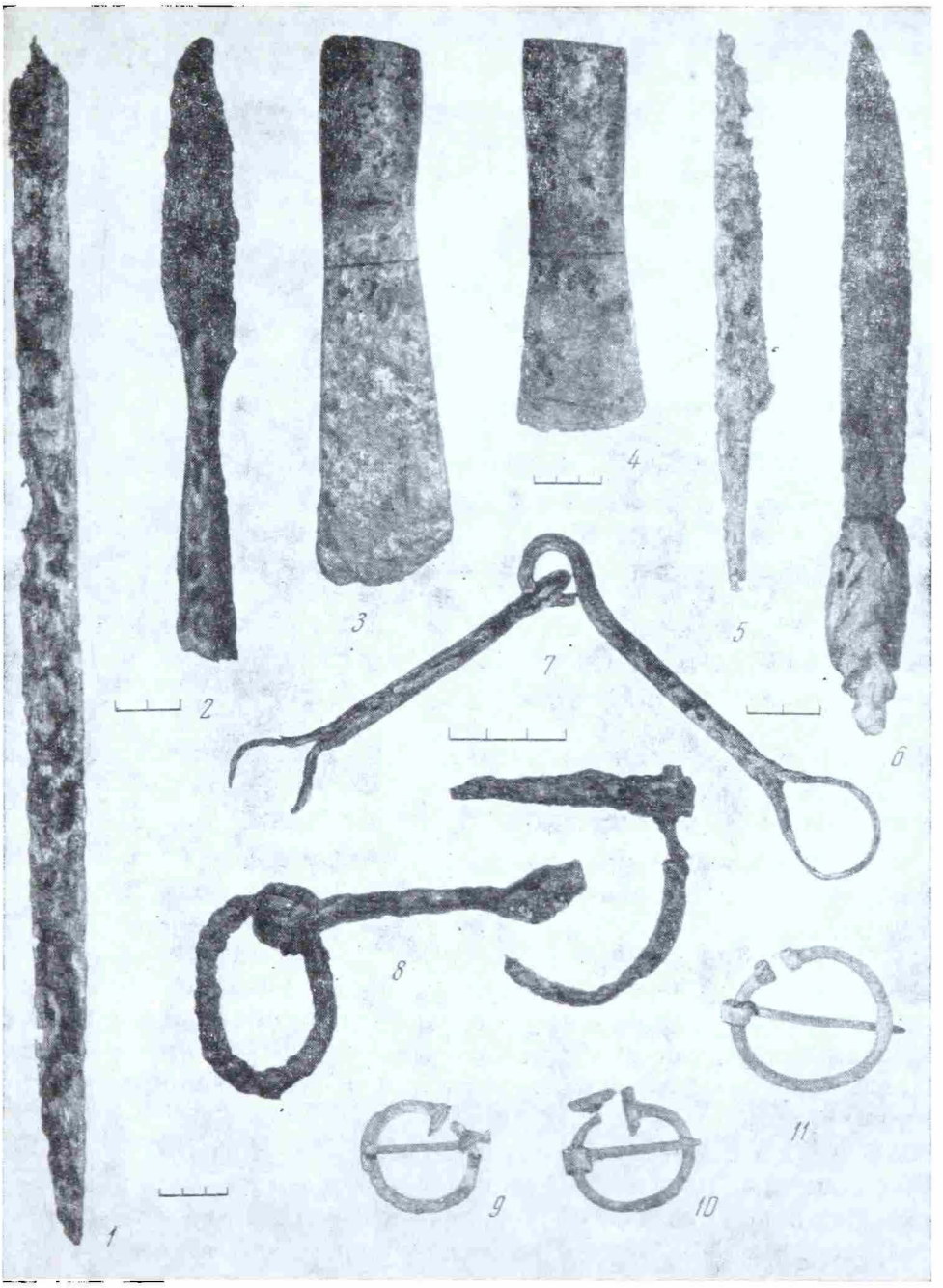


Рис. 4. Мужской комплекс вещей из могилы № 2 Кочкинского могильника

кожи, очевидно от одежды. В другой кучке нагрудная бляха (рис. 2, *2*) лежала на мумифицированных остатках грудной клетки. Здесь же лежали кости от запястья руки и обрывок темной гладкой шкуры. Каждая из этих кучек была обернута берестой и грубошерстной тканью, причем они находились в специальном углублении.

Как ни странно, но при наличии довольно богатого убранства женского погребения, что вполне соответствовало, судя по находкам, имущественному положению погребенного здесь мужчины, в данном женском комплексе не оказалось остатков головного убора. Эта часть погребения или осталась вне раскопа, что маловероятно, или обычный головной убор здесь вообще отсутствовал.

Судя по остаткам в могиле № 2 находилось два захоронения: мужское трупосожжение и захоронение мумифицированных остатков женского погребения. Перстень с мумифицированным согнутым пальцем и ряд частей костяка детских размеров может принадлежать девушке-подростку,

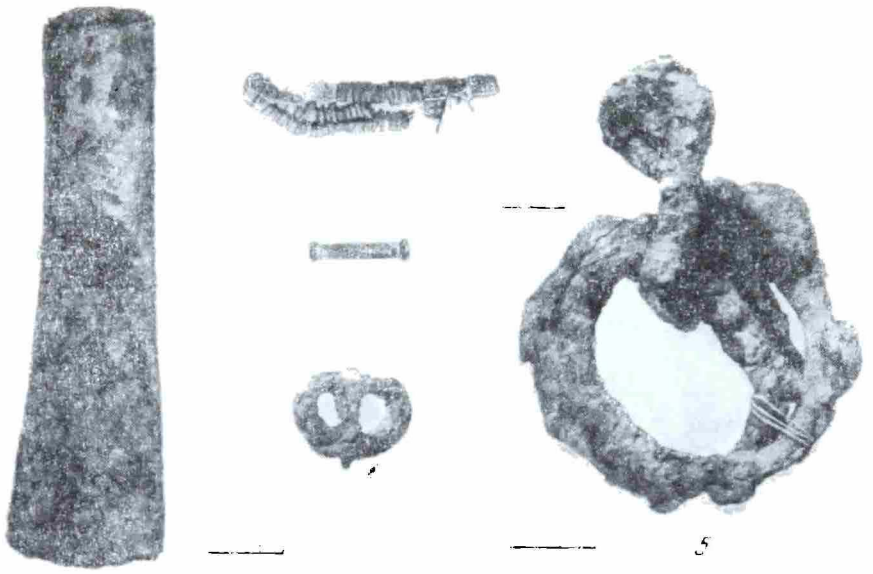


Рис. 5. Вещи из Кочкинского могильника:
2—5 — из могилы № 3; *1* — из кострища

сопровождавшей мужчину, как это не раз наблюдалось в могильниках муромы. Возможно, отсутствие здесь более нарядного головного убора и объясняется этим обстоятельством. Взрослые женщины, имевшие независимое положение, хоронились, очевидно, отдельно. По-видимому, погребения в могиле № 1 имели тот же характер, что и в могиле № 2.

Могила № 3 была беднее находками. В ней имелись остатки только женского погребения. Однако и здесь мы находим остатки характерного для Кочкинского могильника головного убора, состоящего из венца. Кроме того, здесь найдены: пронизка от ожерелья, пряжка и удила (рис. 5, *2—5*). Нахождению конских удил в женском погребении не приходится удивляться. Подобные случаи известны в Кошибеевском[5], Борковском[6] и других могильниках.

Могила № 3 с южной стороны примыкала к могиле № 4. Последняя выделялась значительным количеством женских украшений. В погребении найдены: венец, возможно и головной венчик, два височных кольца, две пары височных подвесок в виде колокольчиков, трапециевидная подвеска на цепочке, гривна в виде медной спирали, ожерелье из бус — девять красных пастовых, две темно-синие со срезанными углами, белая рубленая и синяя круглая, фибула, трехлопастная застежка, нагрудная бляха, две застежки-сульгамы, пряжки, круглая бляшка, перстень, а также остатки одежды из льняной и грубошерстной тканей. К этому погребению, очевидно, относятся также два ножа разных размеров, огниво, кремень и стержень с пазом (рис. 6, *1—31*; 3, *13—15*).

В двух частично вскрытых угольных скоплениях, имевших в разрезе чашевидную форму и глубину 60—90 *см*, найдены: в первой яме — согнутый браслет, тройная бляшка из белого металла, неопределенный железный предмет и фрагменты глиняного горшка; в другой — одна пряжка (рис. 3, *2, 6, 9*; 2, *13*).

Как правило, около могильной ямы, несколько сбоку и частично заходя на нее, находилось кострище из мощного угольного слоя толщиной около метра. В каждом кострище находились кости коровы и лошади, а в одном

---

[5] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, 25, СПб., 1901, стр. 13.

[6] Там же, стр. 41.

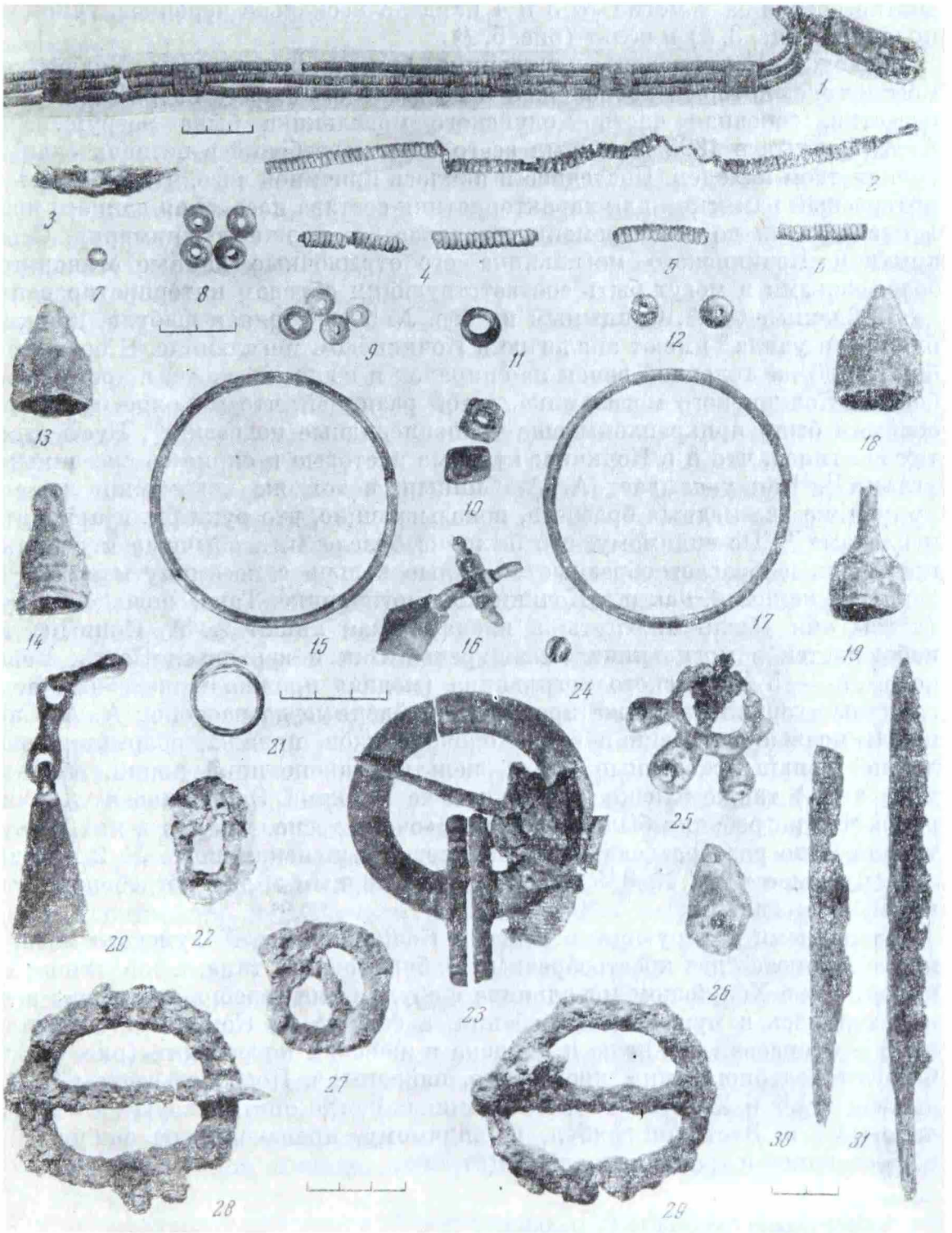


Рис. 6. Вещи из могилы № 4 Кочкинского могильника

случае — и мелкого рогатого животного. Кости коров и лошадей лежали скоплениями в анатомическом и в разрозненном виде, причем кости лошади всегда находились глубже костей коровы. В могиле № 1 на 60 *см* выше мужского комплекса вещей лежал череп лошади, а в могиле № 4 обнаружены кости крупного рогатого скота, овцы и лошади[7]. При расчистке кострища у могил № 3 и 4 найдено несколько черепков, глиняное пряслице (рис. 3, *8*) и кельт (рис. 5, *1*).

Находки Кочкинского могильника близки к находкам Хóлуйского могильника, который расположен в 26 *км* к юго-западу на р. Тезе[8]. Как известно, основная часть Холуйского могильника была разрушена и А. А. Спицын в 1895 г. вскрыл всего пять погребений с незначительным количеством находок. Последнее и явилось причиной того, что этот весьма интересный памятник для характеристики состава населения данного края I тысячелетия до сего времени оставался без должного внимания. С открытием Кочкинского могильника его отрывочные данные становятся более ясными и могут быть соответствующим образом интерпретированы.

Найденные А. А. Спицыным в погр. № 1 серебряная фибула, пряжка, бляшки и удила[9] имеют аналогию в Кочкинском могильнике. В погр. № 2 был такой же головной венец из спиралек и обоймиц, как и в трех погребениях Кочкинского могильника, с той разницей, что в Холуе к медным обоймам были прикреплены еще трапециевидные подвески[10]. Бусы здесь тех же типов, что и в Кочкине: красные пастовые и синие со срезанными углами[11]. Как указывает А. А. Спицын, в том же погребении лежали «у шеи же два медных браслета, показывающие, что руки были пригнуты к плечам»[12]. По-видимому, это были не браслеты, а обычные массивные проволочные браслетообразные височные кольца с несомкнутыми обрубленными концами, как и в Кочкинском могильнике. Такое положение рук (чтобы они «были пригнуты к плечам», как пишет А. А. Спицын) не наблюдается в могильниках междуречья Оки и верховьев Волги. Вещи погр. № 3—5 Хóлуйского могильника (медная пряжка[13], железный нож, глиняные горшки, а также предметы, найденные до раскопок А. А. Спицына: медные подвески в виде колокольчиков, пряжка, обломки проволочной гривны, железные удила, кельты, наконечники копий, обломки меча и др.) также близки к находкам из Кочкина. Замечание А. А. Спицына, что погребения были положены «очень тесно, так что в них весьма трудно было разобраться» и что совместно с женским погр. № 2 находилось мужское погр. № 3[14] является характерным и для погребений Кочкинского могильника.

Основными датирующими вещами Кочкинского и Хóлуйского могильников являются две крестообразные фибулы одного типа, с той лишь разницей, что в Хóлуйском могильнике фибула была серебряной, имела иглу и находилась в мужском погребении, а фибула из Кочкинского могильника — бронзовая без иглы и найдена в женском погребении (рис. 6, *16*). Фибулы подобного типа, кроме того, найдены: в Подболотьевском[15], Малышевском[16] и Хотимльском могильниках[17], где они датируются V — началом VI в. Этот тип фибул, по-видимому, происходит от фибул V в. с крестовиной и трапециевидным щитком.

---

[7] Определение сделал В. И. Цалкин.
[8] А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 43, 104, 105.
[9] А. А. Спицын. Ук. соч., табл. XII, *1, 21, 23, 26.*
[10] Там же, табл. XII, *27* и IX, *13.*
[11] Там же, табл. VI, *24, 10.*
[12] Там же, стр. 104—105; табл. XII, *28.*
[13] Там же, табл. XII, *29.*
[14] А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 104.
[15] В. А. Городцов. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 году. «Древности», XXIV, М., 1914.
[16] А. Ф. Дубынин. Раскопки Малышевского могильника. КСИИМК, XXIX, 1949.
[17] Коллекции Ивановского Обл. музея. Раскопки А. Ф. Дубынина, 1945 и 1947 г.

Крестовидные фибулы V в. сначала были преимущественно серебряными и встречались главным образом в мужских погребениях. Затем они, по-видимому, к концу V — началу VI в. теряют свое основное назначение. Фибулы утрачивают иглу, нашиваются на ткань и служат лишь женским украшением, даже применяются в качестве украшения женского головного убора, что прослежено В. А. Городцовым в Подболотьевском могильнике.

Вещи в могиле № 4 Кочкинского могильника, где была найдена фибула, а также в могиле № 1 того же могильника (головные венцы из спиралек и обоймиц, массивные проволочные серебряные и медные височные кольца с замком и без замка по 1—2 экземпляру с каждой стороны головы и височные подвески на ремешках, обвитых спиральками) составляют характерную особенность женского головного убора муромы V—VI вв. Не противоречит этой датировке и остальной инвентарь погребений (красные пастовые и темно-синие непрозрачные со срезанными углами бусы, большая трапециевидная и колоколовидные подвески, пряжки с хоботковидными язычками, трехлопастная застежка и застежка с крылатой иглой, рис. 6).

Вещи из могилы № 2 близки к находкам в могилах № 1 и 4. Здесь того же типа застежка с крылатой иглой, но трубочки ее длиннее, имеется бутыльчатая подвеска, которая появляется несколько позднее колоколовидных подвесок, железный кельт более удлиненной формы, что как бы указывает на несколько поздний характер данного комплекса. Однако застежка с насечкой, массивный браслет, железная продолговатая застежка имеют аналогии в погребениях V—VI вв. Малышевского могильника, и, очевидно, нет существенной разницы во времени от указанных двух погребений. Остальные находки могильника, по-видимому, одновременны с вещами трех упомянутых погребений.

Таким образом, погребения Кочкинского могильника могут быть датированы примерно V—VI вв. Что касается Хóлуйского могильника, то серебряная фибула V в., застежка с насечкой, обоймы венчика с трапециевидной подвеской с рубчиками, пряжка с обоймой, ажурная бляха и другие находки датируют могильник V—VII вв.

Итак, могильники Кочкинский и Хóлуйский принадлежат к одной группе, погребения их датируются V—VII вв. Эти погребения весьма близки к ранним погребениям того же времени муромских могильников. Все находки Кочкинского и Хóлуйского могильников имеют полные аналогии в инвентаре могильников муромы. Особо следует здесь отметить общее сходство головных уборов. Головные венцы из спиралек или пронизок на ремешках в 2, 3 или 4 ряда, чередующиеся с обоймицами, орнаментированными выпуклыми точками, с пряжкой на одном конце и наконечником на другом, браслетообразные височные кольца с несомкнутыми обрубленными концами или с замком в виде щитка, височные подвески на ремешках и спиральках в виде колокольчиков, бутылочек и трапеций являются характерной особенностью головных уборов летописной муромы V—VII вв. Вполне идентичен и весь остальной инвентарь женских и мужских погребений Кочкинского и Хóлуйского могильников и погребений муромы.

При сравнении инвентаря Кочкинского могильника с находками могильников муромы нельзя не обратить внимание и на то обстоятельство, что в могиле № 4 Кочкинского могильника была найдена трапециевидная подвеска (рис. 6, *20*), весьма похожая на подвеску в погр. № 186 Подболотьевского могильника. В обоих погребениях их найдено по одному экземпляру, а в других погребениях муромы они не известны.

Заслуживают особого внимания и сами погребения, где были найдены эти подвески. По определению В. А. Городцова, погр. № 186 Подболотьевского могильника было мужское [18]. В этом погребении при костяке были

[18] В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 88—90, рис. 52—53.

найдены: венец, по-видимому, из двух венчиков из серебряных цилиндрических пронизей и обойм с пряжкой и наконечником, затем по одному массивному серебряному височному кольцу с каждой стороны головы, две бронзовые пряжки, одна железная пряжка, бронзовая ажурная нагрудная бляха, на руках по одному браслету и по одному спиральному перстню, в области поясницы — железная пряжка, нож и две подвески. Все это настолько типично для женского погребения, что в определении пола погребенного не может быть сомнения: оно — женское. Кроме того, В. А. Городцов в описи находок упоминает спирали, напущенные на шнур из конских волос [19], что можно принять за остатки жгута, характерного для головного наряда девушки-муромки. Что касается таких находок, как копье, огниво с кремнем, шило, уздечка, кельт и обернутые тканью и рогожей серебряная и бронзовая пряжки, а также сверток из рогожи, в котором хранились, как считает В. А. Городцов, кнут и нож в ножнах, и остатки лука, то все эти находки могут быть отнесены к мужскому погребению, в виде трупосожжения, а костные остатки могли не сохраниться.

По два захоронения в одной могильной яме (мужское трупосожжение и женское трупосожжение, вероятно девушки) встречались и в других погребениях муромы, в особенности наиболее ранних. Погребение № 186 по материалам Подболотьевского могильника относится к группе погребений V—VI вв.

В могиле № 4 Кочкинского могильника обнаружены: головной венец, два височных кольца, подвеска, пряжка, пластинчатая застежка и другие вещи (рис. 6). Возможно, что это погребение сопровождало тоже мужское трупосожжение, поскольку остатки жженых костей прослеживались около женского черепа.

Таким образом, как по времени, так и по характеру инвентаря погребение № 186 Подболотьевского могильника и погребение в могиле № 4 Кочкинского могильника чрезвычайно близки. Погребенные в них лица имели очень близкое племенное родство. Исключение для Кочкинского могильника составляют: 1) трехлопастная застежка (рис. 6, *25*), имевшая довольно близкую аналогию с пятилопастной подвеской Кошибеевского могильника [20], 2) одинарная и тройная бляшки из белого металла (рис. 6, *24*), аналогичные бляшкам из того же могильника [21], и 3) браслет с плоскими концами (рис. 2, *4*). Вещи этих типов не встречались в погребениях муромы. Необходимо также заметить, что таких вещей, как: головных жгутов, налобных ремней и накостников, боковых ремней, гривен с лодочкой и некоторых других вещей, характерных для муромы, в Кочкинском и Хóлуйском могильниках не найдено. Правда, это можно объяснить и тем обстоятельством, что эти украшения у муромы получают широкое распространение лишь в VII—VIII вв., что могло не найти еще отражения в описываемых погребениях данных могильников.

Особенностью женских погребений Кочкинского могильника является еще и то, что в их инвентаре встречаются конские удила, чего не наблюдается в погребениях муромы. Наличие удил в женских погребениях имеется, как было указано, в Кошибеевском [22] и Борковском [23] могильниках.

Что касается обряда погребений и наличия захоронений животных (лошади и коровы), то все это мы наблюдаем и в могильниках муромы.

Иную картину имеем в Хотимльском могильнике, расположенном на р. Тезе в 12 *км* выше Холуйского могильника. В Хотимльском могильнике много общего в инвентаре мужских и женских погребений с находками

[19] В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 162—163.
[20] А. А. Спицын. Ук. соч., табл. IX, *7*.
[21] Там же, табл. VI, *18*.
[22] Там же, стр. 63.
[23] Там же, стр. 41.

Кочкинского и Холуйского могильников, но в нем нет основных вещей, сближающих эти могильники с могильниками муромы: височных колец, указанных выше типов, головных венцов и височных подвесок.

Женские украшения Хотимльского могильника носят иной характер. Здесь отсутствуют характерные для муромских, рязанских и других могильников женские головные уборы. Население, оставившее этот могильник, не носило височных колец, головных венцов, жгутов, налобных венчиков и ремней, накосников и височных подвесок. Женский наряд был небогат украшениями, он обычно состоял из гривны, ожерелья из бус, кольцевых застежек, пряжек, браслетов — спиральных, пластинчатых и проволочных, перстней, в одном случае была нагрудная дисковидная бляха с круглой крышкой и в одном из погребений найдены четыре крестообразные фибулы, подобные фибулам в Хотимльском и Кочкинском могильниках. В очень редких случаях встречались трапециевидные, конусовидные и в виде пирамидальных колокольчиков подвески. Мужчины, по-видимому, украшений не носили. Характерной особенностью погребений Хотимльского могильника является наличие вещей в заполнении могильной ямы над погребением. Интересна еще одна деталь. Иногда в погребениях этого могильника такие предметы, как топоры, наконечники копий, были воткнуты в землю. В Кочкинском могильнике в могиле № 2, где было два кельта, один из них тоже был воткнут в землю, чего, например. в муромских могильниках не наблюдалось. Имелись случаи, когда вещи преднамеренно были поломаны. В Хотимле не наблюдались захоронения животных.

Итак, прежде к одной группе относились Хотимльский и Холуйский могильники[24]. На самом деле они, а также и Кочкинский могильник, не составляют единой группы. Если Хóлуйский и Кочкинский могильники имеют некоторые общие характерные черты с более южными, в основном с муромскими могильниками, то Хотимльский уже всецело отражает иную, очевидно, северо-восточную группу в междуречье Оки и Верхней Волги, которая пока представлена в Ивановской области только им одним.

Хотимльский могильник иногда считают мерянским[25]. Однако следует заметить, что одновременные ему археологические памятники, расположенные восточнее, на водном пути оз. Неро по р. Нерли (Клязьминской), почти до ее устья (Сарское городище и могильник, Малое Давыдовское и Васильковское городища), имеют ярко выраженный племенной мерянский характер. Для них, как было уже установлено[26], характерны проволочные браслетообразные височные кольца с замком в виде втулки, а второй конец заострен для удобства прикрепления к головному убору, реже бывают заострены оба конца. Височные кольца первого типа со «втулкой» на Сарском городище и в могильнике составляют 60%, мерянские кольца второго типа с заостренными концами — 18% и браслетообразные кольца с обрубленными концами, имеющие широкое распространение,— 14,8% [27].

В Хотимльском могильнике нет височных украшений, характерных для мери, жившей на оз. Неро и по р. Нерли. Это обстоятельство не позволяет относить Хотимльский могильник к мерянским памятникам. Возможно, что обе группы населения имели какое-то родство, но у нас нет достаточных материалов, чтобы это утверждать.

Таким образом, Кочкинский могильник и родственный ему Хóлуйский могильник, отличающиеся от Хотимльского могильника, имеют в своей основе нечто близкое с наиболее древней частью могильников муромы.

---

[24] Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья, М., 1961, стр. 119—122.

[25] П. Н. Третьяков. К истории племен верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. МИА, 5, 1941, стр. 96—97.

[26] А. Ф. Дубынин. Археологические экспедиции Ивановского педагогического института (1939—1950 гг.). Уч. зап. ИВГПИ, III, Иваново, 1952, стр. 246.

[27] Коллекции Ростовского и Ярославского музеев.

Наличие этой общности нашло отражение в топонимике их территорий. Связь этих районов, по-видимому, поддерживалась и в последующее время. На это указывает наличие уже отмеченных выше названий селений, в районе Кочкинского могильника. Такие названия населенных пунктов, как Большая Муромка, Малая Муромка, Большая Тарка Муромская, Муромцево, Муромский, оз. Муромское и другие, встречаются за пределами центральной части земли муромы, в лесной глуши, среди болотистой и мало заселенной местности, которая, очевидно, являлась промежуточной межплеменной зоной. Возможно, что какая-то часть муромы жила на окраине другой территории иного племенного объединения. Отсутствие подобных названий в центральной части земли муромы вполне понятно: здесь не было необходимости давать подобные названия поселениям или урочищам, потому что везде жила мурома, муромцы. Муромцам называть поселки своим именем не имело смысла. Подобного рода названия могли возникать при неравномерном процессе ассимиляции местного или пришлого населения, при переселениях на «чужие» земли, когда отдельные поселения среди инородцев в виде островков еще долго сохранялись.

В данном случае, по-видимому, было то же обстоятельство. Мурома с усилением феодальной эксплуатации частично уходила из своих пределов в менее досягаемые для феодальной эксплуатации глухие места, на окраину своей земли или же селилась на окраине соседних земель. Одним из таких пунктов и являлся район Кочкинского могильника, где с более отдаленных времен существовала связь с землей муромы. Так возникали поселки с названиями, отражавшие муромский компонент населения. Основатели этих поселков, очевидно, были выходцы из муромы. Окружающее население выделяло их названием поселений. У жителей этих населенных пунктов могли сохраняться продолжительное время старые племенные черты, что в свою очередь также способствовало сохранению за ними их племенного названия.

Древние поселенцы, оставившие могильники типа Кочкинского и др., были связаны водным путем со своей первоначальной родиной. Выходцы из Муромской земли могли подняться по р. Луху и ее притоку р. Ландех и обосноваться в верховьях этих рек, пользуясь прикрытием лесистой и болотистой полосы в низовьях Луха. Очевидно, в этом месте граница территории муромы проходила довольно близко к Клязьме, что давало возможность беспрепятственного движения муромы в низовьях Клязьмы.

На пограничное положение этого района указывают и такие названия, как Мордовская, Мордвиново, Черемисино, Черемиска в Вязниковском районе, оз. Черемыское в Гороховецком районе и др. Последние названия идут в пределы северных и северо-восточных районов [28].

В полосе от устья Клязьмы до р. Тары был стык двух обширных областей Окско-Клязьминской и Волго-Клязьминской. Названия мест, связанные с черемисами, оказываются на этом стыке.

По свидетельству начальной летописи территория мери в направлении устья Оки с одной стороны соприкасалась с землями муромы и с другой — с территорией черемис: «На Белеозере седять весь, а на Ростовском озере меря, а на Клещине озере меря же; по Оце реце, где потече в Волгу, мурома язык свой, и черемиса свой язык, мордва свой язык» [29]. Где проходила граница Мерянской земли и черемис — еще не вполне ясно и это дело дальнейших изысканий.

Итак, топонимические данные, указывающие на существовавшую в прошлом связь района низовьев левых притоков Клязьмы-Тезы, Луха и Люлих с территорией летописной муромы, подтверждаются и археологическими материалами. Кочкинский и Хóлуйский могильники составляют

---

[28] Т. Семенов. К вопросу о родстве и связи мери с черемисами. Тр. VII АС, II, Ярославль, 1891.

[29] ПСРЛ, I, стр. 5.

одну группу, близкую к ранним муромским могильникам V—VII вв. Связь этих двух районов, по-видимому, поддерживалась и в последующее время существования муромы, в результате чего до нашего времени и сохранились названия селений, связанные с племенным названием муромы, что характерно для окраины и межплеменной пограничной полосы. Однако население, оставившее указанные два могильника, не может быть причислено к основному населению земли муромы. Оно, очевидно, имело смешанный характер, находясь на границе другого племенного объединения, одним из археологических памятников которого и является Хотимльский могильник.

Дальнейшее изучение остатков Кочкинского могильника, надо надеяться, даст еще много интересного для изучения одного из мало изученных районов «по Оце реце, где потече в Волгу».

Л. А. ГОЛУБЕВА

КОНЬКОВЫЕ ПОДВЕСКИ ВЕРХНЕГО ПРИКАМЬЯ

Пережитки культа коня, восходящего к глубокой древности, отмечены в археологии, этнографии и фольклоре почти всех народов Восточной Европы. Образ коня был повсеместно связан с солнцем и богиней природы — матерью всего сущего. Отсюда охранительное значение изображений коня, часто совпадавших у многих народов: коньки на кровлях домов [1], резные коньки на посуде, утвари, гребнях [2] и т. д. Конь был также символом благоденствия, счастья и плодородия [3]. Вероятно, именно поэтому он изображался на металлических подвесках, являвшихся специфически женским украшением. Эти последние у разных народов значительно отличаются друг от друга и в то же время в силу традиций длительное время сохраняются в одной и той же этнической среде.

Таковы литые изображения коньков и всадников в женских погребениях салтовской культуры VIII—IX вв.; мерянские коньки X — середины XI в., выполненные в технике филиграни и дополненные шумящими привесками; восточнославянские литые коньки-обереги XI — начала XII в. с солярными символами. Далеко не всегда удается проследить истоки того или иного женского украшения с изображением коня, но в отдельных случаях можно наблюдать удивительную стойкость образа.

В этом отношении большой интерес для исследователя представляет территория Верхнего Прикамья. Здесь история коньковой подвески как женского украшения, имевшего важное культовое значение, раскрывается на протяжении многих столетий, на фоне изменявшихся условий производственной жизни, общественных отношений, этнических и культурных связей.

В археологических памятниках Прикамья бронзовые литые фигурки коней, служившие амулетами-оберегами, появляются с ананьинского времени. Наиболее ранние находки — коньки с Заюрчимского селища и с городища Алтын-Тау Пермской обл. [4]. Последняя фигурка происходит из культурного слоя поселения IV—III вв. до н. э. По мастерской передаче облика животного (рис. 1, *1*) эта находка стоит гораздо выше более поздних

---

[1] П. Н. Шульц. Работы тавро-скифской экспедиции (1945—1946). «Памятники искусства». М., 1947; А. К. Сыропятов. Отражение чудовищного стиля в архитектуре крестьянских построек Пермского края. Пермский краеведческий сборник, 1, Пермь, 1924, стр. 37—51; М. Г. Худяков. К вопросу о пермском зверином стиле. СГАИМК, 8, 1931.

[2] И. В. Синицын. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья. СА, VIII, 1946, стр. 76—77.

[3] А. В. Городцов. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Тр. ГИМ, 1, М., 1926, стр. 24; Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. Сб. «История культуры древней Руси», II, М., 1954, стр. 400.

[4] В. А. Оборин. Некоторые итоги и задачи изучения железного века Верхнего и Среднего Прикамья. «Вопросы археологии Урала», I, Свердловск, 1961, стр. 60; Е. Н. Черных. Городище Алтын-Тау. Отчеты Камской (Воткинской) экспедиции Института археологии АН СССР, I, 1959, рис. 7, *12*.

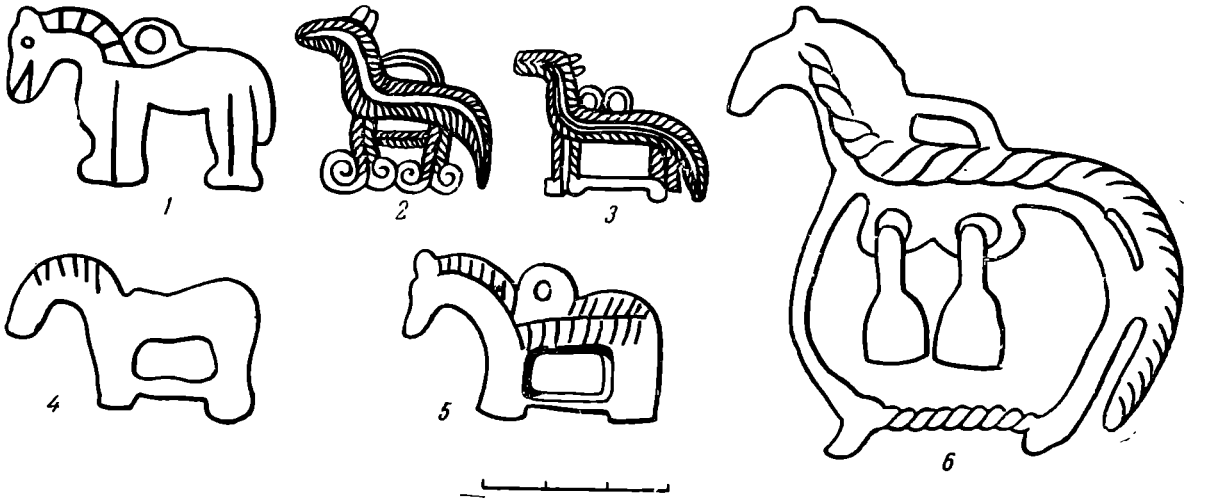


Рис. 1.

1 — Алтын-Тау; *2* — Воробьевский могильник; *3* — «Атамановы кости»; *4* — Поломский могильник, погр. № 23; *5* — Поломский I могильник, погр. № 74; *6* — Айшинский могильник

фигурок лошадей и всадников с Гляденовского костища[5]. Некоторые из них, вероятно, служили украшениями одежды, большинство же имело ритуальное значение, являясь амулетами, идолами или жертвенными вещами[6].

Эпоха великого переселения народов сказалась в Прикамье начавшимся уже с III в. перемещением больших этнических групп и значительными изменениями в хозяйственной деятельности населения. Не без влияния пришлых угорских скотоводческих племен ведущими отраслями хозяйства населения в IV—V вв. становятся скотоводство и земледелие. Как в Верхнем Прикамье, так и в Вятско-Волжском междуречье для этого времени характерно явное преобладание лошади среди других домашних животных[7]. Лошадь играла особую роль не только в хозяйстве, но и в идеологии местного населения. Об этом свидетельствуют погребальный обряд и искусство. В могильниках часты находки костей лошади и конской сбруи, удил и стремян, причем кости лошади как жертвенного животного, остатки уздечек и удила встречаются и в женских погребениях, хотя реже, чем в мужских. В искусстве к старым мотивам лесных зверей — волка, медведя, лося — присоединяются мотивы степной птицы и коня. Мотив коня становится преобладающим. Все это позволяет говорить о сложившемся в ломоватовское время в Прикамье культе коня[8]. На раннеломоватовских памятниках Верхнего Прикамья (Опутятское городище, Кудымкар, Грудята, Зародятское селище и др.) найдено значительное количество бронзовых одноглавых коньков, иногда покрытых точечным или глазковым орнаментом, подтверждающим связь образа коня с солярным культом. Подобно гляденовским, эти коньки не имели отверстий для подвешивания и, очевидно, нашивались на одежду.

В это же время в курганных могильниках Верхнего Прикамья, появление которых связано с приходом угорских племен, встречаются скульптурные изображения приземистых коньков со сквозным отверстием для подвешивания. Они найдены впервые в женских погребениях Бурковско-

---

[5] Н. Н. Новокрещеных. Гляденовское костище. ТПУАК, IX, Пермь, 1914.

[6] В. Ф. Генинг. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа. Тр. Казанского ФАН СССР. Сер. гуман. наук, 2, Казань, 1959, стр. 172.

[7] О. Н. Бадер, В. А. Оборин. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958, стр. 154; В. Ф. Генинг. Азелинская культура III—V вв. Ижевск, 1963, стр. 25.

[8] М. Г. Худяков. Культ коня в Прикамье. ИГАИМК, 100, 1933, стр. 260 сл.; И. Н. Смирнов. Пермяки. ИОАЭКУ, IX, 2, Казань, 1891, стр. 253—285.

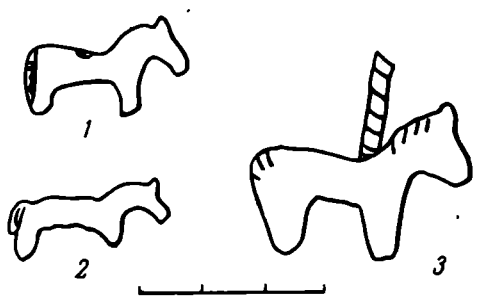


Рис. 2. Митинский могильник
1—2 — погр. № 4; *3* — погр. № 9

го[9] и Митинского[10] могильников IV—V вв. Коньки (парные) свисали со шнурков, унизанных бронзовыми спиралями и, вероятно, прикреплявшихся к поясу (рис. 2).

Сходные бронзовые отливки коней обнаружены в женских погребениях VI—VII вв. Носковского[11] и Плесинского[12] могильников Верхней Камы.

Изображения коня в первой половине — середине I тысячелетия были широко распространены и у других племен Прикамья. В Вятско-Волжском междуречье известны целые композиции из идущих друг за другом коней, которые чеканились на бронзовых пластинах, помещались на ажурных арочных украшениях. Как и на Верхней Каме, изделия с изображением коня являлись принадлежностью женского убора. С полной достоверностью это устанавливается из описания погребений: № 8 Вичмарского[13], №№ 5, 11, 28 Суворовского[14], №№ 52, 91 Младшего Ахмыловского и № 36 — Мари-Луговского могильников[15].

Коньки-подвески по стилю и технике изготовления отличны от верхнекамских. Одни из них выполнены в так называемой наборной технике (рис. 1, *2, 3*), другие — в технике скульптурного литья (рис. 1, *6*).

Литые коньки иногда подвешивались на ремешках к пластинам с чеканными силуэтами коней, служившим «нагрудниками» или «передниками».

Вряд ли можно сомневаться в том, что эти вещи были не только украшениями, но имели и магическое значение. Так же как у позднейших марийцев, определенные мотивы вышивки на груди женской рубахи носили названия «сторожа грудей»; имея назначение охранять молоко кормящих женщин, коньковые подвески должны были оберегать грудь (и лоно) женщины от всякого зла и сообщать ей плодородие.

В бассейне р. Чепцы, где в V—IX вв. известны памятники поломской культуры, принадлежавшей предкам древних удмуртов, все находки подвесок-коньков также связаны с женскими погребениями[16]. Поломские коньки-подвески представлены двумя типами. Первый — объемные полые фигурки со сквозным отверстием для подвешивания. Второй — плоские, с петлей на шее и перемычкой между ног, отчасти напоминающие коньков из Вичмарского и Айшинского могильников, но гораздо более приземистые (рис. 1, *4, 5*). Оба типа коньков встречаются в Поломском могильнике

---

[9] О. Н. Бадер. Отчет об археологических раскопках, произведенных в 1953 г. Архив ИА АН СССР, Р 1/914, стр. 43, погр. № 54.

[10] В. Ф. Генинг. Археологические исследования Коми-Пермяцкого музея в 1956 г. Архив ИА АН СССР, Р 1/1367, погр. № 4 и 9.

[11] Архив А. А. Спицына в ЛОИА, ф. № 5, оп. 363, л. 128.

[12] В. А. Оборин. Отчет о работе археологической экспедиции Пермского гос. университета и Коми-Пермяцкого Окружного краеведческого музея в 1961 г. Архив ИА АН СССР, Р 1/2280, погр. № 45.

Приношу благодарность В. Ф. Генингу, О. Н. Бадеру и В. А. Оборину за разрешение использовать неопубликованные материалы их экспедиций.

[13] М. Г. Худяков. Воробьевский и Вичмарский могильники. ИОАЭКУ, XXXIV, 3—4, Казань, 1929, стр. 80.

[14] В. Ф. Генинг. Азелинская культура, стр. 114 и 122—123, рис. 19, 23, 25.

[15] Г. А. Архипов. Младший Ахмыловский могильник. Отчет о работах Марийской археологической экспедиции за 1962 г. Архив ИА, Р 1 № 2466, рис. XXXIV, *6* и XXXVII, *11*; А. Х. Халиков. Очерк истории населения Марийского края в эпоху железа. Тр. Марийской археологической экспедиции т. 11, Йошкар-Ола, 1962, стр. 180, рис. XXXV, *1*.

[16] Эрмитаж, Отдел первобытной культуры, секция северо-востока, колл. 606, погр. комплексы № 15, 22А, 23, 74, 80; МАЭ, колл. 1384, погр. 118.

на протяжении столетий, как в самых ранних погребальных комплексах [17], так и в поздних [18] (рис. 3). В могильнике поломской культуры Мыдланьшай (VIII—IX вв.) единственная находка конька-подвески происходит из погребения девушки [19].

В памятниках сменившей поломскую — чепецкой культуры (XII—XIII вв.) известно женское украшение в виде стилизованных двухголовых коньков, выполненное в технике филиграни со множеством привесок-бубенчиков.

Позднее стилизованные конские головки изображались на женских нагрудниках удмурток в вышивке, а фигуры коней — на металлических подвесках-оберегах (дэндерах), прикреплявшихся к ожерелью [20].

Рис. 3. Поломский I могильник, погр. № 118. VIII — начало IX в.

Литые фигурки коней, близкие ломоватовским, но с петлей на спине, известны и в Бахмутинском могильнике на р. Уфе [21], оставленном древними уграми [22]. Судя по описанию погр. № XXIV, раскопанного А. В. Шмидтом и датированного им VI — VII вв., коньки и здесь были принадлежностью женских погребений.

Несмотря на различия, коньки-подвески, ломоватовской, позднепьяноборской или азелинской, поломской и бахмутинской культур (рис. 4) сохраняли близкое родство и имели одинаковое функциональное назначение. В известной мере это обстоятельство следует отнести за счет угорского этнического элемента, вошедшего в этногенез башкир, удмуртов, коми и народов Поволжья. Эту мысль высказал еще А. П. Смирнов. П. Д. Степанов также считает бронзовые коньки одним из элементов угорско-мадьярского комплекса, выявленного за последние годы на ряде памятников Среднего Поволжья (Рождественский могильник, поселение Ош-Пандо и др.) [23].

Наибольшую близость, если не тождество, мы замечаем между конь-ками, найденными в Верхнем Прикамье (дер. Грудята) [24] и в погр. № 8 Перейминского могильника IV—V вв. (рис. 5, *1*), принадлежавшего обским

---

[17] В. Ф. Генинг. Очерк..., стр. 194—197, рис. VII, *3*.

[18] МАЭ, колл. 1384, № 533—550.

[19] В. Ф. Генинг. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-шай. «Вопросы археологии Урала», 3, Свердловск, 1962, стр. 15, погр. № 10; рис. V, *33*.

[20] В. Н. Белицер. Узорное тканье и вышивка удмуртов. Сб. Удмуртского НИИИЯЛ, 9, Ижевск, 1940, стр. 109—110.

[21] А. П. Смирнов. Железный век Башкирии. МИА, 58, 1957, стр. 53—54, рис. VIII, *3—6, 8—12*; А. В. Шмидт. Археологические изыскания Башкирской академии наук. «Хозяйство Башкирии», 8—9 (XVI—XVII), 1929, стр. 22—23, рис. 1, *2*.

[22] Н. А. Мажитов. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры. Сб. «Археология и этнография Башкирии», II, Уфа, 1964, стр. 110.

[23] П. Д. Степанов. Памятники угорско-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье. Сб. «Археология и этнография Башкирии», II, рис. 5, *29*.

[24] А. А. Спицын. Древности Камской Чуди в коллекции Теплоуховых. МАР, 26, СПб., 1902, табл. VI, *13*; XXXVII, *33*. Мотив разносмотрящих конских головок в сарматское время был довольно распространен. В таштыкской культуре Южной Сибири он встречен на нашивных деревянных или бронзовых бляшках, служивших украшением одежды (С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, 9, 1949, стр. 244—245, рис. XXXVII, *1, 2*). Возможно, что «двухголовость» коньков — не только композиционный прием; удвоение символа усиливало охранительное значение амулета, обеспечивая его владельцу защиту от злых сил «со всех сторон».

уграм [25]. Это фигурки двухголовых коньков с солярными знаками. Сходные известны на ряде раннеломоватовских памятников (Елева, Кудымкар). Двухголовые коньки есть и в ранних погребениях Поломского могильника, но они отличаются от верхнекамских (рис. 5, *2*).

Следующие по времени находки двухголовых коньков сделаны южнее основной территории ломоватовской культуры, в бассейне р. Сылвы. В Бродовском могильнике на р. Сылве, помимо скульптурной фигурки двухголового конька [26] (рис. 5, *3*), найдена уникальная полая подвеска-пронизка с четырьмя разносмотрящими конскими головками [27].

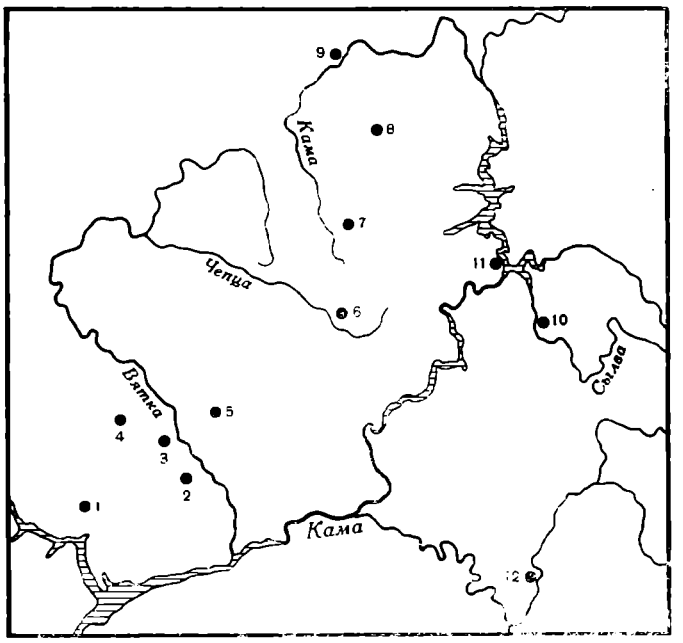


Рис. 4. Коньки-привески в могильниках III — VII вв. Прикамья.
1 — Айшинский; *2* — «Атамановы кости»; *3* — Воробьевский; *4* — Суворовский; *5* — Вичмарский; *6* — Поломский; *7* — Носковский; *8* — Митинский; *9* — Плесинский; *10* — Бродовский; *11* — Бурковский; *12* — Бахмутинский

Еще больший интерес представляет целая серия подвесок плоского литья с двумя конскими головками, смотрящими в противоположные стороны и четырьмя — шестью шумящими привесками. Эти украшения, которые мы будем называть коньковыми подвесками, впервые найдены в 1898—1901 гг. А. А. Спицыным и Н. Н. Новокрещеных при раскопках Бродовского и Горбунятского могильников на р. Сылве [28]. А. А. Спицын отметил, что коньковые подвески найдены только в женских погребениях. Вместе с ними встречены колесовидные, и кольцевидные привески с утолщениями по ободку (солярные символы) и украшения в виде ажурной трапеции с выступами, в которых можно предположить очень схематизированный антропоморфный образ. Раскопки Неволинского могильника на р. Ирени, притоке Салвы, произведенные в 1926—1927 гг. А. В. Шмидтом, а в 1950 г.— О. Н. Бадером, подтвердили наблюдения Спицына. Последний датировал сылвенские могильники VIII—IX вв. Работами А. В. Шмидта эта дата была удревнена до VIII в.; исследованиями О. Н. Бадера, В. А. Оборина и В. Ф. Генинга — до VII—VIII вв.

В. А. Оборин и В. Ф. Генинг отмечают чрезвычайное своеобразие этих могильников, позволяющее говорить о сложении южного варианта ломоватовской культуры, а может быть даже и особой культуры, отличной по этническим признакам от верхнекамской [29]. Эти отличия усугубляются в IX—XIII вв., когда здесь складывается сылвенская культура, которую по ряду признаков, вероятно, можно отнести к предкам хантов.

Шумящие коньковые подвески в Южном Прикамье не получили дальнейшего развития и после VIII в. в бассейне Сылвы как будто бы не встре-

---

[25] В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. МИА, 58, стр. 171—172, рис. XII, *11*.

[26] Эрмитаж, ОПК, секция северо-востока, колл. 565 из раскопок Н. Н. Новокрещеных. Конек (№ 906) найден в женском погребении.

[27] ОАК за 1898 г., рис. 90.

[28] ОАК за 1898 г., стр. 46—49; рис. 87—95; ОАК за 1901 г.; Эрмитаж, ОПК, секция северо-востока, кол. 564 и 565. Благодарю зав. секцией Е. И. Оятеву за постоянную помощь в работе над коллекциями.

[29] В. А. Оборин. Некоторые итоги..., стр. 57; В. Ф. Генинг. Деменковский могильник — памятник ломоватовской культуры. «Вопросы археологии Урала», 6, Свердловск, 1964, стр. 96, 125.

чаются. В Северном же Прикамье коньковые подвески с шумящими привесками стали наиболее распространенным и характерным женским украшением в последней четверти I — начале II тысячелетий. Эти подвески найдены в ряде позднеломоватовских могильников VII—VIII вв., в комплексах второй половины VIII — первой половины IX в., которые являются переходными от ломоватовской к родановской культуре, и, наконец, в самом большом числе — в памятниках родановской культуры (ее лаврятского этапа). Естественно, что более чем за четыре столетия они претерпели значительную эволюцию.

Положение о том, что родановские племена являются потомками северных племен ломоватовской культуры и предками коми-пермяков, высказанное еще М. В. Талицким [30], но с наибольшей полнотой доказанное В. А. Обориным [31], является сейчас общепризнанным. Материал, привлекаемый в настоящей работе, также подтверждает этот вывод, значение которого для истории коми-пермяцкого населения Верхнего Прикамья нельзя недооценивать.

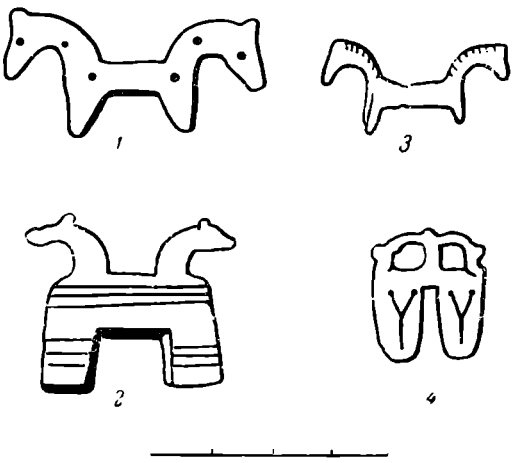


Рис. 5.

1 — Перейминский могильник, погр. № 8; *2* — Поломский могильник, погр. № 22 «а»; *3—4* — Бродовский могильник

Классификация шумящих коньковых подвесок позднеломоватовского времени в печати отсутствует, очевидно, в силу того, что основные материалы раскопок Бродовского, Неволинского, Горбунятского и других могильников до сих пор не опубликованы. А. А. Спицыным издана лишь одна подвеска из Бродовского могильника [32]. Такая же подвеска из Неволинского могильника воспроизведена в книге О. Н. Бадера и В. А. Оборина [33].

А. А. Спицыным была начата черновая работа по типологии бродовских коньковых подвесок и сопоставлению их с подвесками X в., о чем свидетельствуют листы его знаменитых «корочек» с заголовками «Типология чудских вещей» [34], но в печати мысль о типологической преемственности коньковых подвесок им не была высказана.

Однако А. А. Спицыным впервые была произведена хронологическая классификация коньковых подвесок родановского времени (еще до выделения памятников родановской культуры) на материале огромной коллекции Теплоуховых, собранной в Верхнем Прикамье [35]. В своей работе «Древности Камской Чуди» он отнес к VIII—IX вв. подвески с крупными конскими головами и фестонообразными выступами внизу (табл. XI, *7*) и две другие с привесками в виде ромбов и полых конусов на восьмеркообразных звеньях (табл. XI, *6*; XXXIX, *16*). Следующую группу подвесок (табл. XI, *3. 8*; XXII, *14* и XXXIX, *2*) он датировал X в. как по стилистическим особенностям (змеиновидные или драконовидные головы «коней»), так и по сменившим восьмеркообразные звенья цепочкам из проволочных колец. В конце X в. конические привески, по его наблюдению, начинают заменяться лапчатыми. Последнюю группу (табл. XI, *1, 5*) составили под-

---

[30] М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА, 22, 1951.

[31] В. А. Оборин. Некоторые проблемы изучения родановской культуры. Уч. зап. ПГУ, XI, 2, 1956; его же. Коми-пермяки в IX—XV вв. (родановская культура) Канд. дис., 1957, Архив ИА АН СССР, Р 2/1403—1404.

[32] ОАК за 1898 г., рис. 89.

[33] О. Н. Бадер, В. А. Оборин. Ук. соч., рис. 43, *6*.

[34] Архив ЛОИА, фонд А. А. Спицына № 5, оп. 363, л. 10 и 11.

[35] А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 26—35.

вески с личинами, дополненные цепочками с лапчатыми привесками. Эту группу коньковых подвесок Спицын относил к XI в.

В 1951 г. М. В. Талицкий, развивая идею преемственности харинско-ломоватовской и родановской культур, подчеркнул важное значение, которое в эволюции коньковых подвесок имела смена форм привесок (с ромбической или конической на лапчатую). Он считал коньковые подвески (в том числе с личиной) наиболее распространенным видом украшений X—XI вв.[36].

А. П. Смирнов в 1952 г. предложил свою датировку коньковых подвесок Прикамья и отнес опубликованные А. А. Спицыным в «Древностях Камской Чуди» подвески к ломоватовской эпохе, определив их суммарно VI—IX вв.[37]. Оперируя понятиями «Урьинский комплекс», «Михалевский комплекс» находок, он исходил не из данных раскопок могильников (тогда еще мало исследованных), а из материалов, полученных в результате случайных сборов, покупок и пр., из которых эти «комплексы» складывались. Предложенные им крайние даты коньковых подвесок Прикамья (как нижняя, так и верхняя) не подтвердились. В целом датировки А. А. Спицына и М. В. Талицкого оказались более правильными.

В. А. Оборин в разделе «Преемственность между ломоватовской и родановской культурами» своей кандидатской диссертации[38] впервые дал единую типологию коньковых подвесок ломоватовской и родановской культур. Подвески позднеломоватовского времени он выделил в первый тип и датировал его VII—VIII вв. Ко второму типу он отнес подвески переходного от позднеломоватовского к раннеродановскому времени (VIII—IX вв.). Третий тип (возникающий еще в памятниках ломоватовской культуры) и четвертый тип коньковых привесок он отнес к родановской культуре, датировав их IX—XI вв. Эта типология, доказывающая эволюцию коньковых подвесок родановской культуры из подвесок ломоватовского времени и правильно наметившая хронологическое членение основных типов подвесок, очень важна для всех последующих исследователей. Она, однако, не учитывает всего разнообразия подвесок позднеломоватовского времени. В музейных собраниях Ленинграда, Москвы, Перми их имеется более 30; они представляют несколько типов и вариантов. Нуждается также в более дробном членении и третий тип подвесок родановского времени, охватывающий три столетия — IX—XI вв. В настоящее время мне известно около 200 шумящих подвесок VII—XI вв., происходящих из 83 пунктов. Разделяя в основном взгляды В. А. Оборина на эволюцию шумящих коньковых подвесок Верхнего Прикамья VII—XI вв., я предлагаю следующую их классификацию.

I тип. Подвески с условно переданными «конскими головками» и сильно вытянутой петлей.

II тип. Подвески со схематически изображенными конскими головками и короткой петлей. Головы коней свободно опущены.

III тип. Подвески со схематически переданными головками коней, соединенными с основанием «столбиками».

IV тип. Подвески с крупными («драконовидными») головами коней, опущенными на основание, и с фестонообразным нижним краем; шумящие привески отсутствуют.

V тип. Подвески с крупными головами коней, опущенными на основание, и треугольной прорезью в центре.

VI тип. Подвески с реалистически изображенными конскими головами и битрапецоидной прорезью в центре. У одного из вариантов основание петли выполнено в виде человеческой личины.

---

[36] М. В. Талицкий. Ук. соч., стр. 57—58.

[37] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952, рис. XL и XLI, стр. 182.

[38] В. А. Оборин. Коми-пермяки в IX—XV вв., стр. 92—121.

Проследим процесс эволюции коньковых подвесок по типам.

I тип. Первый вариант (первый тип по В. А. Оборину). Головки «коней» на тонких изогнутых шеях напоминают птичьи. Поле привески сплошное, орнаментированное. Шумящие украшения (4 экз.) — полые конические или литые в виде гирек привески на восьмеркообразных звеньях. Представлен подвесками из трех погребений Бродовского могильника (4 экз.) (рис. 6, *1*), двух — Неволинского (4 экз.) и погр. № 63 Деменков-

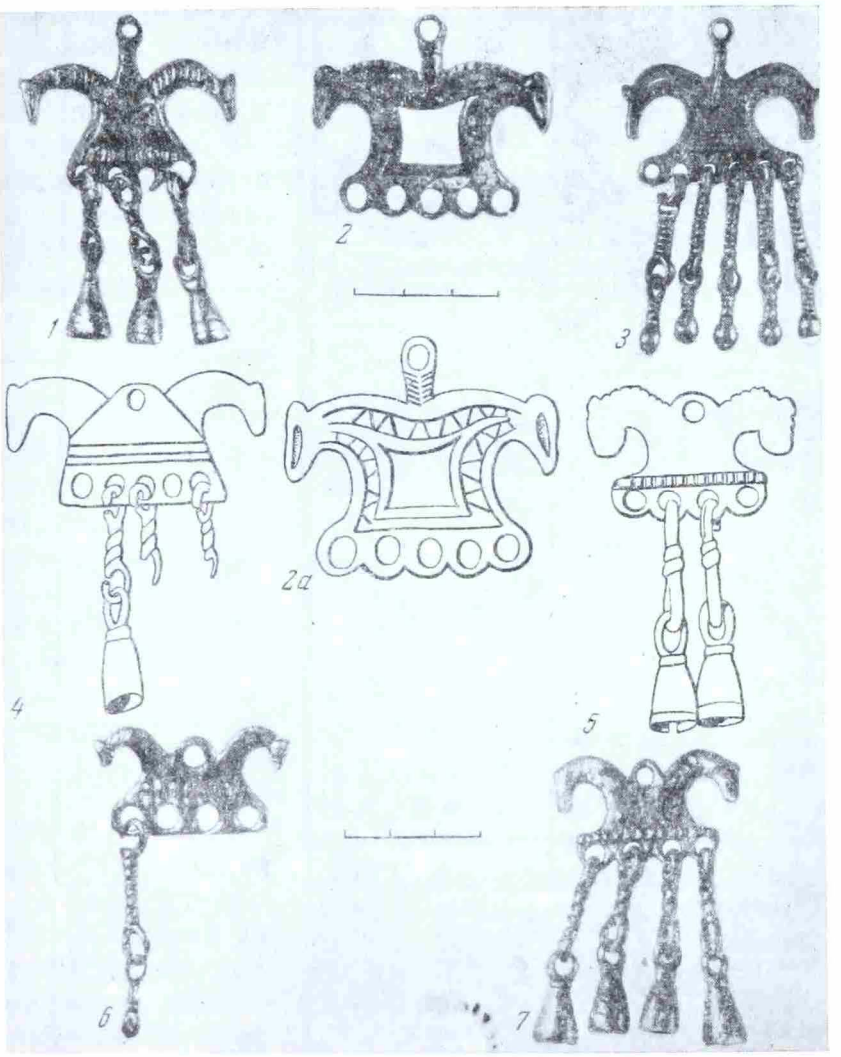


Рис. 6.

1—3 — Бродовский могильник. (Эрмитаж, ОПК, секция северо-востока, кол. 565, № 1, 498, 66); *4* — Неволинский могильник (МАЭ, кол. 3551, № 330); *5—7* — Бродовский могильник (Эрмитаж, ОПК, секция северо-востока, колл. 565, №№ 563, 813, 643)

ского могильника (1 экз.) [39]. Коньковые подвески первого варианта датируются по совместным находкам с двумя драхмами Хосрова II (590—620) и многочисленному инвентарю концом VII—VIII в.

Второй вариант. Подвески имеют прямоугольную прорезь, обведенную рельефной рамкой; шумящих привесок шесть; они те же, что у первого варианта. Две подвески происходят из женского погребения Стерлитамакского (Левашовского) могильника, открытого П. Х. Михайловым в 1950 г. (рис. 7, *4*) [40]. Нижнюю дату погребения определяют два пробитых дирхема 712 и 770 гг. Третья подвеска найдена в женском погребении Тиминского могильника бывш. Вятской губернии, раскопанного А. Н. Шатровым в 1890 г. По гроздевидному височному кольцу и браслету с кружко-

[39] В. Ф. Генинг. Деменковский могильник..., табл. 1, *1*.

[40] П. Ф. Ищериков. Аланский могильник близ г. Стерлитамака. КСИИМК, XLVII, 1952, стр. 79. рис. 29, *7, 12*.

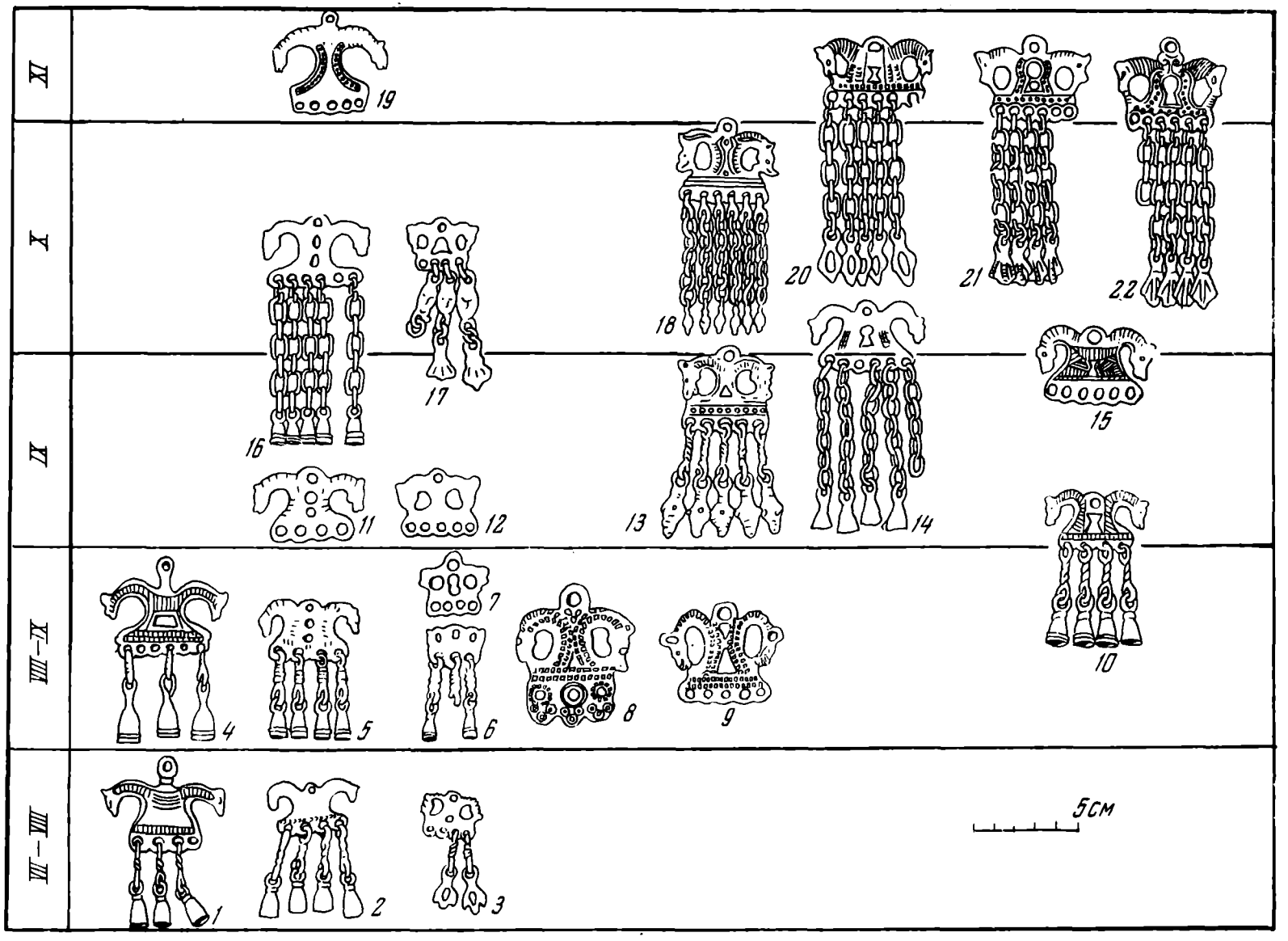


Рис. 7. Типология конько-вых подвесок Верхнего Прикамья VII — XI вв.

1 — 2 — Бродовский могильник; *3* — Деменковский могильник, погр. № 43 (раскопки А. А. Спицына); *4* — Стерлитамакский могильник; *5* — р. Косьва; *6* — Деменковский могильник, погр. № 87 (раскопки В. Ф. Генинга); *7* — бывш. Казанская губ.; *8* — Гарамиха; *9* — р. Идогова; *10* — Деменковский могильник, погр. № 127 (раскопки В. Ф. Генинга); *11* — Баяновский могильник, погр. № 10; *12* — Кудымкар; *13* — Урьинский могильник; *14* — «Барсов городок», погр. № 3; *15* — Мало-Аниковский могильник; *16* — Загарский могильник; *17* — Билярск; *18* — бывш. Гаинская волость Чердынского уезда; *19* — Веселовский могильник, погр. № 3; *20* — р. Вочь (Коми АССР) *21* — Мало-Аниковский могильник; *22* — бывш. Чердынский уезд

вым орнаментом погребение может быть отнесено к концу VIII—IX в.[41]. Четвертая найдена в 1897 г. у с. Лопьял бывш. Вятской губернии[42]. О пятой подвеске, обнаруженной при случайных раскопках раннесредневекового погребения у хут. Гаркуша (коммуна «Искра») на Таманском п-ве в 1931 г. мне любезно сообщил И. И. Ляпушкин (фотоархив ЛОИА I 24899). Дата подвесок этого варианта — конец VIII — начало IX в.

Третий вариант. Головки «коней» на коротких прямых шеях напоминают птичьи. Петля вытянутая, орнаментированная. По центру подвески — прорезь, обведенная орнаментальной каймой (рис. 6, *2*, *2а*). Внизу — восьмеркообразные костыльки с коническими привесками. Четыре таких подвески (каждая пара отлита в разных формах) найдены в двух погребениях Бродовского могильника. По вещам и двум монетам-привескам — серебряной сасанидской драхме Хосрова II (612 г.) и варварской отливке (олово с позолотой) с византийского солида Льва III (717—741)[43]; коньковые подвески этого варианта датируются концом VII—VIII вв. Еще один экземпляр с городища Большая коча Коми-Пермяцкого национального округа хранится в Кудымкарском краеведческом музее.

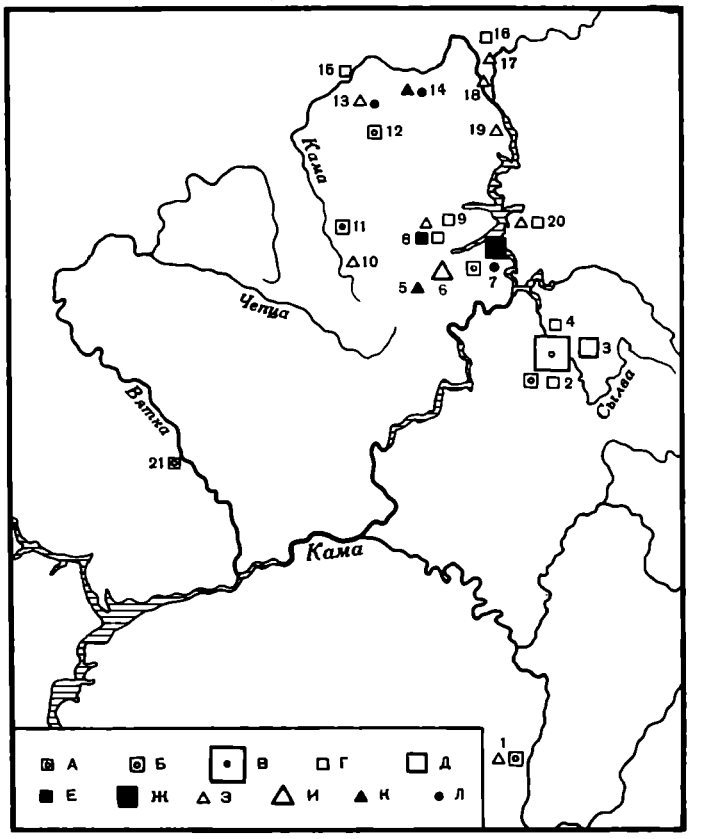


Рис. 8. Коньковые подвески Верхнего Прикамья VII — первой половины IX.

А — В — первый тип (*А* — 1 экз., *Б* — 2 экз., *В* — 11 экз.); *Г*, *Д* — второй тип (*Г* — 1 экз., *Д* — 4 экз.); *Е*, *Ж* — третий тип (*Е* — 1 экз., *Ж* — 3 экз.); *З*. *И* — четвертый тип (З — 1 экз., *И* — 3 экз.); *К* — пятый тип (1 экз.); *Л* — шестой тип (1 экз.).
1 — Стерлитамакский (Левшинский) могильник; *2* — Неволинский могильник; *3* — Бродовский могильник; *4* — Горбунятский могильник; *5* — р. Идогова; *6* — Гарамиха; *7* — Деменковский могильник; *8* — Кудымкар; *9* — Купрос; *10* — Грибановское городище; *11* — Тиминский могильник; *12* — Б. Коча; *13* — дер. Харина; *14* — Урьинский могильник; *15* — Плесинский могильник; *16* — бывш. Чердынский уезд; *17* — Мало-Аниковский могильник; *18* — Петуховское городище; *19* — дер. Пешкова; *20* — р. Косьва; *21* — Лопьяльский могильник.

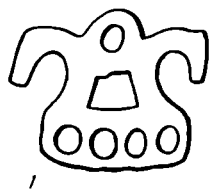
Четвертый вариант. По высоте петли подвески не отличаются от предыдущих вариантов. Головы коней по контурам ближе к позднейшим реалистическим изображениям, но лишены деталей. Подвески орнаментированы врезными линиями и тремя точками или кругами с точкой, в которых можно видеть солярные знаки. Внизу — шесть литых привесок-«гирек» (рис. 6, *3*). Известно три экземпляра из двух погребений Бродовского могильника. Вместе с подвесками найдена целая монета Ираклия (610—641).

Коньковые подвески первого типа отличает своеобразная трактовка «конских голов». Своей треугольной клювовидной формой они напоминают головы фантастических животных (птиц?) на зооморфных фибулах Среднего Поднепровья и круглых привесках из аланских могильников Север-

[41] ГИМ, колл. 44794.
[42] Архив А. А. Спицына. ЛОИА, ф. 5, оп. 363, л. 145.
[43] Эрмитаж, ОПК, секция северо-востока, кол. 565, № 123 и 493. Монеты любезно определены А. А. Быковым и И. Соколовой, которым я очень признательна.

ного Кавказа и Салтова [44]. Рисунок конских голов на подвесках четвертого варианта можно сопоставить с изображениями на верхней части антропоморфных фибул VII в [45]. Вытянутая петля прикамских подвесок соответствует центральному положению личины на фибулах; на тех и других одинаково схематичные, но уже напоминающие конские — головки. Такие же стилизованные конские головки на длинных тонких шеях и так же композиционно расположенные (рис. 5, *4*) мы видим на бронзовых литых поясных бляшках-накладках из Верхнего Салтовского могильника, Томниковского могильника и могильников Прикамья: Бродовского, Поломского, Вятского, Деменковского. Дата этих накладок — конец VII—VIII в.; их происхождение недостаточно выяснено.

Несмотря на известное стилистическое сходство с изделиями юго-востока, прямых аналогий коньковым подвескам первого типа за пределами территории ломоватовской культуры нет. Это обстоятельство, а также сходство дополняющих их привесок с другими шумящими украшениями, характерными только для Верхнего Прикамья, заставляет признать местное происхождение коньковых подвесок первого типа. Их появление в конце VII в. можно рассматривать как эволюцию коньков-подвесок (от одноглавых к двуглавым), которую мы только что проследили.



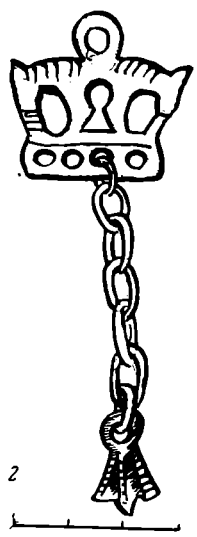


Рис. 9.

1 — бывш. Чердынский уезд (ГИМ 35106); *2* — Рождественское городище (Пермский музей, колл. 7945/209).

Большая часть коньковых подвесок первого типа бытовала на южной окраине территории ломоватовской культуры (рис. 8) и исчезла с прекращением захоронений в сылвенских могильниках. В памятниках родановской культуры этот тип коньковых подвесок распространения не получил.

II тип. Первый вариант. Головы коней на круто выгнутых шеях переданы схематически. Петля подвески низкая, полукруглая, поле орнаментировано. Шумящие привески (от 4 до 5) — полые конусовидные колокольчики на восьмеркообразных звеньях или литые «гирьки», подвешенные на литых рифленых костыльках. Семь подвесок этого типа близки между собой, но отлиты в четырех разных формах и различаются некоторыми деталями. Две (литые в одной форме; рис. 6, *4*) найдены в женском погребении из квадратов 48—49 Неволинского могильника, раскопанного А. В. Шмидтом в 1926 г. [46]. Четыре подвески происходят из трех погребений Бродовского (рис. 6, *5*, *6*, *7*) и одна — из Горбунятского могильника. По инвентарю и двум монетам VII в. подвески датируются концом VII—VIII в. Этот тип коньковых подвесок имеет продолжение в памятниках родановской культуры.

Второй вариант отличает от первого большая вытянутость подвески и прямоугольная прорезь по центру; шумящих украшений — четыре. Одна подвеска найдена в женском погребении № 38 Плесинского могильника; В. А. Оборин относит его к VII—VIII вв. Аналогичная подвеска из бывш. Чердынского уезда Пермской губ. (рис. 9, *1*) — в коллекции ГИМ.

Третий вариант подвески имеет по центру одну круглую прорезь или две, одну под другой. Наиболее ранняя (VIII—IX вв.) — подвеска с р. Косьвы с четырьмя коническими привесками на восьмеркообразных звеньях (рис. 7, *5*), изданная Аспелиным [47]. Две следующие найдены в

[44] М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, рис. на стр. 291.

[45] М. И. Артамонов. История хазар, рис. на стр. 274; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, рис. 7.

[46] А. В. Шмидт. Раскопки в районе Пермского и Кунгурского округов в 1926 г. Архив ЛОИА № 124/65; МАЭ, колл. 3551, № 324 и 330.

[47] J. K. Aspelin. Antiquites du Nord Finno-Ougrien, II, рис. 698.

погребении девочки из Баяновского могильника (рис. 7, *11*), датированном В. А. Обориным IX в. [48]. Еще одна — с четырьмя коническими привесками на цепочках из семи звеньев обнаружена в женском погребении № 207 Танкеевского могильника в ТАССР. Дата погребения — начало X в. [49].

Четвертый вариант отличает от третьего больший размер, суженная за счет глубоких полукруглых выемов средняя часть подвески и шесть отверстий для шумящих привесок. Представлен шестью находками. Подвеска из с. Купрос [50] по коническим привескам на восьмеркообразных звеньях может быть отнесена к VIII—IX вв. Из Загарского могильника происходят две подвески, литые в одной форме (рис. 7, *16*). Восьмеркообразные звенья у них заменены цепочками из семи проволочных колечек. С этими подвесками сходны и три остальные, найденные в верхнем течении Камы. Дата подвесок четвертого варианта — VIII—X вв.

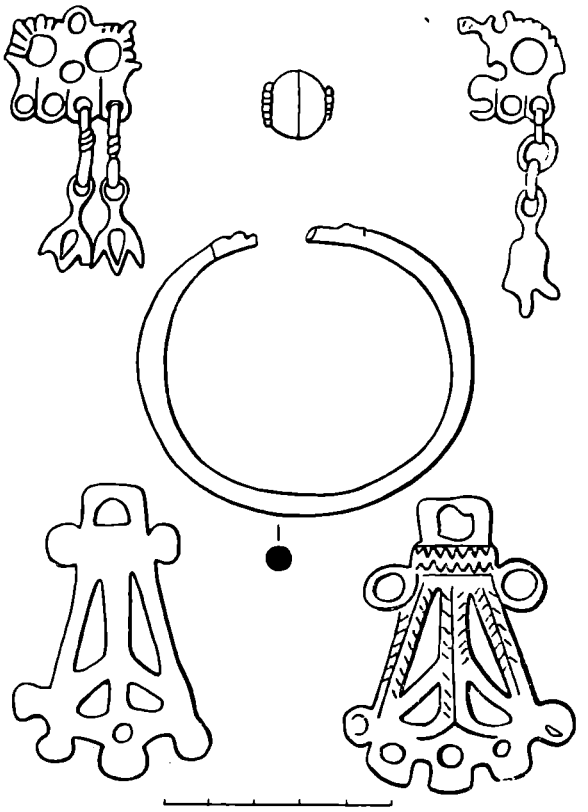


Рис. 10. Деменковский могильник, погр. № 43 (раскопки А. А. Спицына)

Пятый вариант. Подвеска сильно вытянута; средняя часть сужена и орнаментирована с двух сторон дугообразными выемками с рядом мелких выпуклин-«жемчужин». Известны две подвески из женского погребения № 3 Веселовского могильника на р. М. Кокше, левом притоке Ветлуги [51] (рис. 7, *19*). По огниву с бронзовой рукоятью в виде двух всадников погребение датируется второй половиной X — началом XI в. Подвесок второго типа сохранилось мало. По-видимому, они не получили широкого распространения в X—XI вв.

III тип. Первый вариант. Схематично переданные головы коней опущены и соединены с основанием подвески «столбиками». Три круглых отверстия в основе подвески подчеркивают объемность изображения и выделяют головы и шеи коней. Шумящих привесок четыре. Представлен двумя литыми в одной форме подвесками из погр. № 43 Деменковского могильника, раскопанного А. А. Спицыным в 1901 г. [52]. На восьмеркообразных звеньях подвешены литые с тремя треугольными выступами пластинки (рис. 10). По вещам и пробитой серебряной монете Хосрова II (590—628) [53] погребение можно отнести к концу VII—VIII вв. К этому же варианту относится еще одна подвеска из погр. № 87 Деменковского могильника с тремя коническими привесками на восьмеркообразных звеньях (рис. 7, *6*), вы-

[48] В. А. Оборин. Памятники родановской культуры у с. Таборы. КСИИМК, 65, 1956, стр. 112.

[49] А. Х. Халиков. Отчет о работах Татарской археологической экспедиции в 1962 г. Архив ИА АН СССР, Р 1, 2447, рис. XII, *3*.

[50] А. А. Спицын. Ук. соч., табл. XXXIX, *16*.

[51] А. Х. Халиков, Е. А. Безухова. Материалы к древней истории Поветлужья. Горький, 1960, рис. 21, *1*, стр. 27.

[52] Фонд № 5 А. А. Спицына в архиве ЛОИА, оп. 211; Эрмитаж, ОПК, секция северо-востока, колл. 506, № 144 и 145.

[53] Определение А. А. Быкова, за которое приношу ему благодарность.

деленная В. А. Обориным в четвертый тип коньковых подвесок Верхнего Прикамья и ошибочно отнесенная им к X—XI вв.[54]. Сходная с рис. 7, *3* подвеска из Кудымкара хранится в Пермском музее (рис. 7, *12*).

Второй вариант. В памятниках раннеродановской культуры пока неизвестны подвески, которые продолжали бы эволюционный ряд подвесок этого типа с позднеломоватовского времени. Однако такие подвески есть на Средней Волге. Круглые боковые прорези выделяют головы и шеи коней, центральная прорезь имеет форму двух кругов, восьмерки (рис. 7, *7*) или треугольника. Три таких подвески из Болгар изданы А. Ф. Лихачевым[55]. Одна из них снабжена медальонами в виде человеческих личин (рис. 7, *17*); к ним прикреплены литые «гусиные лапки». Т. А. Хлебникова[56] полагает, что этот тип коньковых подвесок несомненно проник из Верхнего Прикамья.

IV тип. (второй тип по В. А. Оборину). Первый вариант. Крупные «драконовидные» головы коней опущены на основание подвески. Пасти оскалены, глаза выпучены; массивные шеи покрыты жгутовым или рубчатым орнаментом. Подвески заканчиваются тремя фестонами, украшенными тремя крупными и девятью малыми выпуклыми дисками. 10 экземпляров подвесок найдено в Верхнем Прикамье; из них — пять на городищах позднеломоватовского времени: Гарамихе — 3 экз. (рис. 7, *8*), Петуховском, Грибановском (рис. 8, *5, 6, 10, 13, 17, 18, 19*). Одиннадцатая подвеска происходит из женского погребения № 1 Стерлитамакского могильника в Башкирии[57]. Дата погребения — конец VIII — середина IX в. Коньковые подвески этого типа крайне своеобразны. Украшающие их крупные лучистые диски как бы подчеркивают связь образа коня с солярным культом. Гроздевидно расположенные внизу каждого крупного диска — три малых напоминают композицию медальона и дисково-гроздевидных культовых привесок Подчеремского клада[58]. По мысли В. А. Городцова, сочетание солнечного диска с гроздью могло выражать идею плодородия. Вероятно, для мастера позднеломоватовского времени символический смысл этой композиции был уже неясен и он лишь следовал знакомой орнаментальной схеме. Коньковые подвески этого типа бытовали короткое время и на ограниченной территории Верхнего Прикамья. Связи с Башкирией были для нее традиционными.

V тип. Первый вариант. Крупные головы коней опущены на основание подвески; шеи покрыты рубчатым орнаментом. По нижнему краю — пять круглых отверстий для шумящих украшений. Представлен одной подвеской с р. Идоговой (рис. 7, *9*). А. А. Спицын относил этот тип подвесок к VIII—X вв., В. А. Оборин — к VIII—IX вв. Последнюю дату следует считать более правильной.

Второй вариант представляет собой дальнейшее развитие подвесок первого варианта, но уже в памятниках родановской культуры. Реалистически переданные головы коней опущены на основание подвески. Центральная прорезь — треугольная; под нею — горизонтальный ряд выпуклых «жемчужин» (9); внизу — пять отверстий для шумящих украшений. Известно восемь экземпляров таких подвесок; наиболее ранняя — из Урьинского могильника, опубликованная А. А. Спицыным. Восьмеркообразные звенья и привески в виде литых ромбов позволяют отнести ее к VIII — началу IX в. (рис. 7, *13*). Пять других экземпляров найдено в

---

[54] В. А. Оборин. Коми-пермяки..., стр. 109; В. Ф. Генинг. Деменковский могильник..., табл. I, *8*. В. Ф. Генинг датирует подвеску VIII—IX вв.

[55] А. Ф. Лихачев. Скифские элементы в Чудских древностях Казанской губернии. Тр. VI АС, I, Одесса, 1886, гл. 1, рис. 2, *1, 4*, 6.

[56] Т. А. Хлебникова. Основные производства Волжских Болгар X — начала XII вв. Канд. дис. 1963, Рукопись, Архив ИА АН СССР, Р 2 № 1918.

[57] Р. Б. Ахмеров. Могильник близ г. Стерлитамака. СА, XXII, 1955, стр. 154—155, табл. 1. *2*.

[58] В. А. Городцов. Подчеремский клад. СА, II, 1937, рис. 6, 27—29.

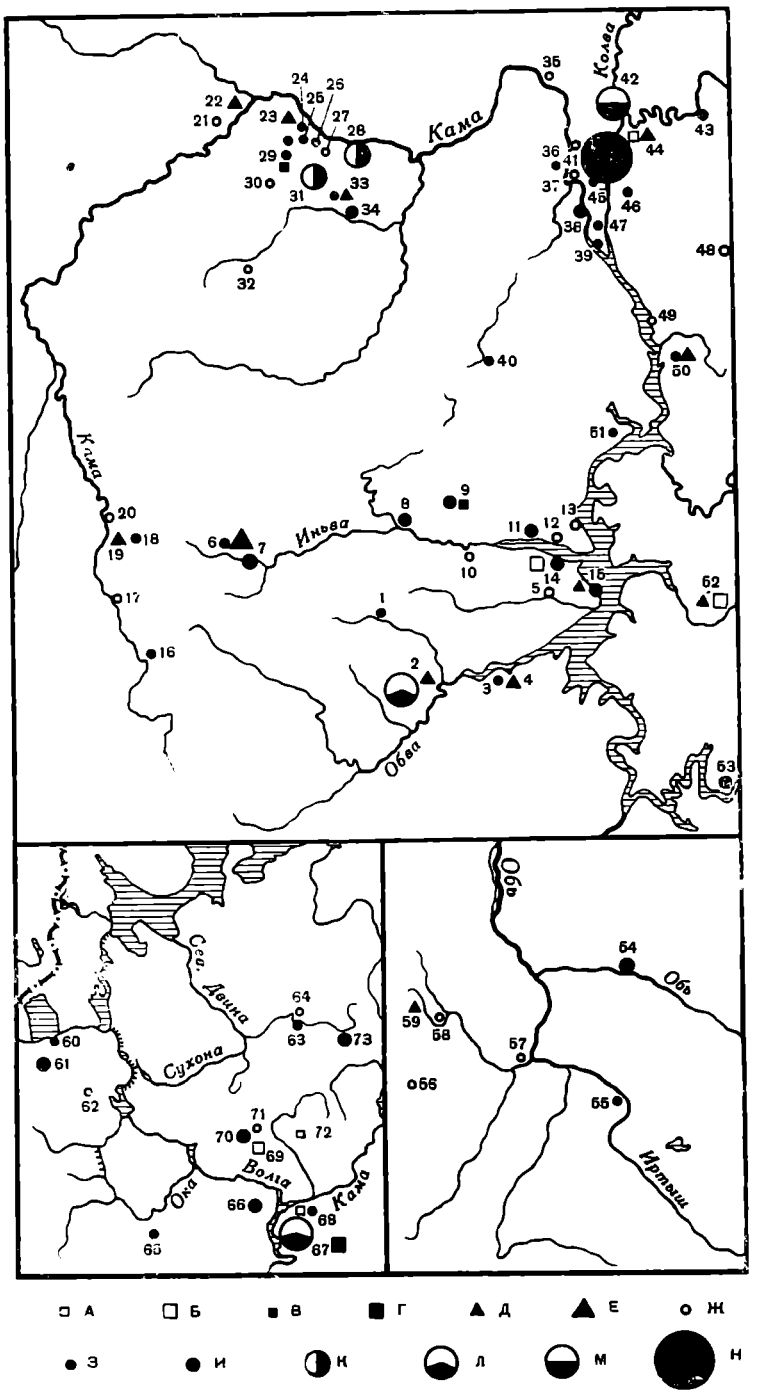


Рис. 11. Коньковые подвески Верхнего Прикамья второй половины IX—XI вв.

А—Б — второй тип (*А* — 1 экз.; *Б* — 2 экз.); *В, Г* — третий тип (*В* — 1 экз., *Г* — 2 экз.); *Д, Е* — пятый тип, *Д* — 1 экз., *Е* — 3 экз.); *Ж* — тип неизвестен; *З, Н* — шестой тип (*З* — 1 экз., *И* — 2—3 экз., *К* — 4—5 экз., *Л* — 8—9 экз., *М* — 12 экз., *Н* — 17 экз.).

1 — Рачева; *2* — Рождественское городище и могильник; *3* — Силкино поле; *4* — Ильинское; *5* — Онинское городище (данные В. А. Оборина); *6* — Мальцевский клад; *7* — Мальцевский могильник; *8* — Кудымкар; *9* — Вакина; *10* — р. Иньва; *11* — Купрос; *12* — Острая Грива (данные В. А. Оборина); *13* — Пожвинский могильник (данные В. А. Оборина); *14* — Загарский могильник; *15* — Кыласово (Анюшкар) городище; *16* — Шудья-Кар; *17* — Афанасьево (данные В. А. Оборина); *18* — р. Колычь; *19* — Тиминский могильник; *20* — Горд-Кушетский могильник (данные В. А. Оборина); *21* — дер. Пашня (данные В. А. Оборина); *22* — Плесинский могильник; *23* — бывш. Гаинская волость; *24* — дер. Мазунина; *25* — дер. Кудесева; *26* — дер. Гора (данные В. А. Оборина); *27* — Федоровское (данные В. А. Оборина); *28* — с. Пятигорское; *29* — дер. Харина; *30* — Данилова (данные В. А. Оборина); *31* — дер. Елева; *32* — бывш. Юксеевская волость; *33* — дер. Михалева; *34* — дер. Чажегова; *35* — дер. Шомшино (данные В. А. Оборина); *36* — дер. Шишигина; *37* — с. Пянтег (данные В. А. Оборина); *38* — дер. Омелино; *39* — дер. Кондратьева Слобода; *40* — Урольское городище; *41* — дер. Байдары; *42* — бывш. Чердынский уезд; *43* — р. Вишера; *44* — Мало-Аниковский могильник; *45* — Редикарский могильник; *46* — Ратеговский могильник; *47* — дер. Могильникова; *48* — Петуховское городище; *49* — Плеховский могильник; *50* — бывш. Соликамский уезд; *51* — дер. Пешкова; *52* — Баяновский могильник; *53* — М. Вашкур; *54* — «Барсов городок»; *55* — бывш. Тарский округ; *56* — оз. Иртяш; *57* — бывш. Тобольская губ.; *58* — р. Лозьва; *59* — Никито-Ивдельская пещера; *60* — дер. Подъелье; *61* — дер. Заозерье; *62* — Сарагожские курганы; *63* — Усть-Сысольский могильник; *64* — дер. Гучерт (данные В. А. Оборина); *65* — Крюково-Кужновский могильник; *66* — Болгар; *67* — Биляр; *68* — Танкеевский могильник; *69* — Веселовский могильник; *70* — «Черемисское кладбище»; *71* — Юмский могильник; *72* — бывш. Глазовский уезд Вятской губ.; *73* — р. Вочь (Коми АССР)

бассейне близко расположенных друг к другу правых притоков Камы — рек Обвы и Иньвы (рис. 11, *2. 4, 6*). Три из них отлиты в одной форме — это подвески из Мальцевского клада 1901 г. на р. Куве, притоке Обвы [59]. Очевидно, из той же мастерской вышли еще две подвески, обнаруженные у г. Соликамска и в пещере близ г. Ивделя [60], расположенного по восточную сторону Уральского хребта. Подвески дополнены одинаковыми конусообразными привесками на цепочках из трех — пяти проволочных звеньев.

Мальцевский клад датирует одноякорьковая подвеска, принадлежащая к самым ранним вариантам одноякорьковых подвесок X—XI вв. Таким образом, коньковые подвески второго варианта, украшенные конусовидными привесками на цепочках, могут относиться к началу X в. Общая же дата коньковых подвесок второго варианта — начало IX — начало X в.

У третьего варианта вместо «жемчужин» по нижнему краю — три горизонтальных валика. Этой деталью отличаются две подвески из Кыласова и Рождественского городищ. Вероятно, они, как и подвески второго варианта, происходят из одного и того же производственного центра. Таким могло быть Рождественское городище, где обнаружены следы бронзолитейного производства: тигли, слитки, металла, глиняные формы, незавершенные отливки рукоятей огнив и 18 коньковых подвесок разных типов (в том числе и поздних «двуякорьковых») [61].

К четвертому варианту V типа относятся девять подвесок (рис. 11, *6, 9, 19, 22, 23, 33, 44, 52*). Они имеют не по пять, а по шесть шумящих привесок — конусовидных или литых гроздевидных на цепочках из семи звеньев. В центре подвески — углубленная линия, образующая очертания столбика (древа жизни?), увенчанного ромбом (рис. 7, *18*) [62]. По инвентарям погребальных комплексов Плесинского (погр. № 15) и Баяновского (погр. № 3, 2 экз.) могильников подвески этого варианта относятся к началу X в.

Можно предположить, что близкие друг к другу 19 подвесок второго — четвертого вариантов V типа производились в одном или двух центрах Верхнего Прикамья с начала IX до начала X в. За пределами территории родановской культуры они почти не имели распространения. Они двусторонние, и, видимо, отливались по восковой модели. Судя по тщательности изготовления, эти подвески могли производиться на заказ.

VI тип (III тип по В. А. Оборину). Первый вариант. Реалистически выполненные головы коней на круто выгнутых шеях свободно опущены. Отчетливо переданы детали (глаза, уши, пасть, грива). По центру подвески — прорезь битрапецоидной формы, под ней — орнаментальный поясок из выпуклых прямоугольников. Этот тип подвесок возник в позднеломоватовское время, но получил развитие и наибольшее распространение в родановской культуре. Мне известно 116 подвесок этого типа. Самые ранние экземпляры первого варианта происходят из погр. № 127 Деменковского (рис. 7, *10*) и погр. № 10 Урынского могильников. В. А. Оборин и В. Ф. Генинг датируют эти подвески концом VIII — началом IX в. [63].

Вероятно, к этому же времени следует отнести опубликованную А. А. Спицыным подвеску из Харина [64]. А. А. Спицын отнес ее по лапкам-

---

[59] ОАК за 1901, стр. 141; ИАК, СПб., 1902, стр. 32; Эрмитаж, ОПК, секция северовостока, колл. 577, № 4—6.

[60] Е. М. Берс. Никито-ивдельские находки. Сб. «Первое уральское археологическое совещание». Молотов, 1948, рис. 4, *4*.

[61] В. А. Оборин. Рождественское городище и могильник. Уч. зап. ПГУ, IV, 3, Харьков, 1953, стр. 170—172.

[62] Изображения ромба как символа женского начала в природе и древа жизни имеют непосредственное отношение к магии плодородия. См. А. К. Амброз. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками»). СА, 3, 1965, стр. 22.

[63] В. А. Оборин. Коми-пермяки..., стр. 109; В. Ф. Генинг. Деменковский могильник..., стр. 104, рис. I, *2*.

[64] А. А. Спицын. Ук. соч., рис. XI, *2*, стр. 31.

привескам к X в.; А. П. Смирнов — к ломоватовской эпохе (VI—IX вв.) [65]. Судя по тому, что «гусиные лапки» навешены на восьмеркообразные звенья своей верхней вытянутой частью, загнутой в крючок, эта подвеска может действительно датироваться VIII—IX вв. Лапчатые привески для коньковых подвесок в X—XI вв. отливались вместе с петлей и прикреплялись к основе коньковой подвески цепочками.

Сложившийся в IX в. рисунок основы подвески не менялся на протяжении почти трех веков. Прорезь в центре оставалась битрапецоидной, но иногда принимала форму трапеции с кругом наверху. В орнаменте поля подвески преобладали углубленные перекрещивающиеся линии, образующие два ряда прямоугольников по сторонам прорези и горизонтальный поясок под ее нижним краем (рис. 7, *14*). Встречался также мотив заштрихованных треугольников (рис. 7, *15*). Привески — конические или литые треугольные; в X в. они прикреплялись к основе цепочками из шести — семи проволочных звеньев.

Следующие 20 подвесок, относящиеся уже к родановской культуре, сосредоточены в трех пунктах Верхнего Прикамья: в верхнем течении р. Камы в пределах Гаинского района, в Чердынском районе, по рекам Иньве и Обве (рис. 11). Подвески датированы по находкам в Мальцевском кладе, по раскопкам Рождественского городища и ряду погребений.

Коньковые подвески из женского погребения Редикарского могильника [66] по крупному височному кольцу с напускными бусинами, украшенными зернью, и арочной ажурной четырехспиральной подвеске хорошо датируются X в. Из подвесок, найденных за пределами Верхнего Прикамья, наиболее ранним (первая половина X в.) является экземпляр из погр. № 3 могильника «Барсов городок» на р. Оби [67]. К X в. можно отнести и погр. № 287 Танкеевского могильника, откуда происходит одна подвеска [68].

Наиболее позднюю дату имеет подвеска из кургана у дер. Подъелье в Юго-Восточном Приладожье [69]. Скорлупообразные фибулы типа Паульсен 51в, вместе с которыми она найдена, датируются концом X в. Таким образом, подвески первого варианта VI типа получают дату в пределах IX—X вв.; в Прикамье они распространялись в основном в первой половине X в. По стандартности размера и формы их можно отнести уже к изделиям ремесленного производства, часть продукции которого импортировалась за пределы Верхнего Прикамья.

Второй вариант отличает от первого положение конских голов, которые соединены с нижней частью подвески «столбиками», покрытыми поперечными насечками (рис. 7, *20*). Эта черта явно унаследована от коньковых подвесок III типа позднеломоватовского времени. Именно с ними перекликается миниатюрная подвеска с Рождественского городища (рис. 9, *2*). Остальные экземпляры подвесок второго варианта по размерам, форме прорези и орнаментации подобны первому. Они дополнены шестью шумящими украшениями, среди которых преобладающими являются привески в виде гусиных лапок (отлитых вместе с петлей). Подвески стандартны и несомненно представляют собой изделия ремесленных мастерских. На многих — следы грубого и небрежного выполнения: не удалены затеки металла и пр. Обратная сторона подвесок, как правило, гладкая — доказательство того, что они отливались в односторонних жестких формах. Второй вариант подвесок представлен 53 находками; из них

---

[65] А. П. Смирнов. Очерки..., стр. 184.

[66] T. Arne. Barsoff Gorodok. Stokholm, 1935, рис. 3 и 14.

[67] И. А. Лунегов. Редикарский могильник. КСИИМК, 57, 1955, стр. 124—125. Приношу благодарность И. А. Лунегову, приславшему мне рисунки подвесок.

[68] Н. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. СПб., 1895, курган CIII, *1*, у дер. Подъелье, табл. III, *6*.

[69] Е. А. Халикова, Е. П. Казаков. Отчет о раскопках Танкеевского могильника в 1964 г. Архив ИА, Р 1 № 2942, рис. VIII, *7*.

12 сосредоточено в районе Чердыни (рис. 11). 17 подвесок с территории Мало-Аниковского могильника различаются столь небольшими деталями, что их происхождение из одной мастерской, которая, вероятно, располагалась на поселении близ могильника, не подлежит сомнению.

Два следующих района сосредоточения подвесок этого варианта — Гаинский на Верхней Каме и бассейн рек Иньвы и Обвы. Группа подвесок обнаружена и на территории ТАССР (10 находок), главным образом в Биляре.

Коньковые подвески второго варианта датируются X—XI вв. по раскопкам Рождественского могильника и Кыласова городища (Анюшкар) [70], а также по погребению в кург. № 6 (комплекс VIII) у дер. Заозерье в Юго-Восточном Приладожье, где были найдены дирхем-подвеска 922—923 и скорлупообразные фибулы типа Паульсен 51с [71].

Третий вариант отличается от предыдущих «жемчужным» орнаментом, окаймляющим центральную прорезь подвески (рис. 7, *21*), и более вытянутой петлей, основанию которой часто придается вид человеческой головы (рис. 7, *22*).

Из 39 подвесок этого варианта 12 не имеют личин. Подвески без личин несколько более ранние. Среди них встречаются небольшие экземпляры с пятью шумящими привесками, в том числе — с колокольчиками. Подвески с личинами почти все стандартного размера, имеют прорезь в виде трапеции с кругом наверху; дополнены, как правило, лапчатыми привесками на цепочках из шести — семи звеньев.

Коньковые подвески с личиной неоднократно привлекали к себе внимание. Композиция подвески с человеческой фигурой в центре и конями по сторонам напоминает хорошо известный сюжет поклонения богине природы. Мы видели его на золотой броши с крупной человеческой головой и двумя разносмотрящими взнузданными головами коней из Зубовских курганов Кубанской обл. [72], на антропоморфных фибулах VII в. и в русской народной вышивке XIX в. В Прикамье этот сюжет — не позднейшее привнесение извне [73]. Он отразился уже в композиции коньковых подвесок VII—VIII вв. Т. Арне считал даже возможным провести прямую линию развития от приднепровских антропоморфных фибул к верхнекамским коньковым подвескам с личиной [74]. История коньковой подвески Верхнего Прикамья, прослеженная нами с ананьинского времени, это не подтверждает. Более того, можно предполагать, что и сюжет, выраженный на антропоморфных фибулах, самостоятельно развивался в Прикамье, отображая древние местные культы, в которых антропоморфное божество и кони играли важную роль. Древнее культовое значение этого сюжета подтверждается описанным А. С. Сидоровым старинным игрищем у вычегодских коми. Двое мужчин связывались, став спинами друг к другу. Каждый брал в руки по дуге; сверху их покрывали пологом; получалась фигура двухголового коня. На полог сажали голого мальчика, который сырым веником кропил присутствующих [75]. Это описание привел в своей диссертации В. А. Оборин.

Третий вариант подвесок более других распространился за пределы Верхнего Прикамья. На севере эти подвески находили на р. Вочь, притоке р. С. Кельтма (Коми АССР), и на р. Вычегде; на востоке — в бывш.

---

[70] В. А. Оборин. Коми-пермяки..., стр. 109.

[71] W. J Raudonikas. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stokholm, 1930, стр. 49, 50, рис. 29, 50.

[72] Д. Н. Эдинг. Антропо- и зооморфные фибулы Восточной Европы. Уч. зап. ИЭНКНВ, II, М., 1930, рис. 29.

[73] Л. А. Голубева. Археологические памятники веси на Белом озере. СА, 1962. 3, стр. 60.

[74] Т. Арне. Ук. соч., стр. 62.

[75] А. С. Сидоров. Следы тотемических представлений в мировоззрении зырян. «Коми-му», 1924, 1—2.

Тарском округе Тобольской губернии, на р. Лозьве и на Оби; на западе они достигали Юго-Восточного Приладожья и даже Швеции[76]. Ряд подвесок найден на территории ближайших западных соседей родановцев: древних марийцев, мордвы; в земле камских болгар.

Подвески хорошо датируются находками на поселениях (Рождественское городище) и в погребальных комплексах. Подвески без личин наиболее раннюю дату — первая половина X в.— имеют по могильнику «Барсов городок» на Оби, где две из них были найдены в женском погребении № 39. Наиболее поздняя дата их — XI в. определяется по женскому погребению в пещере у с. М. Вашкур на р. Чусовой[77].

Подвески с личинами также несколько раз найдены в погребальных комплексах. Так, две подвески, литые в одной форме, из женского погребения № XI могильника «Черемисское кладбище» датируются по очковидным спиральным подвескам, умбоновидной подвеске с семью лапчатыми привесками и другим находкам X в.[78].

В Крюково-Кужновском могильнике подвеска из женского погребения № 427 найдена вместе с монетой, представлявшей собой подражание дирхему Измаила сына Ахмеда (892—907)[79].

В женском погребении на Вычегде под Сыктывкаром подвеска лежала на груди скелета, рядом с дирхем-подвеской 971 г.[80].

Судя по погребальному комплексу в кург. № 6 (VIII) из Заозерья, в Юго-Восточном Приладожье эти подвески встречаются в начале XI в. Подвеска с личиной из Рождественского городища найдена в слоях X—XI вв.

Массовое распространение коньковых подвесок VI типа совпадает с большим подъемом бронзолитейного дела в Верхнем Прикамье, отмечающемся во второй половине X — первой половине XI в.[81].

Иногда за пределы Верхнего Прикамья вывозились только отливки основ подвесок. Шумящие привески к ним изготовлялись местными мастерами в соответствии с традициями женского национального убора. Так, на коньковых подвесках верхнекамского происхождения из марийских могильников Веселовского и «Черемисское кладбище» мы видим необычно длинные (до 10 и 17 *см*) цепочки и круглые бубенчики в чисто местном вкусе.

Т. А. Хлебникова допускает, что в X—XI вв. производство коньковых подвесок VI типа существовало и в Волжско-Камской Болгарии, очевидно по прикамским образцам[82].

Мы проследили эволюцию литых коньковых подвесок Верхнего Прикамья почти за пять веков — с VII по XI в. Из первых трех типов подвесок, возникших в VII в., в памятники родановского времени перешли варианты II и III типов. IV тип подвесок бытовал только в VIII — начале IX в.; V тип, появившийся в эпоху, переходную от ломоватовской к родановской культуре, просуществовал с VIII по начало X в. VI тип, сложившийся в конце VIII — начале IX в., получил наибольшее развитие в X — первой половине XI в. Именно его можно назвать характерным для коньковых подвесок родановской культуры.

Шумящие привески прошли за это время свой путь развития, не совпадавший прямо со временем развития и исчезновения того или иного

---

[76] Т. Arne. Ук. соч., стр. 62.

[77] Н. А. Прокошев. Погребения на р. Чусовой. СА, III, 1937, рис. 1, *12*, стр. 129—134.

[78] МАЭ. Колл. 1265, погр. XI, № 337 и 338.

[79] П. П. Иванов. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Крюково-Кужновский могильник. Моршанск, 1952, табл. II, *2* и стр. 137.

[80] П. С. Савельев. Археологические поиски в окрестностях Усть-Сысольска. ЗАО, IV, СПб., 1882, стр. 123—124. Эрмитаж, ОПК, секция северо-запада, колл. 652, № 22.

[81] Л. А. Голубева. Огнива с бронзовыми рукоятями. СА, 1964, 3, стр. 131—132.

[82] Т. А. Хлебникова. Ук. соч., стр. 124.

типа подвесок. Так, привески в виде колокольчиков, гирек, ромбов или пластинок с треугольными выступами, на восьмеркообразных звеньях[83] существовали с VII по IX в., дополняя подвески I, II, III и V типов. В конце VIII—IX в. появляются привески в виде гусиных лапок, навешивавшихся своей верхней, вытянутой и загнутой в крючок частью на восьмеркообразные звенья.

В конце IX в. последние исчезают и заменяются цепочками сначала из трех — пяти, затем из шести — семи звеньев, но привески в виде колокольчиков или гирек остаются.

В первой половине X в. колокольчики сосуществуют с привесками в виде ромбов, пластинок с треугольными выступами и лапчатыми (отлитыми вместе с петлей).

Во второй половине X в. последние начинают преобладать. В XI в. конусовидные привески уже не встречаются, изредка бытуют треугольные и ромбовидные (с выемкой по центру) привески, а лапчатые господствуют.

На протяжении почти пяти веков сохранялся традиционный способ ношения коньковых подвесок (обычно парных) на длинных унизанных бронзовыми бусами или спиралями шнурках, прикреплявшихся к одежде на уровне плеч и свисавших по обе стороны груди или на поясе, на боковых ремешках, вместе с подвесками — солярными символами; реже — в составе ожерелья. Мы можем это утверждать на основании детального описания 25 раскопанных женских погребений VII — начала XI в. Коньковые подвески в составе ожерелья были найдены всего три раза, а на груди и у пояса — в равном числе. Совершенно так же носили и коньки-подвески в IV—VI вв. Эта традиция, так строго соблюдавшаяся, несомненно связана с магическим значением коньковых подвесок.

После XI в. как в Верхнем Прикамье, так и на Средней Волге коньковые подвески описанных типов исчезают. В Верхнем Прикамье на смену им в XII в. приходят стилизованные двухъякорьковые подвески, дополненные массивными грушевидными привесками с концентрическими выступами и насечками или эллипсоидными привесками на проволочных цепочках. Этот заключительный этап бытования подвесок, которые уже потеряли сходство с коньковыми, отмеченный А. А. Спицыным[84], А. П. Смирновым[85] и В. А. Ооиным[86] и падающий на XII—XIV вв не является предметом рассмотрения настоящей статьи.

---

[83] Отметим, что эта форма звеньев характерна для большинства позднеломоватовских подвесок. См. В. Ф. Генинг. Деменковский могильник..., стр. 104.

[84] А. А. Спицын. Ук. соч., табл. X, *1, 2, 3.*

[85] А. П. Смирнов. Очерки..., стр. 217, рис. LIV.

[86] В. А. Оборин. Коми-пермяки, стр. 110; О. Н. Бадер, В. А. Оборин. Ук. соч., стр. 208—209, рис. 55, *4, 7, 9.*

Г. К. ВАГНЕР

О ГЛАВНОМ МАСТЕРЕ ГЕОРГИЕВСКОГО СОБОРА 1234 г. В ЮРЬЕВЕ-ПОЛЬСКОМ

Во времена развития в исторической науке поверхностного социологизма считалось «модным» утверждать, что история мирового искусства проходит сначала через коллективистические эпохи, которым соответствуют коллективистические стили, а затем через индивидуалистические [1]. Одним из свойств коллективистических стилей считалась пресловутая анонимность произведений искусства. В такую коллективистическую эпоху было зачислено и средневековье. Подобные взгляды причинили немалый вред науке. Они прежде всего «заморозили» исследовательскую работу по выявлению имен старых мастеров. Они исказили представление о средневековом цеховом ремесле, которое вовсе не исключало индивидуальное мастерство, а, наоборот, даже предполагало существование специального «института шедевров» [2]. Наконец, они внесли полную неразбериху в вопрос о различии между профессиональным искусством и собственно фольклором, творчеством «безымянной народной массы» [3]. Между тем даже в фольклоре не исключается известная роль первоначального творца.

Хотя между положением средневекового художника и художника нового времени была большая разница, но индивидуальное мастерство уже в XII в. играло немалую роль в развитии искусства. Это не замедлило сказаться в появлении громадной вереницы имен выдающихся мастеров, с творчеством которых связывается формирование ранних национальных культур эпохи средних веков. Среди сотен других нам известны имена главного строителя и главного скульптора Собора Парижской богоматери (Пьер из Монтеро и Жан из Шелля), трех строителей собора в Амьене (Робер из Люзарша, Тома из Рено, Рено из Кормона), четырех мастеров Шартрского собора (Жан из Орбе, Жан Волк, Гоше из Реймса, Робер из Куси).

Русское средневековье тоже знает имена крупных мастеров, какими были, например, Петр — строитель новгородского Георгиевского собора [4], полоцкий мастер Иоанн [5], Петр Милонег — создатель Пятницкой церкви в Чернигове [6], «хитрец» Авдий — автор скульптур церкви в галичском

---

[1] В. М. Фриче. Социология искусства. М.— Л., 1926, стр. 38—39, 41.

[2] Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 299—300.

[3] Поль Лафарг. Свадебные песни и обычаи. В кн. «Очерки по истории культуры». М.— Л., 1928, стр. 55.

[4] Новгородские летописи. СПб., 1879, стр. 188—189.

[5] Н. Н. Воронин. У истоков русского национального зодчества. «Ежегодник Института истории искусств». М., 1952, стр. 260.

[6] П. Д. Барановский. Собор Пятницкого монастыря в Чернигове. Сб. «Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР». М.— Л., 1948, стр. 13—34.

г. Холме [7] и др. Известны также имена ряда живописцев, миниатюристов, ювелиров XI—XII вв. [8].

Хотя мастера средневековья чаще всего работали большими коллективами — артелями или «дружинами» [9], но индивидуальность талантливого мастера-автора может быть выделена и здесь [10].

Анонимность многих произведений средневекового искусства следует объяснять не столько «безликой коллективностью» творчества, сколько недостаточным вниманием хронистов к работе мастеров, а также массовой гибелью древних письменных документов [11]. Поэтому не должно казаться странным, что до нас не дошло имя создателя такого уникального памятника древнерусского искусства, как Георгиевский собор в г. Юрьеве-Польском (1230—1234 гг.). Памятник этот не мог быть и несомненно не был «безликим».

Уже в XVI в. русские люди, видимо, не мирились с искусственно образовавшейся анонимностью этого памятника. В Тверской летописи, в связи с сообщением об окончании собора и об украшении его князем Святославом Всеволодовичем, сказано: «А сам князь бе мастер» [12]. Вероятно, это сообщение удовлетворяло русских людей XVI—XVII вв., но в дальнейшем и оно перестало удовлетворять.

В XVIII в. В. Н. Татищев без всяких ссылок на источник сообщил в связи с историей сооружения Георгиевского собора, что «мастер был болгарский» [13]. В. Н. Татищев, конечно, имел в виду волжскую Болгарию, откуда, по его мнению, возили белый камень для владимиро-суздальских построек. Как видим, вопрос об имени мастера перерос в вопрос о его национальности. Правда, мнение В. Н. Татищева не получило большого распространения. Акад. В. В. Суслов высказал в свое время предположение, что мастером скульптуры Георгиевского собора мог быть тот «хитрец Авдий», который известен по работам в галицко-волынском г. Холме [14]. К В. В. Суслову присоединились Д. Н. Бережков и Ф. Халле [15].

В недавнее время С. Г. Щербов высказал мнение, что изображение зодчего Георгиевского собора можно видеть в резной мужской голове на камне подтреугольной формы [16], хранящемся сейчас внутри собора (рис. 1). Вместе с тем С. Г. Щербов считает, что словам В. Н. Татищева о болгарском происхождении мастера «необходимо верить» [17]. Следовательно, указанный рельеф, по мнению С. Г. Щербова, представляет «портрет» болгарского зодчего. Вопрос об имени мастера снова перерос в вопрос о его национальности. Последнее, конечно, важнее, но вообще оба вопроса тесно взаимосвязаны.

---

[7] ПСРЛ, II, СПб., 1843, стр. 196.

[8] Б. Н. Лазарев. Живопись и скульптура Киевской Руси. В кн. «История русского искусства», I, М., 1953, стр. 204—206; Л. В. Алексеев. Лазарь Богша — мастер-ювелир XII в. СА, 1957, 3, стр. 241; Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси, стр. 295, и др.

[9] Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси, I, М., 1961, стр. 325; В. Н. Лазарев. Древнерусские художники и методы их работы. Сб. «Древнерусское искусство XV — начала XVI веков». М., 1963, стр. 122, 153; Д. С. Лихачев. Текстология. М.— Л., 1963, стр. 54—55.

[10] В. Н. Лазарев. Мозаики Софии Киевской. М., 1960, стр. 153; Д. С. Лихачев. Текстология, стр. 314.

[11] Д. С. Лихачев. Текстология, стр. 99, сл.

[12] ПСРЛ, XV, СПб., 1863, стр. 355.

[13] В. Н. Татищев. История российская с самых древнейших времен, III, М., 1774, стр. 421 и 456.

[14] В. В. Суслов. Очерки по истории древнерусского зодчества. СПб., 1889, стр. 80, примеч. 1.

[15] Д. Н. Бережков. О храмах владимиро-суздальского княжества. ТВУАК, V, Владимир, 1903, стр. 135; F. Halle. Die Bauplastik von Wladimir-Ssusdal. Russische Romanik. Berlin, 1929, стр. 51.

[16] С. Г. Щербов. Белокаменные рельефы Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском. Диссертация. М., 1953, ГБЛ, стр. 73.

[17] Там же, стр. 166.

Нам уже приходилось отмечать, что с точки зрения средневековой табели о рангах в указанном С. Г. Щербовым рельефе никак нельзя видеть изображение зодчего Георгиевского собора [18], так как он первоначально располагался над рельефом св. Георгия (на северном притворе) [19] патрона великого владимирского князя. Одновременно были приведены некоторые данные, позволяющие видеть в рельефе ктиторский портрет князя Святослава Всеволодовича, а в исполнителе его — главного мастера скульптуры Бакуна [20]. В настоящей статье предлагается более развернутая аргументация последнего мнения.

Рис. 1. Предполагаемый портрет князя Святослава Всеволодовича

Стиль рельефного портрета князя Святослава ясно говорит о том, что исполнителем рельефа был мастер, испытавший заметное воздействие романской скульптуры. Это видно по трактовке бороды князя параллельно сходящимися к середине линиями, что очень типично для романской пластики [21]. Прекрасный пример этого романизирующего стиля представляют две нимбированные резные головы, находящиеся in situ на той же стене северного притвора. Они расположены по бокам и немного ниже рельефа св. Георгия. Около правого рельефа видны фрагменты высеченной сверху вниз надписи «...БАКУ...» (рис. 2). Палеографически надпись синхронна рельефу [22]. Нет оснований считать ее более поздней, как думает С. Г. Щербов [23]. Правда, надпись высечена после того, как рельеф был вставлен в кладку, так как сначала нужно было высечь на окружающих рельеф камнях нимб, затем растительный орнамент, но все это были ступени одного творческого процесса [24] и разрыв во времени был незначителен. Высекание надписи, по-видимому, завершало весь этот процесс, так как она высечена на пустом поле между завитками орнамента.

По вопросу о том, кого изображают эти рельефы, были высказаны различные мнения. Н. П. Кондаков, а за ним и К. К. Романов считали,

---

[18] Г. К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Г. Юрьев-Польской. М., 1964, стр. 54—55.

[19] Установлено архитектором А. В. Столетовым.

[20] Г. К. Вагнер. Ук. соч., стр. 55.

[21] H. Busch, B. Lohse. Baukunst der Romanik in Europa. Frankfurt am Main, 1959, табл. 208; H. Leisinger. Romanische bronzen. Zürich, 1956, рис. 59; H. Beenken. Romanische sculptur in Deutschland. Leipzig, 1924, стр. 43.

[22] Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV веков. М., 1964, стр. 39, № 40.

[23] С. Г. Щербов. Ук. соч., примеч. 34.

[24] Н. Н. Воронин. Зодчество северо-восточной Руси, II, М., 1962, стр. 84.

Рис. 2. Рельеф Спаса на северном притворе Георгиевского собора с подписью главного мастера «БАКУ»

что это изображение Спаса Нерукотворного[25]. Действительно, изображение только одной головы без плеч на фоне нимба говорит в пользу этого мнения[26]. Против него на первый взгляд говорит отсутствие креста на нимбе, парность рельефов и расположение их ниже рельефа св. Георгия. Что касается самого типа лица, то оно может быть принято за лицо Христа в романо-русской интерпретации, но исходить только из этого в определении рельефов трудно. Б. А. Рыбаков в свое время допускал, исходя из надписи, что мы имеем перед собой изображение какого-либо боярина Авакума[27] (точнее не самого боярина, а его святого патрона Авакума). Однако буква «Б» высечена близ края каменного блока и выше нее нет места для начальной буквы «А». Конец надписи стерт в связи с порчей каменного блока. Чтение «Абакум» маловероятно, хотя возмож-

---

[25] И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, VI, СПб., 1899, стр. 43; К. К. Романов. Георгиевский собор в г. Юрьеве-Польском. ИАК, 36, СПб., 1910, стр. 76; В. Н. Лазарев. Скульптура владимиро-суздальской Руси. В кн. «История русского искусства», I, М., 1953, стр. 435.

[26] Ср. рельеф Спаса Нерукотворного, вложенный В. Д. Ермолиным в кладку южной стены Георгиевского собора. А. А. Бобринский. Резной камень в России, I, М., 1916, табл. 37, *3*.

[27] Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. В кн. «История культуры древней Руси», II, М.— Л., 1951, стр. 462.

ность его подтверждается не только летописями, но и надписью на вратах Суздальского собора [28].

Гораздо вероятнее чтение «Бакун». Имя Бакун было довольно распространенным в древней Руси [29], возможно, оно было производным от Амбакума, Абакума, Онбакума, т. е. от Аввакума. В суздальской земле встречается имя Бакуля.

С. Г. Щербов придерживался иного мнения об этих рельефах. Он считал один рельеф изображением св. Гавриила — патрона князя Святослава (Гавриила) Всеволодовича, а другой — изображением св. Митрофана,— патрона суздальского епископа Митрофана [30]. Вероятно, в связи с этой концепцией С. Г. Щербов и считал, что надпись «БАКУ» поздняя.

Атрибуция рельефов С. Г. Щербовым совершенно беспочвенна. Патроном князя Святослава, конечно, считался архангел Гавриил [31], который и был изображен в большом деисусе Георгиевского собора над западным входом [32]. В связи со сказанным отпадает толкование второго рельефа как изображения св. Митрофана. Таким образом, обсуждаться могут только два предположения: либо рассматриваемые рельефы изображают Спаса, либо один из них, с надписью «БАКУ», является изображением св. Аввакума.

Последнее предположение тоже отпадает, так как имени Аввакума (Абакума) должно было предшествовать сверху слово ОАГИОС (святой), хотя бы в сокращенной форме (ОА), или «стый» (святой) как, например, у рельефа Давида на фасаде церкви Покрова на Нерли. Между тем для этих слов места на стене около рельефа нет, надпись «БАКУ» ограничена сверху растительным орнаментом. Помимо того, пророк Аввакум, начиная с ватиканского списка «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова (VII в.), изображался, как и пророк Даниил, молодым, безбородым [33]. Второй св. Аввакум (мученик) умер, согласно житиям, юношей [34].

Таким образом, путем исключения мы вернулись к старому определению Н. П. Кондакова, что интересующие нас рельефы есть изображения Спаса. Отсутствие перекрестия на нимбе было признаком почти всех ранних изображений Христа вплоть до VI—VIII вв. [35]. Больше всего таких изображений на римской почве византийского искусства, откуда эта черта могла проникнуть в романское искусство.

Изображение почти рядом двух тождественных ликов Спаса можно объяснить особым княжеско-патрональным значением Спаса в политической жизни Владимиро-Суздальского княжества. Известно, что праздник Спаса был специально установлен Андреем Боголюбским в 1164 г. и приурочен к 1 августа — дню якобы одновременного явления этого образа византийскому императору Мануилу перед его победой над персами. Подобным же явлением Спаса объяснялась победа владимирцев над волжскими болгарами [36]. В изображении на северном притворе Георгиевского собора двух Спасов, следовательно, можно видеть отражение злободневной идеи

---

[28] В Ипатьевской летописи — Амбакум, так же и на Суздальских вратах.

[29] Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. ЗРАО, VI, СПб., 1903, стр. 93.

[30] С. Г. Щербов. Ук. соч., стр. 19.

[31] В. Л. Янин. Княжеские знаки суздальских рюриковичей. КСИИМК, 62, 1956, стр. 13.

[32] Г. К. Вагнер. Аркатурно-колончатый фриз Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском. СА, 1962, 3, стр. 86, рис. 4.

[33] Е. К. Редин. Христианская топография Козьмы Индикоплова, I, М., 1916, рис. 32.

[34] И. Бухарев. Жития всех святых. М., 1916, стр. 329.

[35] Н. П. Кондаков. Лицевой иконописный подлинник, I, СПб., 1905, рис. 15, 20, 24—26, 28, 33.

[36] Н. Н. Воронин. О некоторых рельефах Георгиевского собора Юрьева-Польского. СА, 1962, 1, стр. 141, 142.

равенства владимирских князей византийским базилевсам. Но, может быть, в данном случае эту идею равенства надо понимать в более узком плане и иметь в виду желание князя Святослава уравнять себя со своим старшим братом — великим князем владимирским Георгием. Ведь на том же северном притворе собора были рельефы, связанные с обоими князьями. Не исключено, что два Спаса могли быть связаны с идеей св. Убруса и св. Керамиды.

Св. Керамида (Чрепие) представляет по легенде отпечаток образа Спаса Нерукотворного с плата (Убруса) на керамическую плиту, что относится ко временам эдесского правителя Авгара [37]. Происхождение св. Керамиды связывается с расположением ее над городскими воротами. Н. П. Кондаков считал, что под св. Керамидой чтился особый вариант Спаса Нерукотворного [38]. Оба образа (Спас Нерукотворный и св. Керамида) нередко изображались вместе, примером чего является роспись Спаса Нередицы [39]. Н. П. Кондаков допускал, что св. Керамида в этой росписи каким-то образом восходит к изображению Спаса на лабаруме византийского императора, так как снабжена надписью «NIKA» [40]. Таким образом, наличие на северном притворе Георгиевского собора двух похожих рельефов Спаса не только может быть сопоставлено с двумя изображениями Спаса в росписи Спаса Нередицы, но и с идеей триумфа, выраженной в св. Керамиде. Напомним, что Георгиевский собор строился после блестящей победы князя Святослава над болгарами (1220 г.) и что образ Спаса в воинских походах владимиро-суздальских князей играл особую роль [41]. Северный фасад Георгиевского собора с его рельефами святых воинов наиболее полно выражал идею победы.

Рис. 3. Голова Христа. Мадридский музей, XI в.

Правый рельеф Спаса над северным входом Георгиевского собора по расположению приближается к св. Керамиде. Может быть, этим и следует объяснить отсутствие перекрестия на нимбе Спаса? Но не следует забывать о близости рассматриваемого рельефа к романской скульптуре. что хорошо видно при сопоставлении его, например, с резной головой Христа из распятия (XI в.), хранящегося в Мадридском музее (рис. 3). Для западноевропейской иконографии Нерукотворного Спаса были характерны различные вольности [42]. Известны, например, изображения «Плата Вероники» без перекрестия на нимбе Христа [43]. Наконец, рельеф Спаса мог остаться незаконченным. Следы незаконченности наблюдаются на прилегающих к рельефу камнях с растительным орнаментом.

[37] Н. П. Кондаков. Лицевой иконописный подлинник, стр. 15—16.

[38] Там же, стр. 18.

[39] Там же, стр. 52.

[40] Там же. См. также И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности. VI, стр. 132.

[41] Н. Н. Воронин. О некоторых рельефах Георгиевского собора, стр. 141. сл.; его же. Сказание о победе над болгарами 1164 г. и празднике Спаса. В сб. «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1963 стр. 88—92.

[42] Н. Покровский. Евангелие в памятниках иконографии преимущественно византийских и русских. Тр. VIII АС, I, СПб., 1892, стр. 312.

[43] P. Perdrizet. De la Véronique et de Sainte Véronique.— Seminarium Kondakovianum, V, Prague, 1932, табл. I.

Надпись «БАКУ» не имеет никакого отношения к Спасу или каким-либо символическим его обозначениям. Она может означать только имя автора рельефа Спаса. Резная надпись имени мастера скульптуры на фасаде здания не должна казаться чем-то необычным. Напомним, что вырезанное на портале Собора Парижской богоматери имя мастера Жана из Шелля относится именно к скульптору, а не к зодчему собора [44]. Не исключено, что имя галичского мастера Авдия тоже было высечено на фасаде украшенной им церкви в г. Холме, почему и попало в летопись.

Расположение имени мастера Бакуна рядом с рельефом Спаса тоже не случайно. Можно уловить в этом ремесленную традицию, основанную на убеждении, что Спас выступает помощником и покровителем мастера в его ответственном и трудном деле. Не случайно ряд известных нам по эпиграфическим данным «подписей» мастеров сопровождается формулой: «господи помози...» и т. д. [45]. К этому же кругу явлений относится надпись имени мастера на подножии Спаса в выходной миниатюре Тверского списка хроники Георгия Амартола [46], к которой нам придется еще вернуться.

Соединение подписи мастера Бакуна с романизирующими чертами высеченных им рельефов может указывать на происхождение мастера из галицко-волынской Руси, тесно соприкасавшейся с западноевропейским романским миром.

Помимо рассмотренных рельефов, на галицко-волынское происхождение мастера Бакуна указывает наличие в орнаменте Георгиевского собора таких мотивов, которые не характерны ни для северо-восточной Руси, ни для Кавказа и Средней Азии, но которые встречаются на галичских колтах и перекликаются с мотивами декоративного искусства соседней Венгрии. Я имею в виду сложное плетение орнамента на северной стенке западного притвора Георгиевского собора, находящее аналогию в орнаменте шапки св. Стефана Венгерского [47]. Это не означает, конечно, что указанный орнамент Георгиевского собора высекал мастер Бакун. Вероятно, в составе артели мастеров Георгиевского собора были и другие галичские сотоварищи мастера Бакуна, либо же мастер Бакун принес с собой какие-то орнаментальные образцы в виде прорисей.

Высказывая свое отношение к упомянутому выше предположению В. В. Суслова о возможности работы в Юрьеве-Польском галичского «хитреца» Авдия, Н. Н. Воронин привел интересные данные о связях владимиро-суздальского княжеского дома с галицко-волынскими князьями [48]. Но эти данные лучше использовать для подкрепления не искусственной версии о работе в Юрьеве-Польском случайно известного нам «хитреца» Авдия, а, как теперь выясняется, эпиграфически зафиксированной работы мастера Бакуна.

О галичском его происхождении говорят и другие данные. Скорее всего мастер Бакун, происходивший из юго-западной Руси или долгое время работавший там, мог натолкнуть владимиро-суздальских резчиков (или того же князя Святослава) изобразить на щите св. Георгия владимирского «гербового» льва. Княжеские печати с изображением льва были известны в Галицко-Волынской Руси [49]. Теми же обстоятельствами можно объяснить

---

[44] Н. А. Кожин, А. А. Сидоров. Архитектура средневековья. М., 1940, стр. 111.

[45] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 253; его же. Русская эпиграфика X—XIV вв. V Международный съезд славистов. М., 1963, стр. 53.

[46] Д. В. Айналов. К истории древнерусской литературы. ТОДРЛ., XIV, М.—Л., 1936, стр. 14.

[47] J. Hampel. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn. Braunschweig, 1905, Albom, 2, табл. 45.

[48] Н. Н. Воронин. Зодчество северо-восточной Руси. II, стр. 125.

[49] А. С. Лаппо-Данилевский. Печати последних галичско-владимирских князей и их советников. Сб. «Болеслав-Юрий II, князь всей малой Руси». СПб., 1906, стр. 224—225. Правда, рассматриваемая печать сделана позднее рельефов Георгиевского собора.

появление в скульптурном декоре Георгиевского собора и других романских черт, как, например, фриза из человеческих и львиных масок [50]. Этот просвещенный художник и мог быть главным мастером скульптуры Георгиевского собора.

Обильно введенные Бакуном в скульптуру светские и воинские мотивы, их смелая пластическая трактовка сближают скульптуру собора с такими литературными памятниками эпохи, как «Слово» и «Моление» Даниила Заточника [51]. Более того, широко развернутая в скульптуре картина цветущей Владимиро-Суздальской земли, ее патетическое звучание, принадлежат к тому кругу явлений русской культуры накануне татаро-монгольского нашествия, который подготовил появление замечательного по широте поэтического чувства «Слова о погибели Русской земли» [52].

Всем сказанным опровергается мнение о нерусском происхождении главного мастера Георгиевского собора. Нельзя видеть в нем и выходца из дунайской Болгарии, так как в скульптуре Георгиевского собора нет ни одной специфически болгарской черты. К тому же большое количество во Владимире в это время своих мастеров-камнерезов не вызывало никакой необходимости приглашения главного мастера из-за рубежа. Выходец из Галицко-Волынской земли, мастер Бакун мог появиться во Владимиро-Суздальском княжестве и раньше, принимая участие в предшествовавших работах.

Таким образом, мы пришли к заключению, что на северной стене северного притвора Георгиевского собора было изображение князя Святослава, выполненное работавшим на этом же участке мастером Бакуном, оставившим свою подпись. Здесь же находилось патрональное изображение св. Георгия с великокняжеской эмблемой на его щите. Все это представляется далеко не случайным.

Если надпись имени мастера рядом с рельефом Спаса отражала определенный обычай, то определенную традицию можно усматривать и в соединении на одном небольшом участке стены северного притвора изображений князя Святослава, патронального рельефа св. Георгия и рельефа Спаса с надписью мастера. Эта традиция представлена выходными миниатюрами рукописных памятников XI—XIII вв., на которых довольно часто изображались заказчик рукописи, ее автор (или его патрон) и ставилось имя мастера. Прекрасным примером этого является уже упомянутая выше выходная миниатюра Тверского Амартола, на которой изображен Спас (с именем мастера Прокопия) и предстоящие ему тверской князь Михаил Александрович с матерью Аксиньей, а на соседней второй выходной миниатюре изображен автор сочинения Георгий Амартол [53]. Мы видим здесь, таким образом, заказчика рукописи (князь Михаил), ее автора (Георгий Амартол), изображение Спаса и имя мастера исполнителя. Нечто подобное мы видим и на северном притворе Георгиевского собора.

Однако, если изображение Спаса и имени мастера рядом с ним полностью соответствует оформлению выходной миниатюры Тверского Амартола, то роль остальных изображений Георгиевского собора несколько различается. Князь Святослав мог быть изображен не только как заказчик, но и как участник работ по украшению собора, о чем свидетельствует

---

[50] Г. К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси, стр. 55—56, 86, 87.

[51] Там же, стр. 152—162.

[52] Г. К. Вагнер. «Моление» Даниила Заточника — скульптура Георгиевского собора — «Слово о погибели Рускыя земли». ТОДРЛ, т. XXII, М.— Л., 1966. Ю. К. Бегунов считает, что скульптура Георгиевского собора и «Слово о погибели Рускыя земли» только созвучны своим пониманием эпохи (Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII века. «Слово о погибели Русской земли». М.— Л., 1965, стр. 107). Я нахожу между этими выдающимися произведениями не только созвучность, но и более тесную взаимосвязь.

[53] Д. В. Айналов. Ук. соч., стр. 14, 15; О. И. Подобедова. К истории создания Тверского списка Хроники Георгия Амартола. V Международный съезд славистов, стр. 37 сл.

поставленное им на северном же фасаде собора большое распятие (так называемый «Святославов крест»). Может быть, князь Святослав не был чужд искусству и принимал активное участие в создании Георгиевского собора, о чем говорит предание в цитированном выше отрывке Тверской летописи. Примеры близкого участия владимиро-суздальских князей в строительном деле известны. Например, князь Изяслав (сын Андрея Боголюбского) осуществлял непосредственный надзор над строительством Успенского собора [54]. Таким образом, участие князя Святослава в строительстве и, может быть, украшении своего собора не исключено. Может быть, отчасти этим и объясняется, что рельеф князя был помещен не на каком-либо официально-демонстративном месте (например, под рельефом св. Георгия), а на «рабочем» месте, в замке арки притвора.

В сообщении Тверской летописи о том, что «сам князь бе мастер», есть известная доля реальности. Она увеличивается, если вспомнить, что Тверской свод 1534 г. включал в себя ростовский летописный материал и был написан ростовчанином [55]. Но наличие главного мастера скульптуры — Бакуна — отводит князю Святославу скорее организующую роль, что правильно подметил еще С. Г. Щербов [56]. Во всяком случае изображение князя Святослава от этого не теряло своего ктиторского характера, каковым оно в первую очередь и было. Этим самым рельеф князя Святослава как бы предвосхищает ктиторское изображение князя Михаила Александровича на выходной миниатюре Тверского Амартола. Отметим, что ктиторские изображения в болгарской скульптуре неизвестны. Во владимиро-суздальской же скульптуре в известном смысле ктиторским изображением был рельеф Всеволода III с семьей на фасаде Дмитриевского собора.

Рассматриваемый здесь вариант сочетания ктиторского и авторского изображений с именем мастера отнюдь не был единственно установленным. Наиболее широко были развиты парные портреты, т. е. портреты заказчика и автора рукописи. По словам Д. В. Айналова, «эти два рода выходных картин прослеживаются во всей истории византийской иллюстрированной книги» [57]. На выходных миниатюрах рукописи Диоскорида (Венская библиотека, VI в.) изображена владетельница книги принцесса Юлиана и автор — Диоскорид [58]; на развороте выходных миниатюр кодекса Гиппократа (Парижская Национальная библиотека, XIV в.) изображены Алексей Апокавк и портрет Гиппократа; в рукописи теологических сочинений Иоанна VI Кантакузина (1311—1375) изображен сам Иоанн Кантакузин как император (в императорском облачении) и как автор (в монашеском одеянии) [59]. Наконец, в широко известном «Федоровском Евангелии» (из Ярославля, 1321—1327) на одной выходной миниатюре изображен Федор Стратилат, соименный князю Федору, в память которого изготовлена рукопись, а на другой рядом с евангелистом Иоанном — заметно акцентированная фигура Прохора, соименного заказчику рукописи ярославскому архимандриту Прохору [60]. Над Прохором изображен Спас. Для полного сходства с рельефами северного притвора Георгиевского собора здесь не хватает только начертания имени мастера-исполнителя.

Помимо ктиторских изображений для нашей цели могут быть привлечены и ктиторские надписи, тоже нередко содержащие имя мастера. Частью именно такой ктиторской надписью М. К. Каргер считает фразу

---

[54] Н. Н. Воронин. Зодчество северо-восточной Руси, I, стр. 340.

[55] Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение, М.— Л., 1947, стр. 460.

[56] С. Г. Щербов. Ук. соч., стр. 114.

[57] Д. В. Айналов. Ук. соч., стр. 15.

[58] Там же. См. также В. Н. Лазарев. История византийской живописи, I, М., 1947, стр. 55; II, М., 1948, табл. 16 и 17.

[59] О. И. Подобедова. Ук. соч., стр. 42.

[60] А. И. Некрасов. Возникновение московского искусства. М., 1929, стр. 184—195, 210.

новгородской летописи: «а мастер трудился Петр», относящуюся к строителю Георгиевского собора в Новгороде[61]. Роль ктиторской надписи в Георгиевском соборе играла резная надпись на камне, говорящая о постановке креста с распятием князем Святославом. Эта надпись находилась на северном фасаде собора над северным притвором, т. е. в непосредственной близости и от ктиторского изображения князя Святослава и от рельефа Спаса с «подписью» мастера Бакуна.

Таким образом, мы можем сопоставить оформление северной стены северного притвора Георгиевского собора с теми выходными миниатюрами средневековых рукописей, на которых изображались (прямо или через святых патронов) заказчик, автор, а иногда писалось имя мастера. Производимое нами сопоставление тем более правомерно, что северный фасад Георгиевского собора был парадным городским фасадом[62], своего рода «фронтисписом» всей архитектуры и скульптуры этого замечательного памятника. Здесь находились патрональные рельефы всех князей владимиро-суздальского дома «юрьевичей»[63]. Здесь князь Святослав приказал поставить большой крест, выполнявший покровительственные функции. Здесь позднее пристроили придел-усыпальницу, в которой Святослав был погребен.

Все сказанное, как нам думается, подтверждает принадлежность надписи «БАКУ» главному мастеру скульптуры Георгиевского собора. Остается пока неизвестным, был ли мастер Бакун одновременно и зодчим собора. Со временем можно будет подойти к решению и этой части «проблемы главного мастера» Георгиевского собора.

---

[61] М. К. Каргер. К вопросу об источниках летописных записей о деятельности зодчего Петра и Феофана Грека в Новгороде. ТОДРЛ, XIV, М.— Л., 1958, стр. 566 сл.

[62] Н. Н. Воронин. Зодчество северо-восточной Руси, II, стр. 87; Г. К. Вагнер. К вопросу о реконструкции северного фасада Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. Сб. «Архитектурное наследство», 14, М., 1962, стр. 32—33.

[63] Г. К. Вагнер. Аркатурно-колончатый фриз Георгиевского собора..., стр. 92—93.

А. В. НИКИТИН

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ОБРАБОТКА КУЗНЕЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ В XVI — XVII вв.

Предлагаемая статья посвящена почти неизученному вопросу истории развития кузнечного дела — проникновению в него элементов художественного творчества, давно ставшего традицией в обработке цветных металлов.

Характерная тяга к орнаментальности в XVI—XVII вв. не миновала и кузнечного ремесла. Но если в других областях художественного творчества можно говорить о развитии ранних традиций и их ярком проявлении, то в украшении изделий из черного металла они если не отсутствовали (домонгольская Русь оставила нам прекрасные, но уникальные образцы), то все же не получили развития. Поэтому кузнецы заимствовали некоторые приемы у ювелиров, приспособив их к специфике своего ремесла, точнее, упростив применительно к профессиональным возможностям и технологии XVI—XVII вв. Результатом этого было изменение внешнего облика некоторых изделий, заслуживающих пристального изучения.

Ознакомление с орнаментацией железных изделий введет нас в круг не только новых, но и специфических признаков кузнечного ремесла этого времени. Материал многообразен, но он чаще всего полностью депаспартизован.

В XVI в., а еще больше в XVII в. орнаментация изделий из черного металла широко распространяется не только на бытовые предметы, но и на орудия труда. К сожалению, сейчас невозможно установить этапы ее развития глубже XVI в., так как нет ранних материалов. Можно только сказать, что если массовая орнаментация железных изделий не была свойственна домонгольской Руси, то появление ее в XIV—XV вв. маловероятно. Тяжесть татарского разгрома надолго заставила сосредоточить интересы на элементарных вопросах сохранения политической и экономической самостоятельности и вряд ли содействовала таким деталям, как украшение кузнечных изделий.

Освобождение от татарского владычества принесло более жизнерадостное восприятие жизни, отражением которого можно считать бурный расцвет орнаментализма во всех областях жизни Руси XVI—XVII вв. Материалом для изучения кузнечных украшений этого времени служат немногочисленные датированные вещи XVII в. Коломенского дворца Алексея Михайловича и бытовые предметы.

Все кузнечные изделия, имеющие орнамент, можно разбить на два типа: с плоским и объемным рисунком. При относительности и спорности всякой классификации такое разделение кажется нам приемлемым по следующим соображениям. Плоскостной орнамент наносился только на поверхности изделий, заполняя свободное пространство растительным или геометрическим узором, нанесенным зубилом, керном или специально сделанным пунсоном. Особой подготовке для орнаментации изделие не подвергалось (рис. 1, *к*, *л*). Чаще всего узоры следуют за формой изделия. При этом они близки к господствующей в быту растительной орнаментике.

Оригинальность их сводится только к технике нанесения украшений кузнечным инструментом и имеет некоторую простоту, что в какой-то степени объясняется и художественной неискушенностью кузнеца.

Объемная орнаментация заметно отличается от плоскостной. Так как для нее в настоящее время не существует специального термина, кажется уместным ввести название «кузнечная скань», так как техника изготовления ее очень близка к ювелирной скани. Как и в ювелирных сканных украшениях, на изделии предварительно намечался рисунок, который выкладывался из узких полосок черного металла, скрепленных между собой медным припоем. Получался узор, близкий к сканному.

На обоих типах изделий рисунок был упрощен не только потому, что украшали малоценные изделия (замки, личины, ключи), но и вследствие трудности пайки упругого металла.

Остановимся более подробно на обоих видах украшений. Так как большинство изделий из черного металла, как уже отмечено, депаспартизовано, пришлось выбрать ограниченный круг вещей, которые, как нам кажется, удалось датировать [1]. Что касается ключей и замков, украшенных «кузнечной сканью», то их точная датировка дело будущего. Здесь же следует указать на главные доводы, позволяющие отнести их появление и распространение в XVII в. Общим соображением может служить то, что замки и ключи хорошо соответствуют XVII—XVIII вв., преобладающей приметой которого была орнаментальность в быту. Кроме того, некоторые ключи со сканным орнаментом подходят к секирным замкам XVII в. «Кузнечной сканью» часто покрыты сничные замки, широко распространенные в XVI—XVIII вв. Следует сказать, что техника «кузнечной скани» дожила до середины XIX в., а в музеях можно встретить замки с датой изготовления.

Плоскостной орнамент был наиболее распространенным. Им украшались двери, решетки, пушки, оружие, замки, ключи, дверные петли, а иногда и сельскохозяйственные орудия. Растительный орнамент иногда имел ясно выраженные реалистические черты, но чаще приобретал геометризованные формы спиралей и валют, что затрудняет проведение резкой грани между реалистическим и отвлеченным рисунком. Все это довольно хорошо прослеживается на жиковинах из собрания ГИМ и музея в с. Коломенском [2]. Многие личины замков украшены элементами геометрического и растительного орнамента.

Следует несколько остановиться на технике нанесения украшений на изделиях. Она отличалась простотой, доступной любому кузнецу, чем и объясняется ее широкое распространение. Орнамент наносился зубилом; в таком случае получали сплошную или почти сплошную линию, которая чаще всего обозначала контуры орнамента (рис. 1, *и*). Другим инструментом был заостренный на конце цилиндр-керн (рис. 1, *з*). Им легко было наносить насечки-точки. Точечный орнамент употреблялся не только самостоятельно, но и в комбинации с линейно-насечным, что давало возможность создавать многочисленные комбинации в рисунках. Кузнецы ограничивались геометрическими узорами и упрощенным пониманием растительных элементов, заимствованных ими из настенных росписей, книжных рисунков и тканей. Это хорошо видно на тех же жиковинах коломенского дворца и личинах замков [3].

Следует сказать, что точечный и линейно-насечный орнамент встречался и в домонгольской Руси, но только в XVI—XVII вв. он широко распространяется.

Другая техника орнаментации также была известна в XVII в., хотя встречается редко. Она заключалась в выдавливании в листовом железе

[1] А. В. Никитин. Железные украшения Коломенского дворца XVII в. Сб.: Культура древней Руси. М., 1966.

[2] Государственный Исторический музей: № Щ-9113 / Ж-2345; Щ-9118 / Ж-177; Музей-усадьба в Коломенском: К-830, К-842А: К-1332; К-2271.

[3] А. В. Никитин. Ук. соч.

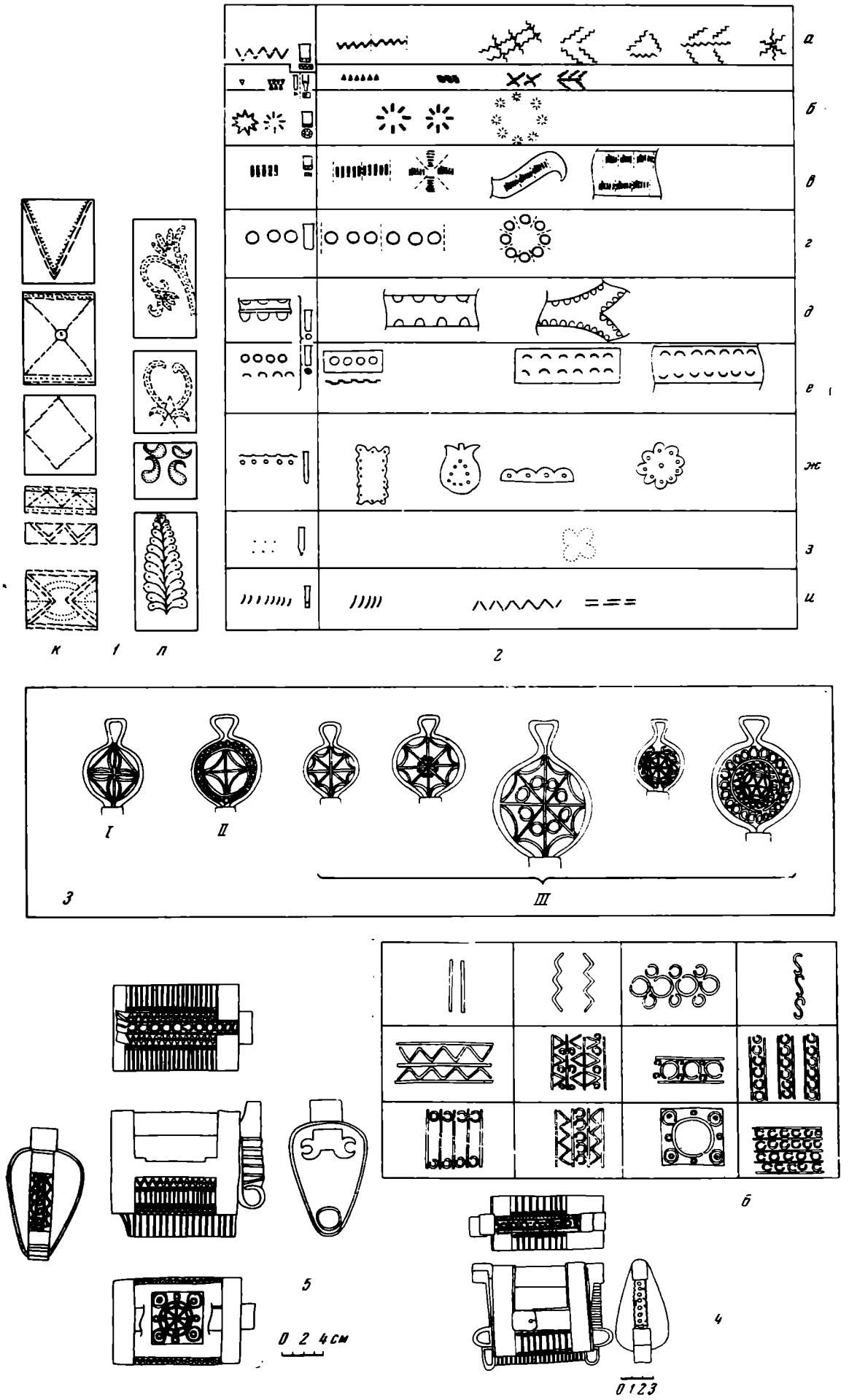


Рис. 1.

1 — элементы плоского орнамента (по материалам музея в Коломенском): *к* — геометрический орнамент, *л* — плоскостной орнамент; *2* — техника и типы плоского орнамента: *а* — *г* — орнаменты, нанесенные специальными фигурными пунсонами; *д* — *е* — орнаменты, нанесенные цилиндрическими пунсонами; *ж* — орнамент, нанесенный полусферическим пунсоном; *з* — орнамент, нанесенный керном; *и* — орнамент, нанесенный зубилом; *3* — типы украшений головок ключей «кузнечной сканью»; *4* — замок из музея в Коломенском; *5* — замок из музея Устюжны; *6* — элементы украшений типа «кузнечной скани»

при помощи пунсона углублений в виде полусферы, что в настоящее время широко применяется в технике штамповки (рис. 1, *ж*). Впрочем, такое уподобление надо применять с осторожностью, так как ни в домонгольской Руси, ни в XVI—XVII вв. вряд ли употребляли вместе с пунсоном и матрицу, а только такое сочетание можно отнести к современной технике штамповки. Вероятнее всего, способ выдавливания был заимствован у чеканщиков, употреблявших сложный и разнообразный набор чеканов при нанесении рельефного орнамента на изделиях из серебра и золота. Но заимствование кузнецов остановилось только на употреблении полушарового пунсона, орнамент которого напоминает нити жемчуга. Таким орнаментом покрывались личины, металлические детали дверей и сундуков, накладки дверных ручек, петель и др. Ограниченность в использовании кузнецами чеканов-пунсонов объясняется, вероятно, не только недостаточной пластичностью черного металла, но и отсутствием квалификации, за которой легко ощущаются скромные требования рынка к подобного рода изделиям.

Кузнечные изделия, если можно так выразиться, отличались «демократичностью», основным признаком которой было удовлетворение непритязательных вкусов рядового населения. Было важно создать ярко бросающееся сходство с нарядными дорогостоящими изделиями из цветных металлов. Здесь наблюдалось то же самое, что и при изготовлении чернолощеной керамики, где элемент коммерческой подражательности занимал видное место. Широкий рынок в какой-то степени мог также и ограничивать применение кузнечной чеканки, которая вызывала удорожание товаров.

К разновидности чеканки при помощи пунсонов можно отнести и просечную технику, когда узор при помощи фигурного пунсона просекался на железе. Такими пунсонами Г-образной формы чаще всего были просечены узоры на секирных замках, в большом количестве находящихся во многих музеях нашей страны. Встречаются также и просечные круглые отверстия, образующие в сочетании с другими приемами орнаментации сложные узоры.

Аналогичным по употреблению пунсонов, но значительно отличающимся по результатам обработки можно назвать нанесение узоров на поверхность изделия. Если в первом случае пунсоном-чеканом изготовлялся объемный орнамент, а во втором — частичной выемкой металла, то в описываемом способе пунсоном только отрабатывали поверхность металла, нанося на нее разнообразные формы узоров (рис. 1, *а—г*). Основным источником для ознакомления с этой техникой могут служить жиковины, находящиеся в собрании Коломенского музея. Жиковины имеют разнообразные композиции орнаментов: концентрические круги восьмиконечные звездочки, ряды параллельных линий, ряды треугольников, обращенных друг к другу вершинами, и зигзагообразные линии. При этом следует обратить внимание на то, что во всех случаях наблюдается строгое чередование одних и тех же особенностей и отклонений при употреблении одного типа орнамента. Это хорошо видно на жиковине, украшенной полосами из вертикальных линий, которые чередуются в последовательности (в виде пяти полос, при этом все они повторяются). Легко также заметить, что в местах, где кончаются линии насечки, видны пустые пространства разной величины, а на изгибах орнамент или накладывается один на другой или образует ломаную линию (рис. 1, *а*). В жиковине с треугольным и зигзагообразным орнаментом наблюдается аналогичная картина отклонений и особенностей техники нанесения орнамента. Все это свидетельствует об употреблении фигурных пунсонов. В отличие от простого керна или зубпла, кузнецы использовали в данном случае специальные пунсоны для орнаментации. Несомненно изготовленные из стали и закаленные (только такими пунсонами можно было сделать заметные углубления), они имели нужный узор, начиная от примитивных черточек до относительно сложных звездочек, треугольников и зигзагообразных линий (рис. 1, *а—г*).

Вряд ли приходится сомневаться, что техника нанесения узоров была взята у ювелиров и чеканщиков, где издревле употреблялись разнообразные формы обработки поверхности цветных металлов пунсонами с орнаментом.

Для всей пунсонно-насечной техники характерно употребление инструмента, начиная от зубила, керна и кончая специально изготовленных пунсонов с относительно сложным рисунком. В развитии инструментария прослеживается традиционная закономерность от простого к сложному. Если в домонгольской Руси кузнецы пользовались в основном зубилом, то в XVI—XVII вв. создаются целые наборы узко специального инструмента для плоскостного орнамента.

Следует также отметить, что плоскостная орнаментация характерна, как нам представляется, для XVI и особенно XVII в. В более позднее время интерес к плоскостной орнаментировке изделий из черного металла заметно уменьшается. Но говорить об исчезновении сложившейся традиции к орнаментированному черному металлу не приходится, так как от XVIII и XIX вв. сохранились в изобилии вещи с объемным орнаментом.

Кузнечная скань встречена нами пока что только на замках и ключах. Ею украшены только так называемые «сничные» замки. Этот тип цилиндрических замков появился только в XV в., если судить по находкам в Новгороде. На основании широко развитой орнаментации кузнечных изделий, характерных для XVI и особенно XVII в., можно с большой вероятностью говорить, что появление замка и ключа с «кузнечной сканью» следует отнести к XVI в.

Каковы же отличительные художественные и технологические особенности этой принципиально новой для кузнецов техники? Рассмотрим прежде всего орнаментацию головок ключей, как наиболее характерного элемента техники «кузнечной скани» (рис. 1, *з*). Все головки ключей, за редким исключением,— круглые с петлеобразным изгибом для подвешивания. Они изгибались из одной полосы на наковальне, штыре или специально изготовленном шаблоне, о чем может свидетельствовать симметричность кольца и особенно петли. Свободное концы заготовки укреплялись в цилиндрическом теле ключа при помощи пайки или сварки. На этом заканчивалось изготовление каркаса для орнамента, состоявшего из розетки, иногда обрамленной кружками.

Формы розетки, несмотря на эту предельно простую схему, отличались заметным разнообразием, хотя их можно разделить по степени возрастающей сложности рисунка на три варианта (рис. 1, *I—III*). Для первого характерна четырехлепестковая розетка, опирающаяся на крестообразную перекладину (рис. 1, *I*). Вершины лепестков розетки соединены планками, опирающимися на кольцо. Во втором варианте на центральные крестообразные планки опираются выгнутые внутрь полосы, образующие ромб, но, в отличие от первого варианта, он опирается на самостоятельное меньшее кольцо (рис. 1, *II*). Расстояние между кольцом ключа и кольцом крепления розетки заполнялось мелкими колечками в виде цепочки или нитки бус.

Третий вариант украшений соединяет в себе элементы первого и второго типа: усложненная восьмигранная розетка опирается или на цилиндрическую часть ключа или на специальное кольцо; в такое случае расстояние между ними, как и во втором варианте, заполнялось кольцами, иногда в два ряда (рис. 1, *III*). Упрощенным вариантом колец были S-образные пластины, имитировавшие кольца. Кольца также часто встречались между центральными планками восьмиугольного перекрестия.

Таким образом, орнаментация ключей «кузнечной сканью» состояла из трех основных частей: звездообразных планок, круглых или S-образных украшений между и вокруг них и дугообразных соединительных пластин на конце планок. Из этих, на первый взгляд, бесхитростных элементов создавались все же разнообразные сочетания, не уступавшие по декора-

тивности сканным изделиям. Из этих же элементов в основном были и украшения замков, но различие объемов и форм вносило особенно большое разнообразие в их украшение.

В качестве характерных примеров опишем два замка. Один из них находится в ГИМ [4], другой в Устюженском музее [5]. Среди многих подобных замков они отличаются признаками, характерными и для других изделий. Сничной замок из ГИМ украшен только по тулову (рис. 1, *4*). Как и в украшениях ключей, основой для скани служат планки. Так как скань расположена по плоскости, опоясывающей тулово, то вся орнаментация строится на ней. Внешние контуры замка определяли характер построения орнамента. Если в ключе границами была круглая головка, то здесь — вытянутые пропорции тулова, в которое хорошо вписывались прямоугольные фигурки. Прямоугольник и служил основой для построения орнамента. В описываемом замке прямоугольник разделен продольными и поперечными планками, между которыми уложены треугольники, соединенные между собой кругами. По бокам идут полосы из S-образных пластин, между которыми уложены кружки. Снизу по тулову замок украшен новым видом кузнечной скани, полоски изогнуты в виде треугольников.

Одним из самых примечательных образцов высокой техники «кузнечной скани» является замок из Устюженского музея (рис. 1, *5*). Внешний вид замка обычен. Опишем его орнаментацию. Тулово украшено прямыми пластинами в сочетании с кругами по краям. По верху и низу идут линии, сделанные из одной пластины. Торец с отверстием для ключа прикрыт планкой, украшенной кругами и обрамленной по краям зигзагообразными линиями. Но самым примечательным в этом замке можно считать украшение верхней части тулова. В квадратном углублении, в центре, находится круг; по углам квадрата к кругу примыкают меньшие кружки; опираясь друг на друга, они составляют жесткую систему. Кроме того, по сторонам к основному кругу примыкают четыре меньших, давая ему дополнительную опору. Такое построение имело не только художественное, но и механическое значение, увеличивая устойчивость скани. В большом круге помещена знакомая уже нам по ключам розетка, построенная из планок с распорными дугами на концах. Розетки настолько типичны, что могут служить признаком синхронности ключей и «сничных» замков, даже если механизмы запоров и конструкции ключей различаются между собой.

Не останавливаясь на дальнейшей детализации украшений изделий «кузнечной сканью», сформулируем кратко основные элементы, из которых делали разнообразные и почти всегда строго изящные узоры (рис. 1, *6*). Они состояли из прямоугольных планок, кругов и упрощенных вариантов двух кругов (S-образных изогнутых пластин), ломаной линии и отдельных частей ее в виде треугольников. Комбинируя эти элементы узора, кузнец мог создавать разнообразные виды орнаментов. Разнообразие увеличивалось их применением в разных масштабах и положениях.

Остановимся кратко на технике закрепления собранного орнамента перед пайкой. В подавляющем большинстве случаев «кузнечная скань» выкладывалась мастером так, что создавалась устойчивая система опирающихся друг на друга элементов. Потом, как и в ювелирном деле, кузнецы применяли пайку, следы которой хорошо заметны в каждом изделии. В качестве припоя употреблялась медь. Что же касается техники пайки, то она, как нам кажется, легко восстанавливается. В несколько измененных формах она сохранилась до XIX—XX вв.

В музее г. Павлова сохранились ключи, приготовленные для паяния. Это — собранные головки и тулова, а иногда и бородки, между которыми проложена медная проволока. Все это укладывалось на глиняную полосу вместе с флюсами и закатывалось в цилиндры. Такой пакет обжигался

---

[4] ГИМ, № $\frac{77451}{Ж\text{-}2761}$.

[5] Устюжна, Музей, № УМБ 155.

в печи. После охлаждения глина снималась, а спаянные ключи вынимались. Техника такой пайки очень проста и не требовала каких-либо специальных знаний и уменья, кроме знакомства с припоями и флюсами, издревле известных на Руси. С полной уверенностью можно утверждать, что кузнецы в XVI—XVII вв. применяли ее и для паяния замков и ключей.

Все изложенное позволяет сделать некоторые выводы. Относительно техники и истории орнаментации изделий из железа:

1. Украшение железных изделий составляло часть художественных традиций XVI—XVII вв. и получило развитие в результате тяготения к орнаменту во всех областях русского прикладного искусства того времени. Формы орнамента — геометрический и растительный — соответствовали господствовавшим тогда вкусам, получив некоторое видоизменение в связи с особенностями технологии обработки железа.

2. Орнаментация массовых кузнечных изделий получила распространение только в XVI—XVII вв., а это дает в руки исследователя исходную дату.

3. Орнаменты резко разделяются на два типа — плоскостной и объемный. Оба способа были заимствованы из ювелирного дела, что не мешало мастерам создавать не только отдельные вещи, но и целые комплексы бытового и хозяйственного инвентаря.

К. В. ШИШКИН

ПРИМЕНЕНИЕ АЭРОФОТОСЪЕМКИ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Использование аэрофотоснимков при исследовании археологических памятников повышает качество этих исследований, сокращает сроки и удешевляет работу. Дешифрирование археологических памятников в степях Украины, в отличие от районов Средней Азии, где применялась аэрофотосъемка в археологических целях [1], вызывает особые трудности из-за большой заселенности территории и сложного наслоения памятников различных эпох.

Просмотр аэрофотоснимков, изучение картографических материалов, неоднократное сличение сфотографированных объектов с натурой и опрос местных жителей показал, что наиболее надежно на снимках читаются распаханные курганы и курганные группы, хорошо развитая дорожная сеть, ныне не существующая, городища, поселения, бескурганные могильники и различные системы землепользования.

Большой интерес в изображении археологических памятников представляет Нижнее Приднепровье; к одному из крокй, составленному по аэроснимку, мы и обратимся (рис. 1). На рисунке видны четкие прямоугольники современных полей. Прекрасно читаются распаханные курганы в виде беспорядочно разбросанных и различных по радиусу светлых пятен с темными ореолами (на крокй показаны кружками). Темные четкие пятна внутри светлых — это степная растительность на высоких нераспаханных курганах (на рисунке — внутри кружков, залиты тушью).

Тысячелетиями рождались и умирали, наслаиваясь, подобно осадочным породам, дороги. Их-то мы и читаем на вспаханных полях в виде паутины темных линий, затмевающих собой редкую сеть современных дорог. Под паутиной древних дорог видна слабая сетка — это читаются межи крестьянских наделов дореволюционной России (показан только участок — рис. 1, 7). Рассматривая внимательно снимки, можно заметить, что под полями озимых археологические памятники либо слабо просматриваются, либо пропадают совсем. Именно поэтому летние аэроснимки почти не пригодны для археологической разведки. На снимке видны также плотные скопления темных и светлых пятен, представляющих собой на местности едва уловимые всхолмления и западины. На таких местах в поле встречается подъемный материал в виде обломков гончарной посуды и остатков костей. Скорее всего это бескурганные могильники. На всей исследуемой территории они имеют большое распространение, сгущаясь с обеих сторон к Днепру. Довольно часто в курганных группах встречаются сильно «размытые», как бы «лунные кратеры» (на крокй обозначены «лун»). Видимо, это некогда раскопанные курганы.

По материалам июньской аэросъемки составлены крокй, на которых запечатлены курганные группы и другие археологические памятники на

[1] С. П. Толстов, Б. В. Андрианов, Н. И. Игонин. Использование аэрометодов в археологических исследованиях. СА, 1962, 1, стр. 3—15.

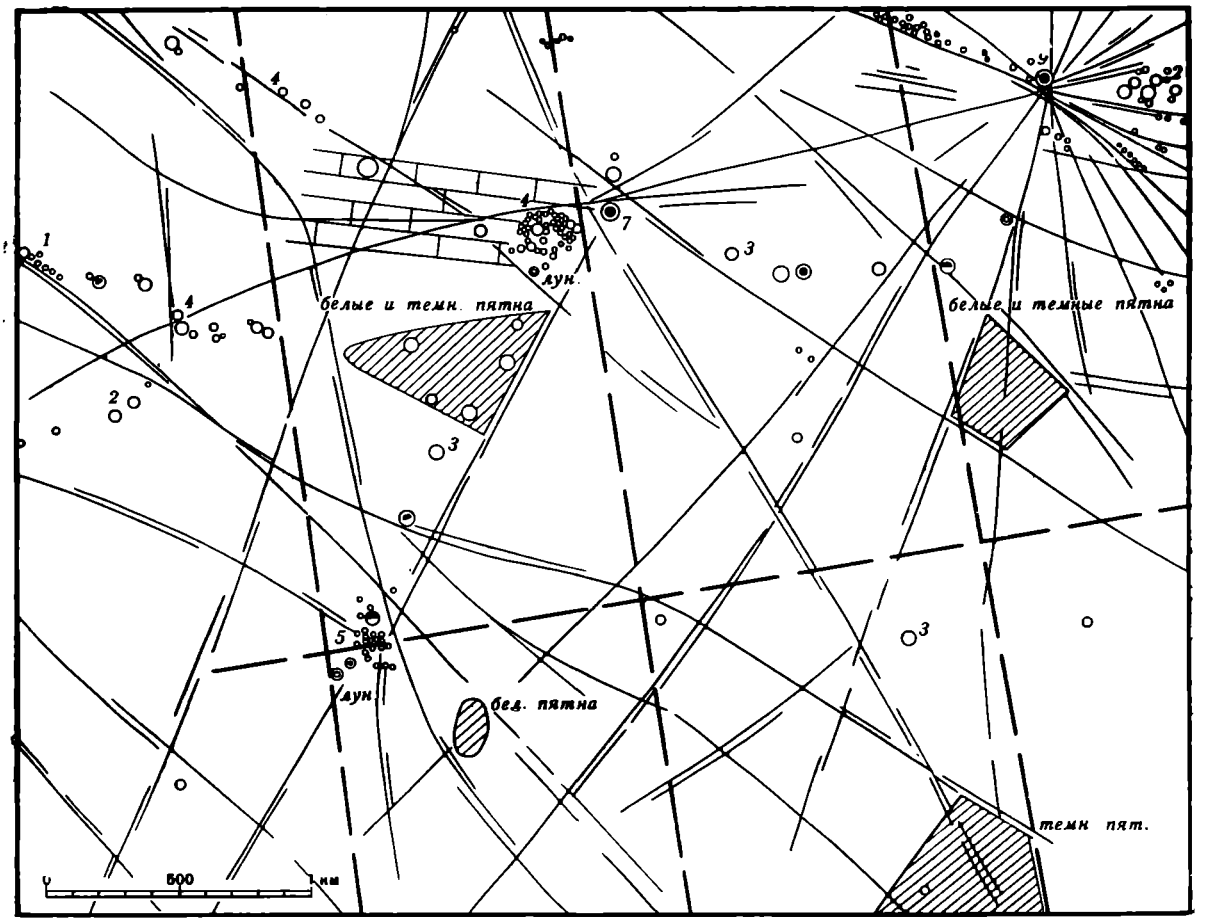


Рис. 1. Крокй участка Приднепровской степи, сделанных по аэроснимку

территории степей Украины. В качестве примера рассмотрим рис. 1. Цифрами обозначены высоты курганов, взятые с карты. Таким образом, имея картографический материал, где изображены курганы высотой более 1 *м*, и крокй, на которых изображены все читающиеся курганы, высота которых едва уловима в поле, мы впервые получаем наиболее полные, документально закрепленные сведения о количественном и качественном состоянии курганов, курганных групп и других археологических памятников.

На рис. 2 показан план Анновского городища [2] на правом берегу Нижнего Днепра, выполненный по аэроснимку. На снимке прекрасно читаются примыкающие к городищу участки древнего террасовидного землепользования (*1*) (угол наклона в этом месте 6°). На местности эти террасы имеют вид ступенчатых, едва уловимых западин. Хорошо видны три дороги, ведущие в городище. Это дороги (*а, б, в*), одна из которых — восточная (*в*) — главная. В районе слияния дорог виден участок светлых пятен (*2*), что указывает на вероятность нахождения в этом месте некрополя. Отлично видны три оборонительных рубежа (*3, 4, 5* — валы и рвы), опирающихся на три нары мощных промоин (*3а, 4а, 5а, 3б, 4б, 5б*), а также две отсечных позиции (*6, 7*) в виде крыльев по обеим сторонам среднего рва, опирающегося на соседние промоины. Довольно плохо (только из-за мелкомасштабности съемки) читается внутренняя планировка городища. На местности же планировка, как и древние дороги, никак не читаются.

Тщательный анализ аэроснимка городища дал возможность увеличением при помощи обыкновенной сетки составить подробный план городища за 10 рабочих часов в камеральных условиях. Сопоставляя этот план с глазомерной съемкой В. И. Гошкевича (рис. 3), нетрудно заметить сле-

[2] В. И. Гошкевич. Древние городища по берегам низового Днепра. ИАК, 47, СПб., 1913, стр. 117—145.

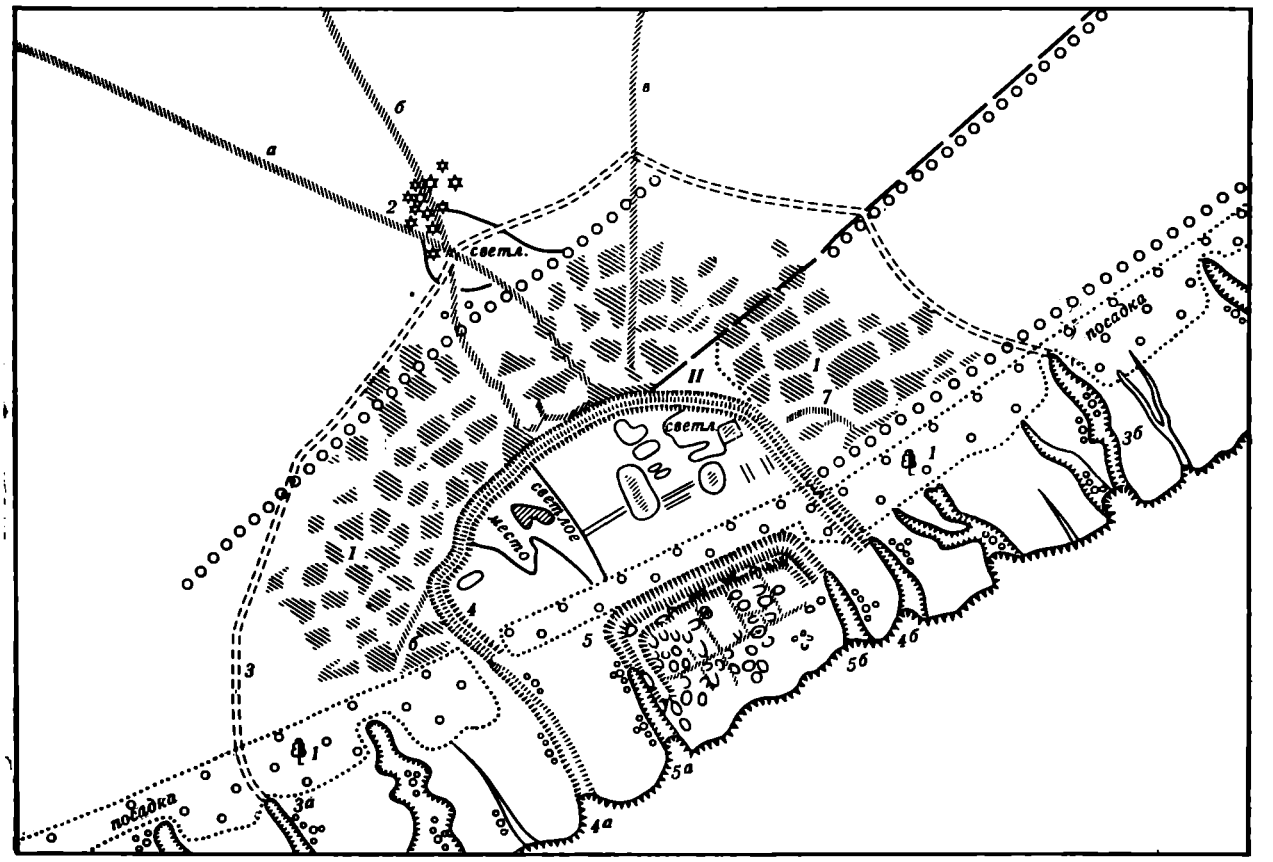


Рис. 2. План Анновского городища, дешифрованный по аэроснимку. Отмечены опознанные на снимке объекты

дующие преимущества нашего плана: 1) удалось запечатлеть древние земельные наделы, о существовании, форме и размерах которых раньше ничего не было известно; 2) представилась возможность зафиксировать положение дорог и проходов в заграждениях; 3) удалось наметить местоположение некрополя; 4) выявлены дополнительные оборонительные сооружения; 5) уловлена планировка городища.

Кроме того, новый план дает точность форм и границ городища. Таким же методом составлены планы Гавриловского, Саблуковского и Горностаевского городищ, лежащих ниже, на правом берегу Днепра. Археологическое исследование Гавриловского городища в основном закончено [3]. Поэтому необходимо иметь отзывы специалистов по данному плану с дополнительной разведкой на местности, с тем чтобы получить надежный эталон дешифрования для дальнейших камеральных исследований. Было бы необходимо произвести раскопки Анновского городища, с тем чтобы определить и уточнить дополнительные выгоды от применения разведочного исследования памятников при помощи аэроснимков.

Слабым местом новых планов является пока то, что они в некоторых мелких деталях, возможно, допускают субъективное истолкование, что вполне устранимо при тесном контакте с археологами и накоплением необходимых навыков в дешифровании археологических памятников.

Аэрофотосъемка этих городищ дала возможность изучить фотоизображение археологических деталей как на свежей вспашке, так и на озимых, как на фоне степной растительности, так и на фоне кустарников и посадок. Это дает возможность получить эталоны дешифрования для дальнейших камеральных исследований подобных объектов.

Остановимся вкратце на методике дешифрования археологических памятников на аэроснимках. В условиях степной Украины выявлять архео-

[3] Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на нижнем Днепре. МИА, 64, 1958.

логические памятники всегда приходится на распаханных площадях. Вот почему для этих целей наиболее выгодно использовать весенние и осенние аэросъемки, когда наибольшее количество площадей составляет свежая вспашка, на фоне которой наилучшим образом читаются археологические памятники. Благодаря вспашке (т. е. благодаря вертикальному перемещению слоев почвы) мы получили возможность читать объекты, скрытые на глубине до 30 *см*, а при плантажной вспашке и до 70 *см*. Особенно это характерно для поселений трипольской культуры в лесостепной части Украины, где по концентрическим потемнениям читаются улицы. Стало возможным определять несуществующие ныне дорожную сеть, бескурганные могильники, которые невозможно найти визуально в поле. Особенно улучшается читаемость распаханных курганов, включая и совершенно уничтоженные вспашкой (т. е. тех курганов, которые уже невозможно определить визуально в поле). Все археологические памятники распознаются благодаря способности объектива фотоаппарата хорошо выявлять невидимые глазом оттенки, которые в свою очередь находятся в прямой зависимости от состава почвы. Так, казалось бы, уже утраченные курганы узнаются благодаря гумусу, некогда попавшему в кольцевые канавы; бескурганные могильники — с помощью выброшенных некогда на поверхность нижних более светлых слоев почвы, а также западин, которые со временем заполнились гумусом и потому видны на снимках в виде темных размытых пятен.

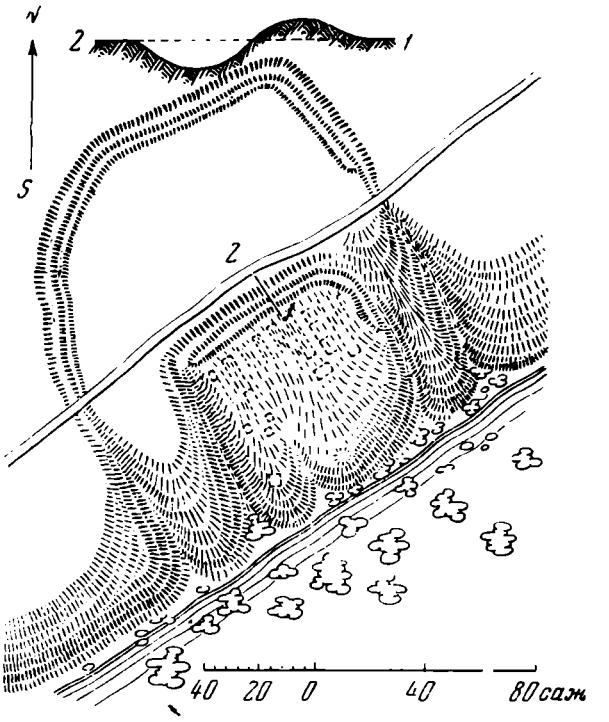


Рис. 3. План Анновского городища по В. И. Гошкевичу

Особое внимание следует уделить древней дорожной сети, которая хорошо обнаруживается в районе Нижнего Приднепровья и совершенно не читается в районе лесостепного Приднепровья. Дело в том, что в лесостепной части в основном почвы оподзолены, поэтому хорошо фильтруются и, следовательно, при бóльшем количестве осадков, в том числе и ливней, фильтруют на грунт и частично вымывают гумусное содержание дорог, т. е. как раз то, благодаря чему мы видим изображение древних дорог в южных степях, где гумус удерживается в почве. Гумус на древних дорогах образовался благодаря их унавоженности. Так, из сопоставления картографических материалов и аэроснимков на один и тот же район видно, что современные полевые, в основном автомобильные, дороги, просуществовавшие даже несколько десятков лет и однажды распаханные, на аэроснимке не читаются совершенно.

В связи со старыми дорогами возникает вопрос: стоит ли о них говорить, если в условиях непрерывной деятельности человека их невозможно дифференцировать по времени. Задача не легкая. Но кое-что можно сказать и сейчас. Так, на рис. 1 дороги, уходящие под старые межи крестьянских наделов, несомненно, существовали до появления последних. Дороги, вдоль которых вытянулись курганные группы, старше этих курганов. Дороги, идущие к городищу (рис. 2), соответствуют его возрасту. И, наконец, о дорогах, идущих в обрыв: их датировка, кстати, может служить исходным материалом для определения скорости размыва береговой линии, например в Северном Причерноморье. Анализ старых картографических материалов также может помочь в этих вопросах.

Несколько улучшает читаемость стереоскопическое рассматривание пары снимков, хотя в степной части оно не имеет такого значения, как во всхолмленных районах, где объекты легко привязать к рельефу. Однако при крупномасштабной съемке метод стереоскопии значительно повысит эффективность дешифрования археологических объектов, так как даст возможность улавливать вертикальную форму объектов даже незначительных размеров, что особенно важно в археологии.

Зная масштаб снимка, можно легко произвести необходимые измерения и расчеты, а зная сравнительную величину (по сравнению с современными уничтоженными объектами: противотанковый ров, дом, сарай) растаскивания почвы вспашкой, можно примерно восстановить формы и размеры древних объектов.

Возможность аэроснимка на этом далеко не исчерпывается, поскольку все зависит от накопления опыта и знаний. Аэроснимок, в отличие от плана, обладает замечательным свойством. Чем внимательней его изучаешь, чем больше сопоставляешь с другими данными, тем больше данных извлекаешь из фотоизображения археологического объекта. Об этом наглядно свидетельствует опыт дешифрования Каменско-Знаменского комплекса. Мне неоднократно приходилось просматривать аэроснимки этого района. И я уже был склонен считать, что из-за перемещения песков и застройки части городища аэроснимок ничего нового не даст. Только после изучения трудов Б. Н. Гракова мне удалось сначала по Знаменскому, а затем и по Каменскому городищам восстановить былую топографию. Полнота и надежность этой ситуации зависит от тщательности дешифрования, сопоставления фотоизображения с данными археологии, от изучения старых картографических материалов и аэрофотосъемок различных масштабов и времен года, а также опроса местных жителей.

Пока удалось на песках под строениями, садами и огородами проследить не отмеченные у Б. Н. Гракова рвы и валы, дороги, курганные группы, остатки поселений. Интересно опознаются древние дороги в населенных пунктах. Древняя дорога представляет собой на местности слабое углубление с более мощным гумусным содержанием. Поэтому каждый хозяин старается посадить дерево именно на такое место. И поэтому дорога часто прослеживается через многие участки по густой цепочке этих деревьев. Верным признаком, по которому можно отыскать древние поселения, служат ведущие к ним дороги. Так, удалось обнаружить поселения № 2 и 3 на берегах Белозерского лимана [4]. Много таких дорог подходит к кручам между Никополем и Хортицей, а также и в других местах по обоим берегам Днепра.

Камеральные и полевые исследования аэроснимков на больших территориях (Уманьщина, Южная Украина и Крым) позволили накопить опыт расшифровки археологических памятников и улучшить анализ фотоизображений. Выявилась археологическая топография памятников различных периодов. Даже беглый анализ аэроснимков с помощью стереоскопа и лупы позволил открыть в районе, например, Керчи мощные напластования археологических памятников (укрепленных сельскохозяйственных усадеб, крепостей, городищ, всевозможных оборонительных линий и укреплений, систем землепользования, в частности клеры, и др.). Можно определить тип сооружения, его формы и размеры и даже найти памятники на заросших лесом горах (плотно сомкнутые кроны деревьев рисуют фундаменты строений), а также под водой (на небольшой глубине происходит взмучивание воды по контуру строения).

При глубоком и всестороннем анализе аэроснимка (например, с использованием светоделительного метода Е. Ф. Буринского [5]), а также при хо-

---

[4] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, 36, 1954, стр. 11.

[5] Е. Ф. Буринский. Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею. СПб., 1903; А. И. Дидебулидзе, Г. А. Дидебулидзе. Фоторепродукция невидимого. Тбилиси, 1946.

роших знаниях топографических различий культур, можно значительно повысить эффективность съема археологической информации с фотоизображения местности. Использование архивных фильмов различных масштабов и времен года, снятых на одной и той же территории, позволит значительно расширить полноту исследований.

В заключение необходимо отметить, что аэрофотосъемка, как показывают первые опыты, таит в себе неисчерпаемые возможности для археологии. Она дает возможность площадной разведки в камеральных условиях, что значительно упростит, уточнит и удешевит полевые разведки. Кроме того, она дает возможность выявить скрытые от глаз человека памятники (дороги, землепользование, бескурганные могильники, древние плотины, планировку городищ, оросительные системы, водопроводы и др.).

Для дальнейшего внедрения методов аэрофотосъемки в археологию необходим тесный контакт археологических научных учреждений с организациями, производящими или использующими аэрофотосъемку, что даст возможность воспользоваться уже имеющимися аэрофотосъемочными материалами. Без них невозможно составить достаточно полную археологическую карту любой территории и, следовательно, иметь четкий план археологических исследований.

ПАМЯТИ АЛЕСКЕРА КАЗЫМ ОГЛЫ АЛЕКПЕРОВА

В 1965 г. исполнилось 70 лет со дня рождения видного азербайджанского ученого Алекперова Алескера Казым оглы, одного из основателей археологической и этнографической науки в Азербайджане.

А. К. Алекперов родился в 1895 г. в Баку в семье кустаря. Начальное образование он получил в медресе; затем — в так называемой «русско-татарской школе». В 1906 г., оставшись сиротой, он был определен в пансион Бакинского реального училища, который окончил в 1914 г. В том же году А. К. Алекперов поступил в Киевский коммерческий институт, который не окончил из-за болезни. Продолжать свое образование А. К. Алекперову удается только после установления Советской власти в Азербайджане. В 1926 г. он окончил Историко-филологический факультет Восточного отделения Азербайджанского университета.

Краеведческой работой А. К. Алекперов начал интересоваться с 1919 г. После создания в ноябре 1923 г. «Общества обследования и изучения Азербайджана» А. К. Алекперов, будучи студентом, активно включается в его работу. В 1924 г. Общество совместно с Азербайджанским университетом организовало экспедицию на Апшерон, в которой А. К. Алекперов принимал деятельное участие. Экспедиция собрала значительный материал о памятниках архитектуры. Некоторые итоги этой экспедиции были опубликованы А. К. Алекперовым в статье «Об искусстве Азербайджана».

В 1925 г. А. К. Алекперов был лектором Бакинского политпросвета; он читал лекции по первобытной культуре и истории религии, а по поручению Союза горняков организовал антирелигиозный музей.

А. К. Алекперов принимал активное участие в организации и созыве I Всесоюзного тюркологического съезда.

В 1926—1928 гг. А. К. Алекперов был ответственным секретарем «Общества обследования и изучения Азербайджана», членом Центрального бюро Общества, кандидатом в его Президиум, руководил секциями. Одновременно он участвовал в работах Археологического комитета, был членом его правления. В 1927—1928 гг. А. К. Алекперов состоял членом правления Азербайджанского государственного музея.

Занятость организационно-научной работой не помешала А. К. Алекперову вести полевую работу и исследования. Ежегодно по нескольку месяцев он проводил археологические раскопки и этнографические наблюдения в районах Азербайджана. Научная деятельность А. К. Алекперова развивалась под руководством И. И. Мещанинова. В 1926 г. он принимает активное участие в двух экспедициях, руководимых И. И. Мещаниновым.

Эти экспедиции обследовали Ходжалинский курган и знаменитый Кызылванский могильник на р. Аракс в Нахичеванской АССР. В том же году А. К. Алекперов объезжает районы Нахичевана, Зангезура и окрестности горы Беш-Бармак, собирая археологические и этнографические материалы.

А. К. Алекперов уделял много сил и времени полевой работе, обеспечивающей новыми материалами для изучения истории своей страны. После возвращения из поездок и тщательной обработки материалов он обобщал свои наблюдения и публиковал статьи в научных и периодических изданиях. На страницах журналов и газет часто можно было встретить научные и научно-популярные статьи и фотоснимки А. К. Алекперова. Вдумчивый исследователь, он, кроме того, был хорошим популяризатором науки.

С 1927 г. А. К. Алекперов начал работать самостоятельно. В том же году руководимая им экспедиция успешно провела археологические исследования кувшинных погребений в Мильской степи и собрала ценный этнографический материал. Об итогах научных достижений Азербайджана он читал доклад в г. Харькове. В том же году А. К. Алекперов принял активное участие в Ганджинской археолого-этнографической экспедиции, руководимой И. И. Мещаниновым. В 1928 г. две экспедиции А. К. Алекперова провели археологические и этнографические исследования в Талыше и в районе Гянджи.

В 1929 г. А. К. Алекперов в составе экспедиции И. И. Мещанинова вел полевые археолого-этнографические исследования в районах Агдама и Ганджи. На основе собранного этнографического материала А. К. Алекперов написал статью «От карадамов к светлым домам», где он, говоря о задачах этнографии, отметил, что советская этнография и краеведение прежде всего должны активно содействовать преобразованиям, начавшимся в годы Советской власти. По его мнению, советский этнограф не должен ограничиваться механической регистрацией наблюдаемых фактов; он должен их осмыслить и подчеркнуть все новое, что происходит в жизни народа.

В 1929 г. в Баку был создан Азербайджанский государственный научно-исследовательский институт, в котором А. К. Алекперов занял должность научного сотрудника.

В докладной записке этому институту в 1929 г. И. И. Мещанинов хорошо характеризует научную деятельность А. К. Алекперова: «А. К. Алекперов не без основания считается одним из лучших знатоков края. Участвуя в целом ряде экспедиций и отдельных командировок, он имел возможность получить наиболее полное представление о видоизменяющихся формах культурного развития на месте и увязать свои наблюдения с прослеживаемым разнообразием форм хозяйственного уклада различных географически обособленных районов Азербайджана. Имеет целый ряд печатных работ по изданию памятников Азербайджана, главным образом уже исторического периода, и проявил вполне самостоятельный подход к прослеживанию социально-экономических смен по этнографическим материалам айрумского селения Ганджинского округа. Здесь им удачно проведена редкая для научного исследователя попытка построить историческую работу по наблюдениям современного быта, связав их с памятниками древности одного и того же района. В результате получилась возможность подойти к населению айрумских гор, прослеживая перемены, происшедшие на месте в связи с изменениями социально-экономического строя вне зависимости от народных переселений». Эта оценка видного ученого показывает, что за короткий срок А. К. Алекперов стал зрелым специалистом, успешно проводившим самостоятельную научную работу.

В 1930 г. А. К. Алекперов исследовал памятники Казахского и Дзегамского районов Азербайджана. К сожалению, отчеты этой экспедиции были затеряны. Судя по сохранившимся письмам, в Дзегаме он раскопал погребения типа каменных ящиков. В 1931 г. объектами исследования А. К. Алекперова были районы Карабаха и Курдистана.

Круг вопросов, интересующих А. К. Алекперова, был широк. Наряду с археолого-этнографическими материалами, большое внимание он уделял сбору материалов по искусству и фольклору. В отчете за 1931 г. А. К. Алекперов отмечал, что в течение ряда лет он собирал материал и по народному театру Азербайджана; им написано 15 народных пьес.

Несмотря на занятость, А. К. Алекперов всегда находил время для пополнения своих знаний. Вместе с аспирантами он посещал занятия по диалектическому материализму, русской истории, источниковедению и искусству.

В 1933 г. было создано Азербайджанское отделение Закавказского филиала АН СССР. А. К. Алекперов был назначен руководителем секции истории материальной культуры. Под руководством А. К. Алекперова в те годы в Азербайджане оживились археолого-этнографические исследования. Он подготовил и опубликовал ряд научных работ. В 1934 г. был организован Азербайджанский филиал Академии наук СССР, и А. К. Алекперов стал бессменным руководителем названной секции Института истории. археологии и этнографии до 1937 г.

По совокупности научных работ в 1935 г. А. К. Алекперову была присвоена ученая степень кандидата исторических наук.

В 1935—1937 гг. А. К. Алекперов сосредоточил основное внимание на памятниках Нахичеванского района. Предметом его исследований здесь стала крашеная керамика Азербайджана и связанные с нею сложные историко-археологические вопросы. Эта тема, важная для всего Закавказья, была задумана им как докторская диссертация. Произведенные А. К. Алекперовым исследования по культуре крашеной керамики дали весьма ценный материал не только для изучения древней истории Азербайджана, но также для Закавказья и Ближнего Востока. Они были достойно оценены советскими и зарубежными учеными. Кроме того, А. К. Алекперов впервые составил научную этнографическую карту Азербайджана.

А. К. Алекперов был глубоко эрудированным ученым, чутким, отзывчивым человеком. Он активно участвовал в создании ряда музеев Азербайджана, неустанно готовил кадры историков, этнографов и археологов, настойчиво выращивал молодую смену. Он являлся постоянным консультантом тематических и юбилейных выставок по истории, литературе и искусству, давал квалифицированные советы по художественному оформлению спектаклей театров в Баку. А. К. Алекперов оказал большую помощь в сценическом воплощении выдающегося произведения У. Гаджибекова «Кер-оглы», принимая активное участие в его оформлении.

Менее чем за 15 лет А. К. Алекперов подготовил более 30 научных трудов. Работы А. К. Алекперова, изданные до 1937 г., опубликованы не только в Азербайджане, но напечатаны также в сборниках «Советская археология» и в журнале «Советская этнография». Он был членом редколлегии журнала «Советская этнография».

Плодотворно начатая работа А. К. Алекперова прекратилась в конце 1937 г. Он был репрессирован. Скончался А. К. Алекперов в 1938 г. Уже посмертно он был полностью реабилитирован.

Д. А. Халилов

Публикации

Л. Г. МАЦКЕВОЙ

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ И МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ НА КЕРЧЕНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

В Крыму уже известно значительное число мезолитических стоянок. Однако на Керченском полуострове, несмотря на интенсивные поиски, ведущиеся более чем 150 лет[1], мезолитические памятники до последнего времени обнаружены не были.

С 1962 г. экспедицией Керченского музея начаты планомерные археологические разведки на полуострове[2]. За три полевых сезона обнаружено и обследовано более 60 стоянок, поселений и местонахождений, в том числе пять стоянок и местонахождений, отнесенных нами к мезолиту (рис. 1, *1—5*). Наиболее полно мезолитический комплекс представлен на стоянке Фронтовое, открытой в 1954 г. А. А. Щепинским и отнесенной к новокаменному веку[3]. Нашими двухлетними раскопками на стоянке вскрыто 107 *м*^{2}. Нижние горизонты стоянки отнесены к мезолиту.

Стоянка Фронтовое находится в 0,5 *км* на юго-запад от с. Фронтовое, в 20 *км* на северо-восток от Феодосии и в 80 *км* на запад от Керчи (рис. 1, *1*), она расположена на обрывистом в этом месте левом склоне Парпачского хребта. Высота стоянки над уровнем пересыхающей в настоящее время речки — 18 *м* (рис. 2). По разрезу южной стенки раскопа стратиграфическая колонка стоянки представляется нам в следующем виде: I слой — дерновый, 3—5 *см*; II слой — гумус, 25—30 *см*; III слой — малогумусированный суглинок, 35—45 *см*. В слое отмечено незначительное количество кротовин; IV слой — суглинок, 20—30 *см*; V слой — светло-желтая глина, 70—90 *см*.

Фронтовое — памятник многослойный. В верхних слоях отмечено переотложенное залегание фрагментов средневековой посуды совместно с неолитическими изделиями, а также достаточно редкими для Крыма фрагментами энеолитической посуды и двустороннеобработанными кремневыми орудиями. Затем следуют неолитические слои. В слое суглинка, начиная с глубины 50—60 *см*, после незначительной стерильной прослойки до глу-

---

[1] А. Ашик. Боспорское царство. Одесса, 1848; Ю. М. Марти. Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949; А. А. Формозов. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. МИА, 102, 1962, стр. 89—147; Ю. Г. Колосов. Дослідження пам'яток неолітичного часу на Керченському півострові. Сб.: «Археологія», XIV, Київ, 1962, стр. 156—166.

[2] В работах принимают участие местные краеведы, а также члены школы юных историков-археологов при Керченском музее, в том числе В. В. Веселов, А. Подобин, С. Филонова, Е. Клосс и др. Стоянку Фронтовое, а также другие пункты работ Первобытной экспедиции посетили археологи С. Н. Бибиков, А. П. Черныш, Ю. Г. Колосов, Е. В. Веймарн, О. И. Домбровский, П. Н. Шульц; геологи В. Ф. Петрунь и И. И. Бабков, палеозоолог В. В. Брюзгин.

[3] А. А. Формозов. Исследования по каменному веку Крыма в 1956 году. КСИИМК, 73, 1959, стр. 47.

бины 85—95 *см* следуют находки, относящиеся к эпохе мезолита. Членение культурных комплексов производилось на основании стратиграфических данных. Подъемный материал и находки из переотложенных горизонтов классифицировались на основании степени патинизации, а также по типологическому признаку.

Все кремневые изделия, выявленные на стоянке, изготовлены из кремня двух групп [4]. К первой группе относится серый кремень, макроскопически не отличимый от верхнемелового кремня коренных местонахождений Крыма. Вторая группа представлена незначительным количеством

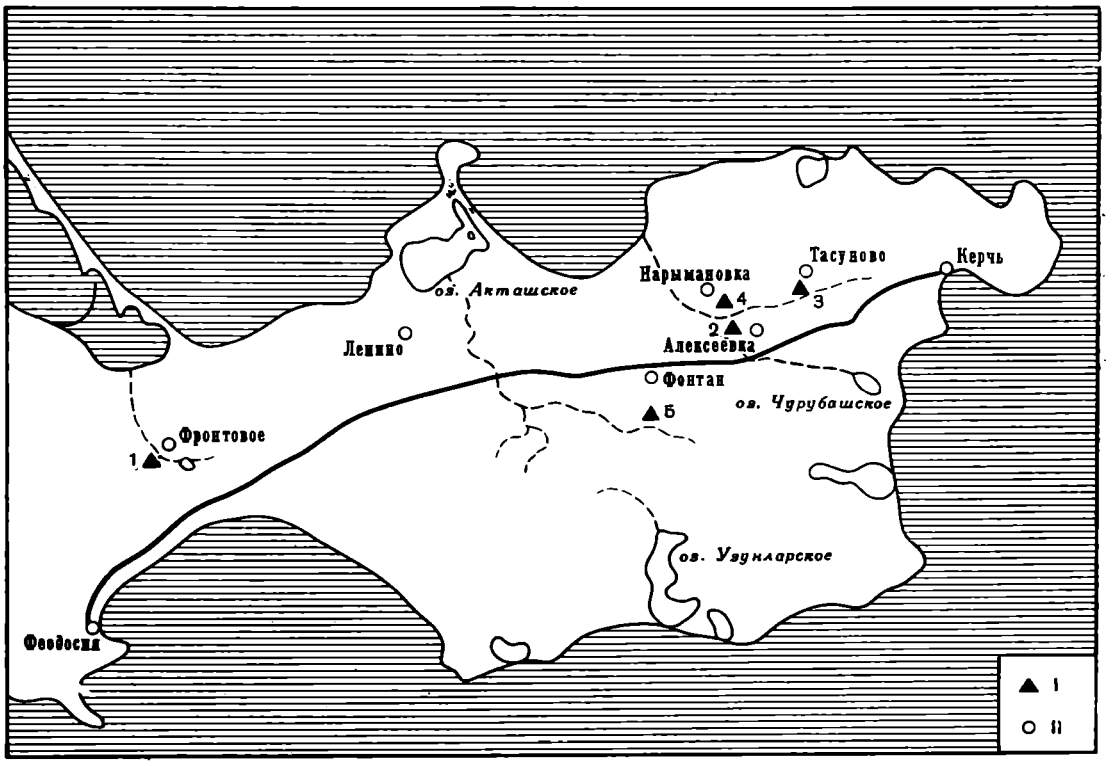


Рис. 1. Карта-схема древнейших стоянок и местонахождений Керченского полуострова

I — стоянки и местонахождения, *II* — населенные пункты

красно-бурого, иногда серо-бурого кремня. Бурая окраска наружной зоны вторична и обусловлена процессами поверхностного окисления. Кремень этой группы имеет менее ценные технологические качества, хотя и более доступен.

Мезолитический комплекс стоянки представлен 2576 кремневыми находками, из которых 319 являются орудиями. Кремневые орудия составляют значительный процент (12,4%). Это позволяет предполагать, что основная масса кремня обрабатывалась вне пределов раскопанной площади. Эту мысль в какой-то мере подкрепляет незначительный процент нуклеусов (1,6%), а также пластинки и их сечения, составляющие 41,5% всех находок. Кремневые чешуйки, отщепы и обломки составляют 40,6%.

Основные типы кремневых изделий распределяются на стоянке следующим образом: нуклеусы — 41, кремневая галька вместе с обломками желваков кремня — 96, трапеции — 40, сегменты — 10, треугольники — 3, вкладыши кукрекского типа — 9, скребки — 92, резцы — 24, пластинки с выемками — 44, пластинки с ретушью — 54, пластинки со скошенным ретушью краем — 14, пластинки с притупленным краем — 10, острия — 5, наконечники стрел и дротиков — 8, другие орудия — 14, кремневые пластинки — 1073, кремневые чешуйки, отщепы и обломки — 1048.

[4] Петрографическое исследование кремня стоянки Фронтовое проведено геологом В. Ф. Петручем (г. Кривой Рог). Пользуюсь случаем выразить ему свою благодарность за помощь в работе.

Наиболее распространенной формой нуклеусов являются близкие к карандашевидным, а также клиновидные и призматические (рис. 3, *21—22*). Из составных частей вкладышевых орудий наиболее распространены обычные для тарденуазского времени в Крыму трапеции с притупляющей ретушью (рис. 3, *1*, *3*, *4*, *5*, *7*). Лишь на отдельных экземплярах заметна тенденция к плоской сострогивающей ретуши, однако она не является типичной для мезолитического комплекса стоянки Фронтовое. Имеется несколько трапеций характерной асимметричной формы «с зубчиками» на верхнем основании. Такие трапеции найдены во многих тарденуазских

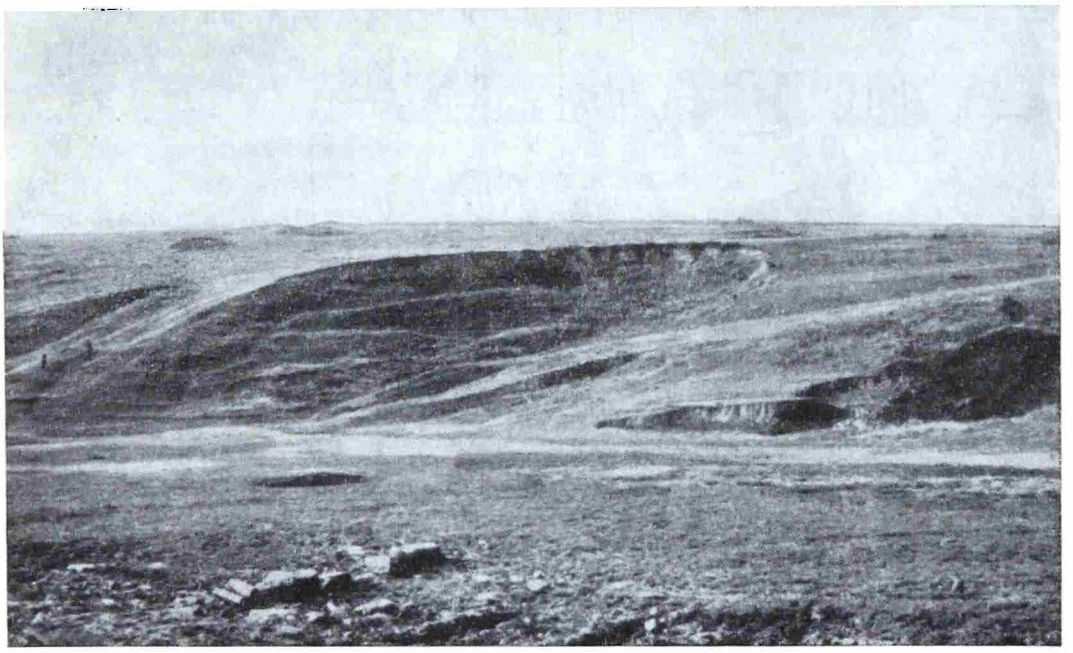


Рис. 2. Стоянка Фронтовое

комплексах Крыма и являются определенным, датирующим признаком для тарденуазского времени[5]. Согласно гипотезе С. Н. Бибикова, это своего рода кремневые блесны для ловли рыб[6] в достаточно полноводной речке[7]. На берегу такой речки как раз и располагалась стоянка Фронтовое.

На стоянке также собрано несколько трапеций асимметричной формы с боковой выемкой (рис. 3, *6*). Подобный способ оформления трапеций отмечен на Урале[8] и в Туркмении[9]. Однако значение и функциональное назначение их пока не ясно. Наряду с типично тарденуазскими типами геометрических вкладышей на стоянке выявлены и более ранние формы, близкие к азильским (рис. 3, *11*, *13*). Следует также отметить, что 40% всех сегментов мезолитического слоя стоянки, наряду с обычной обработкой со

[5] С. Н. Бибиков. Раскопки в навесе Фатьма-Коба в 1956 г. КСИА, 8, 1959, стр. 119. В статье автором приводятся данные о находках трапеций с подобным оформлением в тарденуазских слоях многих стоянок, в том числе в коллекциях III слоя Шан-Коба, Мурзак-Коба, Домчи-Кая, Беш-Текне, Кизил-Коба, Каракуш-Коба, Кукрек, Алачук и на других пунктах.

[6] Там же, стр. 120.

[7] Находки костей крупных и хищных рыб, а также бобра позволили палеозоологам утверждать, что в древности крымские реки были более полноводные, чем сейчас; см. М. И. Тихий. Рыбы из палеолита Крыма. «Природа», 1928, 11; В. Д. Лебедев. Рыбы из позднепалеолитической стоянки Мурзак-Коба в Крыму. Бюл. МОИП, отд. биол., LVII (6), М., 1952; В. И. Цалкин. Новые данные к истории фауны Крыма. ДАН СССР, 59, 3, 1950.

[8] Г. Н. Матюшин. Следы мезолитических слоев на неолитических стоянках южного Урала и Зауралья. Сб.: «Памятники каменного и бронзового веков». М., 1964, стр. 25, рис. 2, *1*, *3*.

[9] А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956, рис. 105, *1—3*.

спинки, имеет обработку и с брюшка, чаще всего по дуге сегмента (рис. 3, *12*). На трапециях же подобная обработка с брюшка отмечена во Фронтовом лишь на 5% изделий. Подобная обработка орудий геометрических форм пока не известна в Крыму на мезолитических стоянках [10], между тем она достаточно специфична для Прикубанья и территорий Кавказа [11], Палестины [12], Египта [13] и других мест [14]. Есть основания полагать, что указанный прием обработки принесен в Крым именно с Востока. Вкладыши кукрекского типа [15] составляют менее 3% кремневых орудий

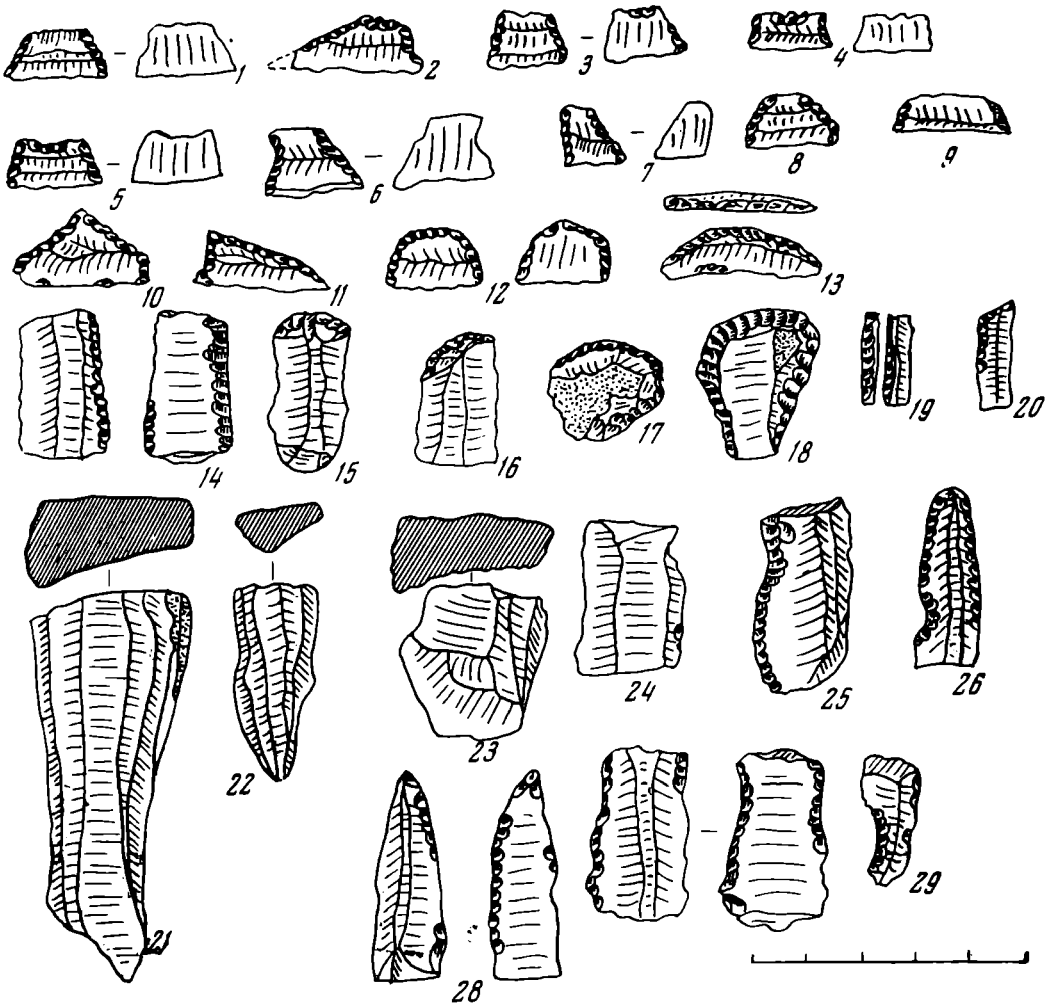


Рис. 3. Кремневые изделия мезолитических комплексов со стоянок с микролитическим инвентарем на Керченском полуострове

1—9 — трапеции; *10—11* — треугольники; *12—13* — сегменты; *14* — вкладыш кукрекского типа; *15—18* — скребки; *19* — пластинка с притупленной спинкой; *20* — пластинка со скошенным ретушью краем; *21—23* — нуклеусы; *24—25* — резцы; *26* — острие; *28* — наконечник стрелы; *29* — пластинки с выемками

(рис. 3, *14*). Наибольший процент кремневых орудий составляют скребки (29%). Ведущей формой являются округлые (рис. 3, *17*) наряду со скребками на концах ножевидных пластин (рис. 3, *15*), иногда со скошенным рабочим краем (рис. 3, *16*). Наконечников стрел и острий найдено немногим более 3% (рис. 3, *26*, *27*). Несомненно, что для оснащения стрел

[10] Согласно данным А. А. Формозова, подобная обработка микролитов в Крыму отмечена им только на пяти трапециях неолитической стоянки Юсуповский бассейн. А. А. Формозов. Неолит Крыма..., стр. 136.

[11] А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 50. 59.

[12] D. Garrod. D. Bate. The Stone Age of Mount Carmel, 1, Oxford, 1937, табл. VIII, *14, 27*; IX, *30, 35*.

[13] Г. Чайлд. Древний Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 52.

[14] И. В. Синицын. Археологические памятники Северо-Западного Прикаспия. Тр. СОМК, 3, Саратов, 1960.

[15] Е. А. Векилова. Эпипалеолитическая стоянка Кукрек в Крыму. КСИИМК, XXXVI, 1951.

и дротиков использовались также и геометрические микролиты [16]. Резцы составляют 8% кремневых орудий. Наряду с резцами на пластинах (рис. 3, *24*) есть резцы на отщепах.

В значительном количестве (14%) на стоянке найдены пластинки с выемчатым рабочим краем, достаточно типичные для тарденуазского времени в Крыму и прослеженные на большинстве стоянок этого времени в значительных количествах (рис. 3, *28*). Есть также пластинки с притупленной спинкой (рис. 3, *19*), а также пластинки со скошенным ретушью краем (рис. 3, *20*).

Типичным для мезолита Крыма является наличие на стоянке большого количества пластинок и их сечений. Значительный процент пластинок и изделий из них в эпоху мезолита, как известно, характерен для многих территорий [17].

Особой находкой на стоянке являются два склада кремневых галек и обломков. В более крупном (площадью 0,7 × 0,6 *м*, гл. 29 *см*) насчитывается 77 предметов (размеры от 10 × 7 × 5 *см* до 5 × 3, 5 × 2 *см*). Некоторые из них носят следы первичной обработки и подправки, однако типичных мезолитических нуклеусов среди них нет. Во втором «складе» (гл. 0,26 *см*, площадь 0,3 × 0,37 *м*) насчитывалось 19 предметов.

На отдельных мезолитических стоянках Крыма встречались кремневые склады, однако количество предметов в них не превышает 5—10 экземпляров [18]. Крупные кремневые склады известны на других территориях [19]. Характерной особенностью складов, выявленных на стоянке Фронтовое, является то, что они не были сложены в специальное углубление [20], а, видимо, были лишь присыпаны землей, чтобы кремень не потерял своих технологических качеств [21]. Никаких следов кремневой мастерской в пределах раскопок на стоянке обнаружено не было.

Определенный интерес представляют находки в толще мезолитических отложений камней (наибольшие размеры — 37 × 40 × 12 *см*, наименьшие размеры — 12 × 7 × 4 *см*), выложенных почти по кругу диаметром 3,2—3,5 *м*. Нижний уровень залегания камней, если учесть незначительный естественный уклон местности, не превышает 15 *см*. Возможно, эти каменные кольца являются следами жилищ. Известно, например, что племена северной Канады делали свои летние чумы из натянутых на шесты шкур карибу или тюленей и, чтобы укрепить их, обкладывали камнями. Когда чумы разбирались для смены стоянки, камни оставались на месте, образуя каменные кольца [22]. Пока в Крыму не выявлено жилищ на открытых стоянках (не в пещерах), относящихся к эпохе камня, что затрудняет сопоставление и интерпретацию наших находок.

Однако подобные типы временных жилищ прослежены Д. А. Крайновым на открытых мезолитических стоянках Волго-Окского междуречья, а также на стоянках Гамбургской культуры [23].

---

[16] П. И. Борисковский, В. И. Красковский. Памятники древнейшей человеческой культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 1961.

[17] Г. Н. Матюшин. Стоянки с микролитическим инвентарем в горной Башкирии. КСИА АН СССР, 97, 1964, стр. 67; А. Я. Брюсов. Мезолитическая неурядица. Историко-археологический сборник. МГУ. М., 1962, стр. 25.

[18] С. Н. Бибиков. Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции 1935 года. СА, 1, 1936, стр. 202.

[19] В. В. Федоров. К вопросу о «кремневых складах» в неолитическое время. МИА, 39, 1953, стр. 286.

[20] Аналогичное явление отмечено А. Д. Столяром при раскопках мезолитического могильника, когда для погребения не рыли углубления, а насыпали сверху холмик. А. Д. Столяр. 1-й Васильевский мезолитический могильник. Археологический сборник ГЭ, I, Л., 1959, стр. 123.

[21] В. В. Федоров. К вопросу о «кремневых складах»..., стр. 292.

[22] Г. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 141.

[23] F. Schlette. Die ältesten Haus- und Siedlungsformen des Menschen. EAF, 5, Berlin, 1958, стр. 44; A. Rust. Prehistoire du Nord-Ouest de l'Europe a la fin des Granaires temps. «L'Antropologie». 55, 3—4, 1951, стр. 206; A. Rust. Die jungepaläolithischen Zeltanlagen von Ahrensburg. Nenmunster, 1958, стр. 43, 182 и др.

В мезолитических слоях стоянки выявлено более 3 тысяч костей. Как и на подавляющем большинстве Крымских стоянок эпохи мезолита [24], основная масса костей измельчена и видовому определению не поддается. По данным предварительного определения остеологических материалов из раскопок 1963—1964 гг. членом-корреспондентом АН УССР И. Г. Пидопличко отмечены следующие виды: конь, осел, джейран, сайгак, зубр и олень обычный.

Кроме перечисленных выше находок на стоянке выявлено более 50 кусочков красной и желтой охры размером 2,5—3 *см* в диаметре. Крупные куски почти отсутствуют. Выявлено более 10 кварцитовых галек (2 × 3 × 2,5 *см*). Важной находкой является каменный ретушер-отбойник (4,5 × 7 × 2,5 *см*), достаточно выразительное и типичное для мезолита Крыма изделие [25].

В незначительном количестве отмечены на стоянке и раковины улиток Helix, являющиеся, видимо, одним из продуктов собирательства [26].

Мезолитический комплекс Фронтового в основных чертах близок типичным мезолитическим комплексам Крыма, хотя ряд черт сближает его с Кавказом. Близкими аналогиями комплексу служат типичные стоянки второй половины мезолита юго-западного Крыма, в частности Мурзак-Коба [27], первый горизонт III слоя Шан-Коба [28], 4—2-е слои навеса Фатьма-Коба [29] и др. [30]. Достаточно близкими аналогиями является также ряд кавказских памятников, таких как Холодный грот [31] и др. В общих чертах мезолит Фронтового близок Гребеникам [32], Гиржево [33] и другим микролитическим комплексам сопредельных территорий.

В 1964 г. нами были заложены два разведочных шурфа (1 × 2 *м*) на стоянке около с. Алексеевка. Здесь при раскопках средневекового поселения в 1954 г. [34] и во время разведок в 1962—1964 гг. был собран материал, дающий основание полагать, что в этом месте находится микролитическая стоянка.

Стоянка расположена в 0,5 *км* к северо-западу от с. Алексеевка и в 24 *км* к западу от Керчи (рис. 1, *2*). Она находится на берегу пересыхающей степной речки, на высоте 9 *м* от ее современного дна. Размер холма, на котором находится стоянка,— 300 × 150 *м*. Шурфы дали типичный тарденуазский комплекс, близкий к описанному выше со стоянки Фронтовое (рис. 3, *8, 9, 29*). Стратиграфия западной стенки шурфа следующая: I слой — дерновый, 0—5 *см*; II слой — гумус, 6—30 *см*, III слой сероватожелтый переходный, 31—60 *см*; IV слой — суглинок, 61 *см*. Встречено значительное количество желтой охры, а также вкрапления карбонатов. Шурф прокопан до глубины 125 *см*.

Находки эпохи средневековья проникают на отдельных участках до глубины 45—50 *см*. Находки, относящиеся к мезолиту, отмечены в незна-

---

[24] В. И. Бибикова. Фауна из навеса Фатьма-Коба. КСИА, 8, стр. 122.

[25] С. А. Семенов. Каменные ретушеры позднего палеолита. МИА, 39, 1953, стр. 448, рис. 4. Исследование находки в лаборатории С. А. Семенова подтверждает такую ее интерпретацию.

[26] С. Н. Бибиков. Об использовании улиток Helix в позднепалеолитическое время. МИА, 2, 1941, стр. 140.

[27] С. Н. Бибиков. Мурзак-Коба — новая позднепалеолитическая стоянка в Крыму. СА, 5, 1940.

[28] С. Н. Бибиков. Позднепалеолитические поселения в навесе Шан-Коба и в гроте Мурзак-Коба в Крыму. КСИИМК, XIII, 1946.

[29] С. Н. Бибиков. Раскопки в навесе Фатьма-Коба в 1956 г. КСИА, 8, 1959.

[30] Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа для периодизации послепалеолитических культур Крыма. МИА, 91, 1962.

[31] Л. Н. Соловьев. Об итогах археологических раскопок в гроте Хупынишхава. Тр. АбхазИЯЛИ, XXXII, 1961, стр. 191.

[32] Г. В. Григорьева. Новые данные о тарденуазской стоянке Гребеники в Нижнем Поднестровье. ЗОАО, I (34), Одесса, 1960, стр. 226.

[33] В. Н. Станко. Мезолитическая стоянка Гиржево. Тезисы доклада на сессии ИА АН УССР. Киев, март, 1964.

[34] А. Л. Якобсон. Средневековый Крым. М.— Л., 1964.

чительном количестве, начиная с дневной поверхности, затем их количество резко возрастает до глубины 85—90 *см*; далее до глубины 105 *см* попадаются лишь отдельные кремневые изделия. Всего в шурфах общей площадью в 4 $м^2$, при глубине в 110 и 125 *см*, обнаружено более 150 кремневых изделий.

В 1954 г. А. А. Щепинским была открыта стоянка Тасуново, отнесенная большинством исследователей к эпохе неолита [35]. Стоянка находится в 0,2 *км* к югу от с. Тасуново, в 18 *км* к западу от Керчи (рис. 1, *3*). Она расположена на террасовидном уступе правого склона балки пересыхающей речки. Высота стоянки над дном балки около 9 *м*. Склон обращен на юг. Сборы подъемного материала на стоянке в течение последних лет дали около 50 кремневых изделий (рис. 3, *25*). Их формы весьма близки найденным на стоянке Фронтовое. Ретушь четырех геометрических микролитов (из пяти) типично мезолитическая, притупляющая. Бóльшую половину всех находок составляют кремневые пластинки. Керамика на стоянке не обнаружена. Есть основания полагать о наличии здесь же мезолитического комплекса. Пока эта стоянка самая восточная из известных нам в Крыму стоянок каменного века.

На южном берегу небольшого озерка (на высоте 4 *м* от его сентябрьского уровня), расположенного в 1,5 *км* от пос. Фонтан (рис. 1, *5*), было найдено семь кремневых изделий, по-видимому, относящихся к эпохе мезолита. Культурный слой не обнаружен. Среди находок — пластины и отщепы, а также типичный кремневый треугольник, обработанный притупляющей ретушью (рис. 3, *10*). Последнему весьма близко изделие из верхнего культурного слоя стоянки Сюрень II [36].

В 1,5 *км* к юго-востоку от пос. Нарымановка (рис. 1, *4*) (примерно в 4,5 *км* на север от дороги Керчь — Феодосия) на вспаханном поле площадью около 150 × 100 *м* собрано более 20 кремневых изделий. Стоянка находится на северном склоне неглубокой балки на высоте 5—7 *м* от ее современного дна. Место находок имеет естественный уклон около 5°, что могло способствовать переотложению материала. Из орудий здесь найдены: округлый скребок на пластине (рис. 3, *18*), подпризматический нуклеус (рис. 3, *23*), а также две типичные мезолитические трапеции. Стоянка нами отнесена к мезолиту.

До недавнего времени было распространено мнение о первичном заселении Керченского полуострова в эпоху неолита. Однако благодаря работам последних лет, в частности раскопкам на стоянках Фронтовое и Алексеевка, а также сборам подъемного материала на других стоянках есть основания полагать, что полуостров был заселен уже в эпоху мезолита.

Интересны геоморфологические наблюдения на пяти перечисленных выше стоянках. Так, четыре из них находятся почти в тождественных условиях — в непосредственной близости от пропила в невысоком горном массиве, где, как правило, выходят на поверхность водоносные слои. Кроме того, стоянки располагаются на достаточно высоком берегу ныне пересохших степных речек, русла которых наполняются в настоящее время лишь вешними водами. Можно полагать, что эти закономерности в какой-то мере облегчат дальнейшие поиски мезолитических стоянок на полуострове.

Мезолитические стоянки полуострова, ныне обследованные, имеют свою специфику. Так, мезолитический комплекс Фронтового, наиболее полно исследованный, позволяет утверждать о временном характере стоянки. Ряд фактов позволяет полагать, что стоянка периодически заселялась в летние месяцы охотниками, рыболовами и собирателями, приходившими на Керченский полуостров со второй гряды Крымских гор в поисках охотничьей добычи. О сезонном заселении стоянки свидетельствует отсутствие мощных очажных прослоек, малый процент нуклеусов, большой процент

---

[35] А. А. Формозов. Неолит Крыма..., стр. 89.

[36] Е. А. Векилова. К вопросу о свидерской культуре в Крыму. КСИА АН СССР, 82, 1961, стр. 145, рис. 63, *19*.

кремневых орудий, а также, возможно, и значительное количество кремневых пластин.

Как известно, кости животных, начиная с палеолита, широко использовались человеком в качестве топлива [37]. Именно поэтому количество костей на стоянках обычно меньше кремневых находок в пять и более раз [38]. Во Фронтовом костей почти в 1,5 раза больше, чем кремневых изделий. Этот факт также может свидетельствовать о временном характере стоянки. Пришельцы со второй гряды, возможно, приносили с собой кремень и заготавливали его впрок, о чем свидетельствуют два кремневых склада [39]. Их жилищами были, по-видимому, временные шалаши типа чумов.

Временными могли быть и другие обследованные нами мезолитические стоянки полуострова, ибо, по всей видимости, вторая гряда Крымских гор являлась более благоприятным местом для жизни человека, чем степи Керченского полуострова. Нам представляется, что лишь в результате кризиса охотничьего хозяйства Крыма, наступившего во второй половине мезолита, охотничьи коллективы начинают посещать Керченский полуостров и обширные степи Северо-Западного Причерноморья, где в последние годы весьма успешно ведут работы П. И. Борисковский и его сотрудники [40].

Тщательное изучение памятников Керченского полуострова, расположенного между Крымом и Кавказом, должно пролить свет на многие еще не решенные вопросы об этнокультурных контактах этих территорий в эпоху каменного века.

---

[37] П. И. Борисковский, В. И. Красковский. Памятники древнейшей человеческой культуры..., стр. 17.

[38] П. И. Борисковский. Палеолитическая стоянка под Одессой. КСИА АН СССР, 86, 1961, стр. 30.

[39] По свидетельству В. Ф. Петруня, на стоянке Фронтовое, по-видимому, нет изделий старокрымского и феодосийского кремня, хотя они территориально ближайшие. Кремень, видимо, происходит из юго-западного Крыма, где расположена основная масса крымских мезолитических стоянок.

[40] П. И. Борисковский. Исследования мезолита северо-западного Причерноморья. Тезисы доклада на сессии ИА АН УССР, март 1964 г.

Р. М. МУНЧАЕВ, А. Л. НЕЧИТАЙЛО

КОМПЛЕКСЫ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ В УСТЬ-ДЖЕГУТИНСКОМ МОГИЛЬНИКЕ

Последнее десятилетие ознаменовалось важными исследованиями в области изучения раннебронзового века Кавказа. Широким фронтом развернуты раскопки интереснейших бытовых и погребальных памятников III тысячелетия до н. э. как в Закавказье, так и на Северном Кавказе. Их исследование значительно расширило наши знания и представления о культурах Кавказа в эпоху ранней бронзы и позволило поставить ряд важных вопросов, связанных с изучением культурно-исторического развития Кавказа на заре бронзового века. Существенные результаты достигнуты как в исследовании культуры так называемого куро-аракского энеолита Закавказья, так и майкопской культуры Северного Кавказа. Чрезвычайно важно в данном случае, например, то обстоятельство, что наконец-то открыты и раскопаны поселения майкопской культуры [1]. Благодаря новейшим исследованиям удалось значительно расширить и уточнить ареал майкопской культуры от Таманского полуострова на северо-западе до Дагестана на юго-востоке [2], а также установить ряд новых интересных фактов, позволяющих судить об уровне развития культуры Северного Кавказа в III тысячелетии до н. э., особенно во второй его половине. В частности, наиболее важным из них следует признать подтвержденный материалом факт наличия на Северном Кавказе в эпоху ранней бронзы примитивного гончарного круга древневосточного типа [3]. Ведь до сих пор случаи использования гончарного круга для этого времени нигде на территории СССР, включая Закавказье, не зафиксированы. Этот факт, как и ряд других, неоспоримо свидетельствует о сравнительно высоком уровне развития носителей майкопской культуры. К сожалению, до сих пор остаются неясными причины, стимулировавшие процесс столь активного хозяйственного и культурного развития Северного Кавказа на заре бронзового века. Не выяснены также и некоторые важные вопросы, связанные с генезисом майкопской культуры. Поэтому большое значение приобретает каждый новый памятник этой культуры. Одним из них является Усть-Джегутинский курганный могильник.

Описываемый могильник находится в долине р. Кубани, у ст. Усть-Джегутинская Прикубанского района Ставропольского края. Здесь, на равнине, между ст. Усть-Джегутинской и г. Черкесском находилось огромное курганное поле, растянувшееся более чем на 10 *км*. Оно включало около 65 курганов, большинство из них расположено по правую сторону от шос-

---

[1] А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1964.

[2] Р. М. Мунчаев. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии. СА, 1962, 3.

[3] А. А. Бобринский, Р. М. Мунчаев. О древнейшем гончарном круге на Северном Кавказе. Материалы Сессии, посвященной итогам археологич. и этнографич. исследований 1964 г. в СССР (тезисы докладов). Баку, 1965, стр. 60—61.

сейной дороги, ведущей из ст. Усть-Джегутинской в г. Черкесск. Почти все курганы имеют в плане округлую форму. Размеры их колеблются от 0,5—1 *м* высотой и 10—16 *м* в диаметре до 3—7 *м* высотой и 20—50 *м* в диаметре. Среди них есть и очень крупные курганы, достигающие в высоту 16 *м*. Особой закономерности в расположении курганов не прослежено. Лишь в двух случаях отмечено, что несколько курганов (в одном случае — шесть, в другом — пять) было расположено строго в ряд примерно в 40—50 *м* друг от друга по направлению СЗ — ЮВ.

В связи со строительством Кубань-Калаусской оросительно-обводнительной системы возникла угроза полного разрушения этого могильника. Благодаря инициативе, проявленной Ставропольским краеведческим музеем, удалось получить от «Ставропольстроя» соответствующие средства для раскопок курганов в районе ст. Усть-Джегутинская, подлежащих разрушению. Организованная Ставропольским краеведческим музеем специальная экспедиция под руководством А. Л. Нечитайло исследовала в 1963—1964 гг. значительную часть этого могильника, вскрыв здесь около 50 курганов, содержавших более 100 погребений. Например, в 25 курганах, раскопанных в 1963 г., было открыто около 60 погребений. Подавляющее большинство захоронений относится к эпохе развитой бронзы, в основном к северокавказской культуре, а также к катакомбной, и датируется суммарно в пределах II тысячелетия до н. э. В отдельных случаях открыты впускные погребения более позднего времени, в частности, например, скифо-сарматской эпохи.

Древнейшими являются погребения майкопской культуры (III тысячелетие до н. э.). Они открыты примерно в 15 курганах, в том числе в кург. № 3, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 24 (раскопки 1963 г.), 32, 33 и др. (раскопки 1964 г.). Во всех случаях они были основными захоронениями в курганах, в то время как погребения северокавказской культуры были впускными.

В данной статье мы ограничиваемся описанием и культурноисторической характеристикой лишь погребальных комплексов майкопской культуры Усть-Джегутинского могильника.

Прежде чем перейти к их описанию, следует отметить, что кург. № 7—11 составляли одну из отмеченных выше групп курганов, расположенных в ряд по направлению СЗ — ЮВ. а кург. № 12 и 13 входили во вторую группу, находившуюся примерно в 400 *м* к СЗ от первой и также расположенную в ряд по направлению СЗ — ЮВ. Следовательно, мы наблюдаем здесь определенную закономерность — курганы с майкопскими погребениями (во всяком случае, большинство из них) расположены в один ряд по линии СЗ — ЮВ, в то время как другие курганы II тысячелетия до н. э., оставленные племенами северокавказской культуры (или частично катакомбной), разбросаны по всему полю и не имеют сколько-нибудь определенной закономерности в своем расположении.

Перейдем теперь к описанию интересующих нас комплексов.

Курган № 3 достигал в диаметре 50 *м* при высоте 2,30 *м*. Под насыпью, в основании кургана находилось массивное каменное кольцо — кромлех диаметром 32 *м* при ширине 2,30—2,50 *м* (рис. 1, *3*). В кургане открыто девять погребений, в том числе восемь впускных, относящихся к северокавказской и катакомбной культурам.

Основное погребение (№ 9) находилось в центре кромлеха под массивной каменной кладкой, округлой в плане, достигавшей в диаметре 10 *м*, а в высоту максимально 1,30 *м* (рис. 2, *1*). Могила имела неправильную округлую форму (1,90 × 2,70) и была слегка углублена в слой древнего горизонта. Ориентировка могилы почти по оси З — В. В верхней ее части отмечены крупные куски дерева, а под ними мелкие обломки черепа, берцовой кости, окрашенной красной охрой, лопатки и других костей человека, а также кости мелкого и крупного рогатого скота (в основном зубы). Между обломками костей в беспорядке лежали фрагменты нескольких гли-

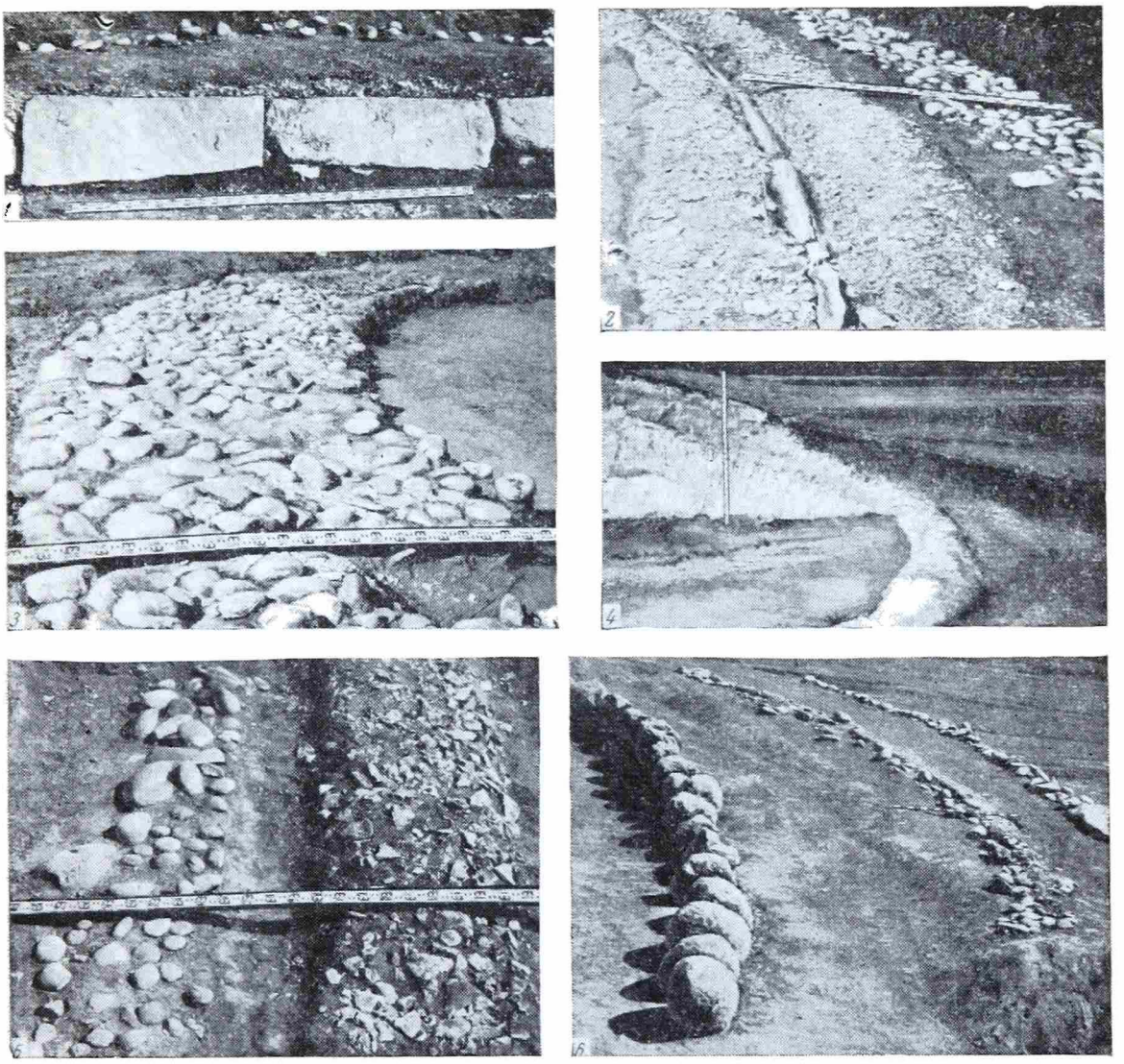


Рис. 1. Курганы у ст. Усть-Джегутинская. Детали курганных сооружений
1, 2 — курган № 7; *3* — курган № 3; *4* — курган № 12; *5* — курган № 10; *6* — курган № 32

няных сосудов охристо-желтого цвета и обломок каменного шлифованного браслета, почти квадратного в сечении (рис. 3, *6*).

Следует отметить, что фрагменты аналогичной керамики, но от крупных толстостенных сосудов с раздутым туловом и невысоким прямым венчиком (рис. 3, *4, 5, 7, 8*), найдены и вокруг надмогильной каменной кладки на уровне древнего горизонта. Там же отмечены зольные пятна, а в отдельных местах даже скопления золы толщиной до 10 *см*. Среди золы и черепков попадались кости домашних животных. По всей вероятности, в данном случае мы имеем дело с остатками тризны.

Курган № 7 имел в диаметре 42 *м* при высоте 3,30 *м*. Он был насыпан из суглинка. В основании кургана находился массивный каменный кромлех в виде нескольких колец. Внешнее кольцо диаметром 31,6 *м* и шириной 1,50 м было сложено из речных булыжников (рис. 1, *2*); внутри него был выложен плотный круг из битого известняка, вдоль которого вертикально врытые в землю плиты ракушечника составляли кольцо диаметром 30 *м* (длина плит 1,30—1,70, ширина 0,50—0,80 и толщина 0,20 *м*) (рис. 1, *1*). Последний внутренний круг был насыпан из битого известняка.

В кургане открыто четыре погребения — основное и три впускных. Основное захоронение находилось в большой могильной яме, вырытой в самом центре кромлеха. Прямоугольная могила с несколько округленными углами была ориентирована по оси ЮЗ — СВ, ее размеры: длина

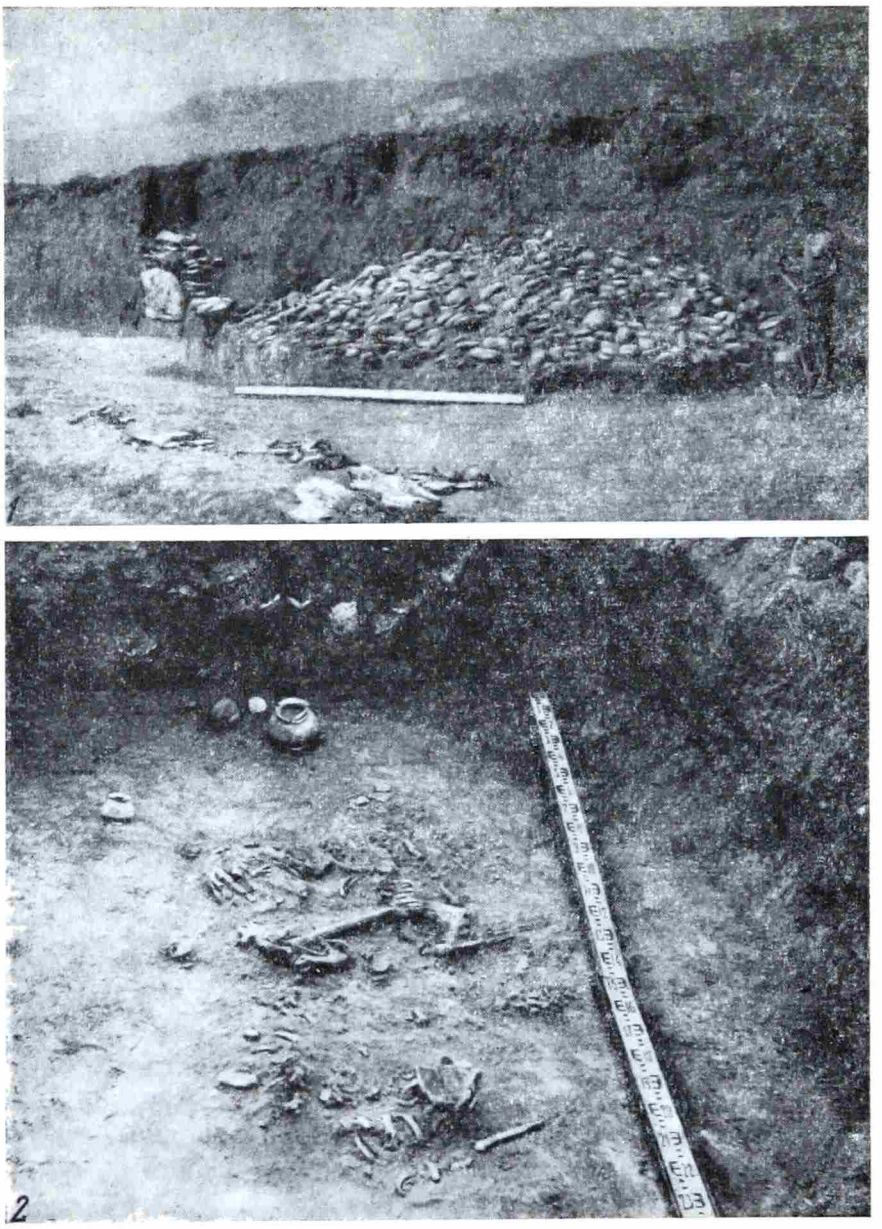


Рис. 2. Подкурганные могильные сооружения у ст. Усть-Джегутинская

1 — курган № 3; *2* — № 11

(ЮЗ — СВ) — 4,80 *м*, ширина — 3,70 *м* и глубина — 1,30 *м*. Яма была перекрыта настилом из дубовых плах, сверху засыпанным тонким слоем известняка.

Могила оказалась ограбленной, на дне лежали в беспорядке отдельные части костяка. В юго-западном углу могилы находились глиняный лощеный горшок охристо-желтого цвета (рис. 4, *8*) и обломок такого же лощеного горшка охристо-желтого цвета, но с ручкой в виде маленького ушка (рис. 5, *1*). Фрагменты небольших горшков, в том числе украшенного по краю венчика рядом округлых вдавлений, найдены и у западной стенки могилы. Дно могилы было посыпано красной охрой.

Следующий курган (№ 8) содержал два погребения — основное и впускное. Он имел в диаметре 25 *м* при высоте 1,50 *м*. В центральной части открыта наброска в виде замкнутого пояса из битого известняка шириной 1,50 *м* и толщиной 0,30 *м*. Она лежала наклонно, по склону, по-видимому, первоначальной насыпи кургана. Другими словами, известняковым кольцом, возможно, были укреплены края кургана, когда он был только насыпан. В диаметре это кольцо достигало 14,4 *м*.

Основная могила, открытая под насыпью в центре кургана, представляла собой прямоугольную яму, ориентированную длинной осью З — В. Размеры ее: длина 3,0 *м*, ширина 2,0 *м*, глубина 0,80 *м*. Она была перекрыта деревянным накатником, посыпанным сверху слоем известняка. На дне могилы, в ее северо-восточном углу лежали разрозненные остатки костяка, по которым трудно определить положение и ориентировку погре-

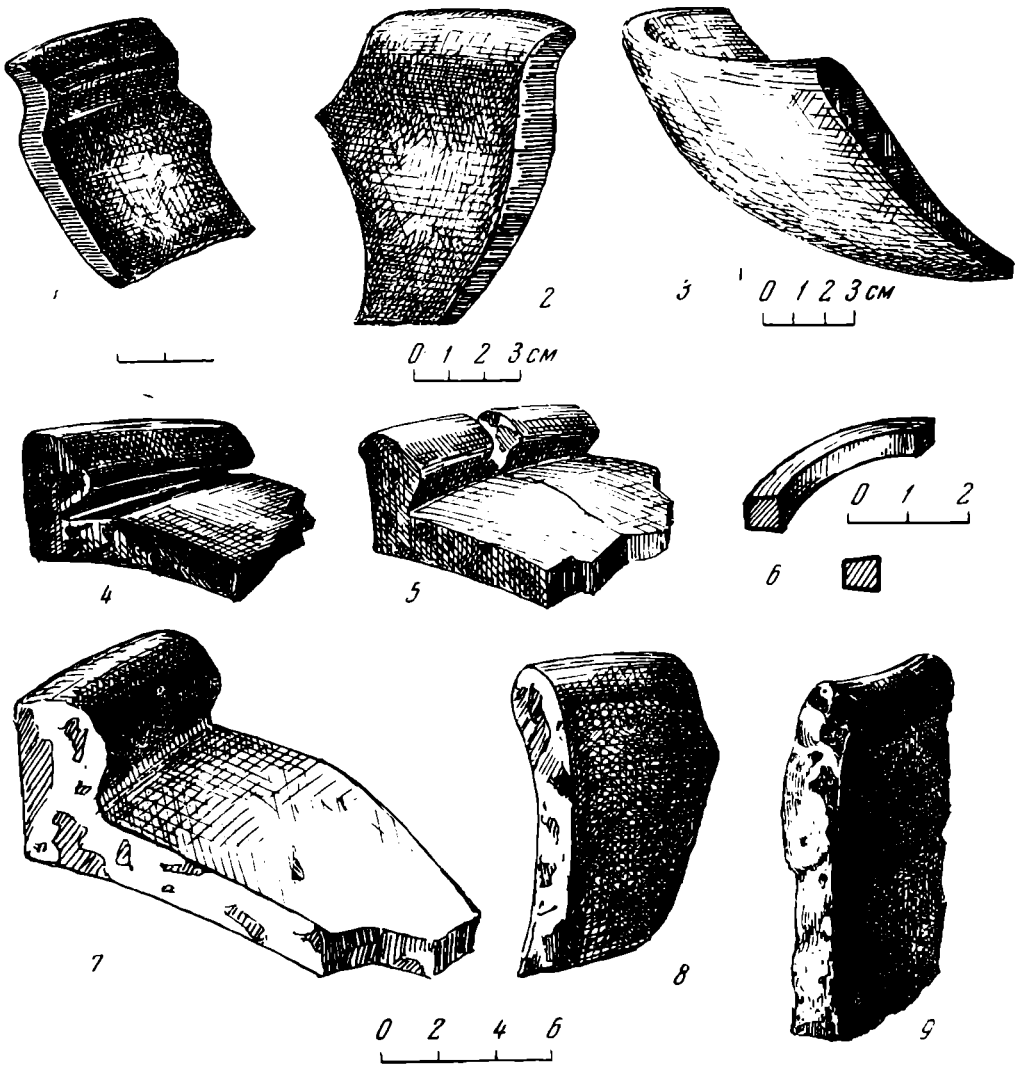


Рис. 3. Керамика и обломок каменного браслета из курганов у ст. Усть-Джегутинская

1—3, 9 — курган № 33; *4—8* — курган № 3

бенного. Здесь же найдены обломки верхней части лощенного горшка охристо-желтого цвета и фрагменты другого лощеного сероглиняного горшка (рис. 5, *2*). Эта керамика по своему характеру и форме совершенно аналогична найденной в кург. № 7.

Курган № 9 (диаметр 23,5 *м*, высота 0,80 *м*) отличался теми же особенностями, что и курган № 8. Здесь в насыпи открыта, например, такая же известняковая наброска в виде замкнутого пояса шириной 1,50 *м*, толщиной 0,30 *м* и диаметром 16,5 *м*. Могильная яма (3,0 × 2,0 × 0,60 *м*) имела прямоугольную форму и была ориентирована по оси З — В. На дне ее были разбросаны кости двух (?) погребенных, но никаких вещей в могиле не обнаружено. Несмотря на отсутствие инвентаря, прямая связь данного комплекса с кург. № 7—8 не вызывает сомнений.

Под насыпью кург. № 10 (диаметр 31,0, высота 1,40 *м*) находился кромлех в виде кольца из речных булыжников (диаметр 21,0, ширина 0,50 *м*). Вдоль этого кольца с внутренней стороны находилась наброска из битого известняка (рис. 1, *5*). Последняя лежала не горизонтально, а по

склону насыпи на ширину 2,50 *м*. Толщина ее 0,50 *м*. В центре под насыпью была открыта огромная прямоугольная яма (5,0 × 3,40 × 0,60 *м*), ориентированная по оси СВ — ЮЗ. По всей вероятности, она была покрыта дубовыми плахами, поверх которых лежал слой битого известняка толщиной 0,50 *м*.

На дне могилы были разбросаны кости приблизительно пяти погребенных, между которыми найдено пять раздавленных глиняных лощеных

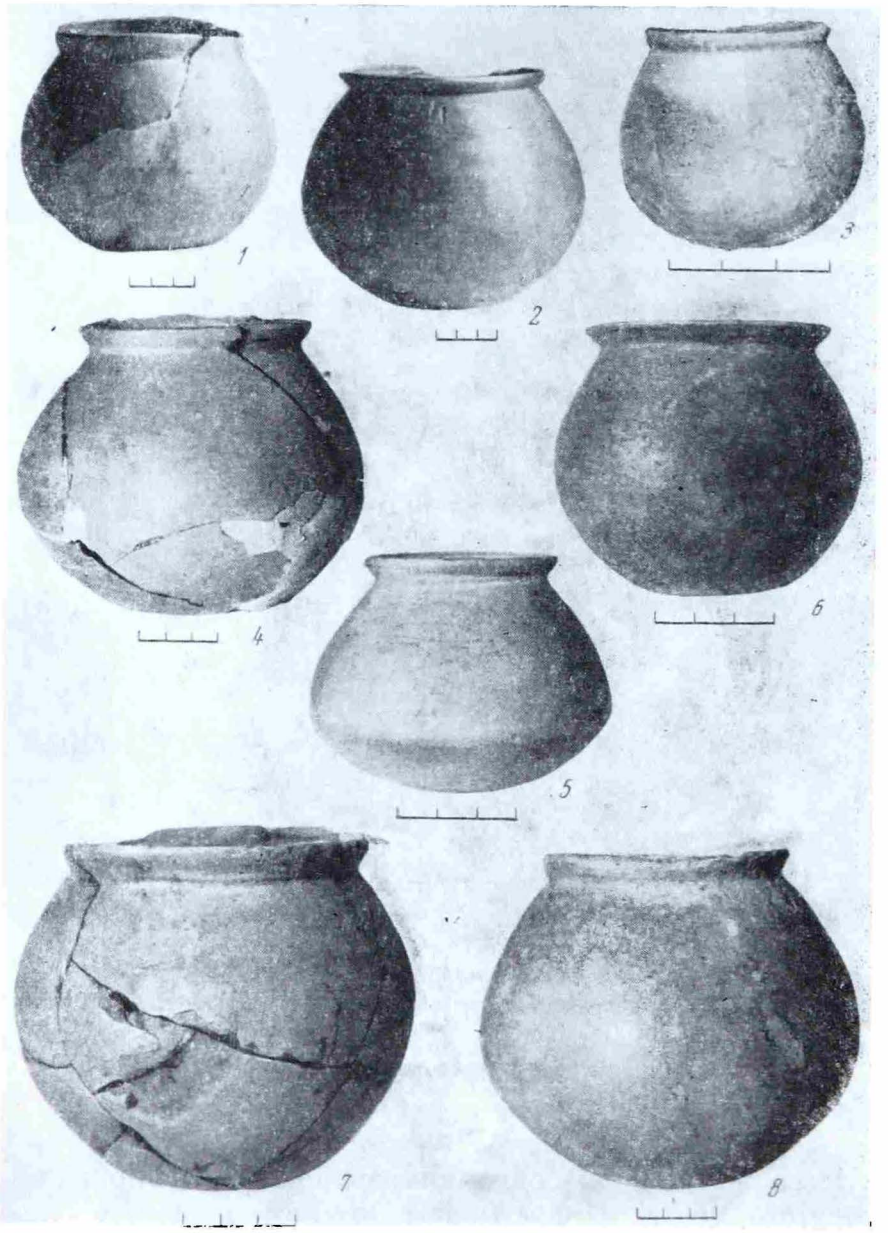


Рис. 4. Курганы у ст. Усть-Джегутинская. Алебастровый и глиняные сосуды

1—6 — курган № 11; *7* — курган № 32; *8* — курган № 7

горшков охристо-желтого и серого цвета (рис. 6, *1—5*) и фрагменты трех других аналогичных сосудов. Впускных погребений в кургане не обнаружено. Правда, при зачистке каменного кольца с северной стороны найдено два бронзовых наконечника копья листовидной формы длиной, соответственно, 11 и 11,8 *см*. Они аналогичны подобным же дротикам, часто встречаемым в комплексах северокавказской и катакомбной культур.

Курган № 11 (диаметр 30,0 *м*, высота 1,60 *м*) по конструктивным особенностям схож с кург. № 8 и 9. Здесь открыта такая же известняковая

наброска, укреплявшая склоны первоначальной насыпи кургана. Ширина ее 10 *м*, толщина 0,50 *м*, диаметр 18,0 *м*. В кургане открыто пять погребений, в том числе четыре впускных. Основная могила, находившаяся в центре под насыпью кургана, имела прямоугольную форму (4,50 × 3,80 × × 0,90 *м*) и была ориентирована по оси СВ — ЮЗ. Она была перекрыта дубовым накатником и засыпана сверху слоем известняка. Останки костяка лежали в беспорядке в северо-западном и частично в северо-восточном углу могилы. Можно предполагать, что погребение было совершено в скорченном положении, головой на запад. В области черепа лежали два однотипных глиняных лощеных горшка серого и серо-желтого цвета (рис. 4,

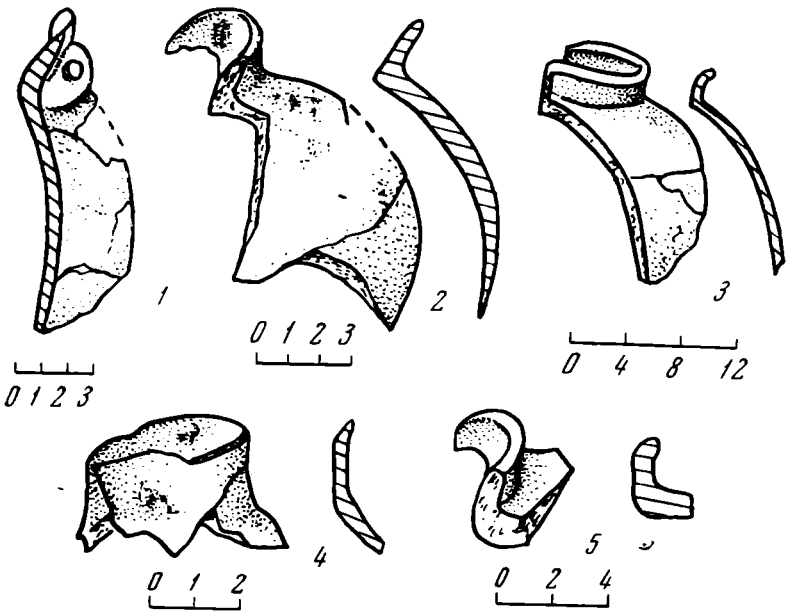


Рис. 5. Сосуды из курганов у ст. Усть-Джегутинская
1 — курган № 7; *2* — курган № 8; *3—5* — курган № 24

2, 6) и маленький алебастровый сосудик такой же формы, как и глиняные горшки (рис. 4, *3*). Несколько восточнее от них стоял третий глиняный горшочек охристо-желтого цвета (рис. 4, *5*). Еще три глиняных сосуда охристо- и серо-желтого цвета (рис. 4, *1*, *4*) и обломки других глиняных горшков, в том числе с прекрасно полированной поверхностью, найдены в северо-восточном углу могилы. Вся эта посуда идентична найденной в кург. № 7, 8 и 10.

Следующий курган (№ 12) достигал в диаметре 40 *м*, а в высоту 3 *м*. В основании его находился кромлех в виде кольца диаметром 26,6 *м*, сложенный из плит ракушечника. Последние размером в среднем 0,50 × × 0,40 × 0,10 *м* были на одну треть зарыты в грунт. У плит насыпь кургана была обложена мощным известняковым поясом (рис. 1, *4*). Толщина его в основании кургана достигала 1,60 *м*, но, постепенно поднимаясь по склону насыпи, суживалась до 0,20 *м*. В кургане открыто основное и два впускных погребения. Основная могила находилась под насыпью почти в центре кромлеха. Она имела прямоугольную форму и была ориентирована длинной осью СВ — ЮЗ. Размеры ее: длина 4,40 *м*, ширина 3,20 *м*, глубина 1,10 *м*. Стенки ямы на ширину 0,60 *м* были обложены насухо мелким булыжником. Яма была заполнена суглинком с включениями отдельных булыжников. В заполнении ямы на разных ее уровнях найдено несколько фрагментов красноглиняной посуды и обломки отдельных костей человека. На дне могилы, в северо-восточном углу найдены фрагменты нижней челюсти, а в северо-западном углу — еще несколько осколков костей. У южной стенки могилы лежала обычная амфора (высота 65 *см*) с двумя ручками позднеантичного или раннесредневекового времени. Она происходит, по-видимому, из какого-нибудь полностью разрушенного впускного

погребения и попала сюда при засыпке центральной могилы после ее ограбления.

Большой и разнообразный инвентарь обнаружен в основном погребении кург. № 13 (диаметр 30 *м*, высота 2,50 *м*), в котором открыты и два впускных погребения (катакомбное и грунтовое) эпохи бронзы. И в этом кургане прослежен известняковый пояс (на расстоянии 3 *м* от краев кургана). Ширина его в среднем достигала 2 *м* при толщине около 0,30 *м*.

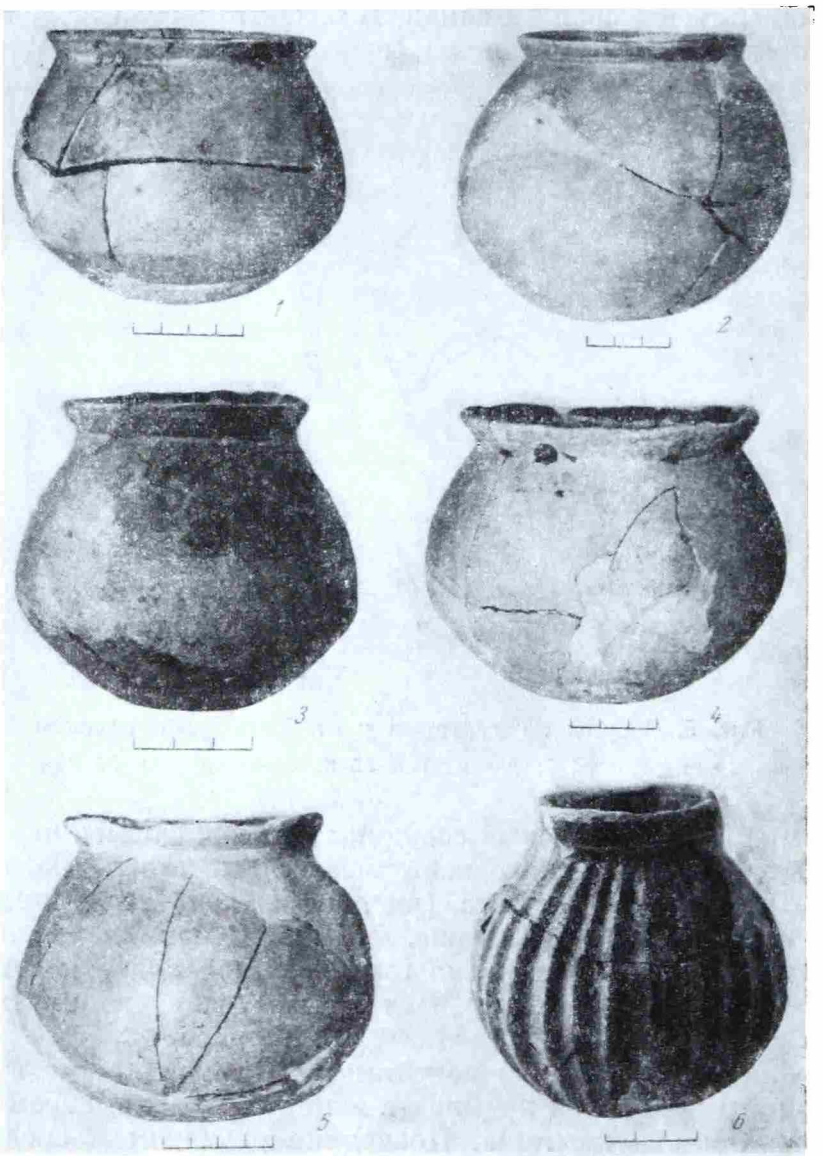


Рис. 6. Курганы у ст. Усть-Джегутинская. Глиняные сосуды
1—5 — курган № 10; *6* — курган № 33

Основная могила находилась под насыпью кургана примерно в 2 *м* к западу от центра кургана. Она имела обычную прямоугольную форму и была ориентирована по оси СВ — ЮЗ. Размеры ее: 5,0 × 3,50 × 1,20 *м*. Стены могилы были укреплены каменной сухой кладкой толщиной 0,50 *м*. Яма была перекрыта деревянным настилом, на котором лежал слой камыша. На дне могилы, в разных ее частях, были разбросаны останки костяка, по положению которых судить о способе захоронения и ориентировке погребенного весьма затруднительно.

В южном углу могильной ямы лежали пять глиняных лощеных однотипных горшков серо-желтого и охристо-желтого цвета (рис. 7, *1, 3, 7—9*), а в западном — такой же охристо-желтый лощеный сосудик, но украшен-

ный вдавленно-резным орнаментом в виде «глазка» (рис. 7, *4*); обломок глиняного горшка с ребром в нижней части тулова, в котором имелась охра, каменный точильный брусок (рис. 8, *3*), небольшой каменный оселок с круглым отверстием на одном конце для подвешивания (рис. 8, *4*), бронзовый нож-кинжал (рис. 8, *5*), костяная булавка с круглым стержнем и плоским треугольным навершием (рис. 8, *2*). Кроме того, на дне могилы в разных частях найдено еще шесть раздавленных глиняных сосудов

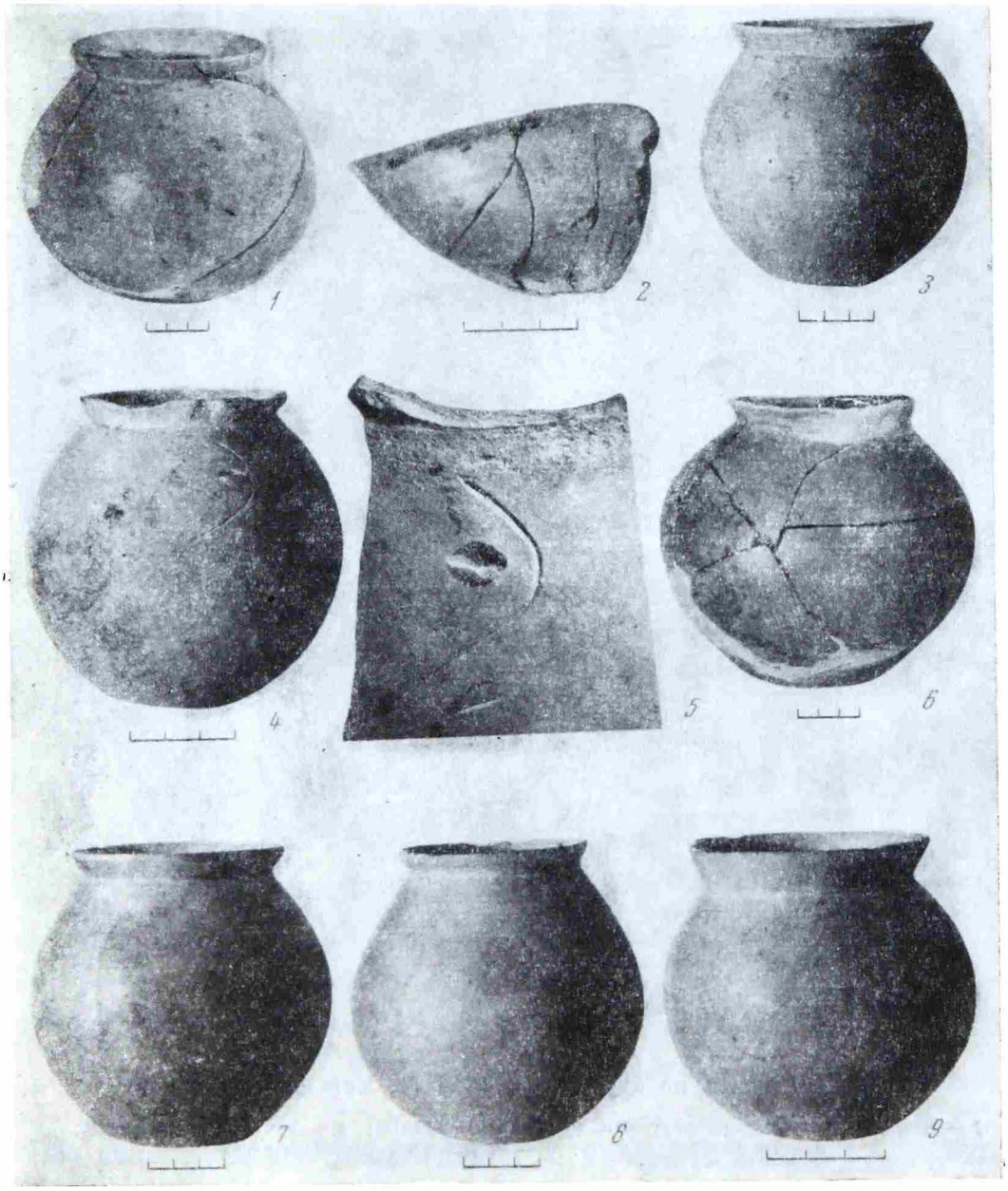


Рис. 7. Сосуды из кургана № 13 у ст. Усть-Джегутинская

(рис. 7, *6*), аналогичных другим, в том числе один с орнаментом в виде «глазка» (рис. 7, *5*), а также обломок глиняной чашечки (рис. 7, *2*) и (у северо-западной стены) каменное долотовидно-тесловидное орудие длиной 25 *см* при ширине 5 *см* (рис. 8, *1*).

Несколько иного характера данные получены раскопками кург. № 24 (диаметр 34 *м*, высота 2,70 *м*). В основании его находился массивный кромлех — кольцо из речных булыжников диаметром 21 *м* и шириной 3 *м*. С внешней стороны кромлеха открыт известняковый пояс (шириной 1 *м* и толщиной 0,5 *м*), укреплявший края первоначальной насыпи кургана. Центральная часть кургана в диаметре 11 *м* от основания и почти до са-

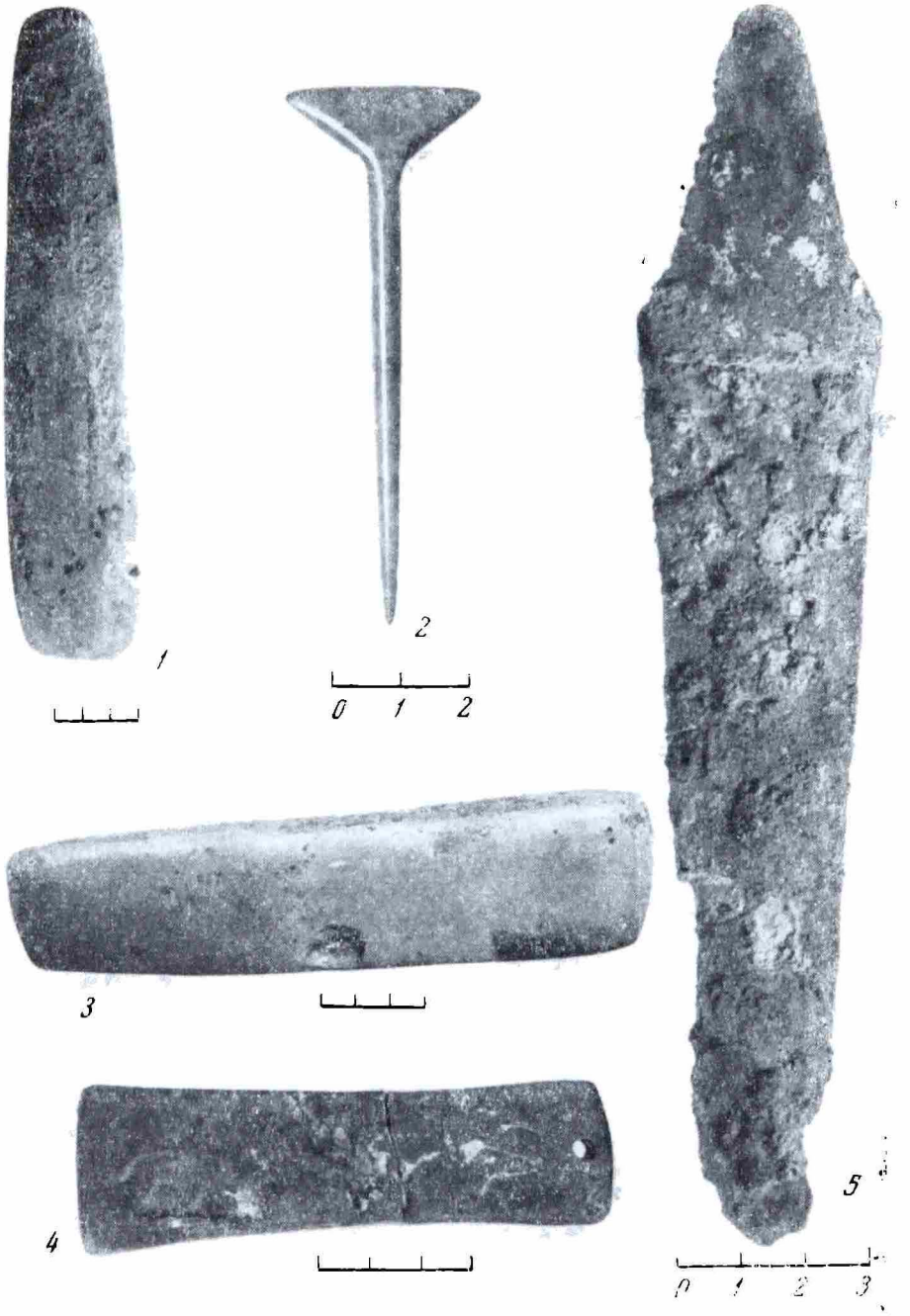


Рис. 8. Инвентарь из кургана № 13 у ст. Усть-Джегутинская

1 — каменный топор-долото; *2* — костяная булавка; *3* — точильный камень; *4* — каменный оселок; *5* — бронзовый нож-кинжал

мого дернового слоя была сложена из булыжников. Другими словами, в центре насыпи находился каменный курганчик диаметром 11 *м* при высоте 2,50 *м*. Под ним, на уровне древнего горизонта, находилось основное погребение, которое оказалось разрушенным в результате позднейшего захоронения. Последнее, судя по некоторым деталям способа погребения и сопровождавшему инвентарю, особенно каменному сверленому топору так называемого кабардино-пятигорского типа, относится суммарно к первой половине II тысячелетия до н. э.

От основного погребения сохранились фрагменты различных глиняных сосудов, лежавшие почти в центре под каменной насыпью, на уровне древнего горизонта. Удалось восстановить один крупный толстостенный остродонный сосуд яйцевидной формы (рис. 9, *2*). Кроме того, здесь найдены обломки от трех охристо-желтых сосудов с шаровидным туловом и

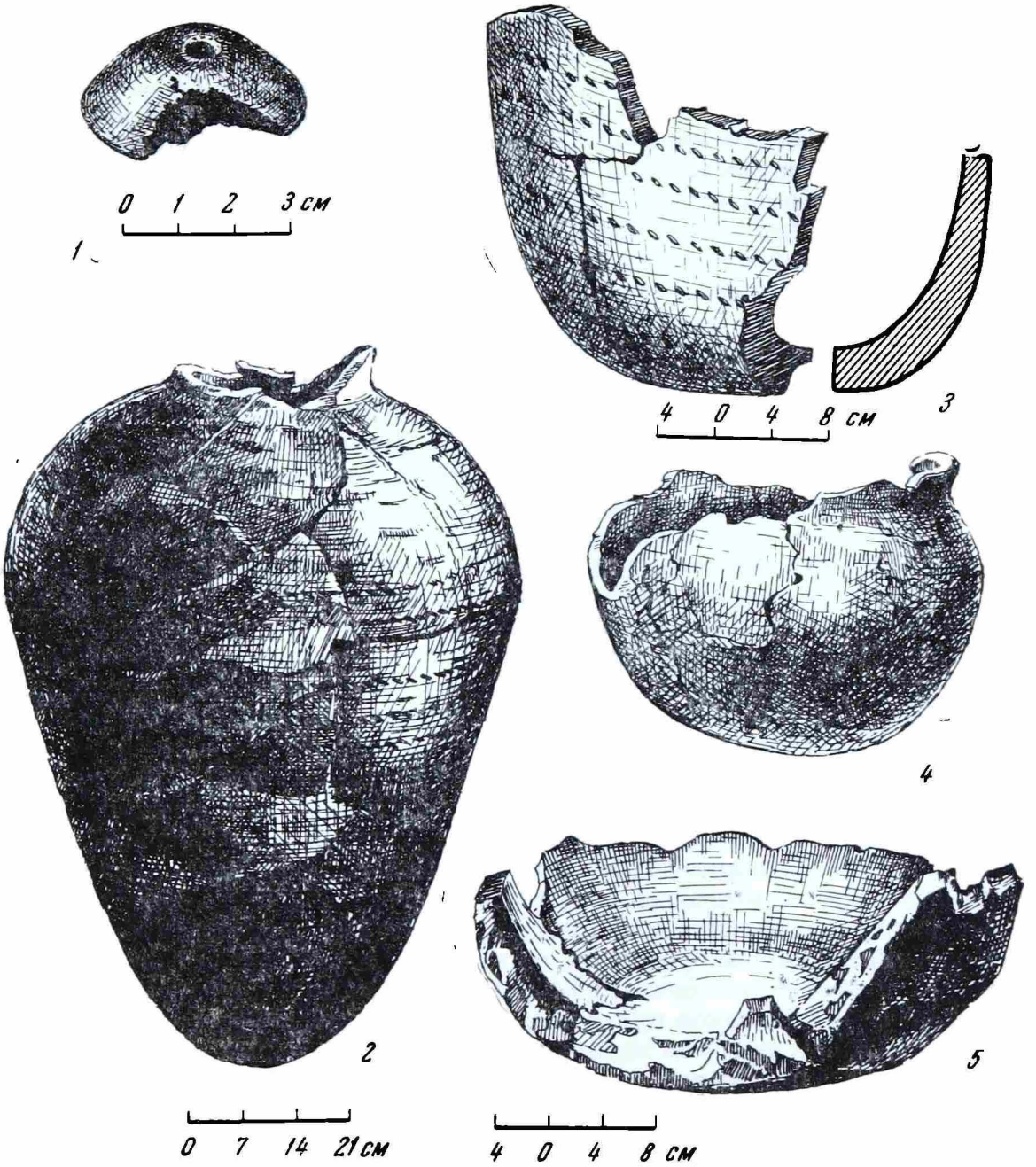


Рис. 9. Костяное пряслице и сосуды из курганов у ст. Усть-Джегутинская
1, 3—5 — курган № 33; *2* — курган № 24

прямым невысоким венчиком (рис. 5, *3, 5*), фрагмент миски со слегка завернутым внутрь краем, обломки верхней части сероглиняного лощеного сосуда и другие обломки посуды, среди них лежали кости крупного рогатого скота.

К сожалению, разрушенным оказалось и основное погребение в кург. № 32. Это самый большой из раскопанных курганов Усть-Джегутинского могильника (диаметр 60 *м*, высота 6,50 *м*); в нем открыто 24 погребения. В основании его находился массивный кромлех в виде правильного кольца (диаметр 37 *м*), сложенного из одного ряда крупных специально отобранных округлых (0,80 × 0,90 *м*) валунов (рис. 1, *б*); параллельно ему, с внешней стороны, были выложены еще два каменных круга (рис. 1, *б*). Первый, шириной 2 *м*, состоял из речных булыжников и мелкого битого известняка, а второй, отстоявший от первого на 1,50 *м* и достигавший в ширину 1,50 *м*, был сложен из булыжников и крупных извест-

няковых плит. Последний достигал в диаметре около 49 *м*. Оба эти каменных пояса лежали на одном уровне, на 1,30 *м* выше уровня древнего горизонта.

Основное погребение было совершено в центральной части описанного кромлеха на древнем горизонте. Можно считать, что специального могильного сооружения здесь сделано не было, так как отсутствовали какие-либо признаки его (яма, остатки деревянной конструкции, галечная вымостка и пр.). Над погребенным, который, по-видимому, был положен прямо на древний горизонт примерно в центре кромлеха, был сооружен каменный курганчик диаметром 10 *м* и высотой 1,5 *м*, а затем возведена и земляная насыпь. Погребение было разрушено ограблением (в разрезе кургана четко прослежен грабительский ход-колодец диаметром около 4 *м*). От погребенного сохранилось лишь несколько обломков отдельных костей, по которым невозможно судить о способе и ориентировке захоронения. Рядом с этими обломками костей найдены мелкие фрагменты керамики охристого цвета, а вокруг них, на площади примерно 2,0 × 3,0 *м*, обнаружены кости мелкого и крупного рогатого скота и диких животных (тур — ?), зольные пятна и обломки преимущественно крупных толстостенных сосудов. Среди обломков сосудов имеются также части охристо-желтых тонкостенных лощеных горшков, один из которых удалось восстановить (рис. 4, *7*), и обломок лощеной миски с загнутым внутрь краем.

По всей вероятности, и в данном случае мы имеем дело с остатками тризны. С последней связано, по-видимому, и отмеченное на том же уровне, в 10 *м* к северо-востоку от центра кургана, кострище в виде большого пятна сильно обожженного грунта.

И, наконец, кратко опишем еще один курган — № 33 (диаметр 30 *м*, высота 2,20 *м*), отличавшийся теми же особенностями, что и кург. № 32 В частности, под насыпью этого кургана находился кромлех в виде кольца (диаметр 15 *м*, ширина 0,30 *м*), сложенного из булыжников и известняковых плит. Прослежен здесь и обычный для этих курганов известняковый пояс вокруг первоначальной насыпи. В центре кромлеха был сооружен небольшой каменный курганчик диаметром 6 и высотой 1 *м*, под которым на уровне древнего горизонта сохранились остатки также разрушенного захоронения майкопской культуры. Можно предполагать, что и здесь, как и в кург. № 32, не было специальной могилы. Останки погребенного не сохранились. В центральной части кромлеха на площади примерно 3 × 5 *м* отмечены остатки тризны в виде зольных пятен от кострищ и костей животных, а также значительное количество обломков разнообразных глиняных сосудов. Большая часть керамики находилась в 3—5 *м* к северо-западу от центра кургана. Здесь найдены, в частности: круглодонный серый горшок с раздутым туловом и широким горлом высотой 23 *см* (рис. 9, *4*), интересный лощеный горшочек (рис. 6, *6*) с рифлеными стенками и невысоким прямым венчиком, вокруг которого нанесена углубленная линия; обломки темных и красных лощеных мисок (рис. 3, *1—3*) и тонкостенных лощеных горшков охристого цвета; фрагмент плоскодонного краснокрашенного залощенного сосуда; обломки от многих крупных толстостенных сосудов преимущественно грубой лепки и плохого обжига. Среди последних, например, имеется часть днища диаметром 29 и толщиной 3,5 *см* (рис. 9, *5*).

Интересна нижняя часть от другого крупного сосуда, украшенного веревочным орнаментом (рис. 9, *3*). Среди обломков посуды обнаружено и костяное пряслице полусферической формы (рис. 9, *1*).

Таковы в основном комплексы майкопской культуры Усть-Джегутинского могильника. К сожалению, почти все они разрушены преимущественно в результате ограбления и частично при позднейших захоронениях. Любопытно, что огромное большинство из исследованных майкопских погребений оказалось почти в таком же состоянии, как и описанные погребения Усть-Джегутинского могильника. Для примера укажем хотя бы на

подкурганные майкопские погребения в Прикубанье (у ст. Казанской[4] и на так называемом участке Зиссерманов[5]), на Таманском полуострове (в Кепах[6], на Фонтанке[7] и др.[8]) и в Кабардино-Пятигорье (у с. Старый Урух[9]).

Несмотря на разрушенность описанных выше комплексов, принадлежность их к майкопской культуре убедительно документируется как отдельными деталями курганных могильных сооружений, так и сохранившимся в погребениях характерным инвентарем и, прежде всего, керамикой. Больше того, тщательное изучение этих комплексов позволяет выделить здесь две группы погребений, соответствующих, как увидим ниже, двум последовательным этапам развития майкопской культуры.

Анализ майкопских комплексов Усть-Джегутинского могильника мы начнем с характеристики погребальных сооружений и обряда захоронения в целом.

Несмотря на многочисленные и весьма характерные признаки, объединяющие описанные курганы между собой, по ряду конструктивных особенностей они четко делятся на две группы. К первой относятся кург. № 7—13, ко второй — кург. № 3, 24, 32 и 33.

Курганы № 7—13, как мы отметили уже, расположены в один ряд по направлению СЗ — ЮВ. Они почти совершенно аналогичны друг другу по устройству, хотя и не имеют одинаковых размеров. Самый большой из них — кург. № 7, достигающий в диаметре 42 *м* при высоте 3,30 *м*, а самый маленький — курган № 9 (диаметр 23,50 *м*, высота 0,80 *м*). В основании большинства из этих курганов открыты кромлехи в виде кольца, выложенного из речных булыжников, а иногда и из известняковых плит, в диаметре от 21 *м* (кург. № 10) до 31,60 *м* (кург. № 7). Кроме того, все эти курганы имели (ближе к краям)наброски из известняка в виде широкого и замкнутого круга. Эти известняковые пояса лежали в большинстве случаев наклонно по склону насыпи, и можно предполагать, что ими были специально укреплены края первоначальной насыпи кургана.

В центре всех курганов первой группы открыты могильные сооружения в виде больших прямоугольных ям, ориентированных длинной осью СВ — ЮЗ (кург. № 7, 10—13) или В — З (кург. № 8—9). В одном случае (кург. № 7) могила имела округленные углы. Размеры самой большой могилы: длина 5 *м*, ширина 3,50 *м*, глубина 1,20 *м* (кург. № 13), а самой маленькой — 3 × 2 × 0,60 *м* (кург. № 10). В кург. № 12—13 стены могилы были укреплены каменной сухой кладкой шириной 0,50—0,60 *м*. Почти все могилы были перекрыты дубовыми плахами и засыпаны сверху битым известняком.

Все погребения оказались разрушенными, и поэтому крайне затруднительно судить о способе захоронения, ориентировке погребенных и т. д. Лишь в одном случае (кург. № 11), судя по положению сохранившихся костей, можно предполагать, что покойник был положен в могилу в скорченном состоянии и головой на запад. В другом же случае (кург. № 10) установлено, что в могиле было погребено до пяти покойников. В некоторых могилах на дне или на отдельных костях прослежена красная охра.

Курганы первой группы объединяются между собой и единством сохранившегося в могилах погребального инвентаря и, прежде всего, керамики. На анализе вещевого материала мы остановимся ниже специально.

---

[4] ОАК за 1900 г., стр. 45; ОАК за 1901 г., стр. 66—67.

[5] ОАК за 1900 г., стр. 42—43.

[6] Н. И. Сокольский. Раскопки в Кепах в 1962 г. КСИА АН СССР, 103, 1965, стр. 108—116.

[7] М. М. Кубланов. К истории Азиатского Боспора. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 217—220.

[8] Ю. С. Крушкол. Археологические исследования древней Синдики (Анапский район) экспедицией Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской. Уч. зап. МОПИ, CXV, 1963, стр. 83—95.

[9] Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. Уч. зап. КНИИ. Нальчик, 1950, стр. 226—227.

Рассмотрим теперь в таком же плане курганы второй группы. Наиболее крупный из них — курган № 32 (диаметр 60 *м*, высота 6,50 *м*), а наименьший — курган № 33 (диаметр 30 *м*, высота 2,20 *м*). Все они под насыпью содержали кромлехи в виде массивных каменных колец диаметром от 15 *м* (кург. № 33) до 37 *м* (кург. № 32). В кург. № 32, кроме того, открыты еще два параллельных каменных круга. С курганами первой группы они сближаются и наличием известнякового пояса. Но курганы второй группы резко отличаются от первой отсутствием специальных погребальных камер и наличием под насыпью в центре кромлеха каменного курганчика. Выясняется, что погребения в этих курганах были совершены не в больших могильных ямах, как в курганах первой группы, а обычно прямо на древнем горизонте. Лишь в кург. № 3 прослежена могильная яма неправильной вытянуто-округлой формы, слегка углубленной в слой погребенной почвы. К сожалению, погребения и в этих курганах оказались разрушенными, поэтому мы и в данном случае лишены возможности говорить о некоторых существенных деталях погребального обряда (положение и ориентировка погребенного и т. д.). Следует отметить также, что в курганах второй группы под каменной насыпью или вокруг нее на уровне древнего горизонта прослежены зольные пятна, обломки битой посуды и кости животных. По всей вероятности, это остатки тризны.

Чрезвычайно важно, что и сохранившийся инвентарь (керамика) в курганах второй группы, несмотря на наличие в его составе таких же форм, как в курганах первой группы, в основной массе резко отличается от того, что найдено в кург. № 7—13.

Но прежде чем перейти к анализу инвентаря, остановимся еще на характеристике рассмотренных погребальных сооружений. Сопоставление их с известными памятниками майкопской культуры дает весьма любопытную картину. Оказывается, что курганы первой группы по устройству насыпи и характеру могильного сооружения полностью аналогичны соответствующим памятникам раннего этапа развития майкопской культуры, в то время как курганы второй группы имеют ближайшие аналогии в погребальных памятниках позднего, так называемого новосвободненского этапа этой культуры. Для подтверждения данного факта приведем несколько примеров.

Наиболее известным памятником майкопской культуры, в частности раннего этапа ее развития, является, как известно, сам Майкопский курган. Что он собой представлял? Это был огромный курган высотой 10,65 *м*, под насыпью которого открыт кромлех в виде каменного кольца [10]. В центре последнего находилась огромная могильная яма прямоугольной формы (5,33 × 3,73 × 1,42 *м*) с закруглёнными углами и несколько вогнутыми стенками, ориентированная по оси СВ—ЮЗ. Могила была разделена деревянными перегородками на три части и покрыта сверху деревянным настилом [11]. На дне могилы, выложенной речным булыжником, лежали три скорченных костяка, густо посыпанных красной охрой [12].

Таким образом, мы видим, что курганы первой группы Усть-Джегутинского могильника по устройству насыпи, наличию каменного кольца-кромлеха, по форме, размерам и ориентировке могилы и некоторым другим признакам совершенно аналогичны Майкопскому кургану. По-видимому, захоронения и в Усть-Джегутинских курганах были совершены в скорченном состоянии, что в известной степени подтверждается и наблюдением над положением останков погребенного в кург. № 11. Судя же по положению инвентаря в кург. № 13, можно допускать, что некоторые могилы в рассматриваемых курганах, так же как в Майкопском, были разделены деревянными перегородками на несколько частей. А о том, что в отдель-

---

[10] ОАК за 1897 г., стр. 2—3.
[11] Там же.
[12] Там же, стр. 3, 10.

ных могилах было погребено несколько покойников, как в Майкопе, свидетельствует курган № 10.

Отметим также, что аналогичные погребальные сооружения открыты и в других курганах Северного Кавказа, относящихся к раннему этапу майкопской культуры, в частности у ст. Казанской [13], у с. Старый Урух [14], в Кепах [15] и других пунктах.

Что же касается курганов второй группы Усть-Джегутинского могильника, то они весьма близки по своим характерным особенностям погребальным памятникам позднего этапа майкопской культуры. Об этом, например, убедительно свидетельствует Бамутский курганный могильник в Чечено-Ингушетии, где раскопано около 20 курганов с позднемайкопскими погребениями. Почти все они имели такую же конструкцию, как и усть-джегутинские. Иначе говоря, в Бамутских курганах открыты такие же массивные каменные кольца-кромлехи, в центре которых находился каменный курганчик [16]. Погребения в Бамутских курганах также были совершены на уровне древнего горизонта, иногда, правда, на специальной площадке прямоугольной формы, выложенной галькой.

Отметим еще, что такими же примерно конструктивными особенностями отличался и курган с поздним майкопским погребением у с. Лескен в Кабардино-Балкарии. И здесь в центре насыпи была открыта каменная вымостка-курганчик диаметром около 8 *м*, под которым находилась неглубокая могила неправильной формы (2,60 *м* × 1,90 *м*) [17], т. е. почти такая же, как в кург. № 3 у ст. Усть-Джегутинской. Хотя в курганах Бамута и Лескена не было вокруг могил остатков тризны в виде зольных пятен, битой посуды и костей животных, однако их прямая связь между собой нам представляется бесспорной.

Обратимся теперь к характеристике инвентаря из Усть-Джегутинских курганов. Несмотря на то, что все погребения оказались разрушенными, в них сохранился значительный и довольно интересный материал. Это — главным образом керамика. Любопытно то обстоятельство, что она делится на две различные группы, причем одна из них имеется в обеих группах курганов, в то время как другая — только в курганах второй группы.

Рассмотрим сначала инвентарь из курганов первой группы. Все обнаруженные здесь сосуды изготовлены от руки из хорошо отмученной глины и отличаются ровным обжигом. Все сосуды лощеные, иногда до металлического блеска; цвет подавляющего большинства из них охристо-желтый или красно-желтый, редко — серый или серо-желтый. Сосуды однотипны по существу и по форме. Это преимущественно небольшие плоскодонные горшки с округло-шаровидным туловом и, как правило, невысоким, резко отогнутым наружу венчиком. Самый большой из них имеет следующие размеры: высота 15 *см*, диаметр по внешнему краю венчика 11 *см*, диаметр днища 8 *см*, а наименьший, соответственно, 8; 5,5 и 4 *см*. Среди них выделяется несколько горшков, у которых резко подчеркнута нижняя часть — она отделена как бы ребром (рис. 4, *5*; рис. 6, *1, 3*). Особо следует отметить обломок двустороннелощеной чаши охристо-красного цвета высотой 5 *см* из кург. № 13 (рис. 7, *2*). Все сосуды не имеют ручек и не орнаментированы. Правда, в кург. № 7 найдена часть горшка, на котором имеется ручка в виде ушка (рис. 5, *1*), а в кург. № 13 обнаружены целый сосуд и обломок другого такого же горшка, украшенные в верхней части своеобразным орнаментом в виде «глазка» (рис. 7, *4, 5*).

---

[13] ОАК за 1900 г., стр. 45; ОАК за 1901 г., стр. 66—67.

[14] Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 223—228.

[15] Н. И. Сокольский. Ук. соч., стр. 115.

[16] Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, 100, 1961, табл. XXII и XXIII; его же. Памятники майкопской культуры...; Р. М. Мунчаев, В. И. Сарианиди. Бамутские курганы эпохи бронзы. КСИА АН СССР, 98, 1964.

[17] Е. И. Крупнов. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР. Уч. зап. КНИИ. Нальчик, 1948, стр. 182—283.

Характерно, что описанные горшки имеют ближайшие аналогии по форме, размерам, цвету, характеру обработки поверхности и технологическим особенностям среди сосудов ранних майкопских памятников. Достаточно сказать, что только в майкопском кургане найдено восемь таких сосудов [18]. Они обнаружены также в Кепах [19], в кургане на участке Зиссерманов [20], в г. Нальчике (курган в «Садках») [21] и в других майкопских памятниках, среди которых особо следует выделить поселение Мешоко. Дело в том, что это единственный пока бытовой памятник майкопской культуры с хорошей стратиграфией. Здесь в нижних горизонтах обнаружена тонкостенная, тщательно лощеная и почти всегда неорнаментированная керамика красновато-желтого и серого цветов, которая сопоставляется А. А. Формозовым с сосудами из Майкопского кургана [22].

Очень близки также горшкам из Усть-Джегутинских курганов сосуды, найденные в других майкопских поселениях Прикубанья (Ходжох I и стоянка Скала) [23].

Таким образом, рассмотренная керамика, а также отмеченные выше особенности погребальных сооружений дают полное основание отнести первую группу курганов Усть-Джегутинского могильника к раннему этапу развития майкопской культуры. Этот вывод также подтверждает остальной инвентарь из этих курганов, включающий в себя каменный сосудик, бронзовый нож-кинжал, костяную булавку, каменный топор-долото и два точильных камня. Все эти предметы, за исключением каменного сосуда, происходят из кург. № 13. Наиболее интересен среди них, пожалуй, миниатюрный алебастровый круглодонный сосудик высотой 5,5 *см*, найденный в кург. № 11 (рис. 4, *3*). Он удивительно точно повторяет форму глиняных горшков из этих же курганов. Его можно было бы сопоставить с таким же примерно по размерам каменным шарообразным «сосудиком» из Майкопского кургана [24], но последний лишен венчика, а главное, имеет сквозное отверстие, почему А. А. Формозов предполагает, что это, может быть, навершие булавы [25].

Интересна и костяная булавка с круглым сечением и плоским треугольным навершием (рис. 8, *2*). Подобных предметов до сих пор не встречено в майкопских памятниках. Они есть, правда, в синхронных памятниках так называемой ямной культуры, но последние несколько отличны от нашей как по форме (точнее по форме навершия), так и по размерам.

Особо следует сказать о бронзовом ноже-кинжале (рис. 8, *5*). Химический анализ показал, что он изготовлен из такой же мышьяковистой бронзы, из какой сделаны многие металлические предметы из памятников майкопской культуры. Содержание мышьяка в его составе достигает 3,5% [26]. Этот нож-кинжал отличается от ножей, обнаруженных в Майкопском кургане [27] и в курганах в «Садках» в Нальчике [28] и других памятниках. Собственно, основное различие между ними в том, что усть-джегутинский имеет черенок, а ножи-кинжалы из отмеченных ранних майкопских памятников — бесчеренковые. Но следует подчеркнуть, что черенок на рассматриваемом ноже не выделен еще так четко, как на ножах-кинжалах

---

[18] ОАК за 1897 г., стр. 10. Между прочим, и среди металлической посуды из майкопского кургана имеется аналогичный по форме серебряный сосуд (см. там же, стр. 7, рис. 23).

[19] Н. И. Сокольский. Ук. соч., стр. 116, рис. 41, *2*.

[20] ОАК за 1900 г., стр. 42. Хранится в ГИМ.

[21] А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, 3, 1941, стр. 18, рис. 2, *6*.

[22] А. А. Формозов. Ук. соч., стр. 75.

[23] Там же, стр. 118, рис. 57; стр. 119, рис. 58.

[24] ОАК за 1897 г., стр. 6, рис. 19.

[25] А. А. Формозов. Ук. соч., стр. 76.

[26] Анализ проведен Е. Н. Черныхом в лаборатории ИА АН СССР.

[27] ОАК за 1897 г., стр. 6.

[28] А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 18, рис. 4—5.

из поздних памятников майкопской культуры (Новосвободная [29], Бамут [30] и др.). Это дает основание считать, что типологически он занимает как бы промежуточное положение между ранними и поздними ножами-кинжалами майкопской культуры. Поэтому, вероятно, можно предполагать, что, во всяком случае курган № 13 Усть-Джегутинского могильника (если не вся первая группа курганов в целом) хронологически несколько моложе, например, основного погребения Майкопского кургана.

Обнаруженные в кург. № 13 каменные предметы (рис. 8, *3, 4*) также имеют близкие аналогии в памятниках майкопской культуры и, прежде всего, в материалах самого Майкопского кургана, где найдены почти такие же точильные камни, в том числе оселок изогнутой формы с небольшим круглым отверстием на одном конце для подвешивания [31]. Что же касается каменного топора-долота, то подобные предметы, преимущественно шлифованные, в значительном количестве представлены как в погребальных (Майкопский курган и др.), так особенно в бытовых памятниках (Мешоко и др.) майкопской культуры [32].

Обратимся теперь к инвентарю из курганов второй группы. Несмотря на разрушенность всех древнейших погребений, и в этих курганах сохранился значительный керамический материал. Из других предметов найдены только обломок каменного браслета и костяное пряслице.

Остановимся сначала кратко на последних двух предметах. Костяное пряслице найдено в кург. № 33. Оно сделано из эпифиза мелкого рогатого скота и имеет полусферическую форму (рис. 9, *1*). Подобные костяные предметы в майкопских памятниках до сих пор не находили, но совершенно аналогичные пряслица в значительном количестве обнаружены в памятниках Закавказья III тысячелетия до н. э.

Более интересна находка обломка каменного браслета в кург. № 3, почти квадратного в сечении (рис. 3, *6*). Разнообразные каменные браслеты, в том числе аналогичные нашему, встречены во многих памятниках майкопской культуры. Можно считать, что каменные браслеты — один из характерных атрибутов данной культуры. В работе А. А. Формозова указаны все памятники, в которых найдены каменные браслеты, и дана их детальная характеристика [33]. Поэтому нам нет необходимости подробно останавливаться на них. Укажем только, что они встречаются преимущественно в ранних памятниках майкопской культуры [34].

Если в курганах первой группы представлен по существу всего один тип посуды в виде небольших тонкостенных лощеных горшков, то в курганах второй группы сосуды довольно разнообразны. Их можно разделить на несколько типов. К первому из них относятся небольшие горшки охристо-желтого цвета с округлым туловом и коротким, отогнутым наружу венчиком, совершенно аналогичные описанным сосудам из ранней группы Усть-Джегутинских курганов. Таких сосудов очень мало, и найдены они только в кург. № 32 (рис. 4, *7*) и № 33.

К этому же типу следует отнести и чрезвычайно интересный плоскодонный сосудик с рифлеными стенками из кург. № 33 (рис. 6, *6*). Он лощеный, одна сторона у него темно-серого цвета, другая — охристо-желтого. Подобные горшки в памятниках майкопской культуры до сих пор не встречены, если не считать стоянки Хаджох III, откуда происходит небольшой обломок сосуда с рифлеными стенками [35]. А. А. Формозов относит его к группе импортной керамики [36]. Для нас в данном случае важно,

[29] ОАК за 1898 г.
[30] Р. М. Мунчаев. Памятники майкопской культуры.
[31] ОАК за 1897 г., стр. 9, рис. 30.
[32] А. А. Формозов. Ук. соч., стр. 110—112; В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. О двух типах каменных орудий Северного Кавказа. КСИА АН СССР, 84, 1961.
[33] А. А. Формозов. Ук. соч., стр. 77, рис. 36.
[34] Там же, стр. 83, табл. 2.
[35] Там же, стр. 80—81, рис. 40, *2*.
[36] Там же, стр. 80.

что найден он, так же как и сосуд из Усть-Джегутинского кург. № 33, в относительно позднем памятнике майкопской культуры.

К следующему типу относятся двустороннелощеные миски красного и черного цвета, иногда с загнутым внутрь или отогнутым наружу и утонченным к краю венчиком (рис. 3, *1—3*); обычно в погребальных памятниках майкопской культуры миски встречаются очень редко, причем любопытно, что в двух известных нам случаях (Новосвободная [37] и Бамут [38]) они происходят из поздних памятников майкопской культуры. В Долинском [39] и Луговом [40] поселениях, также содержащих поздние майкопские комплексы, миски представлены в значительном количестве.

Основную массу посуды составляют найденные в обломках крупные и толстостенные сосуды без лощения. Среди них необходимо, прежде всего, отметить фрагменты больших сосудов желтовато-охристого цвета с шаровидным туловом и коротким утолщенным венчиком (рис. 3, *4, 5, 7*), найденные, главным образом, в кург. № 3. Обломки подобных же шаровидных сосудов, но с несколько более высоким и четко оформленным венчиком, обнаружены и в кург. № 24 (рис. 5, *3, 5*) Последние по форме, размерам и цвету совершенно приближаются к соответствующей группе сосудов из памятников позднего этапа майкопской культуры. Отметим для примера, что такие же сосуды с округлым или уплощенно-шаровидным туловом и прямым венчиком обнаружены и на крайнем северо-западе Кавказа (п-ов Фонтан [41] и курган близ Анапы [42]), и в Прикубанье (курганы у ст. Новосвободная [43], ст. Костромская [44] и др.), и в Кабардино-Пятигорье (курганы у селений Рунделен [45], Лескен [46] и др.), и в Чечено-Ингушетии (Бамутские курганы [47], Луговое поселение [48] и др.).

В кург. № 24, 32 и 33 найдено значительное число фрагментов очень крупных сосудов. Из них восстановлен один (кург. № 24) красно-охристый остродонный сосуд яйцевидной формы, украшенный по тулову ложноверевочным орнаментом (рис. 9, *2*). В кург. № 33 найдены нижние части двух крупных сосудов, один из которых украшен таким же орнаментом (рис. 9, *3*), а другой (рис. 9, *5*) имеет на днище знак в виде вдавлений двух пальцев. О форме последних двух сосудов судить трудно. Что же касается яйцевидного остродонного сосуда, то он не имеет прямых аналогий в керамике из других памятников майкопской культуры. Крупные сосуды, в том числе яйцевидной формы, известны в майкопских, точнее позднемайкопских комплексах. Например, в Бамутских курганах найден плоскодонный яйцевидный сосуд высотой около 50 *см*, но он совсем не похож на Усть-Джегутинский. До сих пор на майкопской керамике не встречен и такой орнамент. Но остродонные яйцевидные сосуды, украшенные веревочным орнаментом, как известно, были довольно широко распространены в III тысячелетии до н. э. в степях к северу от Кавказа, у племен ямной культуры. Можно допускать поэтому, что население, соорудившее некоторые из Усть-Джегутинских курганов, в результате контактов с племенами ямной культуры Приазовья и Подонья переняло у последних данную форму керамики и орнамент.

---

[37] Т. Б. Попова. Дольмены станицы Новосвободной. М., 1963, табл. XIII, *1*.

[38] Р. М. Мунчаев, В. И. Сарианиди. Исследования Бамутского курганного могильника в 1963 г. КСИА АН СССР, 106, 1966, стр. 76, рис. 32, *3*.

[39] А. П. Круглов, Г. Е. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, 3, 1941, стр. 187, рис. 27, *9—13*.

[40] Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 114—115.

[41] М. М. Кубланов. К истории Азиатского Боспора, рис. 19.

[42] Ю. С. Крушкол. Ук. соч., стр. 83—95.

[43] Т. Б. Попова. Ук. соч., табл. XII—XV.

[44] Там же, табл. XXII.

[45] А. П. Круглов, Г. Е. Подгаецкий. Ук. соч., стр. 182, рис. 25, *6*.

[46] Е. И. Крупнов. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г..., стр. 285, рис. 3.

[47] Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., табл. XII.

[48] Там же, табл. IV, *2*.

Среди керамики из курганов второй группы имеется несколько фрагментов от глубоких чаш с округленным краем венчика (рис. 3, *8*, *9*), а также круглодонный горшок (рис. 9, *4*), верхняя часть сосуда с высокой горловиной (рис. 5, *4*) и обломок нижней части краснокрашенного сосуда из хорошо отмученной глины и прекрасно обожженной. Глубокие чаши и круглодонные горшки известны в северокавказских памятниках III тысячелетия до н. э.[49]. Встречены и сосуды с высоким горлом, например, в дольменах у ст. Новосвободная[50]. Но до сих пор здесь, насколько нам известно, не находили совсем крашеных сосудов. Вероятно, это импортная керамика, подобная той, которая происходит из навеса Ходжах III и Воронцовской пещеры и характеризуется исследователями как привозная[51].

Сравнительный анализ керамики из курганов второй группы Усть-Джегутинского могильника показывает, что она не просто тяготеет к посуде из относительно поздних памятников майкопской культуры, а очень близка к ней по форме, размерам и технологическим особенностям. Крайне важно, что такой же процесс развития майкопской посуды — от тонкостенных лощеных горшков до больших толстостенных сосудов преимущественно без лощения — зафиксирован и в двуслойном поселении Мешоко[52]. Но возникает один вопрос: чем объяснить, что на Усть-Джегутинской керамике отсутствует характерный для керамики относительно поздних памятников майкопской культуры (верхние горизонты Мешоко, дольмены в Новосвободном, курганы в Бамуте и др.) орнамент в виде жемчужника? Это, нам думается, не случайно. Данные погребального обряда и инвентаря показывают, что курганы первой группы Усть-Джегутинского могильника старше курганов второй группы. Но последние, как об этом свидетельствует ряд фактов, в свою очередь, старше памятников новосвободненского этапа майкопской культуры. Неудивительно, что в курганах второй группы встречена такая же совершенно керамика, как и в курганах первой группы, хотя и в очень небольшом количестве. В памятниках же новосвободненского этапа майкопской культуры такая керамика уже не встречается. Следовательно, есть основание считать, что Усть-Джегутинские курганы второй группы в культурно-хронологическом отношении занимают промежуточное положение между ранними и поздними памятниками майкопской культуры. Они, по-видимому, относятся к тому периоду развития майкопской культуры, когда жемчужный орнамент не был еще распространен. Любопытно в этой связи отметить, что в керамике из курганов второй группы типичные для новосвободненского этапа формы сосудов представлены в небольшом количестве, хотя, как мы отметили, в своей основной массе она близка к керамике из сравнительно поздних майкопских памятников. Если придерживаться предложенной А. А. Формозовым периодизации майкопских памятников, то рассматриваемые курганы должны занять место между ранней и средней группами памятников майкопской культуры[53].

Таким образом, мы видим, что значение Усть-Джегутинского могильника определяется не столько тем, что здесь, на одном памятнике, открыто сразу такое количество разновременных комплексов майкопской культуры. Оно заключается, главным образом, в том, что эти комплексы содержат исключительно интересные и ценные данные, позволяющие ставить очень важные вопросы, в том числе касающиеся проблемы генезиса майкопской культуры.

---

[49] Там же, стр. 111, рис. 33—34.
[50] Т. Б. Попова. Ук. соч., табл. XII.
[51] А. А. Формозов. Ук. соч., стр. 80.
[52] А. А. Формозов. Ук. соч., стр. 76.
[53] А. А. Формозов. Ук. соч., стр. 83, табл. 2.

В. А. ИЛЬИНСКАЯ

СКИФСКИЕ КУРГАНЫ ОКОЛО г. БОРИСПОЛЯ

Территория к востоку от Днепра, между Киевом и Кременчугом, представляет собой особую ландшафтно-географическую зону Среднеднепровской Лесостепи. Это безлесная, слабо дренированная и слабо пересеченная равнина. По рельефу местности, характеру почв и растительности она во многом напоминает южноукраинскую степь, представляя как бы широкий степной коридор, далеко проникающий в глубь лесостепной полосы, достигая на севере чуть ли не границ Полесья.

До недавнего времени сколько-нибудь систематических исследований скифских памятников на этой территории не производилось. То немногое, что было известно о них, происходит из сборов на дюнах у края днепровской поймы и из раскопок курганов у сел: Веремеевка, Гладковщина, Софиевка, Сеньковка и др. Материалы из этих раскопок не дают полного представления о характере скифской культуры на этой территории. Предварительно складывается впечатление, что погребения VI—V вв. отличаются здесь как бы смещением черт, присущих правобережному и левобережному варианту культуры скифского типа.

На равнине левого берега Днепра в разных местах, начиная от широты Киева и южнее, находится большое число курганных полей и отдельных курганов, составляющих неотъемлемую принадлежность пейзажа. Одно из наиболее крупных сосредоточений курганов расположено вдоль долины Трубежа. Начинаются эти курганные поля приблизительно на 55 *км* к востоку от Киева по Харьковскому шоссе за Борисполем и тянутся на юго-восток к Переяслав-Хмельницкому, образуя крупные группы у сел Иванков, Рогозов, Любарцы, Ерковцы и у совхоза Старинской птицефабрики.

Несмотря на близость к Киеву, курганы эти, как, впрочем, и многие другие курганные группы Приднепровского Левобережья, почти совершенно не раскапывались.

К исследованию курганов между Борисполем и Переяслав-Хмельницким приступила в 1961 г. Скифско-Среднеднепровская экспедиция Института археологии АН УССР под руководством А. И. Тереножкина. В настоящей статье мы освещаем общие результаты раскопок, произведенных в 1961—1963 гг. За это время здесь было раскопано 24 кургана, 6 из которых оказались древнеямными, а 18 скифскими.

В 1963 г., по предложению А. И. Тереножкина, для выделения курганов со скифскими погребениями был успешно применен ручной геологический бур. При буренин насыпи скифские курганы легко распознавались по наличию над погребенной почвой толстого слоя глубинного лессового выкида из характерных для скифов глубоких могильных ям.

В 1961 г. было раскопано пять небольших курганов к юго-западу от с. Иванков в урочище Боярище, на 44 *км* по автостраде Киев — Харьков [1]. Здесь проходит долина ныне почти совсем исчезнушей речки Альты, место

[1] О результатах работ этого года см. Е. В. Яковенко. Некрополь скіфського часу біля м. Бориспіль. «Археологія», XVIII, Київ, 1965.

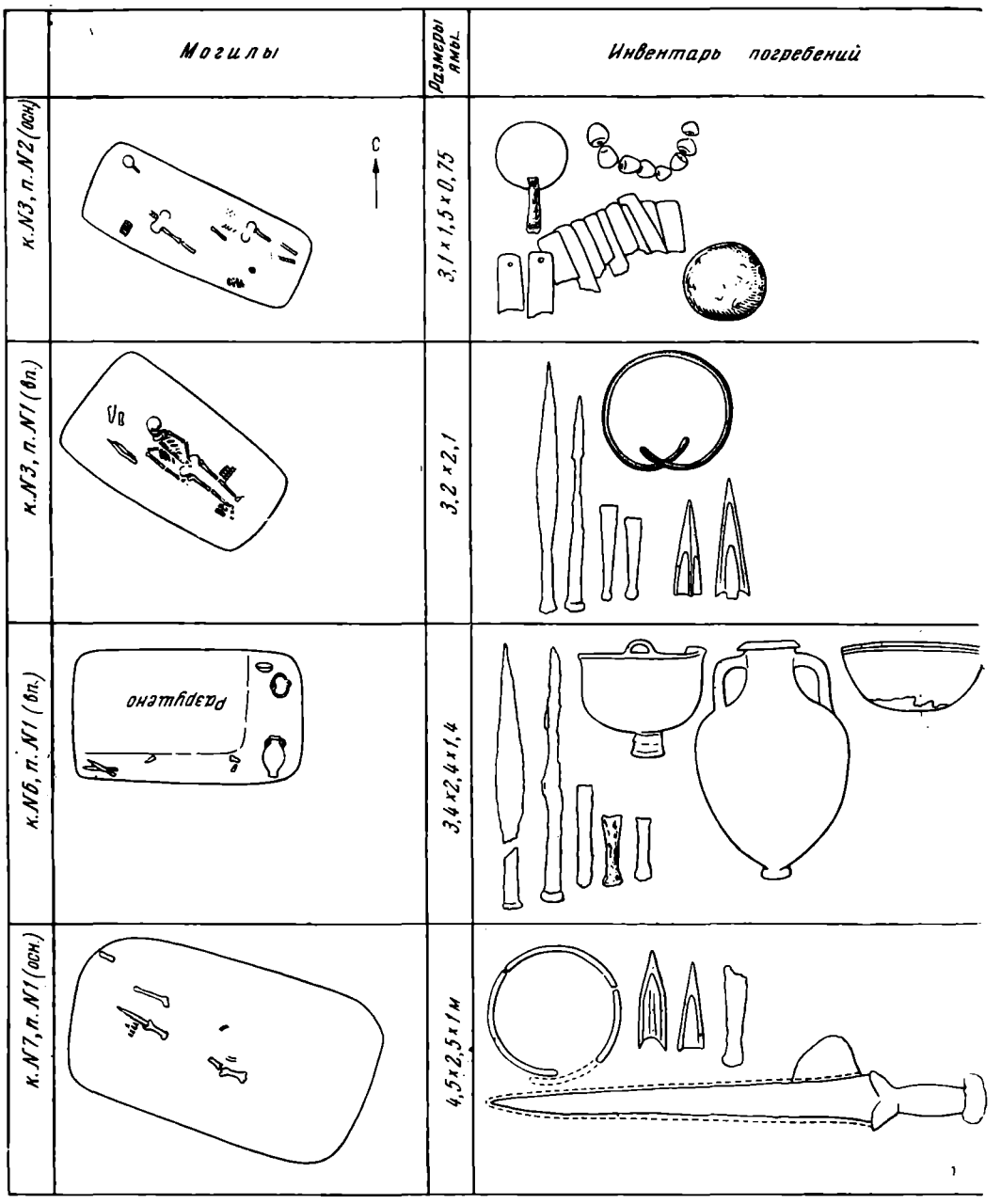


Рис. 1. Скифские погребения у с. Иванков

в недавнем прошлом заболоченное, пересеченное невысокими песчаными грядами, на которых и насыпаны курганы. Насыпь сложена из песчанистого чернозема, подстилающая почва — песок. Все курганы оказались скифскими и содержали от одного до трех погребений (рис. 1), в большинстве своем разграбленных. Только в кург. № 4, кроме скифского захоронения, под полой было обнаружено древнеямное захоронение.

Все погребения находились в больших ямах до 1,5 *м* глубиной со следами деревянного перекрытия, иногда со следами пола или обшивки стен. Могильные ямы ориентированы по длине с запада на восток, иногда с отклонением к северо-западу. Большинство погребенных ориентировано головой на запад, хотя встречаются и случаи восточной ориентировки (рис. 1).

В кург. № 3 в центральной могиле оказались два костяка. Голова женского костяка находилась на уровне колен мужского. Среди остатков инвентаря, сопровождавшего женское погребение, найдены бронзовое зеркало и стеклянные бусы; из вещей, сопровождавших мужчину,— части боевого пояса, пращевой камень.

В кург. № 6, в сохранившейся части могилы, найдены: три копья, бронзовый котел, амфора солохинского типа, бронзовая греческая чаша.

В кург. № 7 при разграбленном костяке, слева от бедра, лежал меч с боковым выступом на ножнах, колчан со стрелами, вток копья, три обломка серебряной гривны.

Наибольший интерес представляет оставшаяся не разграбленной впускная могила, открытая в южной части кург. № 3, в 5 *м* от центра.

Яма отчетливо прослеживалась от поверхности насыпи. Глубина ее — 1,5 *м*. На уровне погребенного чернозема могила была перекрыта двойным накатом из бревен. Нижний ряд лежал продольно, а верхний — поперечно. Глубина ямы ниже перекрытия равнялась 0,8 *м*.

На дне лежал костяк взрослого мужчины, вытянуто на спине, головой на северо-запад. На шее у него была золотая гривна из гладкого стержня с заходящими концами; справа от черепа лежали наконечник дротика и копья, у ног — железные втоки от них; судя по их положению, можно установить, что длина древка достигала 1,75 *м*. Вдоль левого бедра были обнаружены остатки кожаного колчана, в котором находилось 63 наконечника стрел, положенных остриями вниз. Выше головы лежали кости животных от жертвенного мяса.

Все вещи из упомянутых погребений относятся к IV в. до н. э. Инвентарь чисто скифский. Уже в первый год раскопок обратило на себя внимание полное отсутствие местной лепной керамики.

Работы 1962—1963 гг. были сосредоточены на землях совхоза Старинской птицефабрики и с. Любарцы. Это участок водораздела рек Трубежа и Днепра. Почвенный слой составляет чернозем, подстилающий горизонт — лессовидный суглинок.

Здесь нами раскопано 12 скифских курганов. Из 16 открытых погребений 12 оказались в катакомбах и 4 в ямах с деревянными склепами.

Погребения в трапециевидных катакомбах

Шесть погребений находились в катакомбах одного определенного устройства. Входные ямы с уступами, дно опускается ко входу, деревянный заслон перед устьем катакомбы. Входная яма отделена от камеры узким проходом, обширная камера трапециевидной формы. В стороне, противоположной входу, сделана материковая ступенька — ложе для главного погребенного. Этот тип погребального устройства открыт в кург. № 2, 3 у Старинской птицефабрики и в кург. № 4 в с. Любарцы.

Курган № 2. Старинская птицефабрика (рис. 2). Высота 3 *м*, диаметр 30 *м*. В центре, над погребенным черноземом находилось пятно материкового выкида 5—6 *м* в поперечнике и до 30 *см* толщиной.

Входная яма ориентирована по линии восток— северо-запад, запад — юго-запад. На глубине 1,25 *м* — симметрично расположенные угловые уступы. Сверху яма оказалась засыпанной глиной выкида, а ниже ступенек уступа — черной землей. Дно покато понижалось с глубины 2,1 *м* у южной стороны до глубины 2,33 *м* у северной, ко входу в катакомбу.

На стенках заметны следы прямоугольного тесла шириной 5,5 *см*. Северная сторона, где находился вход в катакомбу, от верха до дна была заставлена заслоном из 13 вертикально стоящих досок.

Устье катакомбы имело форму арки 1,8 *м* ширины, 1,3 *м* высоты. Оно было плотно забито чистой материковой глиной. При расчистке удалось заметить, что глина была сваляна сырцовыми вальками. Толщина забивки 0,7 *м*.

Погребальная камера была расположена к северо-востоку от входной ямы. Длина ее 3,2 *м*, ширина у противоположного входу конца 3,2 *м*, дно на 25 *см* ниже дна входной ямы (2,6 *м* от погребенного чернозема).

Вдоль северо-восточной широкой части камеры находилась материковая ступенька 1,2 *м* шириной, возвышающаяся над дном ямы на 15 *см*.

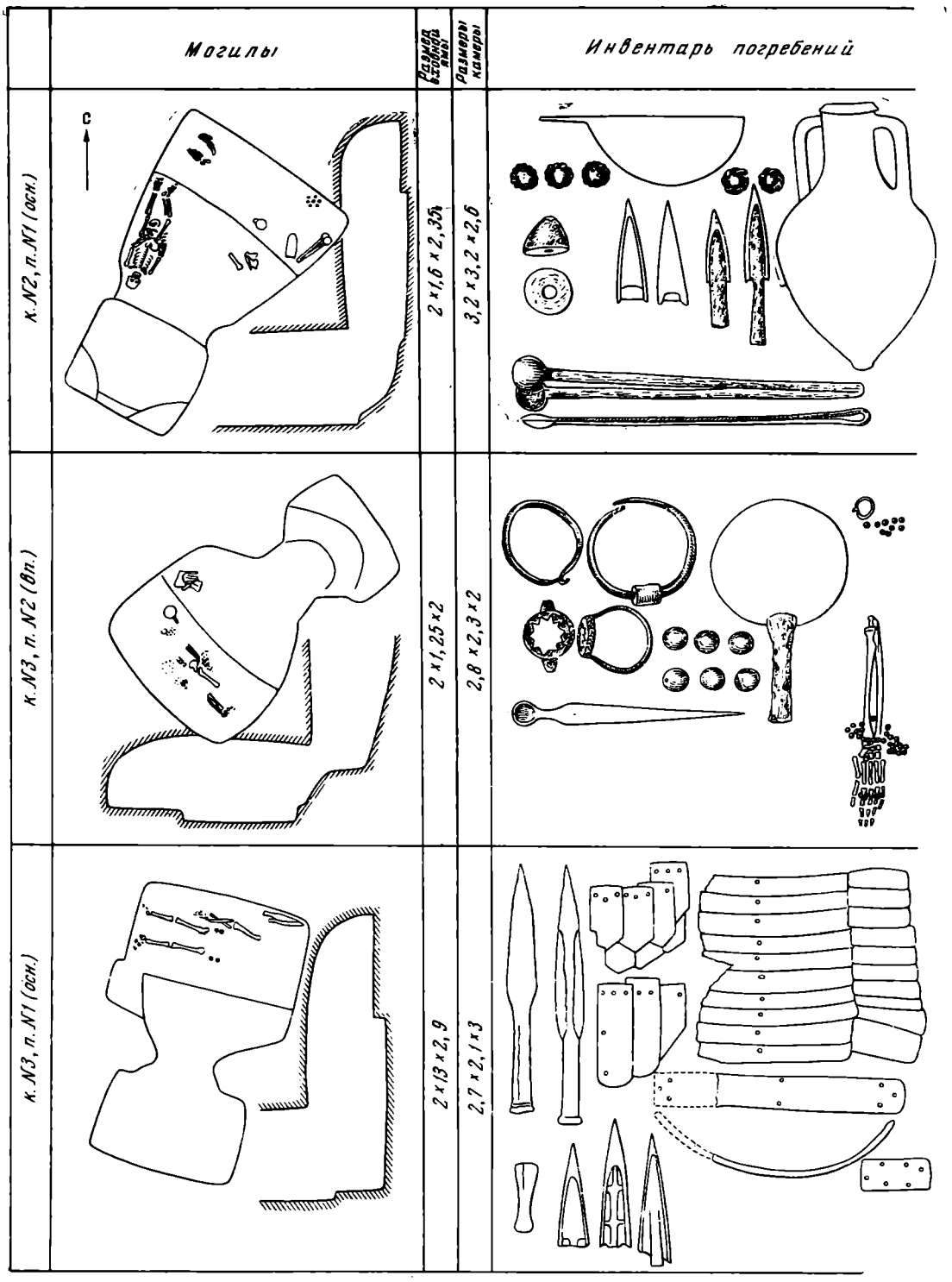


Рис. 2. Погребения в трапециевидных камерах. Курганы № 2, 3 у Старицкой птицефабрики

Все дно погребальной камеры было покрыто ковром, красновато-волокнистый тлен которого хорошо прослеживался при расчистке. В одном месте на ступеньке удалось различить узоры в виде линейных полос и квадратов красного, коричневатого и черного цвета.

Погребение оказалось ограблено. Грабительский ход начинался от подошвы кургана и выходил как раз над ложем-ступенькой, где находился главный погребенный. На месте сохранились лишь кости ног взрослого мужчины. Очевидно, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юго-восток. На месте головы было найдено 36 золотых бляшек-розеток с отверстиями для нашивки. За головой у верхнего конца ступеньки лежал колчан, от которого сохранился тлен кожи и дерева, и наконечники стрел,

лежавшие в четыре ряда. Из них 37 бронзовых и 40 железных. Колчан застегивался при помощи небольшой бронзовой ворварки.

У края ступеньки стояла бронзовая чашечка с округлым дном и плоской трапециевидной ручкой, рядом лежало небольшое шило с деревянной ручкой. Здесь же находились железные щипцы (44 *см* длиной) с округлыми, слабовыпуклыми чашечками на концах. Возле ступеньки было положено жертвенное мясо — часть таза и ноги быка, а также нож с костяной ручкой.

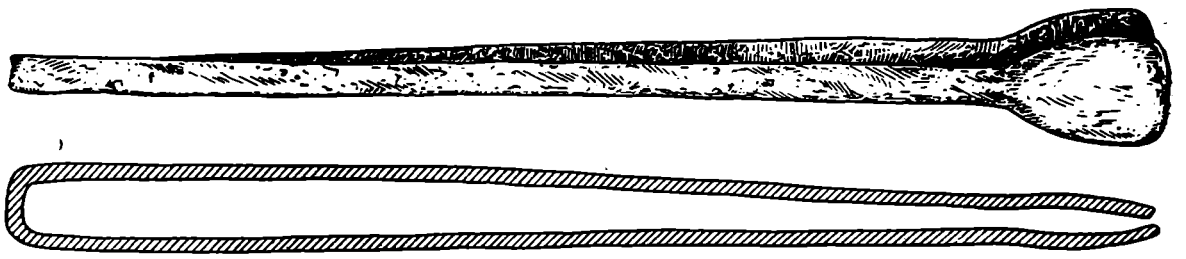


Рис. 3. Железные щипцы из кург. № 2 у с. Яблоновка

В пониженной части катакомбы, вдоль стены, головой на северо-запад (по направлению ко входу) лежал костяк молодой женщины. Правая рука прямая, кисть левой, согнутой в локте, находилась на нижней части живота. Между бедренными костями лежали остатки костяка грудного младенца не старше трехмесячного возраста. Вещей при погребенной не оказалось. Очевидно, это сопровождающее погребение рабыни-наложницы.

В северной части насыпи кургана, на уровне погребенного чернозема, была найдена разбитая греческая амфора.

Из числа найденных здесь предметов особый интерес представляют железные щипцы неизвестного назначения. Близкие по форме железные щипцы длиной около 56 *см*, с продолговатыми чашечками происходят из кургана V в. до н. э. № 2 у с. Яблоновка (рис. 3) [2].

Курган № 3. Старинская птицефабрика (рис. 2). Высота 2 *м*, диаметр 30 *м*, в центре прослежено пятно глинистого выкида 8 *м* в поперечнике. В кургане оказались две катакомбы, обращенные навстречу друг другу. Катакомба № 1 находилась в центре и содержала погребение мужчины, в катакомбе № 2 в северо-восточной части кургана находилось погребение женщины. Погребение № 1 несомненно основное, погребение № 2, вероятнее всего, впускное.

Погребение № 1. Входная яма ориентирована длинной осью с запада на восток. У южной стороны вырезаны угловые ступеньки. Дно входной ямы понижается с юга на север, ко входу в катакомбу, с глубины 2,7 до 2,9 *м*. На стенках ямы заметны следы тесла с прямоугольным краем, шириной 6 *см*.

Ширина входа в катакомбу 1 *м*, входная яма соединялась с камерой расширяющимся проходом длиной 0,5 *м*. Погребальная камера, как и входная яма, ориентирована по линии запад — восток. Высота свода 1,5 *м*. Форма камеры четырехугольная с довольно правильными углами. В северной части — широкая ступенька высотой 20 *см*, служившая ложем для основного погребения. Ступенька и дно камеры были покрыты ковром, от которого сохранился тлен красновато-коричневого цвета.

Погребение было ограблено через входную яму. На ступеньке сохранились кости ног и правая рука взрослого, но не старого мужчины большого роста. Погребенный лежал вытянуто, головой на восток, ноги свободно раскинуты. Очевидно, он погиб в бою или умер от раны. В колене правой ноги, между большой и малой берцовой костями застрял бронзовый трехгранный наконечник стрелы. Остальные кости скелета были разбросаны.

[2] Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 118 сл.; Б. Н. Граков. Древности Яблоновской курганной группы из раскопок Д. Я. Самоквасова. ТСРАНИОН, II, М., 1928, стр. 75.

Погребенный, по-видимому, был облачен в панцирь. На месте грудной клетки сохранилось большое пятно ржавчины, разбросанные здесь ребра и позвонки имеют следы железного окисла. На месте сохранилось несколько кусков панциря. На уровне таза по бокам найдены по две костяные ворварки от шнурков, которыми затягивается панцирь. Среди многочисленных обломков панциря, найденных по ходу грабительской мины, имелись обломки от нарукавной части [3].

За головой лежали два наконечника копий, возле бедра левой ноги сохранился след полосы перержавевшего древесного тлена, очевидно от ножен железного меча. В разных частях могилы найдено несколько бронзовых наконечников стрел и обрывок золотой ленты с волнистым орнаментом.

В этой могиле был погребен воин в панцирном доспехе — всадник или тяжеловооруженный пехотинец. Тип копий и наконечников стрел позволяет отнести это погребение к IV в. до н. э.

Погребение № 2. Катакомба погр. № 2 находилась на расстоянии 3 *м* от катакомбы № 1. Входная яма ориентирована по длинной оси с СЗ на ЮВ. Ступеньки — с северо-западной стороны. Камера соединена с входной ямой проходом длиной 0,8 *м*. Дно камеры на 50 *см* ниже дна входной ямы.

Погребальная камера четырехугольно-трапециевидной формы. Со стороны, противоположной входу, находилась ступенька-ложе шириной 1,25 *м*, возвышавшаяся на 20 *см* над уровнем пола. Погребение ограблено через входную яму, однако ко времени ограбления свод камеры рухнул, поэтому часть погребения оказалась непотревоженной.

На ступеньке-ложе находился полуразрушенный костяк молодой женщины. На месте сохранились четыре позвонка, левая часть таза, бедро левой ноги, голень и стопа правой, кисть правой руки, лучевая, локтевая и кисть левой руки. Погребение было вытянутое, головой на юго-запад. При погребенной найдены: две золотые серьги из свернутой в кольцо золотой проволоки (одна из них с каменной бусиной), на уровне головы слева — серебряное зеркало с железной ручкой, на пальцах правой руки были два, а на левой — один золотой перстень с круглыми щитками и эмалевыми вставками. Рукава одежды были обшиты каймой из золотых блях в виде полукруглых чашек. Такая кайма из 38 подобных блях полностью сохранилась выше запястья левой руки. В земле, окружающей погребение, было найдено еще 68 бляшек подобного типа и серебряный туалетный предмет — зубочистка-уховертка, очевидно греческой работы. В земле над местом погребения найдено глиняное пряслице. У ступеньки, на дне, лежала вырезка туши животного и железный ножик с костяным черенком.

Тип золотых украшений позволяет датировать это погребение также IV в. до н. э. Единство плана и устройства обеих катакомб позволяет видеть в них захоронения членов одной семьи. По устройству гробниц и имущественному положению женское и мужское захоронения равны.

Курган № 4 у Любарецкого поселка (рис. 4). Высота 1 *м*, диаметр 24 *м*. Этот курган мы назвали «могилой отца и двух сыновей». В нем оказалось три погребения в катакомбах, входные ямы которых были расположены по линии север — юг, с расстоянием между ними в 4 *м*. Центральная могила, как это отчетливо было видно по разрезу кургана, являлась основной, боковые были впускными.

Центральное погребение. Входная яма имела форму неправильного четырехугольника, ориентированного сторонами по странам света. Длина (север — юг) 1,3, ширина 1,25 *м*. Вдоль восточной стороны две ступеньки. Глубина дна 2,55 *м*. Катакомба трапециевидная, расширяющаяся от устья к тыльной стороне, высота свода 90 *см*. У тыльной стороны — ступенька

---

[3] Описание сохранившихся частей панциря и реконструкция его сделаны в статье Е. В. Черненко. Панцири скіфського часу. «Археологія», XVIII, стр. 92.

шириной 0,9 *м*, высотой 0,1 *м*. Могила ограблена. На ступеньке сохранились лишь кости ног взрослого мужчины, судя по положению которых, скелет лежал вытянуто на спине, головой на юг. Слева от головы лежал железный наконечник копья, рядом стоял чернолаковый греческий килик с отбитой в древности ручкой. Вправо от пояса погребенного было разбросано 17 на-

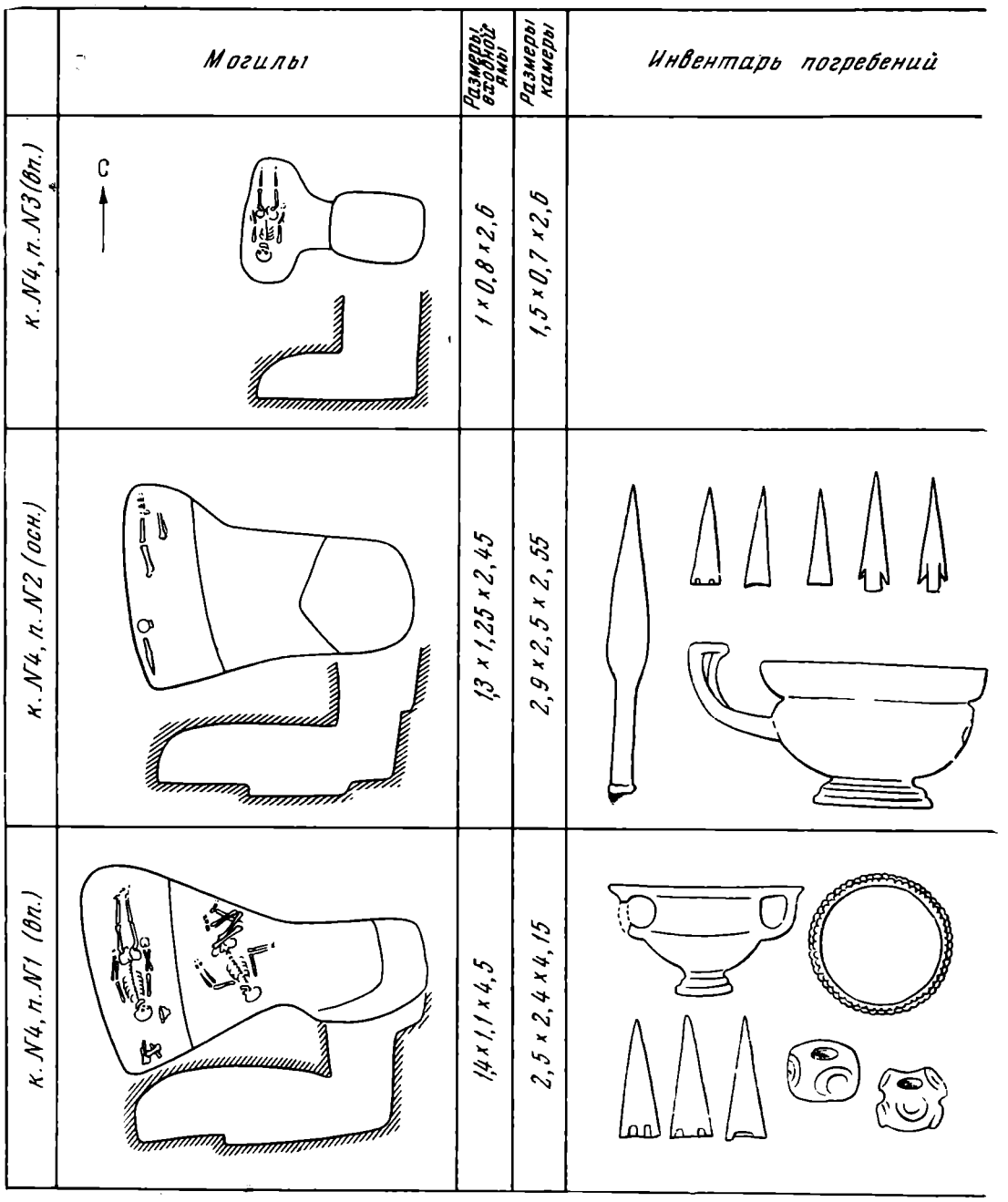


Рис. 4. Погребение в катакомбах с трапециевидными камерами. Курган № 4 у Любарецкого поселка

конечников стрел, оставшихся от унесенного грабителями колчанного набора.

В камере, помимо сброшенных со ступеньки костей мужского скелета, оказались кости второго женского костяка. Так как на ступеньке, судя по положению ног, мог находиться только один погребенный, сопровождающее погребение женщины, очевидно было, на дне, в пониженной части катакомбы, как и в кург. № 2.

Южная катакомба (погребение № 1). Входная яма ориентирована по длине с востока на запад. Вдоль восточной стороны — ступенька. Катакомба трапециевидной формы. Высота свода 95 *см*, дно на 20 *см* ниже

входной ямы. Вдоль западной стены сделана лежанка высотой 15 *см*, шириной 1,1 *м*. Погребение не ограблено.

На ступеньке обнаружен скелет юноши-подростка, не старше 15 лет [4], лежавшего на спине вытянуто, головой на юг. За головой были сложены кости молодого быка (от жертвенного мяса) и нож с костяной ручкой. Непосредственно у черепа стоял чернолаковый канфар, на шее найдены три крупные стеклянные бусины. В кисть правой руки, повернутой ладонью вниз, был вложен серебряный браслет с тремя рядами выпуклин. Вдоль бедра левой ноги находились остатки кожаного колчана и в нем 51 наконечник стрелы. Под колчаном лежал еще один нож с костяной ручкой.

Возле ступеньки, на дне катакомбы находился второй скелет — человека 18—20 лет. Этот человек был небрежно сброшен или засунут в могилу, о чем говорит его неестественное положение — поджатые переплетенные ноги, раскинутые руки, вещей не было. Очевидно, это сопровождающее погребение раба или рабыни.

Оба погребения датируются IV в. до н. э.

Северная катакомба (погребение № 3). Входная яма ориентирована длинной осью с запада на восток. Катакомба вырыта поперек могильной ямы, высота свода 0,5 *м*. В этой маленькой катакомбе находилось погребение ребенка 7—8 лет, ориентированное головой на юг. Вещей при погребении не оказалось.

Единство плана и общность устройства гробниц указывает на то что здесь, как и в кург. № 3, погребены члены одной семьи.

Погребения в продольных катакомбах (рис. 5)

Следующую группу составляют захоронения в продольных катакомбах, у которых входная яма и камера находятся на одной оси. Такие погребения были открыты в шести курганах (№ 7, 8, 12, 15, 16, 17) у Старинской птицефабрики.

Курган № 7. Старинская птицефабрика. Высота 0,7, диаметр 25 *м*. В центре находилось пятно выкида, бóльшая часть которого была сброшена во входную яму. Входная яма ориентирована по длине с ЮВ на СЗ. Вдоль юго-восточной стороны сделаны три ступеньки. Глубина ямы 2,65 *м*. Юго-западная стена, в которой находился вход, была заставлена дубовыми досками. Ширина входа 0,6, высота 0,55, длина 0,25 *см*. Погребальная камера имела вид коробового свода (высота 0,9 *м*), вырытого по той же оси, что и входная яма (с СЗ на ЮВ). Дно камеры — на одном уровне со дном входной ямы.

Погребение ограблено, из вещей здесь сохранились три бронзовых наконечника стрел IV в. до н. э., костяная ручка от ножа и бронзовая булавка длиной 18 *см* с навершием в виде плоской лопасти. Стержень булавки — четырехгранный сверху и круглый книзу, его нижний конец имеет утолщение в форме вязального крючка, в котором проделано вертикальное отверстие. Среди памятников скифской культуры этот тип булавок весьма редок, единственный известный нам подобный предмет происходит из кургана у с. Прусы на Черкашине [5].

Курган № 8. Старинская птицефабрика. Высота 40 *см*, диаметр 16 *м*. В центре прослежено пятно выкида в поперечнике 3,5 *м*, толщиной до 25 *см*. Верхняя часть входной ямы засыпана выкидом. Входная яма ориентирована длинной осью с юго-востока на северо-запад, ширина 1,2 *м*. С северо-западной стороны имеется ступенька. Дно ямы понижается с глубины 2,15 до 2,45 *м* у юго-восточной стороны, устье имеет аркообразную форму.

---

[4] Антропологические определения сделаны Г. П. Зиневич.

[5] ДП, II, Киев, 1899, табл. VIII, *242*.

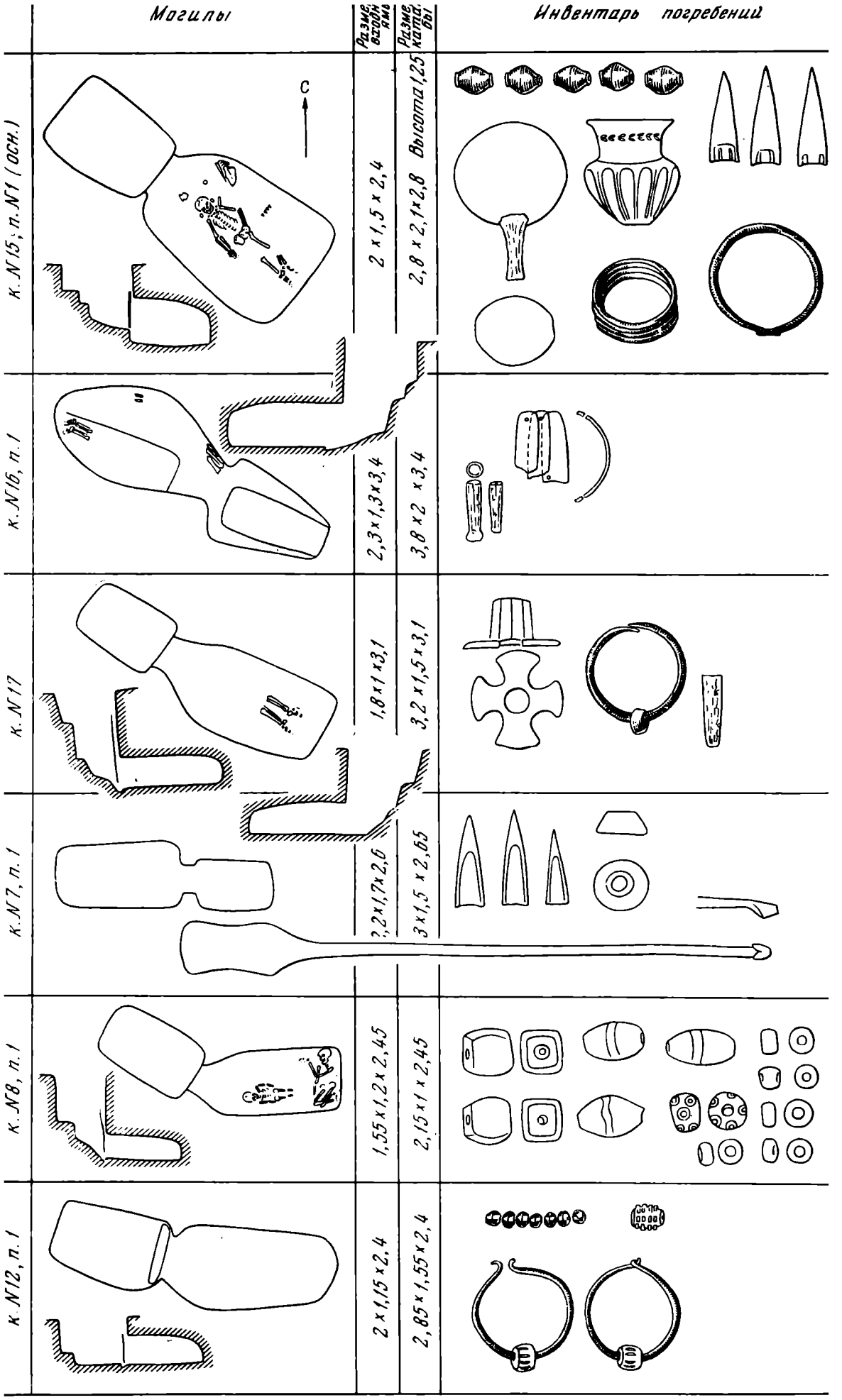


Рис. 5. Погребения в катакомбах с продольными камерами. Старинская птицефабрика

Камера расположена слегка под углом к входной яме и имеет ту же ориентировку. Свод камеры высотой 0,8 *м* имел коробовую форму.

Погребение оказалось неразграбленным. Основным в этой могиле было погребение ребенка в возрасте 1—2 лет. Он был положен на спине, головой на запад, ко входу. На шее найдены пять крупных бусин, на запястьях рук — по три бусины.

В ногах младенца, поперек узкой катакомбы, в скорченном положении лежал костяк подростка на правом боку, головой на север. Вещей при нем не оказалось. Очевидно, это сопровождающее погребение рабыни-няньки при умершем младенце.

Курган № 12. Старинская птицефабрика. Распаханная насыпь имела вид пятна 10 *м* в диаметре. Входная яма ориентирована длинной осью с запада на восток. Вдоль западной стенки сделана ступенька. Дно ямы понижается к востоку до 2,4 *м*. Вдоль восточной стены был сделан деревянный заслон из вертикально поставленных жердей, нижний конец которых был закреплен в канавке глубиной 15 *см*.

Камера с коробовым сводом. В катакомбе оказалось разрушенное грабителями парное захоронение мужчины и женщины. Из вещей здесь сохранились: две золотые проволочные серьги с надетыми на них бусинами, 17 золотых округлых бусин, спаянных из двух половинок, железное шильце и белая фаянсовая бусина.

Курган № 15. Старинская птицефабрика. Высота 30 *см*. Вокруг центра прослежен глинистый выкид. Входная яма, ориентированная ЮВ — СЗ, засыпана глиной выкида. Вдоль северо-западной стенки сделаны две ступеньки, ниже которых дно наклонно ко входу в катакомбу. Дно ямы перед входом 2,4 *м*. Вход в катакомбу был перекрыт заслоном из дубовых жердей до 15 *см* толщины.

Дно камеры на 40 *см* ниже дна входной ямы.

В камере находилось погребение молодой женщины не старше 18 лет. Костяк лежал в середине погребального помещения, головой на северо-запад, со свободно раскинутыми вдоль тела руками. На лицевых костях заметны следы красной краски, которой были покрыты щеки; на шее найдено шесть золотых бус, у висков две золотые сережки из согнутой в кольцо проволочки, на руке — серебряный браслет в виде пружины из четырех витков. Под левой лопаткой лежало бронзовое зеркало с железной ручкой, торчавшей из-под плеча, рядом было положено веретено с глиняным пряслицем, железная игла; за головой стоял чернолаковый греческий сосуд и лежали остатки жертвенного мяса (лопатка и ребра быка), рядом положен железный нож.

Влево от кисти левой руки лежало пучком, остриями вниз, семь бронзовых наконечников стрел.

Этот курган дал новый случай захоронения женщины с оружием.

Курган № 16. Старинская птицефабрика. Высота 0,7 *м*, диаметр 20 *м*. В центре находилось пятно материкового выкида 8 *м* в поперечнике, толщиной до 0,3 *м*.

Входная яма, засыпанная глиной выкида, была ориентирована с ЮВ на СЗ, вдоль юго-восточной стороны сделаны две ступеньки. Дно опускалось с глубичны 2.8 до 3,4 *м* ко входу в катакомбу, находящемуся в северо-западной стене. Камера продольная, высота свода 0,9 *м*. Вдоль юго-западной стены была оставлена невысокая лежанка высотой 0,1 *м*, шириной 1,3 *м* и длиной 2,5 *м*. Погребение разграблено. На ступеньке нетронутыми остались только кости ног ниже колен взрослого мужчины большого роста. Судя по ним, погребенный лежал вытянуто, головой на юго-восток. Там, где находилась голова и грудная клетка, лежанка была покрыта толстым слоем тлена. Находка двух втоков указывает, что в могиле находилось два копья. В заполнении камеры найдены кусочки звеньев от бронзовой обкладки пояса, железные обломки копья или меча. Перед входом лежали кости ноги коня от жертвенного мяса и железный нож.

Курган № 17. Старинская птицефабрика. Высота 0,7 *м*, диаметр 16 *м*. Входная яма ориентирована с запада на восток. У западной стороны оставлены две ступеньки. Дно ямы покато понижается к устью до глубины 3,1 *м*. Перед входом поперек ямы была вырыта канавка шириной 30 *см*, глубиной 10 *см*, в которую были укреплены нижние концы жердей деревянного заслона.

Камера продольная, ориентирована так же, как и входная яма. Погребение разграблено.

На месте сохранились лишь кости ног ниже колен. Погребенный лежал посередине камеры вытянуто, на спине, головой на запад. Разбросанные в камере кости принадлежали одному взрослому мужчине. Из вещей найдены: золотая проволочная серьга с нанизанной на нее янтарной бусиной, бронзовая ворварка цилиндрической формы, на одном конце которой имеется крестовина, и железный вток от копья.

При входе в камеру, слева, лежали кости от жертвенного мяса и, видимо, нож, оставивший следы ржавчины.

Погребения в ямах (рис. 6)

Курган № 1. Старинская птицефабрика. Высота 2,2 *м*, диаметр 34 *м*. В центральной части кургана оказались две гробницы.

Погребение № 1 находилось в четырехугольной, почти квадратной яме, ориентированной по линии ССВ — ЮЮЗ со сторонами около 3 *м*. Глубина 1,4 *м*. На стенках ямы остались следы истлевшего дерева от обшивки. На расстоянии 50 *см* от углов прослежены четыре ямки от столбов диаметром 15—20 *см*, глубиной 20—35 *см*. На дне ямы сохранились следы деревянного пола: доски шириной 20 *см* лежали в направлении с севера на юг.

Средняя часть пола гробницы разрушена грабительским ходом, идущим от подошвы кургана.

В разрушенном погребении было найдено несколько украшений, среди которых две золотые кольчатые серьги с надетыми на них тремя подвесками в виде четырехгранных колокольчиков, украшенных голубовато-зелеными вставками из стекловидной массы; шесть золотых бусин, из которых три гладкие и три с зернью; амфоровидная подвеска с зернью; 68 полушарных золотых бляшечек с петельками или отверстиями для нашивки; восемь серебряных бляшек в виде бантиков из двух соединенных чашечек; 13 пастовых бус и две глиняные. В разных местах ямы и в грабительском ходу найдено 12 бронзовых наконечников стрел. В северо-западном углу могилы на дне лежали остатки жертвенного мяса быка — кости ноги и несколько ребер и железный нож с костяной ручкой.

Под восточной стенкой гробницы был сделан особый подбой, заложенный со стороны погребальной камеры глиной. Дно его на 15 *см* ниже дна могилы. В этом подбое находилось погребение молодого раба или рабыни. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на север. На запястье правой руки был надет плохо сохранившийся железный браслет.

Погребение № 2 расположено к востоку от первого. Яма ориентирована с ЮВ на СЗ. Погребение ограблено таким же образом, как и первое. На дне могилы видны следы коричневатого тлена, найдено незначительное количество костей человека и украшения: 12 золотых полушарных бляшек и 30 серебряных бляшек в виде бантиков.

Курган № 6. Старинская птицефабрика. Один из крупных курганов данной группы, высота его 4,2 *м*, диаметр 32 *м*. Известен под названием «Сошников курган».

Под насыпью кургана находилось погребение в яме, в деревянной гробнице, к северо-западу от которой была могила верхового коня.

Могильная яма прямоугольной формы ориентирована длинной осью с ЮВ на СЗ, с юго-западной стороны к яме вел покато опускающийся дромос длиной 1,6 *м*, шириной 60—75 *см*.

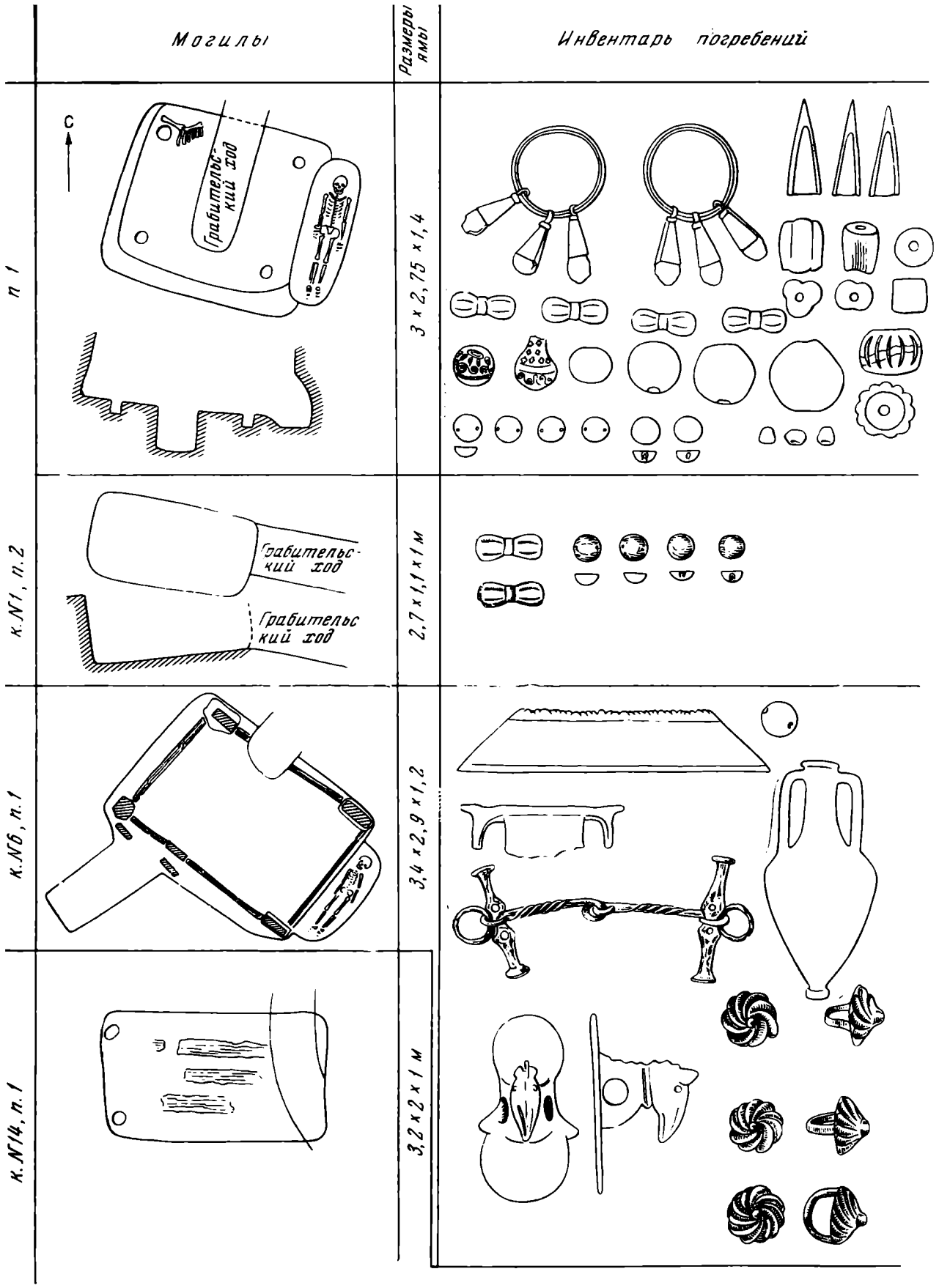


Рис. 6. Погребение в ямах. Курганы Старинской птицефабрики

В яме был сооружен деревянный склеп 3,4 *м* длиной, 2,6 *м* шириной. Стенки его были сделаны из горизонтально положенных досок между угловыми столбами. Угловые столбы имели вид прямоугольных в сечении брусьев шириной 32—45 *см*, толщиной 13—15 *см*. Столбы были зарыты в грунт на глубину от 50 до 75 *см*. Два столба находились по сторонам дромоса у входа в склеп.

Деревянные доски обшивки подходили впритык к угловым столбам, не заходя за них и не имея какого-либо особого заруба для закрепления. Ширина досок 38—40 *см*, толщина 5 *см*. С северо-западной стороны сохранились остатки двух досок, поставленных одна на другую. Нижняя сторона доски была опущена в ровик глубиной 10 *см*, вырытый на дне ямы вдоль стенки. Между земляной стенкой ямы и склепом остался небольшой промежуток, засыпанный доверху древесным углем. Противоположная, юго-восточная стенка была облицована таким же способом.

У юго-западной и северо-восточной стенок деревянная облицовка оказалась двойной. Пространство между двумя рядами облицовки было засыпано древесным углем.

Пол был устроен следующим образом: вдоль боковых (северо-восточной и юго-западной) стенок было положено по одной доске шириной 25 *см*. Доски и земляной пол были засыпаны затем древесным углем, еще горячим, так как грунт в центре был слабо обожжен. На угли поперек ямы в направлении СВ — ЮЗ были положены доски пола шириной 25—30 *см*. Наличие гигроскопического угля способствовало необыкновенно хорошей сохранности деревянных частей склепа, что позволило проследить его устройство во всех деталях.

Склеп сверху был перекрыт плоским деревянным накатом, упирающимся концами в края ямы. Он состоял из дубовых плах шириной 20—25 *см*, лежащих вплотную в один ряд поперек могилы.

Погребение оказалось ограбленным еще в то время, когда деревянные части склепа были совершенно целы. Одна из досок пола перед входом, вырванная грабителями, так и осталась лежать на деревянном полу по диагонали.

На полу гробницы и по ходу грабительского лаза найдены: крупные части амфоры (которую удалось восстановить), обломки чернолакового килика, костяная пластинка с резьбой (возможно, от ларца), железная ворварка, обломок железного стержня, кость животного со следами окиси меди, указывающими, по-видимому, на то, что здесь находился бронзовый котел, и золотая полушарная бляшечка.

В юго-восточной стене склепа, за деревянной доской, находился подбой 1,9 *м* длиной, 0,5 *м* шириной, 0,3 *м* высотой. Доска, закрывавшая подбой, служила одновременно и облицовкой стены склепа.

В подбое лежал скелет подростка — жертва, сопровождающая захоронение основного покойника. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на СВ. Погребенный был засыпан углем, по-видимому, еще горячим, так как кости правой половины скелета оказались обожжены. Вещей при погребенном не оказалось.

Поскольку рабов хоронили обычно в ногах основных погребенных, следует полагать, что несохранившиеся костяки основного погребения в кург. № 1 и 6 были ориентированы головой на запад.

Погребение коня. В 1,2 *м* к СЗ от центральной могилы находилось погребение коня, положенного в яму длиной 2,25 *м*, шириной 1,35 *м*, глубиной 0,7 *м*, перекрытую сверху досками.

Лошадь была положена на животе с поджатыми ногами, головой на ЮВ. Сохранились металлические части узды. У морды лежали железные удила с витыми стержнями, в наружные кольца которых вставлены железные псалии с восьмерковидным расширением в средней части и шляпками на концах. Кроме того, в кольца удил вставлены железные глухие кольца для повода. Найден серебряный налобник в виде плоского щитка с отходящей

от него головкой фантастического животного. В основании головки сделано круглое отверстие для ремня. В разных местах обнаружено шесть одинаковых серебряных блях в виде выпуклых витых розеток с шишечкой в центре и петлей с обратной стороны. У нижней челюсти лежало железное кольцо. Второе железное кольцо найдено на правой лопатке, третье — на тазовых костях. Возле ребер лежала железная четырехугольная пряжка.

Вскрытая в кург. № 6 гробница, несомненно, принадлежала знатному лицу из сословия всадников.

Курган № 14. Старинская птицефабрика. Высота 0,6 *м*, диаметр 16 *м*. Могильная яма ориентирована длинной осью с запада на восток. Яма была перекрыта поперек бревенчатым накатом, в значительной степени нарушенным при ограблении. Дно ямы было покрыто досками шириной 25—30 *см*, лежавшими продольно. Часть их также была уничтожена во время ограбления. Могила оказалась полностью разграбленной.

* *
*

Произведенные раскопки интересны во многих отношениях. Выясняется, что скифские курганы IV в. до н. э. здесь довольно обычны и концентрация их не меньше, чем в степи. Курганы отличаются от памятников VI—V вв. до н. э., известных на этой же территории, и находят ближайшее соответствие в курганах степной кочевой Скифии. Некоторым своеобразием описанных катакомб можно считать лишь устройство высоких лежанок, аналогии которым в курганах степной Скифии нам пока не известны.

Здесь, так же как в степи, преобладает западная ориентировка погребенных и так же не всегда она выдержана абсолютно строго.

Возникает вопрос, не являются ли погребения в ямах могилами какой-то иной группы населения, связанного с земледельческими племенами Лесостепи? Нам представляется, что это не так. Погребения в ямах и катакомбах одновременны. И там и здесь встречаются одинаковая античная керамика и одинаковые золотые украшения. Территориально они не разграничены. И там и здесь преобладает одна ориентировка, встречаются сопровождающие захоронения рабов.

Кроме того, как известно, в степной Скифии имеется немало погребений в ямах, в том числе в ямах с деревянными склепами. Таковы погребения у дер. Щеглово в степном течении Донца [6], курганы у с. Новогригорьевки Запорожской обл. [7], курганы у с. Большая Знаменка [8], у Никополя [9], у с. Мироновка [10], у с. Самбросовка на Херсонщине [11], в кургане Дорт-Оба в Крыму [12], в никопольских курганах, опубликованных Б. Н. Граковым [13], в могильнике у с. Кут [14], большинство погребений на Кичкасе [15] и др.

---

[6] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года. Тр. XIII АС, М., 1907, стр. 334.

[7] Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли, стр. 121—122.

[8] Там же, стр. 111.

[9] Г. Павлуцкий. Предметы античного вооружения, найденные в Екатеринославском уезде. АЛЮР, 1, 1890, стр. 37.

[10] В. Ястребов. Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губ. ЗООИД, XVII, Одесса. 1894, стр. 136—137.

[11] АЛЮР, стр. 92.

[12] А. О. Кашпар. Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, произведенные проф. Н. И. Веселовским в июле и августе 1892 года. ИТУАК, 16, Симферополь, 1892, стр. 115.

[13] Б. Н. Граков. Скифские погребения на Никопольском курганном поле. МИА, 115, 1962, стр. 56 сл.

[14] Д. Т. Березовець. Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скіфського часу в с. Кут. АП, IX, Київ, 1960, стр. 39 сл.

[15] А. В. Добровольский. Звіт за археологічні досліди на території Дніпрельстану р. 1927. Збірник ДКІАМ. Дніпропетровськ, 1929; П. Смолічев. Археологічні розкопи на терені Дніпрельстану в с. Кічкасі, Запорізької округи, в вересні — жовтні р. 1927. Там же.

Не приходится говорить, что обнаружение скифских степных некрополей на широте Киева у границ Полесья — явление новое и неожиданное. До сих пор северным пределом распространения скифских погребений в катакомбах считался бассейн Тясмина на южной окраине Лесостепи. Наличие их здесь рассматривалось всеми исследователями как доказательство проникновения сюда скифского этнического элемента.

Теперь мы можем говорить, что в IV в. до н. э. скифские кочевые племена, продвигаясь вдоль левого берега Днепра, доходили до границ Полесья, и не только доходили, но и освоили эти места в качестве постоянных кочевий, о чем свидетельствует количество скифских курганов.

Это новая, не известная нам ранее, сторона истории скифов. В данном случае граница проникновения скифов на север полностью совпадает с пределами северного ареала Скифии, подтверждая, что военное и политическое господство кочевых скифов распространялось на область лесостепной полосы. Тем самым открываются новые, еще не учтенные нами возможности в осмыслении взаимоотношений кочевых скифов и оседлых земледельческих племен скифской культуры.

Но интерес бориспольских курганов заключается не только в этом. Они дали ценный материал для понимания социально-имущественных отношений, существовавших в среде простых скифов. Сопоставление этих данных с курганами рядовых скифов степной полосы позволяет углубить представление о составе скифской семьи в IV в. до н. э. и имущественно правовом положении отдельных ее членов.

В бориспольских курганах оказалась очень ярко представленной низшая социальная группа скифского общества — сословие рабов-слуг, находившихся в услужении у свободных скифов. Характер погребений в ряде случаев позволяет определить, кем являлись эти лица при жизни и в качестве кого они положены в могилу. Интересно отметить, что погребения рабов встречаются не только в особо богатых курганах, но и в могилах простых скифов и членов их семей. Таково, например, захоронение рабыни-няньки в кург. № 8. Случай этот не единственный и имеет ряд аналогий в степи.

В кург. № 7 у с. Кут впускное погребение № 3 в катакомбе содержало захоронение девочки. При погребенной оказалось много бус, золотой перстенек, греческий канфар, белила, деревянный сосуд. В ногах ребенка лежал скорченный костяк очень молодой служанки без вещей [16]. В этом же кургане в катакомбе погребения № 2 находилось захоронение ребенка с украшениями и вырезкой жертвенного мяса. Во входной яме на дне оказалось погребение взрослого человека без вещей.

В кург. № 12 у с. Кут открыто впускное погребение в яме. При детском костяке, лежавшем вытянуто на спине, найдены два пряслица, бусы. Рядом было костяк взрослого человека в скорченном положении; под черепом найден лишь кусочек бронзовой проволочки.

Нам известно несколько случаев погребений служанок-рабынь в могилах богатых скифянок — в курганах Мордвиновском, Мелитопольском. Такие случаи известны и в могилах простых скифов. В кург. № 5 у с. Широкое на Херсонщине [17] во впускной катакомбе была погребена женщина. При ней найдены: зеркало, пряслица, греческие сосуды. Рядом в скорченном положении лежал еще один женский костяк, при котором оказалось лишь пряслице и несколько бусин.

Погребение молодой женщины с ребенком, положенным между ее ногами, совершенное в мужской могиле кург. № 2 у Старинской птицефабрики, едва ли можно понять иначе, чем сопровождающее захоронение ра-

---

[16] Д. Т. Березовець. Ук. соч.

[17] Раскопки Е. В. Черненко 1961 г.

быни-наложницы с ее грудным ребенком. По-видимому, с аналогичным случаем мы встречаемся и в раскопанных погребениях в кург. № 4 у с. Любарцы.

Основное погребение в кург. № 10 у с. Кут содержало групповое захоронение мужчины, женщины и ребенка. При женщине вещей не было. Возможно, это подобный же случай, хотя разница в социальном положении погребенных подчеркнута здесь не так резко.

Все приведенные данные говорят о довольно значительном распространении рабства в быту простых скифов. Социальная и имущественная пропасть разделяла рабов и свободных. Рабские погребения обычно инвентаря не имеют, лишь изредка при них встречается какое-нибудь простенькое украшение. Нередко рабы были погребены в скорченном положении в ногах или даже за пределами основного помещения погребальной камеры. Все это заставляет предполагать существование довольно жестоких и суровых форм рабства, а также известную многочисленность рабов, находившихся в услужении скифов. Очевидно, рабыня-наложница или рабыня-нянька, положенные в могилу в качестве сопровождающих лиц, были не единственными невольницами в данной семье.

Основными захоронениями в курганах, как правило, являются погребения мужчин-воинов. Характеристика этой группы захоронений особенно трудна потому, что основная масса их оказалась жестоко разграбленной. Тщательность, с которой производились ограбления, указывает на наличие в них определенных ценностей, привлекавших грабителей.

Среди неразграбленных мужских могил может быть выделена группа захоронений воинов, принадлежавших, по-видимому, к самому бедному сословию рядовых скифов. Погребения этого рода были открыты в курганах у Никополя, у с. Кут, у Белозерского городища, на о. Кичкас.

В составе инвентаря обычны: жертвенное мясо и нож, пара копий, колчан со стрелами, в отдельных случаях — меч. Очевидно, постоянной принадлежностью являлся также легкий щит из дерева, обтянутого кожей, подобный найденному в погребении № 3 кург. № 24 у с. Кут. Изредка помимо оружия встречаются отдельные предметы украшений: серьги, браслеты, греческие сосуды для вина.

Таким образом были погребены легковооруженные пехотинцы, количество которых в скифском ополчении, по данным письменных источников, было весьма велико. В наших раскопках к этой категории относится скиф с золотой гривной, погребенный в кург. № 3 у с. Иванков.

Не исключено, впрочем, что с таким инвентарем по существовавшему обычаю хоронили молодых воинов, не достигших самостоятельного имущественного и социального положения в семье и обществе.

Несомненно, что взрослые мужчины, погребенные в кург. № 2, 3, 6 и некоторых других курганах Старинской птицефабрики, принадлежали к более высокой социальной группе скифского населения, полная характеристика которой, к сожалению, не ясна.

В отличие от скифских курганов VI—V вв. до н. э., где, как правило, встречается всего одно основное погребение мужчины-воина, скифские курганы IV в. до н. э. все чаще выступают как усыпальницы прочих членов семьи. Во многих курганах, помимо основного мужского захоронения, встречаются впускные могилы женщин, подростков, детей и некоторых других лиц. Изучение этих погребений помогает определить состав скифской семьи и сложившиеся в ней отношения.

В кург. № 3 Старинской птицефабрики были вскрыты мужская и женская гробницы, не уступающие друг другу по устройству могильного сооружения и инвентарю. Материкового выкида на погребенном черноземе в женской могиле не оказалось, из чего следует, что женское захоронение было совершено позднее и не связано непосредственно с захоронением мужчины. Это не могила насильственно умерщвленной жертвы, а, так сказать, соединение после смерти двух близких между собою лиц. С подобным

явлением мы встречаемся и в ряде других случаев. В кург. № 7 у с. Кут в центральной части также оказались обращенные навстречу друг другу мужское и женское погребения в катакомбах. В мелитопольском кургане погребение пожилой богатой женщины оказалось первоначальным, а погребение знатного воина было сделано позднее, после чего курган был досыпан вторично и оба захоронения оказались под одной насыпью [18]. Во всех указанных случаях обстановка мужского и женского погребений обнаруживает их родственную близость и сравнительно высокое общественное положение погребенной таким образом женщины, не уступающее положению мужчины.

По-видимому, такое положение в семье могла занимать старшая из жен, взятая из сильного богатого рода, что обеспечивало ей сравнительно высокое положение и независимость. Легко заметить огромную разницу в общественном положении этой категории женщин по сравнению с рабынями-наложницами.

Среди впускных погребений в скифских курганах IV в. до н. э. встречается немало женских могил. Большинство погребений в катакомбах совершено по обычному обряду, левая рука погребенной часто бывает согнута в локте, а кисть ее лежит на нижней части живота. Наиболее характерными предметами женского инвентаря являются: бронзовое зеркало (часто клавшееся под лопатку), веретено с глиняным или свинцовым пряслицем, железное шило. Обычны предметы украшений — бронзовые, реже золотые, кольцевидные сережки, часто с надетой на них бусиной, проволочные браслеты, бусы от ожерелий или обшивки одежды по вороту и рукавам. Традиционно жертвенное мясо на деревянном блюде. Встречаются греческие канфары или килики, изредка простые лепные сосуды — горшочки и кувшины.

Едва ли можно сомневаться в том, что это могилы свободных скифянок, членов рядовых небогатых семей.

Имеются данные, указывающие, что не только невольницы-рабыни, но и свободные скифские женщины, возможно из числа младших жен, могли быть приносимы в жертву при погребении главы дома.

Интересный пример этому дает курган № 45 у с. Белозерки [19]. Здесь в центральной катакомбе находилось захоронение мужчины в сопровождении женщины и ребенка. Мужчина лежал в центре, при нем было два копья, два колчана со стрелами, канфар, амфора, напутственное мясо. Слева была положена женщина. При ней: бронзовое зеркало, пряслице, бронзовые серьги и браслет, чернолаковый сосуд, жертвенное мясо. При ребенке (справа от мужчины) лежали лишь семь бус.

Инвентарь мужского погребения соответствует обычно встречающемуся в могилах рядовых скифских воинов; инвентарь женского погребения вполне аналогичен тому, который сопровождает одиночные захоронения свободных скифянок.

Приведем еще один пример. В кург. № 13 у экскаваторного парка близ рудника Орджоникидзе, под Никополем, в 1964 г. было открыто погребение скифского воина в сопровождении женщины. Основное погребение — мужчина большого роста в возрасте старше 40 лет. Он, очевидно, погиб в бою, о чем свидетельствует бронзовая стрела, обнаруженная в шейных позвонках. При нем оказались: железное копье, два дротика, боевой топор. Отличительную особенность убора составлял пояс, обшитый 115 серебряными позолоченными бляшками. К поясу был подвешен колчан со 180 наконечниками стрел.

---

[18] А. И. Тереножкин. Скифский курган в г. Мелитополе. КСИА, 5, 1955, стр. 23 сл.

[19] Г. Л. Скадовский. Белозерское городище Херсонского уезда Белозерской волости и соседние городище и курганы между низовьем р. Ингульца и началом Днепровского лимана. Тр. VIII АС, III, М., 1897, стр. 152—153.

Погребенная с ним женщина была очень молода, не старше 15—16 лет. Она была положена в ногах мужчины, поперек катакомбы у южной стены. На пальцах рук ее было четыре золотых перстня, на висках находились серебряные серьги с золотыми подвесками, на шее и груди — россыпь из золотых бляшек и золотых пуговок, которыми была расшита одежда. Рукава были богато расшиты золотыми бляшками, цветными пастовыми бусами, серебряными и электровыми амфоровидными подвесками. В составе инвентаря погребенной оказались, кроме того: бронзовое зеркало с железной ручкой, положенное под лопатку, три пряслица, греческий сосуд.

Сравнительное богатство погребального убранства и состав погребального инвентаря, традиционный для захоронений свободных скифянок, указывает, что погребенная женщина вряд ли была рабыней-невольницей. Юный возраст ее по сравнению со зрелым возрастом мужчины позволяет видеть в ней младшую из жен, а положение в ногах как бы подчеркивает неравенство их общественного положения.

Имеется еще одна своеобразная группа женских погребений, в которых, помимо предметов чисто женского инвентаря: зеркала, пряслиц и украшений,— встречаются предметы вооружения — колчан со стрелами, наконечники копий. Одно из таких погребений было открыто в кург. № 15 (Старинская птицефабрика). На эту группу погребений в свое время обратила внимание О. Д. Ганина [20]. В настоящее время в скифских степных курганах IV в. до н. э. известно не менее 15 женских погребений с оружием. Такое количество указывает, что это не случайность, а определенное устойчивое явление в жизни скифского общества, требующее осмысления.

В кург. № 16 на р. Молочной [21] при погребенной женщине найдены два железных копья, боевой пояс с лежащим поперек него колчаном, а также зеркало, пряслица, ожерелье из бус, три браслета.

В погребении № 4 кург. № 5 у с. Кут при женском костяке лежал колчан со стрелами, бронзовый и железный браслет, два свинцовых пряслица, две бронзовые серьги.

В погребении № 9 кург. № 7 у с. Кут в женской могиле были обнаружены два копья, колчан со стрелами, а кроме того, зеркало, свинцовое пряслице, золотая диадема, серебряное позолоченное кольцо, чернолаковый килик [22].

В погребении № 1 кург. № 21 у Никополя в женской могиле находились колчан со стрелами, свинцовое пряслице, бронзовые браслет и серьга, пастовые бусы и глиняный сосуд [23].

В кург. № 3 на Кичкасе при женщине были обнаружены два копья, колчан со стрелами, свинцовое пряслице, золотые бусы, обшивка из золотых бляшек в виде зайчиков на груди, сосуд [24].

Во всех случаях в могилах были также положены традиционная вырезка мяса и железный нож.

Пять подобного типа женских могил с оружием были открыты в работах Скифской Никопольской экспедиции Института археологии АН УССР в 1964 г.

В отличие от прочих женских захоронений, погребения скифянок с оружием являются основными в курганах, а не впускными, как большинство прочих женских могил, т. е. они приравниваются в этом отношении к погребениям воинов-мужчин.

---

[20] О. Д. Ганіна. До питання про жіночі поховання зі зброєю скифського часу. Праці КДІМ, 1, 1958, стр. 183.

[21] О. І. Тереножкін. Кургани в долині р. Молочної. АП, VIII, Київ, 1960, стр. 63.

[22] Д. Т. Березовец. Ук. соч., стр. 52.

[23] Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 67 сл.

[24] М. Рудинський. Археологічна розвідка на Дніпрельстані. Збірнік ДКІАМ, стр. 52 сл.

Выясняется еще одна деталь: в тех случаях, когда было сделано антропологическое определение, удалось уточнить, что погребенные были молодыми женщинами.

О подчиненном положении скифских женщин мы знаем из письменных источников. Об этом свидетельствуют ряд женских могил и сопровождающие жертвоприношения свободных скифянок в могилах мужчин. Однако в их среде существовала какая-то группа женщин, пользовавшихся большим уважением и свободой, что напоминает положение женщин у сармат. Если в дальнейшем наблюдение о преимущественно молодом возрасте скифянок с оружием подтвердится, то можно будет высказать предположение, что молодые девушки до замужества пользовались большой свободой и правами. Известно, что сарматские девушки не имели права вступать в брак, пока не убьют хотя бы одного врага (Геродот. IV, 17). Говоря об их склонности к военным упражнениям, Геродот отмечает, что они стреляют из лука, бросают дротики — это полностью совпадает с видами оружия, встречаемыми в женских могилах. Однако при этом привычка к женскому труду подчеркивается тем, что в могилу неизменно клали веретена и иглы.

Другим возможным объяснением этого явления могут служить брачные союзы скифов с сарматскими женщинами.

В некоторых впускных погребениях в катакомбах или ямах инвентарь ограничивается колчаном со стрелами и вырезкой напутственного мяса. В тех случаях, когда было сделано антропологическое определение, удалось установить, что это захоронения подростков юношеского возраста [25]. К этой общественной категории в наших раскопках относится, например, юноша-подросток из кург. № 4 у Любатинского поселка.

В самых бедных инвентарем скифских погребениях обычно встречается вырезка напутственного мяса и неизменный железный нож. К сожалению, антропологических наблюдений в этом случае сделано не было. Можно лишь отметить, что погребальные сооружения и костяки в этих случаях оказываются сравнительно небольшими и вряд ли принадлежали взрослым мужчинам [26].

Определение пола и возраста в этом случае имеет большое значение, иначе естественное деление по полу и возрасту можно принять за имущественно-социальное, что может привести к ошибочным выводам. Так произошло при оценке состава населения, изученного по погребениям в курганах у с. Белозерки. Оценивая результаты исследований, малоопытный автор раскопок Г. Л. Скадовский высказал предположение, что здесь, наряду с захоронениями скифских воинов, имеются погребения безоружного земледельческого населения [27].

Этот вывод был некритически воспринят затем рядом исследователей и использован как доказательство существования в степной Скифии безоружных земледельческих племен, зависящих от кочевых скифов. В действительности же погребения без оружия в Белозерских курганах оказываются женскими, детскими или начисто разграбленными.

Среди впускных могил в скифских курганах IV в. до н. э. имеется сравнительно небольшая группа одиночных захоронений взрослых людей в скорченном положении [28]. Инвентарь их очень беден: жертвенное мясо, нож, простое украшение, в одном случае — кучка наконечников стрел. Мы видели, что в скорченном положении нередко хоронили рабов, положенных

---

[25] Таковы погребения № 2 в кург. № 4 группы 13 *км* на Чаплинском канале, погребение № 2 кург. № 13 у с. Капуловка, раскопки 1964 г.

[26] К числу таких погребений относится ряд захоронений могильника у с. Кут. Среди них погребение № 3 кург. № 21; погребение № 8 кург. № 7; погребение № 6 кург. № 22; погребение № 1 кург. № 29; погребение кург. № 7 у Кичкаса.

[27] Г. Л. Скадовский. Белозерское городище..., стр. 96—104.

[28] Погребение № 1 кург. № 24 у с. Кут. Д. Т. Березовец. Ук. соч.: Б. Н. Граков. Ук. соч.; погребение № 3 кург. № 24 у Никополя.

вместе со свободными. Возможно, что и это рабы из числа тех, кто прочно вошел в состав семьи и стал как бы ее членом.

В двух случаях, когда было сделано антропологическое определение, удалось установить, что погребенными по обряду, отличному от принятого, являлись старые женщины, возможно, как полагают исследователи, колдуньи. Одно такое погребение было открыто Б. Н. Граковым у Никополя [29], другое — Л. С. Клейном у с. Троицкого [30].

В первом случае — погребение впускное в катакомбе. Во входной яме лежала часть человеческой руки. Старуха погребена ничком, на животе, перед ней были положены части туши ягненка без головы, на этих костях было найдено пять костяных застежек.

Во втором случае погребение было впускное в яме. Костяк был положен на спине, с поджатыми ногами. Наряду с обычными предметами, среди которых были зеркало, бусы и сосуд, в ногах погребенной лежала кучка необычных вещей: кусок железного шлака, черепок греческого сосуда с отверстием для подвешивания, наконечник стрелы, кремневый отщеп, грузило, камень. Такой странный набор предметов наводит на мысль, что они использовались для гадания и каких-то магических действий.

В курганах IV в. до н. э. часто встречаются погребения детей в катакомбах или ямах. В их инвентаре обычны бусы от обшивки одежды и отдельные украшения — сережки, браслеты, перстеньки, изредка глиняные сосуды.

Количество всех погребений в кургане обычно не превышат четырехпяти. Так, в кург. № 2 у с. Кут оказались три скифские могилы. Центральная — мужская с сопровождающими лицами оказалась ограбленной. Две впускных — женская и детская. В кург. № 13 было четыре погребения: основное мужское, разграбленное; впускные — женское, два детских и разрушенное погребение в грунтовой яме.

Во всех этих случаях скифская семья выступает как сравнительно небольшая полигамная группа, состоящая из главы семьи, его жен, детей и прочих домочадцев, включая рабов.

Дальнейшее изучение скифских погребений поможет нам полнее и более точно восстановить картину состава семьи и положения отдельных ее членов в скифском обществе.

---

[29] Курган № 5, погребение № 12. Группа «Сирко», 1946; Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 80.

[30] Курган № 5, погребение № 12. О. І. Тереножкин. Ук. соч., стр. 145.

М. М. КОБЫЛИНА

КЕРАМИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО ФАНАГОРИИ В IV в.

Комплекс керамических обжигательных печей IV в., открытый в Фанагории на юго-восточной окраине, на территории Керамика, является интереснейшим историческим документом. Такой большой комплекс керамических печей в Северном Причерноморье нам известен только в Херсонесе III—II вв. до н. э.[1] и в Херсонесе средневекового периода [2].

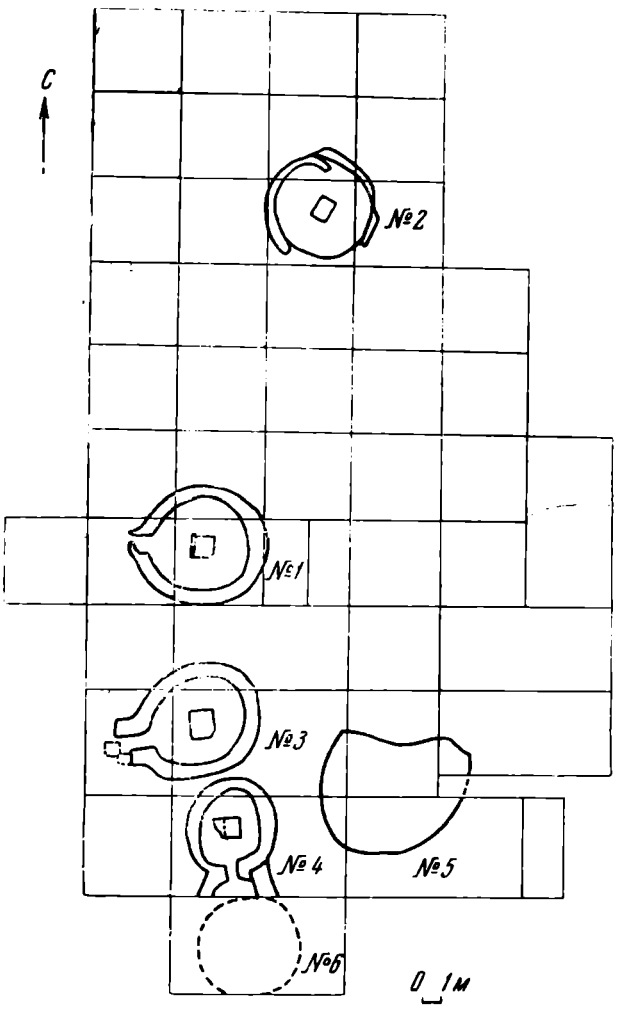


Рис. 1. План комплекса печей IV в. на Керамике в Фанагории

Фанагорийские керамические печи, расположенные на близком расстоянии одна от другой, имевшие огромные размеры, принадлежали, вероятно, или какому-то крупному предпринимателю, или, скорее всего, группе ремесленников. Керамические изделия, открытые при раскопках печей, характеризуют ремесло фанагорийского гончара IV в., широкий размах производства и хорошее качество исполнения.

К настоящему времени на фанагорийском Керамике открыто шесть обжигательных печей IV в. (рис. 1). Печь № 1, лучше всех сохранившаяся, выходила на поверхность городища, была частично раскопана Л. П. Харко в 1929 г. и полностью раскопана и исследована в 1931 г. В. Ф. Гайдукевичем [3]. Вторая печь, от которой сохранилась нижняя часть кольца стен и центрального столба, была открыта в 1953 г. экспедицией ИИМК и ГМИИ [4]. В 1964 г. во время больших охранных работ экспедицией ИА и ГМИИ были раскопаны еще две обжигательные печи (№ 3

[1] В. В. Борисова. Гончарные мастерские Херсонеса. СА, 1958, 4, стр. 144 сл.
[2] А. Л. Якобсон. Гончарные печи средневекового Херсонеса. КСИИМК, X, 1941, стр. 53—62, рис. 22*а* и 22*б*.
[3] В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи. ИГАИМК, 80, М.— Л., 1934, стр. 53—91, рис. 21—49.
[4] М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, 57, 1956, стр. 95, рис. 26.

и 4) и два больших развала печей (№ 5 и 6) [5]. В 1965 г. печи № 3 и 4 были разобраны до основания [6], что дало возможность установить ряд деталей, дополняющих наши представления о конструкции керамических обжигательных печей (рис. 2).

Великолепно сохранившаяся архитектура нижней части обжигательной камеры и топочной части фанагорийской печи, раскопанной в 1931 г., а также керченской печи, исследованной в 1929 г., детально описана В. Ф. Гайдукевичем [7]. Конструкция фанагорийских печей № 3 и 4 очень близка в общем конструкции керченской печи, исследованной в 1929 г., и фанагорийской печи № 1: обе печи, открытые в Фанагории в 1964 г., состояли из двух помещений — нижнего (топочной части) и верхнего (обжигательной камеры), пол которой (под) с жаропроводными отверстиями поддерживался подпорным столбом и системой радиальных арочек, отходящих от столба и соединявших его с кольцевой стеной.

Рис. 2. Общий вид печей № 3 и 4

Рассмотрим отдельно каждую из печей. Печь № 3 (рис. 3 и 4) по размерам близка керченской, которую В. Ф. Гайдукевич считал самой большой из известных в то время печей; ее диаметр вместе со стенками равен 5,50 *м*, внутренний диаметр 4,50 *м* (керченская печь — внутренний диаметр 4,65 *м*). Кольцевая стена топочной части печи № 3 сохранилась в высоту неравномерно: от 0,40 до 1,20 *м*. Печь № 3 в плане имела форму почти правильного круга. Топочное отверстие и топочный канал, как и у печи № 1, обращены на запад — юго-запад (с небольшим отклонением к югу), в сторону, наиболее безветренную. Внутренность печи № 3 была заполнена горелым глинисто-золистым грунтом и множеством обломков обгорелых сырцовых кирпичей различных размеров; крупные куски обвалившихся стенок печи залегали беспорядочными кучами. Топочный канал и вся обращенная к нему западная часть топки были заполнены золой. Под обжигательной камеры был полностью разрушен. От центрального столба, на который опирался под, сохранилось только основание, впущенное на 0,35 *м* в толщину глинобитного пола топочной части печи: это основание — четырехугольное в плане (1,40 × 1,20) со скругленными углами, выделяется только серо-коричневым цветом на желто-красном полу печи. Размеры кирпичей, из которых оно сложено, установить невозможно, так как они превратились в сплошную массу крошки. Как и в печи № 1, пол топочного помещения представлял собою слой глины с песком толщиной 0,15 *м*. Поверхность пола желто-красная, его подстилал пласт глины, смешанной

[5] Печь № 2 находилась на расстоянии 10 *м* к северу — северо-востоку от печи № 1, печь № 3 — на расстоянии 2,70 *м* к югу от печи № 1, печь № 4 — на расстоянии 0,40 *м* к юго — юго-востоку от печи № 3 и развал печи № 5 — на 1,40 *м* к востоку от печи № 4, развал печи № 6 — на расстоянии 2 *м* к югу от печи № 4.

[6] Через эти печи должна была пройти новая автотрасса Тамань — Сенная.

[7] В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч.

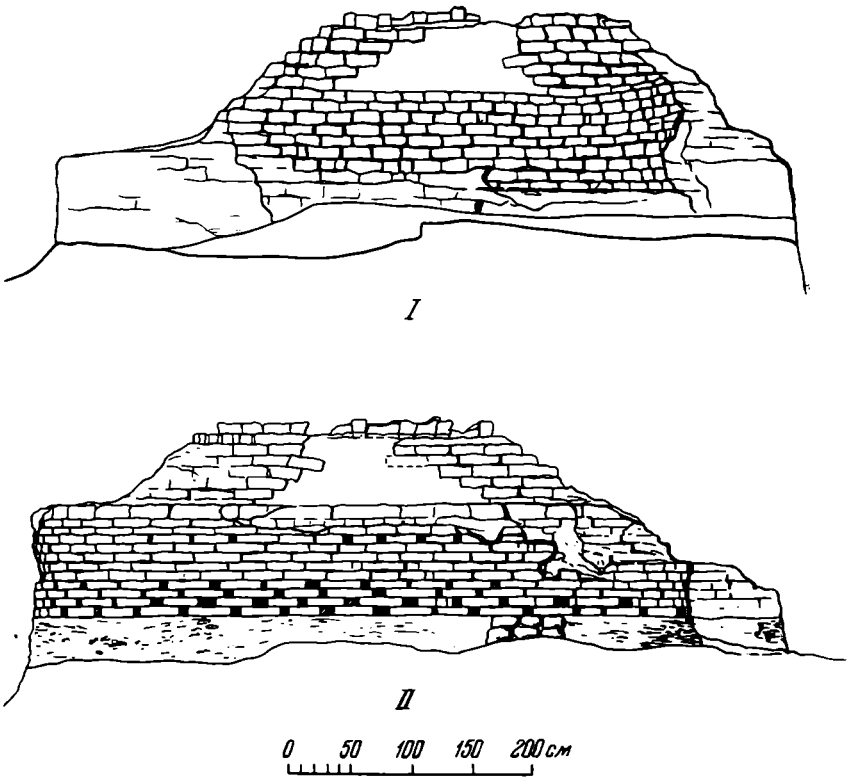


Рис. 3. Печь № 3

I — южный фасад, *II* — северный фасад

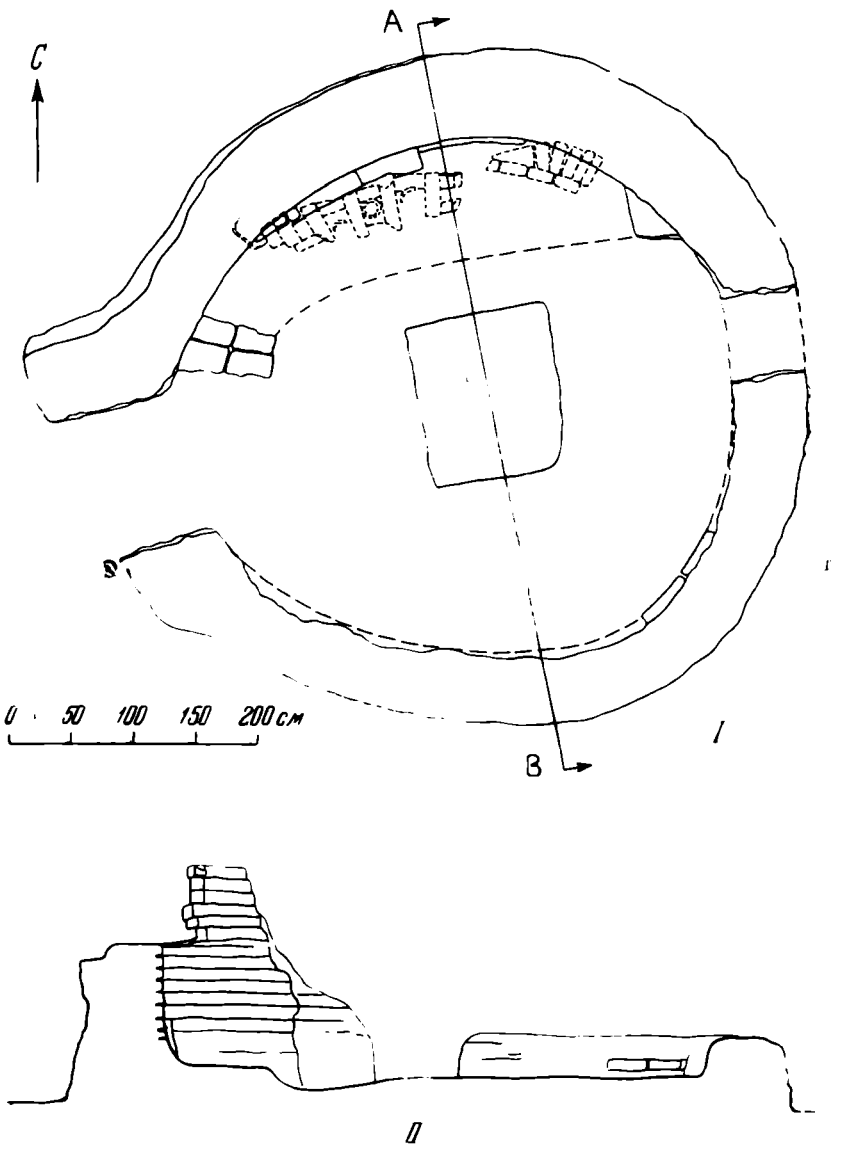


Рис. 4. Печь № 3

I — план, *II* — разрез *A—B*

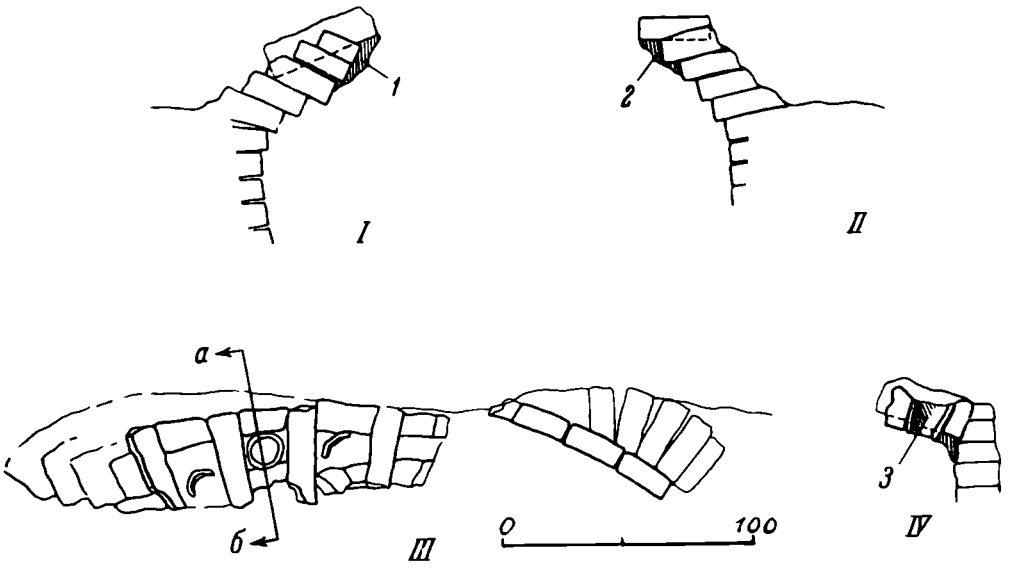


Рис. 5. Печь № 3. Детали свода

I — западное крыло пяты свода, *1* — обмазка глиной; *II* — восточное крыло пяты свода, *2* — обмазка глиной; *III* — план сохранившейся части свода; разрез по линии *а* — *б*; *IV* — жаропроводное отверстие свода, *3* — обмазка глиной

с рубленой соломой, толщиной 0,60—0,65 *м*. Подстил имеет серовато-желтый цвет с зеленоватым оттенком. В той части, которая прилегала к топочному устью, пол был ниже.

Кольцевая стена печи сложена из сырцовых кирпичей, но местами вставлены обожженные кирпичи (очевидно, из старых печей), возможно с целью придать кладке наибольшую устойчивость при усушке. В нижних двух рядах — кирпичи прямоугольные, уложены по радиусам, промежутки засыпаны землей с золой. Лежащие выше ряды выложены из кирпичей трапециевидной формы, плотно один к другому (длина 0,70, ширина 0,37, высота 0,10 *м*). В северо-восточной части кольцевой стены (лучше сохранившейся) имеется 12 рядов кладки. С наружной и внутренней сторон кладка кольцевой стены сильно обгорела, имеет кирпично-красный цвет, тогда как внутренняя часть кладки сохраняет желто-зеленоватый цвет сырцов.

По окружности кольцевой кладки печи, с внутренней стороны, в трех местах сохранилась кирпичная обкладка из узких кирпичей (длина 0.29, ширина 0,10, высота 0,12 *м*). Керченская печь (1929 г.) и фанагорийская печь № 1 имели такую же облицовку с внутренней стороны [8].

В кольце кладки печи № 3 на восточной стороне, против топочного отверстия, имеется проем во всю высоту кладки, шириной внизу 0,70, вверху — 0,60 *м*. В нижней части этот проем заложен обожженным кирпичом. Назначение проема неясно (прочистка от золы? загрузка?).

Высота топочного пространства была больше в топочной части, так как здесь пол был ниже. Топочный канал сохранился в длину не полностью. Ширина его при входе в печь равна 1,20 *м*, потом она сужается до 1,15 *м*; пол канала имеет наклон внутрь печи.

С северной стороны печи сохранилась часть сводчатого перекрытия обжигательной камеры (рис. 5). Здесь, на высоте 1 *м*, кольцевая стена начинает переходить в свод. Расчистка свода, анализ сохранившихся частей, их разбор и фиксация были выполнены архитектором Т. И. Гунькиным. От свода сохранилась часть кладки четырех колец, постепенно сужающихся к центру, каждое с уступом внутрь, размер уступа — 0,06 *м*, верхний уступ меньше, он равен 0.05—0,045 *м*. Свод выложен из кирпичей, формат которых отличается от формата кирпичей кольцевой стены. Их размер — 0,28 × 0,14 × 0,11 *м*.

---

[8] В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 25, рис. 6.

На верхнюю плоскость последнего кольцевого ряда был уложен еще ряд кирпичей, но опять другого формата и раскрепованных следующим образом: удлиненные кирпичи были уложены на ребро по радиусам через промежутки 16 (ближе к центру) — 21 *см* (дальше от центра), при этом с подъемом к центру примерно на 12 *см*. Сохранились четыре таких кирпича, однако неполностью (их длина и ширина была больше), сохранившиеся размеры: длина 0,37, ширина 0,14, толщина 0,11 *м*.

Между этими кирпичами, на расстоянии 0,18 *м* друг от друга, были положены поперечные кирпичи, образующие клетку. Размеры этих кирпи-

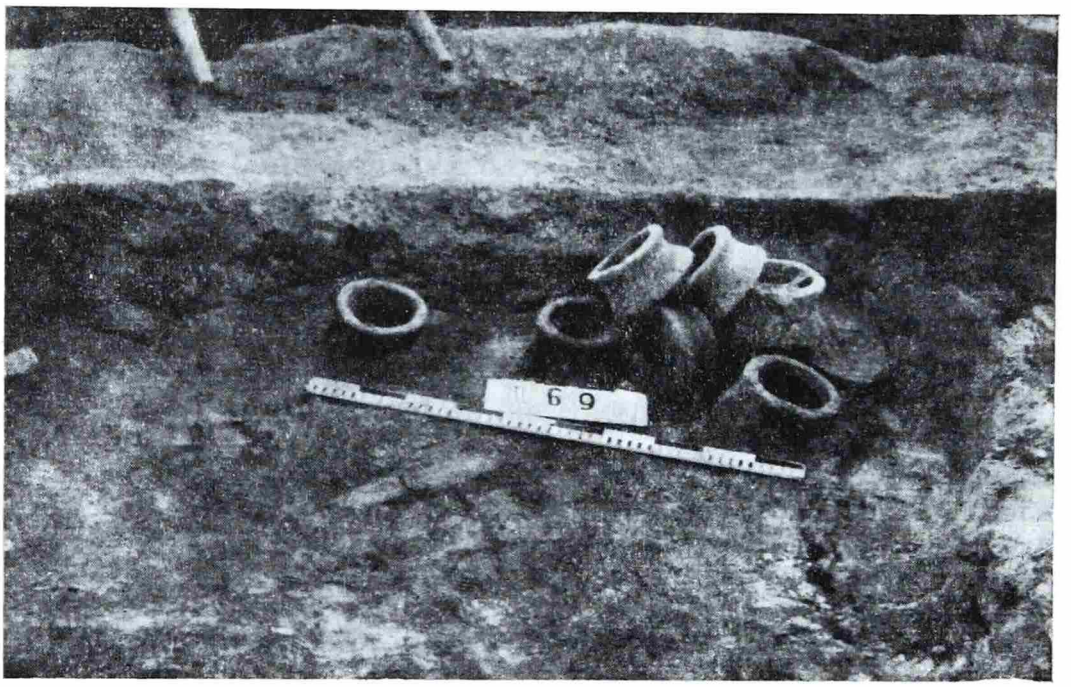


Рис. 6. Подставки для обжига в печи № 3

чей: ширина 0,16, толщина 0,08, длина у ближайших к центру — 0,16 *м*, у более удаленного — 0,21 *м*. При этом кирпич, более удаленный от центра, был поставлен с наклоном нижней части к центру, ближайший же к центру — или прямо или наклонно (в том случае, если было такое же второе кольцо клеток). Была ли вторая клетка — остается неясным, так как в описанной клетке именно второй поперечный кирпич сохранился неполностью, а только частично, радиальные кирпичи в этом месте обрываются. Пустое пространство между кирпичами в каждой клетке было заполнено глиной, в центре этого заполнения были проделаны сквозные отверстия во всю толщу конструкции клетки. Сохранились три несколько деформированных отверстия диаметром 0,12—0,14 *м*. Стенки этих отверстий имели слегка обожженную поверхность, очевидно, от действия нагретого воздуха; некоторые отверстия были как будто обмазаны: на стенках видны следы размазывания глины пальцами в виде параллельных полосок. Такие отверстия, вероятно, служили для регулирования температуры воздуха в обжигательной камере.

В фанагорийской печи № 3 впервые имеются налицо остатки свода, свидетельствующие, что перекрытие было купольным. Купольное перекрытие печей предполагалось, с одной стороны, на основании изображений обжигательной керамической печи на греческих рисунках [9], а с другой — на основании анализа структуры кольцевых стен [10].

---

[9] «Fornax» DAGR. 2, Paris, 1893, стр. 1255, рис. 3200.
[10] В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 81.

Свидетельства сводчатого перекрытия дошли до нас только в эллинистических печах сравнительно небольших размеров, открытых в Херсонесе, но здесь перекрытие другого типа — в виде каркаса из кирпичных ребер [11]. Перекрытия больших печей III—IV веков нашей эры нигде не сохранились, хотя остатки керамических обжигательных печей этого времени имеются во многих местах, особенно на периферии античного мира — в Германии, Италии, Англии, Галлии [12].

Не сохранилось следов перекрытия и в комплексе херсонесских средневековых печей, в конструкции которых А. Л. Якобсон усматривает антич-

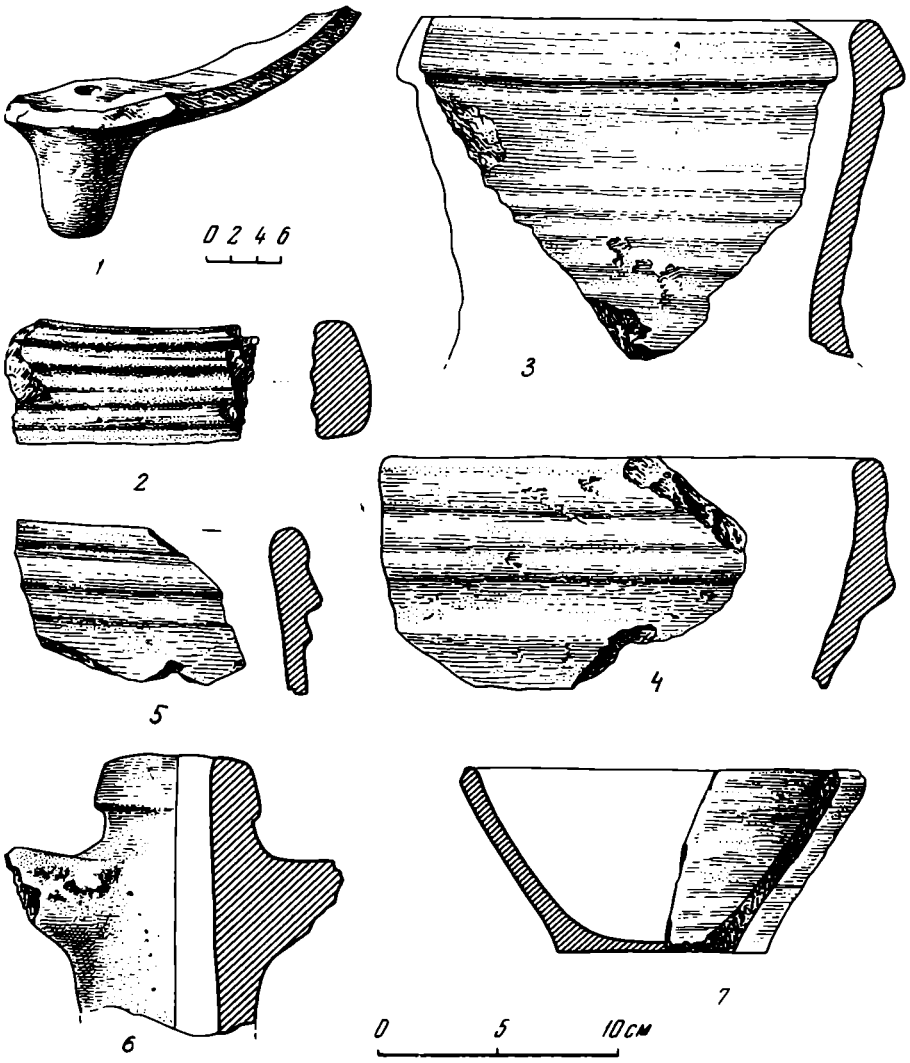


Рис. 7. Фрагменты керамики из печи № 3

1 — дно амфоры; *2* — необожженная ручка амфоры; *3—5* — края широкогорлых амфор; *6* — узкое горло амфоры; *7* — чашка

ные традиции и где предполагает сводчатое перекрытие [13]. Тем большее значение имеют сохранившиеся части свода фанагорийской печи.

Об изделиях, обжигавшихся в печи, свидетельствуют найденные при ее расчистке предметы. У западной стенки печи при расчистке грунта, заполняющего печь, во втором штыке были открыты лежавшие навалом подставки для обжигавшихся сосудов: сверху три, под ними еще шесть (рис. 6). Подставки муфтообразной формы сделаны из фанагорийской глины, очень

[11] В. В. Борисова. Ук. соч., стр. 152, рис. 4 и 9.

[12] R. Cagnot, V. Chapot. Manuel d'Archéologie romaine, II, Paris, 1920, стр. 461; В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 34—36.

[13] А. Л. Якобсон. Ук. соч., стр. 58—60.

тяжелые, устойчивые. Верхний край немного округлый, нижний плоско срезан, снаружи на стенках видны следы заглаживающего плоского инструмента. Размеры подставок очень близкие: высота от 0,10 до 0,12 *м*, верхний диаметр 0,18—0,19 *м*, нижний — от 0,21 до 0,22 *м*, толщина стенок книзу увеличивается: вверху — 0,025 *м*, внизу —0 ,03—0,035 *м*. Отверстия (диаметр 0,03 *м*) расположены одно против другого на 3 *см* ниже верхнего края.

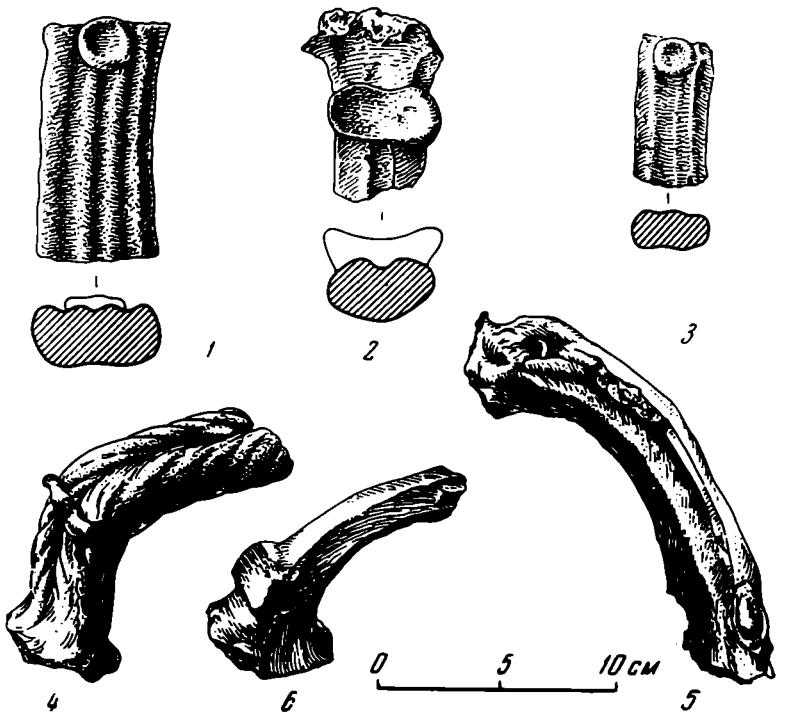


Рис. 8. Фрагменты ручек с налепами из печей № 3 и 4

Только одна из подставок немного больше других, сделана грубее, книзу шире: верхний диаметр — 0,20, нижний — 0,25; высота — 0,12 *м*; диаметр отверстий 2,5 *см*; толщина стенок 1,5 *см*. Близость размеров подставок говорит об известной стандартности размеров тех сосудов, для которых служили подставки, очевидно, прежде всего амфор; при расчистке печи фрагменты амфор были найдены в значительном количестве (рис. 7). Это были круглые днища больших амфор с небольшим округлым выступом, профилированные плоские ручки (одна такая ручка еще не обожженная), обломки широких горловин, ручки с налепами в виде плоских лепешечек (рис. 8), а также куски пифосов. Эта продукция тождественна продукции печи (№ 1) (1931 г.) [14].

Кроме больших простых хозяйственных сосудов в этой печи, видимо, обжигались и другие керамические изделия меньших размеров; в горелом грунте, заполнявшем печь, найдены фрагменты лощеных сосудов с орнаментом в виде лощеных полосок, тарелок с коричневым и черным лощением и др. Интересно, что кроме посуды в печи обжигались светильники и грузила. В топочном отверстии был найден обломок большого семирожкового светильника (рис. 9, *1*), внутри кольца стенки — обгорелая нижняя часть светильника на высокой ножке (рис. 9, *3*). Заслуживает внимания залощенная кость (ребро), бывшая, вероятно, одним из инструментов гончара.

Вторая печь — № 4 (1964 г.) меньше печи № 3 (рис. 10 и 11). Ее наружный диаметр 4,40—4,30 *м*; внутренний диаметр — 3,60—3,40 *м*. Кон-

[14] В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 84, рис. 44.

струкция печи № 4 немного отличается от конструкции печей № 1 и 3; котлован, в котором была сооружена топочная часть печи, имел не прямые стенки, как у печи № 3, а был немного расширен кверху. На профиле южной бровки площади хорошо были видны очертания этой ямы: ее глубина равна 0,95 *м*, ширина внизу — 0,05, вверху — 0,45 *м*. После сооружения сырцовых стенок печи свободное пространство было засыпано землей.

В отличие от печи № 3, здесь, в печи № 4, глинобитное основание толщиной 0,15—0,20 *м* лежало на каменном подстиле (рис. 12), который был заровнен глиной, обломками керамики и черепицы, среди них были найдены фрагменты плоской профилированной ручки и круглой тяжелой ручки амфоры. Высота каменного подстила — 0,14—0,15 *м*; он выступает из-под глиняного основания на 0,05—0,15 *см*, в виде двух рядов (один над другим) камней (песчаника и известняка) неправильной формы, средних размеров. В этом отношении печь № 4 аналогична печи № 2.

На глинобитном основании печи № 4 была возведена кольцевая стена (рис. 13), сложенная из сырцовых кирпичей трапециевидной формы (длиной 0,45, шириной 0,24—0,26 с внутренней стороны и 0,27—0.28 с внешней, толщиной 0,08—0,10 *м*), положенных плашмя по одному в ширину кладки. Кольцевая стена сохранилась на высоту 0,90 *м*. Она не имеет кирпичной обкладки. Внутренняя сторона этой стены покрыта глиняной обмазкой толщиной от 0,5 до 1 *см*: видны следы размазывавших ее пальцев в виде длинных, параллельных полосок шириной до 2 *см*.

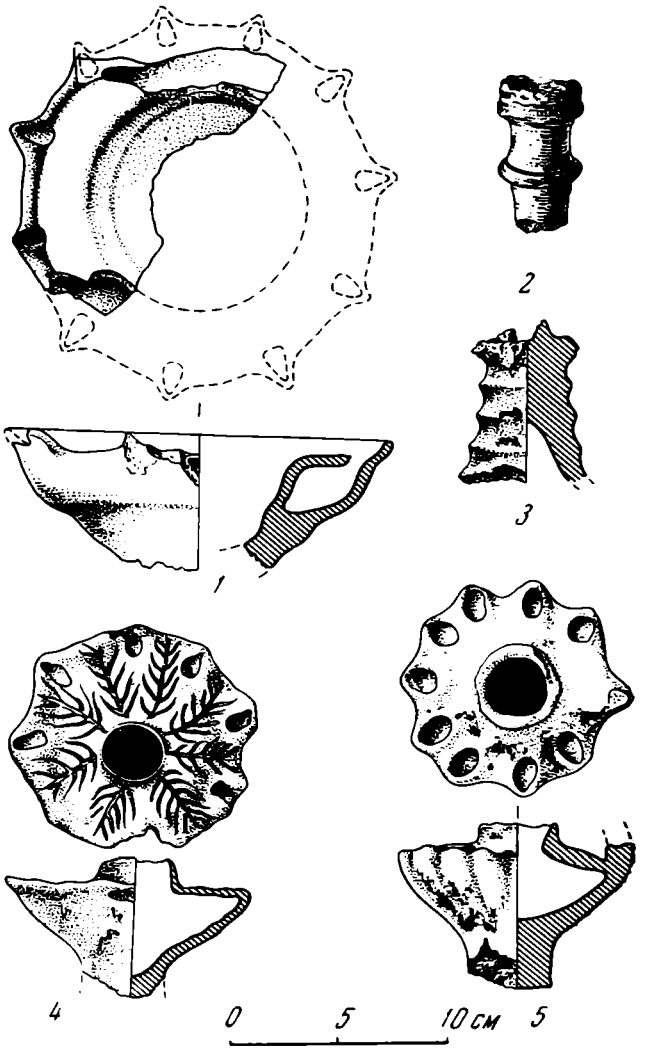


Рис. 9. Светильники

1 — светильник из топочного канала печи № 3; *2, 3* — подставки светильника из печи № 4; *4—5* — светильники, найденные близ печи № 4

Топочный канал этой печи сохранился плохо. Он прослеживается на длину 1,1 *м*. Кладка сохранившихся стенок канала следующая: на углах положены длинные кирпичи со скругленным, обращенным к устью, углом (длина 0,43, ширина 0,22 *м*), а затем параллельно кольцу печи были положены длинные прямоугольные сырцы, промежутки между которыми заполнены глиной.

Местами в кладку кольцевой стены, особенно в части, примыкающей к топочному каналу, уложены обожженные кирпичи, возможно, для сохранения большей устойчивости стенок при нагреве. Местами в сырцовой кладке были сделаны прокладки из глины, смешанной с камкой, и из более или менее плоских черепков от стенок больших сосудов.

Дно печи в части, прилегающей к топочному устью, было углублено на 0,15 *м*; дно топочного канала имело наклон к топочному устью.

Топочное устье и канал укреплены каменными кладками, которые лежат на уровне каменного основания печи и, очевидно, одновременны

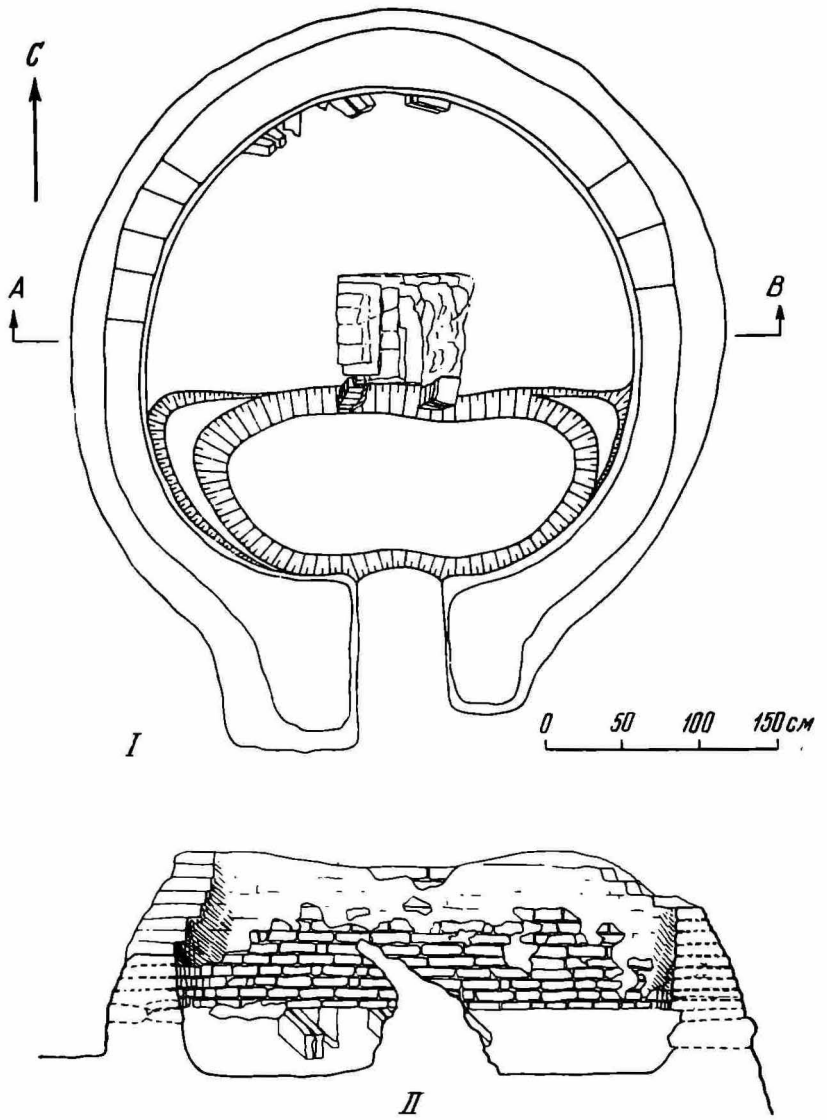


Рис. 10. Печь № 4

I — план; *II* — разрез *А — В*

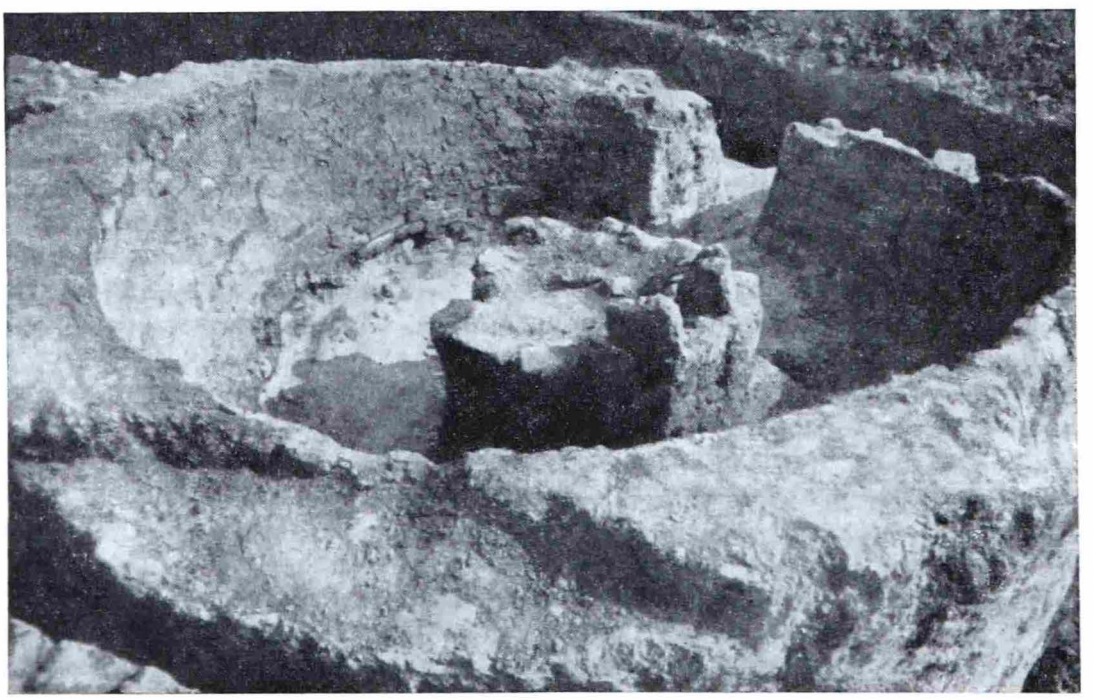


Рис. 11. Печь № 4. Вид с севера

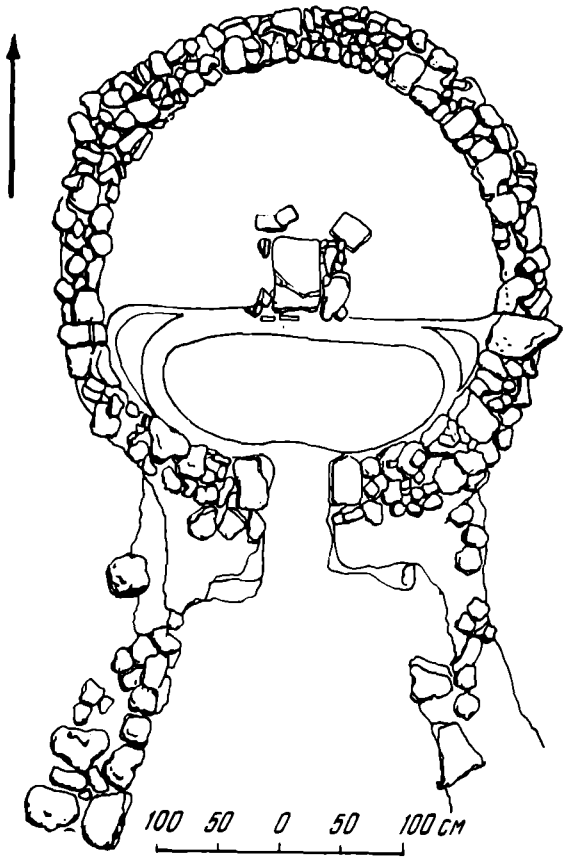


Рис. 12. Печь № 4. Каменное основание

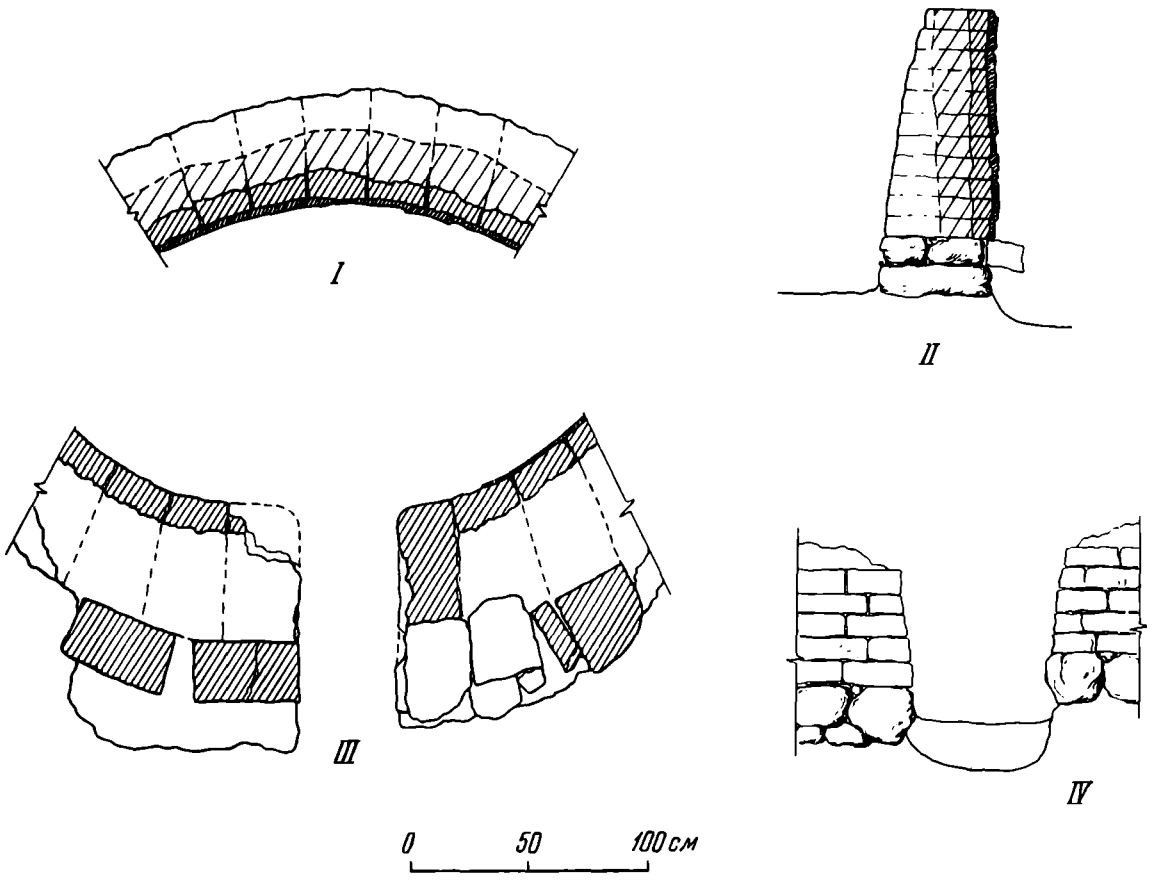


Рис. 13. Печь № 4. Структура кольцевой стены

I — раскладка кирпичей в северной части кольцевой стены; *II* — разрез кольцевой стены; *III* — раскладка кирпичей около топочного устья; *IV* — топочное устье — вид из печи

с ним (рис. 12). Западная кладка имеет два панциря из крупных грубо обработанных камней ракушечника и обожженных кирпичей. В промежуток между панцирями уложены мелкие камни и обломки кирпичей. Вблизи топочного отверстия кладка имеет два ряда, а дальше один, но из крупных камней. Западная кладка заканчивается двумя крупными камнями: 0,45 × 0,30 × 0,22 *м*; 0,32 × 0,37 × 0,34 *м*. Длина кладки 2,31, ширина 0,80, высота 0,22—0,18 *м*. Восточная кладка аналогична, но сохранилась плохо [15]. В ней найдена ручка амфоры IV в.

В центре этой печи находился подпорный столб (рис. 14), четырехугольный в плане, с округленными углами. Он сложен из сырцовых

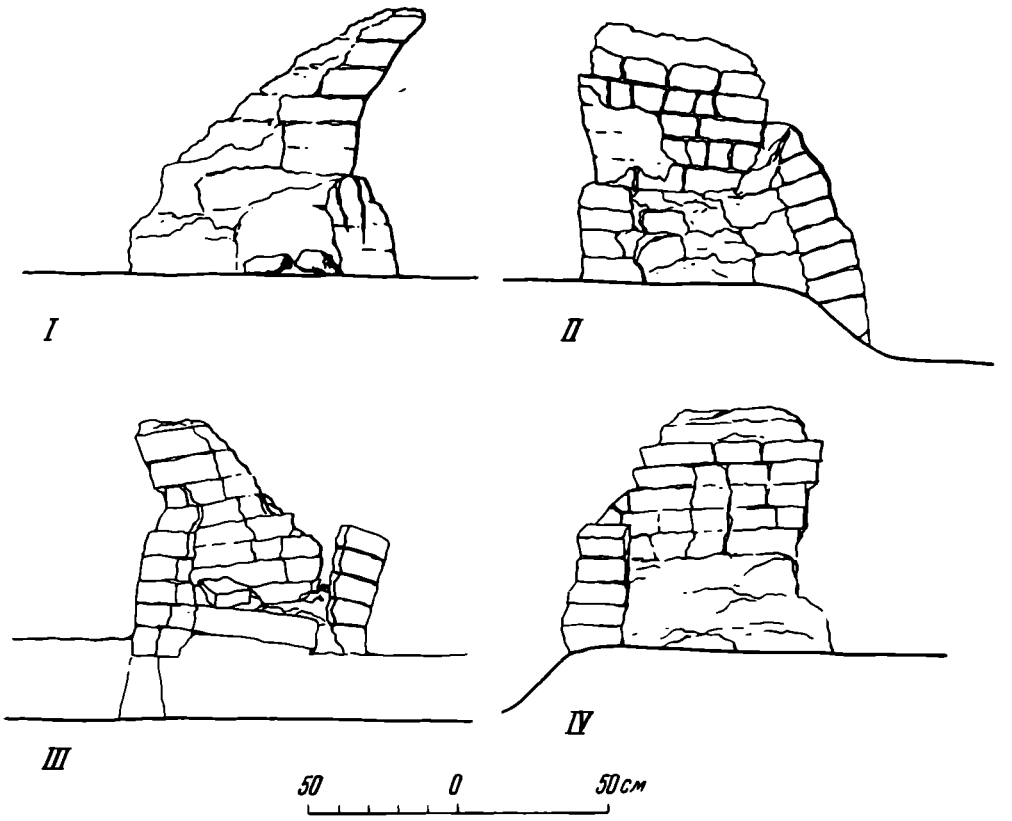


Рис. 14. Печь № 4

I — северный фасад, *II* — западный фасад, *III* — южный фасад, *IV* — восточный фасад

кирпичей, уложенных плашмя на глине, скругленных на углах. Внутри кольца стен печи, в горелом грунте, среди массы обломков полуобгорелых обвалившихся сырцов были найдены куски скругленных сырцов, принадлежавшие, очевидно, угловым частям топочного отверстия и центрального столба.

Центральный столб, как и кольцевая стена, имел каменное основание в виде большой каменной плиты (0,63 × 0,36 × 0,10 *м*), треснувшей от жара. По ее сторонам лежали мелкие камни и куски кирпичей, а со стороны топочного отверстия — крупные поставленные на ребро куски амфор. Площадь каменного основания 0,85 × 0,90, высота его 0,15 *м*. Его покрывал глиняный слой, как и в конструкции кольцевой стены. На глиняном основании были уложены сырцовые кирпичи. Два нижних кирпича положены рядом в направлении север — юг. Во втором ряду два кирпича, несколько бóльших размеров, уложены рядом длинной осью по направлению восток — запад; здесь полностью сохранился один кирпич длиной 0,60 (С-Ю), шириной 0,27 (В-З), толщиной 0,08 *м*. В третьем ряду два

[15] Ее длина 1,90 *м*, ширина 0,80—0,90 *м*, глубина залегания у южного борта 0,36 *м*. От западного панциря сохранились два больших камня: 0,44 × 0,33 × 0,15 *м*; 0,25 × 0,22 × 0,15 *м*.

кирпича еще бо́льших размеров были положены опять с севера на юг. У северо-западного угла между первым и вторым пластом кладки имеется прокладка из камки с глиной, а между третьим и четвертым рядами — прокладка из стенок амфор. Возможно, что так же был укреплен и северо-восточный угол (не сохранившийся) — оба расположены против топочного отверстия и подвергались наиболее сильному нагреву. Юго-западный угол столба (сохранившийся) не имеет такого крепления, как более удаленный от устья топки.

Со стороны топочного отверстия, с юго-восточной и юго-западной сторон, центральный столб имеет контрофорсы; хорошо сохранившийся юго-западный контрофорс имеет высоту 0,50 *м* от поверхности пола и представляет собой кладку из обломков кирпичей (0,30 × 0,25 × 0,07 *м*), уложенных горизонтально с небольшим наклоном к массиву столба (10—15°). В плане это неправильный четырехугольник (0,30 × 0,20 × × 0,08 *м*), кверху он сужается и завершается стенкой амфоры, сильно пережженной.

В кладке контрофорсов и на северо-западном углу кладки столба были обнаружены местами прокладки из стенок амфор.

Лучше сохранился северо-западный угол столба; здесь видно, что три верхние ряда кладки столба, расширяясь уступами, образуют начало арочного радиального перекрытия топочной части печи, при этом уступы кирпичей срезаны, так что столб в этом месте получил округло прогибающийся профиль.

Центральный столб в сохранившейся полностью части имеет высоту 0,80 *м*, верхняя часть столба с восточной стороны повреждена, высота его здесь — 0,60—0,70 *м*. Поверхность столба покрыта глиняной обмазкой толщиной от 2 до 4 *см*. Ближе к топочному отверстию обмазка черная, сильно шлакированная.

На столбе с западной стороны прослежены нижние части трех перегородок из вертикально поставленных сырцовых кирпичей; они были расположены на расстоянии 0,30 *м* один от другого (рис. 11). Между кирпичами сохранилась первоначальная поверхность столба, покрытая глиняной обмазкой, принявшей от жара сероватый цвет. Возможно, что кирпичи, стоящие наверху столба, представляют собой остатки перегородок, образующих продух для прохождения горячего воздуха и для более равномерного распространения жара, так как в толще столба никакого прохода нет [16].

При расчистке внутреннего пространства печи были найдены куски глины с отверстиями, аналогичными отверстиям в своде печи № 3, но меньшего размера: диаметр отверстия 0,07 *м*, сохранившаяся толщина стенок отверстия 0,14 *м*, глина обожжена сильнее, чем в аналогичных отверстиях печи № 3, она розоватого цвета.

В верхней части кольцевой стены печи, на высоте 1,20 *м* от пола, имеется уступ шириной 2—2,5 *см*; возможно, на него опирались края пода обжигательной камеры.

Куски пода были найдены при расчистке завала печи. Они позволяют установить и толщину пода, и размеры жаропроводных отверстий (рис. 15). Под представлял собой настил из глины с соломой и дробленым камнем-известняком толщиной 0,08 *м*, покрытый тонким слоем глиняной обмазки толщиною до 0,5 *см*. Диаметр отверстий у лучше сохранившегося куска — 0,16 и 0,10 *м*, другие обломки — с отверстиями 0,17 и 0,09 *м*. Обломок пода с отверстием еще меньшего диаметра 0,08 *м*, очевидно, находился ближе к центру. Края отверстий также покрыты слоем обмазки 0,5 *см*. Здесь была найдена часть подставки для обжига сосудов немного меньших размеров, чем подставки из печи № 3 (верхний диаметр равен

---

[16] Такой проход известен, например, в керченской печи. В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 29, рис. 8.

0,16 *м*, нижний — 0,19 *м*, высота — 0,115 *м*, толщина стенок — 2 *см*). Подставка сделана более тщательно, чем подставки печи № 3 (рис. 16, *1*).

Продукция печи № 4 была близка продукции печи № 3, но в ней обжигались, видимо, предметы меньших размеров. Здесь были найдены фрагменты реберчатых стенок и краев больших сосудов и профилированных больших, толстых ручек; донца простых кувшинов — плоские и с кольцевой ножкой; фрагменты лощеных сосудов, среди них стенки с широкими плоскими каннелюрами и с сетчатым орнаментом; обломки небольших тонкостенных сосудов оранжево-красной глины; плоское пирами-

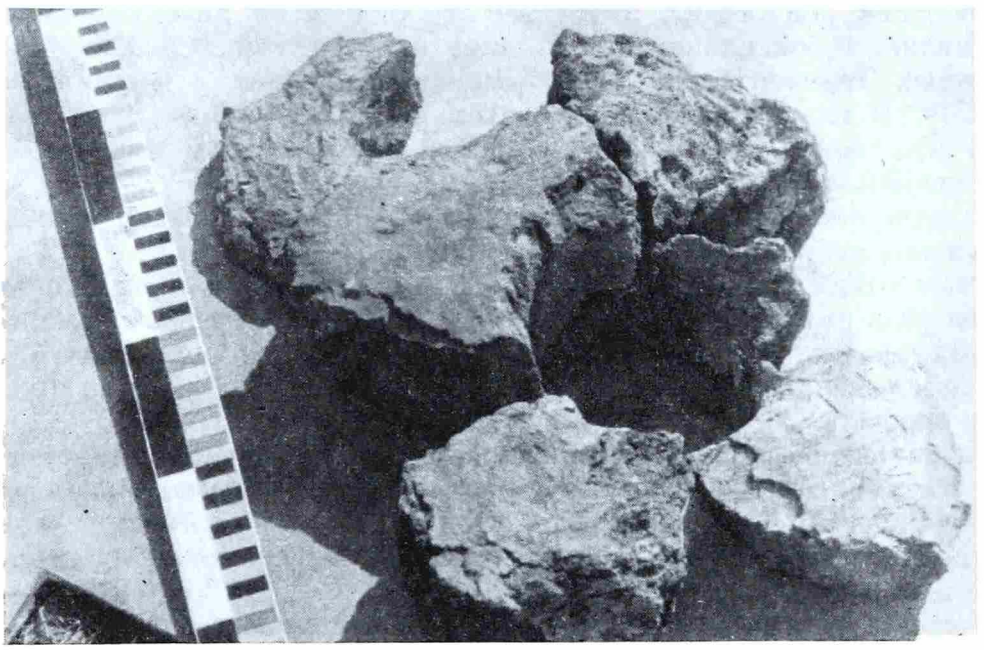


Рис. 15. Фрагменты пода печи № 4 с жаропроводными отверстиями

дальное грузило с округлыми (стертыми) краями; обломки высоких подставок светильников с кольцевыми широкими ребрышками (рис. 9, *2*).

Другое назначение имела печь № 5, от которой сохранился только огромный бесформенный развал (рис. 1), выходивший на поверхность. Он представлял собой рыхлый, неровного желто-красного цвета массив, вытянутый с востока на запад, неодинаковой плотности, состоящий из кусков обожженного и полуобожженного сырца, золы, обгорелой глины и глиняной крошки. Толщина развала у северо-западного угла доходит до 0,70 *м*, утончается к востоку и югу. У северо-западного угла расчищен навал обгорелых сырцовых кирпичей; среди них было 20 крупных, почти целых. Наиболее сохранившиеся имеют длину 0,25 *м*, ширину 0,20—0,23 *м* и толщину 0,07—0,09 *м*, два кирпича имеют клиновидную форму (длиной 0,36 *м* — обломан, шириной 0,20—0,22, толщиной 0,08 *м*). В южной части развала печи № 5, вдоль его западной стороны, была прослежена полоса толстого слоя золы (длина полосы 2,5 *м*, ширина около 1,35 *м*, толщина 0,60 *м*). Это свидетельствует, что отверстие топки печи находилось с западной стороны. Основание печи — сплошная глина желто-красного цвета.

Для развала печи № 5 характерно обилие среди крупных тяжелых кусков шлака и сырцов обломков черепицы, соленов и каллиптеров. Очень показательно, что есть сырые заготовки округлых каллиптеров с реберкой (рис. 16, *2*). Прочих обломков керамики было сравнительно немного, среди них: стенки пифосов и амфор, широкое горло амфоры, профилированные ручки амфор IV в., днища простых кувшинов с кольцевидной ножкой, фрагменты днищ амфор и пифосов, дно узкогорлой амфоры[17] (рис. 16, *3—5*).

[17] И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, 83, 1960, табл. XLI, 105 *г*.

Вероятно, печь, от которой остался развал, главным образом служила для обжига черепицы; судя по очертаниям развала, она не была круглой [18], об ее устройстве из-за отсутствия данных судить невозможно. Печь № 5 была разрушена в конце IV в., как и три описанные выше печи.

На расстоянии 2 *м* к югу от печи № 4 были обнаружены остатки основания печи № 6 в виде однородного массива, состоящего из глиняной крошки розово-желтоватого цвета, занимавшего площадь 5 × 9 *м* и толщиной до 30 *см*, выходившего на поверхность. Никаких находок в этом

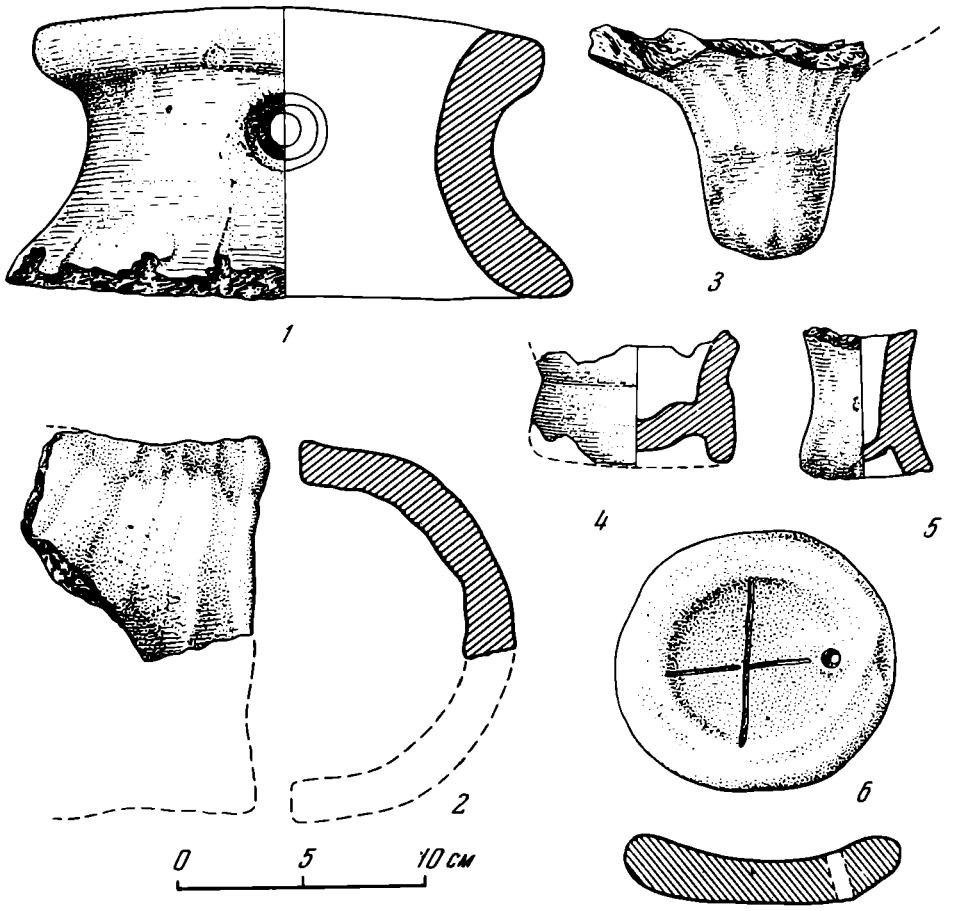


Рис. 16. Фрагменты керамики из печи № 4 и развала печи № 5

1 — подставка из печи № 4; *2* — обломок необожженного каллиптера из развала печи № 5; *3* — дно амфоры из развала печи № 5; *4—5* — днища узкогорлых амфор из развала печи № 5; *6* — круглое грузило из слоя IV в.

массиве сделано не было. Но, судя по стратиграфии, перед нами была полностью разрушенная печь того же времени.

К продукции этих печей относится, очевидно, и ряд находок вблизи печей; кроме обломков амфор, пифосов, больших кувшинов, здесь найдены края лутериев, чаш, лощеных тарелок, больших закрытых сосудов, а также грузил (рис. 16, *6*) и светильников (рис. 9). Любопытно, что в находках повторяется один и тот же тип светильника — многорожковый, на высокой ножке, по-видимому, излюбленный в позднеантичный период Фанагории. Он встречался часто и в слоях III в. Качество исполнения таких светильников различно: то они сделаны из грубой черной глины, то довольно тонко выполнены, как упомянутый выше светильник, найденный в топке печи № 3.

Около печей был найден девятирожковый светильник с обломанной ножкой (рис. 9, *5*) и семирожковый, своеобразно украшенный (рис. 9, *4*) врезанными изображениями дерева (может быть, веток?). Этот орнамен-

[18] По предположению Д. И. Ветштейна, для обжига черепиц предназначалась печь I в., раскопанная в Ольвии в 1950 г.; Т. Н. Книпович. Основные итоги Ольвийской экспедиции. КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 103—104.

тальный мотив в Фанагории имеет, вероятно, местную (синдскую?) традицию. На некрополе Фанагории в 1964 г. в эллинистической могиле вместе с сосудами античной формы — леканами — были найдены большие сероглиняные кувшины, украшенные такими же врезанными изображениями дерева (или веток). В слое IV в. около печей был найден обломок толстостенной чашки с белой обмазкой на внутренней стороне и аналогичным вдавленным орнаментом. О распространенности многорожкового светильника на высокой ножке в позднеантичный период говорят и многочисленные находки фрагментов таких светильников на городище, среди них есть очень большие, например в раскопе Города А (ГИМ 78410, 79530).

Существование в одном месте шести больших керамических печей одного времени и разнообразие их продукции заставляет предполагать здесь большое количество рабочих рук, целый коллектив горшечников и коропластов. Глина бралась поблизости, так как возникновение Керамика именно в этом месте связано с залеганием материковой глины. Вероятно, имело место разделение труда. Доставка и отмучивание глины, замешивание глиняного теста — самая простая и самая тяжелая часть труда. Формование сосудов на гончарном круге, изготовление их деталей требовали уже более высокой квалификации, так же как и изготовление светильников. Просушка изделий, их обжиг — еще один этап, требовавший большого опыта.

Большая и разнообразная продукция мастерских Фанагории в IV в. шла не только на потребление города, но, вероятно, и на экспорт, в глубь полуострова, как и в более раннее время.

Интересно сопоставить продукцию печей Фанагории, как позднеантичную, с гончарными мастерскими Херсонеса III—II вв. до н. э. Производство мастерских Херсонеса, изготовление керамических изделий было более специализировано — в больших печах обжигались крупные керамические изделия — амфоры, кувшины, лутерии; обжиг небольших сосудов: флаконов, кувшинчиков, грузил и, вероятно, терракот — производился в печах небольших размеров [19].

В фанагорийских печах IV в., огромных по своим размерам, обжигались, наряду с большими, и малые изделия: светильники, грузила, небольшие сосуды.

В 1965 г. к западу от этого комплекса печей в слое IV в. были раскопаны строительные остатки, вероятно, жилищ ремесленников, совершенно разрушенных, в виде кусков черепяно-каменных вымосток и фрагментов кладок.

Интересно, что у самой дороги на расстоянии 60 *м* к западу от следов печи № 6 было вскрыто (в 1965 г.) дно цистерны винодельни — в квартале ремесленников пристроился и винодел, очевидно, находивший среди ремесленников хороший сбыт своего вина.

Фанагорийские печи IV в. и весь жилой квартал этого времени были разрушены в конце IV в. Время разрушения определяется находками фрагментов краснолаковых блюд с рифленым орнаментом IV в. [20], а также украшенных концентрическими вдавленными кружочками, и обломков стеклянных сосудов зеленоватого цвета, многие из которых с синими глазками.

---

[19] В. В. Борисова. Ук. соч., стр. 152.

[20] В. Д. Блаватский. Отчет о раскопках Фанагории в 1936—1937 гг. Тр. ГИМ, XVI, М., 1941, стр. 44—48, табл. IX, *3*.

Т. Н. ВЫСОТСКАЯ, Е. Н. ЧЕРЕПАНОВА

НАХОДКИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ IV — V вв. В КРЫМУ

В последние годы в археологической литературе часто публикуются материалы и исследования, связанные с находками предметов полихромного стиля. Появляясь на юге нашей страны еще в эллинистическое время, он получает наибольшее распространение в IV—V вв., во время так называемого «великого переселения народов». Этот сложный и далеко еще не изученный период в числе многих других проблем затрагивает вопросы передвижения сармато-аланских племен и их взаимоотношения с народами Северного Причерноморья. Для изучения и правильного понимания его каждый новый комплекс и каждая новая находка представляют большой интерес.

Задача настоящей статьи — публикация двух новых комплексов с вещами полихромного стиля из центрального и восточного Крыма.

1

В июне 1959 г. в степном Крыму, на территории совхоза им. Калинина Красногвардейского района, во время строительных работ был разрушен курган. В Крымский областной краеведческий музей в Симферополе поступила лишь часть находок. Ни обряд погребения, ни места расположения вещей выяснить не удалось.

При рассмотрении всего материала бросается в глаза его хронологическая неоднородность. Разница во времени настолько велика, что приходится говорить о двух совершенно независимых друг от друга погребениях.

Ранний комплекс очень скромен; он состоит из бронзовых наконечников стрел и лепного горшка.

Сосуд сильно фрагментирован, полностью восстановить его не удается. Однако отдельные обломки позволяют говорить о шаровидной форме, уплощенном дне и довольно высоком горлышке с плавно отогнутым венчиком (примерные размеры: высота 24 *см*, диаметр дна 10 *см*). Сосуд сероглиняный, лощеный; по тулову небрежно нанесен резной орнамент в виде горизонтальной линии на плечиках, от которой опускаются пересекающиеся и заштрихованные полосы (рис. 1, *6*). На одном обломке сохранился выступающий треугольный налеп. Структура теста, орнамент, характер лощения и форма сближают этот сосуд с поздними вариантами кизил-кобинской керамики VI—V вв. до н. э. Керамика такого типа характерна для памятников предгорного Крыма [1] и представляет редкое исключение в степных районах [2].

Этим же временем (V в. до н. э.) датируются и шесть бронзовых наконечников стрел (рис. 1, *5*). Пять из них относятся к типу втульчатых

[1] О. Д. Дашевская. Симферопольское раннетаврское поселение. СА. 1958, 3, стр. 195, рис. 2.

[2] Т. Н. Троицкая. Погребение у с. Белоглинки. СА, XXVII, 1957, стр. 224, рис. 1, 5.

трехлопастных, шестая — трехгранная, без выступающей втулки[3]. С ранним погребением связана конусовидная ворворка от конской упряжи (рис. 1, 7).

Ранний комплекс представляет интерес в основном потому, что он затрагивает пока еще мало разработанный вопрос о проникновении далеко в степь казил-кобинской культуры.

Остальные находки из этого кургана принадлежат более позднему впускному погребению. По словам очевидцев, захоронение обнаружено на

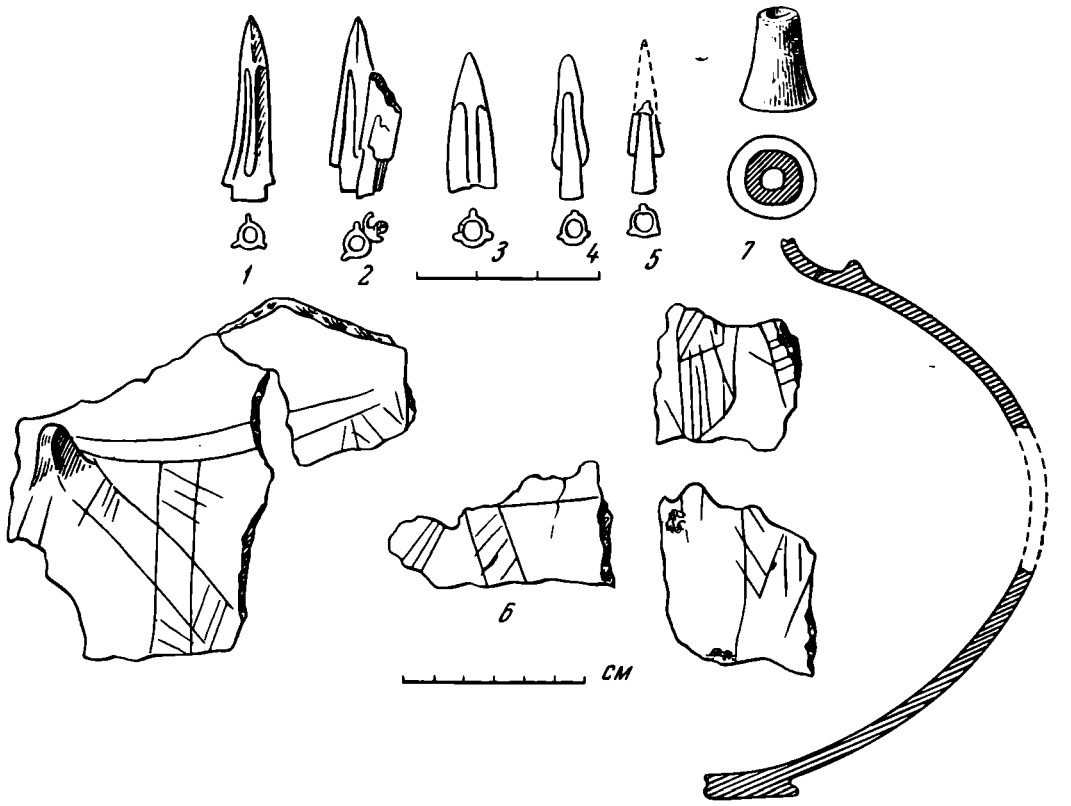


Рис. 1. Находки, относящиеся к раннему комплексу из кургана у совхоза им. Калинина в Крыму

глубине 1 *м* от поверхности. Кости скелета сильно раздроблены; сохранились лишь затылочная часть черепа человека, обломки ребер, трубчатые кости и несколько конских зубов.

Остановимся прежде всего на группе золотых вещей, состоящей из 28 предметов. В нее входят орнаментальные бляшки, накладные и нашивные пластинки, отдельные самостоятельные украшения. Все они сделаны из тонкого листового золота и, за редким исключением, покрыты тисненым орнаментом. В одном случае — это сплошной чешуйчатый узор, в остальных — валик, имитирующий зернь и филигранную нить или расчлененный косыми насечками. Иногда валик делит пластинку на несколько частей[4].

Большинство предметов выполнено в хорошо известной технике полихромного стиля. Поверхность их покрыта инкрустацией из сердоликов или альмандинов, вставленных в напаянные гнезда. Круглые, овальные, каплевидные камни тщательно отшлифованы, в расположении их соблюдена некоторая симметрия; золотые пластинки представляют собой обкладки бронзового или деревянного основания, на котором они укреплялись при помощи загнутых краев; на некоторых из них по краям проделаны дырочки.

[3] P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929, табл. III, *20*; табл. VI, *1* G, табл. X, *3* C; табл. XII, H.

[4] Интересно отметить, что на одинаковых пластинках размеры тисненых квадратов и расстояние между орнаментальными полосками разные. Узор нигде не повторяется в точности.

Рис. 2. Золотые украшения из кургана на территории совхоза им. Калинина (Крымская область)

Попытаемся на основе аналогий восстановить общую картину захоронения, выяснить назначение той или иной вещи, соответственно разделив их на несколько групп.

К первой группе относятся:

1. Небольшая прямоугольная пластинка, наиболее совершенная по технике исполнения и орнаментации (рис. 2, *1*). Массивность и отсутствие загибов по краям позволяют считать, что она существовала самостоятельно без бронзовой основы. Поверхность ее украшена альмандинами разнообразной формы, а края с трех сторон обрамлены двумя тоненькими штампованными полосками золота, напаянными в виде елочного узора, имитирующего филигранную нить. Особая пышность создается благодаря зерни, окружающей каждый камень, что в сочетании с «елочным» узором и тонкостью работы сближает эту пластину с рядом находок в южной России и, прежде всего, на Боспоре, где орнамент из зерни и филиграни возникает еще в последние века до нашей эры [5] и продолжает существовать довольно долго наряду с появлением новых элементов [6]. В IV—V вв. орнаментация из зерни становится постоянной и получает широкое распространение [7].

Пластинка вторично использована, часть ее была отрезана, по углам проделаны отверстия для прикрепления.

Наиболее близкую аналогию и представление об ее первоначальном назначении дает золотая, украшенная альмандинами диадема из района Тилигульского лимана [8]. Разница лишь в том, что диадема из Тилигула сделана на бронзовой основе, и из-за отсутствия ободков из зерни она выглядит значительно скромнее.

Близка по типу золотая диадема и из Марфовского клада [9] с елочным оттиснутым орнаментом, альмандинами и зернью.

Вероятно, наша пластинка представляла собой часть богатой диадемы, которая была разрезана на куски и использована в качестве нашивного украшения.

2. Прямоугольная пластинка такого же типа, но более примитивная (рис. 2, *2*), инкрустирована тремя рядами плоских прозрачных альмандинов и обрамлена елочным тисненым орнаментом. По углам, также небрежно, пробиты дырочки, говорящие о вторичном ее использовании. Интересно, что для увеличения ширины пластинки к ней с одной стороны припаяна узенькая полоска золота, по которой потом оттиснут узор.

Можно предположить, что эта пластинка первоначально принадлежала составной диадеме, каждая из частей которой была окаймлена тисненым орнаментом и украшена россыпью камней. Подобная диадема найдена в Западной Венгрии [10].

Диадемы несколько иных, но близких типов известны на довольно обширной территории. Все они относятся ко времени раннего средневековья и датируются IV—V вв. Вторичное использование их не исключение. И. Вернер приводит пример из погребения V в. на территории Германии, где части разрезанной широкой диадемы служили украшениями поясного кожаного ремня [11].

---

[5] Л. И. Чуистова. Новые находки из некрополей Керченского полуострова. МИА. 69, 1959, стр. 241, рис. 6.

[6] И. П. Берхин. О трех находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье. Археологический сборник ГЭ, Л., 2, 1961, стр. 144.

[7] Л. А. Мацулевич. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926, стр. 25—26.

[8] I. Werner. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956, табл. 26, *1*; табл. 25, *8*; А. Н. Бернштам. Находки у озера Борового в Казахстане. Сб.: МАИЭ, XIII, 1951, стр. 218, рис. 2; I. Werner. Ук. соч., табл. 14, *28*.

[9] Ю. Марти. Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926, стр. 48.

[10] J. Hampel. Alterthümer der Frühen Mittelalters in Ungarn, II. Budapest, 1905, стр. 13. См. также составную диадему из Керчи. К. М. Скалон. О культурных связях восточного Прикаспия в позднесарматское время. Археологический сборник ГЭ, 2, рис. 4, *1*.

[11] I. Werner. Ук. соч., табл. 27, *4—6*; табл. 64, *1—4*.

3. К группе поясных украшений, по всей вероятности, относится небольшая накладная пластинка с отверстиями по углам и тисненым орнаментом в виде квадрата с четырьмя выпуклыми сердоликами в центре (рис. 3, *1*).

4. Три небольшие пластинки, закрепленные на бронзовой основе и украшенные рубчатым валиком; на верхнем конце каждой помещен круглый альмандин, второй конец закруглен (рис. 2, *5*).

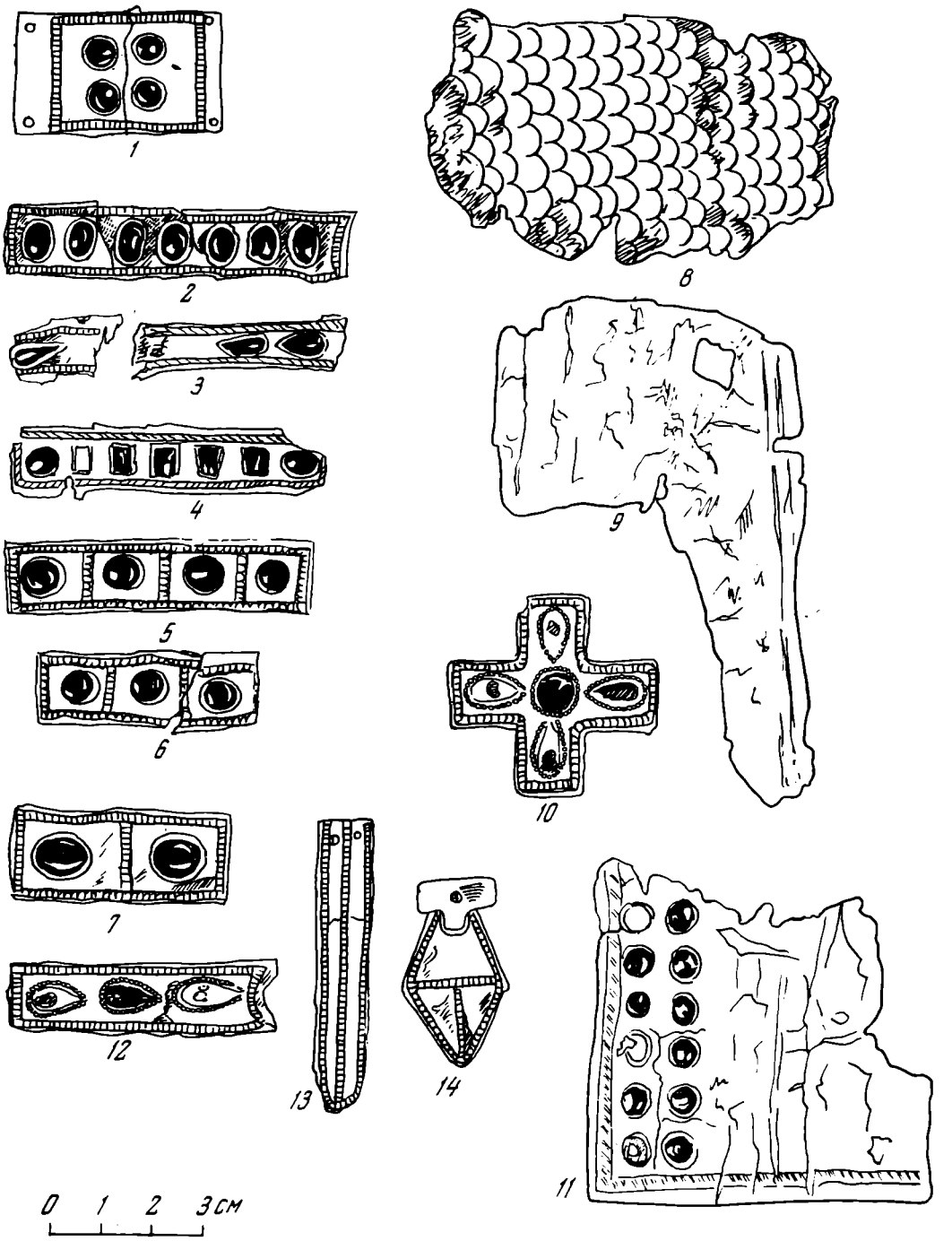


Рис. 3. Золотые украшения из погребений IV—V вв. в Крыму

1—9, 11 — курган у совхоза им. Калинина; *10, 12—14* — курган в окрестностях г. Феодосии

Такие пластинки представляют едва ли не самый распространенный вид украшений в погребальных комплексах эпохи раннего средневековья [12]. Вероятнее всего, они оформляли дополнительные ремешки муж-

[12] Д. Самоквасов. Основание хронологической классификации и каталог коллекций древностей. Варшава, 1892, табл. IX, *2*; J. Hampel. Ук. соч., стр. 378,

ского пояса [13]. Существует мнение, что ими могли заканчиваться обувные ремешки [14] или детали конской сбруи [15].

Можно считать, что первая группа золотых предметов связана с поясным набором.

Чтобы закончить описание вещей, относящихся к украшениям погребенного, следует остановиться на двух обломках массивной шейной гривны (рис. 2, *12*). Это полые, слегка изогнутые, расширяющиеся трубочки, концы которых орнаментированы стилизованным полураскрывшимся цветком с чашелистником и рельефным ободком у основания.

Шейные гривны в Поволжье, в Северном Причерноморье и в Западной Европе часто дополняют наборы золотых полихромных украшений. Правда, все они несколько иных типов [16].

Наиболее близка нашей гривна из Вольтгейма (V в. н. э.) в виде массивного гладкого жгута с двумя звериными головами на концах и большой прямоугольной подвеской [17].

По-видимому, следом от прикрепления подвески на нашей гривне является дырочка на конце сохранившегося цветка.

Вторую, наиболее обширную группу золотых пластинок составляют разнообразные по форме украшения конской упряжи.

Захоронение коня или уздечный набор, символично заменяющий его, характерны для богатых кочевнических погребений всех времен, а в памятниках сходного типа IV—V вв. встречаются, за малым исключением, в каждом погребении. Формы украшений в них чрезвычайно устойчивы и повторяются в самых различных, довольно далеко отстоящих друг от друга районах. Золото здесь всегда служит обкладкой бронзовой основы, которая при помощи тонких шипов прикреплялась к ремню; с лицевой стороны место прикрепления маскировалось гнездом с камнем.

О захоронении коня в описываемом нами погребении свидетельствуют находки нескольких конских зубов и два небольших кусочка кожаного ремня (шириной 1,3 *см*) из выброса земли.

По-видимому, к украшениям конской сбруи относятся:

1. Девять пластинок удлиненной формы с орнаментом в виде пересеченного прямыми или косыми насечками валика и инкрустацией альмандинами (рис. 3, *2—7*).

Несколько отличны от остальных две бляшки того же назначения, состоящие из трех соприкасающихся кружков (рис. 2, *11*).

Подобные украшения конской упряжи, расчлененные на квадраты и без них, зачастую абсолютно аналогичные нашим, встречаются на Северном Кавказе [18], среди случайных находок степного Причерноморья [19] и

рис. 28—29. Случайная находка из Феодосии, фонды Крымского областного краеведческого музея, инв. № 69/11736.

В 1946 г. в окрестностях Феодосии найдены следующие золотые предметы: прямоугольная пластинка (размером 8,5 × 3 *см*) с тисненым елочным орнаментом по краям и двумя рядами округлых выпуклых альмандинов; пластинка (размером 3,2 × × 1,2 *см*), орнаментированная рубчатым валиком и двумя камнями, узенькие полоски золота (шириной 0,8 *см*) с таким же орнаментом и следами прикрепления камней, многочисленные фрагменты золотой фольги и наконечник пояса (размером 5 × 1 *см*). Бронзовые основы не сохранились. Никаких паспортных данных нет, поэтому мы не можем выделить эти находки в особый комплекс. Но так как они по стилю и характеру аналогичны вещам из Красногвардейского района, на них будут даны ссылки.

[13] I. Werner. Ук. соч., табл. 52, *1*; табл. 64, *14, 16*.

[14] Там же, табл. 53, *10*; табл. 64, *17*; табл. 64, *7, 8*.

[15] ОАК за 1889 г., стр. 122, рис. 83.

[16] И. П. Берхин. Ук. соч., стр. 150, рис. 5; стр. 149, рис. 1; Н. В. Анфимов. Позднесарматское погребение из Прикубанья. Сб.: Археология и история Боспора Симферополь, 1952, стр. 207, рис. 1; Л. А. Мацулевич. Ук. соч., стр. 82, рис. 15.

[17] I. Werner. Ук. соч., табл. 58, *6*.

[18] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, 8, М., 1900. табл. CII. *5, 6* (Осетия, Верхняя Рутха); ОАК за 1889 г., стр. 122, рис. 84—85 (с. Здвиженское близ Ставрополя).

[19] ОАК за 1897 г., 1900 г., стр. 35 (с. Раденка Днепровского уезда); Д. Я. Самоквасов. Ук. соч., табл. IX, *5, 7* (Новогригорьевка); I. Werner. Ук. соч., табл. 52, *10—12* (Новогригорьевка).

Крыма [20]; особенно богато представлены они в курганных погребениях Поволжья [21].

2. Крестообразная бляха на хорошо сохранившейся бронзовой основе, украшенная пятью выпуклыми камнями и ободком, имитирующим зернь (рис. 2, *9*). По словам очевидцев, в погребениях их было две. Аналогичные находки, всегда парные, известны в упомянутых комплексах Северного Кавказа, в степях Северного Причерноморья и Поволжья. Вероятно, они помещались на месте скрещения ремней по обеим сторонам головы лошади.

3. Две накладные бляшки в форме ромба с усеченным углом (рис. 2, *6*). Подобные бляхи, часто округлые, квадратные или ромбовидные, по-видимому, были обычны для сбруи богатого всадника.

4. Пластинка из тонкого листового золота без основы, сплошь покрытая чешуйчатым тисненым орнаментом, края ее сильно повреждены, поэтому общую форму установить невозможно (рис. 3, *8*).

В кург. № 3 у дер. Шипово на Урале, в комплексе IV—V вв., две такие треугольные золотые пластинки с чешуйчатым орнаментом были найдены вместе с остатками деревянного седла, ими обтягивалась передняя лука седла. [22]

Находки деревянных седел в погребениях этого времени не единичны; они известны в позднесарматских курганах Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и других территорий [23]. Аналогичные украшения сегментовидной или треугольной формы, чаще всего парные, известны по находкам в Казахстане [24], в Новогригорьевке на Конке [25] и в Керчи [26], а также в Кизлярской балке под Мелитополем [27].

Что касается чешуйчатого орнамента на них, то, как отмечают Л. А. Мацулевич [28] и И. Вернер [29], это один из самых распространенных орнаментов рубежа IV—V вв.

В выбросах земли из разрушенного погребения было обнаружено несколько обломков, по-видимому, от двух железных мечей. На них сохранились следы деревянных ножен. Один меч двулезвийный, примерная ширина его 4,8 *см* (рис. 4, *2*), второй однолезвийный, шириной 3,2 *см* (рис. 4, *1*). О форме и размерах этих мечей судить трудно; для погребений Поволжья и Северного Причерноморья этого времени характерны длинные двулезвийные мечи с черенком-рукояткой, образующей прямой угол при переходе в клинок [30]. Как правило, ножны украшались серебряными и золотыми обкладками, а рукояти на мечах из Боспора и у сарматских племен Северного Причерноморья — навершиями из янтаря, пасты и хал-

---

[20] Случайные находки 1946 г. в окрестностях Феодосии. Фонды Крымского обл. краевед. музея инв. № 15/11743, № 66/11733, № 69/11736; Ю. Марти. Ук. соч., стр. 48 (с. Марфовка близ Керчи).

[21] Т. М. Минаева. Погребения с сожжением близ г. Покровска. «Уч. зап. СГУ», VI, 3, Саратов, 1927, табл. IV, *27*; I. Werner. Ук. соч., табл. 53, *11, 12, 15* и др. (Нижняя Добрынка у Саратова).

[22] F. M. Minajeva. Zwei Kurgane aus der Völkerwanderungszeit bei der Station Sipovo. ESA, IV, Helsinki, 1929, стр. 204; I. Werner. Ук. соч., табл. 7, *23*.

[23] К. Е. Максимов. Позднейшие сармато-аланские погребения V—VIII вв. на территории Нижнего Поволжья. Тр. СОМК, 1, Саратов, 1956, стр. 74, рис. 45.

[24] А. Н. Бернштам. Ук. соч., стр. 217, рис. 1.

[25] Т. М. Минаева. Погребение с сожжением близ г. Покровска, табл. IV, 26; I. Werner. Ук. соч., табл. 52, *13*.

[26] В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 году. ИАК, 30, СПб., 1909, стр. 3, сл.

[27] В. Ф. Пешанов. Мелитопольская диадема. КСИА, 11, 1961, стр. 73, рис. 2.

[28] Л. А. Мацулевич. Погребение варварского князя в Восточной Европе. ИГАИМК, 112, М.— Л., 1934, стр. 48.

[29] I. Werner. Ук. соч., стр. 52.

[30] И. П. Берхин. Ук. соч., стр. 152; И. В. Синицин. Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени. Тр. СОМК, 1, стр. 29; М. Я. Мерперт. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье, СА, XXIII, 1955, стр. 131.

цедона. Для Поволжья навершия не характерны [31]. С продвижением сармато-аланских племен на запад подобные украшения появляются в Западной Европе [32]. Не совсем обычны для IV—V вв. однолезвийные мечи, как исключение они встречаются примерно в это же время на Боспоре.

С оружием погребенного в нашем комплексе связана третья группа золотых украшений.

1. Большая прямоугольная пластинка без признаков бронзовой основы, с загнутыми боковыми краями и глубокой выемкой на одном конце (рис. 3, *4*). Поверхность ее густо украшена плоскими камнями самой раз-

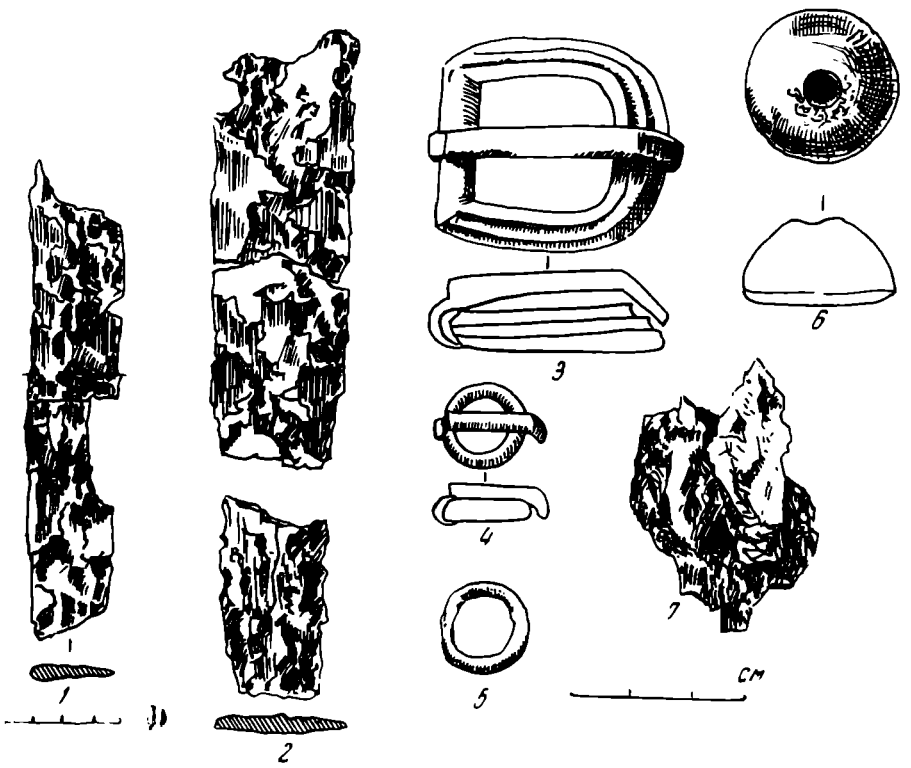


Рис. 4. Находки из погребения IV—V вв. в кургане у совхоза им. Калинина в Крыму

личной формы, в их расположении явно улавливается грубая симметрия. Мы склонны считать эту пластинку частью обкладки деревянных ножен меча [33]; если учесть толщину ножен, ее ширина и ширина фрагментов двулезвийного меча будут вполне соответствовать друг другу.

2. Сильно поврежденная пластинка листового золота с загибами по краям, но без инкрустации (рис. 3, *9*). Такие обкладки обычно украшали ножны мечей [34].

3. Небольшая полоска золота с пятью прямоугольными камнями. На ее концах пробиты отверстия для прикрепления (рис. 2, *3*). Очевидно, она помещалась в верхней части деревянных ножен. Подобные пластинки известны из находок в Керчи [35], в погребении того же времени на территории Польши (где они найдены вместе с ножнами) [36].

4. Миниатюрная обкладка рукояти меча конусовидной формы, с выступающим широким пояском и ромбовидным гнездом для навершия

---

[31] К. М. Скалон. Ук. соч., стр. 115.

[32] Н. И. Сокольский. Боспорские мечи, МИА, 33, 1954, стр. 161; I. Werner. Ук. соч., табл. IV, *5*; табл. XVI, *6*; табл. XX, *2*.

[33] См. близкую по типу обкладку ножен с перегородчатой инкрустацией из Керчи. А. А. Синицын. Ук. соч., стр. 121, рис. 46.

[34] ОАК за 1895 г., 1897, стр. 72, рис. 181; A. V. Schmidt. Kačka. Beiträge zur Erforschung der Kulturen Ostrusslands in der Zeit der Völkerwanderung. (III—V Jh.). ESA, I, Helsinki, 1927, стр. 42, рис. 20.

[35] А. А. Синицын. Ук. соч., стр. 121, рис. 40, 41.

[36] I. Werner. Ук. соч., табл. 16, 8.

(высота 3,2 *см*). Поясок отличается особой тонкостью отделки (рис. 3, *11*); по технике выполнения этот узор близок к орнаментации нашивной бляшки (рис. 3, *10*).

Обкладки рукоятей мечей несколько иных типов встречены в раскопках 1896 и 1904 гг. в Керчи[37], в Приуралье[38] и на Алтае[39].

5. Небольшое полусферическое, слегка сплюснутое, янтарное навершие с отверстием в центре. По размерам и форме оно не соответствует гнезду золотой обкладки, вероятно, оно украшало рукоять однолезвийного меча (рис. 4, *6*).

6. Последняя золотая пластинка представляет собой часть прямоугольной обкладки какого-то деревянного или кожаного предмета. Она орнаментирована тисненым кантом и двумя рядами круглых выпуклых сердоликов (рис. 3, *14*). Назначение ее неясно.

Помимо золотых украшений к инвентарю погребения относятся:

1. Две миниатюрные бронзовые пряжки из круглой в сечении проволоки с легким утолщением спереди (рис. 4, *4, 5*). Прямые аналогии им находим во многих памятниках IV—V вв., в частности в некрополе Херсонеса[40], в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе. Такие пряжки, вероятно, служили для застежки ремней обуви.

2. Бронзовая массивная уступчатая в сечении пряжка оригинальной формы, очевидно, скреплявшая пояс погребенного (рис. 4, *3*). Аналогичные пряжки со щитком из листовой бронзы известны на Кавказе[41] и в Поволжье[42].

3. Несколько пучков сильно коррозированных железных наконечников стрел (рис. 4, *8*) черешковых, трехлопастных, ромбовидных (длина 3,5 *см*). Этот тип широко распространен в поздних сарматских погребениях Поволжья и на других территориях в IV—V вв.[43].

4. Обломки маленьких изогнутых в виде желобка бронзовых пластинок (длина 2,5—3 *см*). Они могли служить обкладками края горита.

5. Бронзовый, сильно деформированный котел полусферической формы с отогнутыми наружу краями (рис. 5, *2*). Котел кован из тонкой листовой бронзы, с двух сторон под венчиком сохранились остатки железных оснований для прикрепления ручек; на поверхности видны следы многочисленных починок. Котел относится к хорошо известному и широко распространенному типу. В позднесарматских памятниках Поволжья, Приуралья, Кубани и Северного Кавказа такие котлы встречаются начиная со II в. в погребальных и бытовых комплексах; в более позднее время, в IV—V вв., их находят в составе погребального инвентаря, часто вместе с вещами полихромного стиля, на территории Северного Причерноморья и Западной Европы[44]. Иногда поверхность котлов бывает покрыта густым

---

[37] В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г., ИАК, 25, СПб., 1907, стр. 34, рис. 12; Э. Р. Штерн. К вопросу о происхождении «готского стиля» предметов ювелирного искусства. ЗООИД, XX, Одесса, 1897, табл. I, рис. 33, *а*.

[38] ОАК за 1895 г., стр. 72, рис. 182; I. Werner. Ук. соч., табл. 59, *14*; A. Schmidt. Ук. соч., стр. 42, рис. 14.

[39] Случайная находка 1959 г. у с. Тугозвоново (Алтай). Подготовляет к изданию А. П. Уманский (сообщение К. М. Скалон).

[40] А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. МИА, 63, 1959, рис. 135, *11—13*.

[41] Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан в Черкессии. СА, XXVI, 1956, стр. 249; П. С. Уварова. Ук. соч., табл. CIII, *9*.

[42] Т. М. Минаева. Погребение с сожжением близ г. Покровска, табл. V, *36*; I. Werner. Ук. соч., табл. 53, *5*.

[43] К. Ф. Смирнов. Быковские курганы. МИА, 78, 1960, стр. 177, рис. 5, *17*; Е. К. Максимов. Ук. соч., стр. 71, рис. 43; Д. Я. Самоквасов. Ук. соч., табл. IX, *27*; Т. М. Минаева. Погребение с сожжением близ г. Покровска, табл. V, *40*; A. Schmidt. Ук. соч., стр. 41, рис. 30, *l*.

[44] И. П. Берхин. Ук. соч., стр. 151, рис. 6; Н. В. Анфимов. Ук. соч., стр. 209, рис. 5; К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области. МИА, 60, 1959, стр. 273, рис. 26, *11*; В. Ф. Пешанов. Ук. соч., стр. 74; Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан в Черкессии, стр. 242, рис. 4, *2*; И. В. Синицин. Ук. соч., стр. 71, рис. 27, *12*.

слоем копоти. Существует предположение, что такие котлы могли служить для варки жертвенной пищи, после чего подвергались умышленной деформации и ставились в погребение [45].

Таким образом, из приведенного нами анализа видно, что все находки из позднего погребения в Красногвардейском районе на основании широких аналогий хорошо датируются концом IV—V вв.

2

Второй комплекс золотых полихромных украшений происходит из Восточного Крыма, где в окрестностях г. Феодосии (гора Клементьевка) в 1957 г. был разрушен курган. Спустя два года в Феодосийский краеведческий музей поступило восемь золотых украшений из погребения в этом

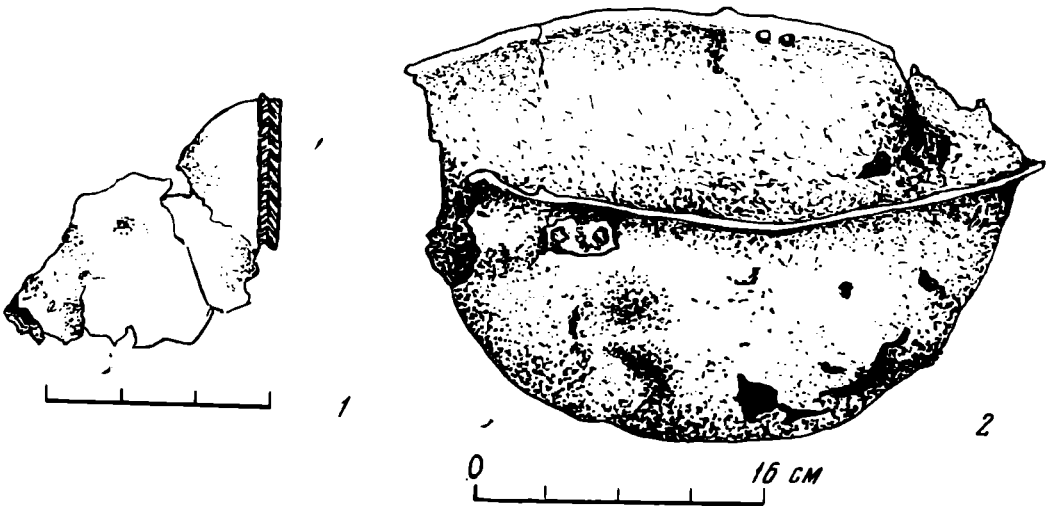


Рис. 5. Находки из погребения IV—V вв. в Крыму

1 — курган у совхоза им. Калинина; *2* — курган в окрестностях г. Феодосии

кургане [46]. Об условиях находки и характере захоронения никаких сведений не сохранилось. Все дошедшие до нас предметы представляют собой поясные украшения и обкладки конской сбруи. Среди них три крестообразные бляхи (рис. 3, *10*), две удлиненные нашивные пластинки от пояса (рис. 3, *12*) и обкладка дополнительного поясного ремня (рис. 3, *13*). Оригинальны по форме две небольшие ромбовидные подвески с прямоугольным щитком, предназначенные для прикрепления к поясу (рис. 3, *14*).

По стилю и характеру все вещи аналогичны описанным нами выше находкам из Красногвардейского района. Они выполнены из тонкого листового золота на массивной бронзовой основе, украшены рубчатым тиснением, вставками из янтаря и ободками зерни вокруг. На всех предметах очень хорошо сохранились бронзовые основания; тонкие стержни скрепляли их с золотым покрытием и кожей, на которую они накладывались. С тыльной стороны ремня стержень закреплялся маленьким кусочком бронзовой пластинки.

Удалось выяснить некоторые детали техники изготовления украшений полихромного стиля [47]. Оказалось, что орнамент наносился на них не только путем штамповки, как предполагали прежде [48], с применением единого

---

[45] I. Hampel. Ук. соч., стр. 131—132.

[46] Об этой находке нам сообщила зам. директора Феодосийского краеведческого музея И. П. Приходько. Пользуемся случаем выразить ей благодарность.

[47] Вопросу о технике изготовления вещей полихромного стиля в литературе уделено мало внимания. Очень коротко его касался А. А. Спицин на примере находок из Керчи, говоря главным образом о перегородчатой инкрустации. А. А. Спицин. Ук. соч., стр. 115—116.

[48] И. П. Берхин. Ук. соч., стр. 143, 144; Л. А. Мацулевич. Ук. соч., стр. 50.

штампа данной мастерской. Золотая фольга в этом случае только для прочности крепилась на основу. Предметы феодосийского комплекса изготовлены несколько по-иному.

На бронзовые пластинки напаяны штампованные рельефные валики, создающие контур орнамента. Эти пластинки служили своего рода матрицами, при помощи которых на покрывавшем их золоте оттискивался рельефный узор. Следовательно, орнамент на каждом предмете выполнялся отдельно. Если бы рельефный узор изготовляли единым штампом, он был бы точно повторен на каждой крестообразной бляхе. Исходя из сказанного, можно утверждать, что большинство золотых украшений с бронзовой основой из Красногвардейского района тоже выполнено в такой технике. Этим объясняются неточности и несовпадения размеров и направлений рельефных валиков [49], а также становится понятным назначение обломков бронзовых пластинок с накладным орнаментом «в елочку», золотая фольга на которых не сохранилась (рис. 5, *1*). В этом же комплексе есть несколько сильно фрагментированных обломков тонких бронзовых пластинок с обычным штампованным орнаментом. Очевидно, штамповались одновременно бронзовая основа и покрывающая ее золотая фольга. Какой из этих двух способов более распространенный — судить пока трудно.

Итак, мы рассмотрели два комплекса полихромных украшений из разных районов Крыма. Широко известное изображение императора Констанция II на серебряной чаше из Керчи, датируемой серединой IV в. [50], свидетельствует о парадном облачении и вооружении знатного воина-всадника. На лбу его — золотая диадема со вставками из камней. Поясной набор и одежда украшены накладными пластинками, с левой стороны к поясу прикреплен меч с богато орнаментированной рукоятью и навершием; золотые накладные пластинки украшают сбрую, перехваты ремней с обеих сторон скреплены бляхами. Это изображение позволяет с бóльшей определенностью судить о назначении отдельных предметов из рассмотренных курганов и в какой-то мере восстановить общую картину захоронения.

Подобные погребения с полным набором оружия и ярко выраженным культом коня известны с конца IV в. на огромной территории от Казахстана до Западной Европы. Некоторые исследователи связывают их с сармато-аланскими племенами [51].

Известно, что в конце IV—V в. под давлением гуннских племен началось массовое передвижение сармато-алан на Запад. На пути их следования, в Поволжье, Приазовье, в степях Северного Причерноморья, вплоть до Западной Европы, обнаружен ряд богатых погребений с украшениями полихромного стиля. В обряде и общем облике инвентаря этих погребений четко выступают элементы позднесарматской культуры.

Несмотря на широкую распространенность подобных погребений, в степном Крыму они встречены впервые; теперь есть основание считать, что и Крымский полуостров был втянут в орбиту передвижения сармато-аланских племен в IV—V вв.

---

[49] См., например, ромбовидную бляху от конской упряжи (рис. 2, *6*), на которой, очевидно, в результате смещения вертикально напаянного рельефного валика, орнамент был оттиснут дважды.

[50] Л. А. Мацулевич. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926, стр. 22—23.

[51] В. А. Кузнецов, В. К. Пудовин. Аланы в Западной Европе в эпоху «великого переселения народов». СА, 1961, 2, стр. 49 сл.; К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 215, 216.

В. Л. ЯНИН

ИМЕННЫЕ БУЛЛЫ РУССКИХ ЕПИСКОПОВ XII — НАЧАЛА XIII в.

Обилие происходящих из случайных находок древнерусских свинцовых печатей, присущая подавляющему их большинству анонимность, трудность их атрибуции, а подчас и хронологического определения делают особенно значительными те немногочисленные буллы, на которых принадлежность определенному лицу прямо обозначена в пространных надписях. Такую группу составляют именные печати епископов домонгольской поры. К настоящему времени известно 12 разновидностей именных епископских булл, представленных 19 экземплярами. В составе этой группы — буллы Новгорода, Смоленска, Полоцка и Галича. Все буллы принадлежат к единому сфрагистическому типу, использовавшемуся, таким образом, на значительной территории, что особенно подчеркивает обнаружившуюся в XII в. тенденцию к выражению через особенности типа самой идеи принадлежности печати к определенному политическому институту. Наиболее обильно представлены печати новгородских владык. Поэтому с них удобнее начать обзор материала.

Печати новгородских владык. Древнейшие именные владычные печати Новгорода несут на себе имя Нифонта, пришедшего на новгородскую кафедру 1 января 1131 г. и умершего 21 апреля 1156 г.[1]. С именем Нифонта известны четыре буллы, оттиснутые двумя парами матриц. Обе разновидности имеют на одной стороне поясное изображение богоматери «Знамение», а на другой — греческую надпись: +Ἁγνή, σκέποις με Νήφοντα Νοβογράδου «Пресвятая, воззри на меня, Нифонта Новгородского». Отличия разновидностей заключаются в том, что на одной (№ 1, 3 экз.) последнее слово легенды сокращено, а на другой (№ 2) оно написано полностью.

Решая вопрос о взаимном старшинстве разновидностей, следует опереться на две их особенности. Во-первых, тип с усеченной надписью представлен большим числом экземпляров, тогда как печать с полной надписью уникальна. Во-вторых, все три экземпляра буллы с усеченной надписью отличаются посредственной сохранностью, которая определяется не только индивидуальными дефектами сохранившихся экземпляров, но заложена в несомненной «усталости» их матриц; напротив, булле с полной надписью свойственна большая четкость всех деталей. Поэтому логично предположить, что матрицы типа с усеченной надписью употреблялись на протяжении большей части продолжительного владычества Нифонта и только в конце его деятельности были заменены новыми матрицами с полной надписью.

Уверенность в правильности такого предположения дают наблюдения над любопытной анонимной буллой, которая, вопреки отсутствию на ней имени владельца, органически принадлежит к рассматриваемой группе печатей. Я имею в виду небольшую буллу с поясным изображением бого-

[1] НІЛ. М.— Л., 1950, стр. 22, 207; 29, 216.

матери «Знамение» и греческой надписью (№ 3), которую Н. П. Лихачев читал как +Ἁγνή, σκέποις με τὸν θύτην Νωβογράδων — «Пресвятая, воззри на меня, пастыря Новгородского» [2], в чем был решительно поддержан Н. Г. Порфиридовым [3]. Несколько лет назад я предложил другой вариант прочтения этой надписи: +Ἁγνή, σκέποις με τορέυτην Νωβογράδων — «Пресвятая, воззри на меня, торевта Новгородского», предположив в печати не памятник официальной сфрагистики, а произведение ремесленника, совершенствовавшегося в своем мастерстве, и исполненное не по заказу [4]. Статья о новгородском торевте была написана и опубликована тогда, когда рассматриваемая печать находилась среди не разысканной к тому времени части лихачевского собрания. Она стала доступной для осмотра и изучения в натуре лишь с 1959 г. [5]. Непосредственное знакомство с памятником убедило меня в правильности первоначального чтения Н. П. Лихачева.

Итак, печать принадлежала не известному по имени «пастырю Новгорода». Ее принадлежность к кругу владычных булл подтверждена и изображением на ней богородичной общецерковной эмблемы. Хронологическое определение буллы может быть основано на исключительной близости ее технических особенностей, композиции, «художественного почерка» с буллами Нифонта. Однако это уже давно подмеченное сходство оказывается еще более глубоким.

Детальное сравнение изображений богоматери на анонимной булле и на печати Нифонта с полной надписью обнаруживает, что эти изображения оттиснуты одной матрицей. Следовательно, анонимная печать или была непосредственной предшественницей именной буллы Нифонта с полной надписью, или же непосредственно сменила ее.

При любом решении вопроса о взаимном старшинстве этих булл анонимная печать входит в состав цепочки сфрагистических разновидностей, связанных с именем Нифонта. Только в том случае, если анонимная печать предшествует именной, ее дата окажется близкой к началу святительства Нифонта; в противоположном случае мы должны будем датировать ее временем, близким к последним годам деятельности Нифонта. Выше уже были рассмотрены некоторые особенности печатей Нифонта, побуждающие склониться к более поздней дате.

Рассмотрим теперь вопрос о взаимном старшинстве этих типов в свете тех особенностей, которые присущи анонимной булле. Ее безыменность, совершенно исключительная в домонгольской владычной сфрагистике Новгорода, на мой взгляд, может служить только отражением той неопределенности статуса владельца буллы, которая была свойственна новгородским владыкам в промежуток от их избрания до хиротонии, когда владыка не имел официального права именоваться епископом. Думается, что и право пользоваться личной буллой возникало лишь с момента хиротонисания. Такого противоречия новгородские владыки не испытывали ни до Нифонта, ни при Нифонте. Нифонт был прислан из Киева после «отвержения» Иоанна в 1030 г., т. е. уже хиротонисанным. Он с самого начала своего владычества пользовался безусловным правом личной буллы.

Напротив, именно после смерти Нифонта в Новгороде впервые скла-

---

[2] Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, текст к табл. XXIV, *1*. Архив ЛОИА, ф. 35, № 444, л. 278.

[3] Н. Г. Порфиридов. Очерки памятников новгородской сфрагистики. Печати владык Великого Новгорода. «Новгородский исторический сборник», 9, Новгород, 1959, стр. 88—89.

[4] В. Л. Янин. Из истории русской художественной и политической жизни XII в. СА, 1957, 1, стр. 114—116.

[5] В 1959 г. из Библиотеки АН СССР (Ленинград) в Государственный Эрмитаж была передана значительная коллекция булл, происходящая из фонда Н. К. Никольского, которая и оказалась считавшейся до того утраченной частью лихачевского собрания.

дывается новый республиканский порядок избрания владыки. Весной 1156 г. «собрася вся град людии, изволеша собе епископом поставити мужа свята и богом изъбрана именемь Аркадиа; и шед весь народ, пояша из монастыря святыя Богородица, и князь Мьстислав Юрьевич, и весь крилос святыя Софея, и вси попове городстеи, игумены и черници, и введоша и, и поручивше ему епископью в дворе святыя Софея, дондеже приидеть митрополит в Русь; и тогда поидепи ставится» [6].

Особенностью первоначального положения Аркадия, таким образом, было не только то, что он оказался первым избранным, а не присланным от митрополита епископом, но и то, что это избранпе совершилось в момент, когда митрополичья кафедра на Руси была вакантной. Хиротонисан Аркадий был только спустя два года новым митрополитом Константпном и прибыл в Новгород в качестве утвержденного епископа 13 сентября 1158 г.[7]. Думаю, что анонимная печать, для оттискивания которой была использована одна из матриц разрушенной для этого печати предшественника Аркадия — Нифонта, употреблялась Аркадием на протяжении тех двух лет — с 1156 по 1158 г.,— когда ему была «поручена епископья» Новгородом, но не митрополитом. Если этот вывод правилен, анонимная булла Аркадия окажется памятником очень важного в истории Новгорода этапа новых успехов республики в организации церковной власти.

Следующая по времени именная печать новгородского владыки датируется временем непосредственного преемника Аркадия — Илии, знаменитого новгородского владыки, более известного в литературе под мирским именем Иоанн. Печать исключительно плохой сохранности содержит на одной стороне изображение богоматери «Знамение» в полный рост, а на другой — русскую многострочную надпись, в которой читается только начало: «Илиа, еп...» (№ 4).

Илия был избран, по-видимому, сразу же после смерти Аркадия (умер 19 сентября 1163 г.). Впервые он упомянут в летописи под 1165 г., когда рассказано уже о хиротонии 28 марта и возвращении в Новгород 11 мая. В том же рассказе 6673 г. имеется еще одно место, для нас немаловажное: «В то же лето ходи игумен Деонисии с любовью в Русь, и повелено бысть владыце архиепископьство митрополитом» [8]. Умер Илия 7 сентября 1186 г.[9].

Титулование Илии на печати епископом, а не архиепископом позволяет датировать буллу узким промежутком времени от хиротонии 28 марта 1165 г. до получения титула архиепископа в конце того же года (поставивший Илию в архиепископа митрополит Иоанн умер в зиму с 1165 на 1166 г.[10]). Такая датировка подтверждается существованием еще одной печати Илии, на которой он титулован уже архиепископом. Одна сторона этой буллы несет поясное изображение богоматери «Знамение», на другой помещена русская надпись: «(Илиа) арьхиеп(иско)пъ новгородьскыи» (№ 5). Имя владельца на существующем экземпляре полностью не читается, но угадывается по нижним концам букв, хорошо различимым. Кроме того, наличие на печати русской надписи не позволяет датировать ее временем раньше второй половины XII в., а на протяжении всего последующего периода в пределах XII—XIII вв. в Новгороде не было владыки со столь же коротким именем, которое только и могло поместиться в первой строке, где имеется место в лучшем случае для пяти букв [11]. Эта булла Илии отличается более значительными размерами, нежели пе-

[6] НІЛ, стр. 29—30, 216.
[7] Там же, стр. 30, 217.
[8] Там же, стр. 31—32, 219.
[9] Там же, стр. 38, 228.
[10] Там же, стр. 32, 219.
[11] Поэтому, в частности, невероятно предположение Н. Г. Порфиридова о принадлежности этой буллы Спиридону. Н. Г. Порфиридов. Ук. соч., стр. 84; его же. Именные владычные печати Новгорода. СА, 1958, 3, стр. 224.

чати его предшественников и непосредственных преемников. По всей вероятности, заметная претенциозность печати как раз и преследует цель отличить новую архиепископскую буллу от старой епископской.

Печати непосредственного преемника Илии, его родного брата Гавриила-Григория пока не найдены. Зато в трех идентичных экземплярах известна булла следующего новгородского владыки Мартирия, избранного после смерти Гавриила (умер 24 мая 1193 г.), хиротонисанного 10 декабря 1193 г., пришедшего в Новгород 16 января 1194 г. и умершего 24 августа 1199 г.[12].

На печатях Мартирия изображение богоматери «Знамение» в полный рост, подобное такому же изображению на епископской булле Илии, сочетается с русской надписью: «Мартирьи еп(иско)пъ новгородскыи» (№ 6). Приведенная надпись содержит в себе некоторую несообразность, которую следует рассмотреть здесь же. Наличная литература по истории новгородской церкви придерживается той периодизации, которая была принята еще в новгородском летописании, основываясь на цитированном сообщении о пожаловании архиепископства владыке Илие в 1165 г. Согласно этой периодизации, легшей уже в XV в. в основу членения списка новгородских владык на две рубрики «А се новгородскыи епископы» и «А се архиепископи»[13], 1165 год оказывается временем коренного преобразования новгородской епископии в архиепископию. Пунктуально придерживаясь такой схемы, мы должны были бы недоумевать по поводу титулования епископом Мартирия, деятельность которого относится ко времени, на три десятка лет более позднему, чем этапный 1165 г., тем более, что и Новгородская Первая летопись в древнейшем Синодальном списке неоднократно называет Мартирия архиепископом (хотя в рассказе о постановлении она не титулует его).

В указанной связи следует обратить внимание на одно явление, находящееся в несомненном родстве с отмеченным противоречием. Известно, что титул архиепископа присваивался новгородским владыкам иногда и до 1165 г. Так, архиепископом титулуется Нифонт, и не только в летописном рассказе, где подобное титулование может быть результатом позднейшего поновления терминологии, но и в прижизненном памятнике, каким был известный антиминс 6657 г.[14]. Известны попытки историков связать архиепископство Нифонта с его политикой в ходе борьбы против автокефалии Клима Смолятича, когда Новгород якобы добился непосредственного подчинения патриарху, минуя киевскую митрополию[15].

Как бы то ни было, новгородская кафедра знает архиепископов до 1165 г., знает она и епископов после 1165 г. Показание булл Мартирия, как мне кажется, дает основание считать, что в 1165 г. не было необратимого преобразования новгородской епископии в архиепископию. Пожалования титула архиепископа на протяжении всей второй половины XII в. носят личный, эпизодический характер и совершаются при хиротонисании не всегда. Владыка Мартирий, о котором летопись рассказывает, что он был приглашен в Киев после избрания на новгородскую кафедру «с великой честью», был посвящен только в епископа. Не исключено, разумеется, что в дальнейшем было и второе пожалование, как это случилось с Илией, но сфрагистических свидетельств архиепископства Мартирия пока не обнаружено.

К домонгольскому периоду относятся еще две новгородские владычные именные печати. Одна из них несет изображение богоматери «Зна-

---

[12] НІЛ, стр. 40, 231—232; 44, 238.

[13] Там же, стр. 473.

[14] И. И. Срезневский. Антиминс 1149 года. «Христианские древности и археология». СПб., 1862, 4, стр. 1—4; Ф. М. Морозов. Антиминс 1149 (6657) года. ЗОРСА, XI, Пгр., 1915, стр. 197—209.

[15] М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 383—384.

мение» в полный рост, а на обороте — русскую надпись: «М(и)трофан а(рхи)еп(ископ)пъ новгородскыи» (№ 7). Другая с подобным изображением сохранила надпись: «Антони(и) архиеп(и) скпоъ новъгородьскы(и)» (№ 8).

Судьбы новгородских архиепископов Митрофана и Антония причудливо переплетаются на всем протяжении первой четверти XIII в. Митрофан впервые появляется на политической арене Новгорода еще в 1193 г., когда он соперничал с Мартирием и потерпел поражение при выборах владыки. Избран он был после смерти Мартирия в 1199 г. и хиротонисан 3 июля 1201 г. Спустя одиннадцать лет, 22 января 1212 г., Митрофан был лишен кафедры, а на его место новгородцы избрали Антония, хиротонисанного в том же году. 17 марта 1220 г. Митрофан снова добился новгородской кафедры, а Антоний был изгнан и получил епископию в Перемышле. После смерти Митрофана 3 июля 1223 г. новгородцы избрали владыкой Арсения, который, так и не будучи хиротонисан, в конце 1225 г. был снова заменен Антонием, владычествовавшим до 1228 г., когда по немощи он был вынужден удалиться в Хутынский монастырь, где и умер 8 октября 1232 г. [16].

Столь сложное чередование владык Митрофана и Антония на новгородской кафедре не позволяет решить вопрос о точной датировке их булл. У нас нет оснований для того, чтобы выбрать в качестве даты печати Митрофана период его первого владычества или же период повторного занятия кафедры. То же самое можно сказать и о печати Антония. Однако, сравнивая между собой обе эти буллы, возможно говорить о большей древности печати Митрофана. Она и по размеру, и по особенностям изображения богоматери гораздо ближе к буллам непосредственного предшественника Митрофана — Мартирия, тогда как у буллы Антония уменьшается кружок матрицы, надпись делается мельче, а на стороне с изображением под обычными богородичными титлами появляются титлы IC—XC, присутствующие на большинстве позднейших сфрагистических изображений «Знамения».

Исчерпав весь существующий к настоящему времени материал именных печатей новгородских владык домонгольской поры, можно отметить несколько важных деталей, определяющих главные тенденции в развитии местной церковной буллы.

Прежде всего, бросается в глаза несомненная изначальная связь новгородской владычной буллы с киевской митрополичьей печатью. Прямым прототипом печати Нифонта в материале киевской церковной сфрагистики оказываются буллы Никифора I (1104—1121 гг.) [17]. Сходство не сводится к повторению типа, несущего на одной стороне поясное изображение богоматери «Знамение», а на другой греческую многострочную надпись. Это сходство, а следовательно, и подражательность новгородских булл киевским сказывается в совпадении самой формулы легенды. Формула митрополичьей буллы в XI—XIII вв. варьирует, повторяясь лишь очень редко. На буллах Никифора присутствует формула, не свойственная другим киевским печатям: +Ἁγνή, σκέποις με Ῥωσίας Νικηφόρ ο «Пресвятая, воззри на меня Никифора Русского». И именно эта формула была воспроизведена в Новгороде со всеми остальным деталями сфрагистического типа и с естественной заменой топонима.

В дальнейшем развитии типа новгородских владычных печатей могут быть отмечены два важных явления. Новгород отвергает греческий язык в надписях булл и переходит к употреблению на них русского языка, что, несомненно, совпадает с общим духом республиканских преобразований,

---

[16] НIЛ, стр. 44—45, 52, 60—61, 64—65, 72; 231—232, 238—239, 250, 261, 263, 269—270, 281.

[17] Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. LIII, *3, 4*; его же. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, 2, Л., 1930, стр. 4, рис. 2 и 3

выразившихся, между прочим, и в избрании владык из среды местного духовенства, русского, а не греческого. Кроме того, на буллах, начиная со времени Илии, утверждается новый тип богородичного изображения — композиция «Знамение» не поясная, а ростовая.

Печати смоленской епископии. Чрезвычайно близок новгородскому тип печати смоленского епископа Мануила, представленный двумя идентичными экземплярами. Погрудное изображение богоматери «Знамение» сопровождается на них греческой надписью: +Θεοτόκε, βοήθει Μανουηλ ἐπισκόπῳ Σμολινίσκου «Мануил, епископ Смоленска» (№ 9).

Пришедший «из грек» скопец Мануил был первым смоленским епископом, поставленным при учреждении кафедры в 1137 г. Его имя названо в уставной грамоте князя Ростислава Мстиславича [18]. В 1147 г. Мануил, будучи смоленским епископом, принимал участие в поставлении митрополитом Клима Смолятича, затем, рассорившись с Климом, скрывался из Смоленска и вернулся вновь на свою епископию лишь в 1156 г. В качестве смоленского епископа он выступает еще в 1167 г. Дальнейшая его судьба неизвестна, в 1180 г. в Смоленске был уже другой епископ — Константин [19].

Печати полоцкой епископии. К тому же сфрагистическому типу принадлежат два неизданных экземпляра печати с поясным изображением богоматери «Знамение» и греческой надписью: +Σφραγὶς Διονυσίου ἐπισκόπου Πυλοτζήσκου «Печать Дионисия, епископа Полоцка» (№ 10).

Повторная находка этой буллы на русской территории, отсутствие среди византийских епархий таких, которые были бы в какой-либо мере созвучными обозначенной на нашей булле, наконец, взаимоподтверждающие показания, содержащиеся в самой надписи печати, и ее принадлежность к типу русских владычных булл XII в.— все это позволяет предложить бесспорную, на мой взгляд, атрибуцию. Единственным домонгольским русским епископом с указанным именем был полоцкий епископ Дионисий, умерший в 1183 г. [20]. Источники не сохранили сведений ни о годе его поставления, ни о каких-либо других фактах его жизни и деятельности. Отмечу только, что среди епископских печатей XII в. булла Дионисия выделяется несколько бóльшими размерами. Ее диаметр равен 27—28 *мм* против обычных 20 *мм*. Эта ее исключительность находит аналогию лишь в архиепископской печати новгородского владыки Илии (26 *мм*). Но последняя датируется 1165—1186 гг., а этот период совершенно совпадает со временем деятельности полоцкого епископа Дионисия.

Печати галицкой епископии. Последнюю группу памятников, принадлежащих к рассматриваемому сфрагистическому типу, составляют три печати, которые происходят из находок на территории древнего Галича. Буллы оттиснуты двумя разными парами матриц, но различия между ними крайне невелики. Поясное изображение богоматери «Знамение» на этих буллах сопровождается греческой надписью: +Μῆτερ Θεοῦ, σκέποις με Κοσμᾶν Γαλίτζης «Богоматерь, воззри на меня Козму Галицкого» (№ 11, 12).

Епископ Козма упоминается в летописях под 1157 г., когда он был поставлен на галицкую кафедру, и еще раз под 1165 г. [21]. Не исключено, что Козма, фигурирующий в 1143—1156 гг. в качестве полоцкого епископа, и Козма Галицкий 1157—1165 гг.— одно и то же лицо.

Изложенные здесь материалы показывают, что уже в первой половине XII в. сложился единый для всей Руси тип печати церковных иерархов. Возникающее впервые на печатях митрополита Николая на рубеже XI и

---

[18] ПСРЛ, I, 2, Л., 1927, стб. 304; «Памятники русского права», 2. Сост. А. А. Зимин. М., 1953, стр. 43.

[19] ПСРЛ, II, СПб., 1843, стр. 30, 80, 94, 304.

[20] Там же, стр. 127, 319.

[21] ПСРЛ, VII, СПб., 1856, стр. 66, 78.

XII вв. изображение богоматери «Знамение»[22], которое стало обязательным элементом всех последующих митрополичьих булл, в первой половине XII в. становится таким же обязательным элементом епископских печатей. Не встреченное в других сфрагистических разрядах, это изображение может быть признано общецерковной эмблемой, принципиальным указателем на принадлежность снабженной ею буллы церковным иерархам.

Значительный интерес могут представить также наблюдения над обозначением епархий на епископских буллах. Они названы во всех случаях (Новгород, Смоленск, Полоцк, Галич), и эта точность обозначения резко противостоит косвенному обозначению топонима на митрополичьих печатях. Там обозначение Киева, ни разу не встреченное в сфрагистике, пунктуально заменено термином «Россия». Между тем, сравнение с терминологией ранних княжеских булл XI — начала XII в. показывает, что этот термин не тождествен понятиям «Киев» или «Киевское княжество», а обнимает всю Русь[23]. Поэтому он и на митрополичьих буллах соответствует всеобщности церковной власти митрополита над Русью в целом. Если любой владетельный князь на Руси мог пользоваться титулом «архонт России», обозначая тем самым свою принадлежность к княжеской семье, то ни один из епископов не смел претендовать на включение в свой титул понятия «Россия», бывшее прерогативой митрополита. Напротив, если бы митрополит вздумал титуловать себя «митрополитом Киева», это неизмеримо умалило бы его достоинство, поставив его в один ряд с подчиненными ему епископами.

Обзор епископских печатей домонгольской поры был бы не полон, если в стороне останется еще один связанный с ними сюжет. В 1963 г. В. Лоран издал печать, которая им предположительно отнесена к числу русских епископских булл. На одной ее стороне помещена пятифигурная композиция с возвышающейся в центре фигурой Христа в полный рост и стоящими по сторонам его попарно фигурами евангелистов (?). На другой стороне этой печати греческая надпись: +Μωσῆς μοναχὸς καὶ μητροπολίτης πόλεως Βλαδ(...) — «Моисей, монах, митрополит города Влад(имира?)»[24]. Исследователь отмечает исключительно плохую сохранность надписи в той ее части, где помещено обозначение топонима, и его реконструкция избирает лишь предпочтительный вариант прочтения легенды. Датируя печать второй половиной XII в., В. Лоран предполагает, что при Андрее Боголюбском была предпринята попытка создать митрополию во Владимире на Клязьме и что печать Моисея является свидетельством этой попытки. В таком предположении слишком много противоречий, чтобы отнестись к нему всерьез. Имя Моисея вовсе не встречается в истории хорошо известных попыток Андрея Боголюбского преобразовать в своем княжестве церковь и учредить во Владимире митрополию. Так же хорошо известно, что единственным претендентом на новую митрополию был епископ Федор. Если прозвище Федора «Белый клобучок» указывает как будто на присвоение им знаков митрополичьего достоинства, то речь опять-таки идет о Федоре, а не о Моисее. Можно было бы предположить, что Федор, который даже будучи епископом не принимал пострижения, затем все-таки постригся и, следовательно, сменил имя, но этому также противоречат два обстоятельства. Во-первых, он перед казнью был судим как мирянин и значит вовсе не принимал пострижения[25]. Во-вторых, в древней

---

[22] V. Laurent. Le corpus des sceaux de l'Empire Byzantin, V, ч. 1, Paris, 1963, стр. 604, № 786.

[23] В. Л. Янин, Г. Г. Литаврин. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха. «Историко-археологический сборник (к 60-летию А. В. Арциховского). М., 1962, стр. 209—210.

[24] V. Laurent. Ук. соч., стр. 609, № 793.

[25] Н. Н. Воронин. Андрей Боголюбский и Лука Хризоверг (Из истории русско-византийских отношений XII в.). ВВ, XXI, М., 1962, стр. 46.

Руси почти постоянным правилом при смене имен было избрание нового имени с тем же инициалом, который стоял в начале старого имени (Никита — Нифонт, Иоанн — Илия, Григорий — Гавриил и т. д.). Здесь этого нет. Возвращаясь к сфрагистическим аргументам, отмечу, что принципы оформления буллы настолько чужды владычной сфрагистике Руси, что предположительное толкование В. Лорана, которое к тому же не подтверждается какими-либо другими источниками, нельзя признать удачным.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СВОД ИМЕННЫХ ЕПИСКОПСКИХ ПЕЧАТЕЙ XII — НАЧАЛА XIII в.

1. Новгород

Нифонт (1131—1156 гг.)

1. *Л. с.:* Надпись в пять строк, окруженная точечным ободком (рис. 1, *1*).

О. с.: Поясное изображение богоматери «Знамение» с обычными титлами по сторонам. Вокруг точечный ободок. 3 экземпляра.

1—1. *Д.*— 22 *мм. М. н.*— не известно. *Хр.*— Афинский музей, № 177 β. *Изд.*— Konstantinopoulos, № 177 β; ЛСА, XXVIII, *10*; ИКДР, т. 2, рис. 223 б, *10*. *Уп.*— Лихачев. Материалы, 1, стр. 151; 2, стр. 32; Янин. Из истории художественной и политической жизни, стр. 117; Порфиридов. Именные владычные печати, стр. 222; Порфиридов. Печати владык, стр. 83—85; Янин. Новгородские посадники, стр. 164; Янин и Литаврин, стр. 207; Laurent, стр. 611, № 794.

1—2. *Д.*— 20 *мм. М. н.*— не известно; куплена в Стамбуле, до 1912 г. *Хр.*— ОНГЭ, № 19. *Пр.*— Лих., Ник., БАН. *Изд.*— ЛСА, XLIII, *8*. *Уп.*— Лихачев. Материалы, 1, стр. 151; 2, стр. 32; Янин. Из истории художественной и политической жизни, стр. 117; Порфиридов. Именные владычные печати, стр. 222; Порфиридов. Печати владык, стр. 83—85; Янин. Новгородские посадники, стр. 164; Янин и Литаврин, стр. 207.

1—3. *Д.*— 19 *мм. М. н.*— Новгород, до 1917 г. *Хр.*— ГТГ, № 12529. *Пр.*— Остр. *Изд.*— ЛСА, LIII, *2*. *Уп.*— Лихачев. Материалы, 1, стр. 151; 2, стр. 32; Янин. Из истории художественной и политической жизни, стр. 117; Порфиридов. Именные владычные печати, стр. 222; Порфиридов. Печати владык, стр. 83—85; Янин. Новгородские посадники, стр. 164; Янин и Литаврин, стр. 207.

2. *Л. с.:* Надпись в пять строк, окруженная точечным ободком (рис. 1, *2*).

О. с.: Поясное изображение богоматери «Знамение» с обычными титлами по сторонам. Вокруг точечный ободок.

Д.— 21 *мм. М. н.*— Новгород, Яковлевская ул., 1919 г., найдена Н. Е. Рожковым (Архив АН СССР, ф. 246, оп. 3, № 126, л. 5). *Хр.*— Новгородский музей, утрачена. *Изд.*— Порфиридов. Именные владычные печати, стр. 222, рис. 1, *1*. *Уп.*— Порфиридов. Печати владык, стр. 83—84; Янин. Новгородские посадники, стр. 164; Янин и Литаврин, стр. 207.

Аркадий (до хиротонии, 1156—1158 гг.)

3. *Л. с.:* Надпись в шесть строк, окруженная точечным ободком (рис. 1, *3*).

О. с.: Оттиснута той же матрицей, что и *О. с.* печати № 2.

Д.— 21—22 *мм. М. н.*— Новгород, до 1906 г. *Хр.*— ОНГЭ, № 18. *Пр.*— Лих., Ник., БАН. *Изд.*— ЛСА, XXIV, *1*; Янин. Из истории художественной и политической жизни, стр. 113—123, рис. 1. *Уп.*— Порфиридов. Печати владык, стр. 88—89.

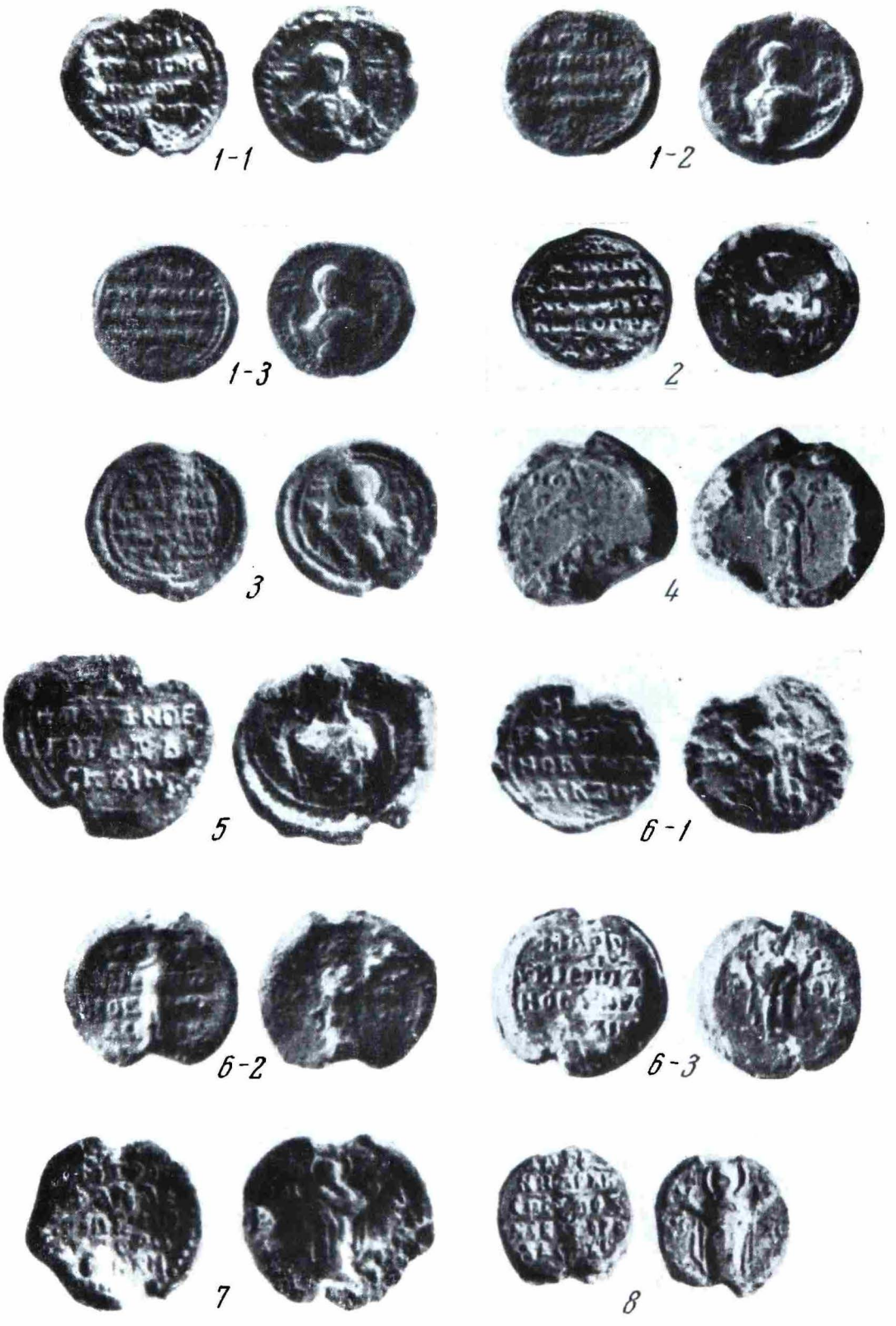


Рис. 1. Печати новгородских епископов

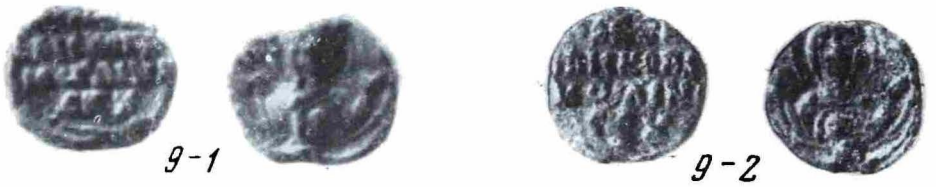


Рис. 2. Печати епископов Смоленска, Полоцка, Галича

Илия (как епископ, 1165 г.)

4. *Л. с.:* Остатки надписи в пять (?) строк, окруженной ободком (рис. 1, *4*).

О. с.: Изображение богоматери «Знамение» в полный рост, с обычными титлами по сторонам.

Д.— 21—25 *мм. М. н.*— не известно, не ранее 1935 г. *Хр.*— ОНГИМ, № 97257/1.017.414. *Пр.*— Гудков-Беляков, ЛБ. Не издана. *Уп.*— Мец, стр. 59; Янин. Новгородские посадники, стр. 164.

Илия (как архиепископ, 1165—1186 гг.)

5. *Л. с.:* Надпись в пять строк, окруженная точечным ободком (рис. 1, *5*). *О. с.:* Поясное изображение богоматери «Знамение» с обычными титлами по сторонам. Вокруг точечный ободок.

Д.— 26 *мм. М. н.*— Старая Ладога, на огороде у дома Макаровой, 1910 г. *Хр.*— ОНГЭ, № 22. *Пр.*— Репников, Лих., Ник., БАН. *Изд.*— ЛСА, XXXVIII, *13*. *Уп.*— Лихачев. Материалы, 2, стр. 32; Порфиридов. Именные владычные печати, стр. 224; Порфиридов. Печати владык, стр. 84; Янин. Новгородские посадники, стр. 164; Шорин, стр. 31.

Мартирий (1193—1199 гг.)

6. *Л. с.:* Надпись в четыре строки, окруженная точечным ободком (рис. 1, *6*).

О. с.: Изображение богоматери «Знамение» в полный рост с обычными титлами по сторонам. Вокруг точечный ободок. 3 экземпляра.

6—1. *Д.*— 20 *мм. М. н.*— Новгород, до 1906 г. *Хр.*— ОНГЭ, № 20. *Пр.*— Лих., Ник., БАН. *Изд.*— ЛСА, XI, *1*. *Уп.*— Лихачев. Материалы, 2, стр. 32; Порфиридов. Именные владычные печати, стр. 223; Порфиридов. Печати владык, стр. 83—85; Янин. Новгородские посадники, стр. 164.

6—2. *Д.*— 23 *мм. М. н.*— Новгород, до 1917 г. *Хр.*— ОНГЭ, № 21. *Пр.*— Лих., Ник., БАН. *Изд.*— ЛСА, L, *5*. *Уп.*— Лихачев. Материалы, 2, стр. 32; Порфиридов. Именные владычные печати, стр. 223; Порфиридов. Печати владык, стр. 83—85; Янин. Новгородские посадники, стр. 164.

6—3. *Д.*— 23—24 *мм. М. н.*— Новгород, берег Мячина в Воскресенской слободке, 1962 г., найдена Н. Ворониным. *Хр.*— Новгородский музей, № 14586. *Не издана.*

Митрофан (1201—1212, 1220—1223 гг.)

7. *Л. с.*; Надпись в пять строк, окруженная точечным ободком (рис. 1. *7*).

О. с.: Изображение богоматери «Знамение» в полный рост, с обычными титлами по сторонам. Вокруг точечный ободок.

Д.— 23—24 *мм. М. н.*— Новгород, 1917 г. (Архив АН СССР, ф. 246, оп. 3, № 126, л. 15). *Хр.*— ОИПКГЭ, № 1957/6. *Пр.*— Музей Штиглица (куплена у В. А. Квашонкина в 1918 г.). *Изд.*— Порфиридов. Именные владычные печати, стр. 223, рис. 1, *2*; Порфиридов. Печати владык, стр. 83, 85—86. *Уп.*— Янин. Новгородские посадники, стр. 164.

Антоний (1212—1220, 1225—1228 гг.)

8. *Л. с.:* Надпись в пять строк (рис. 1, *8*).

О. с.: Изображение богоматери «Знамение» в полный рост. По сторонам под обычными богородичными титлами; $\overline{\text{IC}}$ — $\overline{\text{XC}}$.

Д.— 20 *мм. М. н.*— Новгород, берег Волхова под старым мостом на Софийской стороне. *Хр.*— ОДРИ ГРМ, инв. № 3618. *Изд.*— Порфиридов. Именные владычные печати, стр. 223—224, рис. 1, *3*; Порфиридов. Печати владык, стр. 83, 86. *Уп.*— Янин. Новгородские посадники, стр. 164.

2. Смоленск

Мануил (1137 — не ранее 1167 гг.)

9. *Л. с.*: Надпись в четыре строки, окруженная точечным ободком (рис. 2, *9*).
О. с.: Погрудное изображение богоматери «Знамение» с обычными титлами по сторонам. Вокруг ободок. 2 экземпляра.

9—1. *Д.* — 20 *мм*. *М. н.* — не известно, до 1911 г. *Хр.* — не разыскана. *Пр.* — Лих. *Изд.* — Лихачев. Значение итало-греческой иконописи, стр. 92, рис. 198. *Уп.* — Нумизматический сборник, т. 2, М., 1913, стр. 334; Лихачев. Материалы, 2, стр. 16; Янин. Из истории художественной и политической жизни, стр. 116—117; Янин и Литаврин, стр. 207; Laurent, стр. 612, № 795.

9—2. *Д.* — 17—19 *мм*. *М. н.* — не известно, куплена в Париже из собрания, составленного в Стамбуле до 1917 г. *Хр.* — ОНГЭ, № 23. *Пр.* — Лих., Ник., БАН. *Изд.* — ЛСА, LIV, *1*; Лихачев. Материалы, 2, стр. 16, рис. 11; Янин. Из истории художественной и политической жизни, стр. 115—117, рис. 3. *Уп.* — Лихачев. Материалы, 2, стр. 32; Янин и Литаврин, стр. 207.

3. Полоцк

Дионисий (ум. 1183 г.)

10. *Л. с.*: Надпись в пять строк, окруженная ободком (рис. 2, *10*).
О. с.: Поясное изображение богоматери «Знамение» с обычными титлами по сторонам. Вокруг ободок. 2 экземпляра.

10—1. *Д.* — 27—28 *мм*. *М. н.* — Новгород, Городище, 1954 г., найдена Болдышевым. *Хр.* — Новгородский музей, № 9728. *Не издана*. *Уп.* — Янин и Литаврин, стр. 207.

10—2. *Д.* — 27—28 *мм*. *М. н.* — не известно. *Хр.* — ОНГИМ, № 96194/1.000.412, поступила в 1959 г. от Ембулова. *Не издана*. *Уп.* — Янин и Литаврин, стр. 207.

4. Галич

Козма (1157 — не ранее 1165 гг.)

11. *Л. с.*: Надпись в пять строк (рис. 2, *11*).
О. с.: Поясное изображение богоматери «Знамение» с обычными титлами по сторонам. 2 экземпляра.

11—1. *Д.* — 24—25 *мм*. *М. н.* — с. Крылос Галичского р-на Станиславской обл., около ц. Спаса за Луквою, до 1888 г. *Хр.* — не разыскана; хранилась в Львовском Ставропигийском музее. *Изд.* — Грушевский. Печатки з околиць Галича, № 1; Грушевский. История, стр. 105; Лихачев. Материалы, 2, стр. 14—15, рис. 9; Пастернак, рис. 83, *6*; Ратич, стр. 55, рис. 9, *2*; Янин. Из истории художественной и политической жизни, стр. 117, рис. 5. *Уп.* — Орлов. Материалы, стр. 254; 2-е изд., стр. 192; Янин и Литаврин, стр. 207; Laurent, стр. 613, № 796.

11—2. *Д.* — 20 *мм*. *М. н.* — с. Крылос Галичского р-на Станиславской обл., до 1941 г. *Хр.* — не известно. *Изд.* — Пастернак, рис. 83, *1*; Ратич, стр. 55, рис. 9, *3*.

12. *Л. с.*: Надпись в пять строк (рис. 2, *12*).
О. с.: Поясное изображение богоматери «Знамение» с обычными титлами по сторонам. Вокруг точечный ободок.

Д. — 24—25 *мм*. *М. н.* — с. Крылос Галичского р-на Станиславской обл., 1897 г. *Хр.* — не разыскана, хранилась в Львовском национальном музее, инв. № 31273. *Пр.* — куплена в 1939 г. у священника Петрушевича. *Изд.* — Грушевскии. История, стр. 105; Лихачев. Материалы, 2, стр. 14—15, рис. 10; Swiencickyi, стр. 438; № 6; Пастернак, рис. 83, *4*; Ратич, стр. 55, рис. 9, *4*. *Уп.* — Орлов. Материалы, стр. 254; 2-е изд., стр. 192; Янин. Из истории художественной и политической жизни, стр. 117; Янин и Литаврин, стр. 207; Laurent, стр. 613, № 796.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Грушевский. История —М. С. Грушевский. Иллюстрированная история Украины. СПб., 1913.

Грушевский. Печатки з околиць Галича — М. С. Грушевський. Печатки з околиць Галича. «Записки Наукового товариства імені Т. Г. Шевченка», т. XXXVIII, Львов, 1900.

Гудков-Беляков — Собрание Н. В. Гудкова-Белякова (Москва).

Д. —диаметр печати.

Изд.— Издание буллы, включающее ее воспроизведение.

ИКДР, 2 — Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. В кн.: «История культуры древней Руси, 2. Домонгольский период. 2. Общественный строй и духовная культура». М.— Л., 1951.

ЛБ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).

Лих.— Собрание Н. П. Лихачева (Ленинград).

Лихачев. Значение итало-греческой иконописи — Н. П. Лихачев. Историческое значение итало-греческой иконописи. Изображения богоматери в произведениях итало-греческих иконописцев и их влияние на композиции некоторых прославленных русских икон. СПб., 1911.

Лихачев. Материалы, 1 — Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, 1. «Тр. Музея палеографии», 1. Л., 1928; 2 — то же, 2. «Тр. Музея палеографии», 2, (Л., 1930).

Л. с.— Лицевая сторона.

ЛСА — Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом. Комплект фототипических таблиц и машинописный текст. Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 2, № 444.

Мец — Н. Д. Мец. Новые поступления Нумизматического отдела музея. «Ежегодник ГИМ, 1960 год». М., 1962.

М. н.— место и время находки буллы.

Ник.— Собрание Н. К. Никольского (Ленинград).

ОДРИ ГРМ — Отдел древнерусского искусства Государственного Русского музея

ОИПКГЭ — Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа

ОНГИМ — Отдел нумизматики Государственного Исторического музея (Москва).

ОНГЭ — Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа (Ленинград).

Орлов. Материалы — А. С. Орлов. Материалы для библиографии русских печатей (XI—XV вв., до 1425 г.). «Вспомогательные исторические дисциплины. Сборник статей». М.— Л., 1937; 2-е изд.— в кн.: А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.— Л., 1952.

О. с.— оборотная сторона.

Остр.— Собрание И. С. Остроухова (Москва).

Пастернак — Я. Пастернак. Старий Галич. Краков — Львов, 1944.

Порфиридов. Именные владычные печати.— Н. Г. Порфиридов. Именные владычные печати Новгорода. СА, 1958, 3.

Порфиридов. Печати владык — Н. Г. Порфиридов. Очерки памятников новгородской сфрагистики. Печати владык Великого Новгорода. «Новгородский исторический сборник», 9, Новгород, 1959.

Пр.— Происхождение буллы в составе существующего собрания.

Ратич — О. Ратич. Древньоруські археологічні пам'ятки на територіі західних областей УРСР. Киев, 1957.

Репников — Собрание Н. И. Репникова (Ленинград).

Уп.— Издание буллы без воспроизведения или ее упоминание.

Хр.— место современного хранения буллы.

Шорин — П. А. Шорин. Древнейшие печати новгородских владык. «АН СССР. Институт археологии. Пленум Института археологии 1966 г. Секция нумизматики (тезисы докладов)». М., 1966.

Янин. Из истории художественной и политической жизни.— В. Л. Янин. Из истории русской художественной и политической жизни XII в. СА, 1957, 1.

Янин и Литаврин — В. Л. Янин, Г. Г. Литаврин. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха. «Историко-археологический сборник к 60-летию А. В. Арциховского». М., 1962.

Янин. Новгородские посадники — В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962.

Konstantopoulos — K. M. Konstantopoulos. Βυζαντινὰ μολυβδόβουλλα τοῦ ἐν Ἀθήναις Ἐθνικοῦ νομισματικοῦ Μουσείου. Athènes, 1917.

Laurent — V. Laurent. Le corpus des sceaux de l'Empire Byzantin, V: L'Eglise. Première partie. 1. L'Eglise de Constantinople. A. La Hiérarchie. Paris. 1963.

Swiencickyi — J. Swiencickyi. Byzantinische Bleisiegel in den Sammlungen von Lwow. Сборник в паметь на проф. Петър Ников. Изв. на Българското историческо д-во, XVI—XVIII. София, 1940.

Заметки

А. В. АНПИЛОГОВ, К. А. ИНИНА

РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕТРОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КРЕМНЯ С ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНИЙ КАРЕЛИИ

До настоящего времени кремневый инвентарь древних поселений территории СССР систематически петрографическим методом не изучался. Между тем, он дает нам возможность решить вопрос о происхождении кремневого инвентаря в тех местах, где месторождений его нет.

На древних поселениях Карелии мы находим орудия, заготовки, украшения и осколки из кремня, хотя месторождения его здесь отсутствуют. Поэтому вопрос о происхождении кремня, используемого древним человеком на территории Карелии, представляет большой интерес.

Впервые на совещании по методам естественных и технических наук в археологии, проходившем в Москве в 1963 г., было заслушано три доклада по петрографическому методу: О. Ю. Круг[1], Г. М. Ковнурко[2], И. М. Гайдук[3]. Петрографическое исследование кремня с древних поселений Карелии впервые сделала научный сотрудник Института геологии Карельского филиала АН СССР К. А. Инина. По нашей просьбе она подвергла петрографическому исследованию 60 осколков кремня с разных поселений Карелии и с поселений соседних культур.

Кремень с карельской и соседних культур взят преимущественно со стоянок эпохи неолита, за исключением стоянок Усть-Понча II и Красная гора (эпоха бронзы). В большинстве своем кремень взят со стоянок Карелии. Здесь подвергнуто петрографическому исследованию 43 осколка кремня со следующих стоянок: стоянка (мастерская) Олений остров — 4 шл., Соломенное VII — 6 шл., Соломенное IX — 3 шл., Пески II — 2 шл., Ялгуба I — 4 шл., дер. Кашино — 4 шл., близ Челмуж — 5 шл., Кемская II — 2 шл., Чудозеро IV — 3 шл., Усть-Понча II — 2 шл., Порог Шойрукша — 4 шл., Золотец I — 4 шл.

Беломорская культура представлена стоянкой Красная Гора — 2 шл. (берег Белого моря). Из каргопольской культуры кремень взят со стоянок Караваиха — 4 шл., Умиление — 4 шл. Рязанская культура представлена стоянкой Ибердусь — 2 шл., волосовская культура — стоянкой Володары — 2 шл., льяловская культура — стоянкой Николо-Перевоз — 3 шл. Петрографическое исследование кремня с карельских стоянок, а также соседних культур дало нам возможность установить, что микроскопически кремни представлены плотными породами, сложенными из халцедона и кварца, окрашенных в различные цвета и оттенки от почти белых

---

[1] Методы естественных и технических наук в археологии. Тезисы докладов на Всесоюзном совещании по применению в археологии методов естественных и технических наук. М., 25 февраля — 1 марта 1963 г.

[2] Там же.

[3] Там же.

и светло-серых через светло-розовые до темно-малиновых и черных. Наряду с равномерно окрашенными встречаются также и тонкослоистые яшмовидного облика кремни. Такая окраска кремней связана с различной концентрацией в них примесей глинистых, углистых частиц и окислов железа. Помимо кремней в единичных случаях были встречены отщепы тонкозернистого кварцита темно-серого и углисто-кремнистого и шуньгитового сланца черного цвета. Кремни представляют собой тонкозернистые породы со скрытокристаллической и микрокристаллической структурами (стоянки Олений остров — шл. 3 и Чудозеро IV — шл. 2) с размером составляющих их зерен халцедона и кварца от 0,005 до 0,03 *мм* (рис. 1, *1—2*). Обычными являются и кремни с неравномерно-зернистой структурой стоянок Порог Шойрукша — шл. 3, Соломенное IX — шл. 3, Николо-Перевоз — шл. 2 с размером зерен мелкозернистой основной массы 0,005—0,02 *мм*, среди которой наблюдаются участки более крупнозернистого сложения с размером зерен 0,03—0,1 *мм* (рис. 1, *3—4*).

В породе обычными являются также миндалевидные образования, сложенные более крупнозернистым халцедоном и реже кварцем, а также кварцевые прожилки.

В ряде шлифов с различных стоянок (Порог Шойрукша, Золотец I, дер. Кашино, близ Челмуж, Усть-Понча II, Николо-Перевоз, Олений остров) наблюдаются остатки микроорганизмов, оконтуренных чистым более крупнозернистым халцедоном и кварцем, а также окислами железа. В одном образце встречена раковина размером около 4 *мм* в диаметре (рис. 1, *5—7*). На стоянках карельской культуры Пески II, Ялгуба I, дер. Кашино, Олений остров встречены отщепы углисто-кремнистого и шуньгитового сланцев черного цвета. Углистое вещество распределяется в виде пыли по породе и образует пятнистые скопления различной формы и размеров, несколько вытянутые в одном направлении и совершенно непросвечивающиеся. Изредка встречаются отщепы с примесью глинистого вещества, а также биотита. Это минералы местного происхождения, используемые древним человеком для изготовления мелких орудий.

Из исследованных петрографически 17 отщепов кремня из беломорской, каргопольской, волосовской, рязанской, льяловской культур видно, что все они принадлежат к кремням, окрашенным в различные цвета и оттенки — светло-серые, почти белые, светло-желтые, а также более темные — кирпичного и малинового цвета. Среди них имеются слоистые (двуслойные) разновидности кремней. Микроскопическое исследование шлифов кремней показало, что они сходны с кремнями карельских стоянок. Они также представляют собой породы скрыто-кристаллической и неравномерно-зернистой структур. Размер составляющих породу зерен колеблется в пределах 0,005—0,01 *мм* (микрофото шл. 1 со стоянки Ибердусь и шл. 3 со стоянки Порог Шойрукша) (рис. 1, *8*; рис. 2, *1*).

В них, как и в кремнях стоянок карельской культуры, наблюдаются кварцевые прожилки и миндалевидные образования, заполненные более крупнозернистым халцедоном и кварцем (микрофото стоянок Каравапха — шл. 3 и Олений остров — шл. 3) (рис. 1, *1*; рис. 2, *2*). Остатки микроорганизмов наблюдаются в десяти шлифах кремней с различных стоянок соседних культур. Они так же, как и кремни карельских стоянок, имеют различную форму и размеры, заполнены чистым более крупнозернистым халцедоном или халцедоном и кварцем, а также нередко оконтуриваются буро-коричневыми окислами железа. Кремень северных стоянок карельской культуры Беломорского, Кемского и Лоухского районов КАССР сходен с кремнем беломорской культуры по структуре зерна. Так, шл. 2 стоянки Усть-Понча II, шл. 1 стоянки Кемская II, шл. 4 стоянки Золотец I, шл. 2 стоянки Порог Шойрукша сходны со шл. 1—2 стоянки Красная Гора (беломорская культура) (рис. 2, *3—6*).

Приведенное петрографическое исследование кремня с древних поселений Карелии, а также соседних культур и сравнение их между собой

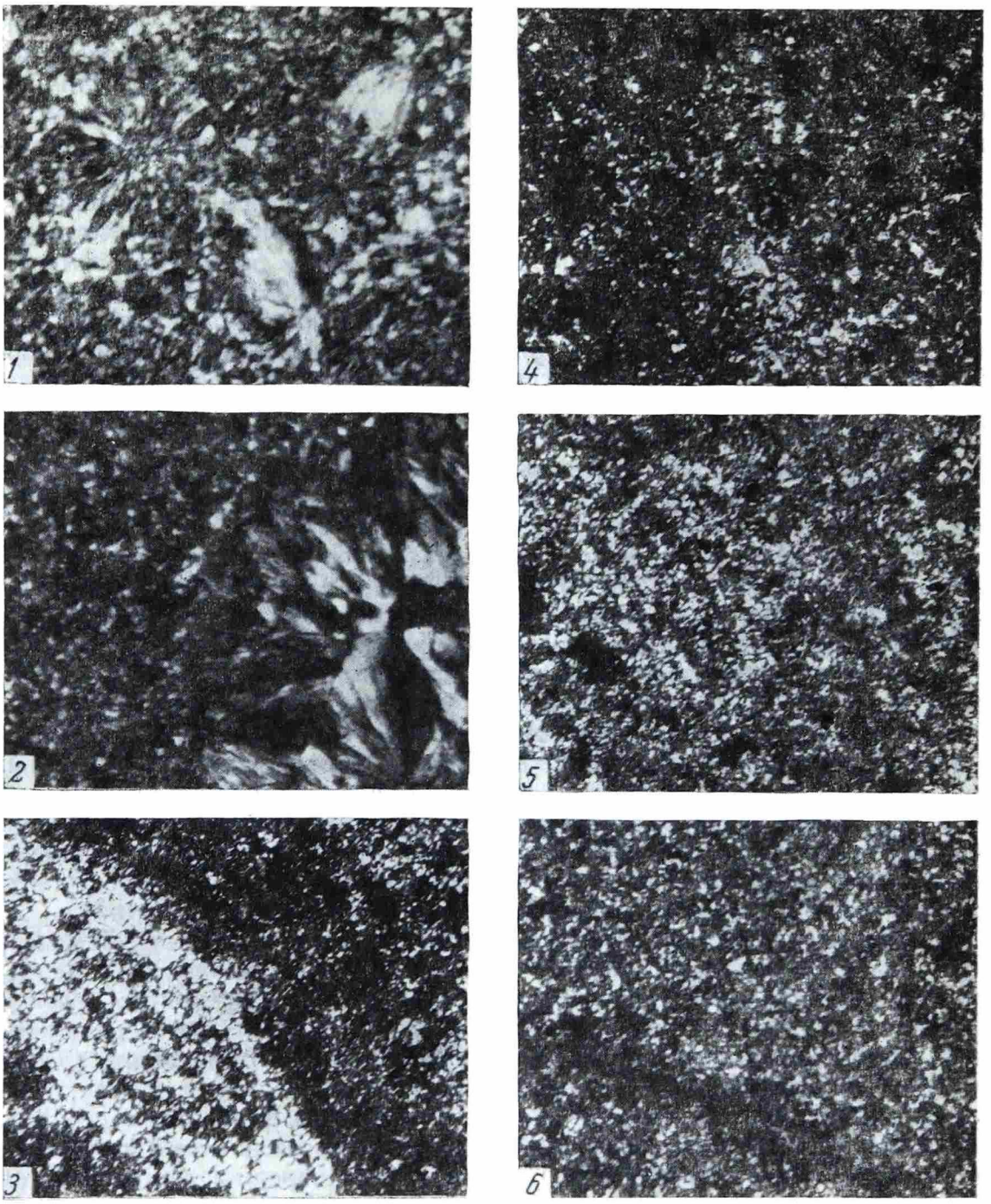


Рис. 1. Микрофотографии структур кремня

1 — стоянка Олений остров (карельская культура). Николи +, ув. 100; *2* — стоянка Чудозеро IV (карельская культура). Николи +, ув. 120; *3* — стоянка Порог Шойрукша (карельская культура). Николи +, ув. 160; *4* — стоянка Николо-Перевоз (льяловская культура). Николи +, ув. 90; *5* — стоянка Порог Шойрукша (карельская культура). В проходящем свете, ув. 90; *6* — стоянка Золотец I (карельская культура). В проходящем свете, ув. 24; *7* — стоянка Николо-Перевоз (льяловская культура). В проходящем свете, ув. 50; *8* — стоянка Ибердусь (рязанская культура). Николи +, ув. 90

позволяет думать, что кремни доставлялись в Карелию древними людьми из районов, богатых этим минералом. Северные племена карел получали кремень из области беломорской, каргопольской культур, а также из Окско-Клязминского района. В южную Карелию кремень попадал с территории каргопольской культуры. Хотя мы не проводим петрографического исследования кремня с верхней Волги, нет сомнения, что древние племена Карелии получали кремень и отсюда, где имеются большие его отложения. Сходство кремня со стоянок Володары и Николо-Перевоз дает основания предполагать, что эти племена получали кремень с Окско-

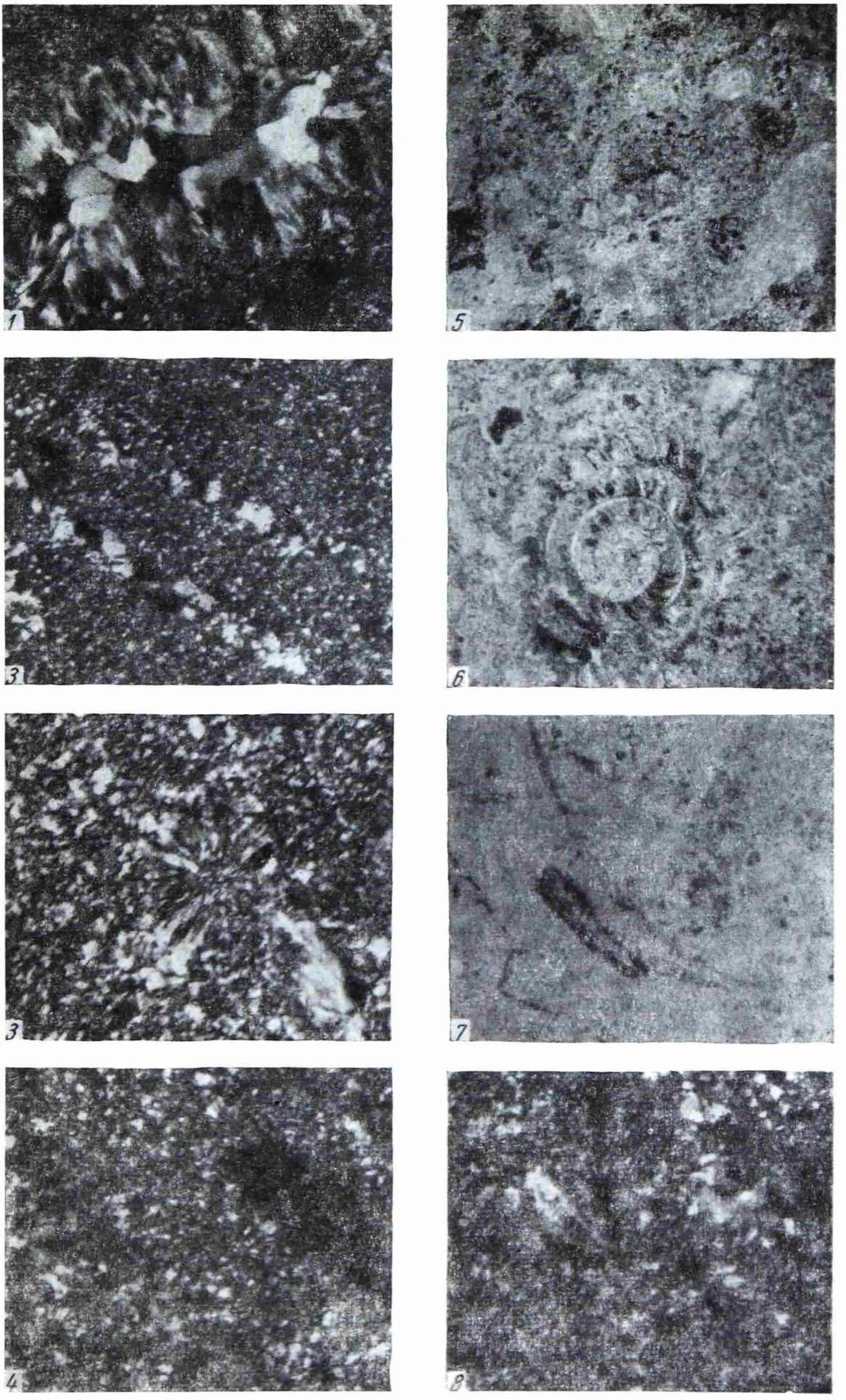


Рис. 2. Микрофотографии структур кремня

1 — стоянка Порог Шойрукша (карельская культура). Николи +, ув. 120; *2* — стоянка Караваиха (каргопольская культура). Николи +, ув. 120; *3* — стоянка Усть-Понча II (карельская культура). Николи +, ув. 90; *4* — стоянка Кемская II (карельская культура). Николи +, ув. 90; *5* — стоянка Порог Шойрукша (карельская культура). Николи +, ув. 90; *6* — стоянка Красная Гора (беломорская культура). Николи +, ув. 100

Клязминского района, где он имеется в природе. Петрографическое исследование в данном вопросе не оставляет никакого сомнения.

По находкам кремня мы не можем установить характер этих связей между племенами, но существование их несомненно доказывает, что в эпоху неолита были освоены различные пути сообщения между племенами. Значительное количество кремня на древних поселениях Карелии и особенно на стоянках Беломорского района могло появиться в результате прочной связи данных племен с племенами, живущими на территории, богатой кремнем. Эти связи были постоянными. Между тем, межплеменные связи установились сравнительно рано. Это подтверждается тем обстоятельством, что на древних поселениях Карелии, датируемых III тысячелетием до н. э., мы встречаем много кремня. Довольно рано встречаются вещи с карельских стоянок в других культурах. Есть основания предполагать, что межплеменные связи существовали за счет обмена кремня на другие предметы.

Такого мнения придерживаются А. Брюсов[4], С. А. Семенов[5], Л. Я. Крижевская[6] и др.

В настоящее время на ряде неолитических культур найдены мастерские по производству кремневых и каменных орудий. Такие мастерские найдены на верхней Волге, на поселениях каргопольской и карельской культур. Не исключено, что древние племена Карелии обменивали орудия из местных пород камня на кремень из соседних культур.

---

[4] А. Я. Брюсов. К вопросу об истории земледелия в датской археологической литературе (1950—1953). СА, 1957, 2, стр. 14—28.

[5] С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, 1957, 54, стр. 49.

[6] Л. Я. Крижевская. Кремнеобрабатывающая неолитическая мастерская и поселение на северо-востоке Башкирии. МИА, 79, 1960, стр. 280.

М. Н. ПЕТРОВ

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА «СТРЕЛКА» В НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Исследованию неолитических стоянок на оз. Ильмень Новгородской обл. долгое время не уделялось должного внимания. Единственными более или менее крупными работами явились раскопки известной стоянки Коломцы, проведенные в конце XIX в. новгородским любителем-краеведом В. С. Передольским[1].

Однако в последнее время на оз. Ильмень были открыты новые памятники, одним из которых является стоянка Стрелка. Она расположена на берегу оз. Ильмень близ истоков р. Волхов, на стрелке, при впадении в. Ракомки в озеро, в 7 *км* южнее г. Новгорода и в 1 *км* к югу от дер. Юрьево, близ Перынского острова.

В связи с тем, что летом 1964 г. вода в Волхове сильно спала, обнажив кромку берега шириной в 300 *м*, на береговом пляже встретились культурные остатки из размытого слоя, а также отдельные сохранившиеся останцы культурного слоя. Судя по распространению находок, площадь поселения была невелика. Отщепы и орудия встречаются на участке размером 45 × 15 *м*. Культурный слой — черная глина толщиной до 10 *см*,— насыщенный находками, лежал на материковом желтом песке.

В 14 *м* к юго-западу от центра стоянки были расчищены остатки очага, состоящего из нескольких небольших камней, расположенных по кругу и сохранивших следы пребывания на огне. Около очага было найдено долото и несколько фрагментов керамики.

---

[1] В. С. Передольский. Бытовые остатки насельников Ильмено-Волховского побережья и земель Велико-Новгородского державства каменного века. СПб., 1893.

В общей сложности на стоянке собрано 300 фрагментов керамики, 80 каменных орудий труда и более 500 кремневых отщепов. Орудия по отношению ко всему материалу составляют 21%. Изготовлены они из кремня, сланца, диорита и песчаника (из последнего семь точильных брусков и довольно крупная шлифовальная плита).

Топоры, тесла и долото сделаны из сланца (рис. 1, *1—3*). Топоры (один целый и три обломка) крупные, зашлифованы и сильно сработаны. Тесло (из зеленого сланца) сильно сбито, хотя рабочая часть сохранилась

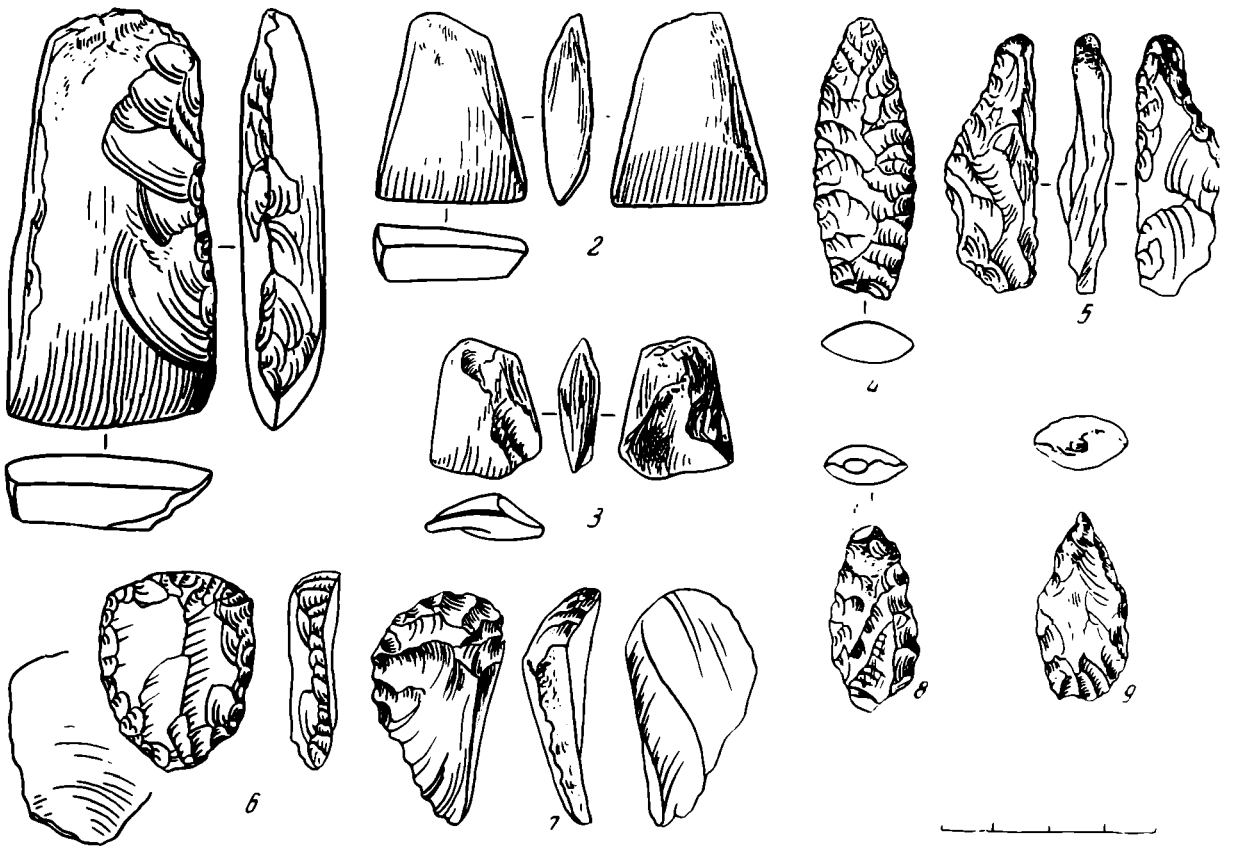


Рис. 1. Орудия из кремния со стоянки Стрелка

хорошо. Одно из долот (из зеленого сланца) почти правильной трапецневидной формы 3,3 *см* длины. Рабочая часть его с одной стороны почти плоская, с другой округлая, второе долото по форме также приближается к трапеции, оно зашлифовано, верх сбит, на лезвии сохранилась выемка. Аналогичные долота известны в стоянке Акали [2].

Наконечники стрел представлены десятью заготовками и несколькими законченными экземплярами, обработанными с двух сторон тщательной ретушью (рис. 1, *4*). Длина их колеблется от 3,4 до 5,2 *см*. Форма различна: черешковые с широким насадом, не типичные для племен прибалтийской неолитической культуры [3] и вместе с тем достаточно известные в культуре валдайской [4]. Другие наконечники стрел близки по форме к ромбу. Они находят себе аналогии в наконечниках стрел валдайской и прибалтийской культур. Последний тип наконечников — листовидный очень сходен с наконечниками стрел стоянки Усть-Рыбежна I [5].

---

[2] Л. Ю. Янитс. Неолитические стоянки на территории Эстонской ССР. КСИИМК, 54, 1954, стр. 14—15.

[3] Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада европейской части СССР. МИА, 87, 1961.

[4] Н. Н. Гурина. Валдайская неолитическая культура. СА, 3, 1958, стр. 36—37; ее же. Новые неолитические памятники в Восточной Эстонии. Сб.: «Древние поселения и городища». Таллин, 1955, стр. 162.

[5] Н. Н. Гурина. Древняя история..., стр. 346.

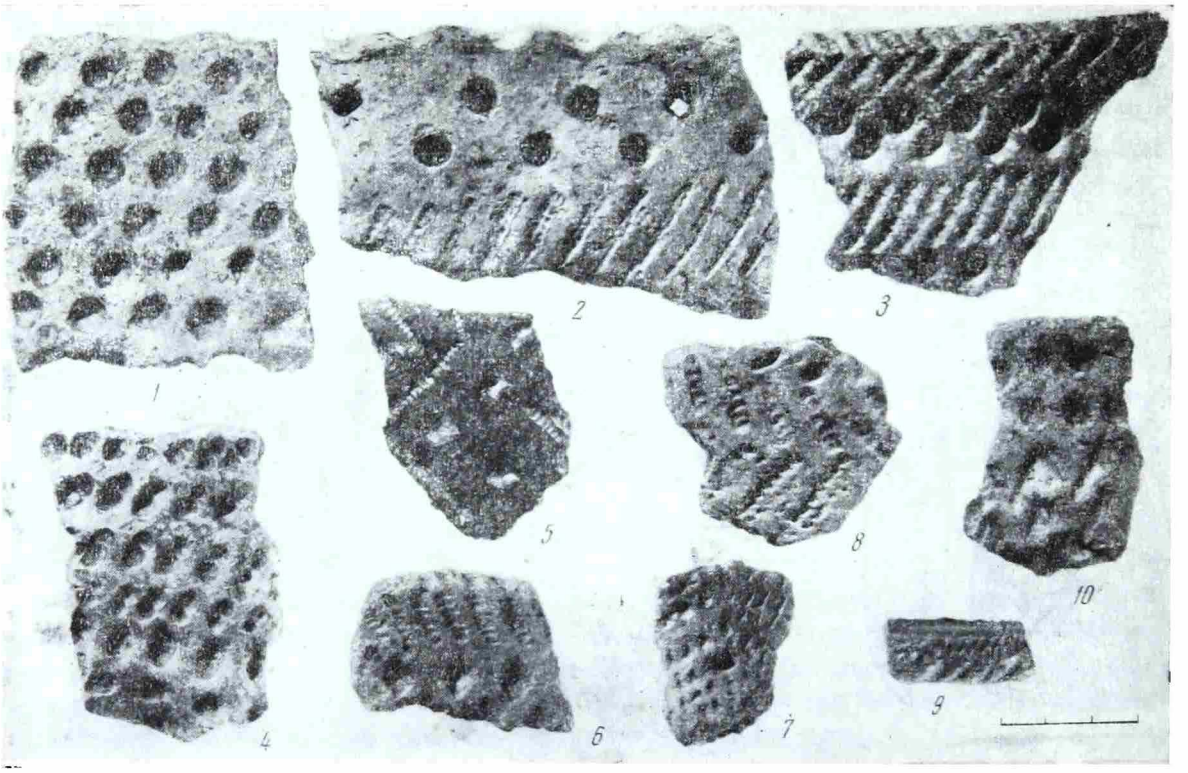


Рис. 2. Обломки сосудов со стоянки Стрелка

Ножи изготовлены из небольших (от 2,5 до 5 *см*) отщепов кремня, две плоские грани их, идущие под углом друг к другу, тщательно обработаны отжимной ретушью. На них следы длительного употребления. Найдено несколько проколок из кремневых отщепов, их рабочая часть подправлена ретушью (рис. 1, *9*, *8*). Тщательно ретушированную рабочую часть имеет и сверло, аналогичное сверлу из Усть-Рыбежна I (рис. 1, *5*).

Самой многочисленной группой среди орудий труда, найденных на Стрелке, являются скребки (рис. 1, *6*, *7*), составляющие почти половину всех орудий из камня. Их можно разделить на пять групп: а) с округлым рабочим краем длиной в 4—5, 7 *см*, обработанные ретушью только на одном округлом крае; б) подтреугольных очертаний длиной 1,7—3,7 *см*, обработанных по двум-трем краям; в) подчетырехугольных очертаний длиной 2—3,8 *см*, ретушированные по трем или всем четырем граням; г) концевые длиной 2—3,5 *см* с ретушью только на самом конце; д) наконец, миниатюрные скребки длиной не более 1,5 *см*, ретушированные по краям.

Аналогии всем этим скребкам мы находим в инвентаре поселения Усть-Рыбежна I.

Керамику по характеру орнаментации можно разделить на шесть групп. Фрагменты керамики с орнаментом из круглых глубоких ямок (около $^1/_5$ общего числа) (рис. 2, 1), отпечатков гребенки (около $^1/_4$ общего числа) и со смешанным ямочно-гребенчатым орнаментом ($^1/_5$ часть общего числа фрагментов) (рис. 2, *2*, *3*). Они довольно толстостенны, с примесью мелкого или более крупного песка, иногда органического вещества. Аналогию такой керамики мы встречаем в стоянках Нарва — Ригикюля I и Усть-Рыбежна I [6].

Следующая группа керамики составляет примерно 30% общего числа фрагментов. Толщина стенок сосудов от 6 до 10 *мм*, примесь органическая, венчики прямые, чуть скошенные внутрь, орнамент из сдвоенных ямок (рис. 2, *4*, *8*). Она очень близка керамике Усть-Рыбежна I и ряду валдайских стоянок.

[6] Н. Н. Гурина. Новые неолитические памятники..., стр. 166—168; ее же. Древняя история..., стр. 366—374.

Выделяется немногочисленная группа с геометрическим орнаментом, полученным из сочетания ямок и гребенки (рис. 2, *5, 6*).

Наконец, последняя группа керамики стоянки Стрелка относится уже к эпохе раннего металла и тождественна керамике с поселений Под Сопкой, на р. Волхове [7] и со стоянок на р. Прость (в 1 *км* к западу от Стрелки) [8]. Она составляет не более 7% от общего числа фрагментов и встречается преимущественно на пляже у кромки берега. Сосуды профилированы, тонкостенны, орнаментированы особым штампом, образующим тонкую линию, пересеченную короткими тонкими же насечками (рис. 2, *9*).

Говоря о стоянке Стрелка, нельзя не вспомнить сосуд со стилизованными изображениями людей и птицы, найденный в 2—3 *км* от Коломцов на стоянке и опубликованный В. В. Передольским [9].

Высота сосуда равнялась 70 *см*, диаметр венчика — до 0,5 *м*. Он хранился в Новгородском музее [10] и за время оккупации фашистами Новгорода очень сильно пострадал — были утеряны боковая и донные его части. Венчик с изображениями удалось сохранить. Есть много оснований полагать, что упоминаемая В. В. Передольским стоянка, «богатая керамикой», на которой был найден сосуд, это Стрелка [11]. Сосуд украшен отпечатками гребенки по венчику и ниже полосой ямок и ромбов из гребенчатого штампа. Наиболее интересной частью орнамента является изображение шести уточек, выполненных гребенкой, и схематическое изображение человеческой фигуры с двумя «рожками». Подобные изображения уточек на сосудах широко известны в стоянках Северо-Запада европейской части СССР: Кузнечиха, Негежма, Лавамяки и др. [12], аналогичные изображения человека можно найти в наскальных рисунках на Пери и Карецком Носах на Онежском озере [13].

Весь комплекс материала — кремневые орудия и керамика со стоянки Стрелка — заставляет отнести их к прибалтийской культуре, хотя нельзя не отметить и наличие некоторых элементов валдайской культуры, что вполне естественно, учитывая промежуточное положение Приильменья между областью, занятой прибалтийскими и валдайскими племенами. Ограниченность материала заставляет датировать данный памятник, с известной долей осторожности, приблизительно III тысячелетием до н. э.

---

[7] Н. Н. Гурина. Древняя история..., стр. 452.

[8] Материал хранится в фондах Новгородского музея. Сборы С. Н. Орлова.

[9] W. W. Peredolski. Eine bildliche Darstellung des Menschen auf einem neolitishen Tongefäs. «Archiv für Anthropologie», III, 3, Braunschweig, 1905, стр. 289—294, табл. XV.

[10] В. С. Передольский. Новгород Великий в бытовых свидетельствах стародавней жизни. Научный архив Новгородского музея. Фонд В. С. и В. В. Передольских, д. № 5315, стр. 4 (рукопись, вклейка).

[11] Работая над фондом В. С. Передольского, мы нашли запись об открытии В. В. Передольским (сыном В. С. Передольского) напротив стоянки Коломцы недалеко от урочища Перынь — другой, одновременной с Коломцами, стоянки, на которой был найден сосуд.

[12] Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада..., стр. 152.

[13] В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря, ч. I, М.— Л., 1936.

В. И. МАМОНТОВ

АРЧЕДИНСКИЙ КОМПЛЕКС НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Публикуемый ниже комплекс наконечников стрел происходит из Арчединского курганного могильника (с. Арчединка Михайловского района Волгоградской обл.). Могильник был исследован в 1959 г. экспедицией ИА АН СССР под руководством В. П. Шилова, в которой работал и автор нас-

тоящей публикации. Погребение № 4 кургана № 8 находилось в материке в северо-восточном секторе кургана. Яма имела вид прямоугольника, ориентированного длинной стороной по линии север—юг. Длина ее 1,55 *м*, ширина — 1,25 *м*, глубина — 1,3 *м* от горизонта. В засыпи могилы встретились мелкие кусочки перегнившего дерева от перекрытия. На дне могильной ямы — сильно разрушенный костяк взрослого человека. Судя по его расположению, он лежал на боку с поджатыми ногами, ориентированный головой на север. В юго-восточном углу ямы был поставлен сосуд с

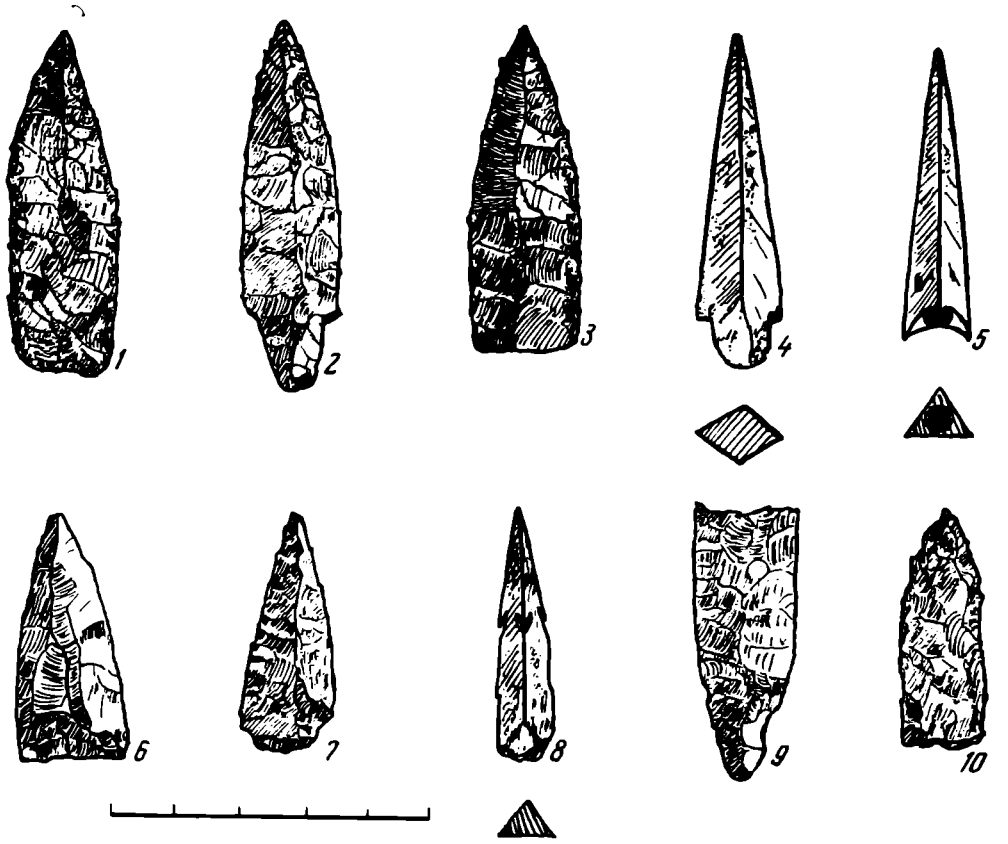


Рис. 1. Кремневые и костяные наконечники стрел из кург. № 8 (погр. № 4) Арчединского могильника
(*1—3, 6, 7, 9, 10* — кремень; *4, 5, 8* — кость)

выпуклыми боками и слегка загнутым внутрь краем. Поверхность сосуда светло-коричневая с темными пятнами копоти. Все тулово сосуда снаружи покрыто грубыми косыми бороздками от сглаживания поверхности травой. Внутри горшка, на его стенках — следы нагара от пригоревшей пищи. В изломе черепок темный, с включением частиц извести. Его высота — 19,8 *см*, диаметр края — 19 *см*, наибольший диаметр (по тулову) — 21 *см*, диаметр днища — 10,5 *см*.

Наконечники стрел лежали в центре могильной ямы [1].

1) Листовидный наконечник стрелы из серого кремня с прямо срезанным основанием. Длина его — 5,7 *см*, ширина основания — 1,5 *см*, наибольшая ширина — 1,9 *см* (рис. 1, *1*). 2) Листовидный наконечник стрелы из красного кремня, аналогичный первому. Длина — 5,6 *см*, ширина основания — 1.7 *см* (рис. 1, *3*). 3) Листовидный из красного кремня наконечник стрелы, аналогичный названным выше, но несколько меньший по размеру: длина — 4,2 *см*, ширина основания — 1,6 *см* (рис. 1, *6*). 4) Кремневый наконечник с необработанной нижней частью. Его длина — 4 *см* (рис. 1, *10*). 5) Черешковый наконечник стрелы из красного кремня. Ромбовидный в сечении (ребро проходит по всей длине наконечника от острия до конца черешка). Длина — 6 *см*, длина черешка — 1,3 *см*, наибольшая ширина — 1,5 *см*, ширина шипов у основания черешка — 0,2 *см* (рис. 1, *2*). 6) Черешковый

[1] Наконечники стрел находятся в фондах ВОКМ, инв. № 5937/78.

наконечник стрелы. Черешок сломан в древности. Длина наконечника — 3,8 *см*, наибольшая ширина — 1,6 *см* (рис. 1, *7*). 7) Кремневый наконечник сверла (по определению В. П. Шилова). Изготовлен из серого кремня. Длина — 4,7 *см*, ширина — 1,7 *см* (рис. 1, *9*). 8) Костяной черешковый наконечник стрелы. Ромбовидный в сечении, с гладкими лощеными гранями. Длина — 5,5 *см*, длина черешка — 0,8 *см*, ширина (наибольшая) — 1,8 *см*, ширина шипов у основания черешка — 0,3 *см* (рис. 1, *4*).

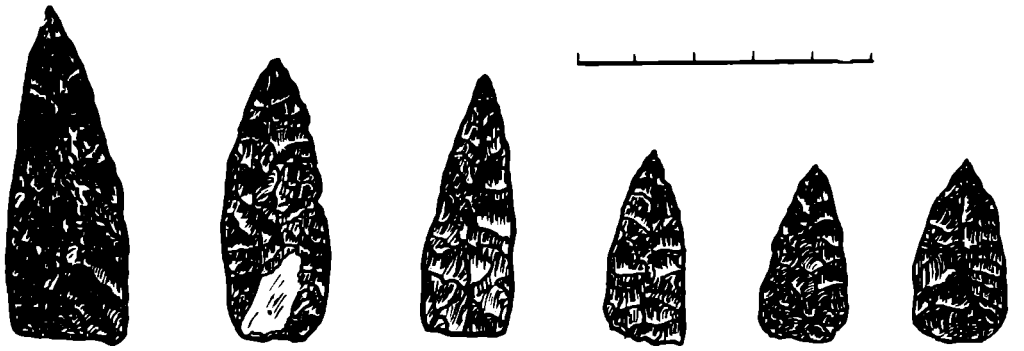


Рис. 2. Кремневые наконечники стрел из кург. № 1 (погр. № 10) курганного могильника у с. Сидоры

9) Втульчатый трехгранный наконечник стрелы, костяной. Имеет лощеные грани со слегка выступающими шипами. Длина наконечника стрелы по ребру — 4,7 *см*, глубина втулки — 1,4 *см*, диаметр входного отверстия — 0,5 *см* (рис. 1, *5*). 10) Костяной трехгранный наконечник стрелы, черешковый (?). Возможно, нижняя часть наконечника не обработана (заготовка). Длина — 4,2 *см*. На расстоянии 2 *см* от острия наконечника на каждой из трех граней сделаны зарубки («заусенцы») под острым углом к грани (рис. 1, *8*).

Аналогии арчединским кремневым наконечникам стрел листовидной формы встречены в кург. № 1 погр. № 10 срубной культуры в могильнике у с. Сидоры (Михайловский район Волгоградской обл., раскопки В. П. Шилова, 1959 г.). Он отстоит от Арчединского могильника на северо-восток примерно на 30 *км* (рис. 2) [2]. Совершенно аналогичны нашим кремневым наконечникам стрел наконечники из с. Скатовка (Приволжский район Саратовской обл.) из кург. № 11 погр. № 1 [3]. Они также тонко отретушированы, листовидной формы, с широким основанием. И. В. Синицын датирует погребение второй половиной II тысячелетия до н. э. Место находки наконечников стрел (с. Скатовка) отстоит на много километров на северо-запад от курганных могильников Арчединка—Сидоры, причем уже в Заволжье. Более того, арчединские наконечники стрел, листовидные, по внешнему виду, технике обработки аналогичны наконечникам Турбинского могильника, который датируется О. Н. Бадером XVI—XV вв. до н. э. [4]. Черешковый листовидный кремневый наконечник стрелы (рис. 1, *2*) близок хорошо известным наконечникам из Покровского могильника [5] и Скорняковских курганов [6] срубной культуры, из ряда памятников абашевской [7] и андроновской культур [8], а также наконечникам стрел с шипами сейминн-

[2] Наконечники стрел из могильника у с. Сидоры находятся в фондах ВОКМ, инв. № 5918/90.

[3] И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, 60, 1959, стр. 166, стр. 171, рис. 60, *6*.

[4] О. Н. Бадер. Могильники турбинского типа, их возраст и связь с поселениями. Археологический сборник ГЭ, 6, 1964, стр. 108.

[5] M. Gimbutas. Borodimo, Seima and their Contemporaries. PPS, 1956, XXII, рис. 21.

[6] Там же, рис. 22.

[7] МИА, 97, 1961, стр. 57, рис. 8; стр. 138, рис. 16; табл. V, *7*.

[8] А. А. Формозов. Археологические памятники в районе Орска. КСИИМК, XXXVI, 1951, рис. 32.

ского типа [9]. Сейминский могильник, по последним данным, относится к XV в. до н. э. [10]. Именно в это время происходит взаимодействие различных культур эпохи бронзы Прикамья с племенами срубной культуры. К срубникам, видимо, и попали (или была воспринята форма) наконечники стрел из кремня, пройдя, учитывая места находок, многокилометровый путь сначала на Волгу, а затем и на притоки Дона. Костяной черешковый наконечник стрелы (рис. 1, *4*) повторяет форму кремневого (рис. 1, *2*). Видимо, мастер перенес привычные черты «старого» наконечника на материал более мягкий — кость. Конец черешка костяного наконечника стрелы, так же как и у кремневого, сбит, заострен для удобства крепления в древке стрелы.

Следующим этапом в оснащении вооружением воина срубной культуры, видимо, было появление втульчатых трехгранных наконечников стрел, материалом для которых служила все та же кость. Ведь черешковый костяной наконечник стрелы обладал, наряду с положительными свойствами (например, легкость изготовления по сравнению с каменными наконечниками), рядом отрицательных качеств, снижающих их боевой эффект. Втульчатый костяной наконечник стрелы был шагом вперед по пути совершенствования оружия. Описанный выше костяной втульчатый наконечник стрелы Арчединского могильника, треугольный в сечении, имеющий пирамидальное острие и шипы, опущенные вниз, имеет свои аналогии как среди наконечников стрел эпохи поздней бронзы, так и в погребениях племен раннего железа [11]. С этой стороны исключительно интересно погребение № 1 из Карамышского кургана (ст. Карамыш Красноармейского района Саратовской обл.), где среди комплекса вещей срубной культуры был обнаружен костяной трехгранный наконечник стрелы, полностью схожий с арчединским. И кстати сказать, там же находились кремневые наконечники: два — листовидные, турбинского типа, три — сейминского типа [12].

В. П. Шилов на основании сосуда и кремневых наконечников стрел относит арчединское погребение к середине II тысячелетия до н. э. [13].

[9] В. А. Сафронов. К вопросу о Турбинском могильнике. Археологический сборник. Труды VIII Всесоюзной студенческой конференции. ЛГУ, 1964, стр. 45, рис. 1, *11*.

[10] О. Н. Бадер. Ук. соч., стр. 116.

[11] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, стр. 57, а также табл. V, *А, 10, 11, 12*, тип XIV.

[12] Е. К. Максимов. Памятник эпохи бронзы у ст. Карамыш Саратовской обл. Тр. СОМК. Археологический сборник, 1, 1956, стр. 118—119.

[13] В. П. Шилов. Проблемы освоения степей Нижнего Поволжья в эпоху бронзы. Археологический сборник ГЭ, 6, стр. 100.

М. Ф. КОСАРЕВ

ЛИТЕЙНАЯ ФОРМА ИЗ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ

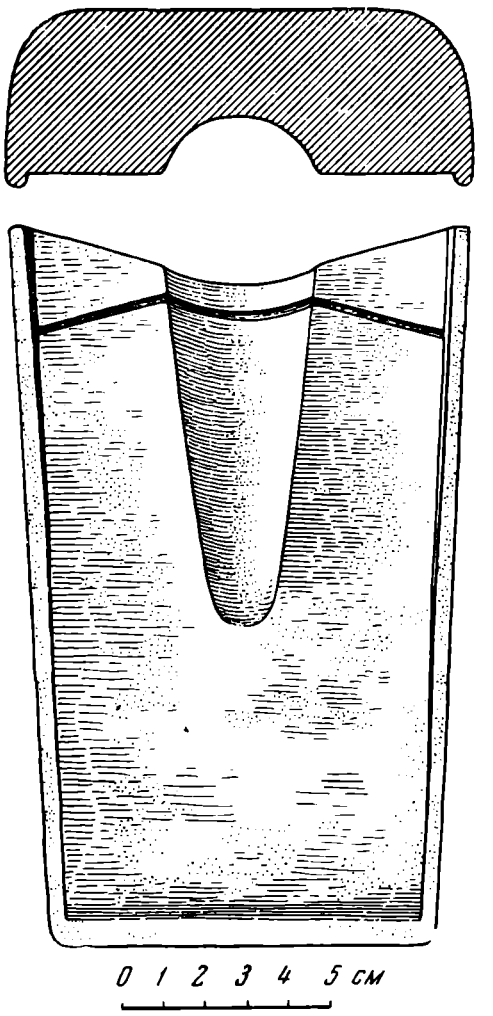
При раскопках поселения бронзового века Самусь IV близ г. Томска, производившихся В. И. Матющенко в 1955, 1957—1958 гг., были найдены обломки 25 литейных форм различных орудий, льячка, литейные шишки и другие принадлежности бронзолитейного производства [1]. Среди них имеются глиняные створки двухсоставной литейной формы, которая предназначалась для отливки лопатки, близкой по пропорциям одноименному бронзовому орудию из коллекции П. П. Иванова [2].

[1] В. И. Матющенко. К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи. СА, 1959, 4, рис. 3, 4; его же. К вопросу о бронзовом литье в бассейне р. Томи. КСИА АН СССР, 84, 1961, рис. 48, *1—4, 8*; М. Ф. Косарев. Среднеобский центр турбинско-сейминской бронзовой металлургии. СА, 1963, 4, рис. 1, *1—4, 7, 8*.

[2] Е. Е. Кузьмина. Два бронзовых кельта-лопатки из собрания Государственного Эрмитажа. СА, 1961, 4, рис. 1.

Лопатка, отливавшаяся в этой форме, имела несколько приподнятые плечики; втулка была укреплена валиком, переходящим на плоскость лопатки (рисунок). У плечиков толщина орудия достигала 0,7—0,8 *см*; по направлению к лезвию она равномерно уменьшалась. Ширина орудия в верхней части 10 *см*, по лезвию 8,5 *см*; высота 15,7 *см*, диаметр втулки 3,8 *см*.

Это единственный случай находки литейной формы лопатки, хотя сами бронзовые лопатки известны из Средней Азии (9 экз.), Восточного Казахстана (2 экз.) и Минусинской котловины (1 экз.). Ю. А. Заднепровский относит эти орудия к рубежу II и I тысячелетия до н. э.[3], Е. Е. Кузьмина — к предтагарскому времени[4], А. И. Тереножкин — к VII—IV вв. до н. э.[5]. Причем все исследователи считают лопатки разновидностью кельтов и называют их «кельтами-лопатками» или «мотыгообразными кельтами». Однако нетрудно заметить, что рассматриваемые орудия совершенно непохожи на кельты и, вместе с тем, близки обычной лопате по внешним признакам (плоская лопатообразная форма, наличие плечиков и специальной втулки), по назначению (вскапывание почвы, выемка грунта) и по технике насадки (вертикальное закрепление черенка).



Створка литейной формы лопатки из поселения Самусь IV

Видимо, не правы те археологи, которые склонны ограничивать время существования бронзовых лопаток узкими хронологическими рамками. Надо думать, что такое простое и необходимое в повседневном быту орудие, как лопата, будучи изобретено однажды, продолжало существовать и в последующее время.

В бронзовом веке и в скифо-тагарскую эпоху, когда эти орудия делались из бронзы (что обусловливало их массивность и, в ряде случаев, консервативность форм), облик лопат вряд ли существенно менялся. По-видимому, лопатки, опубликованные Е. Е. Кузьминой[6], далеко не одновременны, и их хронологический диапазон может измеряться многими сотнями лет. Это тем более очевидно, что среди известных бронзовых лопаток вряд ли найдется 2—3 экземпляра, которые можно было бы отнести к одному типу. Так, в числе опубликованных Е. Е. Кузьминой орудий есть лопатки с приподнятыми, опущенными и прямыми плечиками, сужающиеся и, наоборот, расширяющиеся книзу, с прямыми и округлыми лезвиями[7] и др. Различные типы могут быть разновременными.

Все встреченные на территории СССР бронзовые лопатки найдены вне датирующих комплексов, количество их невелико (12 экз.), и, следовательно, нет твердой основы для их типолого-хронологической классифика-

---

[3] Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, 118, 1962, стр. 60.

[4] Е. Е. Кузьмина. Ук. соч., стр. 256, 258.

[5] А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 153.

[6] Е. Е. Кузьмина. Ук. соч., рис. 2, *1—12*.

[7] Там же. Ср. рис. 2, *1*, *6—12*.

ции. Сейчас целесообразнее говорить не о том, сколько времени они существовали, а о том, когда они могли появиться.

Условия находки литейной формы лопатки в культурном слое поселения Самусь IV не позволяют отрывать ее от найденных здесь же литейных форм турбинско-сейминских кельтов [8]. Следовательно, металлургическое производство на Самусьском поселении началось около середины II тысячелетия до н. э. и закончилось в конце I тысячелетия до н. э.

Если относить самусьскую форму для отливок лопатки даже к самому концу этого периода, то ее дата определится последними веками II тысячелетия до н. э.

Выше мы уже упоминали о том, что поселение Самусь IV в Среднем Приобье является единственным пунктом, который дал литейную форму лопатки. Этот факт, видимо, не случаен. Напомним, что нигде, кроме Среднего Приобья, не были найдены формы для отливки кельтов турбинского типа (Самусь IV), наконечников, дротиков с прорезными перьями (Еловское поселение, раскопки В. И. Матющенко, 1960—1961 гг.) и нигде, кроме Среднего Обь-Иртышья, не были встречены литейные формы турбинско-сейминских копий (Самусь IV и иртышская находка), и т. д. Если говорить о более позднем времени, то следует указать, что только из Среднего Приобья известна литейная форма клевца (Кижировское городище, раскопки В. И. Матющенко, 1962 г.), хотя сами клевцы были основным видом боевого оружия урало-сибирских племен эпохи раннего железа и широко бытовали на громадной территории.

Мною уже была высказана мысль о том, что в Среднем Приобье очень рано сложился и долго существовал крупный центр бронзовой металлургии [9]. Этот вывод был сделан на основании находок здесь большого числа литейных форм и из сходства орнаментов на сейминских кельтах и на самусьской керамике. Здесь я привожу новые данные, подтверждающие это положение.

В верховьях Томи и на ее притоках имеется несколько месторождений самородной меди (речки Шумиха, Медная и Тала — притоки р. Кондомы; р. Кайбын, где встречаются самородки весом до 7—12 *кг*; месторождения на притоках р. Мрас-Су и т. д. [10]. Анализ бронзовых орудий из городища Маяк на Верхней Томи (позднебронзовый и раннежелезный комплексы), проведенный в химической лаборатории Новокузнецкого металлургического комбината в 1959 г., показал, что для их изготовления использовалась местная самородная медь.

И. К. Баженов перечисляет несколько месторождений олова в районах, непосредственно примыкающих к Среднему Приобью; касситеритовые россыпи в бассейне р. Бащелак (правый приток р. Чарыш), на р. Пейзас (впадает в р. Н. Терсь — правый приток Томи), на р. Тебь (правый приток Томи), на восточном склоне Кузнецкого Алатау в районе рудника Думного и т. д.— всего 13 месторождений [11]. Если даже допустить, что местное население могло не знать об этих месторождениях (что трудно предположить, учитывая их значительное количество и легкую доступность), не надо забывать о близости оловянных рудников Алтая, которые, по мнению С. С. Черникова, начали разрабатываться еще в андроновское время [12].

Б. Г. Тихонов, И. В. Богданова-Березовская и Д. В. Наумов достаточно обоснованно предполагают, что олово для бронзовых изделий андронов-

---

[8] М. Ф. Косарев. Ук. соч., рис. 1, *1—3*, *7*, *8*, рис. 2, *1*, *2*, *7*; В. И. Матющенко. Ук. соч., рис. 3, 4.

[9] М. Ф. Косарев. Ук. соч.

[10] А. М. Кузьмин. Медные руды Горной Шории. Сб.: «Полезные ископаемые Западно-Сибирского края», I, Новосибирск, 1934.

[11] И. К. Баженов. Олово. Там же, стр. 287—288.

[12] С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960, стр. 119, 120.

ского времени могли привозить в Приуралье и Западный Казахстан с Алтая [13]. Если допустить, что олово Алтая могло попадать в эти районы, находящиеся в 2 тыс. *км* от места добычи, то тем более была возможна его доставка в Среднее Приобье, расположенное в непосредственной близости от Алтая и связанное с ним удобными речными путями.

Среднее Приобье в бронзовом веке было стыком нескольких культурных областей — нарымской, среднеиртышской, минусинской и лесостепной обь-иртышской. Расположенное на границе культур, тесно связанное по Оби, Томи и Чулыму с таежными, степными и горными районами Сибири, Среднее Приобье с древнейших времен стало районом активных контактов разных этнических групп, центром, где скрещивались древние торговые пути.

Все это способствовало постоянному обогащению культуры местных племен, концентрации здесь производственного опыта различных культур.

Надо полагать, что самусьские мастера-литейщики изготовляли свои замечательные орудия не только и не столько для собственных нужд, сколько на обмен — для удовлетворения потребностей в этих изделиях окружающего их населения.

---

[13] Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА, 90, 1960, стр. 19; И. В. Богданова-Березовская, Д. В. Наумов. Химический анализ металлических предметов из могильника Тасты-Бутак I. МИА, 120, 1962, стр. 205.

Г. П. КЕСАМАНЛЫ

ПОГРЕБЕНИЕ С БРОНЗОВЫМ ПОЯСОМ ИЗ ХАЧБУЛАГА (Азербайджанская ССР)

Хачбулагский яйлаг (летнее пастбище) расположен южнее гор. Дашкесан (Азербайджанская ССР), на северных отрогах водораздельной цепи Шахдаг, Муровдаг и Ейналдаг (Малый Кавказ) в сильно расчлененной местности, в бассейне среднего течения р. Гошгар-Чай (абсолютные отметки 1800—2500 *м* от уровня моря).

Изучение археологических памятников Хачбулагского яйлага началось после установления Советской власти в Азербайджане. Впервые в 1927 г. по поручению Общества обследования и изучения Азербайджана И. И. Мещанинов начал изучение археологических памятников данного района [1]. В 1938 г. в Хачбулагском яйлаге работала экспедиция под руководством И. М. Джафарзаде [2]. В 1959 г. Институтом истории АН АзербССР была организована археологическая экспедиция для изучения пещер на территории Дашкесанского района [3]. В 1960 г. в связи со строительством водохранилища в Хачбулаге на р. Гошкар-Чай большая площадь должна была подвергнуться затоплению. Поэтому была организована экспедиция для обследования этого района. В результате там в 1960—1963 гг. были раскопаны курганы и каменные ящики [4].

---

[1] И. И. Мещанинов. Айрумская экспедиция Общества изучения Азербайджана. Архив ИИ АН АзербССР, инв. № 1142.

[2] И. М. Джафарзаде. Обследование циклопических сооружений Азербайджана. Из. АзербФАН СССР, 1939, 3.

[3] И. Нариманов, Г. Исмаилов. Археологические раскопки в Хачбулаге в 1959 г. ИАН АзербССР, 1961, 3 (на азерб. яз.).

[4] Г. П. Кесаманлы. Результаты работ Хачбулагской археологической экспедиции 1960—1962 гг. Тезисы докладов и сообщений Сессии, посвященной итогам археологических работ 1963 г. Баку, 1964, стр. 14—15.

Исследованный нами могильник с каменными ящиками и курганами расположен на правом берегу р. Гошгар-Чай, в местности Чобаног-Лунун юрду, примерно в 700 *м* к югу от строящейся плотины. Здесь были раскопаны два кургана и пять каменных ящиков.

Настоящая статья посвящена характеристике одного из этих комплексов — каменного ящика № 4, в котором был обнаружен интересный бронзовый орнаментированный пояс. Каменный ящик в плане был четырехугольным. Продольные стенки его сложены из трех плит, а поперечные —

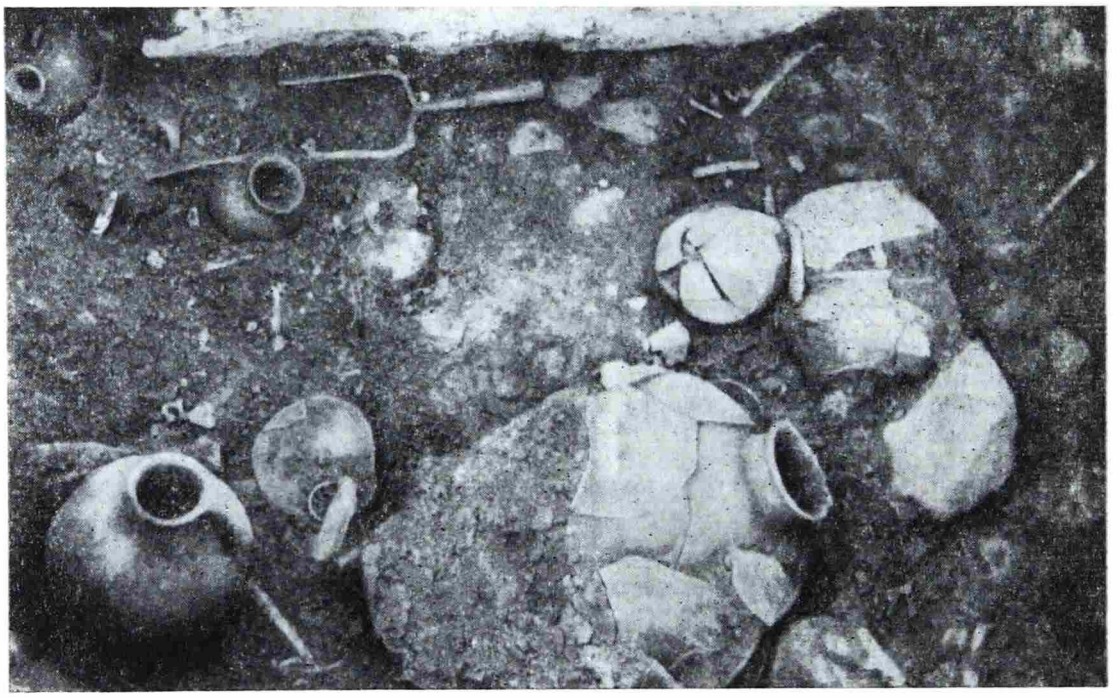


Рис. 1. Погребение в каменном ящике в Хачбулаге

из одной. Размеры ящика: длина (З-В) 1,5 *м*, ширина (С-Ю) 1,05 *м*, глубина 0,9 *м*. Сверху он перекрыт тремя плитами, которые выступали над поверхностью земли, а дно выложено мелким речным булыжником. В каменном ящике открыты остатки одного захоронения. Костяк был разрушен и разбросан по всей могиле. Из-за плохой сохранности костей положение и ориентацию покойного установить не удалось (рис. 1). Инвентарь погребения состоял из восьми глиняных сосудов (рис. 2), в том числе маслобойки (рис. 2, *2*), каменной чаши (рис. 2, *3*), больших железных вил со втоком (рис. 3, *5*), трех бронзовых браслетов (рис. 3, *2*), бронзового колечка (рис. 3, *4*), железных кинжала (рис. 3, *1*) и ножа (рис. 3, *6*), обсидианового наконечника стрелы (рис. 3, *3*), большого количества сердоликовых, цветных пастовых и других бус, а также широкого бронзового орнаментированного пластинчатого пояса (рис. 4). Кроме того, в ящике обнаружены кости мелкого рогатого скота.

Наибольший интерес среди перечисленных предметов представляет несомненно бронзовый пояс. Но прежде чем дать его характеристику, необходимо кратко остановиться на других вещах этого комплекса, что поможет определить дату и культурную принадлежность погребения.

Глиняная маслобойка (рис. 2, *2*) — это сосуд красного цвета, имеет в верхней части тулова ручку и носик высотой 2,5 *см* с отверстием в нем. Широкая верхняя часть сосуда украшена шестью параллельными бороздками. Маслобойка изготовлена от руки. Высота ее 60 *см*, диаметр венчика 14 *см*, а днища 19 *см*.

Совершенно аналогичные маслобойки обнаружены в Варташенском и Куткашенском районах [5], Мингечауре [6], Головино [7], Севанском бассейне, в Триалети [8] и других памятниках Закавказья эпохи поздней бронзы и раннего железа, датируемых концом II — началом I тысячелетия до н. э.

Другие глиняные сосуды из погребения все лепные. Интересен большой красный широкогорлый кувшин с удлиненным корпусом и плоским

Рис. 2. Керамика и каменная чаша из погребения

1, 4—7 — глиняные сосуды, *2* — глиняная маслобойка, *3* — каменная чаша с зооморфной ручкой

днищем (рис. 2, *1*). У него дугообразная ручка и у основания горла орнамент в виде двух параллельных линий. Высота сосуда 35 *см*, диаметр по краю венчика 10 *см*, а днища — 19 *см*. Подобные глиняные кувшины

[5] С. М. Казиев. Археологические раскопки в Куташенском и Варташенском районах. Экспедиции АН АзербССР за 1945 г. Баку, 1957, стр. 143—144 (на азерб. яз.).

[6] Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе. Древний Мингечаур. Баку, 1959, табл. XXXII, *2*.

[7] М. О. Мнацаканян. Раскопки могильников у с. Головино. КСИИМК, 46, 1952, стр. 62.

[8] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Трпалети, I, Тбилиси, 1940, стр. 47, табл. XXIX.

представлены в ряде комплексов Восточного Закавказья эпохи поздней бронзы и раннего железа, в частности в могильниках Мингечаура [9], Варданлы [10], на поселении Кара-Тепе [11] и других памятниках.

Довольно часто встречаются в комплексах Закавказья конца II — начала I тысячелетия до н. э. и плоскодонные сероглиняные горшки с округлым туловом и невысоким отогнутым наружу венчиком. Два экземпляра

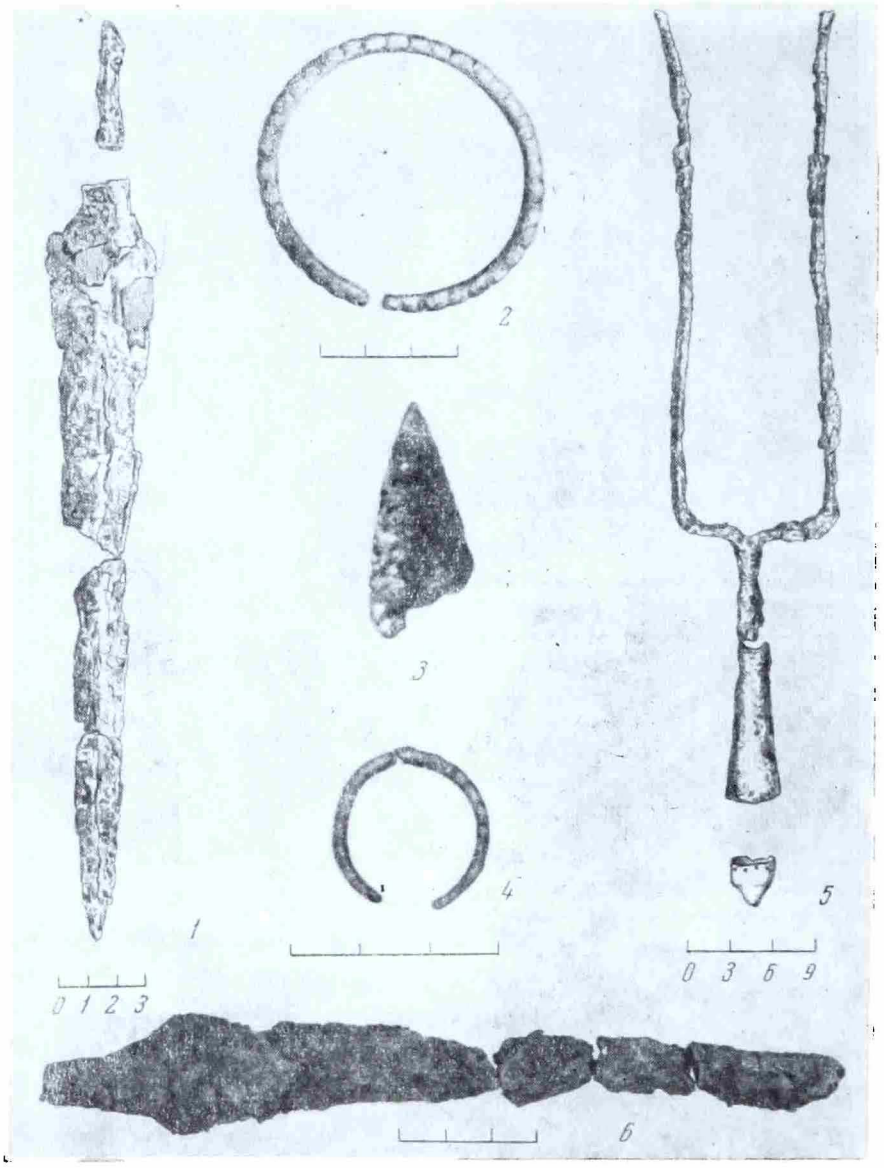


Рис. 3. Металлические предметы и обсидиановый наконечник стрелы из погребения

1 — железный кинжал, *2* — бронзовый браслет, *3* — обсидиановый наконечник, *4* — бронзовое кольцо, *5* — железная вила с набалдашником, *6* — железный нож

таких сосудов найдены и в рассматриваемом погребении (рис. 2, *5*). Размеры одного из них: высота 15 *см*, диаметр венчика 11 *см*, а днища 10,5 *см*.

Интересен и толстостенный горшок красновато-желтого цвета, с округлым туловым, плоским дном и отогнутым наружу венчиком (рис. 2, *4*). По плечику сосуда нанесен в два ряда орнамент из мелких и неглубоких вдавлений. Высота его 13 *см*, диаметр венчика 17,4 *см* и дна 13 *см*. Такие

---

[9] Г. М. Асланов, Р. В. Вандов, Г. И. Ионе. Ук. соч., табл. XXXII, *4—9*.

[10] С. М. Казиев. Ук. соч.

[11] О. Ш. Исмизаде. Раскопки холма Кара-Тепе в Мильской степи (1954—1958 гг.). МИА, 125, 1965, рис. 12, *3*.

сосуды также встречены в ряде закавказских комплексов эпохи поздней бронзы и раннего железа, например в Шахтахтинском погребении [12], Мингечауре [13], Нарамусе (Армения) [14] и других памятниках.

Среди керамики следует отметить еще кружку серого цвета с прямым венчиком и плоским дном, снабженную петлевидной круглой в сечении ручкой (рис. 2, *6*). На поверхности ее вертикальные лощеные полоски. Высота кружки 10 *см*, диаметр венчика 11,5 *см* и днища 8 *см*. Аналогичные кружки известны из Мингечаура [15], Кущи [16], Сеид-Кенда, Дашкесана [17] и других памятников конца II — начала I тысячелетия до н. э.

Интересна находка в погребении каменной неглубокой чаши розово-фиолетового цвета из каолизированного туфита. У сосуда прямое округлое дно и зооморфная ручка в виде головки барана с закругленными рогами (рис. 2, *3*). Высота сосуда 3,5 *см*, диаметр венчика 18,5 *см*. Любопытно, что такие сосуды из красноватого и розово-фиолетового туфита найдены в Мингечауре [18], в грунтовых погребениях с керамикой ходжалы-кедабекского типа и в погребении у железнодорожной станции Горан [19], которые также относятся к концу II — началу I тысячелетия до н. э.

Таким образом, сравнительный анализ рассмотренной керамики и каменной чаши позволяет достаточно уверенно отнести данный

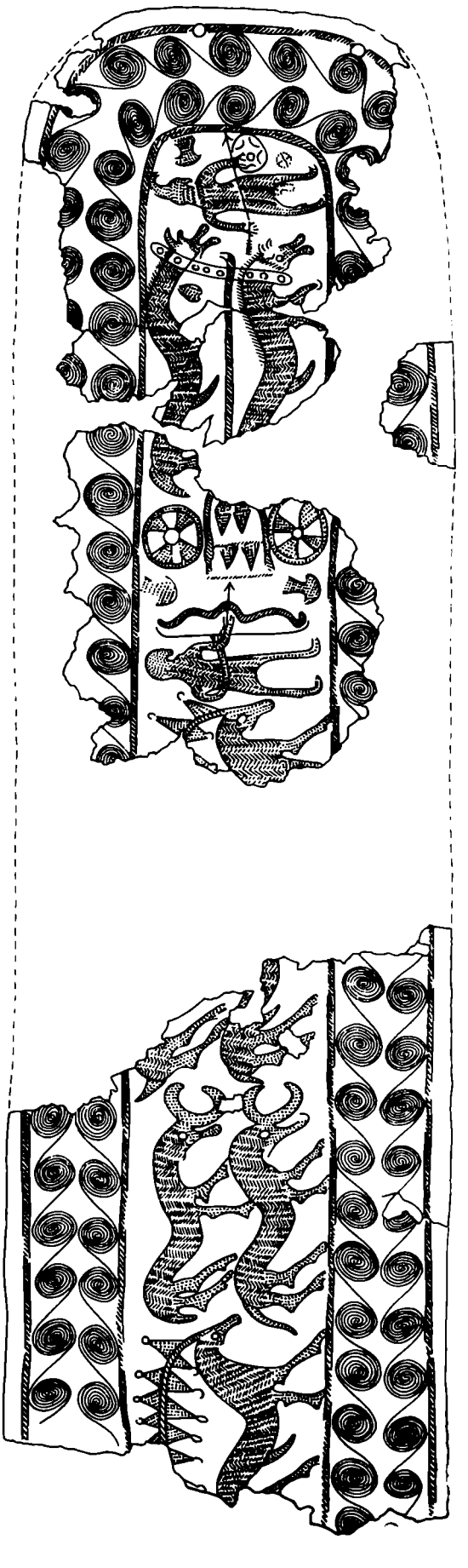


Рис. 4. Бронзовый пояс из погребения в Хачбулаге

---

[12] О. А. Абибуллаев. Материалы Шахтахтинского погребения. ИИАН АзербССР, 1961, 3, стр. 27—37.

[13] Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе. Ук. соч., табл. XXIII, *2*, *4—5*.

[14] А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, рис. 74, *4*.

[15] Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов. Г. И. Ионе. Ук. соч., табл. XXV, *1*.

[16] Я. И. Гуммель. Археологические очерки. Баку, 1940, стр. 136, рис. 5.

[17] ГИМ, инв. № 41968. Раскопки Э. А. Реслера в 1901 г.

[18] Т. И. Голубкина. О зооморфной керамике из Мингечаура. Сб. «Материальная культура Азербайджана», 2, Баку, 1956, стр. 106, рис. 1; Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе. Ук. соч., табл. XVI, *2*, *3*, *5*. Мингечаурские чаши имеют, в отличие от нашей, серебряную инкрустацию.

[19] И. Нариманов, Г. Исмаилов. Разрушенный курган у с. Горан. ИАН АзербССР. 1962, 3.

погребальный комплекс к эпохе поздней бронзы и раннего железа и датировать его концом II — началом I тысячелетия до н. э.

Остальной инвентарь из этого погребения позволяет более точно определить датировку данного комплекса и отнести его к периоду широкого освоения железа в Закавказье, а именно к IX—VIII вв. до н. э. На это, в частности, убедительно указывает наличие в рассматриваемом комплексе таких железных предметов, как кинжал, нож и боевые двузубые вилы. Любопытно, что все эти предметы повторяют форму соответствующих бронзовых вещей. Они обнаружены во многих памятниках Закавказья эпохи поздней бронзы. В них же найдены и обсидиановые наконечники стрел, бронзовые браслеты и кольца, аналогичные обнаруженным в Хачбулагском погребении. Это подтверждается и присутствием в данном комплексе бронзового пояса, сохранившегося, к сожалению, не полностью.

Пояс изготовлен из тонкой бронзовой пластины шириной 15 *см* и толщиной 1 *мм*. На сохранившемся одном конце пояса имеются три круглых отверстия, служившие, по-видимому, для подвязывания.

Поверхность пояса с лицевой стороны украшена гравированным орнаментом. По краю пластины идут две параллельные заштрихованные линии, между которыми расположены два ряда спиральных завитков. На центральной части пояса изображена двухколесная колесница с выгнутым дышлом, легким кузовом, запряженная парой лошадей. В колесах колесницы — по четыре спицы. Лошади запряжены в колесницу с помощью ярма, поверхность которого орнаментирована мелкими кружками. На шее одной из лошадей подвешен бубенчик.

Колесницу спереди и сзади сопровождают два вооруженных воина. Идущий впереди воин в правой руке держит копье, а в левой — круглый щит. Он закован в панцирь, лицо закрыто забралом. Головной убор увенчан высоким пучком перьев.

Второй воин, идущий за колесницей, держит в руках сложный лук и стрелу с наконечником закавказского типа. Он, как и первый воин, в панцире.

Перед фигурами воинов расположены магические знаки в виде изображений секир и круга с вписанным крестом.

Далее за колесницей изображено стадо быков и оленей (?). На головах оленей (?) — рога в виде линии, составленной из треугольников (вершинами вверх и вниз). Все изображения отличаются динамичностью.

Сцены на поясе изображают, возможно, угон скота и увоз награбленной после похода добычи.

Аналогичный описанному бронзовый пояс с изображением двухколесной повозки, запряженной парой лошадей, с легким решетчатым кузовом, выгнутым дышлом и колесами с четырьмя спицами обнаружен Жаком де Морганом в конце XIX в. в Ахталинском могильнике позднебронзовой эпохи (Армения) [20]. По мнению Б. Б. Пиотровского, наличие только четырех спиц в колесах повозки Ахталинского пояса объясняется схематичностью рисунка [21]. С этим едва ли можно согласиться. По всей вероятности, в Закавказье в эпоху поздней бронзы и раннего железа наряду с колесами на восьми спицах употреблялись повозки с колесами на четырех спицах.

Можно в этой связи отметить еще изображение двухколесной повозки с четырьмя спицами в колесах, обнаруженные А. Н. Кругловым на стенке каменного ящика в могильнике позднебронзовой эпохи у с. Берекей в Дагестане [22].

Бронзовый пояс с изображением двухколесной колесницы и вооруженных воинов найден также в погребении конца II — начала I тысячелетия

---

[20] J. de Morgan. Mission scientifique au Caucase, I, Paris, 1889, рис. 141, 145.

[21] Б. Б. Пиотровский. Ванское царство. М., 1959, стр. 152.

[22] А. Н. Круглов. Древние племена и народности Кавказа. МИА, 68, 1958, стр. 142, рис. 68—69.

до н. э. у г. Степанавана [23]. Двухколесная повозка с выгнутым дышлом и ярмом изображена и на обнаруженном случайно поясе у циклопической крепости урартского времени около Лчашена в Армении [24].

Нам думается также, что на обломках керамики и одном целом сосуде из поселения Сары-Тепе эпохи поздней бронзы в Азербайджане изображен орнамент в виде колеса со спицами. На одном из них даже имеется в центре отверстие, имитирующее втулку для оси [25]. А на двух других сосудах из Сары-Тепе имеется налепной орнамент в виде колес со спицами.

Рассмотренный комплекс, датируемый началом I тысячелетия до н. э., свидетельствует о высоком развитии местной культуры в эпоху начавшегося широкого освоения железа.

---

[23] А. А. Мартиросян. Ук. соч., стр. 160, рис. 65.
[24] Там же, стр. 99.
[25] Т. А. Бунятов. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957, стр. 100.

А. П. СМИРНОВ

СКИФСКИЙ МЕЧ ПСКОВСКОГО МУЗЕЯ

В собрании Псковского музея в числе беспаспортного материала хранится скифский железный меч архаического типа. Меч длиной 63 *см*, шириной у перекрестья 4,3 *см* имеет брусковидной формы навершье длиной 6,8, шириной 2 *см*. Рукоять, разделенная на три продольные части, две из которых являются гладкими бортиками, имеет длину 7, ширину 2 *см*. Массивное перекрестье сделано в форме бабочки. Клинок к концу несколько сужается, самый конец закруглен (рисунок).

Мечи подобного типа широко известны в скифских древностях и хорошо датируются по комплексу вещей VI в. до н. э. [1].

Вопрос о происхождении данного меча неясен. Скифские вещи или подражания им встречаются, и нередко, в северных районах Восточной Европы. Это Средняя Волга или Прикамье, где скифское, а чаще савроматское оружие довольно обычно.

В более западных районах скифские вещи были встречены в памятниках юхновской и дьяковской культур, не заходя, однако, северней устья р. Москвы или Оки. В районе Чудского озера и в Прибалтике южные вещи широко распространяются только в римское время.

Вероятнее всего, скифский меч Псковского музея происходит из какой-либо частной коллекции.

---

[1] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, Д-1-4, М., 1964, стр. 47 сл.

М. П. ЗАВИТУХИНА

ДВА БРОНЗОВЫХ КЕЛЬТА ИЗ МОГИЛ VI — V вв. до н. э. НА ЕНИСЕЕ

В Минусинском крае большинство кельтов было найдено при случайных обстоятельствах. Только три кельта происходят из погребений тагарской культуры у дер. Означенной [1], у оз. Горького [2] и в Оглахтинской долине [3].

Если прежде редкость их в погребениях объяснялась особенностями погребального ритуала [4], то теперь стало ясно, что это является результа-

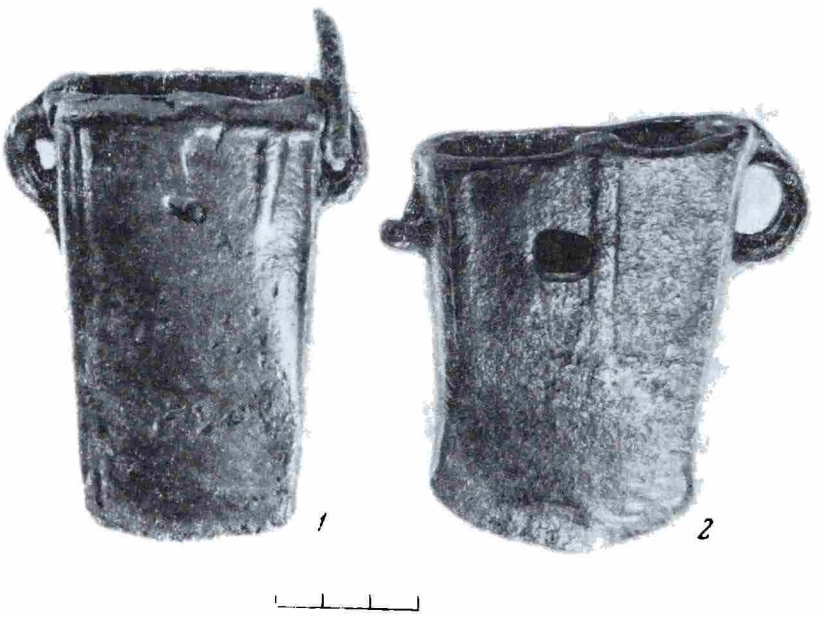


Рис. 1. Бронзовые кельты из могильника Барсучиха V
1 — кург. № 2, могила № 4; *2* — кург. № 5, могила № 2

том малой исследованности памятников. При раскопках Красноярской археологической экспедицией ИА АН СССР под руководством М. П. Грязнова в 1961—1964 гг. было обнаружено в могилах восемь бронзовых кельтов. В их число входят и публикуемые два экземпляра из могильника Барсучиха V, расположенного в 3,5 *км* к ЮЗ от дер. Сарагаш на Енисее [5].

1. Кельт (рис. 1, *1*) клиновидной формы, слегка сужается к лезвию. Длина 7,7 *см*, ширина лезвия 3,3 *см*. Втулка подпрямоугольная размерами 3,9 × 2,9 *см*, глубиной 5,3 *см*. По краю ее проходит небольшой валик и два ушка под ним. Орнамент на обеих широких гранях в виде трех коротких свисающих валиков. После отливки кельт был прокован. На рабочей части хорошо видны идущие в поперечном направлении вмятины — следы орудия, рабочий конец которого был длиной 2,4 *см* и шириной 2,5—3,0 *мм* [6].

Вместе с кельтом найдена сохранившаяся половина футляра из кожи с дополнительным кусочком кожи под литником, ремешок в одном ушке и дерево во втулке от рукояти.

[1] A. M. Tallgren. Trouvailles tombales Sibériennes en 1889. SMYA, XXIX, 2, Helsingfors, 1921, стр. 19—21; рис. 12, *12*.

[2] Курган на копях у оз. Горького (по дневнику мог. № 36). Раскопки С. А. Теплоухова 1928 г. Гос. Эрмитаж, коллекция № 4897-2.

[3] Раскопки Р. В. Николаева. Красноярский музей, экспозиция.

[4] М. П. Грязнов. Древняя бронза Минусинских степей. ТОИПКЭ, 1, Л., 1941, стр. 298.

[5] Раскопки автора этой заметки в 1961—1962 гг.

[6] Определение сделано научным сотрудником ЛОИА АН СССР Г. Ф. Коробковой.

2. Кельт (рис. 1, *2*) клиновидной формы с расширенным и закругленным лезвием. Длина лицевой стороны 7,5 *см*, обратной 7,0 *см*; ширина лезвия 4,4 *см*. Втулка подпрямоугольная размерами 4,5 × 3,0 *см*, глубиной 5,1 *см*. На боковых гранях — по ушку, одно не удалось при отливке. Орнамент состоит из трех вертикальных валиков, расположенных в центре и по краям лицевой и обратной сторон. Лезвие проковано с двух сторон, сильно сношено и погнуто. Во втулке сохранилось дерево от рукояти.

Кельты отлиты в двустворчатой форме. На местах соединения створок — боковых гранях и ушках — видны следы литейных швов. На кельте № 1 швы загнуты и заклепаны. Металл заливался с обушка через два канальца у края втулки, от которых остались неполностью убранные литнички.

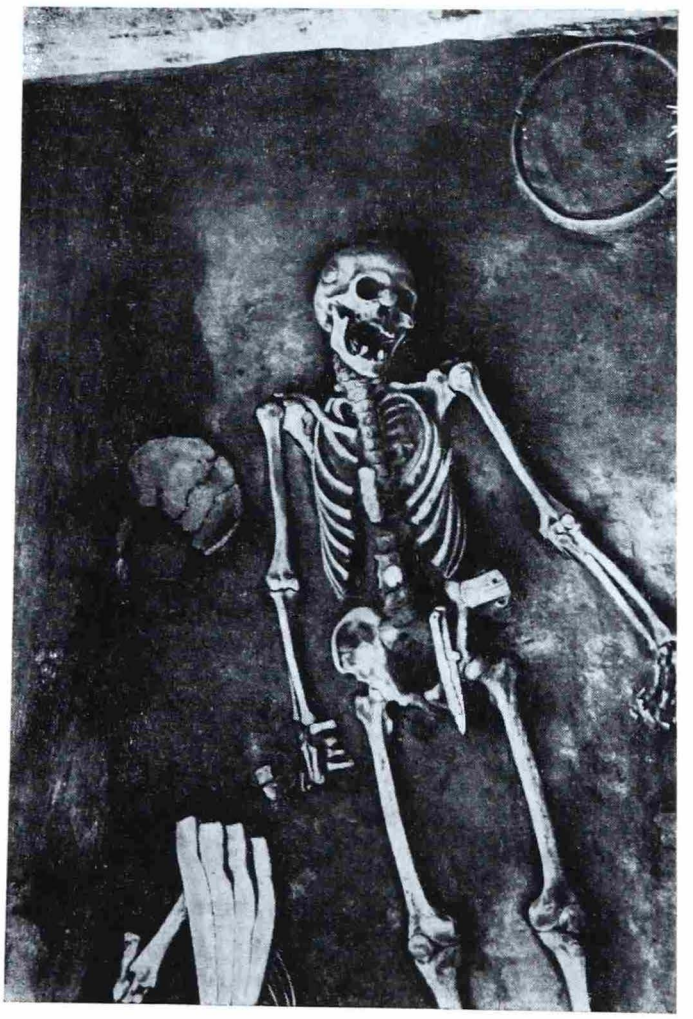


Рис. 2. Могильник Барсучиха V. Кург. № 5, могила № 2. Деталь

Для получения втулки кельта в форму вставлялся сердечник, к которому для удержания его от сдвигов прикреплялись два стерженька, образовавшие отверстия на широких гранях. На кельте № 1 одно отверстие получилось не сквозным, но могло быть пробито при надобности в нем. Литые отверстия на кельте № 2 овальной и прямоугольной формы.

Характерной особенностью всех кельтов из могил является их небольшой размер. Этим они отличаются от кельтов из случайных находок, обычно массивных и крупных по размерам.

В Лаборатории археологической технологии ЛОИА было проведено изучение функции публикуемых кельтов по следам работы на них. По определению Г. Ф. Коробковой, «на отдельных участках лезвия четко прослеживаются линейные следы, перпендикулярные краю и слегка заходящие на одну из сторон лезвия. Характер следов сработанности свидетельствует об употреблении данных кельтов в качестве тесел для обработки дерева».

Это заключение меняет представление о назначении кельта № 1. Подобные симметричные двуушковые кельты с орнаментом на двух сторонах считались топорами. Возможно, что этот кельт из могильника Барсучиха V был изготовлен как топор, но употреблялся как тесло.

Представляет интерес находка кельта № 2 в не потревоженной грабителями могиле, где все предметы остались на своих местах (рис. 2). Кельт лежал лезвием на гребне левой тазовой кости, лицевой стороной обращен вверх. Его использование в качестве тесла и коленчатая рукоять позволяют предполагать, что первоначально кельт был положен на ребро, но после разрушения рукояти он оказался в неустойчивом положении (только лезвием опирался на тазовую кость) и упал плашмя.

Судя по положению в могиле, кельты носились на боку слева в кожаном футляре. Оба кельта были найдены в погребениях мужчин пожилого возраста.

Могильник Барсучиха V является типичным памятником подгорновского этапа Минусинской курганной (первой стадии тагарской) культуры и датируется VI—V вв. до н. э. [7].

Кельт № 2 происходит из кургана, содержавшего пережиточные черты предшествующей эпохи: каменный ящик с расширением в головном конце, ограда из высоких плит. Вещи, найденные в могиле с кельтом,— кинжал с овальной шляпкой и бабочковидным перекрестьем и нож, орнаментированный треугольниками, подобно карасукским ножам,— датируют ее началом подгорновского этапа.

Дальнейшее изучение кельтов из комплексных памятников позволит уточнить датировку большой группы кельтов из случайных собраний, классификация которых была разработана М. П. Грязновым.

---

[7] М. П. Завитухина. Памятник енисейских племен VI—V вв. до н. э.— могильник Барсучиха V. Тезисы докладов на Юбилейной научной сессии Гос. Эрмитажа. Л., 1964, стр. 11—12.

М. М. ЛЕСНИЦКАЯ

ПОРТРЕТ II в. ИЗ ПАНТИКАПЕЯ

В Античном отделе Государственного Эрмитажа хранится мраморная мужская портретная голова [1], найденная случайно в 1842 г. при земляных работах в Керчи и переданная в 1851 г. в музей. По поводу этого портрета А. Б. Ашик, который опубликовал и дал краткое его описание, заметил, что «работа головы не может выдержать строгой художественной оценки» [2].

Прошло более ста лет, а приведенное мнение за это время не было ни подтверждено, ни опровергнуто в печати, так как портрет, насколько нам удалось выяснить, не привлекал к себе внимание исследователей [3].

Это голова мужчины среднего возраста, с мягкими чертами округлого лица, которое обрамляют волнистые пряди прически и небольшая борода, соединяющаяся с усами (рис. 1). Приспущенные веки, взгляд, слегка устремленный вверх, легкий поворот головы вправо создают впечатление задумчивости и сосредоточенности. Глаза, окруженные тенью, с морщинами у век, слегка припухлые щеки придают лицу выражение усталости, некоторой болезненности. Очень выразителен рот. На его слегка раздвинутых губах запечатлена едва уловимая улыбка, заметная при обозрении портрета в фас. При профильном повороте она исчезает и черты лица, вследствие опущенных углов рта, приобретают сдержанное, несколько суровое выражение.

Согласно определению, которое было сделано при поступлении портрета в музей, он датируется III в. В пользу такой датировки говорит ряд стилистических особенностей, которые проявляются прежде всего в значительной упрощенности трактовки. Живописно-декоративные тенденции, столь характерные для римской портретной скульптуры второй половины II в., в этом портрете смягчены. Полировка лица умеренная, нет живописного эффекта, который создается контрастом между массой прически

---

[1] Мрамор желтоватого оттенка. Общая сохранность портрета, за исключением отбитого носа, незначительного повреждения бровей, отдельных неглубоких выбоин, хорошая. Размер всего портрета — 0,28, головы — 0,20 *м*. Инв. № П-1842-107.

[2] А. Б. Ашик. Боспорское царство, III, стр. 55, рис. IV.

[3] Есть упоминание этого портрета в работе: В. Д. Блаватский. Материалы по истории Пантикапея. МИА, 19, 1951, стр. 30, 35, 61.

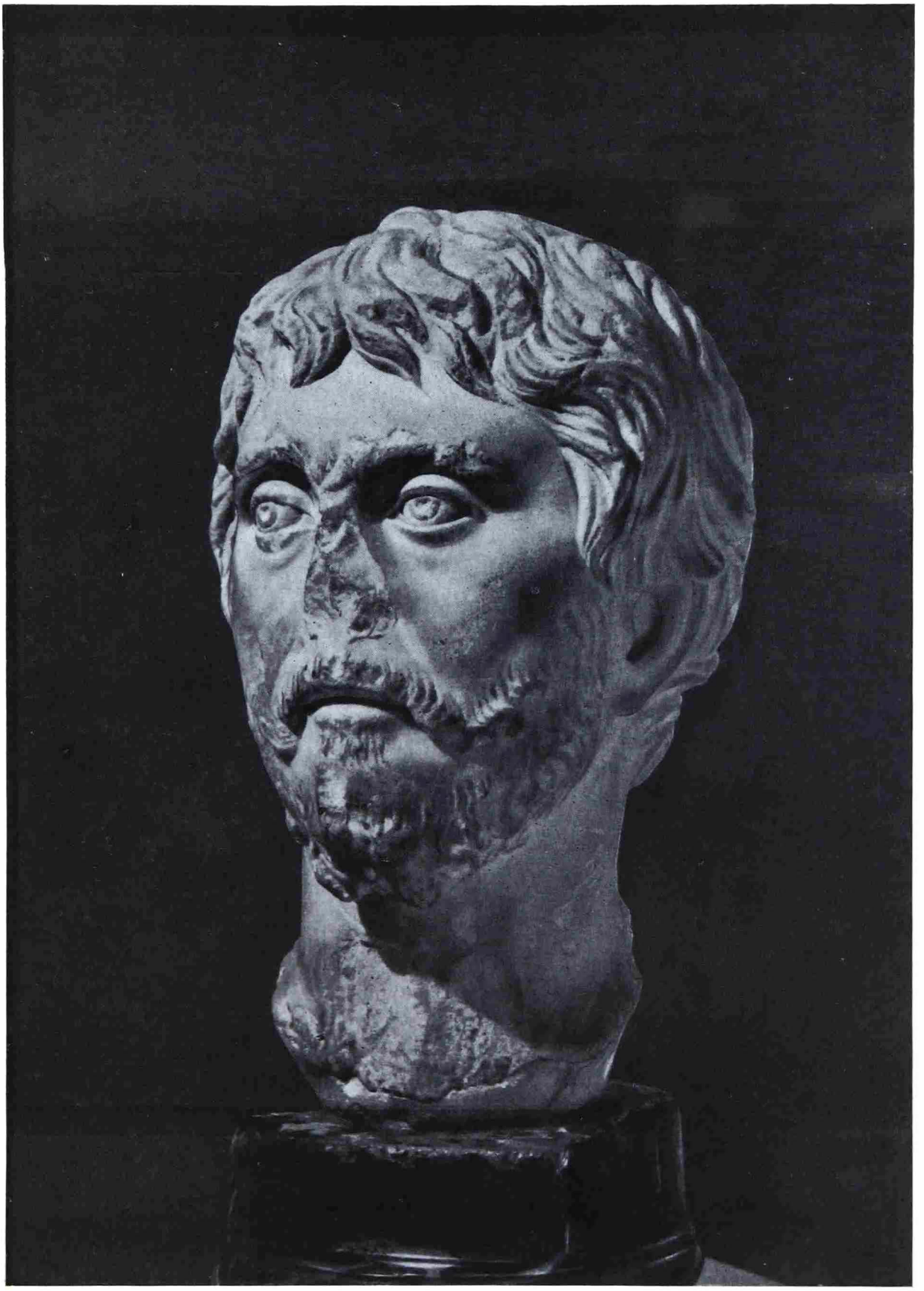


Рис. 1. Мужской портрет (в $^3/_4$ поворота)

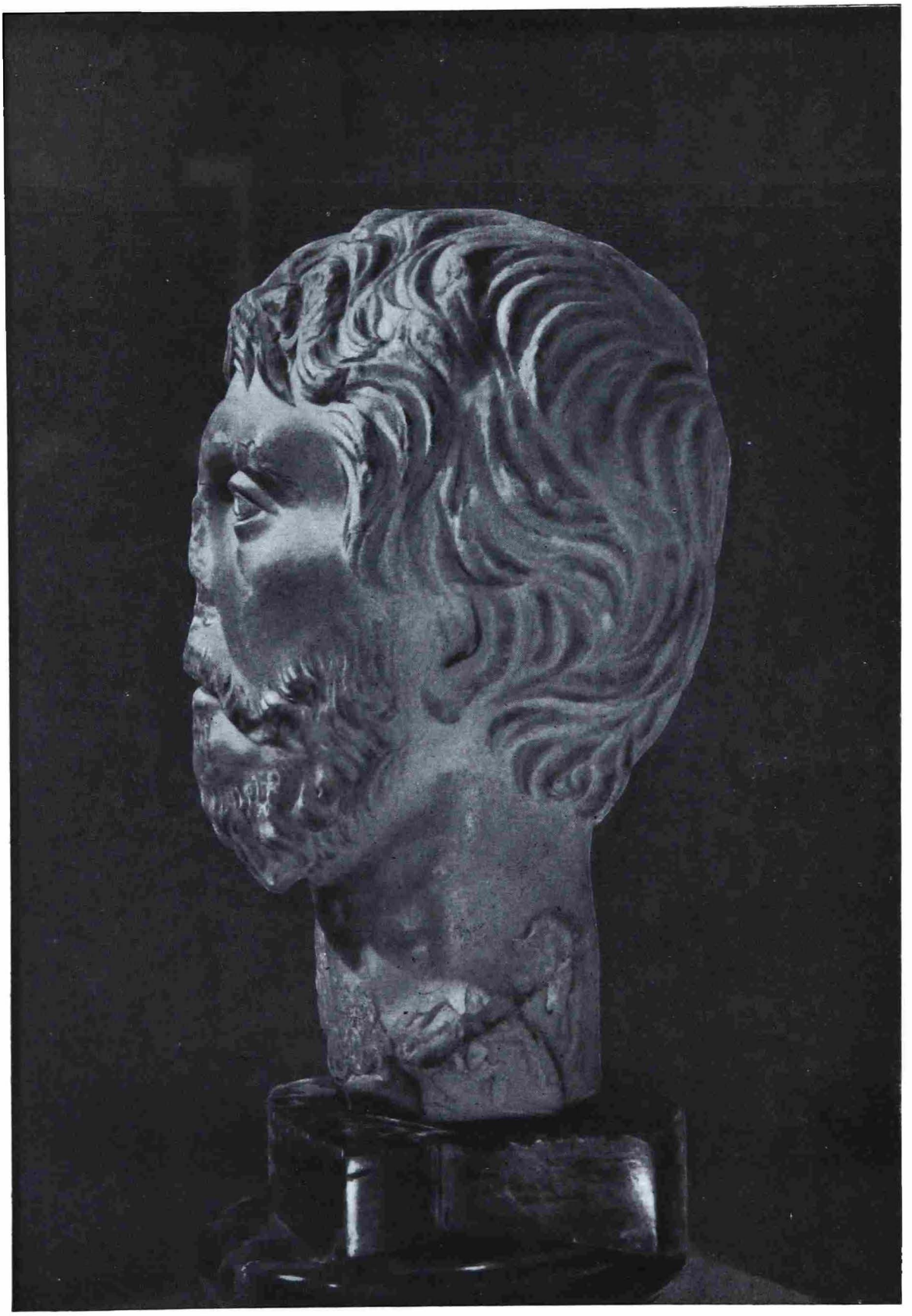


Рис. 2. Мужской портрет (в профиль)

и поверхностью лица. Весьма своеобразно также использованы круглые врезы бурава для обозначения локонов прически. Там, где эти врезы применены, например у правого уха, они совершенно не связаны с общей массой прически, которая трактована в виде длинных волнистых прядей. Редкими отдельными вкраплениями даны круглые врезы и в бороде. Создается впечатление, что мастер, используя их, отдал лишь дань определенным декоративным приемам, которые ему самому оставались чужды.

Вместе с тем, в портрете несомненно чувствуется влияние портретной пластики времени поздних Антонинов. Оно прослеживается прежде всего в характере тяжелых верхних век, почти касающихся зрачков, в самом типе зрачков в виде лунки. Подобные стилистические приемы можно найти, в частности, в портрете Антонина Пия из музея в Ватикане[4].

При определении стилистической характеристики портрета необходимо остановиться еще на одной своеобразной особенности — плоскостности его трактовки. С особой силой она ощущается при профильном повороте, в передаче головы, шеи. Подобное явление, несомненно, вызвано влиянием местного, боспорского искусства (рис. 2).

Прежде чем сделать вывод относительно датировки портрета и о принадлежности его к тому или иному художественному кругу, обратимся к статуе Неокла, к памятнику, который, как известно, был обнаружен, подобно эрмитажному портрету, также на территории Боспора[5]. Оба портрета имеют много общих стилистических черт. Аналогии прослеживаются в трактовке глаз, в моделировке поверхности лица. Общей является и тенденция в упрощению, которая наблюдается в изображении прически. В статуе Неокла, так же как и в портрете из собрания Эрмитажа, прическа передана в небольшом рельефе; она распадается на отдельные волнистые пряди, подчеркивающие округлые формы головы, хотя расположение локонов и их характер несколько иной. Любопытно отметить в связи с этим и такую особенность: имеющиеся в прическе круглые врезы бурова совершенно не связаны с общей массой локонов. Иначе говоря, здесь наблюдается такое же формальное использование декоративных приемов, какое прослеживается и в портрете из Эрмитажа. Общей в обоих произведениях является и плоскостность трактовки, которая в статуе Неокла ощущается особенно явственно.

Стилистическая близость этих двух произведений позволяет причислить их к одному художественному кругу, характеристика которого будет дана ниже.

Несомненное сходство в трактовке портретов не исключает и их различий. Отличие состоит в том, что у мастера, создавшего статую Неокла, живописно-декоративные тенденции сказались сильнее, чем в эрмитажном портрете. Об этом можно судить по трактовке бороды, для передачи которой многократно использован бурав.

Отмеченное расхождение объясняется, на наш взгляд, тем, что портрет из собрания Эрмитажа выполнен позднее, когда в портретной скульптуре усилились тенденции к упрощению. Статуя Неокла благодаря надписи имеет точную датировку — 187 г. Нам кажется возможным датировать наш портрет 90-ми годами II в. Эта датировка подкрепляется, как нам кажется, еще и следующими доводами — аналогией с портретом императора Септилия Севера из художественного музея в Гамбурге, который датируется Хофманом, опубликовавшим его, временем около 200 г.[6].

Оба портрета сближает общая трактовка глаз с тяжелыми верхними веками, со взглядом, направленным вверх и скошенным вправо. Затем, несомненное сходство прослеживается в моделировке щек, лба с мягко намеченными морщинами. Общим в трактовке этих двух портретов является и

[4] M. Wegner. Die Herscherbildnisse in antoninscher Zeit. Berlin, 1939, табл. *4а*.

[5] М. М. Кобылина. Скульптура Боспора. МИА, 19, стр. 175, 177, рис. 2, *4*.

[6] H. Hoffmann. Erwerbungen 1960—61. Antken-Abteilung. Aus dem Jahrbuch der Hamburger Kunstsammlungen, 7, Hamburg, 1962, стр. 225—227.

то обстоятельство, что при исполнении прически мастер преимущественно применял молоток и резец и очень редко бурав.

Итак, существует несомненная связь между эрмитажным портретом и изображением Септимия Севера, подтверждающая ту мысль, что разбираемый портрет был создан позднее Неокла.

Определяя место и значение эрмитажного портрета среди современных ему памятников скульптуры, следует помнить о значительных художественных достоинствах произведения, выполненного в целом на основе античных традиций. Последнее чувствуется в этом портрете значительно сильнее, чем в статуе Неокла, в котором заметны черты застылости, скованности. В этой связи обратимся вновь к голове Септимия Севера из Гамбургского музея. Хофман пишет о нем, что портрет отличается от типично италийских изображений Севера большей мягкостью, «гуманистичностью» образа. Подобное определение можно отнести и к портрету из собрания Эрмитажа, трактовка которого, как отмечалось выше, близка к гамбургскому изображению Севера. Однако, при всем сходстве с подобными произведениями античной портретной пластики, эрмитажный портрет несомненно связан с местным боспорским искусством.

Интересно сравнить профильное изображение портрета из Эрмитажа с подобным же ракурсом гамбургской портретной головы Септимия Севера. В портрете императора округлая форма затылка передана объемно, так что создается реальный живой контур головы. В нашем же портрете череп промоделирован плоско, условно.

Плоскостность, условность, как известно, являются неотъемлемыми чертами провинциального, варварского искусства. Черты эти, в частности, легко прослеживаются на многочисленных надгробных боспорских стелах. Однако, в отличие от стел, которые обычно выполнялись ремесленниками, портрет из собрания Эрмитажа является работой незаурядного мастера. На это указывают художественные достоинства портрета, использование привозного мрамора, близость к статуе Неокла, воздвигнутой правителем Горгиппии. Все изложенные соображения подтверждают, на наш взгляд, принадлежность этого портрета к официальному придворному течению боспорской пластики.

В настоящее время трудно еще проследить в подробностях линию развития этого своеобразного местного художественного направления. Бесспорным в его характеристике является то, что в нем соединяются античные и местные традиции, причем ведущее, определяющее значение сохраняют первые. Подобная стилистическая особенность прослеживается и в других областях боспорского искусства и имеет свои глубокие корни. В области портретной пластики в качестве примера можно привести скульптурную голову IV в. до н. э. из Фанагории, опубликованную М. М. Кобылиной [7].

Важно отметить, что многие стилистические черты, представленные в указанном художественном направлении, получили свое дальнейшее развитие в произведениях римской портретной пластики III в. Это прежде всего упрощенность, смягчение живописно-декоративных тенденций. Становится понятным, почему портрет первоначально датировался III в.

В этой связи интересна портретная голова работы греческого мастера из музея в Элевсине, выполненная в 70-е годы III в. [8] и, следовательно, значительно более поздняя, чем рассматриваемая нами голова из Керчи.

В элевсинской голове прическа, борода, усы переданы так же пластически, в небольшом рельефе, почти без применения круглых врезов бурава, как и в портрете из Эрмитажа. Прослеживается в обоих произведениях, особенно в $^3/_4$ поворота, некоторое сходство и в расположении локонов при-

[7] М. М. Кобылина. Скульптурный портрет из Фанагории. СА, 1962, 3. стр. 209—214.

[8] Воспроизведена у L'Orang. Studien zur Geschichte des spätantiken Porträt. Oslo, 1933, табл. 108, 109.

чески. Отдельные пряди волос падают на лоб, а затем в виде широкой волны спускаются к ушам. Есть общие черты и в трактовке самого лица. Выделяются глубоко помещенные, окруженные тенью глаза, продольные и поперечные морщины на лбу, две складки по сторонам рта.

Наряду со сходством несомненно и различие этих двух произведений. В элевсинской голове отмеченные приемы даны значительно резче. Подчеркнутая экспрессивность усиливается ярко выраженной асимметрией лица, в частности постановкой зрачков. В эрмитажном портрете асимметрия лица почти не заметна и только при внимательном рассмотрении видно, что правый зрачок немного больше левого и расположен несколько иначе. Здесь эти стилистические особенности еще только едва намечены.

Ярко выраженные индивидуальные черты портрета позволяют думать, что вероятнее всего портрет не является изображением римлянина. На это указывает тип скуластого лица, форма широкого мясистого носа.

Как мы пытались показать, рассматриваемая голова была создана в 90-е годы II в., т. е. в период правления боспорского царя Савромата II (174/75—210/11). Сравнение портрета с изображением царя на монетах не дает основания для их отождествления. Этот портрет изображает скорее не самого царя, а аристопилита, придворного из окружения Савромата II. Не исключена возможность, что голова происходит от статуи, близкой по типу статуе Неокла, но более вероятно, что портретная голова являлась частью бюста, на что указывают ее размеры [9].

[9] От затылка до подбородка 0,20 *м*, в то время как в статуе Неокла этот размер равен 0,36 *м*.

С. А. БЕЛЯЕВ

ОБЛОМОК СТЕКЛЯННОГО СОСУДА ИЗ ХЕРСОНЕСА

Летом 1961 г. экспедицией Государственного Эрмитажа в Херсонесе в цистерне «Л» среди обломков керамики и стеклянной посуды, которые попали туда во время ее засыпки, был найден интересный фрагмент стеклянного сосуда [1]. Он является частью открытой чаши типа фиалы, форма

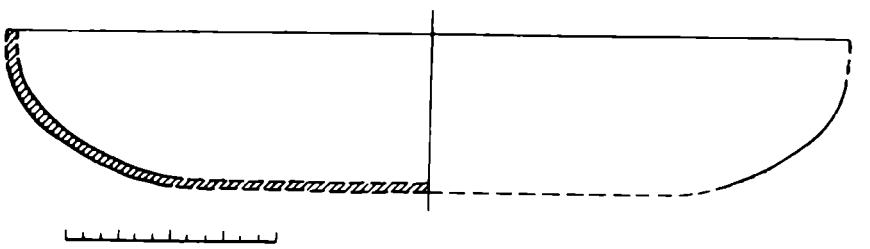


Рис. 1. Реконструкция формы стеклянной чаши из цистерны «Л»

и размеры которой легко восстанавливаются по сохранившемуся обломку и на основании аналогий. Чаша имела плоское дно, низкие округлые стенки и маленький прямой край [2] (рис. 1). Стекло, из которого сделан сосуд, светлое, прозрачное, с едва заметным зеленоватым оттенком.

На дне чаши имеется изображение, выполненное шлифовкой, при которой был снят очень тонкий поверхностный слой стекла с наружной (нижней) стороны. По сравнению с прозрачными стенками сосуда изоб-

[1] Автор выражает благодарность начальнику Херсонесской экспедиции Государственного Эрмитажа Г. Д. Белову за разрешение опубликовать фрагмент и признателен научному сотруднику Эрмитажа Н. З. Куниной за помощь в работе.

[2] Размеры фрагмента: длина 7,5 *см*, ширина 4,3 *см*, толщина стенок 2 *мм*. Восстанавливаемые размеры чаши: диаметр (по верху) 16 *см*, высота 3 *см*.

ражение кажется матовым. Контуры его дополнительно ничем не обозначены. Изображение сохранилось лишь частично. На правой части фрагмента (рис. 2) видны тонкие вытянутые ноги и короткий хвост бегущего животного; левее их изображена какая-то растительность, по-видимому, трава, переданная несколькими вертикальными линиями, выходящими из довольно широкой горизонтальной полосы. Ниже ног животного и травы нанесена извилистая горизонтальная линия, передающая уровень земли. Изображение выполнено очень обобщенно. Детали не выделены ни гравировкой, ни раскраской.

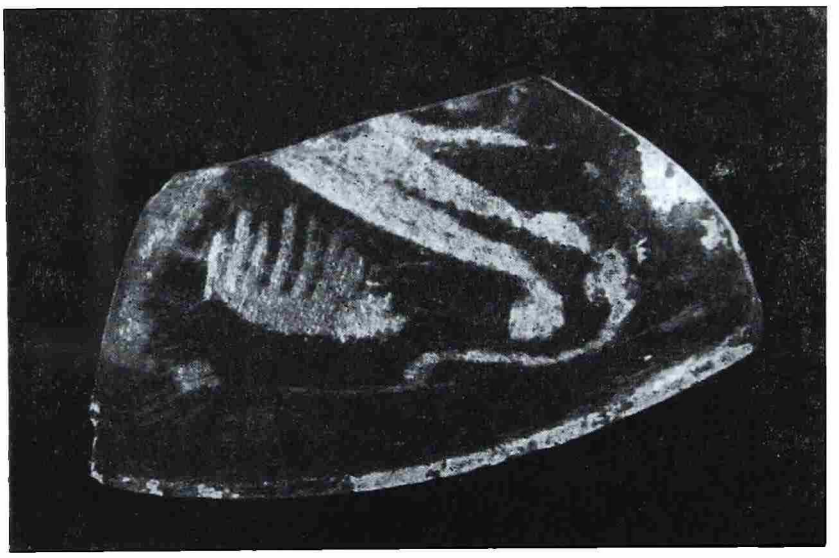


Рис. 2. Обломок стеклянной чаши с изображением собаки

Отмеченные особенности херсонесского сосуда — полусферическая форма и выполненное шлифовкой изображение — находят ему аналогии среди группы чаш кельнского производства и позволяют высказать предположение, что чаша, частью которой является издаваемый фрагмент, принадлежит к этой же группе изделий [3]. Особенно характерной чертой ее является нанесение изображений путем снятия тонкого слоя стекла; довольно часто для прорисовки контура рисунка и деталей его применялась и гравировка.

Известные чаши кельнского производства помогают интерпретировать и восстановить рисунок на херсонесском фрагменте. Так, на дне одной из них дана сцена охоты. Изображение, как и на издаваемом херсонесском фрагменте, расположено по кругу [4]. В охоте на дикое животное участвуют два охотника и собака. Сохранившаяся на херсонесском фрагменте часть фигуры животного очень похожа на собаку, изображенную на чаше из Кельна. Близость между этими двумя чашами проявляется и в передаче других деталей — травы, земли. К сожалению, у фрагмента чаши, найденного в Херсонесе, не сохранилась центральная часть, но возможно, что

[3] Группа чаш со шлифованными изображениями была выделена и связана с кельнской мастерской Ф. Фремерсдорфом. См. Fr. Fremersdorf. Römische Gläser aus Köln. Köln, 1928, стр. 12—13. 2-е изд., 1939, стр. 20—21. D. Harden (The Wint Hill Hunting Bowl and Related Glasses. «Journal of Glass Studies», II, 1960, стр. 45—48 и 78—79) присоединяется к атрибуции Ф. Фремерсдорфа относительно этой группы, но считает, что гравировка и шлифовка для украшения стеклянных изделий выполнялись и в мастерских других центров (там же, стр. 45—48). Характерной особенностью чаш кельнского производства является то, что верхний слой стекла снимается на значительной площади и что этот метод применялся для изображения целых фигур и композиций. Характеристика технологии изготовления и украшения стекла во II—IV вв. дана в «Glass from Ancient World. The Ray W. Smite Collection. A Special Exhibution» 1957. Corning, New York, 1957, стр. 107—111.

[4] Fr. Fremersdorf. Römische Gläser aus Köln, 1928, рис. 38, стр. 11.

там, как и на некоторых подобных чашах, изготовленных в Кельне, был помещен медальон. Все это еще раз подтверждает высказанное предположение о том, что чаша, фрагмент которой был найден в Херсонесе в 1961 г., сделана в Кельне и принадлежит к серии чаш со шлифованными изображениями.

Вопрос о времени бытования этой группы стеклянных изделий достаточно хорошо разработан рядом исследователей, и нам остается только присоединиться к мнению Ф. Фремерсдорфа о том, что эта чаша относится примерно к 370 г. Другие сосуды, где изображения выполнены в той же технике, относятся к середине — второй половине IV в. [5]. Этим же временем мы датируем и херсонесский фрагмент.

Находка чаши кельнского производства в Херсонесе позволяет поставить вопрос о наличии определенных связей между Северным Причерноморьем и Прирейнской областью в IV в. Однако определить степень интенсивности и характер этих связей пока трудно из-за плохой изученности материала IV в. Найденный фрагмент чаши из Херсонеса с изображением, выполненным шлифовкой,— редкая находка этой группы изделий на территории Советского Союза и едва ли не единственная при археологических раскопках [6].

Автору известны только два сосуда, найденные на территории Советского Союза, где изображения выполнены шлифовкой: чаша из Обояни (Курская обл., находка 1849 г.) и фрагмент чаши из Керчи [7].

---

[5] W. Binsfeld. Neuere Funde aus dem vierten Jahrhundert in Köln. Kölner Jahrbücher für Vor — und Frühgeschichte, VI, Köln, 1961—1962, стр. 98.

[6] Л. А. Мацулевич. Погребение варварского князя в Восточной Европе. М.— Л., 1934, рис. 14.

[7] Хранится в Одесском археологическом музее, инв. № А-49437. Н. П. Кондаков. Древнехристианская патера из керченских катакомб. ЗООИД, XI, Одесса, 1879, стр. 67 сл., табл. I.

А. А. БОБРИНСКИЙ

ГОНЧАРНЫЙ КРУГ С МРАМОРНЫМ ДИСКОМ ИЗ ГОРОДИЩА РОКСОЛАНЫ

В последние десятилетия в южных районах СССР неоднократно уже были найдены при раскопках обломки или даже целые экземпляры глиняных гончарных дисков [1]. На городище Роксоланы Овидиопольского района Одесской обл. в 1960 г. в слое, который по стратиграфическим данным может быть отнесен к последним векам до нашей эры, был обнаружен целый экземпляр мраморного диска диаметром 15,3 *см* (рис. 1) [2]. Одна сторона его плоская, другая выпуклая. Наибольшая толщина диска в центре 3,1 *см*, у краев — 1,5 *см* (рис. 1, *б*). В центре сделано сквозное цилиндрическое отверстие диаметром 0,8 *см*. На выпуклой стороне в теле диска вокруг отверстия хорошо заметна углубленная концентрическая выработка диаметром около 2,5 *см*.

---

[1] Некоторые из них опубликованы: В. С. Сорокин. Раскопки древнего поселения. Археологические раскопки в Армении, № 2, Кармир-Блур, II, Ереван, 1952; К. Г. Кафадарян. Город Двин и его раскопки с 1937 по 1950 г. (на арм. яз.). Ереван, 1952; А. А. Бобринский. К изучению гончарного круга на территории СССР. СА, 1961, 2.

[2] М. С. Синицын, руководивший раскопками, датирует памятник VI в. до н. э.— IV в. н. э. М. С. Синицын. Раскопки Надлиманского и Роксоланского городищ в 1957—1958 гг. ЗОАО, I (34), 1960; его же. Некоторые результаты раскопок на Роксоланском городище (1957—1960 гг.). КСОГУ и ОГАМ, Одесса, 1961. Этот диск хранится в Одесском археологическом музее, инв. № 74534. Информацией о его хронологии я обязан научной сотруднице музея Н. М. Андруниной, которой, пользуясь случаем, выражаю благодарность.

При осмотре диска выяснилось, что на стенках отверстия сохранились многочисленные мелкие царапины, расположенные обычно параллельно относительно друг друга и являющиеся дугами концентрических окружностей. Царапины в виде концентрически замкнутых окружностей и дуг этих окружностей, параллельных относительно друг друга, покрывают поверхность углубленной выработки на выпуклой стороне диска. Образоваться они могли только в условиях длительного центрированного вращения диска, занимавшего при этом горизонтальное положение и обращенного выпуклой стороной книзу. Царапины являются результатом длительного трения стенок отверстия о стержень, на котором вращался диск.

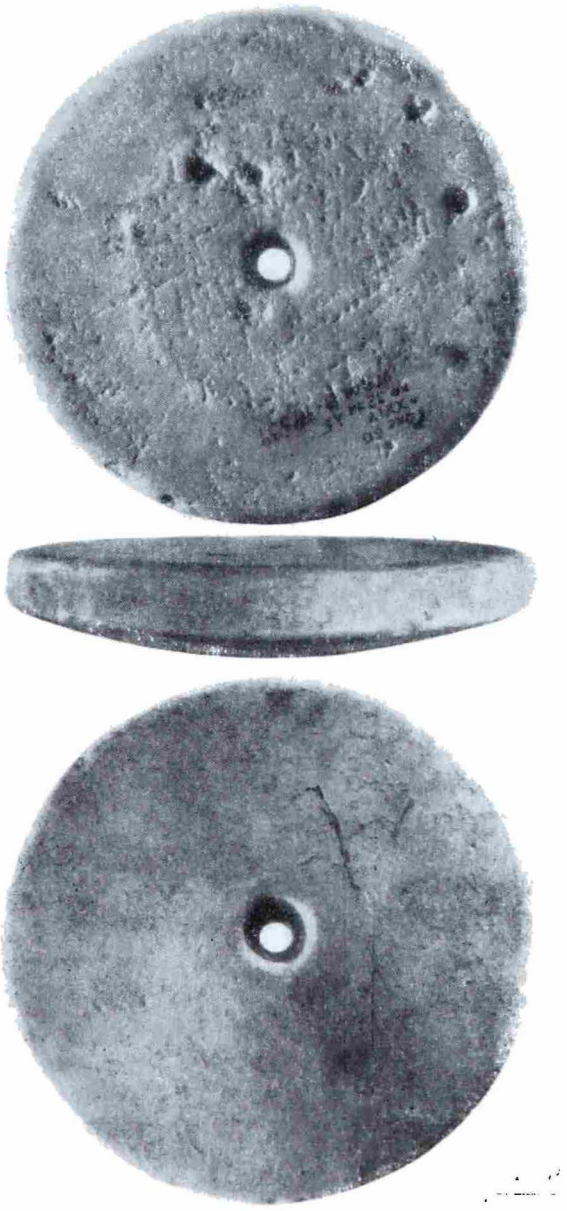


Рис. 1. Мраморный диск из городища Роксоланы

а — верхняя плоскость; *б* — вид сбоку; *в* — нижняя сторона

Отверстие имеет признаки сильного износа первоначальной формы: по диаметру оно разбито, особенно на выходе к выпуклой стороне. Судя по концентрической углубленной выработке, образовавшейся на выпуклой стороне, при вращении диск опирался на небольшие плечики, какими заканчивался цилиндрический стержень в нижней части. Сама эта выработка могла возникнуть только в результате длительного трения о плечики стержня. Диск является частью от центрированного столика, предназначенного для вращения, и представляет собой одну из простейших конструкций гончарных кругов, зафиксированных на территории СССР [3].

Диск из городища Роксоланы имеет характерные следы износа и на плоской стороне (рис. 1, *а*). Первоначально она вся была покрыта мелкими лунками, оставшимися от орудия, каким эта сторона обрабатывалась при изготовлении. В процессе использования диска в качестве столика для вращения на его плоской стороне образовалась специфическая выработка в виде кольца шириной около 3 *см*, с наименьшим диаметром 8,5 *см* и наибольшим — 11,5 *см*, на площади которого лунки оказались почти совершенно стертыми. Такой кольцевидный износ рабочей плоскости отмечался нами при изучении этнографических и археологических образцов рабочих дисков гончарных кругов различных конструкций. «Кольцо» образуется в результате трения о рабочую плоскость круга конца ножа или скребка при обработке ими сосудов [4].

[3] А. А. Бобринский. Древнерусский гончарный круг. СА, 1962, 3, стр. 35, рис. 1, *3*.

[4] А. А. Бобринский. К изучению техники древнерусского гончарства. ВМГУ. сер. «История», 1962, 2.

Эти специфические особенности износа роксоланского диска дают твердые основания для его истолкования в качестве диска от гончарного круга. Никакое иное орудие не могло бы оставить такой совокупности следов износа.

По особенностям устройства трущихся деталей роксоланский круг относится к числу орудий с неподвижной осью и одним скользящим подшипником. В некоторых сельских районах СССР гончарные круги этой конструктивной схемы применяются и теперь. Смонтированы они обычно на искусственных основаниях (доске или скамейке) и имеют рабочий диск, служащий одновременно и телом подшипника. Отличался ли по своему устройству роксоланский круг от орудий с одним скользящим подшипником, доживших до настоящего времени?

В связи с его реконструкцией заслуживает особого внимания одна деталь, не отмеченная нами ранее. Выпуклая сторона диска, в отличие от плоской, тщательно притерта и имеет характерный для притертых поверхностей тусклый матовый блеск (рис. 1, *в*). Никаких лунок на ней нет. Практически создать притертую сферическую поверхность можно только путем длительного вращения диска. Отмеченные выше признаки длительного использования роксоланского круга позволяют предположить, что притертость нижней части диска является результатом ее постоянного трения при вращении о стенки основания, на котором был смонтирован круг. Судя по отсутствию грубых царапин от трения с частицами материала основания, выпуклая часть диска находилась в контакте с поверхностью основания, имевшего бóльшую пластичность, чем мрамор. Оно могло быть деревянным, из необожженной глины или даже земли. Сферическая форма нижней части могла быть придана диску только при его изготовлении. Если бы он первоначально был плоским, как у современных орудий той же конструктивной схемы, то притертыми оказались бы только нижние края диска, а не вся нижняя сторона. Это обстоятельство позволяет предположить, что основание диска имело форму мелкой чаши. В центре этой чаши и укреплялась ось круга (рис. 2). Выше уровня основания оставалась только рабочая плоскость диска и его торец. В движение такое орудие приводили, по-видимому, не рукой, а пальцем ноги, подобно тому, как это делают сегодня гончарицы с. Кэмерти Юго-Осетинской автономной области. Они применяют, правда, гончарные круги иной конструктивной схемы, но тело подшипников у этих кругов тоже нередко углублено в основание [5] (рис. 3, *1*).

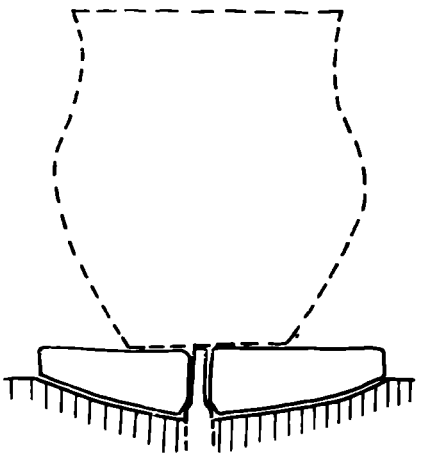


Рис. 2. Реконструкция круга с мраморным диском из городища Роксоланы

[5] Орудие гончариц с. Кэмерти архаично. Круг состоит из трех деталей: рабочего диска, оси и основания. Все они изготовлены из дерева. Рабочий диск имеет диаметр 20—25 *см*, толщина его в центре около 3 *см*, у краев 2—2,5 *см*. С нижней стороны в центре он имеет едва выступающее цилиндрическое тело подшипника диаметром от 8 до 15 *см*. В нем сделана лунка диаметром и глубиной около 1 *см* для конца оси. Ось немногим более 1 *см* в высоту, конец ее сферический. Другим концом (он обычно всегда толще) она вбита в основание в виде плоского диска диаметром 20—25 *см* и толщиной около 4 *см*. В результате трения тела подшипника об основание в нем образуется постепенно круглое углубление сферической в сечении формы (рис. 4). Сферичность приобретает и торец тела подшипника. По мере его стирания круг утоньшают по краям, чтобы они не участвовали в трении, периодически восстанавливая таким образом тело подшипника.

Познакомиться с женским гончарным производством в с. Кэмерти мы смогли благодаря любезности научного сотрудника краеведческого музея г. Цхинвали Г. С. Човелидзе, взявшего на себя трудную роль переводчика. Пользуюсь случаем, чтобы выразить ему глубокую признательность.

Реконструированный гончарный круг из городища Роксоланы существенно отличается по своему устройству от ранее известных нам орудий с одним скользящим подшипником и неподвижной осью. Вся нижняя сферическая поверхность его диска участвовала в трении, что делало это орудие технически крайне несовершенным. Находка его в греческом городе-колонии воспринимается сегодня как неожиданное событие. До находки этого диска мы знали о применении в гончарных мастерских античного и

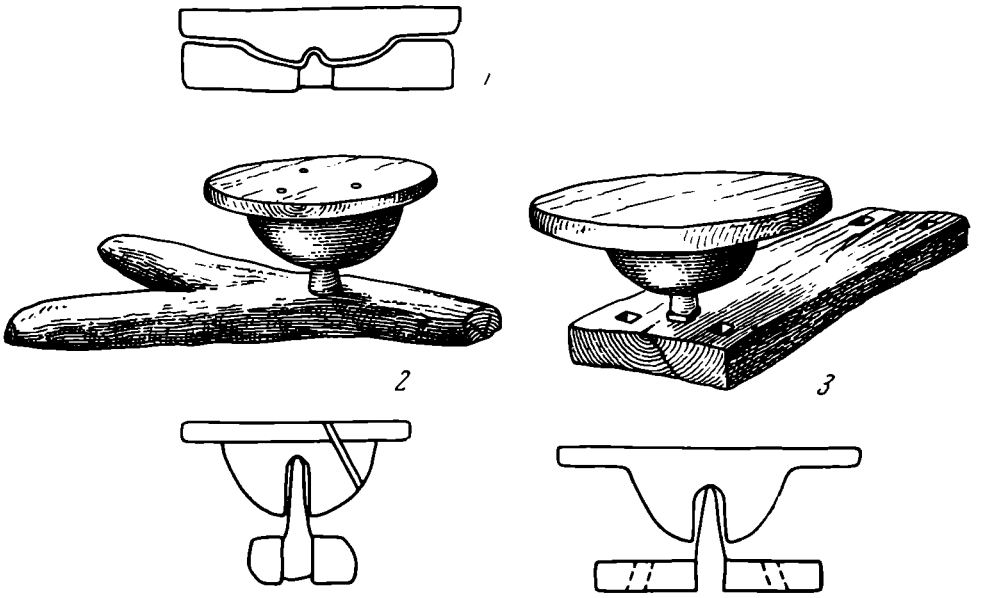


Рис. 3. Образцы деревянных гончарных кругов XIX—XX вв. с сегментовидной и шаровидной формы подшипниками (Грузия)

эллинистического времени орудий, конструктивно значительно более развитых, например ручных кругов тяжелого или утяжеленного типа грибовидных форм.

Типологически это орудие не связано по известным ныне материалам с гончарными кругами, распространенными в античном мире [6]. По крайней мере по известным к настоящему времени археологическим и этнографическим материалам такой связи проследить невозможно.

Ранее всего орудия с одним скользящим подшипником и неподвижной осью стали известны в странах Передней Азии (в конце IV тысячелетия до н. э.). В III тысячелетии до н. э. граница их распространения на север проходила где-то в пределах Северного Кавказа [7]. Следы использования орудий с такой конструктивной схемой во II тысячелетии до н. э. в южных районах СССР еще не прослежены. Для конца I тысячелетия до н. э. мы знаем теперь образец круга с одним скользящим подшипником и неподвижной осью из городища Роксоланы. По своим типологическим признакам, в частности по сегментовидной форме тела подшипника, этот круг ближе всего к орудиям, зафиксированным к настоящему времени на территории Кавказа и Закавказья. В пределах СССР только здесь мы знаем орудия с телом подшипника в форме полушара. Древнейшие образцы их

[6] Пожалуй, единственное, что может сближать это орудие с гончарными кругами античного мира — использование мрамора для его изготовления. Этот материал реже применялся для постройки гончарных кругов, чем дерево или глина. Но иногда использовался все же и мрамор и некоторые другие породы камня. Применение их, по-видимому, было продиктовано стремлением сделать орудие более долговечным. Мраморные гончарные диски, наряду с глиняными, найдены, например, при раскопках на Крите. S. (Xanthudides. Some Minoon Potter's-Whell Dises. «Essays in Aedean Archaeology Presented to Sir Arthur Evans». Oxford, 1927.) Мраморный гончарный диск из городища Роксоланы — пока единственная находка такого рода на территории СССР.

[7] А. А. Бобринский, Р. М. Мунчаев. Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе. КСИА АН СССР, 108, 1965.

обнаружены в памятнике VIII—VII вв. до н. э.[8] — Кармир-Блуре (рис. 4). Орудия с телами подшипников в виде полушара применялись на Кавказе до XIX — начала XX в. (рис. 3, *2*, *3*).

У большинства кавказских и закавказских гончарных кругов, известных сегодня по археологическим и этнографическим данным, полушаровидная или сегментовидная в сечении форма тела подшипника не вызвана технической необходимостью, как у роксоланского диска. Например, все ручные круги местных гончаров XIX—XX вв. представляют собой наземные конструкции. Смонтированы они на искусственных основаниях. Поверхность тела подшипника у них не участвует в трении. Полушаровидная форма тела подшипника — это своеобразная дань местной традиции, существовавшей уже в I тысячелетии до н. э., о чем свидетельствуют находки гончарных кругов в Кармир-Блуре. Сохранение такой традиции, по-видимому, указывает, что в прошлом здесь применялись не только орудия развитых форм, подобные тем, какие известны у современных гончаров, но и более простые в техническом отношении, у которых сегментовидная форма тела подшипника была технически оправдана, как и у роксоланского диска.

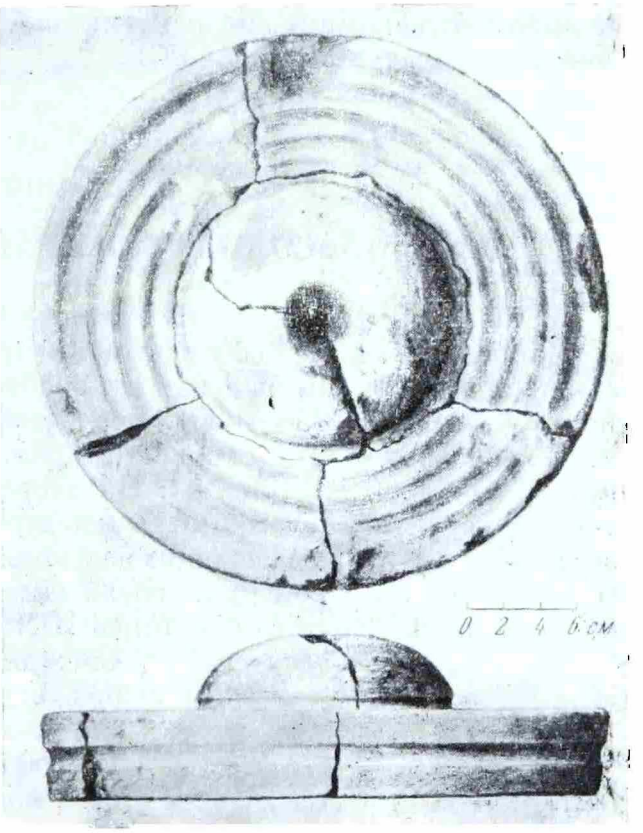


Рис. 4. Глиняный диск гончарного круга с сегментовидным телом подшипника из Кармир-Блура (вид сверху и сбоку на нижнюю часть диска)

Если это предположение верно, то мы должны признать, что своим происхождением гончарный круг из городища Роксоланы связан с Кавказом или ближайшей к нему областью, расположенной к югу от советского Закавказья или к району между Азовским морем и Волгой. Слабая изученность истории степных племен конца скифского времени в Причерноморье не позволяет даже в предположительной форме связывать появление круга с сегментовидным телом подшипника на городище Роксоланы с какой-то определенной этнической группой. В этом греческом городе-колонии местные племена оставили значительные следы своего пребывания почти на всем протяжении его истории, о чем, в частности, свидетельствуют многочисленные находки лепной керамики[9]. Мы не можем сегодня установить, использовался ли обнаруженный круг в местном греческом производстве керамики или его присутствие связано с деятельностью негреческих мастеров. Можно предполагать, что это не греческое, а местное по происхождению орудие, применявшееся в производстве керамики прежде всего местными племенами, а не греческими колонистами.

По своим техническим данным это орудие очень несовершенно. На круге можно было производить лепку и формовку сосудов, но для обточки посуды такое орудие совершенно непригодно. Его необходимо было посто-

---

[8] В. С. Сорокин. Ук. соч.

[9] В. И. Кузьменко, М. С. Синицын. Некоторые наблюдения над лепной керамикой из Роксоланского городища. КСОГАМ, Одесса, 1963, стр. 79—87.

янно подталкивать при работе. Трение тела подшипника круга об основание не позволяло сохранить хотя бы на короткое время скорость, аналогичную той, какую способны дать самые примитивные ручные круги, например, русских гончаров XIX—XX вв. Потому керамика, изготовленная на таком круге, должна отличаться от посуды, сделанной на кругах, обладавших определенной инерцией вращения.

Возможно, что в дальнейшем, с накоплением данных о диагностических признаках керамики, изготовленной на подобных простейших кругах, придется пересмотреть не только существующие критерии оценки лепной и круговой керамики, но и представления о древнейшей истории гончарного круга на территории СССР.

И. Н. ОСИНОВСКИЙ

НАХОДКА СОЛИДА КОНСТАНТИНА IV БЛИЗ СУДАКА

В июле 1963 г. возле с. Уютное, у подножия Судакской крепости, в прибрежном песке на территории древнего порта местной школьницей Ларисой Сандетовой был найден золотой византийский солид Константина IV Погоната (668—685). Это экземпляр хорошей сохранности с четкими изображениями с обеих сторон, чеканенный в Константинополе между 670—680 гг. (рис. 1). На аверсе монеты изображен бюст императора Константина IV прямо, в шлеме с перьями, поверх которого надета диадема с двумя развевающимися концами повязок. Император в кольчуге, с копьем в правой руке, слева щит с отчетливым изображением всадника на коне. Круговая надпись [DNCONS]ANЧSP (т. е. Domini nostri Constantinus). На реверсе крест на четырех ступенях, представляющих, по-видимому, символическое изображение горы Голгофы. По сторонам от креста — стоящие прямо фигуры братьев императора — Ираклия и Тиберия, оба в головных уборах, в длинных царских одеждах, ниспадающих складками, у каждого в правой руке посох. Круговая легенда VICT-[OAA]VSЧΘ+ (т. е. Victoria augusti), в конце легенды цифра «Θ» + (9). Внизу под обрезом CONOB (Constantinopolis obryzum), т. е. константинопольское чистое золото. Вес монеты 4,32 *г*. Диаметр 18—19 *мм*. Соотношение осей ↓. Тип монеты описан W. Wroth и И. И. Толстым [1]. Однако в каталогах Wroth'а и Толстого аналогичных монет с цифрой Θ на реверсе не приводится. Судя по последним данным, опубликованным В. В. Кропоткиным, находки золотых византийских солидов VII в. на территории СССР довольно редки. В частности, известны в основном лишь единичные находки солидов Константина IV [2]. На наш взгляд, это подтверждает предположение В. В. Кропоткина о том, что «значительная часть золотых византийских монет VI—VII вв. проникала на нашу территорию не путем торговли, а в результате военных предприятий племен Восточной Европы против Византийской империи» [3].

Рис. 1. Солид Константина IV

Для Судакского района описанная находка солида Константина IV пока единственная.

[1] W. Wroth. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum. London, 1908, II, табл. XXXVI, *2*, *3*, стр. 313—314; И. И. Толстой. Византийские монеты. VII, СПб., 1914, табл. 58, *19*, *29*, стр. 800, 801.

[2] В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР. САИ, Е4—4. М., 1962; его же. Новые находки византийских монет на территории СССР. «Византийский временник», XXVI, 1965, стр. 166—189.

[3] Там же, стр. 10.

В. Ю. ЛЕЩЕНКО, В. А. ОБОРИН

НОВЫЕ НАХОДКИ ВОСТОЧНОГО СЕРЕБРА В ПРИКАМЬЕ

В 1960 г. в Коми-Пермяцкий окружной музей поступили две новые находки сосудов восточного серебра. Они были получены директором музея Ф. П. Буткевичем от местных жителей дер. Большой Пальник Кочевского района Коми-Пермяцкого округа. Сосуды были найдены на полях в окрестностях этой деревни в 1956—1957 гг.

Первая находка представляет собой глубокую литую серебряную чашу. Она была найдена в 2 *км* от дер. Большой Пальник на пашне около заброшенной дер. Мартыновой местной жительницей Е. И. Вавилиной. Чаша была повреждена плугом, зацепившим ее за край. Стенка чаши разорвана, и разрыв доходит до края рисунка на ее днище. Чаша имела круглый полый поддон, который ныне утрачен. Диаметр поддона — 9 *см*. След его припая хорошо виден на обратной стороне чаши (рис. 1, *б*). Диаметр чаши — 22,5 *см*, глубина ее — 4 *см*. По краю чаши идет небольшое утолщение — бортик (шириной 0,8 и толщиной 0,5 *см*). С лицевой стороны на днище чаши виден рисунок восьми лепестков розетки, вписанной в круг. Диаметр круга — 10,5 *см*. Круг обрисован крупным точечным орнаментом, выполненным выпуклой чеканкой. Он нанесен с обратной стороны чаши. Диаметр отдельных точек орнамента 0,3 *см*, глубина их 0,1—0,2 *см*, расстояние между отдельными точками 0,3 *см* (рис. 1, *а*). Розетка, вписанная в круг, имеет правильную геометрическую форму. Из центра расходятся восемь прямых, расположенных по отношению друг к другу под углом в 45°. Они разделяют розетку на восемь отдельных сердцевидных лепестков. Диаметр розетки 7,8 *см*. Розетка выполнена техникой выпуклой чеканки, нанесенной с оборотной стороны чаши. Культ солнца был одним из наиболее широко распространенных в древности. Изображение розетки восходит по своему значению к символу солнца. Розетками различной формы украшены изделия торевтики греко-бактрийского круга [1]. Не случайно в сасанидском Иране розетками украшен скальный рельеф в Накш-и-Рустеме со сценой триумфа Шапура I над императором Валерианом [2]. Розетками украшены и изображения коня — животного, посвященного солнцу [3]. Геродот писал о массагетах: «Из богов массагеты чтут только солнце, которому приносят в жертву лошадей. Смысл жертвы этой в том, что быстрейшему из всех богов подобает быстрейшее животное» [4]. Царственный лев также украшался розетками, и культ его был настолько связан с солнцем, что на Кавказе в XII в. возникает геральдическое сочетание льва и солнца [5].

Розетка на мартыновской чаше аналогична, до совпадения в деталях, розеткам, изображенным на четырех опубликованных ранее позднесасанидских сосудах [6].

Эти сосуды были найдены в Верхнем Прикамье и в настоящее время находятся в Государственном Эрмитаже. Возможно, что в Иране и прилегающих к нему странах ведра и чаши с розеткой на дне были сосудами для священного напитка Сомы.

Техника незамаскированного чекана не была характерна для раннесасанидского времени, и это позволяет относить мартыновскую чашу к

---

[1] К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940, табл. 9, 10, 14, 29.

[2] Ernst Herzfeld. Iran in the Ancient East. London, 1941, табл. CXVI.

[3] Я. И. Смирнов. Восточное серебро. Атлас. СПб., 1909, табл. XXXII, *60*; CXXII, *309*.

[4] Геродот, кн. 1, М., 1885, стр. 216.

[5] И. А. Орбели. Бронзовая курильница XII в. в виде барса. Сб.: «Памятники эпохи Руставели». Л., 1938, стр. 299.

[6] Я. И. Смирнов. Ук. соч., табл. LXI, *103*; LXVIII, *122*; CXXII, *312*, *314*; И. А. Орбели, К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 34.

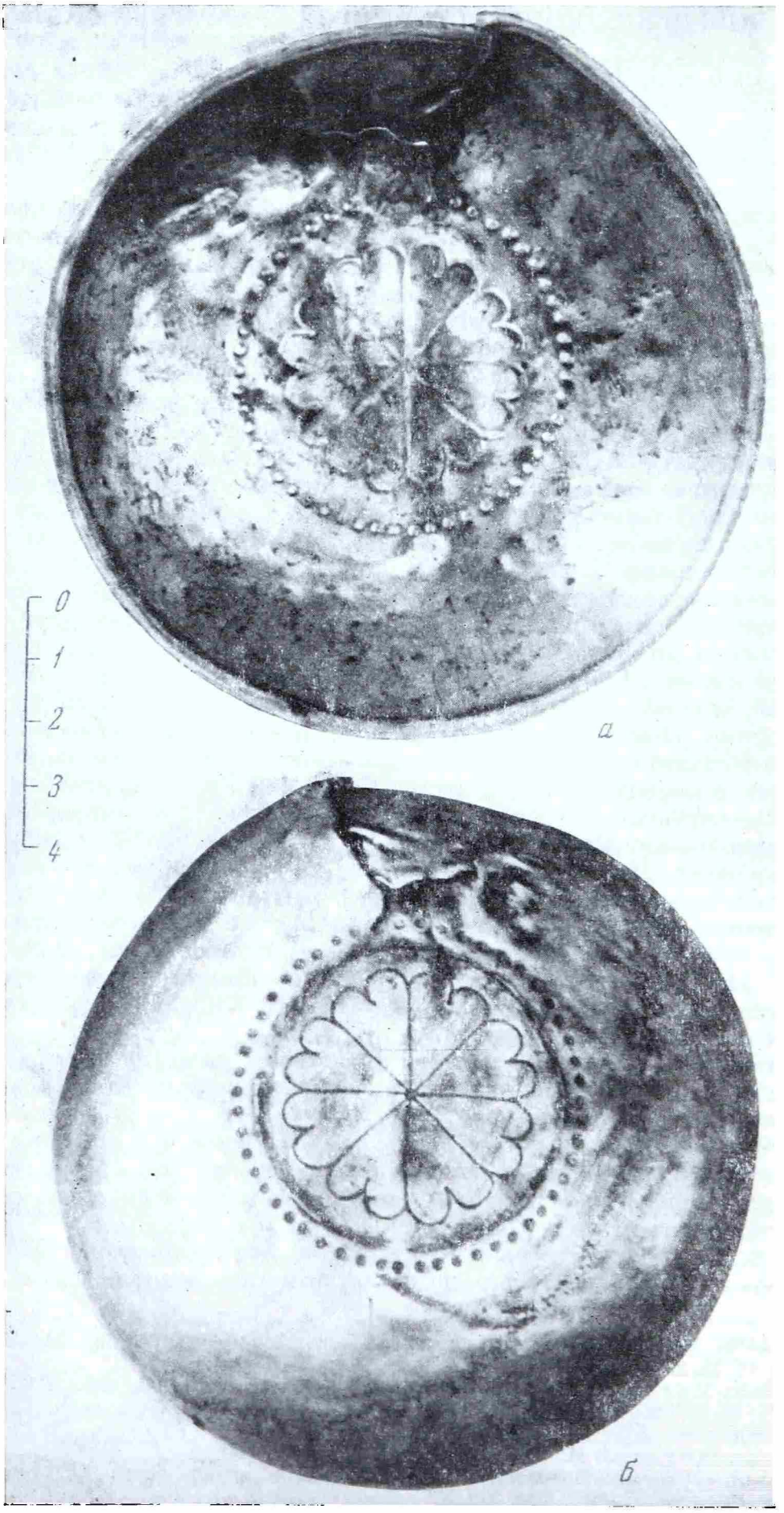


Рис. 1. Позднесасанидская чаша из дер. Мартыновой

а — лицевая сторона; *б* — обратная сторона

позднему периоду. За это же говорит и широкая, свободная от орнамента, полоса вокруг розетки. Наиболее вероятная дата чаши — VII—VIII вв. Широкое распространение форм так называемого сасанидского искусства в прилегающих к Ирану странах не дает возможности отнести место производства чаши к какой-нибудь определенной области.

Вторая находка представляет собой плоское кованое серебряное блюдо. Находка была сделана на пашне в окрестностях дер. Большой Пальник и длительное время использовалась местной жительницей дер. Миколь-Пальник С. А. Останиной. Блюдо было повреждено плугом, зацепившим его. С обратной стороны оно имело поддон диаметром 8 *см*, оборванный и потерянный при пахоте (рис. 2, *б*). Блюдо имеет диаметр 30 *см* и глубину 2 *см*. По краю его идет бортик шириной 1 и толщиной 0,3 *см* и параллельно ему — узкий желобок, вырезанный с лицевой стороны.

В центре блюда с лицевой стороны находится растительный орнамент в виде ветки, вьющейся по кругу (рис. 2, *а*). Орнамент расположен по круговой полосе шириной 4 *см*, заключенной между двумя окружностями с диаметрами в 11 и 7 *см*. Основа узора растительного орнамента напоминает неправильную пятилепестковую розетку, от которой отходят с внутренней и наружной стороны ответвления, заканчивающиеся трилистниками или схематическими изображениями плодов. Все эти ответвления направлены в одну сторону. Рисунок нанесен техникой резьбы и гравировки с лицевой стороны. Основные контуры растительного узора в виде ветки с листьями вырезаны, а фон между ними углублен вдавленными круглыми отпечатками штампа.

Блюдо относится к средневековым памятникам арабского искусства.

Сюжет ветки, вьющейся по кругу, мы видим на сасанидском блюде с изображением барса у дерева [7]. На ветке, изображенной на сосуде, так отчетливо изображены цветы, что можно даже определить их ботанический вид. В дальнейшем происходит стилизация рисунка, что видно на блюде из с. Кайгородского [8].

Еще более стилизована ветка на нашем блюде, где бутоны цветов заменены схематическим трилистником, а симметрично ему располагается плод или лист. Наиболее близким изображением является изображение ветки на блюде, купленном в Москве в 1902 г. [9]. В отличие от пальниковского блюда, на московском блюде вместо трилистника ветка заканчивается двойным листком аканфа. Еще более стилизованный орнамент в виде изогнутой ветки имеется на ряде других сосудов, опубликованных Я. И. Смирновым [10]. По словам А. Ю. Якубовского, в XII—XIII вв. изготовлялись памятники искусства, где мы не увидим ни зверей, ни птиц, ни тем более людей и связанных с их жизнью сцен. Растительный орнамент, надписи, переплетение геометрических линий, иногда элементы архитектурных мотивов — вот и все, что характеризует эти памятники со стороны их декора. Так, на люстровых изразцах, на мечетях, медрессе, мавзолеях и даже дворцах XII—XIII вв. изображения листьев, побегов стеблей, данных в рельефе или на плоскости, настолько далеки от изображений реального растительного мира, что редко удается определить, с изображением какого растения мы имеем дело [11]. Это верно и для произведений торевтики того времени. По стилю изображения ветка на пальниковском блюде относится к переходному этапу от реализма к полной стилизации, и блюдо можно датировать XI в. Оно является ярким произведением того круга искусства, которое упорно насаждал ислам.

---

[7] Я. И. Смирнов. Ук. соч., табл. CXXVI, *311*; И. А. Орбели, К. В. Тревер. Ук. соч., 1935, табл. 27.

[8] Я. И. Смирнов. Ук. соч., табл. LXII, *100*.

[9] Я. И. Смирнов. Ук. соч., табл. LXI, *101*.

[10] Я. И. Смирнов. Ук. соч., табл. LXXXVI, *146*; CXVIII, *300*.

[11] А. Ю. Якубовский. Ваза с изображением музыкантов и игры в поло. Сб.: «Памятники эпохи Руставели», стр. 206.

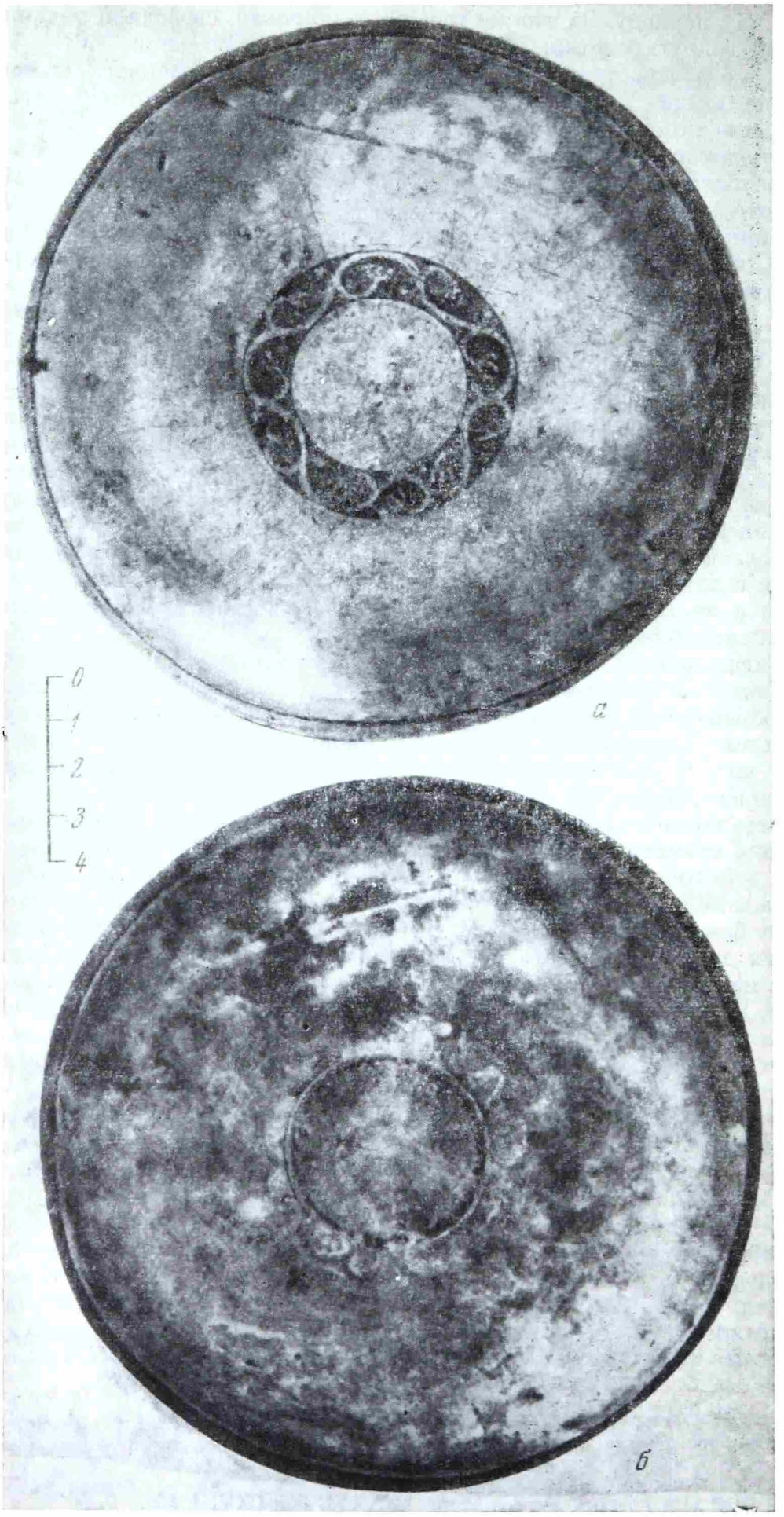


Рис. 2. Арабское блюдо из дер. Большой Пальник
а — лицевая сторона; *б* — обратная сторона

и могло быть сделано на любой территории, где распространились формы мусульманского искусства.

В окрестностях дер. Большой Пальник, где были сделаны обе находки, пока неизвестны археологические памятники, с которыми можно было бы связать эти сосуды. Вероятнее всего, они происходят из кладов.

А. В. БОДЯНСКИЙ

ИЗ НОВЫХ НАХОДОК НА НИЖНЕМ ДНЕПРЕ

Весной 1962 *г.* в размытом погребении древнерусского грунтового могильника XII—XIII вв. в устье р. Суры (правый приток Днепра) у с. Днепровское (16 *км* южнее Днепропетровска) мной было найдено отлитое из бронзы изображение распятого Христа (рис. 1, *1*) [1]. Рельефная

Рис. 1.

1 — бронзовая фигурка Христа, найденная у с. Днепровское; *2* — вторая бронзовая фигурка Христа, найденная у с. Днепровское

фигурка высотой 11,5 *см* спереди позолочена. Изнутри она полая (толщина стенок 0,3 *см*). Тремя гвоздями эта накладка первоначально прикреплялась к кресту. Непропорционально большую сравнительно с туловищем голову Иисуса венчает корона с тремя процветшими зубцами. Продолговатое лицо обрамлено длинными волосами. На теле, слегка изогнутом в виде буквы S, глубокими бороздками выделены ребра. Руки раскинуты горизонтально. Доходящий до колен perizonium орнаментирован гравиро-

[1] В отличие от других захоронений, это погребение было обложено камнями. Рядом с могильником находится древнерусское поселение XII—XIII вв.

ванными диагональными линиями. Короткие ноги с разведенными ступнями поддерживаются прямоугольным suppedaneum.

Осенью того же года директор начальной школы с. Днепровское В. Г. Шаповал передал мне вторую фигурку Христа, найденную тогда же школьниками на территории этого могильника (рис. 1, *2*). Ее высота 16,5 *см*. Полая внутри фигурка отлита из меди в высоком рельефе. В кистях рук и между ступнями распятого Христа — круглые отверстия для прикрепления к кресту. Иисус задрапирован в тунику, украшенную голубой с белыми отливами эмалью. Голова, кисти рук, ступни и складки одежды, оставленные в металле, позолочены. Голову венчает корона с тремя зубцами. Орнамент на короне, усы, короткая борода и длинные падающие на плечи волосы гравированы мелкими наколами. Глаза первоначально, возможно, были инкрустированы бусинками эмали. Разделенные ступени покоятся на прямоугольном suppedaneum.

Аналогичные находки в древнерусских христианских могильниках неизвестны.

К заметке А. В. Бодянского «Из новых находок на Нижнем Днепре»

Находки из Надпорожья — свидетельство связей Приднепровья со странами Западной Европы в XIII в.

Фигурка Христа с эмалью (рис. 1, *г*) принадлежала распятию лиможской работы. Производство выемчатых эмалей на меди, вероятно, возникло в Лиможе (Аквитания) около середины XII в.[1]. В истории этого искусства различают два основных периода: 1) последние 20 лет XII в.— первая четверть XIII в., когда заполненные эмалью композиции размещались на фоне позолоченной меди; изделия этой группы, исполнявшиеся по заказу или для местного рынка, еще сравнительно редки; на территории древней Руси они пока не встречены; 2) фон заполнен эмалью, а силуэты персонажей сохранены в металле, проработаны гравировкой и позолочены. С начала XIII в. у них появляются выпуклые головы, а с середины столетия к плоскости прикрепляются целые рельефные фигуры. Во второй половине XIII в. возрастает роль рельефа при уменьшении значения цвета. Только одежда гравированных и позолоченных рельефных фигур декорировалась голубой и красной эмалью[2].

В общую схему развития лиможского ремесла укладываются многочисленные алтарные и процессионные кресты. Для XIII в. наиболее характерны так называемые «торговые кресты», которые изготовлялись с середины XIII в. Деревянная основа обивалась тонкими чеканными пластинками позолоченной меди и украшалась вставками драгоценных камней. Накладная фигурка Христа, исполненная в высоком рельефе, декорировалась эмалью и позолотой. Благодаря своей живописности подобные кресты пользовались большим спросом[3].

К одному из них и относилась фигурка из Приднепровья (вторая половина XIII в.). Следует отметить, что на крестах Лиможа Христос, облаченный в подпоясанную рубаху до пят с длинными рукавами (colobium), встречается крайне редко. По преобладавшим на Западе представлениям, он был казнен обнаженным. В одном случае Христос в colobium

---

[1] M. Rostworowski. Katalog średniowiecznych emalii na miedzi z wieków XII—XIV. Krakow, 1953, стр. 5.

[2] J. J. Marquet de Vasselot, L'orfévrerie et l'émaillerie aux XIIIe et XIVe siècles. В кн.: A. Michel. Histoire de l'Art, II, ч. 2, Paris, 1906, стр. 941—943, 952; P. Thoby. Les croix limousines. Paris, 1953, стр. 5—6.

[3] Éva Kovács. Croix limousines en Hongrie. «Acta Historiae Artium», VII, 3—4, Budapest, 1961, стр. 157—158.

связан с распятием второй половины XIII в. Остальные пять-шесть подобных накладок дошли в изолированном виде [4].

В рассматриваемой фигурке заметно начало той эволюции образа распятого Христа от торжествующего над смертью к сраженному ею, которая произойдет в XIV в. Голова в короне сильно склонена вправо, тело изогнуто в агонии. Оседание туловища сказывается на положении раскинутых рук, расположенных несколько выше горизонтали. Ступни прибиты только одним гвоздем. В западной иконографии эта деталь появляется со второй половины XIII в. В XII в. большие пальцы рук Христа изображались не отставленными, а прижатыми к ладони. Положение рук было также иным [5].

С XIII в. продукция лиможских эмальеров становится массовой, рассчитанной на вывоз. С берегов Вьенны лиможские ларцы-реликварии, кресты, пиксиды, евхаристические голуби, чаши для омовения рук, подсвечники, оклады книг и другие предметы церковного и светского обихода расходились в аббатства, церкви и феодальные замки всей Европы — от Исландии до Киева и Новгорода. Лиможские эмали, занесенные на Русь, рисуют последовательные ступени эволюции этого искусства в течение XIII в. Если киевская накладка от ларца с изображением всадника [6] относится ко второй четверти XIII в., то дарохранительница в виде голубя из Суздаля [7] — произведение последней трети XIII в.

Иконография второй фигурки Христа (рис. 1, *1*) близка лиможской. Его изможденное тело изогнуто в судороге. Эта криволинейность очертаний и некоторые черты натурализма в моделировке туловища уже знаменуют приход готического искусства. Голова слегка склонена вправо. Закрытые глаза символизируют смерть Спасителя. Ноги прибиты одним гвоздем. Следовательно, изображение можно датировать второй половиной XIII в. Этот вывод совпадает с мнением Э. Ковач, которая датирует аналогичные фигурки Христа (в нескольких случаях они прикреплены к крестам) четырьмя последними десятилетиями XIII в. [8]. Некоторые вплоть до мелочей повторяют экземпляр из Приднепровья [9]. Все они найдены на территории Венгрии и, как доказала Э. Ковач, являются местной имитацией лиможских распятий. Примерно с 1250 г. лиможская литургическая утварь в огромном количестве экспортируется в Венгрию. Здесь обнаружено около 50 пластинок и рельефных фигурок от лиможских крестов (в Богемии — только 3) [10]. «Торговые кресты» Лиможа вызвали целую серию подражаний у местных ювелиров, не применявших эмали. Кроме того, в отличие от лиможских, венгерские кресты изготовлялись из цельной медной пластины, без деревянной основы [11].

Оба креста, фрагменты которых найдены в Надпорожье, первоначально попали в Киев, вероятно, из Венгрии, а по Днепру шел путь из Киева в причерноморские города [12]. В столице Венгерского королевства Эстер-

---

[4] P. Thoby. Ук. соч., стр. 11, табл. XLI, *90*; E. Rupin. L'oeuvre de Limoges, ч. 2, Paris, 1890, рис. 318—319.

[5] P. Thoby. Ук. соч., стр. 6, 9.

[6] Г. Ф. Корзухина. Новые данные о раскопках В. В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве. СА, XXV, 1956, рис. 6, *4*.

[7] Н. Н. Воронин. Археологические заметки. КСИИМК. 62, 1956, стр. 25—26, рис. 12.

[8] É. Kovács. Ук. соч., стр. 175, рис. 10—13, 20—23.

[9] Будапешт, Национальный музей (3 экз.), Ленинград, Гос. Эрмитаж (1 экз.); É. Kovács. Ук. соч., рис. 21—22.

[10] Этот крупный ввоз, видимо, объясняется заменой предметов религиозного культа, погибших при татарском нашествии на Венгрию (1241), дешевыми и нарядными лиможскими изделиями. É. Kovács. Ук. соч., стр. 163.

[11] É. Kovács. Ук. соч., стр. 176.

[12] Еврейский купец Петахия Регенсбургский, путешествуя около 1175 г. из Регенсбурга в Багдад, 6 дней плыл из Киева по Днепру через половецкие земли. J. Brutzkus. Trade With Eastern Europe, 800—1200. EHR, XIII, ½, London, 1943, стр. 39.

гоме встречались купцы разных национальностей (Остригомский таможенный устав 1288 г.) [13]. Через перевал Верецкай проходили торговые пути на Русь [14]. Из Венгрии происходил доминиканский миссионер брат Юлиан, который возвращаясь на родину через русские земли (Нижний Новгород — Владимир — Рязань — Чернигов), в ноябре 1236 г. проехал Киев. Еще до Юлиана (ок. 1231—1232 гг.) венгерские доминиканцы отправляли миссионеров на восток — искать язычников-венгров [15]. Как известно, католические миссии обильно снабжались литургической утварью.

После монгольского нашествия связи Киева с Западом, хотя и сократились, но не замерли окончательно. Это подтверждается и свидетельствами современников. Так, Плано Карпини, посетив в 1246 г. Киев, пришедший в упадок после татарского разгрома, встретил здесь многих купцов из Австрии и Польши. По дороге из Южной Польши через Владимир [16] в Киев он ехал вместе с бреславльскими торговцами [17].

В. П. Даркевич

---

[13] В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, стр. 171.

[14] А. Н. Китушин. Ранние русско-венгерские связи (IX—XV вв.). Уч. зап. Аз. ун-та, 6, Баку, 1956, стр. 106.

[15] С. А. Аннинский. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах в Восточной Европе. ИА, 3, М.— Л., 1940. Из Венгрии Даниил Галицкий доставил в Холм «чашю... мрамора багряна, изваяну мудростью чюдну, и змееви главы беша округ ея...» — крестильную купель романского стиля (Ипатьевская летопись под 1260 г.). ПСРЛ, II, 1843. стр. 197.

[16] Во Владимире Волынском была найдена бронзовая накладная фигурка Христа от лиможского креста XIII в. (сообщение Г. Ф. Корзухиной).

[17] Иоанн де Плано Карпини. История монголов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911, стр. 62.

П. Ф. ЛЫСЕНКО

ШИФЕРНОЕ ПРЯСЛИЦЕ С НАДПИСЬЮ ИЗ ПИНСКА

В 1964 г. при раскопках автором заметки окольного города древнерусского Пинска было найдено шиферное пряслице с надписью. Оно выточено из фиолетового шифера, битрапецоидное с диаметром по ребру 21 *мм* и диаметром отверстия в 6 *мм* (рисунок). Надпись нанесена на нижнюю часть боковой поверхности с переносом на верхнюю ее часть. Продолжение надписи наверху начинается над тем местом, где окончилась надпись внизу (как на киевском пряслице) [1]. Это 19-е шиферное пряслице с надписью, опубликованное в советской археологической литературе [2]. Надпись на пряслице четкая, буквы в основном прорезаны твердо и выполнены широким свободным уставом. Ширина букв близка к их высоте. Вертикальные линии имеют очень незначительный наклон вправо. Слова не разделены интервалом или каким-либо специальным знаком. Твердость и четкость начертания букв, старательность и аккуратность выполнения надписи, отсутствие ошибок и пропусков букв позволяет предполагать, что она выполнена опытной рукой грамотного человека. Надпись состоит из семнадцати букв, складывающихся в слова НАСТАСИНО ПРАСЛЪН. Чтение четко прочерченных букв не составляет труда и не допускает разночтений. Несколько непонятен последний знак надписи в виде уголь-

---

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 197.

[2] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 197—201; Л. В. Алексеев. Три пряслица с надписями из Белоруссии. КСИИМК, 57, 1955; его же. Еще три шиферных пряслица с надписями СА, 1959, 2; Б. А. Рыбаков. Русская эпиграфика X—XIV вв. Сб.: «История, фольклор, искусство славянских народов», М., 1963, стр. 54—56; Б. А. Рыбаков. Раскопки в Любече в 1957 г. КСИИМК, 79, 1960, стр. 33.

ника острием вверх и размером несколько выше середины строки. Следуя тексту надписи на месте последней буквы, можно было бы предполагать, букву Е, Ъ или, в крайнем случае, А. Начертание последнего знака позволяет предполагать незаконченные две последние буквы. Однако с полной уверенностью говорить о намерении резчика прочертить какую-либо определенную букву вряд ли возможно.

По своему содержанию надпись (НАСТАСИНО ПРАСЛЕН) независимо от значения последнего знака примыкает к группе надписей, в притяжательной форме обозначающих принадлежность надписанного предмета определенному лицу. Эта группа надписей является наиболее многочисленной, в ее состав входит семь надписей (Потворин Пряслън, Лолин Пряслень, Невесточь, Бабино Прясльне, Ромадин, Ирини, Степаниди).

Рис. 1. Шиферное пряслице с надписью из Пинска

Условия нахождения пряслица в слое позволяют высказать в достаточной степени обоснованное суждение о его датировке. Пряслице найдено в 3-м пласте раскопа № 9, заложенном на дне котлована (глубиной до 2 *м* от дневной поверхности) под строящийся дом в слое темно-серой, сильногумусированной супеси очень плотной структуры. Одинаковая стратиграфия четырех соседних раскопов: № 10 (примыкающем вплотную к раскопу № 9 на дне котлована), № 11 (заложен в 2 *м* к югу от раскопа № 10 с дневной поверхности), № 8 (заложен в 22 *м* к северу от раскопа № 9 с дневной поверхности в 1963 г.) и раскопа № 9 позволяют привлекать для датировки пластов раскопа № 9 также и вещевые находки соседних раскопов. Особое значение при этом приобретает определение дат строительных ярусов раскопа № 8 дендрохронологическим методом [3]. В 3-м пласте раскопа № 9, как и в соответствующих пластах других раскопов, количество стеклянных браслетов по сравнению с подстилающими пластами возрастает, но число их достигает максимального количества в вышележащем пласте, пряслица и амфоры встречаются здесь регулярно (таблица). В 3-м пласте раскопа № 10 найдена двушипная втульчатая стрела (в Новгороде датируется X—XII вв.) [4] и шпора с коническим острием (в Новгороде датируется XII—XIII вв.) [5]. В раскопе № 8 IX строительный ярус (датируемый третьей четвертью XIII в.) располагается приблизительно на 40 *см* выше третьего пласта.

Дендрохронологические даты, распределение вещевого материала в раскопах и стратиграфические наблюдения дают, на наш взгляд, достаточно убедительные основания для датировки пинского шиферного пряслица с надписью XII веком (скорее всего — второй половиной) или рубежом XII и XIII в. К сожалению, палеографический метод определения времени исполнения надписи не может дать конкретной узкой даты. Большинство вариантов начертания букв имеет широкие хронологические границы, не позволяющие узко ограничить время составления надписи. Даже наиболее показательные в хронологическом отношении буквы «Н» и «N» имеют несколько одновременно существующих вариантов написания, наиболее употребительные из которых имеют широкий диапазон бытования. Бесспорно, в определенный хронологический период преобладает тот или

---

[3] Дендрохронологический анализ спилов произведен в лаборатории Института археологии АН СССР Н. Б. Черных, за что пользуюсь случаем выразить искреннюю благодарность.

[4] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, 65, 1959, стр. 154, табл. 7.

[5] А. Ф. Медведев. Ук. соч., стр. 189, рис. 23, *17*, стр. 191.

другой вариант написания буквы, однако в кратких надписях с неповторяющимися буквами нельзя быть уверенным, что имеешь дело с характерным для данного времени начертанием буквы, а не с его необычным, исключительным вариантом. Тем более справедливы эти замечания в применении к надписям, процарапанным и прорезанным по твердому предмету ввиду особенностей материала, инструмента и техники нанесения надписи.

Эпиграфические особенности надписи на пряслице из Пинска представляют возможность высказать лишь предположение о времени производства надписи. В надписи содержится две буквы N (знаки 1, 16), в которых косая перекладина соединяет верхний край левой мачты и нижний край правой. В письменных памятниках буква N такого начертания отмечена в XI в.[6], в XII[7] и XIII вв.[8], а в эпиграфических памятниках — в XI—XIV вв.[9]. Буква N с перекладиной от верхней части (ниже конца) левой мачты к нижнему концу правой (знак 8) в письменных источниках встречается в XI в.[10] и в XII в.[11], а в памятниках эпиграфики — с XI—XII вв. и до конца XIV в.[12]. Буква «Н» (знак 7) имеет горизонтальную перекладину по середине высоты вертикальных мачт и датируется XI—XIII вв.[13]. Буква А (знак 2, 5, 12) имеет треугольный кузов и накрытие сверху, что характерно для XII в. В XIII в. накрытие, как правило, исчезает, кузов делается округленным, постепенно исчезает наклон задней части[14]. Такая эволюция прослежена как на пергаменте, так и на вещевых памятниках. Из вещевых датированных надписей наиболее близкими по начертанию буквы А являются граффити Софийского собора в Киеве «Запись Мартирия архиепископа» конца XII в. и надпись на шлеме Ярослава Всеволодовича 1177 г.[15].

За отнесение пинской находки к XII в. говорит и начертание некоторых других букв. Так, буква Ъ (ер) имеет сильный наклон и треугольную нижнюю петлю, видоизменяющуюся к концу XII в.[16]. Буква Р с прямой верхней линией и подчетыреугольным очертанием петли появляется в памятниках конца XII в. и распространена в XIII в.[17].

Таким образом, особенности начертания букв вполне позволяют датировать надпись на шиферном пряслице из Пинска XII веком. Соответствие стратиграфической и эпиграфической датировок представляют в

---

[6] Я. И. Трусевич. Свод 260 азбук и образцов кириллицы из снимков рукописей, стлб. 12, 14; В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1918, стр. 98, 99, ряд 8, знак 6; И. А. Шляпкин. Русская палеография. СПб., 1913, стр. 54, 57, знак 111, 112; Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 154, знак 4, 5.

[7] Я. И. Трусевич. Ук. соч., стлб. 25; Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 154, знак 9.

[8] Я. И. Трусевич. Ук. соч., стлб. 51; Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 154, знак 11, 14.

[9] Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв. М., 1964 (хронологический график буквы N).

[10] Я. И. Трусевич. Ук. соч., стлб. 4; В. Н. Щепкин. Ук. соч., стр. 98, 99, ряд 8, знак 8.

[11] Я. И. Трусевич. Ук. соч., стлб. 37; Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 154, знак 10.

[12] Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи.

[13] Я. И. Трусевич. Ук. соч., стлб. 2, 3, 5, 17, 29, 30, 32, 39, 47, 51, 52, 54, 58, 59, 65, 68, 69; И. А. Шляпкин. Ук. соч., стр. 55; В. Н. Щепкин. Ук. соч., стр. 98, 99, ряд 8, знак 1; Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 154, знак 1, 2, 4, 7, 9, 13, 16; И. И. Срезневский. Славяно-русская палеография XI—XIV вв. СПб., 1885, стр. 161, знак 1.

[14] Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 162, знак 61; Я. И. Трусевич. Ук. соч., стлб. 42, 45; И. А. Шляпкин. Ук. соч., стр. 42—43, рис. 6.

[15] Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи..., стр. 34—35, табл. V—VIII.

[16] И. А. Шляпкин. Ук. соч., стр. 59, рис. 195—196, стр. 63; Я. И. Трусевич. Ук. соч., стлб. 36; Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи..., хронологический график буквы Ъ.

[17] Я. И. Трусевич. Ук. соч., стлб. 45; Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 154, знак 2, 17, стр. 163, знак 8.

достаточной степени убедительные основания для определения времени производства пряслица и надписи — второй половиной XII в.

Несколько слов следует сказать об имени владельцы. Среди 12 славянских женских имен XI—XII вв. нет имени Настасья[18]. Написанное на пряслице и, очевидно, так и звучавшее в обыденной речи имя Настасья происходит от греческого имени Анастасия[19], пришедшего на русские

Расположение некоторых находок в нижних горизонтах окольного города древнего Пинска (раскопы 8—11)

Слои	Пласты	Находки			Ориентировочные даты
		амфоры	браслеты стеклянные	пряслица шиферные	
					Дендрологическая дата: Третья четверть XIII в.
Серый слой средней плотности	1	3	59	9	30—40-е годы XI II в
	2	14	147	23	Первая четверть XIII в.
	3	31	77	14	Рубеж XII и XIII вв.
Темно-серый гумусированный плотный слой	4*	35	46	9	Вторая половина XII в.
	5	26	15	19	Первая половина XII в.
		Материк			

* Место находки пряслица с надписью.

земли вместе с христианством. Интересно замечание Н. М. Тупикова, что в среде низшего сословия до середины XV в. преобладают имена славянские, но не христианские, в то время, как в среде феодальной до XIV в. равноправно бытовали славянские и христианские имена[20].

[18] Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. ЗОРСА, VI, СПб., 1903, стр. 85—516, 519.

[19] М. Морошкин. Славяно-русский именослов или сборник славянских и личных имен в алфавитном порядке. СПб., 1867, стр. 134.

[20] Н. М. Тупиков. Ук. соч., стр. 63—64.

С. Л. АГАФОНОВ

ШАТРОВАЯ ЦЕРКОВЬ 1552 г. В БАЛАХНЕ

На красоту архитектуры и мастерство выполнения старинных церквей г. Балахны Горьковской обл. обратили внимание давно[1]. Но до сих пор они не пользуются той известностью, какую безусловно заслуживают.

Среди памятников Балахны, впервые упоминаемой в документах в 1479 г., наибольшей древностью выделяется шатровая Никольская церковь Покровского монастыря (рис. 1). Она, судя по литературным данным и по архитектуре сооружения, является самой старой постройкой в Горьковской области после Нижегородского кремля.

Исследователь нижегородских древностей М. Миролюбов (архимандрит Макарий) без ссылки на источник говорит, что «в XVI столетии в монастыре были две церкви,— деревянная Покровская и каменная

[1] Ф. Рерберг. Балахна. «Светильник», 1915, 9—12; Ф. А. Мазуркевич. Балахна в конце XVII века. 1916 (рукопись в библ. Академии архитектуры); Стилизованные рисунки А. Алексеева по мотивам балахнинских памятников, см. в «Архитектурном ежегоднике». СПб., 1906, стр. 8 и 30.

Никольская с приделом Сергия Радонежского. У каменной церкви верх был сделан шатром, а над алтарем устроена каменная же колокольня» [2].

В путеводителе по Волге, изданном в 1862 г. [3], и в статье Ф. Рерберга указано, что каменная шатровая церковь построена в 1600 г. На каких материалах основана эта дата — остается неизвестным.

Рис. 1. Никольская церковь в Балахне. Вид с юго-востока

Именно эту дату принимает П. А. Раппопорт, обследовавший Никольскую церковь в 1946 г. и давший подробную сводку всех опубликованных сведений по памятнику [4]. П. А. Раппопорт считает, что церковь Михаила Архангела в Нижегородском кремле, которую строил Лаврентий Возоулин в 1624—1631 гг., «по своим пропорциям, композиции и даже многим деталям чрезвычайно близка к балахнинской». Поскольку, как установил в сво-

[2] Архимандрит Макарий. Памятники церковных древностей. Нижегородская губерния. СПб., 1857, стр. 283; Нижегор. губ. ведом. за 1849 г., часть неофиц., № 75, стр. 298.

[3] Волга от Твери до Астрахани. СПб., 1862, стр. 151.

[4] П. А. Раппопорт. Русское шатровое зодчество конца XVI в. МИА, 12, 1949.

ем исследовании Н. Н. Воронин [5], Л. Возоулин происходил из Заузольской волости, т. е. из окрестностей Балахны, и сам, возможно, принадлежал к балахнинским каменщикам или кирпичникам, П. А. Раппопорт делает заключение, что в постройке обеих церквей участвовал Л. Возоулин. И из этого следует, что «постройка Никольской церкви в Балахне должна быть

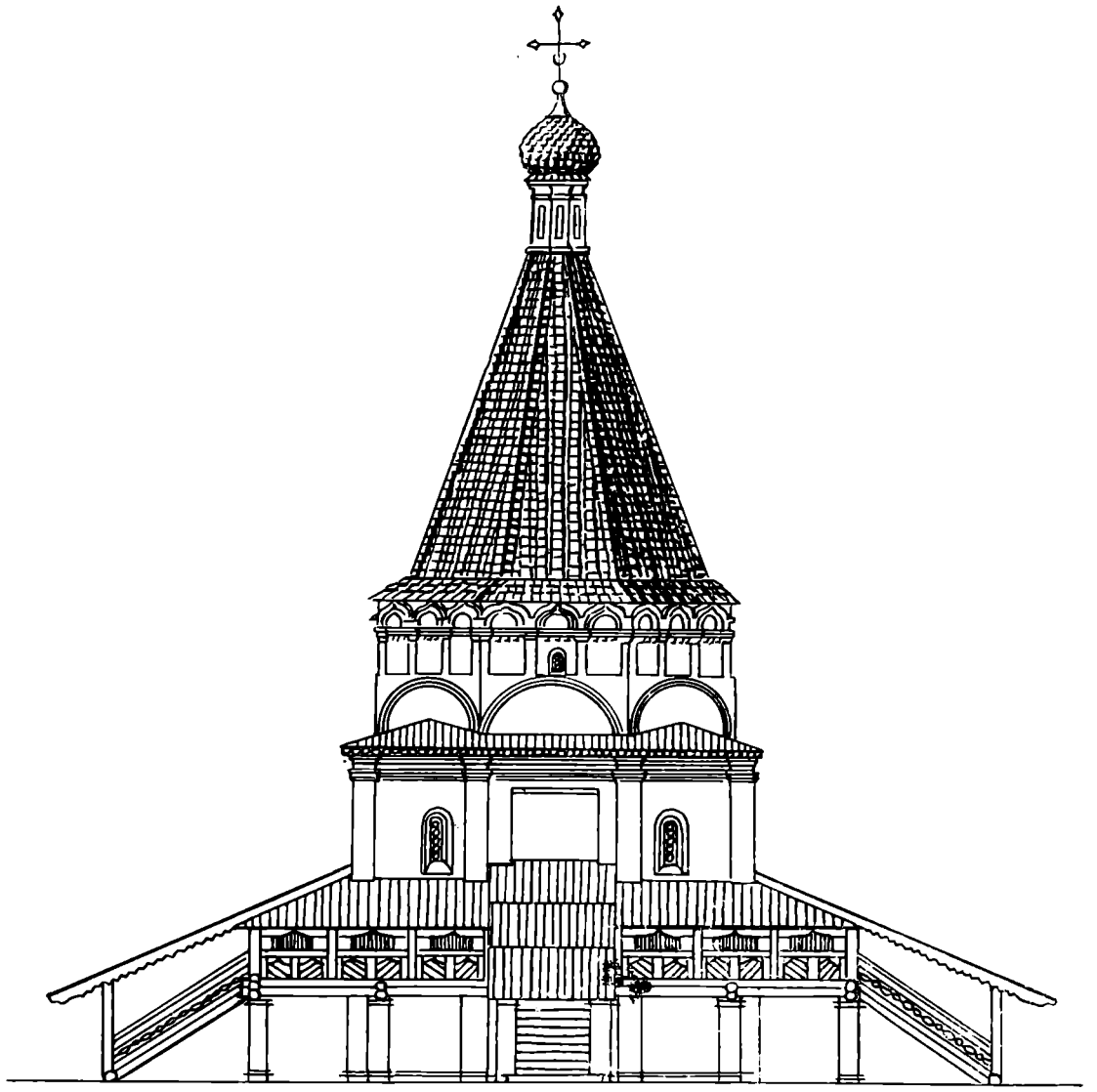


Рис. 2. Никольская церковь в Балахне. Западный фасад (реконструкция автора); (масштаб такой же, как на рис. 3)

осуществлена сравнительно незадолго до нижегородской, т. е. перед «смутой» или в самом конце XVI в.».

Я обмерял и изучал Никольскую церковь в 1944 г. по заданию Сектора фиксации и методики реставрации памятников архитектуры Академии архитектуры СССР [6] и на основе реконструкции первоначального вида и сходства композиции церкви с Никитской церковью в Елизарове под Переяславлем высказал предположение, что Никольская церковь была построена в конце XVI в. [7]. В той же статье выражалось сомнение в авторстве Л. Возоулина не только из-за отсутствия документальных данных, но по различию в характере архитектуры Никольской церкви в Балахне и Архангельского собора в Нижегородском кремле.

[5] Н. Н. Воронин. Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв. ИГАИМК, 92, Л., 1934, стр. 35.

[6] Архитектурный архив, 1, М., 1946, стр. 142.

[7] С. Л. Агафонов. Архитектура и зодчие Нижегородского края. Сб.: «Люди русского искусства». Горький, 1960, стр. 414.

В настоящем виде Никольская церковь представляет собой шатровый одноглавый храм по типу восьмерик на четверике, стоящий на высоком подклете, с трехапсидным алтарем и каменным притвором с крыльцом по оси западного фасада (рис. 2). К 1960-м годам здание церкви, особенно ее шатер, пришло в аварийное состояние. Реставрационные работы и исследования, проведенные при подготовке и в процессе реставрационнных ра-

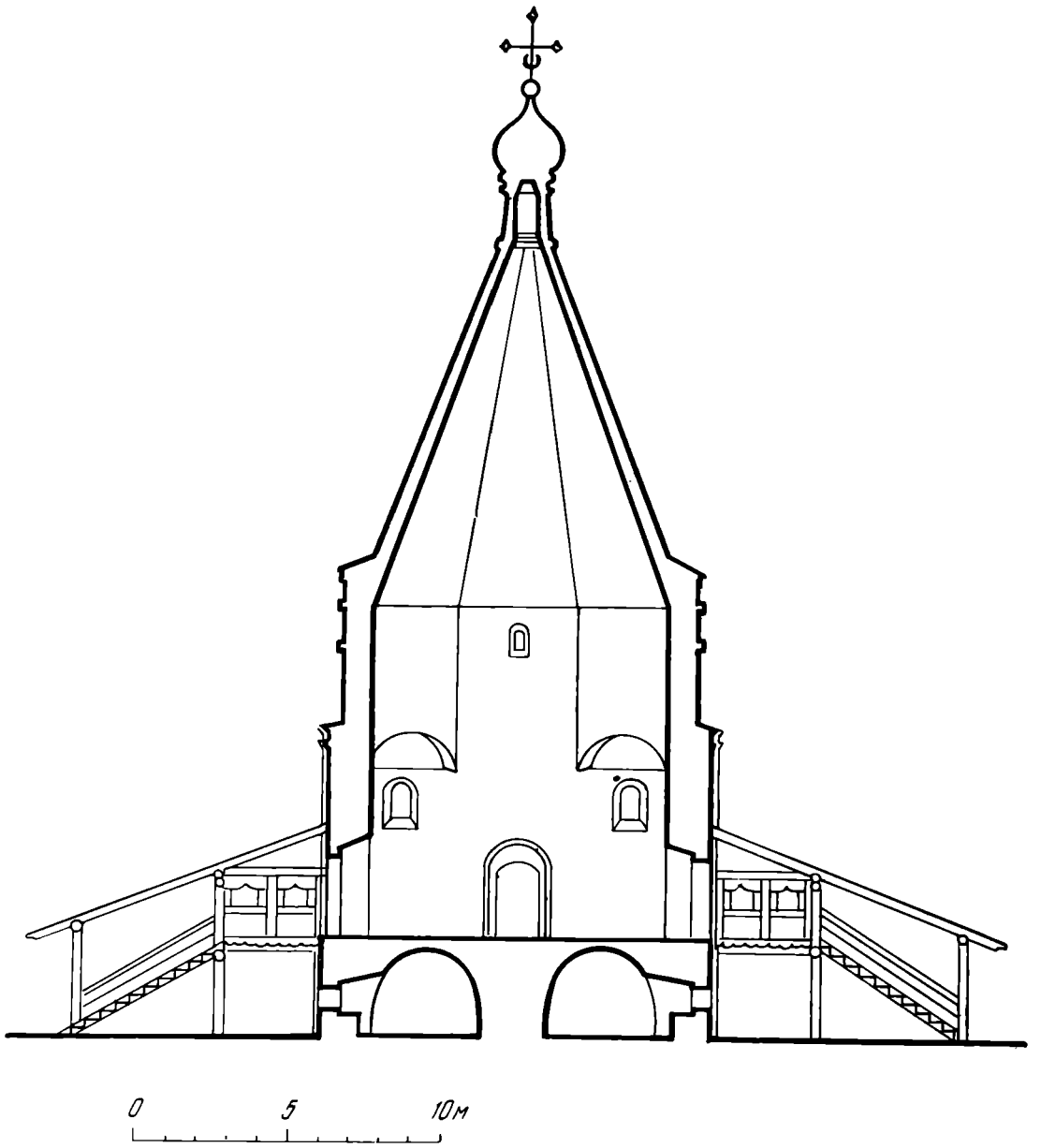


Рис. 3. Никольская церковь в Балахне. Поперечный разрез (реконструкция)

бот Горьковской научно-реставрационной мастерской (автор проекта реставрации арх. Е. А. Окишев, обоснования к проекту — арх. С. Л. Агафонов и Е. А. Окишев), дали возможность установить первоначальный вид памятника, основные черты его строительной истории, а находка, сделанная в процессе работ, позволила уточнить дату постройки храма (рис. 3).

Первое упоминание Никольской церкви встречается в Сотной грамоте г. Балахны 1620 г., составленной по описи Искальского 1618 г.: «церковь Николы Чудотворца в Покровском монастыре на посаде дани 11 алтын 2 деньги» [8].

В Сотной грамоте города Балахны 1674 г. говорится, что церковь имела

[8] Материалы для истории церквей Нижегородской епархии, 2. Балахнинской десятины жилые данные церкви. 1628—1746 гг. М., 1903, стр. 23.

деревянную паперть и придел Сергия [9]. Никаких следов этого придела не сохранилось. О наличии бывшего в старину деревянного гульбища или паперти по северному и южному фасадам можно судить по наличию порталов и дверных проемов, позднее переделанных в окна. Но на стенах подклета никаких следов примыкания каменных арок или сводов или деревянных конструкций не прослеживается. В описи 1701 г. упомянуты две каменные палаты, бывшие под папертью [10]. Вероятно, они находились у западного входа в церковь.

Опись отмечает каменную «колокольницу», находившуюся над алтарем. На ней помещались башенные часы с железным механизмом, а также 11 больших и малых колоколов, служивших как для церковных надобностей, так и для часового боя [11]. В настоящее время к остаткам «колокольницы» можно отнести невысокую стенку толщиной в два кирпича, находящуюся на восточной стене четверика на его северо-восточном углу. На стене против этой стенки над алтарем видны остатки примыкания двух небольших арок, для которых в стене были выбиты гнезда под пяты. На своде северной апсиды имеются кирпичные основания стены, параллельной стенке на четверике. Высота и формы колокольни пока не поддаются реконструкции.

Никольская церковь в описи называлась соборной и считалась холодной. Зимней была существующая и сейчас Покровская церковь, построенная в XVII в. и лишившаяся сводов и глав при пожаре Балахны в 1680 г.

Если пожар 1680 г. достиг такой силы, что от него обрушились своды Покровской церкви, то можно предположить, что им же были вызваны значительные повреждения восточной стены Никольской церкви, о которых можно судить по заметным на ней перекладкам. В полу в плоскости восточной стены храма сохранились нижние ряды древней алтарной преграды с проемами значительно более узкими, чем современные. Штрабы в местах примыкания этих стен к основным несущим столбам восточной стены обрываются на высоте 1,5 *м* от пола.

В период 1719—1722 гг. церковь подверглась большому переустройству [12]. С юго-запада к ней была пристроена колокольня.

По-видимому, к этому времени относится покрытие шатра зеленой трапециевидной черепицей «римского» типа [13], появление которой было не первоначальным, как думает П. А. Раппопорт, ибо на шатре местами сохранились следы побелки. Именно в этот период усиленно распространяются в русской архитектуре керамические поливные изделия — черепица, изразцы, половые плитки. Судя по упрощенному характеру архитектурных профилей на тягах и карнизах западной паперти, она была сооружена также в это время. Тогда же, очевидно, были заделаны окна в западной стене церкви и взамен пробиты большие оконные проемы над порталами южного и северного фасадов. Возведение над западной папертью высокой и крутой в два ската кровли вызвало желание повысить стены четверика, для чего над карнизами его были выведены по три полукруглых кокошника с каждого фасада. Переделка окон в алтаре и устройство высокой куполообразной кровли над апсидами окончательно придали Никольской церкви облик сооружения XVIII в.

К нашему времени здание дошло с значительными деформациями, усиленными утратой деревянных связей, окаймлявших четверик на уровне верха проемов входных дверей и, по-видимому, выгоревших при одном из

---

[9] ГАГО, ф. 2013, оп. 602, д. № 18, л. 9 об.

[10] Материалы для истории..., стр. 24.

[11] Во внутреннем убранстве церкви описывается иконостас. Местные образы в нем частично имели склады, остальные ярусы — праздники, пророки и праотцы «писаны на краске» без окладов. Царские двери главного алтаря были украшены резьбой. Царские двери в приделе были расписные.

[12] ГАГО, ф. 570, оп. 552, д. № 49, л. 4 (51).

[13] М. Е. Романович. Гражданская архитектура, 2. СПб., 1903, черт. 1370 на стр. 283.

пожаров. Состояние памятника требовало принятия немедленных мер по его сохранению, и в 1963—1965 гг. были проведены укрепительно-реставрационные работы.

Расчищенные от поздних закладок окна западного фасада оказались простейшими по форме и лишенными каких-либо профилей и украшений. Порталы имели весьма скромную обработку в виде килевидного обрамления, выложенного из кирпичного полувала с кирпичными же базами и белокаменной капителью. Базы портала выполнены как раскреповка профиля, отделяющего подклет от храма. Это сочный аттический профиль, идущий от архитектурных деталей памятников конца XV и первой половины XVI вв., связанных с архитектурой итальянского Возрождения. Подобный профиль цоколя имеет Козьмодемьянская церковь в Муроме.

Шатер выложен из маломерного кирпича 25 × 12 × 7 *см* толщиной в 1,5 кирпича, или 40 *см*. Из такого же кирпича выложен и верх восьмерика с троечастным делением его граней, карнизом, кокошниками и полицами, перевязанными с шатром и стенами восьмерика.

Барабан и кирпичная глава выполнены из того же материала. По грубости напускных из кирпича переходов от внутренних граней шатра к стенкам барабана и по отсутствию в барабане окон, хотя он и открыт внутрь шатра, можно заключить, что барабан и глава имеют более позднее происхождение, чем шатер.

Кокошники — закомары выложены по три на каждой стороне четверика. Средний кокошник крупнее боковых. Кирпич кокошников имеет размеры 27 × 13,5 × 7,5 *см*, т. е. отличается от кирпича из стен четверика (30 × 14,5 × 8 *см*). Кокошники не имеют перевязи со стенами восьмерика, к которым местами примыкают вплотную, а по восточному фасаду отделены пространством до 74 *см* шириной. Первое время по возведении покрытие их было позакомарное, как это обычно и как сохранилось на Архангельском соборе в Горьком (1631 г.) или на шатровой церкви в Кушалине Калининской обл. Покрытие было черепичным по деревянной обрешетке. Плоская черепица размером 14,5 × 18 *см* была найдена в углах чердака.

В конце XVIII — начале XIX в., как можно судить по характеру профилировки карнизной доски с вырезанными на ней мелкими сухариками, кровля была упрощена. Был устроен общий по всему периметру четверика горизонтальный карниз, для чего средние кокошники пришлось срезать до высоты крайних. Таким образом, вновь появилась кровля, подобная первоначальной, но поднятая над четвериком до уровня верха малых кокошников.

Промежутки между полукружиями кокошников были заложены кирпичной кладкой из кирпича того же размера. Раствор закладки отличается от раствора закомар-кокошников более серым цветом и преобладанием песка более крупных фракций, чем в растворе кокошников.

В мусоре, скопившемся на чердаке в углах четверика, был найден обломок доски с остатками сквозной резьбы. По определению архитектора Е. А. Окишева, это был остаток деревянного подзора первоначальной тесовой кровли, закрывавшей углы четверика. Рисунок этого подзора легко восстанавливается и имеет аналогию с прорезным узором на спинке скамьи из Смоленского художественно-исторического музея [14].

Как архитектурные детали, так и общая композиция балахнинской шатровой церкви обнаруживают значительное сходство с архитектурой русских зданий середины XVI в., в особенности с двумя из них: Козьмодемьянской церковью в Муроме (1565 г.) и Никитской церковью в Елизарове под Переяславлем (1552 г.).

План балахнинской церкви имеет простейший вид: это квадрат, перекрытый шатром с троечастным алтарем с востока с открытой галереей-

[14] Н. Н. Соболев. Русский орнамент. М., 1948, табл. 63.

гульбищем с трех других сторон (рис. 4). По величине внутреннего подшатрового пространства балахнинский храм относится к числу наиболее крупных. Он имеет размеры в плане 9,7 × 9,25 *м* почти равные основанию шатра церкви Вознесенья в Коломенском. Большие размеры имеют шатры церкви Борисова городка — 10 × 10 *м* и Архангельского собора Нижегородского кремля — 10,3 × 10,5 *м*. Козьмодемьянская церковь в Муроме и церковь в селе Красном Костромской области имеют в плане всего 7,5 ×

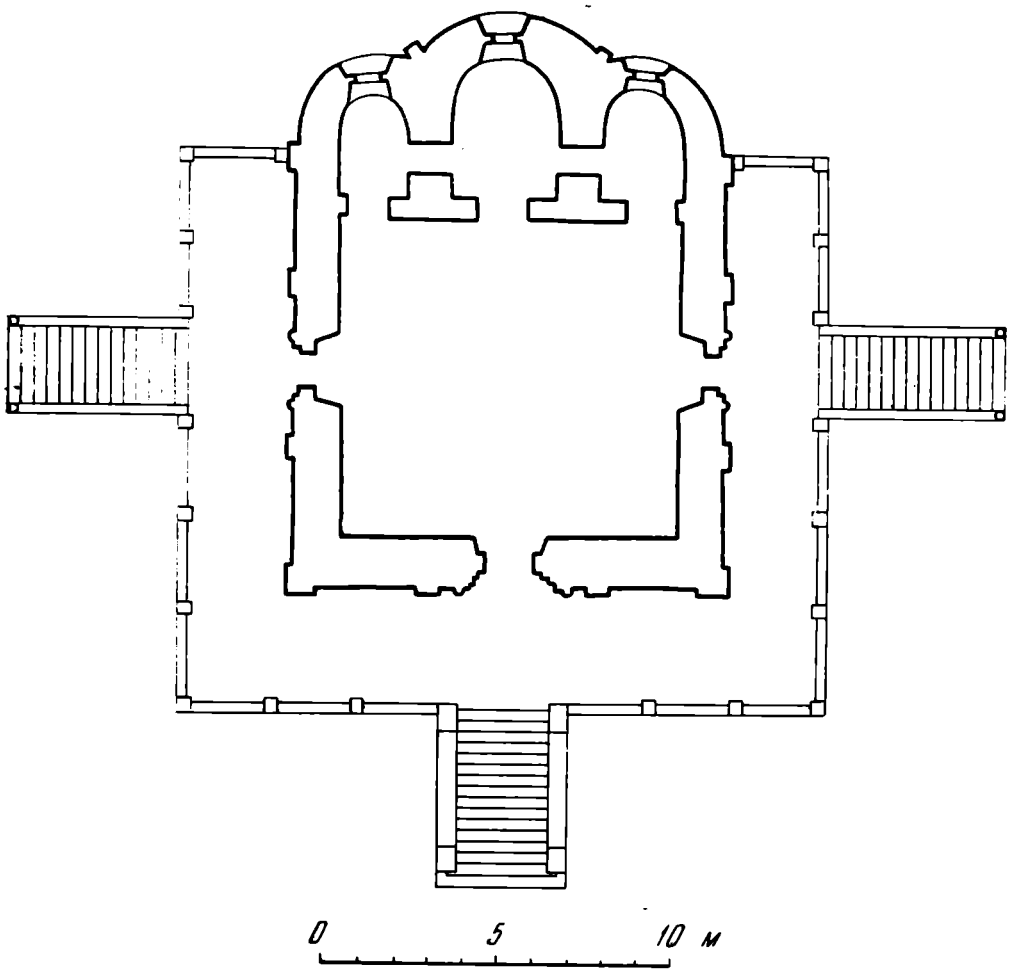


Рис. 4. Никольская церковь в Балахне. План второго яруса (реконструкция)

× 7,5 *м*, а большинство остальных шатровых церквей значительно меньше их в плане.

Эта обширность внутреннего пространства в значительной степени объясняет приземистость пропорций Никольской церкви, строители которой, очевидно, были лишены возможности возводить ее как высокое сооружение.

По своему объемному решению Никольская церковь относится к типу восьмерик на четверике и по монументальному лаконизму общей композиции выделяется даже среди шатровых храмов XVI в., которые почти все отличаются ясностью архитектурного замысла, но многие из них в пределах простого силуэта имеют усложненную обработку переходов от гладких плоскостей нижнего объема к пирамиде шатра.

Такой же простотой отличается и пропорциональное построение Никольской церкви. Диагональ квадрата внутреннего пространства церкви дает полную ширину фасадной стены (включая толщину обеих наружных стен). Разбивка была произведена по подклету квадратному в плане. Диагональ квадрата, построенного на высоте фасадной стены с карнизом, дает отметку верха восьмерика. Высота шатра вновь повторяет высоту четверика, а высота шатра с главой равна высоте основного объема от земли до верха восьмерика.

Едва ли не наиболее интересной частью композиции является наличие горизонтального карниза по всему контуру четверика. Исследователи русской архитектуры видят в этом признаке тесную связь с деревянным зодчеством, отмечая отсутствие таких карнизов в церкви с. Коломенского и ряде других [15].

В то же время горизонтальные карнизы над четвериком, так же как в Балахне не завершенные кокошниками-закомарами, есть в Муромской церкви (1565 г.) и в церкви с. Елизарова (1552 г.).

Нижняя часть восьмерика Елизаровской церкви, так же как и в Балахне, обработана полукруглыми архивольтами простого профиля, которые связывают между собой и завершают пролет между средней парой пилястров, а повторяясь на боковых гранях восьмерика, создают единство архитектурной обработки всего объема здания.

Подобный прием, но более развитый, имеют многие шатровые церкви, как, например, в Беседах (конец XVI в.) или в Красном (1952 г.). Углы четверика церкви с. Красного покрыты так же, как и в Балахне.

Верхняя часть восьмерика Никольской церкви обработана пилястрами, делящими каждую грань на три части, заканчивающиеся тремя килевидными кокошниками выше горизонтального карниза. Подобные кокошники, но без пилястр, имеют церковь Петра Митрополита в Переславле (1585 г.) и еще ближе — Архангельский собор Нижегородского кремля (1631 г.). Верхняя часть восьмерика выполнена из кирпича, меньшего по размеру, чем кирпич на четверике, но одинакового с кирпичом шатра. Из такого же мелкого кирпича выложены карнизы четверика. Это объединяет по масштабу детали верха, храма, отделяя их от профилей нижней половины здания. Такой прием часто использовался русскими мастерами, особенно плотниками, рубившими верхние венцы из более тонкого леса.

Особенностью Никольской церкви является то, что полица под шатром перевязана с ним в кладке кирпича и составляет единое целое с шатром. Она целиком исходит из традиций деревянного зодчества. Такую же полицу имеет и шатер Елизаровской церкви, где полица отделена от восьмерика развитым горизонтальным карнизом, подобным повалам деревянных шатровых сооружений. Барабан главки выложен в форме усеченной пирамиды.

Интересно, что наклон граней барабана главки внутрь не имеет аналогий в каменных шатровых храмах, но встречается часто в таких классических для деревянного зодчества шатровых церквах, как церковь с. Белая Слуда (1642 г.), церкви Юромского погоста, церковь в Варзуге (1674 г.) и др.

Таким образом, Никольская церковь в Балахне обнаруживает наибольшее сходство по своей общей композиции, по трактовке отдельных частей, архитектурным деталям с памятниками середины XVI в.,— Никитской церковью в Елизарове под Переславлем и Козьмодемьянской церковью в Муроме. Примечательно, что церковь в Муроме была построена в 1565 г. по преданию в память Казанского похода, а церковь в Елизарове сооружена в 1552 г. в усадьбе одного из ближайших сподвижников Ивана Грозного — Алексея Басманова и также в память взятия Казани [16].

Поэтому не вызвала большого удивления дата, вырезанная на одном из камней, найденных в кладке Никольской церкви — 7060 год (1552). Надпись эта безусловно сделана одним из неизвестных нам строителей памятника. При вычинке кладки западной стороны южного портала во время реставрационных работ была обнаружена белокаменная плита, заготовленная для надгробия с орнаментом, характерным для могильных плит XVI в. Сохранившаяся и сейчас двойная линия орнамента окаймляет плиту с трех сторон. В самом углу ее заделан железный подстав с двумя ответвлениями в виде ласточкина хвоста. Между наружным ближним к проему кра-

[15] История русского искусства, III, М., 1955.

[16] История русской архитектуры, М., 1956, стр. 154.

ем плиты и подставом на расстоянии около 40 *см* ниже верхнего края уверенной рукой красиво вырезана четкая надпись: — лет (а) 7060 (рис. 5).

Надпись вырезана между ограничительными чертами, прочерченными на камне на расстоянии 8 *см* одна от другой. На 4 *см* ниже была прочерчена вторая пара таких линий, оставшаяся не заполненной. Под подставом восточной стены южного портала была найдена вторая плита с таким же орнаментом, но без надписи.

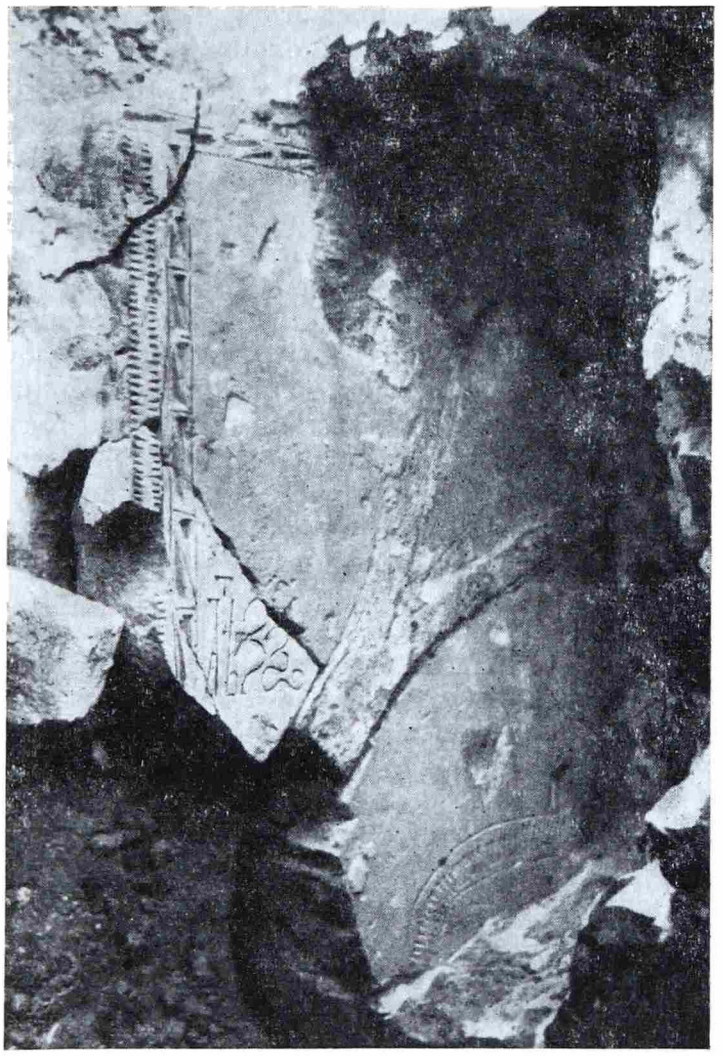


Рис. 5. Никольская церковь в Балахне. Известняковая плита с датой 1552 г.

Орнамент балахнинских камней соответствует вырезанной на одном из них дате. Дата эта не случайный остаток неоконченой могильной эпитафии, так как занимает на чистом поле плиты случайное положение по отношению к обычной компановке надписей на древнерусских надгробных плитах. Она была сделана в период постройки Никольской церкви при кладке основных стен четверика и, таким образом, документально свидетельствует о том, что храм был построен или во всяком случае начат строительством в 1552 г. Это год завершения многовековой борьбы против Казанского ханства, от которого страдали жители пограничных поволжских районов. Появление памятника, прославляющего победу над врагом именно в Балахне, является вполне закономерным и естественным.

Уточнение даты постройки Никольской церкви заставляет нас окончательно отказаться от предположения, что автором ее был Лаврентий Возоулин. Если раньше мы отвергали это по стилистическим различиям обоих сооружений, то теперь такое предположение отпадает само собой, так как время постройки балахнинского храма и Архангельского собора, для которого авторство Л. Возоулина является бесспорным, отделяет промежуток времени почти в 80 лет.

К 70-летию В. П. ПЕТРОВА

Виктор Платонович Петров — пример ученого с широким диапазоном интересов. История, археология, этнография, языковедение и история языка, литературоведение и история литературы, история философии — таков далеко не полный перечень научных отраслей, в которых он работал или работает.

В. П. Петров родился 10 октября 1894 г. в Днепропетровске.

По окончании историко-филологического факультета Киевского университета в 1918 г. В. П. Петров сразу же определился как исследователь с ярко выраженной индивидуальностью и был оставлен при университете для подготовки к профессорской деятельности. Одновременно он назначается ученым секретарем Комиссии по составлению словаря украинского языка при Академии наук Украины и членом Фольклорно-этнографической комиссии АН УССР, а позже ее руководителем.

В 1930 г. В. П. Петров защитил диссертацию на степень доктора филологических наук. Тема его диссертации — «Кулиш, жизнь, творчество». В то время главные интересы юбиляра лежат в сфере литературоведения и истории общественной мысли Украины XVIII —XIX вв. (Г. Сковорода, П. Кулиш, Н. Костомаров, Т. Шевченко и Кирилло-Мефодиевское общество и т. д.)

С 1932 г., когда В. П. Петров становится сотрудником Института истории материальной культуры АН УССР, главные интересы его обращаются к более древним эпохам. С этого времени начинается плодотворная работа юбиляра на ниве украинской археологии — сначала в составе ИИМК АН УССР (позже преобразованном в Институт археологии АН УССР), где он с 1939 по 1941 г. возглавлял сектор славяно-русской археологии; затем (в послевоенное время) — в Институте истории материальной культуры АН СССР в Москве, а с 1956 г. и до сегодняшнего дня в Институте археологии АН УССР.

Трудно назвать такую отрасль археологии или древней истории, в которую бы В. П. Петров не внес того или иного вклада. Формирование человеческого общества, родовой строй, проблемы первобытной экономики (в частности — наиболее примитивных форм земледелия), проблемы энтогенеза, история Скифии, античного Причерноморья, древних германцев, древних славян — все эти вопросы интересовали исследователя, всем им он уделил внимание.

Деятельность В. П. Петрова-археолога очень разносторонняя. Помимо разработки теоретических и общеисторических проблем, касающихся древнейшего прошлого человека, он вел большие полевые исследования.

С именем В. П. Петрова связывается открытие и исследование ряда важных памятников: поселений энеолитической эпохи в Городске, по которым была выделена городская культура, поселений раннесредневекового времени в с. Стецовка, в значительной степени способствующих заполнению источниковедческой лакуны между черняховской культурой и культурой Киевской Руси в Среднем Приднепровье, одного из первых памятников черняховской культуры в Молдавии (Лопатна); нового черняховского могильника на Волыни (Баев). В. П. Петров принимал участие в исследованиях таких классических памятников украинской археологии, как трипольские поселения в Коломийщине, скифские городища Пастырское и Шарновке, черняховские могильники и поселения в Лохвице, Николаевке и Косанове; древнерусские городища в Райках, Городске, Плиснеске; комплекс памятников в Салтове; памятники древнерусского Галича и т. п.

В 1939—1940 гг. В. П. Петров, работая заведующим сектором славяно-русской археологии ИА АН УССР, возглавил работу по изучению и подготовке к публикации памятников культуры полей погребений, которая в то время представляла едва ли не наименее разработанный раздел украинской археологии. Работы по этой теме были запланированы исключительно широко. Предполагалось провести обработку и подготовку к публикации старых материалов, хранившихся в музеях Украины (Черняховский, Зарубинецкий, Масловский могильники и др.); начать систематические раскопки ряда новых памятников, в частности — поселений и проведение широких разведок с целью составления наиболее полной карты памятников, планировалась разработка ряда тем, связанных с исторической интерпретацией культуры и подготовка и выпуск в свет сборников, посвященных памятникам культуры полей погребений.

Тогда же самим В. П. Петровым было подготовлено несколько фундаментальных работ по материалам старых раскопок В. В. Хвойки и С. С. Гамченко, однако начавшаяся война прервала эту плодотворную работу.

Вся деятельность В. П. Петрова во время войны имела патриотическое направление, и в двадцатилетний юбилей победы над гитлеровской Германией он был за выдающиеся заслуги перед Родиной награжден Орденом Великой Отечественной войны первой степени.

После войны В. П. Петров возвратился к научной работе. В бытность в Москве в ИА АН СССР (ИИМК АН СССР) им были подготовлены к публикации материалы Масловского могильника — одного из первых раскопанных С. С. Гамченко и П. И. Смоличевым памятников черняховской культуры. Затем, приняв на себя в Киеве заведование Научным архивом ИА АН УССР, В. П. Петров руководил его разборкой и приведением в порядок. Организация в ИА АН СССР совместных с украинскими специалистами сборников в серии «Материалов и исследований по археологии СССР» дала возможность увидеть изданными значительные работы В. П. Петрова, посвященные памятникам II — VII вв.— зарубинецких, черняховских, в том числе материалы самого Черняховского могильника, раскопанного В. В. Хвойкой,— и памятников второй половины I тысячелетия. В подготовке вышедших и готовящихся сборников В. П. Петров принимал и принимает активное участие. Так, в МИА № 70, 82, 108, 116 В. П. Петрову принадлежит ряд крупных публикаций: Черняховский, Масловский, Лохвицкий могильники черняховской культуры, Зарубинецкий могильник, памятники VI—VII вв. в Корчаке, поселение в Стецовке. Все эти публикации представляют собою солидный вклад в источниковедческую базу по истории древних культур. Статьи В. П. Петрова, нередко имеющие принципиально важное значение, регулярно появляются в археологических, исторических и филологических периодических изданиях и сборниках.

Среди проблем, особенно волнующих В. П. Петрова, центральное место безусловно принадлежит проблеме этногенеза народов СССР. В равной мере владея методами исследования исторического, археологического, этнографического и филологического материала, В. П. Петров сумел найти новые аспекты постановки и разрешения этой проблемы. В результате была выработана концепция, которая представляет собою важный этап в развитии этногенических исследований в нашей стране. В ней утверждается, что зачисление каждого из древних восточноевропейских народов в определенную этническую группу, известную на основании позднейших источников, представляется проблематичным. Помощь молодым научным сотрудникам, точность и аккуратность в ведении дел, отзывчивость и внимание являются непременными качествами В. П. Петрова.

В настоящее время В. П. Петров, несмотря на почтенный возраст, переживает период творческого подъема, завершая ряд работ. Желая нашему юбиляру долгих лет, здоровья и новых успехов, выражаем уверенность, что его деятельность увенчается новыми достижениями.

М. Брайчевский, Э. Сымонович

К 60-летию СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ОРЛОВА

25 сентября 1966 г. исполнется 60 лет со дня рождения археолога Сергея Николаевича Орлова — кандидата исторических наук, доцента и заведующего кафедрой истории Новгородского педагогического института.

Сергей Николаевич родился в дер. Исаково Тихвинского района Ленинградской обл. Его родители, как и большинство крестьян дореволюционной России, были неграмотные. После окончания церковно-приходской начальной школы Сергей Николаевич в возрасте 13 лет начал работать на лесозаготовках.

В 1925 г. С. Н. Орлов вступил в комсомол, а в 1927 г. был избран секретарем сельской комсомольской ячейки. Вскоре его направляют на работу в сельское потребительское общество. В 1929 г. началась коллективизация в Тихвинском районе, и Сергей Николаевич принимает активное участие в организации первых колхозов. Его избирают председателем колхоза «Красное Знамя». В конце 1930 г. он направляется на работу в райпотребсоюз, откуда в 1932 г. по путевке едет учиться на рабфак при Ленинградском торгово-товароведческом институте. По окончании рабфака С. Н. Орлов в 1936 г. поступает на исторический факультет Ленинградского университета.

Уже в студенческие годы Сергей Николаевич проявил большой интерес к научно-исследовательской работе. Он постоянно участвовал в археологических раскопках под руководством проф. В. И. Равдоникаса на Оленьем острове и в Старой Ладоге, а в свободное от раскопок время ежегодно самостоятельно проводил сплошное археологическое обследование низовьев р. Волхова. С. Н. Орлов взял на учет все разрушенные так называемые новгородские сопки. На некоторых из них им проведены с помощью студентов-однокурсников исследования. Сергеем Николаевичем были открыты очень важные для истории заселения Приладожья и истории славян археологические памятники, такие как неолитическая стоянка «Под сопкой», грунтовой могильник с обрядом трупосожжения в Старой Ладоге и др. Результаты исследования Староладожского могильника были опубликованы в «Ученых записках» Ленинградского университета в 1941 г. (серия исторических наук, вып. 10). Это первая печатная работа Орлова. В 1941 г. Сергей Николаевич окончил исторический факультет Ленинградского университета и был оставлен ассистентом при кафедре археологии, но война помешала научной работе Орлова. Он добровольцем идет в Народное ополчение и участвует в боях за Ленинград. 15 сентября 1941 г., попав с группой раненых бойцов в окружение, С. Н. Орлов был взят в плен. В августе 1944 г. за попытку к бегству из Рижского порта он был отправлен на каторжные работы в Германию — на литейный завод близ Ганновера в разливочный цех, который был по сути цехом смертников. В фашистском лагере перед окончанием войны советские военнопленные создали тройку (в нее входил и Сергей Николаевич), которая готовила заключенных к оказанию сопротивления в случае, если немцы вздумают уничтожить лагерь. После освобождения 9 апреля 1945 г. тройка под руководством капитана Кочергина возглавила организацию сборного пункта бывших в плену советских граждан для отправки на Родину.

С июня по декабрь 1945 г. тройка капитана Кочергина была включена в состав войск генерала Голикова, которые занимались сбором и репатриацией советских граждан из Западной Германии. В феврале 1946 г.

Сергей Николаевич был репатриирован в г. Кемерово, а в июне вернулся в Ленинград и был направлен в Старую Ладогу заведующим Музейно-археологическим заповедником, где работал до 1953 г.

После возобновления археологических раскопок в Старой Ладоге в 1947 г. Сергей Николаевич принимает в них активное участие и работает над темой «Деревянные изделия Старой Ладоги VII—X вв.». Деревянные изделия древней Руси до Великой Отечественной войны были почти неизвестны из-за очень плохой сохранности дерева в земле. Только в Новгороде и Старой Ладоге встречались при раскопках хорошо сохранившиеся изделия из дерева. Но после извлечения из земли они очень быстро деформировались. При работе над темой Сергей Николаевич применил единственно правильный для того времени метод графической и фотографической фиксации деревянных изделий сразу же после их находки, пока они еще сохраняли первоначальную форму. Благодаря этому удалось сохранить для науки более 1000 обмеров деревянных изделий, а сопоставление находок с этнографическими коллекциями позволило С. Н. Орлову определить функциональное назначение многих десятков из них. В этой работе, которую Сергей Николаевич завершил и защитил как кандидатскую диссертацию на кафедре археологии Московского университета в 1954 г., выясняются многие важные вопросы истории материальной культуры древней Руси.

Кроме Старой Ладоги, Сергей Николаевич участвовал во многих археологических экспедициях: в Саркеле-Белой Веже, в Белоозере, в Новгороде, где руководил раскопками больших участков. С 1954 г. С. Н. Орлов работает в Новгороде сначала в секторе охраны памятников при Новгородском областном управлении архитектуры, а с 1956 г.— в Новгородском педагогическом институте, где читает курсы по археологии и истории древнего мира, а также спецкурс по краеведению. С 1962 г. он заведует кафедрой истории в том же институте.

Неутомимый археолог-краевед, Сергей Николаевич с 1954 г. ведет постоянные археологические наблюдения за земляными работами в Новгороде, где им выяснена стратиграфия культурного слоя многих районов, зафиксировано несколько десятков древних улиц и переулков с многоярусными деревянными мостовыми, во многих случаях определены их древние названия. Кроме мостовых, им открыто много фундаментов каменных церквей и гражданских построек XII—XVII вв. в самом Новгороде и в его окрестностях. Особенно интересны его исследования на территории бывш. Аркажского монастыря, где были исследованы развалины трех каменных храмов XII—XIV вв. Результаты этих исследований публикуются в издании Ленинградского университета.

Ведя в Новгороде археологические наблюдения при строительных работах, Сергей Николаевич открыл сотни деревянных и металлических старинных изделий, а также десять берестяных грамот. Подобные наблюдения необходимы для изучения Новгорода, С. Н. Орлов проявил в этом деле ценную инициативу. Велики его заслуги в деле охраны новгородской архитектуры. Из материалов своих раскопок в окрестностях Новгорода и наблюдений в городе Сергей Николаевич создал интересный учебный историко-археологический музей в Новгородском пединституте. При систематическом обследовании со студентами пединститута Новгородской обл. Сергей Николаевич открыл много новых памятников эпохи неолита, бронзы и раннего железа.

Большое внимание уделяет С. Н. Орлов и пропаганде научных знаний. Он опубликовал ряд исторических очерков о Старой Ладоге, Новгороде и древнейшем прошлом Новгородской земли, регулярно читает лекции в городском лектории и на предприятиях Новгорода.

Из опубликованных С. Н. Орловым 30 научных и научно-популярных работ шесть посвящены топографии древнего Новгорода, 11 — Старой Ладоге, неолитическим и раннеславянским памятникам ее окрестностей,

остальные — различным сюжетам истории культуры Новгорода и древнейшему прошлому Новгородской земли. Сергей Николаевич является членом комиссии содействия охране памятников, членом совета историко-архитектурного музея-заповедника, членом Новгородского городского Совета депутатов трудящихся. Свои общественные обязанности он сочетает с большой педагогической и научно-исследовательской работой. За 60 лет Сергей Николаевич Орлов прошел трудный, но славный путь жизни, и мы от всего сердца желаем ему больших успехов в изучении славного прошлого земли Великого Новгорода.

А. Ф. Медведев

К 60-летию ЛАЗАРЯ МОИСЕЕВИЧА СЛАВИНА

11 июня 1966 г. Лазарю Моисеевичу Славину исполнилось 60 лет. Он родился в г. Витебске, с 13 лет работал на железной дороге, одновременно учился в средней школе. В 1923 г. Л. М. Славин поступил в Ленинградский университет на Отделение истории материальной культуры факультета общественных наук. Своей специальностью Л. М. Славин избрал античную археологию Северного Причерноморья; его учителями были Б. В. Фармаковский, С. А. Жебелев, И. И. Мещанинов, О. Ф. Вальдгауер, А. Н. Зограф, Б. Л. Богаевский, К. Э. Гриневич, Т. Н. Книпович, М. И. Максимова и др.

После окончания университета Л. М. Славин был зачислен в 1928 г. в Государственную Академию истории материальной культуры (ГАИМК), где работал 10 лет. В ГАИМК'е Лазарь Моисеевич прошел путь от лаборанта до старшего научного сотрудника. Одновременно он активно участвовал в научно-организационной работе ГАИМК в должности заведующего кабинетом, ученого секретаря Института истории рабовладельческой формации и др.

В 1938 г. Л. М. Славин возглавил Институт археологии Академии наук УССР в Киеве, где работал директором (1938—1941 и 1944—1946 гг.) и заместителем директора (1946—1951 гг.), и одновременно являлся заведующим сектором скифо-античной археологии. В предвоенные годы институт под руководством Л. М. Славина развернул большую экспедиционную и научно-исследовательскую работу в Республике, а также подготовку специалистов-археологов через аспирантуру.

В 1939 г. Л. М. Славин был избран членом-корреспондентом Академии наук Украинской ССР. Президиум АН УССР назначил его ученым секретарем Отделения общественных наук (1939—1946 гг.).

В 1944—1946 гг. Л. М. Славин руководил восстановлением Института археологии в Киеве, его Львовского филиала, заповедника «Ольвия», возобновлением и развертыванием их работы.

Л. М. Славин являлся участником свыше 40 археологических экспедиций: 30 ольвийских (с 1926 г.), которые он возглавляет с 1936 г.; четырех боспорских (1933—1936 гг.), четырех буго-днепровских (1949—1952 гг.) и др. Как и до Отечественной войны, главным объектом научных интересов Л. М. Славина являлась Ольвия. За 30 лет Ольвийская экспедиция под

руководством Л. М. Славина выросла в большой высококвалифицированный коллектив, объединяющий античников институтов археологии Академии наук УССР и Академии наук СССР, Эрмитажа и музеев Украины, Киевского, Ленинградского и других университетов, ряда педагогических институтов. Он успешно развивал и совершенствовал научные традиции, заложенные Б. В. Фармаковским в годы его руководства исследованиями в Ольвии (1901—1928 гг.).

Раскопки Ольвии в период 1936—1965 гг. увенчались крупными успехами и важными научными достижениями. Большим событием явились открытие и раскопки ольвийской агоры (центральной городской площади) и теменоса (культового участка), впервые найденные в Причерноморье. Были раскопаны большие участки городской территории в северной половине и северо-восточной части Верхнего города, на которых открыты кварталы жилых домов VI—II вв. до н. э., а в южной части Нижнего города — оборонительные сооружения и жилые дома первых веков нашей эры. Работы в районе цитадели на Заячьей Балке и в других пунктах открыли ряд интересных построек — общественных, хозяйственных и жилых разных периодов существования Ольвии. Особенно важным было обнаружение производственных сооружений — металлообрабатывающих и гончарных мастерских, виноделен и др. В послевоенное время развернулось изучение ольвийской хоры — городищ, поселений и могильников в районах Южного Буга, Бугского и Днепровского лиманов, устья Днепра, нижнего течения Ингула и Ингульца, Сосицко-Березанского и Тилигульского лиманов. В результате на карту ольвийской хоры нанесено свыше 100 пунктов, часть которых раскапывалась и получила широкую известность. Результаты полевых исследований отражены в печати в работах Л. М. Славина и других научных сотрудников Ольвийской экспедиции (специальные сборники АН УССР: «Ольвия» т. I, 1940 г.; т. II, 1958 г.; «Північне Причерномор'я в античну епоху», I, 1962 г.).

Ольвийская экспедиция под руководством Л. М. Славина продолжала совершенствовать методику раскопок и разведок, внедряла новые приемы фиксации, консервации и реставрации памятников. Большое внимание уделялось работе заповедника «Ольвия». С участием Л. М. Славина снят научный фильм «Древний город Ольвия».

Л. М. Славиным опубликовано свыше 70 научных работ. Более 30 из них, в том числе монографии «Ольвія» (1938 г.), «Древний город Ольвия» (1951 г.), посвящено вопросам периодизации истории ольвийского государства («Периодизация исторического процесса Ольвии», М.-Л., 1959 г.), планировки, застройки и благоустройства городской территории Ольвии («Ольвийские городские кварталы в северо-восточной части Верхнего города», М— Л., 1941; «Ольвія як міське поселення», Уфа, 1944; «Ольвия как город в VI—I вв. до н. э.», Л.— М., 1958; «Ольвійські квартали центральної частини Верхнього міста», К., 1962 и др.); ольвийско-скифских отношений («До питання про ольвійсько-скіфські відносини, 1954 г.), истории древних поселений ольвийского окружения («Поселения первых веков н. э. на среднем и нижнем Ингульце», 1954 г.; «Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників ольвійського оточення», 1953 г.; «Древньогрецьке поселення на острові Березані», 1953 г. и др.); ольвийской историографии («Успіхи радянських вчених в розкопках Ольвії», 1957 г.; «Основные этапы изучения Ольвии», 1961 и др.). Сюда же относятся публикации результатов раскопок Ольвии («Отчет о раскопках в Ольвии в 1935—1936 гг.», 1940 г.; «Наслідки археологічних досліджень ольвійської експедиції в 1947—1948 рр.», 1952 г.; «Розкопки Ольвії в 1949—1951 рр.», 1955 г.; «Основні результати та найближчі завдання розкопок Ольвії». 1958 г.; «Західна сторона ольвійської агори (по розкопкам 1956—1961 рр.)», 1963 г. и др.).

Некоторые работы Л. М. Славина посвящены древней истории, археологии и культуре населения нынешней территории Украины от древней-

ших времен до средневековья, например статьи и главы в коллективных трудах Академии наук УССР, а также по историографии археологии Украины («Археологічні роботи в Радянській Україні», 1940 г.; «Основні підсумки вивчення Ольвії за радянський період», 1943 г.; «Археологические исследования Академии наук за 25 лет», 1946 г.; «Археологія в Київському університеті за 125 років», 1959 г. и др.).

Большое внимание в своих работах Л. М. Славин уделял вопросам методики преподавания и изучения археологии в вузах и использованию археологических материалов в средней школе, методике археологических раскопок и разведок, охране памятников и другим учебно-методическим и краеведческим темам.

Л. М. Славин участвовал в написании ряда коллективных обобщающих трудов: «Історія України», «Нариси стародавньої історії Українсько РСР», «Історія української мистецтва» и др.

Л. М. Славин ведет значительную редакторскую работу. Под его редакцией напечатано 12 книг по археологии и древней истории Украины. Он являлся членом редколлегий свыше 30 сборников-серий. «Археологія», «Археологічні пам'ятки УРСР», «Краткие сообщения Института археологии АН УССР» и др. В настоящее время Л. М. Славин является заместителем ответственного редактора научных сборников «Археологія» и председателем редколлегии сборников «Археологія и архивознавство» («Вісник Київського державного університету»).

Много времени и труда Л. М. Славин уделяет подготовке молодых кадров. Свыше 20 лет он возглавляет организованную им в 1944—1945 гг. в Киевском университете им. Т. Г. Шевченко кафедру археологии и музееведения. Он читает лекционные курсы «Основы археологии», «Методика археологических исследований», «Железный век», «Античная археология» и руководит курсовыми, дипломными и кружковыми работами студентов, а также археологической практикой в экспедициях.

Кафедра подготовила большую группу археологов и музееведов, работающих в институтах археологии, истории, искусствознания, фольклора и этнографии Академии наук УССР, в исторических и краеведческих музеях, туристских и других организациях Украины и РСФСР. Многие выпускники кафедры являются кандидатами наук, работают старшими научными сотрудниками, руководителями археологических экспедиций. Кафедра, руководимая Л. М. Славиным, ведет также значительную археологическую экспедиционную и научно-исследовательскую работу.

Л. М. Славин поддерживает тесные связи с музеями Украины. После Великой Отечественной войны он помогал в восстановлении Киевского, Николаевского, Херсонского, Керченского, Львовского исторических и археологических музеев. В настоящее время Л. М. Славин член Ученого Совета Министерства культуры УССР по музеям. Л. М. Славин принимает активное участие в краеведческой работе в пропаганде археологических знаний. Он являлся одним из организаторов Одесского археологического общества, в 1959—1964 гг. работал заместителем председателя его Правления.

Л. М. Славин с 1940 г. член КПСС и активно участвует в общественной и партийной работе. Он награжден орденом «Знак почета» и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Ю. Н. Захарук

Критика и библиография

Н. Н. Гурина. Новые данные о каменном веке в северо-западной Белоруссии. МИА, 131, М.— Л., 1965, стр. 141—203

Когда я писал свои «Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху», то, естественно, стремился охватить этим исследованием всю территорию европейской части СССР. Но тогда не хватало данных. Часть территории осталась неосвещенной, в частности Белоруссия. Большую работу там проводил А. Н. Лявданский, но он занимался лишь предварительным сбором материала. Почти 300 мест стоянок и случайных находок, относящихся к каменному веку, зарегистрированных им в бывшей Смоленской губернии, подсказывало не меньшее число их и в западных областях. А. Н. Лявданский умер, не завершив своей работы.

В 1945 г. мною просматривался материал из западных областей СССР, хранящихся в Государственном Историческом музее. Это значительные коллекции Кусцинского, Ешевского, Озерского, Авенариуса, Турбина, Тышкевича, Щукевича, Шепелевича, Асиброжевича, Покровского и Семигановского. Все эти коллекции относятся к 15 неолитическим (развитой неолит) стоянкам. К сожалению, условия их раскопок неизвестны. Единственная культура, которую я смог установить по этим материалам, приблизительно наметив ее границы, это борисово-лепельская культура в верховьях Березины.

Читая статью Н. Н. Гуриной «Новые данные о каменном веке в северо-западной Белоруссии», я прихожу в недоумение. Автор молчит об этих раскопках и находках, как будто их и не было, и характеризует неолит Белоруссии лишь по своим крайне ограниченным исследованиям. Выводы, которые автор делает о датах стоянок, весьма сомнительны.

Н. Н. Гурина уже писала раньше о некоторых из рассматриваемых ею в этой работе стоянках [1] и категорически датировала их мезолитом. Нового она ничего о них не сообщает, рисунки вещей дает те же самые, дату выводит по тем же типам орудий, но относит теперь эти стоянки к верхнему палеолиту!

Так, она пишет о стоянке на оз. Свитезь: «...крупные концевые скребки... наконечники стрел на удлиненных плоских ножевидных пластинах, обработанных плоской солютрейской ретушью на конце черешка со спинки и брюшка... заставляют датировать основную массу комплекса оз. Свитезя верхним палеолитом» (стр. 146, 148). В статье, помещенной в «Советской археологии», она пишет о той же стоянке: «Оценивая весь комплекс кремневого инвентаря, найденного на оз. Свитезь, можно сделать заключение о принадлежности его к мезолитической эпохе. Об этом свидетельствуют руководящие формы орудий (концевые скребки на ножевидных пластинах, наконечники стрел на пластинах с ретушью на конце п в тыльной части...)» [2].

О стоянке в дер. Крумплево, которую в рецензируемой статье Н. Н. Гурина относит к палеолиту, она писала в «Советской археологии»: «Подобно стоянке оз. Свитезь, материал у дер. Крумплево имеет ярко выраженный мезолитический характер» [3].

Неизвестно, какими соображениями была вызвана такая перемена, а следовало бы об этом сказать. Мне кажется, что первое определение даты этих стоянок было правильным. Спорным представляется утверждение Н. Н. Гуриной, что «...наличие в коллекции трапеций двусторонне обработанного треугольной формы наконечника стрелы, отщепов иного по качеству кремня и некоторых других предметов, по-видимому, объясняется механическим смешением материала. Все эти вещи могли попасть из неолитического слоя, присутствие которого отмечено нами в обрезе берега,

[1] Н. Н. Гурина. Новые мезолитические стоянки лесной полосы европейской части СССР. СА, 1960, 1.

[2] Н. Н. Гурина. Новые мезолитические памятники лесной полосы европейской части СССР, стр. 127.

[3] Там же, стр. 129.

размываемого водой, в котором были найдены и два мелких обломка керамики» (стр. 148). Никаких доказательств смешанности находок, кроме этого чисто субъективного заявления, Н. Н. Гурина не приводит. А вещи, взятые вместе, дают типичный комплекс свидерской культуры. Это вполне соответствует гипотезе Э. Штурмса об экспансии свидерской культуры на северо-запад (аренсбургская культура) и северо-восток до р. Оки в 6—5 тысячелетиях до н. э.[4]. Об этом свидетельствует и наличие в Оленеостровском могильнике в Карелии, относимом мною к мезолиту, наконечников стрел свидерского типа (Свидра I и II).

Что касается неолита, то Н. Н. Гурина пишет, что большое количество таких местонахождений «не всегда резко отлично от позднемезолитических памятников... и длительного существования характерных для мезолита типов, в частности резцов, резчиков и наконечников стрел, по форме напоминающих свидерские». Действительно, стоянки, которые Н. Н. Гурина относит к неолиту, вряд ли датируются этим временем. Это тоже мезолитические стоянки. Так, Несиловичи 6 содержали характерный тип орудия, названный Н. Н. Гуриной «нуклеусом-рабо» и изображенный на табл. 22, *30*. Орудия такого типа постоянно встречаются в мезолитических комплексах, но ни разу не были найдены на стоянках неолитической эпохи. В комплексе вещей со стоянки Неман 5, которую Н. Н. Гурина также причисляет к неолитическим памятникам, найдено типичное орудие из гальки, не встречающееся в неолитических комплексах, но часто присутствующее в комплексах мезолитических, например в Мойта ду Себастиану, где их несколько штук[5]. Есть и другие мезолитические орудия, но встречающиеся и позднее.

Вообще весь раздел о неолите производит странное впечатление. Часть «неолитических» стоянок несомненно относится к мезолиту, часть могут быть мезолитическими, а также ранненеолитическими. Типично неолитических комплексов нет. Найденная же на немногих стоянках керамика может датироваться временем не ранее конца бронзовой эпохи, а то и железной. Стратиграфия ни по одной из стоянок не рассматривается в целях датировки, и остается неизвестным время отложения слоев почвы: пыльцевой анализ не сообщается. Ничем не доказывается, что раскопаны места постоянного поселения: возможно, что часть описанных стоянок является временными рыболовецкими. Планов раскопок не приводится. На картах размещения стоянок на р. Немане они показаны условными знаками так густо, что возникает сомнение, что каждый из них означает отдельную стоянку; масштаб карты не приведен.

Ясно, что типичных стоянок развитого неолита Н. Н. Гурина не обнаружила. И не потому, что их нет. Раскопки XIX в. и приобретения археологов, поступившие в Государственный Исторический музей, содержат многие сотни предметов, явно относящихся к развитому неолиту. Да и соседние области далеко не бедны ими, например Смоленская[6]. Очевидно, Н. Н. Гурина искала их не на тех местах, где они должны быть, а справиться о местах находок своих предшественников не пожелала. Места же эти следующие (только по коллекциям, хранящимся в Историческом музее).

В бывшей Витебской губернии Лепел (коллекция Кусцинского), Эсмоны (коллекция Авенариуса и Тышкевича); в бывшей Минской губернии Лошницы (коллекция Озерского), Баран, Логойск (коллекция Тышкевича), Погодица (коллекция Озерского) и Денисовичи (коллекция его же), оз. Долгое (коллекция Щукевича); в бывшей Виленской губернии Оранье (коллекция Щукевича), Интурка (коллекция Асимброжевича), оз. Свирь (коллекция Ф. Покровского); в бывшей Витебской губернии в окрестностях Полоцка (где работала и Н. Н. Гурина), Словены и Ляхи и другие места; в бывшей Люблинской губернии Хотел (коллекция Семигановского); ряд мест находок без подробного описания местонахождения. Я не упоминаю о других коллекциях из Белоруссии, хранящихся в Государственном Историческом музее, тем более о коллекциях в других музеях, характеризованных в многочисленных изданиях. Опишу только неолитические (развитой неолит) предметы, имеющиеся в перечисленных выше коллекциях, чтобы читатель имел представление о настоящем неолите Белоруссии, не имеющем ничего общего с тем «неолитом», который нашла Н. Н. Гурина и который она генетически связывает в заключительной части своей статьи с культурами Украины и других территорий, впрочем в самых общих выражениях.

Начну с тех предметов, которые позволили мне говорить о борисово-лепельской культуре. Прежде всего меня поразило количество черешковых топоров (Absatzbeile), сосредоточенных здесь. В одной коллекции Кусцинского и Уваровой они пред-

---

[4] E. Sturms. Der Ursprung der Kamm- und Grübchenkeramischer Kulturen Osteuropas. «Commentationes balticae», III, 7, Bonn, 1957.

[5] Jean Roche. Le gisement mésolithique de Moita do Sebastiă (Muge-Portugal). Archéologie. Lisboa, 1960.

[6] А. Н. Лявданский. Некоторые данные о каменном веке и культуре Бронзовой эпохи в Смоленской губ. «Научн. изв. Смоленского ун-та», IV, 3, 1927; Е. Р. Романов. Старина доисторическая Северо-Западного края. Вильна, 1908; А. Рынейскиі. Разьведочная археологічная экспэдыцыя. «Наш край», 1929, 8—9, и другая литература.

ставлены 18 экземплярами, по нескольку экземпляров их имеется в коллекциях Ешевского, Озерского, Авенариуса, Тышкевича. В конце прошлого века в Виленском музее имелось свыше 50 топоров этого типа [7]. Западнее и восточнее топоры этого типа встречаются единицами и несколько другого вида. Датируются они началом II тысячелетия до н. э. по находке этого типа топора в дер. Лошницы совместно с топором, вернее обломком топора, с глубоким начинающимся у лезвия и расширяющимся к сверлине желобом. Последний датирован типологически Нильсом Обергом, но в настоящее время эту дату необходимо углубить в связи с датировкой нижних погребений культуры одиночных погребений (по находке в которых Нильс Оберг датировал этот тип) до III тысячелетия по C_{14}.

Еще большее значение имеет другой тип топора не в отношении датировки, но в отношении определения культуры: ни в одной другой культуре этот тип не встречается, насколько мне известно; с первого взгляда, это обыкновенный клиновидный шлифованный топор, который встречается повсеместно; но, в противоположность последним, через его узкие стороны проходит сверлина, располагаясь близко к обуху. Явная техническая несообразность такой сверлины, стенки около которой были слишком тонки, и нераспространенность этого типа позволяют предполагать, что мы здесь встречаем первые попытки изготовления сверленых топоров. Топоры такого типа имеются в коллекции Щукевича 1895 г. из бывшего Лидского уезда, в собрании Кусцинского из бывшего Лепельского уезда, в собрании Тышкевича из Логойска и его окрестностей и в собрании Авенариуса из Эсмон и их окрестностей. По-видимому, этот тип в дальнейшем дал переходный тип с уголщением стенок около сверлины; мы находим его в собраниях Щукевича, Тышкевича, Шпелевского и Ешевского.

Вообще сверленые и простые топоры представлены в этих коллекциях значительно бóльшим количеством, чем в других областях. Это в значительной мере объясняется тем, что мы имеем дело по большей части с материалом из сборов и покупок. Много в этих коллекциях и других шлифованных орудий: молоты, грузила, долота и т. д.

Что же касается мелких кремневых орудий, то они составляют довольно большую часть коллекций из западных областей СССР. Наиболее интересной является коллекция из раскопок Щукевича на берегу оз. Долгого и р. Котры в бывшем Лидском уезде. Коллекция эта состоит из 163 предметов. Среди них есть и небольшие кремневые топоры с прямоугольным и ромбическим поперечным сечением; они зашлифованы по большей части широких сторон. Наконечники стрел (36 экз.) сделаны из ножевидных пластин и отщепов. Все они, кроме двух, ретушированы только с одной стороны; типы их — короткий треугольный, треугольный с выемкой в основании и треугольный черешковый. Скребков мало, сделаны они на отщепах и частью на пластинах. Много длинных и узких ножевидных пластин с тщательной ретушью по краю. Одно скребло сделано из расколотого пирамидального нуклеуса. Ножи были на отщепах и пластинах, встретились два небольших сверла и три вкладыша.

Такой же характер имеет коллекция Щукевича со стоянки у дер. Оранье в том же Лидском уезде. В ней 17 наконечников стрел тех же типов, несколько срединных резцов, маленькие сверла, ножи, скребки, три кремневых топора и две заготовки топоров, три клиновидных сверленых топора из серого сланца.

Те же предметы мы находим в коллекциях Ф. М. Покровского из раскопок у оз. Свирь, Семигановского из раскопок у с. Хотел и т. д.

Таким образом ясно, что в Белоруссии, как и должно было ожидать, имеются стоянки разных стадий неолита и, вероятно, ранней бронзы, и меня удивляет, как Н. Н. Гурина не обнаружила там стоянок развитого неолита. Во всяком случае обнаруженные ею стоянки составляют только незначительную часть памятников каменного века Белоруссии, и по ним нельзя делать тех широких выводов, которые делает Н. Н. Гурина в заключительной части своей статьи.

А. Я. Брюсов

André Leroi-Gourhan. Préhistoire de l'art occidentale.
Paris, Mazenod, 1965, 482 стр. 569 рис.

«Предыстория западного искусства» Андрэ Леруа-Гурана представляет собой наиболее полное изложение взглядов крупнейшего специалиста по палеолитическому искусству. В центре его внимания здесь две особенно сложные проблемы палеолитического искусства: хронология памятников и их смысловое назначение.

Задумана эта работа была, по словам автора, лишь в рамках первой проблемы — хронологической. Но по мере изучения на месте, одного за другим, изображений в подземных «картинных галереях» палеолита (а их в Западной Европе известно 110)

[7] Ф. Покровский. Виленский музей древностей. Вильна, 1882, табл. 1 (Альбом рисунков. Экземпляр имеется в ГИМе).

у автора росло ощущение какого-то порядка в их нанесении, единого для разных гротов, но пока не ясного.

Во всяком случае, не было хаоса фигур, случайно разбросанных по стенам подземелья многими поколениями охотников. Они, по традиционному мнению специалистов, служили для колдовских обрядов перед очередным изображением зверя, которого предстояло убить.

Из этого представления, ссылаясь на авторитет А. Брейло, исходили авторы новейших капитальных сводок: Г. Г. Банди, И. Маринге́р, П. Грациози, К. Зервос. Для Брейля почти каждый палеолитический наскальный рисунок существует сам по себе, вне связи с остальными рисунками данного грота; от соседних фигур он мог отстоять на тысячелетия. Поэтому так привлекали Брейля «палимпсесты» — места, где рисунки наслаивались один на другой. Это ли не ключ к относительной хронологии? А. Брейль делил всю историю наскального искусства в плейстоцене на два цикла: ориньяко-перигордьенский и солютре-мадленский — самостоятельные, не имеющие между собой прямой связи эпохи рисунков и живописи, каждая из которых начиналась с беспомощных и грубых контуров, приходила к высшим достижениям полихромных росписей Ласко (в перигордьене) и Альтамиры (в мадлене). В «палимпсестах» для самых ранних изображений он констатировал наличие особого приема — «крученой перспективы» в изображении рогов зверей. А. Брейль решил, что в этом приеме найден типичнейший признак рисунков ориньяко-перигордьенского цикла. В большинстве гротов, по А. Брейлю, рисунки нанесены на стену за несколько периодов каждого цикла, без всякой смысловой связи с соседними.

А. Леруа-Гуран убедительно показывает иное: все изображения на стенах грота обычно дают единый ансамбль. Это правило, а присутствие чужеродных ансамблю фигур другого времени — исключение. Он рассмотрел каждый элемент ансамбля в отдельности: место каждого вида зверя, каждой разновидности условных знаков в топографии подземелья, частоту их встречаемости, соотношение соседних «сюжетов». Каждый грот получил топографический план и статистическую сводку «сюжетов». Леруа-Гуран начал «диалог с палеолитическим художником на языке цифр», и пересмотр хронологии этого искусства повлек за собой переоценку его семантического облика.

К сходному выводу, но иными путями идут и другие исследователи. Так, А. Ламенг-Амперер, сравнив группировку наскальных изображений в палеолитических пещерах и выявив частое повторение одних и тех же сочетаний, пришла к выводу: «Там, где до сих пор видели наслоения фигур, во многих случаях нужно говорить о композициях» [1]. А. Леруа-Гуран в рецензируемой работе (стр. 78) утверждает, что в «палимпсестах» лишь в отдельных случаях наслоены изображения разного времени, гораздо чаще наслоения выполнены намеренно одним и тем же художником.

Как же в таком случае обстоит дело с «крученой перспективой»? Свидетельства ее значительны, признает А. Леруа-Гуран, но не абсолютны. Например, в гроте Эббу (Ардеш) на рисунках горных козлов можно наблюдать три способа изображения формы рогов; в гроте Куньяк (Ло) рядом изображены козел с параллельно вычерченными рогами и коза, у которой рога повернуты в три четверти (стр. 462, ф. 798).

Отправным пунктом А. Леруа-Гурану для датировок служат пока немногие известные случаи находок наскальных изображений под культурными слоями в Пэрнон-Пэр, Ла Грэз, Гаргас, Лоссель (до раннего солютре); барельефы Рок де Сер и Бурдей (Фурно дю Дьябль) — солютре; ансамбли Англь-сюр-Англен, Мутье, Кап-Блан (мадлен-3), Тейжа (мадлен-5 и 6). С другой стороны, он использует стилистические особенности «мобильных» произведений, имеющих четкие стратиграфические положения в слое.

Автор стремится исходить только из фактов. Так, древнейшие резные рисунки Пэр-нон-Пэр были погребены в перигордьенских слоях, ниже их шел типичный ориньяк с примесью как более поздних, так и архаичных форм орудий. А. Брейль предположил, что рисунки на стенах должны относиться к концу типичного ориньяка [2]. Для А. Леруа-Гурана достоверен лишь перигордьенский их возраст (стр. 246). Поддерживая мысль А. Брейля об их стилистической связи с рядом рисунков из Ла Мут, он отказывается считать последние ориньякскими на этом единственном основании, как и ряд других изображений. Без строгого доказательства А. Брейль датировал ориньяком и отпечатки рук в Гаргас. В Ла Грэз индустрия из слоя принадлежала по крайней мере двум эпохам — верхний слой бесспорно мадленский, и к нему приурочены остатки фигуры бизона в барельефе; о нижнем нет единого мнения, его относят к разным промежуткам от гравета до солютре, где должны занять место и приуроченные к нему архаичные рисунки на стене.

В Горж д'Анфер слои ориньяка и развитого гравета (с резцами Ноай, перигордьен-5) разделены стерильной прослойкой, в которой погребены следы от сильного разрушения свода. Следовательно, изображения выбиты на своде после ориньяка.

Подобное рассмотрение всех случаев отнесения А. Брейлем наскальных произведений к ориньяку позволяет автору сделать вывод: ни один случай не подкреплен

---

[1] A. Laming-Emperaire. La signification de l'art rupestre paléolithique. Paris, 1962, стр. 282.

[2] H. Breuil. Quatre cents siecles d'art pariétale. Paris, 1952, стр. 319.

бесспорными свидетельствами (стр. 68), говорить об ориньякском наскальном искусстве преждевременно.

В этот период (или стиль 1), который охватывал ориньяк 1—4 (30—27 тысячелетия до н. э.), подлинно известны лишь образцы «мобильных» изображений. Основная масса их происходит из Дордони: абри Селье (ориньяк-1), Ферраси (ориньяк-2, 3, 4), абри Кастане (ориньяк-2), Бэлькэр, Бланшар. Но также и к югу от нее (Истюри) и к северу (Арси-сюр-Кюр).

В гроте Арси-сюр-Кюр А. Леруа-Гуран уже многие годы ведет раскопки. Об их тщательности можно судить хотя бы по тому, что его предшественники выделяли в гроте от трех до семи палеолитических слоев. А. Леруа-Гуран же выделил 40. В слое финального шательперрона (около 35 тыс. лет назад) им обнаружены кремневые орудия, закатанные в тесто охры (стр. 36), там же найдены подвески, сделанные из зубов лисы, волка, быка, из кости северного оленя. Эти находки заполняют в какой-то степени пробел между мустье и ориньяком в памятниках, связанных с генезисом изобразительной деятельности. Из ориньяка-2 (Арси) происходит подвеска овальной формы с отверстием и нарезками.

Для стиля 1 характерны натурализм в изображении знаков пола (особенно вульвы) и условность, грубость контуров зверей, вид которых часто не поддается определению. Им сопутствуют изображения вульв или овальных знаков в соединении с короткими линиями, рядами точек, ямок (например, в Ферраси). Так, с первыми, очень грубыми еще попытками передавать изображение возникает основная тема по А. Леруа-Гурану (стр. 67—68) всего позднейшего искусства палеолитических пещер — зверь и знаки двух типов: округлые, включая вульву,— группа β; удлиненные, точечные — группа α.

Вторая фаза того же архаического периода (стиль 2) отмечена бесспорным присутствием наскальных изображений и возрастанием числа «мобильных» (25—18 тысячелетий до н. э.). Ее начинает четко датированная граветом-3 (по Пейрони) плитка из Ложери-От, на одной стороне которой вырезали голову лошади, на другой — контуры двух мамонтов (стр. 418). Сюда же относятся: древнейшее изображение на орудии: фигурка лошади, вырезанная на грубом наконечнике копья из 4-го слоя Истюриц (развитый гравет, с резцами Ноай) и плитка из 3-го слоя Истюриц с незаконченными тонкими контурами четвероногих. В этот период появляются первые изображения человека, в первую очередь женщины: барельефы Лоссель, статуэтки Венер,— даты которых не вызывают сомнения. А. Леруа-Гуран показывает, что по современным представлениям четко датированные статуэтки женщин из находок в Западной Европе стоят между граветом и солютре (Брасампуи, Леспюг, абри Пато, Тюрсак) (стр. 65).

Наконец, слоями, возраст которых колеблется от гравета до раннего солютра, были перекрыты рисунки, вырезанные на стенах Ла Грез, Пэр-нон-Пэр, второго зала и части санктуария Гаргас (стр. 138). По стратиграфическому нахождению и по общим с «мобильными» образцами из аналогичных горизонтов чертам стиля в прорисовке звериных фигур к стилю 2 отнесено большинство резных изображений на стене пещеры Пэр-нон-Пэр, Ла Мут, Горж д'Анфер, Ла Грез, Хорнос, Гаргас.

В стиле датированных изображений животных фазы 2, как мобильных, так и наскальных, есть общие характерные особенности: не до конца соблюдаются пропорции (особенно преувеличена высота тела по отношению к ширине), укорачиваются, а порой и вовсе не изображаются ноги; линия спины и шеи изогнута очень сильно, выявлены детали, характерные для того или иного вида зверя. С этого момента уже заметен отбор зверей при их изображении: группа быков и лошадь в Ла Мут, головы лошади, бизона и козла в Гаргас. Зверей сопровождают теперь не натуралистические вульвы, а овальные, кольцевидные знаки (по А. Леруа-Гурану, это схематизированные изображения вульв). В Пэр-нон-Пэр они рядом с фигурами лошадей, оленя, мамонта, козла, между фигурами лошадей и бизонов.

В фигурах женщин, воспроизведенных в барельефе и круглой скульптуре, А. Леруа-Гуран подчеркивает сочетание натуралистических черт с канонической символикой геометрического построения фигурки в целом: она вписывается в ромб, а «груди, живот и лобок группируются приблизительно в круг» (стр. 64, фиг. 52). В дальнейшем натуралистическая струя слабеет и развивается схематизм, тяготеющий к схематизму больших знаков на стенах пещер на Западе, а на Востоке давая схематические фигурки типа мезинских и 4-м периоде (стр. 65).

Период 3, архаический (стиль 3). Длительность его, по радиокарбоновым датам,— 20—13 тысячелетий до н. э. Датированных «мобильных» произведений этого периода на Западе мало: сланцевая подвеска из Бурдей с вырезанным контуром северного оленя, несколько вещей из Леспюг. Истюриц (солютре); к мадлену 1—2 относятся плитки с гравюрами, в частности из Ложери-От, на которой вырезаны два козла; галька из Пеш-де-ла-Бусьер с фигурой козла.

Вместе с датированными фризами Рок де Сер и Бурдей к нему отнесена основная часть ансамблей на стенах гротов Ласко, Габиллу, Ла Мут, Виллар, Пеш-Мерль, Куньяк, Портель, Истюриц, Лас Хименас, Пасьега, Кастильо, Коваланас, Хаза. Для периода 3 характерно развитие скульптурных форм по единым принципам, как в мелкой пластике, так и в крупных барельефах, на обширной территории от Пиренеев до Костенок на Дону (стр. 70).

Четких границ с периодом 2 нет, его традиция сохраняется в изображении изгиба линии шеи и спины зверя. При воспроизведении в рисунке наиболее массового вида фауны — лошади — можно проследить все же некоторое изменение линии шеи, уточняются общие пропорции и абрис ног, морды и гривы. Но лошади Рок де Сер сохраняют, как стилевой канон, резкое вздутие живота, в котором есть нечто общее со «стеатопигией» Венер стиля 2.

В Ласко фигуры зверей, особенно лошадей, сохраняют раздутый корпус, укороченные ноги, а у туров и бизонов, оленей — ряд особенностей в передаче рогов. Эти черты роднят их с лошадьми и быками в солютрейских барельефах Рок де Сер, Бурдей, где также еще сильна архаическая традиция стиля 2.

В соседстве разных видов зверей широко распространена тема «тур-лошадь» (Ласко, Пеш-Мерль, Бурдей, Пасьега).

В определенном соответствии с этими чертами находится и характер знаков стиля 3: это самые абстрактные и самые тщательные по отделке из всех знаков позднего палеолита. В сопровождении фигур стиля 2 (Гаргас, Пэр-нон-Пэр) еще были формы, близкие к вульвам и сериям точек и линиям стиля 1, но уже заметно схематизированные. В стиле 3 знаки принимают откровенно декоративный вид: четырехугольные гербы Ласко, знаки в виде «птицы» (Пеш-Мерль), «хижины» (Ла Мут и Кастильо). Если же проследить эволюцию в трактовке лошадиной фигуры в следующем периоде (Англь-сюр-Англен, Кап-Блан), то она идет по пути приближения к натуральному облику животного. Общие пропорции становятся все ближе к реальным, и одновременно начинает чувствоваться уже в 3-м периоде статичность (стр. 150).

К стилю 4 относится остальная, подавляющая часть палеолитических изображений. Из схематических знаков для стиля 4 характерны тектиформы, акколады, клавиформы; последние, как считает автор, прямо происходят от профиля женской фигуры (стр. 142).

Примечательно, что изображения 4-го периода не встречаются, как правило, при входе в грот. Чем древнее фигуры по стилю, тем ближе к входу они расположены (стр. 249). Видимо, проникновение в глубь подземных «санктуариев» шло постепенно и довольно медленно.

Переходя теперь к семантической стороне дискуссии, остановимся на результатах статистического анализа «сюжетов» и «тем». Из мобильных изделий дротики украшаются с гравета (Истюриц), и с самого начала на них есть схематичные узоры, гораздо реже встречаются реалистически выполненные фигуры (стр. 46). На гарпунах нарисованы в подавляющем большинстве рыбы и рядом с ними, но значительно реже — олени.

На загадочных предметах из рога с отверстием, которые называют «жезлами», чаще всего представлена лошадь, затем мужчина или фалос. Из 41 «жезла», рассмотренных автором, на 35 изображены мужские фигуры или знаки, что позволяет автору предположить, что это были по преимуществу мужские орудия (стр. 48—49).

«Копьеметы» бытовали кратковременно (мадлен 4—5) и только между Пиренеями и Дордонью. Самый частый элемент их украшения — фигуры лошадей, трактованные реалистически.

Костяные шпатели появляются в гравете (Арси), но еще без узоров. Позже на стоянках, в синхронных слоях, присутствуют одновременно два типа их: одни с узорами очень натуралистическими (чаще в виде рыбы), другие с абстрактными (стр. 51).

Полукруглые багеты появляются в гравете, но основная масса их приходится на мадлен 4—5. По богатству орнамента они стоят на первом месте среди мобильных изделий. Здесь встречаются все стадии перехода от конкретного изображения к абстрактному; абстрактные мотивы (сходные с узором на дротиках), схематические (сходные с узором на палетках и подвесках), реалистические (в небольшом числе: голова козла в Истюриц, головы оленей в Ложери-Бас). Рельефные спиральные узоры на багетах из Истюриц и Лурд не имеют себе равных в западном палеолите по сложности мотива и тщательности исполнения, подобно орнаменту Мезина в Восточной Европе (стр. 54).

Особое значение А. Леруа-Гуран придает багету из Ла Мадлен (Дордонь), на котором вырезаны, в единой композиции, голова медведя, фалос и вульва, видя здесь типичный пример слияния трех ведущих сюжетов всего четвертичного искусства: реалистически воспроизведенного зверя и символически переданных мужского и женского начал. Здесь перед нами «не сцена совокупления (которая неизвестна во всем палеолитическом искусстве), но расположение рядом двух символов, а такой изобразительный процесс ведет скорее к письменности, чем к картине» (стр. 416). Аналогичную, по мнению автора, композицию можно видеть на «жезле» из Масса (Арьеж), где изображена голова медведя, но вместо фаллоса перед ней знак в виде елочки, а вместо вульвы — овал. А. Леруа-Гуан видит здесь пример эволюции знаков на разных стадиях, от достаточно натуральных в Ла Мадлен до условных в Масса. «Позиция знаков в виде елочки по отношению к зверю напоминает, впрочем,— допускает он,— «дыхание» зверей. В рисунках на шпателях из Ложери-Бас и Истюриц, на которых изображены головы лошадей, от ноздрей и пасти которых отходят полосы». Автор вполне резонно допускает возможность передачи «дыхания» (стр. 415).

Такого рода допущение кажется нам более правдоподобным, чем приравнивание знака-елочки к фалосу. Любопытный аргумент против такой трактовки дает рисунок из Ла Мадлен: если перед пастью медведя здесь действительно натуралистически изображен фалос, то в ухо медведя направлен знак-елочка, аналогичный знаку из Масса. Значит, знак-елочка не обязательно появляется как стадия в развитии условного изображения фалоса, и, во-вторых, его положение и направление (из пасти раскрытой — в Масса, в ухо — в Ла Мадлен) имеет нечто общее. Если искать, что же их в данном случае объединяет, то вероятнее всего было бы аппелировать к каким-то колебаниям воздушной среды, вызванным дыханием, ревом и т. п., которые издает и улавливает живой зверь.

Рассмотрев 564 изображения в мобильном искусстве разного вида в подлинниках, А. Леруа-Гуран делает несколько более общих выводов о их семантике. В список украшенных предметов попадает почти весь костяной инвентарь. Из рассмотренных изделий 27% составляют орудия, 7% — украшения (подвески, вырезанные контуры, круги) и 65% — изделия без видимого утилитарного назначения (статуэтки, плитки, пластинки), которые он условно называет «религиозными» (стр. 438, фиг. 753). Количество произведений палеолитического искусства во времени таково: первые три периода дают лишь пятую часть их, остальные приходятся на 4-й период, особенно на время от мадлена-4 до мадлена-5. В этот же момент украшается большинство подземных храмов. Обращает на себя внимание специализация узора: реалистические изображения на предметах длительного использования, схематические, условные — на изделиях кратковременного назначения. А. Брейль убедительно показал процесс схематизации натуралистических изображений, происходивший в конце мадлена. Но от «упадочного» схематизма нужно отличать «курсивный» схематизм,— пишет А. Леруа-Гуран — образно сравнивая натуралистические изображения с «печатным шрифтом», а сопутствующие им схематические рисунки — с «курсивом». Эти два способа передачи одной темы существовали одновременно.

Условное направление в искусстве палеолита не ограничивается символическими знаками, схематичными изображениями фигур зверя и человека, ибо передача шкуры, фактуры меха, гривы, волос несколькими рядами штрихов или точек на великолепных изображениях зверей среднего мадлена тоже условна,— это «настоящий синтаксис штрихов» (стр. 60). Строй условных начертаний поддерживает устойчивая традиция — и этот «академизм» датированных мобильных произведений оказывает неоценимую услугу при переходе к настенным изображениям. Звери сохраняют свои «академические» каноны, когда «переселяются» на стены пещер. Так, изображение лошади на копьемете из Брюникель (мадлен-4) позволяет А. Леруа-Гурану датировать десятки фигур лошадей, нарисованных на стенах пещер, по тем же канонам.

Переходя к характеристике наскальных изображений, А. Леруа-Гуран остается верен своему принципу: не повторяя устоявшихся, общепринятых положений, показывать не использованные предшественниками возможности. Исследовав все 110 гротов с наскальными изображениями в Западной Европе, он отобрал 66 пещер и навесов с лучшей сохранностью произведений и изучил их на месте. Показателен уже список изображенной там фауны: 610 лошадей, 510 бизонов, 205 мамонтов, 176 козлов, 137 туров, 135 ланей, 112 оленей, 84 северных оленя, 36 медведей, 29 львов, 16 носорогов; кроме них, 8 гигантских оленей, 3 неопределенных хищника, 2 кабана, 2 серны, антилопа сайга, 9 «монстров» («единорог» в Ласко), 6 птиц, 8 рыб (стр. 82).

Этот подсчет в масштабе всего пещерного искусства Запада проведен впервые. Для ряда пещер его использовал и А. Брейль, отмечая, что в крупных гротах на первом месте стоят лошадь, бизон или тур [3]. Не придав этому факту значения, он в общем обзоре франко-кантабрийского наскального искусства расположил изображенную фауну в следующем порядке: лев, медведь, волк, лис, мамонт, лишь на восьмом месте лошадь, на одиннадцатом — бизон [4].

А. Леруа-Гуран выделяет в пещерах центральные залы — самые просторные и удобные для размещения панно и периферийные участки. «На центральные части пещер и навесов приходится 91% всех бизонов, 92% — туров, 86% — лошадей, 58% — мамонтов; остальные виды появляются здесь менее чем в 10% случаев» (стр. 82).

Закономерность ли это? Величины эти могут зависеть от ряда обстоятельств: от сохранности известных сейчас памятников и т. д. Резонно, кроме того, предположить, что уже распространенность изображений лошади, бизона в палеолитическом искусстве вообще определяет их доминирующее положение в центральных панно. Но если вычислить среднюю вероятность присутствия изображений бизона на удобных для обозрения местах пещеры, то она составит 25% всех случаев (510 из 2044 зверей в рассмотренных случаях). В действительности же материалы, которыми автор располагал, показывают превышение величины этой случайной вероятности более чем втрое. Еще чаще попадают на центральное панно тур, несколько меньше — лошадь. Преобладание их явно чувствуется. Поэтому мы, как и автор работы, не видим оснований сомневаться в присутствии здесь намеренного выбора сюжета.

---

[3] H. Breuil. Ук. соч., стр. 89, 245, 373—375.

[4] Там же, стр. 43.

А вот данные для «мобильных» изделий: из 564 изображений на первом месте опять-таки лошадь (92), затем северный олень (79), потом бизон (52), за ним рыба (43) (стр. 438, фиг. 754). Выбор изображенной фауны еще раз подтверждает тесное родство наскального и мобильного искусства в их сюжетах. Лошадь чаще других млекопитающих изображена на дротиках, копьеметах, рукоятях «жезлов». На них сравнительно часты также изображения козла, оленя, знаков α, а также фалоса и мужчины (на «жезлах»), но ни разу не встречено изображение вульвы или женщины, нет тура, а бизон встречается довольно редко (8 из 52 изображений бизона на мобильных изделиях (стр. 438, фиг. 754).

Нельзя ли объединить в одну смысловую группу изображения на этих «мужских» орудиях? Тем более, что некая аналогия выявляется и в распределении их на участках пещерных стен.

Сравнительно небольшая часть тех же козлов, оленей присутствует в центральных панно, а основная масса распределена по периферийным участкам (стр. 446, фиг. 767).

Встает и другой вопрос: не говорит ли это о мужском смысле знаков α и женском — знаков β?

Здесь, на наш взгляд, кончается доказательная часть работы и начинается предположительная. Сохраняя образный стиль автора, можно сказать, что диалог все более превращается в монолог, ибо собеседник — художник палеолита — отвечает все реже. Естественно, автор стремится заполнить лакуны тем, что ему кажется наиболее правдоподобным. Противопоставление двух групп знаков он отождествляет с противоположными полами; β — женский, α — мужской. Несовпадение в распространении двух групп зверей на стенах пещер и на орудиях он сближает с распространением знаков и объединяет лошадь и знаки α в общую группу «мужских сюжетов», а тура, бизона и знаки β — в другую группу — сюжетов женских. Из этих еще не бесспорных посылок делается окончательный вывод: звериные фигуры, помимо своего «натурального», образного содержания, имели и отвлеченный символический смысл, аналогичный смыслу знаков.

Потому автор рассматривает рисунки на стенах пещер как сцены отношения полов, переданных условно (знаки) или в фигурах зверей.

Например, на центральных панно основное место занимают «женские» сюжеты, а мужские их дополняют. Границы между группами не четки. Так, мамонт выступает то в той, то в другой позиции. Около лошади можно встретить и α и β знаки. В первом случае, по Леруа-Гурану, единая группа, во втором — дополнение ее символом из противоположной группы. О значении этих дополнений говорить трудно и самому автору.

На наш взгляд, гипотеза А. Леруа-Гурана о символике этих знаков требует более веских доказательств, ибо сексуальная трактовка ряда знаков спорна; позиция их, как и зверей (мамонт), не всегда так четка, чтобы выводить из нее символ одного рода.

Доказав объединение бизона, тура в ту же группу, что и фигуры женщин и знаки β, можно установить, что их смысл имел общие точки соприкосновения (пока неясные), но от этого еще далеко до раскрытия их значения. Подобные мотивы могли быть не главными и не единственными. Обратимся к географической сводке в конце книги. Доминирующими темами пещерного искусства являются: лошадь + бизон, типичные для районов Шаранта, Перигора и Пиренеев; лошадь и тур — для всей Испании и Италии; лошадь и мамонт — для районов Роны и Куэрси. Четыре упомянутых зверя отмечены по всей территории западного палеолитического искусства: для объяснения вариации и акцентов на том или другом А. Леруа-Гуран допускает различные объяснения. Он пишет о том, что бизон водился севернее, чем тур, а мамонт был особенно обилен на краях Центрального Французского массива (стр. 442).

Это позволяет искать побудительные причины акцента на том или ином виде фауны, прежде всего по их реальному хозяйственному значению в жизни охотников плейстоцена.

В обоснование хронологии палеолитического искусства автор привлек бо́льшую, чем любой из его предшественников, серию доказательств: датировки стратиграфические и по С-14, общие черты стиля, изображенная фауна, тематическое построение композиций, конфигурация сопровождающих знаков.

Схема, к которой пришел А. Леруа-Гуран, во многом не совпадает с той, что предложена А. Брейлем. Главное расхождение их в том, что на место двух самостоятельных эпох А. Брейля предлагается одна, единая и непрерывная, линия развития, причем большее число памятников занимает место в конце этого пути, т. е. от 15 и до 13 тыс. лет до н. э. За отсутствием бесспорных доказательств, появление настенного искусства в ориньяке считается не установленным; его начало отнесено к развитому перигордьену; полихромные росписи, которые А. Брейль ставил в конце своего ориньяко-перигордьенского цикла, так же как и в конце солютре-мадленского, образуют, по Леруа-Гурану, «единую группу, распространявшуюся на стили 3 и 4 от начала мадлена до мадлена-4» (стр. 143).

Новая схема не застрахована от критики. На наш взгляд, датировка статуэтки из Костенок-1 в ней слишком занижена (стиль 2): последняя датировка по С-14 определяет возраст ее в 14 тыс. лет. Возможна иная датировка и для отдельных настен-

ных рисунков. Но общий каркас схемы аргументирован более строго, чем все предыдущие.

Пересматривая в тесной связи с хронологией семантику изображений, А. Леруа-Гуран выделил в ней моменты, ускользнувшие от его предшественников, и показал, как велики неиспользованные возможности в изучении смысловых связей между отдельными изображениями палеолита. Впервые в таком масштабе использованная статистика помогла выявить подобие «синтаксиса», языка, который расшифровывался до сих пор в основном лишь по разрозненным, случайно выбранным словам. Полученные результаты углубляют представления об идейном мире охотников ледниковой эпохи: об особой роли женского начала, о тесной связи представлений о женщине и звере [5].

П. П. Ефименко [6] отмечал частое присутствие черепов быков в палеолитических жилищах на территории СССР: Костенки-1, Авдеево, Гагарино, Мезин, Мальта, причем их расположение заставляло предполагать «какое-то особое» значение названного животного в представлениях палеолитического человека. В Мезине в черепе бизона лежали две женские фигурки. В Бурети фигурку женщины «сверху защищали массивные позвонки хребта» крупного травоядного, по-видимому тура, лежавшие в анатомическом порядке. Примечательно, что рядом покоились два лошадиных черепа [7].

Особое значение быка с мустьерской эпохи, присутствие его костей в погребениях проследил на памятниках Европы А. Дельпорт, он же вслед за А. Ламенг-Ампереp отметил сочетание образов женщины и бизона или тура в искусстве палеолита [8].

Показательно совпадение с выводами А. Леруа-Гурана и сюжетов наскальных росписей палеолита, найденных в СССР: в Шишкино, на р. Лене — тур, лошадь, знак группы β в соседстве со знаком α [9]. В Каповой пещере на Урале: лошади, мамонты, знаки [10].

Не подтверждает ли столь широкое распространение— от Дордони до Байкала и Лены — таких сюжетов, что исследованиями Леруа-Гурана вскрыта какая-то общая закономерность в психологии палеолитических людей?

Правильно объяснить ее можно лишь на широком фоне хозяйственных, социальных процессов жизни палеолитических людей. Этому способствует богатейший фактический материал, собранный в «Предыстории западного искусства», и ряд открытий А. Леруа-Гурана на его основе.

Оформление и документация этого труда не менее интересны и оригинальны, чем его содержание. Статистические сводки встречаемости отдельных видов зверей и знаков в искусстве палеолита, география и топография их распространения, примеры эволюции стилей и типичных композиций, планы пещер, с историей их открытия, изучения и датировки, с описанием порядка следования изображений и их стилевых особенностей составляют вторую половину книги. В первой же изложены взгляды автора в форме, доступной и для читателя, впервые обратившегося к проблеме. Повествовательная часть связана с документальной системой ссылок, которые вынесены на поля.

Подбор фотоиллюстраций их продуман так, что они не повторяют прежних сводок и альбонов. Впервые мы можем увидеть в цвете образцы западного «мобильного» искусства. Качество же цветных фото-репродукций монументальных шедевров палеолита превосходит все известные нам попытки этого рода. Здесь можно проследить не только мелкие трещины в камне, но тончайшие движения «кисти», особенности «мазка» разных «школ» палеолитической живописи, отпечатки кожи пальцев ваятеля в глине, движения резца, высекавшего скульптуру. Подобного шага «в глубь» художественных образов палеолита, их материальной фактуры не было за всю историю исследования палеолитического искусства.

«Предыстория западного искусства», безусловно, открывает новый этап в его изучении.

Б. А. Фролов

---

[5] А. С. Г у щ и н. Происхождение искусства. М.— Л., 1937, стр. 107; С. Н. З а м я т н и н. Раскопки у с. Гагарина. ИГАИМК, 118, 1935, стр. 71—77; А. П. О к л а д н и к о в. Итоги и узловые проблемы изучения палеолита в СССР за 40 лет. СА, 1957, 4, стр. 19—20.

[6] П. П. Е ф и м е н к о. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 441, 474.

[7] А. П. О к л а д н и к о в. Палеолитическая статуэтка из Бурети. МИА, 2, 1941, стр. 104.

[8] H. D e l p o r t e. Observations paléo-topographique sur la Venus de Tursac. BSPF, LIX, 1962, 11—12, стр. 814—816; A. L a m i n g - E m p e r a i r e. Ук. соч., стр. 216,

[9] А. П. О к л а д н и к о в, В. Д. З а п о р о ж с к а я. Ленские писаницы. М.— Л., 1959, стр. 86—90.

[10] О. Н. Б а д е р. Открытие палеолитической пещерной живописи на Урале. Историко-археологический сборник. М., 1962, стр. 14—23.

Edit B. Thomas. Römische Villen in Pannonien.
Beiträge zur pannonischen Siedlungsgeschichte. Akadémiai Kiadó. Budapest. 1964. Verlag der Ungarischen Akademie der Wissenschaften. 418 стр. 177 рис. в тексте и 234 таблицы

В монографии Э. Томас собраны обширнейшие весьма разнообразные археологические материалы, на основе которых, а равно и свидетельств древних авторов, построена стройная система исторических выводов. В работе подробно описаны паннонские виллы, начиная от скромных деревенских домов и кончая роскошными дворцами. Подробно освещена их архитектура, строительная техника, внутренняя отделка стен — профилированной штукатуркой и росписью, а полов — мозаикой; текст сопровождается многочисленными планами, разрезами, фотографиями и весьма убедительными реконструкциями.

Красочно обрисованы все стороны жизни вилл: их производственная деятельность не только в сфере сельского хозяйства, но и ремесла, уделено внимание инструментам землекопов и кузнецов, обстоятельно описана бытовая обстановка. Отчетливо выступает имущественное и общественное положение владельцев вилл. Так, отмечена роль римских ветеранов в возникновении вилл I—II вв., что сказалось на некоторой близости их италийским деревенским домам атриумного типа.

После войн Марка Аврелия на Дунае (с 169 до 180 г.) в Паннонии появляются виллы, укрепленные стенами и башнями, близкие по типу виллам Галлии, Германии и африканских провинций. В конце II — начале III в. виллы по всей Паннонии испытывают значительный экономический подъем. Вместе с тем ремесленное производство, слабо развитое на виллах более раннего времени, в III в. заметно усиливается. Состав владельцев вилл испытывает некоторое изменение, теперь в него вливаются местные обитатели и выходцы с римского Востока. После реформ Диоклетиана, в течение первой трети IV в., оживляется строительная деятельность, сооружаются императорские виллы, появляются раннехристианские базилики. Мирная упорядоченная жизнь резко нарушается после правления Валентиниана (364—376), когда в результате нападений варваров часть провинций испытывает сильное разорение, о чем наглядно свидетельствуют следы костров на мозаичных полах в богатых помещениях вилл. Далее прослежена история изучаемых памятников во времени Великого переселения народов и в последующее время.

По ходу изложения читатель получает наглядное представление о круге интересов владельцев вилл, их художественных потребностях и религиозных воззрениях. Достойно внимания, что надписи на алтарях и скульптурные изображения свидетельствуют о преобладании культов божеств плодородия, изобилия и охоты, как то: Сильвана, Приапа, Фортуны, Дианы и нимф, а позднее Сабазия и Исиды-Фортуны. Впрочем встречаются и другие божества — Аполлон, Минерва, Меркурий, Геркулес, в виллах ветеранов — Юпитер; позднее появляется пришедший с Востока Мифра.

Книга Э. Томас является не только очень ценной, обобщающей, монументальной монографией, посвященной паннонским виллам. Этот труд — большой вклад как в исследование римских провинциальных вилл, так и в историю провинции Паннонии.

В заключение нельзя не отметить очень высокий полиграфический уровень этого богато иллюстрированного издания.

В. Б.

Живка Н. Въжарова. Славянски и славянобългарски селища в българските земи от края на VI до XI век.

София, 1965. Издательство на Българската Академия на Науките. 205 стр., 114 рис., 1 карта, русское и немецкое резюме

История славян на территории современной Болгарской Демократической Республики до сих пор писалась только на основании письменных (в основном византийских) источников. В них сообщалось о многочисленных нашествиях славянских дружин на Балканский полуостров, о заселении окраинных земель Византийской державы славянскими переселенцами, об их общественном строе и изредка — об их обычаях и религиозных представлениях. Материальная культура славян и весь обширный круг вопросов, связанных с ее исследованием, почти не затрагивались историками. Археологически славяне не изучались, славянские памятники в Болгарии не были открыты и не раскапывались. В связи с этим в болгарской археологической историографии, особенно в последние десятилетия, появился ряд неверных теорий относительно этнической и культурной принадлежности памятников северо-восточной Болгарии, датирующихся VIII—IX вв. Эти памятники характеризуются прежде всего весьма устойчивым керамическим комплексом — серыми круговыми кухонными горшками с линейно-волнистым орнаментом, парадной лощеной посудой, небольшим количеством котлов с внутренними ушками, амфорами. Основываясь на внешнем сход-

стве кухонных горшков этого типа со славянскими горшками конца IX—XI в. и весьма относительным сходством лощеных сосудов с позднеримской лощеной керамикой, многие болгарские археологи полагали, что все эти памятники оставлены славянами, находившимися под мощным влиянием римской культуры. Датируются они, по их мнению, I тысячелетием. Другая часть археологов считает горшки с линейным орнаментом славянскими, а лощеную керамику — праболгарской, принесенной болгарами из далеких донских степей. Наконец, третьи думают, что вся культура VIII—IX вв.— праболгарская, что появилась она в северо-восточной Болгарии вместе с приходом сюда Аспаруховой орды.

Эта хронологическая и историческая путаница в интерпретации археологических материалов могла быть разрешена только большими исследованиями археологических памятников эпохи раннего средневековья от V—VI вв. до Первого Болгарского царства.

Книга Живки Вожаровой — первый шаг в решении этой важной задачи болгарской средневековой археологии. В ней дана полная публикация исследованного автором поселения у Джеджови Лозя и материалов с других открытых или обследованных ею памятников (поселений и могильников). Все включенные в работу памятники датируются второй половиной I тысячелетия.

Монография состоит из шести глав. Первая, самая большая глава книги посвящена публикации и систематизации материалов с поселении Джеджови Лозя, на котором автором за 1955—1961 гг. была вскрыта площадь в 3700 $м^2$. Здесь было расчищено 63 жилища, хозяйственные постройки, горны. Рядом с поселением был обнаружен и частично раскопан одновременный с селищем могильник с трупосожжениями, на котором было открыто семь погребений в урнах.

Кроме подробного описания обнаруженных в раскопах объектов, в главе представлена типологическая характеристика керамики и предметов из камня. металла, кости, стекла, найденных в процессе работ на селище и могильнике в жилищах, погребениях и в культурном слое. Особенно много внимания уделено керамике, разделенной автором на пять групп (А — Д). Группа А — лепные горшки и группа Б — горшки, подправленные на простейшем гончарном круге, относятся автором к VI—VIII вв. Группа В — горшки с линейным орнаментом, сделанные на усовершенствованном гончарном круге, группа Г — лощеные сосуды и группа Д — котлы с внутренними ушками датируются концом VIII — началом XI в. Таким образом, по керамическому материалу автор разделяет жизнь поселения Джеджови Лозя на два периода: VI—VIII и VIII—XI вв.

В обобщающем эту главу разделе автор вполне убедительно. на основании классификации двух основных категорий открытых ею материалов — жилищ и керамики, выделяет два хронологических этапа в развитии поселка, две культуры — I и II. Культура I характеризуется полуземлянками первой группы с печами-каменками и керамикой группы А и Б. В культуре II преобладают полуземлянки второй группы (с печами, врезанными в стену) и керамика групп В, Г, Д. Культуру I Ж. Вожарова связывает со славянами, культуру II — с праболгарами, а поздний ее этап (X—XI вв.) — с болгарским народом.

Это совершенно правильное заключение, в целом несомненно доказанное, является, на наш взгляд, главным достижением книги. Правда, четкость и очевидность этого заключения стала бы значительно более убедительной, если бы автор приложил к этой главе корреляционные таблицы соотношения групп и подгрупп жилищ с группами керамики, если бы в конце главы были приложены два плана поселения — I и II культур. Кроме того, следовало бы дать в книге разрезы и профили жилищ обоих периодов, перерезающие друг друга (такие случаи в раскопке встретились всего три раза). Это тоже наглядно показало бы правоту автора, а в настоящем виде приходится верить ей на слово, что всегда снижает убедительность изложения. Недостатком работы является и отсутствие в ней всяких статистических подсчетов, в частности подсчетов керамики по комплексам и в слое. Разбор керамики дан очень кратко и выборочно. Отсюда неизбежные ошибки и неясности. Во-первых, занижена датировка лепной керамики, а значит и дата культуры I—VI—VIII вв. По ряду керамических аналогий (Лука Райковецкая, роменско-боршевские поселения, Глинча I) горшки группы А и Б с конусовидным туловом. отогнутым венчиком, украшенным насечками или ямочками, или с примитивным линейно-волнистым орнаментом по тулову относятся к VIII — началу IX в.; можно допустить, что это конец VII—VIII в., но наличие VI в. совершенно не подтверждается материалами Джеджови Лозя. Во-вторых, в работе нет процентных соотношений керамики различных групп, например неясно, какое место в хозяйстве жителей поселка занимали глиняные котлы с внутренними ушками — это чисто кочевническое изобретение, исчезавшее из быта сразу же после перехода кочевников к оседлости. Весьма важны были бы данные о распространении амфор в слоях Джеджови Лозя — это дало бы возможность установить интенсивность и даже характер торговых связей населения поселка с Византийской империей. Таким образом, по нашему мнению, керамические материалы поселения, как исторический источник, разобраны автором недостаточно.

Во второй главе монографии Ж. Вожарова систематизирует памятники Болгарии (поселения и могильники), синхронные обоим периодам Джеджови Лозя. Опи-

сание памятников, несмотря на скатость изложения, очень полное и четкое. Эта часть работы является по существу прекрасным сводом памятников второй половины I тысячелетия, известных в настоящее время в Болгарии (37 поселений и 13 могильников). Характерно распределение их на территории страны. Подавляющее большинство памятников (44) расположено в долине Дуная, на его левых притоках и в районе древних столиц Болгарии — Плиски и Преслава — в северо-восточной Болгарии. Очевидно, объясняется это слабой изученностью южной части страны, но в тексте это не оговорено, и потому приложенная к нему карта выглядит документом, искажающим картину жизни, картину заселения страны в то время. По-видимому, следовало бы дать карту, отражающую степень изученности всей территории Болгарии, карту маршрутов разведок. Большим недостатком карты является также и то, что на ней не выделены типичные памятники праболгар. Кстати, и в тексте не всегда указывается, каким народом, по мнению автора, оставлен тот или иной памятник.

Эти досадные недочеты привели к тому, что один из основных выводов работы о преобладании праболгарских памятников в северо-восточной Болгарии, а славянских — на юге и северо-западе страны, остался недоказанным (стр. 155, 177).

Вообще говорить о каком-либо «преобладании» славян, исходя только из археологических источников, пока преждевременно, поскольку их известно в Болгарии всего около десяти. Все остальные памятники — праболгарские или раннеболгарские.

Ж. Вожарова прекрасно знает славянские древности других (соседних) стран и широко пользуется ими в качестве аналогий для подтверждения своих датировок. Однако, привлекая материалы из памятников, расположенных на территории СССР, Польши и Чехословакии, нельзя объединять, как это делает автор, вместе керамику пражского и житомирского типов с керамикой типа Луки Райковецкой и роменско-боршевской (стр. 120, 167), поскольку это два разных хронологических этапа развития славянской культуры. И если керамика позднего этапа (близкая роменско-боршевской) характерна для всех славянских памятников Болгарии, то керамики пражского и житомирского типов, судя по изданному в книге материалу, нет в Болгарии. Очевидно, культура I — славянская, как и в Джеджови Лозя, на славянских поселениях и могильниках Болгарии датируется не VI—VIII вв., а концом VII — серединой IX в. Нельзя также признать правильным отнесение Пастерского городища к славянским памятникам (стр. 175) или объединение памятников житомирского типа с памятниками Пеньковки и с материалами из поселений Южного Буга (стр. 159). Относительно этнической интерпретации всех этих памятников в советской археологической литературе идет спор и привлечение материалов с них для подтверждения славянской принадлежности болгарских поселений культуры I только ослабляет позицию автора, считающего ее славянской. Кстати, следует отметить, что некоторые из опубликованных в работе лепных сосудов явно выходят из круга славянских древностей. Таков, например, сосуд из пос. Юрта (рис. 85). Он весьма близок по типу обычным кочевническим горшкам, одинаково характерным как для кочевий Дона и Приазовья (VI—IX вв.), так и для аварских могильников Венгрии (VI—VII вв.).

Несмотря на все эти частные ошибки и неточности, автор через всю книгу (в последующих главах и заключении) проводит и доказывает совершенно правильную мысль о славянстве выделенной и исследованной ею культуры I. Эта культура входит в состав единой славянской культуры, распространенной во второй половине I тысячелетия в СССР и других славянских странах. Единство этой культуры подтверждается однообразием типов керамики, одинаковой конструкцией жилищ-полуземлянок с печами-каменками, характерными могильниками, состоящими из трупосожжений в урнах, зарытых на глубине 0,25—0,3 *м* от дневной поверхности.

Не менее фундаментально обоснован автором и другой тезис — о пришлом характере славянской культуры в Болгарии, не имеющей генетических связей с местной культурой первой половины I тысячелетия (глава IV).

Решение этого вопроса в болгарской медиевистике особенно важно, поскольку в последнее время в Болгарии усилилось увлечение теорией непрерывного развития культуры населения страны от первых веков нашей эры до Первого Болгарского царства включительно. Доказывая отсутствие связей между культурой славян и дославянского населения Болгарии, автор тем самым, естественно, разбивает и другой миф, также культивирующийся в болгарской историографии,— миф о связи и преемственности культуры праболгар с местной культурой, находившейся под сильным греко-римским воздействием. На большом материале показано различие двух культур — славянской (с керамикой групп А и Б) и праболгарской (с керамическими группами В, Г, Д) (глава V). Характерно, что в раскопанных автором поселениях (Джеджови Лозя, Попине) славянский слой явно перекрыт праболгарским, т. е. сравнительно с праболгарским он более ранний. Это значит, что если славянский слой датируется по аналогиям концом VII—VIII в., то праболгарский слой относится ко второй половине VIII—IX в. Именно этим временем датируется и родственная праболгарам культура народов Подонья (салтово-маяцкая).

Между тем, ряд письменных источников свидетельствует, что праболгары пришли в Болгарию во второй половине VII в. Их культура, как всякая кочевническая

культура, была весьма примитивной и трудноуловимой. Требуются сплошные разведки по всем мелким рекам, чтобы найти остатки кочевнических становищ, подобных кочевьям, обнаруженным в Подонье и Приазовье[1]. Керамический комплекс донских и приазовских поселений очень однообразен — это амфоры и лепные горшки, подобные горшку из поселения Юрта (рис. 85). В середине VIII в. и в восточных областях (в Подонье и Приазовье) и в Подунавье в среде болгарских кочевых племен под влиянием ряда причин (соседство оседлого населения, феодализация общества и пр.) началось оседание кочевников на землю. Оно привело к возникновению новой более высокой культуры, к появлению ремесленного производства. Таким образом, у кочевников — праболгар и алано-болгар — появилась на всей территории степей и лесостепей от Волги до Дуная одинаковая керамика: лощеные сосуды, горшки с линейно-волнистым орнаментом и котлы с внутренними ушками. Впрочем, последние очень скоро исчезли из быта кочевников, осевших и усвоивших оседлый образ жизни и, главное, заменивших открытые очаги печами-каменками.

Вопрос о возникновении «праболгарской» культуры на территории Болгарии не затрагивается в рецензируемой книге. Автор как бы молчаливо соглашается с тем, что эта культура была принесена праболгарами с Дона и Приазовья, и не упоминает о весьма существенном (100 лет) хронологическом разрыве между датой появления праболгар на Дунае и временем создания их культуры на Дону и на Дунае одновременно.

Зато в той же главе (V) Живка Вожарова на большом материале с поселений и могильников показывает процесс слияния славянской и праболгарской культур в единую болгарскую культуру — культуру Первого Болгарского царства. Причем, естественно, оседавшие на землю кочевники очень многое переняли из культуры оседлых славян (в частности, форму жилищ). В то же время и славяне широко использовали в быту некоторые достижения праболгарской культуры, например лощеную керамику, которую они употребляли не только при жизни, но и в качестве погребальных урн (могильник у Раздельной и др.). Этот же процесс слияния кочевой культуры с культурой оседлых земледельцев прослеживается и на территории салтово-маяцкой культуры — особенно в Верхнем Подонье[2]. Однако в то время как в Подунавье он завершился сложением единой болгарской культуры, в восточноевропейских степях он был прерван нашествием неченежских полчищ.

Последняя — VI глава посвящена характеристике экономики в славянский и праболгарский периоды жизни поселения Джеджови Лозя и других поселков, а также социальному строю обоих народов в указанные отрезки времени.

Судя по материалам раскопок, славяне вели земледельческо-скотоводческое хозяйство, ремесла у них в VII—VIII вв. были развиты слабо, жили они общинно-родовым строем. В следующий период (праболгарский) появились и развились ремесла. Основа хозяйства осталась прежней, но в нем заметную роль стал играть мелкий рогатый скот, разведение которого характерно для кочевнического способа производства. Изменились и производственные отношения — первобытно-общинный строй повсеместно стал заменяться классовым — феодальным. Кстати, именно этот процесс, охвативший всю страну (и земледельцев и кочевников), был одной из причин оседания кочевников на земле. Это следовало бы, по нашему мнению, особенно подчеркнуть в книге.

Вся сложнейшая картина сложения феодального общества и государства на территории Болгарии кратко, но очень логично представлена в этой главе. Особенная ценность ее заключается в том, что автор впервые широко привлекает археологические материалы и все свои социологические выводы построила на этом неиссякаемом и всегда объективном источнике. Именно благодаря этому большинство положений, высказанных в книге, совершенно бесспорно. Прекрасно опубликованные и качественно отработанные материалы сами ведут автора к правильным выводам. Публикация новых материалов из раскопок и полевых исследований автора и правильное использование их сделало книгу Ж. Вожаровой особенно интересной. Книга вызовет глубокий интерес не только в среде специалистов-археологов, но и в широких кругах историков, занимающихся средневековой историей славян и кочевников.

К работе Ж. Вожаровой приложена статья проф. Стефана Иванова «Животински костни остатъци от селището в местността Джеджови Лозя при с. Попина» (с русским и немецким резюме). В ней дан анализ всех костных материалов, обнаруженных на поселении Джеджовя Лозя в оба периода его существования (культура I и II). Тщательно обработанный материал позволяет автору сделать важное наблюдение о сравнительном увеличении костей мелкого рогатого скота в верхнем слое поселения. Стефан Иванов совершенно справедливо связывает это с появлением на поселении кочевнического элемента — праболгар.

С. А. Плетнева, И. П. Русанова

---

[1] С. А. Плетнева. Номадски поселища през VII—IX вв. в Приазовието и басейна на река Дон. «Археология», 4, София, 1964.

[2] С. А. Плетнева. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами. СА, 1962, 1.

В. Л. Янин. Я послал тебе бересту...
Изд-во Московского университета, 1965, 190 стр. Тираж 15 000 экз.

Находка берестяных грамот, бывшая сенсационным успехом Новгородской археологической экспедиции Академии наук СССР под руководством А. В. Арциховского в 1951 г., стала вместе с тем одним из самых крупных открытий советской археологии.

У всех, очевидно, еще свежи в памяти впечатления, вызванные ею. Вслед за первыми десятью грамотами, извлеченными из земли в сезоне 1951 г., находки следовали в нарастающем темпе и с такой поражающей регулярностью, которая позволяла прогнозировать их ежегодный сбор из расчета чуть ли не на единицу раскапываемой площади.

На глазах нашего поколения произошло подлинное чудо. В области исследования, где круг письменных источников, ограниченный вообще, казалось, был исчерпан и в лучшем случае мог пополниться какими-либо единичными документами, случайно оставшимися вне поля зрения ученых в архивах и книгохранилищах мира, вдруг объявилась неожиданная, богатая, главное, принципиально новая их категория, притом какая! Она оживила перед нами широкие слои простых людей средневекового русского города, тех, кто своими руками создали тысячи дошедших и не дошедших до нас предметов, а сами оставались безымянными и безмолвными и лишь изредка обозначали свое имя на наиболее искусном изделии: «Коста делал», «Братило делал», «мастер делал Иван». Люди, которым не было предоставлено слова в известных литературных памятниках, вдруг заговорили от своего лица и предстали перед нами во всей конкретности их повседневных жизненных интересов и дел, отраженной их собственноручной перепиской.

Неудивительно, что новый важный исторический источник немедленно по его открытии был широко и по достоинству оценен как советскими, так и зарубежными учеными. Среди последних нашлись лишь единицы, вроде Стендер-Петерсена и Джонса, «не заметивших» замечательного открытия советских археологов, или Мэтьюза, усомнившегося на первых порах в его значении.

А первое и самое общее значение берестяных грамот заключалось в вытекающем из одного наличия их выводе о широком распространении грамотности в древней Руси.

Широкая грамотность простых городских кругов в том же древнем Новгороде почти «физически ощущалась» исследователями его культуры, но доказательства ее, тем не менее, с трудом давались в руки. Подписи мастеров,— так, но, вероятно, немногих, высококвалифицированных. Граффити на стенах древних церквей,— да, но не дело ли это рук клириков? Укоренившиеся, воспитанные десятилетиями представления нелегко уступают место новым.

Теперь сомнения снимаются окончательно доказательствами вещественными и неоспоримыми. Берестяные грамоты — письма рядовых горожан — утверждены как массовый материал, подобный таким обычным для археологов массовым категориям находок, как, например, железные ножи или стеклянные браслеты и бусы. Значит, они были «привычным элементом новгородского средневекового быта». Значит, «новгородцы постоянно писали и читали письма, рвали их и выбрасывали, как мы сейчас рвем и выбрасываем ненужные или использованные бумаги» (стр. 26).

За 14 лет, прошедших с момента первой находки 26 июля 1951 г.— дня, ставшего историческим в летописи нашей науки, общее количество найденных в Новгороде грамот возросло до 428 — целый большой архив, непрерывно и регулярно растущий.

Следует признать счастливым и чрезвычайно важным то обстоятельство, что вновь открытый источник с первого момента его появления получил такую четкую и исчерпывающую форму публикации, какой до него не имел и не имеет ни один другой вид источников. Каждая без исключения берестяная грамота, добытая раскопками или случайно находимая, получает свой твердый порядковый номер, с которым входит в науку, и издается в многотомной последовательно наращиваемой серии публикаций, с тщательным археологическим комментарием, терминологическим и лингвистическим анализом [1].

Сверх издания этого основного кодекса берестяные грамоты за короткий срок в силу своего значения успели породить огромную, трудно обозримую в рецензии, литературу на десятках языков.

---

[1] А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954; А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958; А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958; А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963.

И вот перед нами новая посвященная им книга.

Автор ее, В. Л. Янин — один из лучших знатоков археологии и истории Новгорода. В его недавней, также посвященной Новгороду, книге, вышущенной издательством Московского государственного университета, сложные и запутанные вопросы социальной и политической истории древнего Новгорода решаются на основе сочетания письменных и вещевых источников, в частности сфрагистики, которыми автор одинаково хорошо владеет [2]. То обстоятельство, что он является вместе с тем одним из основных сотрудников Новгородской археологической экспедиции АН СССР и вся история находок берестяных грамот, начиная с первого экземпляра, прошла перед его глазами, налагает на книгу особый отпечаток личного, живого, непосредственного отношения к материалу.

Содержание книги шире ее заглавия. Излагая историю находок новгородских грамот, книга попутно касается таких интересных для широкого читателя, но обычно смутно им представляемых вопросов археологии, как причины и механизм попадания в землю памятников быта минувших эпох, рост культурного слоя, выбор места для раскопок и организация их, знакомит с новейшими методами точных датировок извлекаемых из земли предметов.

Весьма многое из сказанного в непосредственной связи с берестяными грамотами представляет интерес не только для широкого читателя. Так, во всех деталях автором выяснен вопрос о письме на бересте: его материале, орудиях, технике. Остроумно сделано сближение этой техники с письменами на стенах церквей, граффитиобильным, но, к сожалению, мало исследованным источником. Очень интересны наблюдения по части методики обучения грамоте в древнем Новгороде, сделанные по бесспорно ученическим берестяным листам и тетрадям. Новы и очень ценны заключения о существовании занимательного светского «чтения доброго» во вновь открытом материале и о возможности находок его в будущем. Важен для историка культуры вывод об особенностях развития культуры в Новгороде и его кульминации, совпадающей с эпохой расцвета республиканского строя «великой русской республики средневековья» с конца XIII по первую половину XV в. включительно.

Самое главное — тонко отработанный анализ новгородских грамот, в курсе которого автор непринужденно держит читателя.

Для правильного понимания и интерпретации памятника археологу столько же, сколько в своей области искусствоведу, кроме эрудиции нужен острый глаз, способность включить памятник, пролежавший в земле века, в живой поток породившей его, но давно отшумевшей жизни. В. Л. Янин обладает этой способностью в высокой степени. Под его пером за авторами и адресатами грамот, не обозначавшими в них ни своего положения, ни занятий, встают конкретные люди, жившие в XV, XIV, XIII вв.: Олферий, Максим, боярские ключники, Михайла приказчик, Кля паробок, слуга посадничьего сына, Дмитр и Григорий даньники, сборщики дани с подвластных Новгороду областей, старосты Наум и Григорий, зажиточный новгородец Борис, ничем не примечательные Терентий и Панфил, записывающий должников Сильвестр, влюбленный в Ульяницу Микита, новгородки Домна и Настасья, безыменный мельник из Злостьицы, крестьяне из Смердыни и т. д., и т. д. У всех у них свои житейские дела, волнения, поручения и просьбы.

Нередко отразившиеся в грамотах дела и заботы, при углублении в них исследователя, оказываются связанными с историческими местами и событиями: миром Новгорода со шведами, заключенным зимой 1338/39 г., походом новгородцев на «свейских немцев» в Корелию в 1396 г., съездом на р. Нарве для подписания мира с Ливонским орденом в 1421 г. Все это вовсе не лежит на поверхности, не написано в грамотах. Это добыто в каждом отдельном случае филигранным трудом автора книги. И если иногда его построения могут казаться чуточку смелыми (стр. 92, 133), то в подавляющем большинстве случаев он выходит победителем.

Топография Неревского раскопа во многом связала находки Новгородской археологической экспедиции, в том числе и находки берестяных грамот, с одной из замечательнейших боярско-посадничьих новгородских «династий» Мишиничей. Детальному анализу грамот, так или иначе связанных с представителями этой династии, в книге В. Л. Янина уделено много места, и они того вполне заслуживают. Немаловажной заслугой автора явилось, прежде всего, уяснение генеалогии рода Мишиничей, где, наряду с летописными именами Варфоломея Юрьевича, Луки Варфоломеевича, Онцифора Лукича, Юрия Онцифоровича, Михаила Юрьевича, грамоты открыли ряд не упоминаемых летописями имен: Ивана Варфоломеевича, Афанасия Онцифоровича, Михайловой жены Настасьи, Андреяна и Никиты Михайловичей.

Они важны, конечно, не сами по себе, как еще новые имена в истории Новгорода. Факты и сведения, прямо отразившиеся в грамотах, связанных с этим боярским родом или извлекаемые из них путем анализа, позволяют автору сделать далеко идущие выводы о важных и часто спорных проблемах экономического и политического строя древнего Новгорода.

Вырисовываются размеры, характер, исторические судьбы внутригородских крупнобоярских усадеб и владений, за которыми в свою очередь встают и несколько

[2] В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962.

по-новому освещаются причины и механизм знаменитых новгородских восстаний и междоусобиц.

Берестяные грамоты позволяют подойти к решению одного из самых важных теоретических споров, касающихся истории средневекового Новгорода — проблемы экономической природы Новгородской республики. Принято было считать, что торговля была основой новгородской экономики, ни ремесло, ни земледелие влияния на нее не оказали. Между тем, именно «земля, владение землей, эксплуатация крестьян были основой благополучия и власти новгородского боярства. В грамотах Мишиничей — Онцифоровичей нет ни слова о заморских товарах, потому что торговля в боярском хозяйстве не играла важной роли. Но за строками берестяных писем мы можем увидеть и иную картину — Новгород, одиноко стоящий посреди обширной равнины... Вся эта необъятная территория служила основой одному городу, который и года не просуществовал бы, будучи оторванным от своей сельскохозяйственной округи, как не может существовать голова без тела» (стр. 123).

Касаясь будущих судеб вновь открытого исторического источника, автор пишет: «Сегодня мы знакомимся с результатами лишь первых лет замечательного открытия. И уже сейчас мы видим не только через призму исторического анализа, но и воочию многие явления, до сих пор надежно скрытые от нас глухой стеной столетий. Можно искренне позавидовать будущим историкам. Они, сосредоточив в своих руках тысячи берестяных писем, будут знакомы с доброй половиной средневековых новгородцев и услышат от них ответ на любой вопрос, встающий в процессе исследования. Для них стена рухнет и взору предстанет живая картина средневекового города, сверкающего сотнями красок и наполненного шумом тысячи голосов» (стр. 168). Нельзя не согласиться с этим восторженным прогнозом, лучшим доказательством реальности которого служит сама рецензируемая книга.

Н. Г. Порфиридов

ПО ПОВОДУ РЕЦЕНЗИИ А. П. СМИРНОВА

В пространной рецензии А. П. Смирнова на мою книгу «Азелинская культура III—V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов» (см. СА, 1964, 4) рецензент приходит к выводу, что «исторические построения автора произвольны и не опираются на анализ фактов» (стр. 246) и никакой «особой азелинской культуры нет» (стр. 248). Рецензент обвиняет автора в «полном пренебрежении археологической методикой», в «неправомерности выделения... культур, отсутствии источниковедческого анализа» и пр., что у неискушенного читателя может создаться впечатление о появлении в свет безграмотной и методически порочной книги.

Это и заставляет автора разобрать со всей тщательностью рецензию А. П. Смирнова. Прежде всего, в чем была основная задача книги? Это о ч е р к, посвященный характеристике хозяйства, общества, одежды и украшений, культа предков (все это названия отдельных глав книги), населения, обитавшего в Вятском крае в III—V вв. Очерк построен на анализе материалов новых богатейших археологических памятников.

В значительной степени книга представляет собой научно-популярный очерк, рассчитанный на широкий круг читателей (необходимость таких очерков, особенно в местных изданиях, едва ли требует объяснения); кроме того, для специалистов в книге дано приложение, содержащее полные дневниковые данные по раскопкам Азелинского и Суворовского могильников, и «Археологическая карта памятников азелинской культуры». Здесь же приведена сводная таблица распределения отдельных типов вещей по погребениям, что, по мнению автора, может быть хорошей источниковедческой базой и для других исследователей.

Книга совершенно не претендует на всестороннее исследование проблем азелинской культуры, почему и дано в подзаголовке «Очерк...», и лишь для того, чтобы ввести читателя в историю вопроса, в первой главе к р а т к о изложено мнение автора о происхождении вятского населения III—V вв. (стр. 14—21) и в заключение столь же кратко сообщается мнение автора об исторических судьбах азелинских племен (стр. 91—95). Эти вопросы в книге не исследуются, так же как и не рассматриваются чисто методологические вопросы о выделении археологической культуры, о подробном обосновании датировки и т. д. Но именно против них и направил весь огонь своей критики А. П. Смирнов, фактически оставив в стороне все основное содержание книги. Но разве реконструирования формы хозяйства, общественной организации и различных сторон быта и верований по археологическим источникам не являются историческими построениями? А ведь именно анализу этих сторон и посвящена книга.

Не останавливаясь на отдельных частных замечаниях, в ряде случаев может быть и справедливых или спорных, обратимся к основным возражениям А. П. Смирнова, которые в общем сводятся к следующему:

1. Выделение автором особой азелинской культуры III—V вв. в Волго-Вятском крае не только неправомерно, но и совершенно не обоснованно.

2. Автор переоценил уровень экономического развития азелинских племен.

3. Автор фальсифицирует факты, сообщая о том, что до III в. бассейн р. Вятки не был заселен. Азелинские племена являлись исконными обитателями Вятского края.

* * *

Прежде чем обратиться к разбору каждого из этих положений, где лишь второе имеет прямое отношение к книге, остановимся на главной предпосылке всех возражений А. П. Смирнова — вопросе о датировке, ибо именно он является отправным моментом.

А. П. Смирнов пишет, что «даже самое поверхностное, беглое знакомство с материалом заставляет настороженно отнестись к предложенной дате, которая ни в данной книге, ни в предыдущих работах автора не получила обоснования. Ряд вещей заставляет вспомнить памятники более позднего периода — VI—VII вв. Если разбить весь материал по могильным комплексам и проанализировать погребальные инвентари, то весь материал разделится на три этапа: I—III, III—V и V—VII. Первые две группы разделяются довольно плохо, но последняя, правда крайне немногочисленная, выделяется достаточно хорошо» (стр. 243).

А. П. Смирнов выступает за анализ комплексов и обоснование их даты, но несколькими строками ниже он рассматривает и приводит крайне немногочисленные аналогии только к вещам двух типов — поясным пряжкам и шлему, а затем огульно, без анализа остального инвентаря, ограничиваясь лишь его перечислением, относит погребения № 1, 27, 30 Суворовского могильника и № 1, 19—20 Азелинского могильника к VI—VII вв., а ряд погребений (№ 2, 6 Азелинского и № 10, 23 Суворовского) — к самому концу V или VI в. (стр. 243, 244). Такой подход едва ли отвечает требованиям, определенным самим же рецензентом.

Попытаемся проанализировать комплексы тех погребений, которые А. П. Смирнов относит к числу поздних, относящихся ко времени после V в. Наиболее богатое погребение № 1 Азелинского могильника содержит вещи 32 типов или разновидностей, из них 16 встречаются только в данном погребении, а остальные имеют не только близкие аналогии, но и полное тождество с вещами других 27 погребений из рассматриваемых 51.

Из тех вещей, которые встречены только в этом погребении, ни одна не может быть использована для обоснованной узкой датировки. Это — наральник, кузнечный инструмент, кольчуга, раковина каури (табл. XXIV, *1—5*; XXIII. *1*, рис. 13, 38, *1*) или украшения, представляющие собой разновидности типов, известных во многих других погребениях (табл. XVIII, *11*; XXII, *4*; XXIII, *4*, *5* и т. д.). Шесть типов вещей имеют аналогии среди погребений, относимых рецензентом к группе «поздних», но вместе с тем они встречаются и во многих других погребениях, которые считаются более ранними (табл. VIII, *3*; IX, *12*; I, *19*; XIX, *9*; XVIII, *10*; XXI, *9*), и только железный наконечник стрелы и коса (табл. XXI, *4*; XXIV, *4*) встречаются исключительно в группе «поздних».

Такую же картину дает и могила № 1 Суворовского могильника, которую А. П. Смирнов считает наиболее «ярким примером позднего погребения» (стр. 243). Из 21 типа обнаруженных здесь вещей шесть имеют точные аналогии только в «ранних», пять — в «ранних» и «поздних» и две — только в «поздних». Шесть типов не встречены в других погребениях, но повторяют в вариациях известные общие типы (табл. II, *17*; IV — *1*; V, *10*; V, *13*; XIX, *8*; IX, *10*).

Проанализировав инвентарь всех 10 погребений, относимых А. П. Смирновым к числу «поздних», выделим группу вещей, которые встречаются только в этих погребениях. Лишь они могут обосновать иную, по сравнению с другими могилами, датировку, если она действительно существует. В числе этих вещей А. П. Смирнов называет медные пряжки VI—VII вв., на которых, собственно говоря, и обоснована вся новая датировка рецензента.

Поскольку в погребениях имеются и пряжки других типов, составлена корреляционная таблица на все находки пряжек в Азелинском и Суворовском могильниках с указанием, в каких (по полу) могилах они найдены и в качестве чего употреблялись. Погребения и пряжки разделены по хронологическим группам и типам, как это следует из классификации и хронологии А. П. Смирнова. Нетрудно заметить, что хронологическая коррелятивность нарушена. Все пряжки, отнесенные А. П. Смирновым к числу поздних типов, фактически являлись, как правило, п р я ж к а м и м у ж с к и х п о я с н ы х р е м н е й, а все остальные типы пряжек могильника, не попавшие в число поздних, употреблялись в качестве застежек женской или мужской обуви, а также в уздечках.

Не случайно поэтому, что в поздние погребения у А. П. Смирнова попали и с к л ю ч и т е л ь н о мужские захоронения. Не странно ли, что в III—V вв. хоронили почти одних женщин, а в VI—VII вв.— исключительно мужчин? Безусловно, что все пряжки в могильниках составляют единый кратковременный хронологический комплекс. Именно комплекс, который требует А. П. Смирнов.

Какова хронология этого комплекса? Вызывает удивление, что в первую очередь А. П. Смирнов для датировки пряжек использует материалы из погребений... испанских вестготов (!), из могил в Венгрии и, наконец, из крымских погребений (стр. 243). А. П. Смирнов указывает аналогии азелинским пряжкам среди больших серебряных пряжек с соколиными головками и серебряных пряжек с прямоуголь-

Могильник	Погребения	Пол	Пряжки, изображенные на таблицах																							
			IV							IX	XXIII					IV						XI	XXII			
			12	2	5	6	7	10	11	13	7	8	9	11		1	3	4	8	9	12		6			
			Пряжки из ранних могил по А. П. Смирнову													Пряжки VI—VII вв. по А. П. Смирнову										
Могилы III—V вв. по А. П. Смирнову	5	ж			о																					
	7	ж		?																						
	14	ж			о																					
	15	м						п																		
	17	м	п																							
Суворовский	18	ж																				0				
	19	ж				о																				
	20	?		?							?															
	21	д				о																				
	25	?	о																							
	29	м					о		п								п			п						
Азелинский	5	м											о													
	9	?												п												
	11	ж									о															
	12	м									п		?				п									
	15	д									о															
Могилы VI—VII вв. по А. П. Смирнову	1	м													п						о					
	10	м	у	п															о							
Суворовский	23	м																	п							
	30	м			п													п								
Азелинский	1	м									о		у	у							п					
	2	м																	о							
	6	м																	п							
	20	м																			п		п			

Примечание. м — мужские захоронения, ж — женские, д — детские, п — пряжки от поясных наборов, о — пряжки от обуви, у — пряжки от уздечек.

ным щитком[1] из Крыма. Действительно ли эти пряжки очень близки азелинским? Характерная особенность пряжек — прямоугольные щитки, сильно выдвинутые узкие обоймы, держащие кольцо, и длинная, обычно нависающая хоботовидная игла. Часто пряжки имеют стеклянную инкрустацию и каменные вставки. В отличие от них, у азелинских пряжек длинные щитки имеют вогнутые боковые стороны и кольцо пряжки вплотную примыкает к щитку или даже перекрывается им, что очень характерно для пряжек раннего типа. Игла у большинства экземпляров почти не выступает за пределы кольца и никогда не нависает (табл. IV, XXIII). Различия в форме крымских и азелинских пряжек достаточно ощутимы.

Кроме того, указанные крымские пряжки, по мнению В. К. Пудовина, внимательно проанализировавшего погребения могильника Суук-Су, как и некоторые другие вещи, **не могут служить** прямым основанием для датировки. По справедливому наблюдению В. В. Кропоткина, местное население очень дорожило изделиями из золота и хранило их как семейные реликвии»[2]. В известном Борисовском могильнике на Кавказе, где хорошо выделяются также погребения VI—VII вв., подобных пряжек нет[3].

[1] Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. ИАК, 19. СПб., 1906, табл. IX; А. П. Смирнов ссылается также на табл. X, *16*, где изображен обломок пряжки, ничего общего не имеющий с азелинскими.

[2] В. К. Пудовин. Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су. СА, 1961, 1. стр. 182; В. В. Кропоткин. Население юго-западного Крыма в эпоху раннего средневековья. Автореф. канд. дис. М., 1958, стр. 10.

[3] В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—12 гг. ИАК, 56, Прг., 1914.

Для VI—VII вв. в Крыму и на Кавказе характерны цельнолитные пряжки различных вариантов [4], которые известны и в прикамских материалах [5], но таких типов нет в азелинских погребениях. Именно эти пряжки являются массовым, широко распространенным типом, встречающимся повсеместно. Можно было бы также указать на многие другие детали поясов VI—VII вв.— накладки, наконечники, имеющие столь же широкое распространение, но не обнаруженные в азелинских погребениях, поскольку они являются более ранними.

Азелинские пряжки следует рассматривать как местный вариант широко распространенного в III—V вв. типа пряжек с вращающимся кольцом, которые нередко называли гото-сарматскими. Датировка их III—V вв. обосновывалась уже неоднократно [6]. Азелинские поясные пряжки отличаются от общих прототипов большими размерами задних щитков, но вместе с тем здесь есть и экземпляры, не выходящие за пределы мелких вариаций указанного типа (табл. IV, *7—9*; IX, *13*). Полную аналогию крупным азелинским пряжкам найти трудно, и главное, что определяет их дату, это наличие вращающегося кольца, характерного для III—V вв., в то время как в VI—VII вв. распространяются цельнолитные пряжки.

Далее А. П. Смирнов считает поздними боевые шлемы Суворовского могильника. Все аналогии, приведенные рецензентом, по его же мнению «резко отличающиеся от азелинских» (стр. 243). Но шлем, аналогичный суворовским, был обнаружен на Каме в Тураевском курганном могильнике с прекрасно датирующимся комплексом вещей III—V вв. [7]. Почему же суворовские шлемы должны тогда выходить за пределы этой даты, при сомнительном сходстве с изображением шлема на кочевнической «каменной бабе» с Северного Кавказа, на аналогию с которой опирается А. П. Смирнов? Наконец, среди вещей, найденных только в погребениях VI—VII вв., по А. П. Смирнову, остается несколько железных и костяных наконечников стрел, трензель от удил, железные косы, не имеющие твердой датировки. Копья с длинной втулкой, как и меч с широким обоюдоострым клинком (табл. XIX, *1, 10*), встречаются чаще всего в комплексах III—V вв., но отдельные экземпляры могли употребляться и несколько позднее.

Таким образом, материалы Суворовского и Азелинского могильников не дают возможности датировать их как в целом, так и отдельные погребения временем позднее V в.

В обоснование выделения группы ранних погребений I—III в. А. П. Смирнов не приводит никаких данных, и, на наш взгляд, таких погребений там нет.

Из всего приведенного ясно, что Суворовский и Азелинский могильники составляют компактную группу погребений III—V вв., и попытку А. П. Смирнова изменить эту дату нельзя признать удачной. Да и сам А. П. Смирнов, описывая в свое время вятские могильники азелинского типа как позднепьяноборские, датировал их III—V вв. [8].

* * *

Вопрос о датировке комплексов указанных могильников не отвлеченный и тесно связан с проблемой выделения азелинской археологической культуры.

Как известно, еще А. М. Тальгрен и М. Г. Худяков, используя первые немногочисленные, в большинстве случайные, находки послеананьинского времени в Прикамье, выдвинули концепцию трех стадий в развитии пьяноборской культуры — III—I вв. до н. э., I—II и III—V вв. Эта концепция была поддержана и развита в дальнейшем А. П. Смирновым, по мнению которого и в настоящее время пьяноборскую культуру следует доводить до IV—V вв., а «азелинскую культуру считать последней стадией пьяноборской» (стр. 244).

Большие исследования памятников пьяноборской культуры, проведенные в последние годы, позволяют рассматривать историю прикамского населения в существенно ином свете. Пьяноборская культура — это культура постоянного племенного союза с концентрацией населения в сравнительно небольшом районе на Каме у устья р. Белой. В начале III в. наступает переломный момент в ее развитии. Большинство пьяноборского населения было вытеснено из района устья р. Белой и отошло далеко на запад в Волго-Вятское междуречье, где памятники этого населения выделяются в новую азелинскую культуру. В камско-бельских районах нет пьяноборских памятников III—V вв. [9]. Здесь развивается с III в. мазунинская культура,

---

[4] Н. И. Репников. Ук. соч., табл. X; В. В. Саханев. Ук. соч., рис. 19, 20, табл. I, *12, 14*; В. К. Пудовин. Ук. соч., стр. 179, 184.

[5] В. Ф. Генинг. Бродовский могильник. КСИИМК, 52, 1953, рис. 34, *4, 5, 7*.

[6] В. Ф. Генинг. Могильник Качка. Отчеты Камской (Воткинской) экспедиции ИА АН СССР, 1, 1959, стр. 206.

[7] В. Ф. Генинг. Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье. «Вопросы археологии Урала», 2, Свердловск, 1962, рис. 31.

[8] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952, стр. 76—78.

[9] В. Ф. Генинг. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры. «Вопросы археологии Урала», 4, Свердловск, 1962.

или, как это утверждает А. П. Смирнов вслед за Н. А. Мажитовым, бахмутинская культура (стр. 241). Таким образом, А. П. Смирнов признает отсутствие пьяноборских памятников в основном — Камско-Бельском районе. И все же пьяноборскую культуру, по его мнению, нужно доводить до IV—V вв., но уже только, видимо, по вятским памятникам типа азелинских (стр. 244, 246). Однако, если быть последовательным, А. П. Смирнов, доказав, что часть погребений Азелинского и Суворовского могильников относится к VI—VII вв., должен был бы довести позднюю дату пьяноборской культуры теперь до VII в. Или 10 погребений VI—VII вв. Азелинского и Суворовского могильников относятся к какой-то другой культуре или стадии? На этот логический вывод, следующий из рецензии, А. П. Смирнов ответа не дает. Таким образом, по вопросу о хронологии культур или стадий в концепции А. П. Смирнова нет логического завершения.

Но может быть действительно наше выделение особой азелинской культуры голословно или основано на одном факторе внешнего порядка — переходе пьяноборского населения из камско-бельских районов в Волго-Вятское междуречье?

А. П. Смирнов пишет, что до «выхода в свет настоящей книги трудно было судить об азелинской культуре, не было данных для датировки этой культуры, неизвестными оставались основы выделения ее в особую культуру и основные исторические выводы» (стр. 241). Здесь далеко не все соответствует действительности. Если в настоящей книге удалось впервые дать исчерпывающую публикацию материалов, то теоретические основы выделения особой азелинской культуры были опубликованы уже в 1962 г.[10], о чем А. П. Смирнов в своей рецензии умалчивает.

В книге неоднократно подчеркивается генетическая связь пьяноборских и азелинских комплексов (стр. 18, 91) и говорится, что «новое название культуры мы даем отнюдь не потому, что население перешло на другую территорию. Это событие могло быть и при развитии одной археологической культуры. Занятие новых территорий пьяноборским населением совпало с крупнейшими изменениями в его общественно-экономической формации». И в первую очередь указывается на массовое распространение железных орудий труда и оружия, о чем свидетельствует вещевой материал. Из 51 погребения Суворовского и Азелинского могильников, среди которых не менее $^1/_3$ разграблено, происходит 12 топоров, 3 кольчуги, 4 меча, 3 боевых шлема, 6 наконечников копий и много других более мелких железных вещей (стр. 66). Ничего подобного в предыдущую эпоху проследить нельзя. Против этого факта, который я считаю одним из основных в выделении культуры, поскольку он свидетельствует об ином экономическом развитии волго-вятских племен по сравнению с пьяноборскими, возразить трудно, и А. П. Смирнов решил доказать, что «наиболее богатый набор железных вещей относится ко времени после V в.» (стр. 244). Что из этого получилось, мы показали выше.

Здесь ясно сказался различный подход к понятию археологической культуры и принципов ее выделения. А. П. Смирнов видит в археологической культуре только связь с этносом[11], совершенно пренебрегая явлениями внутреннего развития общественно-экономического строя носителей одной культуры. Достаточно указать, что внутри культуры, по его мнению, самым «простым и наиболее четким является деление на этапы по внешним влияниям»[12]. Я же считаю, что археологическая культура должна отражать не только этнос, но и определенную ступень развития общественно-экономических отношений[13].

И все это находит свое отражение в изменении вещевого комплекса, обрядов, бытовых черт и т. д.— одним словом, в комплексе тех материалов, которые служат археологу источником в изучении и с т о р и и древнего населения. И если отдельные вещи пьяноборской и азелинской культур действительно генетически связаны, то основная масса их настолько различна (в чем можно убедиться, сопоставив имеющиеся публикации), что говорить об одной археологической культуре, даже обращая внимание только на вещи,— не приходится.

Именно с этой точки зрения и не представляется возможным рассматривать азелинские памятники, как поздний этап пьяноборской культуры, поскольку они принадлежали населению с иным уровнем общественно-экономического развития, о чем свидетельствуют все материалы.

Отсюда и обвинения А. П. Смирнова в том, что «В. Ф. Генинг переоценил уровень развития металлургии, и едва ли можно говорить о том, что азелинское общество мы застаем в тот период, когда произошло второе крупное разделение труда: ремесло отделилось от земледелия. Да и особых поселков, где было бы сосредоточено ремесло, мы еще не знаем. Говоря о втором великом разделении труда, Ф. Энгельс имел в виду отделение города от деревни, происшедшее на пороге классового общества» (стр. 246). Работа Ф. Энгельса истолковывается странно.

---

[10] В. Ф. Г е н и н г. Ук. соч., стр. 44 сл.

[11] А. П. С м и р н о в. К вопросу об археологической культуре. СА, 1964, 1, стр. 9.

[12] А. П. С м и р н о в. К вопросу об археологической культуре, стр. 9.

[13] В. Ф. Г е н и н г. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры. стр. 37—50.

Обратимся к источнику. Ф. Энгельс говорит о втором крупном разделении труда и абзаце, начинающемся словами: «Следующий шаг ведет нас к высшей ступени варварства... Город, окружающий своими каменными стенами, башнями и зубчатыми парапетами каменные или кирпичные дома, сделался средоточием племени или союза племен..., в ткачестве, в обработке металлов и в других ремеслах, все более и более обособлявшихся друг от друга, во все возраставшей степени увеличивалось разнообразие и совершенствовалось мастерство производства; земледелие давало теперь наряду с зерном, стручковыми растениями и фруктами также растительное масло и вино... Столь разнообразная деятельность не могла уже выполняться одним и тем же лицом; произошло *второе крупное разделение труда*: ремесло отделилось от земледелия» [14].

Где же здесь Ф. Энгельс говорит об отделении города от деревни и поселках, «где сосредоточено ремесло»?

А. П. Смирнов, дважды в рецензии упоминая и даже цитируя из книги место о втором разделении труда, не приводит это положение так, как оно дано в действительности. Ведь в книге говорится только об отделении металлургии. «Все остальные ремесла — изготовление тканей, посуды, выделка шкур, обработка кости — остаются еще домашними производствами, которыми занимались по мере потребности в каждой семье» (стр. 68).

Совершенно ясно, что речь идет о начале процесса. «Все это не сразу»,— как говорил Ф. Энгельс. Приведенные в книге материалы достаточно убедительно свидетельствуют об обособлении металлургии от земледелия и выделения ремесленников-металлургов. Ничего необычного в этом нет. Данный процесс в середине I тысячелетия начался у большинства населения Восточной Европы.

Уже не первый раз А. П. Смирнов выступает с концепциями культурной отсталости прикамских племен, за что неоднократно подвергался критике археологов. И вслед за ними мы можем повторить, что в этих концепциях получила развитие «скверная легенда» об огромном хронологическом отставании в лесной полосе культурных передовых черт хозяйства [15].

По вопросу о древнетюркском населении Прикамья в III—V вв. и ретроспективном методе определения его этнической принадлежности, по поводу чего А. П. Смирнов замечает, что все «это построено на догадках, предположениях и никакими материалами не подтверждено» (стр. 245), отошлем рецензента к уже опубликованным работам [16].

Наконец, последнее утверждение А. П. Смирнова о том, что Вятка до прихода азелинских племен была заселена, о чем якобы свидетельствуют культурные слои «костеносных городищ на р. Вятке» (стр. 244). Это мнение, абсолютно не соответствующее действительности, уже однажды было высказано А. П. Смирновым [17] и получило обстоятельной ответ в двух публикациях [18], поэтому нет смысла вновь подробно останавливаться на аргументации его ошибочности. Хотелось бы только обратить внимание на стиль работы рецензента.

А. П. Смирнов пишет: «Отсутствие могильников первых веков нашей эры, на что ссылается В. Ф. Генинг, не может являться доказательством, так как открытие грунтовых могильников обычно происходит случайно, в результате размыва берегов или при земляных работах. Осмотр местности при разведке, как правило, ничего не дает» (стр. 245). В книге говорится об отсутствии памятников III в. до н. э.— II в. н. э. (стр. 14), а не могильников, и рассуждение о случайности и трудности открытия грунтовых могильников здесь едва ли правомерно. Все, кто в последнее время производил разведки на р. Вятке (В. П. Денисов, А. Х. Халиков, В. Е. Стоянов, В. Ф. Генинг и др.), выявили десятки памятников различных эпох, но не обнаружили ни одного памятника — ни поселения, ни могильника III в. до н. э.— II в. н. э. Случайно ли это? Почему же А. П. Смирнов игнорирует эти результаты и вновь обращается к трем сомнительным вещам с Пижемского городища? Для ответа воспользуемся словами Н. А. Прокошева: «Очевидно, приходится объяснять это просто нежеланием считаться с мнениями, не укладывающимися в принятую А. П. Смир-

---

[14] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 21, М., 1961, стр. 162—163.

[15] Н. А. Прокошев. Узловые проблемы ананьинской эпохи в Прикамье. Зап. Удм. НИИ, 11, Ижевск, 1949, стр. 56.

[16] В. Ф. Генинг. К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье в I тысячелетии н. э. Сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск, 1961, стр. 335 сл.; его же. Проблемы изучения железного века Урала. «Вопросы археологии Урала», 1, Свердловск, 1961, стр. 42; его же. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии нашей эры. Сб.: «Археология и этнография Башкирии», II, Уфа, 1964.

[17] А. П. Смирнов. Железный век Чувашского Поволжья. МИА, 95, 1961, стр. 96.

[18] В. Ф. Генинг. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры, стр. 49; А. Х. Халиков. Очерки истории населения марийского края в эпоху железа. Тр. Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола, 1962, II, стр. 19.

новым схему»[19]. А. П. Смирнов, очевидно, не допускает мысли, что в Прикамье могли происходить какие-то передвижения населения. Прикамье, по его мнению, стояло в стороне от больших событий, развернувшихся в эпоху великого переселения народов. Но ведь факты, и уже весьма многочисленные, свидетельствуют совсем о другом! А с фактами приходится считаться.

В заключение хотелось бы отметить основное, что удивило в рассматриваемой рецензии. Фактически рецензирование книги подменено полемикой по одной из спорных проблем древней истории Прикамья, причем в этой полемике рецензент использовал для оценки позиции своего противника не всю совокупность его исследований, а лишь одну рецензируемую публикацию, где именно эта проблема совершенно не рассматривается в силу уже указанных выше причин. Едва ли такая форма полемики может быть полезной.

В. Ф. Генинг

---

[19] Н. А. Прокошев. Ук. соч., стр. 36.

Хроника

ПОПУЛЯРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

В последние годы особенно усилилось внимание широкой общественности к достижениям исторической науки. Возрастающая популярность археологии все настоятельней призывает ученых на кафедры массовых народных аудиторий. Одним из примеров этому является работа постоянного лектория «Основные проблемы и достижения советской и зарубежной археологии», открытого в 1960 г. при Ленинградском отделении Института археологии АН СССР. Ленинградский археологический лекторий — единственный в нашей стране.

Лекторий организован на общественных началах совместно с Дзержинским районным отделением общества «Знание» [1]. Лекции читаются два раза в месяц и собирают, в среднем, до 100 слушателей. Оповещение о них делается через афиши (рис. 1), печатные программы, газеты и по радио.. К чтению лекций привлекаются не только сотрудники института, но и специалисты Государственного университета, Эрмитажа, Института Народов Азии, Музея антропологии и этнографии и Музея истории религии. Неоднократно с сообщениями о новых открытиях выступали ученые и из других городов и союзных республик.

За шесть лет 40 лекторами было прочтено 75 лекций. Затрачен безусловно большой труд, который принес пользу как слушателям, так и самим выступавшим. Для некоторых докладчиков участие в работе лектория стало пробой сил в ораторском и преподавательском искусстве, в умении ясно и доходчиво излагать свой материал. Повысилась оперативность научной работы, создались новые возможности для своевременной информации и первой, пока устной, публикации задуманных тем. Выступления носят характер живого, увлекательного отчета ученого перед общественностью. В работе Лектория наряду с известными учеными принимает все большее участие и молодежь.

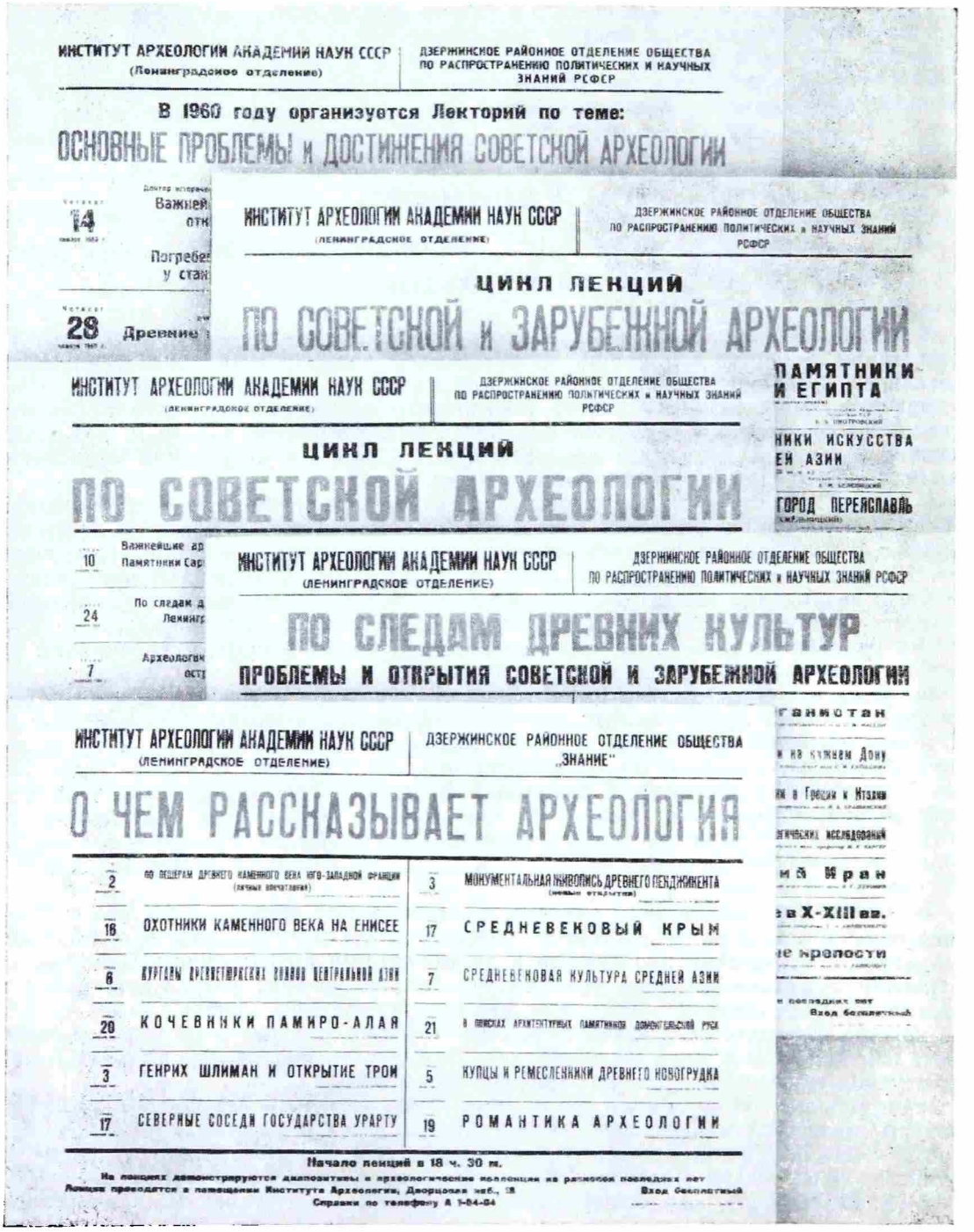
Лекторий — это пропаганда археологических знаний. Исходя из этого мы стремимся ознакомить слушателей, среди которых люди самых различных профессий и возрастов, с основными проблемами и достижениями археологической науки. При построении годовых программ учитывались: важность тем, результаты работ археологических экспедиций, интересные находки прошедших полевых сезонов. Наряду с хорошо изученными и известными памятниками рассказывалось и о малоизвестных, находящихся в научной обработке. При планировании лекций учитываются и пожелания слушателей (для чего проводится анкетный опрос).

Значительная часть лекций была посвящена крупным проблемам истории и культуры древнейшего населения нашей страны: «Новые данные о происхождении человека» (П. И. Борисковский), «Древние культуры Дальнего Востока» (А. П. Окладников), «Археология Кавказа» (А. А. Иессен), «Древнейшие культуры Средней Азии» (В. М. Массон), «Археологические памятники Казахстана» (С. С. Черников), «Древние славяне», «Финно-угорские древности», «Спорные вопросы археологии древних славян» (П. Н. Третьяков) и многие другие.

Большая серия лекций ознакомила слушателей с многолетними раскопками археологических памятников и связанной с ними исторической проблематикой. Здесь можно назвать: «Сибирские древности» (М. П. Грязнов), «Памятники культуры Урарту в СССР» (Б. Б. Пиотровский), «Раскопки древней Ольвии» (А. Н. Карасев), «Новые памятники искусства Средней Азии» (А. М. Беленицкий), «Раскопки могильника эпохи бронзы в Западном Казахстане» (В. С. Сорокин), «Античные города в Северном Причерноморье» (В. Ф. Гайдукевич), «Алтай в скифское время» (С. И. Руденко), «Новое в истории хазар» (М. И. Артамонов), «Средневековый Крым» (А. Л. Якобсон).

[1] Следует особо отметить активную роль в ворганизации лектория С. С. Черникова (руководитель лектория в 1960—1964 гг.), Б. Б. Пиотровского, П. И. Борисковского и М. К. Каргера.

Ряд лекций читался и по материалам только что проведенных полевых исследований: «Погребение скифского вождя у ст. Елизаветовской» (В. П. Шилов), «Раскопки кургана сакского вождя в Восточном Казахстане» (С. С. Черников), «Древнерусский город Изяславль по раскопкам 1957—1959 гг.» (М. К. Каргер), «Купцы и ремесленники древнего Новогрудка» (Ф. Д. Гуревич), «Памятники сарматской



Афиши Ленинградского археологического лектория

культуры на нижнем Дону» (С. И. Капошина), «Горняки каменного века» (Н. Н. Гурина).

Лекции об исследованиях и открытиях зарубежных археологов были прочитаны И. Д. Амусиным — «Рукописи Мертвого моря», И. Б. Брашинским — «Новые археологические раскопки в Греции и Италии», В. Г. Лукониным — «Сасанидский Иран». Большой успех сопутствовал выступлениям ученых, выезжавших в другие страны для производства раскопок или ознакомления с археологическими памятниками. Были прослушаны сообщения А. П. Окладникова об археологии Монголии, П. Н. Третьякова о памятниках средневековой культуры Чехословакии, Б. Б. Пиотровского о раскопках в Египте, В. Ф. Гайдукевича о городах Древней Греции, П. И. Бори-

сковского о раскопках во Вьетнаме и палеолитической живописи пещер юго-западной Франции.

О тесной связи археологии с другими науками и о все возрастающем применении в археологических исследованиях достижений и методов естественных и точных наук были сделаны сообщения С. В. Бутомо («Как устанавливают возраст археологических находок»), С. А. Семеновым («Техника добывания огня в первобытном обществе», «Экспериментальное изучение древней техники»), Л. С. Клейном («Археология против физики»).

Увлекательная тема о поисках и открытиях ученых нашла выражение в таких выступлениях, как «В поисках архитектурных памятников домонгольской Руси» (М. К. Каргер), «Романтика в археологии» (С. С. Черников), «Генрих Шлиман и открытие Трои» (И. Б. Брашинский).

Рассказам о древней архитектуре, живописи и прикладном искусстве были посвящены доклады: «Живопись и скульптура древнего Пенджикента» (А. М. Беленицкий), «Средневековая Средняя Азия» (О. Г. Большаков), «Зодчество древнего Смоленска» (М. К. Каргер), «Древний Псков» (Ю. П. Спегальский), «Борисов городок — исчезнувший замок Годунова» (П. А. Раппопорт), «Русские клады» (Г. Ф. Корзухина).

Перед лекциями обычно дается краткая информация о новейших археологических открытиях. Интерес к этим информациям очень велик, и слушатели просят ввести в тематику лектория постоянный раздел: хроника археологических открытий.

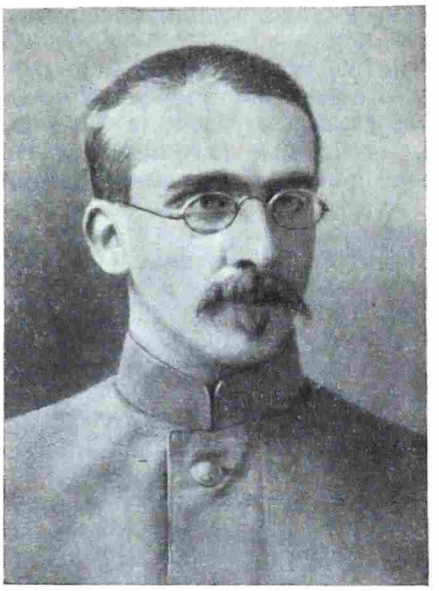
С годами у лектория определился постоянный состав слушателей, не пропустивших ни одной лекции шестилетнего цикла. Достаточно высокая подготовленность аудитории позволяет лекторам показать всю сложность и многообразие в развитии различных археологических культур и осветить еще неясные или дискуссионные проблемы.

О растущей популярности лектория говорят многочисленные отзывы слушателей. Высокий научный уровень и широкая эрудиция лекторов неизменно получают самую положительную оценку.

Наши слушатели все активнее требуют от лектория широкой рекламы лекций, специальных популярных брошюр, открыток и кинофильмов.

Пропаганда археологических знаний стала важной частью научной деятельности ЛОИА.

А. Н. Кирпичников, А. Н. Мелентьев



Н. М. ЕГОРОВ

16 сентября 1965 г. в Баку на 89 году жизни скончался старейший археолог и краевед Северного Кавказа Николай Михайлович Егоров.

Николай Михайлович родился в 1876 г. в г. Владикавказе (Орджоникидзе) в семье секретаря областного суда. Окончив с золотой медалью Владикавказскую гимназию, Н. М. Егоров был направлен на государственный счет в Петербургский историко-филологический институт, по окончании которого он вернулся на Кавказ. С родным для Николая Михайловича Кавказом отныне была связана вся его жизнь и деятельность — здесь он начал преподавательскую работу и вел ее в гимназиях Батуми, Кутаиса, Тифлиса, Баку. Тогда же у него возник глубокий интерес к изучению богатой природы и истории Кавказа. В 1902 г. Н. М. Егоров стал действительным членом Кавказского отдела Русского географического общества. Затем в изданиях Кавказского отдела РГО появился ряд небольших заметок и рецензий Николая Михайловича. Они написаны в характерном для него стиле: кратко, четко, со знанием дела и критическим анализом.

В 1921 г. Н. М. Егоров переехал в Пятигорск и в 1924 г. начал работать в Терском окружном музее краеведения в должности научного сотрудника по археологическому отделу. Занятия археологией целиком захватили Николая Михайловича и стали отныне главным интересом и смыслом его жизни. Вскоре он занял должность заведующего Пятигорским музеем краеведения и остался на этом посту до ухода на пенсию. С 1929 г. Н. М. Егоров участвовал в полевых исследованиях Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в районе Пятигорья и совместно с А. А. Иессеном открыл и обследовал ряд памятников эпохи бронзы, кобанской, скифской и раннесредневековой эпох. С этого времени началась дружба Николая Михайловича с выдающимся ученым-кавказоведом А. А. Иессеном, несомненно, оказавшая большое влияние на научные занятия Н. М. Егорова.

В 1929 г. Н. М. Егоров опубликовал материал из кургана эпохи бронзы у бывш. колонии Николаевской (Ein Kurgan bei der Kirche der Kolonie Nikolajevsk. ESA, IV, 1929), а через год — интересную и до сих пор уникальную находку аланских цилиндрических курильниц у горы Юцы (Gefässe von Iuck. ESA, V, 1930). Затем появилась критическая статья Николая Михайловича о так называемой «подкумской» черепной крышке, найденной в Пятигорске в 1918 г. и наделавшей немало шума в научных кругах. Н. М. Егоров первым выступил против палеолитического возраста «подкумской» черепной крышки (Zur Frage über das Alter des sogenannten Podkumok — Menschen. «Antropologischer Anzeiger», X, 2/3, 1933). Время показало справедливость этой критики.

Постоянно изучая археологические памятники Пятигорья, Н. М. Егоров стал их знатоком, систематически пополнял фонды Пятигорского музея краеведения, развернул в нем интересную археологическую экспозицию. Заведенная им и систематически заполняемая инвентаризационная книга музея с зарисовками поступающих вещей и до сих пор является ценнейшим учетным документом музея. Напряженная музейная работа Николая Михайловича не прекратилась и в годы Отечественной войны.

В послевоенное время, уже будучи пенсионером, Н. М. Егоров издал материалы из ряда вновь открытых памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа, которыми он особенно интересовался (Боргустанский клад 1941 г. СА. XV, 1951; Могильник скифского времени близ г. Минеральные Воды. КСИИМК, 58, 1955; Мо-

гильник у реки Эшкакон. КСИИМК, 64, 1956). Интересные материалы публикаций Н. М. Егорова прочно вошли в фонд кавказской археологии.

Все, кто знал Николая Михайловича, знают и его поистине юношеский энтузиазм в науке, его поразительную неутомимость и кропотливость в собрании и обработке археологических материалов. До последних дней своей жизни, находясь в Баку и будучи больным, Николай Михайлович трудился над исследованием о древностях Хасаута. Только смерть оторвала его от любимого дела.

Н. М. Егоров обладал большой эрудицией, хорошо знал и любил Кавказ и его народы, владел европейскими языками. Подлинный труженик науки, немало сделавший для процветания археологии на Северном Кавказе, предельно честный и скромный в жизни, всегда доброжелательный к людям — таким навсегда останется он в памяти всех его товарищей и коллег.

В. А. Кузнецов

И. И. СМИРНОВ

14 мая 1965 г. в Ленинграде скончался доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории АН СССР Иван Иванович Смирнов, один из виднейших исследователей истории феодальной России.

И. И. Смирнов родился 5 марта 1909 г. в г. Иваново-Вознесенске. Окончив в 1930 г. Вятский педагогический институт, он поступил в аспирантуру Государственной академии истории материальной культуры в Ленинграде, являвшейся в те времена научным центром в области археологии, истории и этнографии. Здесь под руководством Б. Д. Грекова И. И. Смирнов начал свою научную деятельность.

Обстановка, сложившаяся в ГАИМК тех лет, с ее острыми дискуссиями, методологическими поисками, первыми попытками комплексных исследований, проводимых совместными усилиями археологов, историков, языковедов и др., наложила отпечаток на научные интересы и деятельность И. И. Смирнова.

Его внимание привлекли к себе проблема общественно-экономических формаций, общие вопросы истории первобытного общества и генезиса феодализма. В эти годы вышли в свет его труды: «Против попытки ревизии марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях» (СГАИМК, 8, 1931); «Больше марксистско-ленинской четкости в истории доклассового общества» (совместно с Е. Ю. Кричевским, СГИМК, 11—12, 1931); «Возможна ли «марксистская история материальной культуры»?» (СГАИМК, 1—2, 1932); «О генезисе феодализма» (ПИДО, 3—4, 1933); «Националистическая контрреволюция на Украине под маской исторической науки» (ПИДО, 6, 1934) и др. Он редактировал и рецензировал работы, посвященные истории сельских и городских поселений на Руси, истории сельского хозяйства, промышленности и быта населения феодальной России.

В 30-х годах Иван Иванович отошел от археологии, не имея возможности по состоянию здоровья участвовать в экспедициях. С течением времени все внимание И. И. Смирнова привлекают к себе вопросы истории сельского населения в феодальной России и его классовой борьбы. Начало исследованиям И. М. Смирнова в этой области положила его статья «Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в.» (ПИДО, 5—6, 1933). Вслед за этой статьей И. И. Смирнов опубликовал другие работы, свидетельствующие о его успешных разысканиях в области истории крестьянства в России XVI — начала XVII в.: «Классовая борьба в Московском государстве в первой половине XVI века» (ПИДО, 9—10, 1935); «Из истории крестьян в Московском государстве в конце XVI в.» (Уч. зап. ЛГУ, 32, сер. истор. наук, 2, 1939); «К характеристике внутренней политики Лжедмитрия I» (Уч. зап. ЛГУ, 19, сер. истор. наук, 1, Л., 1938). Эта статья стала как бы заявкой И. И. Смирнова на разработку большой и очень важной проблемы первой в истории России крестьянской войны.

Статья «Английское известие 1607 года о восстании Болотникова» (ИЗ, 13, 1942) открывала цикл трудов И. И. Смирнова, посвященных восстанию Болотникова.

В 1949 г. вышла монография И. И. Смирнова «Восстание Болотникова (1606—1607» (Л., 1949), представляющая собой ценный вклад в историческую науку. Она явилась результатом многолетних скрупулезных разысканий источников, мастерской их интерпретации, широких обобщений. Книга И. И. Смирнова была удостоена Государственной премии, выдержала два издания и была переведена на польский, румынский и венгерский языки.

Интерес к восстанию Болотникова, к крестьянским войнам в России у И. И. Смирнова никогда не остывал, и последней данью его увлечению вопросами истории классовой борьбы крестьянства в крепостной России является труд «Крестьянская война 1606—1607 годов», находящийся в печати в издательстве «Наука» в сборнике «Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.», инициатором, составителем и редактором которого был И. И. Смирнов.

Внимание И. И. Смирнова привлекала к себе и Россия XVI в., преобразования середины и начала второй половины столетия, опричнина, образ Ивана Грозного, его сложная, противоречивая натура. И в этой области И. И. Смирнов шел от частных вопросов («Жалованная грамота князя Владимира Андреевича Старицкого».— «Исторический архив», II, 1939; «Судебник 1550 года».— ИЗ, 24, 1947; «Иван Грозный и боярский мятеж 1553 года».— ИЗ, 43, 1953 и др.) к общим проблемам, что получило отражение в обобщающей монографии «Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века», вышедшей в 1957 г. Значение этого труда для понимания начальных преобразований Ивана Грозного, понимания предпосылок опричнины вряд ли возможно переоценить.

В последние годы И. И. Смирнов работал над изучением социальных явлений, имевших место на Руси в XII—XIII вв., т. е. в период развитых феодальных отношений. Результатом деятельности И. И. Смирнова в этой области явились «Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII веков» (М.— Л., 1963), которым предшествовали статьи по отдельным проблемам: «Проблема „смердов" в Пространной Правде» (ИЗ, 64, 1959); «К проблеме „смердьего холопа"» (Тр. ЛОИИ, 2, Л., 1960); «Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв.» (там же); «К проблеме „холопства" в Пространной Правде» (ИЗ, 68, 1961) и др.

И. И. Смирнов ставил своей целью исследовать историю крестьян на Руси в XIV—XV вв., набросав как бы проспект этой работы в «Заметках о феодальной Руси XIV—XV вв.» («История СССР», 2, 3, 1962), но осуществить свои намерения ему не пришлось.

И. И. Смирнова как исследователя характеризуют тщательность разысканий, умелая интерпретация источников, огромная эрудиция, осторожный подход к трудам своих предшественников, смелость и принципиальность суждений.

Вместе с тем И. И. Смирнов не раз выступал как умелый популяризатор («Борьба русского народа против польских захватчиков в начале XVII века».— «Пропаганда и агитация», 16, 1938; «Минин и Пожарский», Л., 1942; «Иван Грозный». Л., 1944; «Иван Болотников», Л., 1950 и др.).

И. И. Смирнов принимал активное участие в теоретических дискуссиях по вопросам образования Русского централизованного государства (ВИ, 4, 1946), периодизации истории СССР, (ВИ, 12, 1950), истории крестьянской войны в России в начале XVII в. (ВИ, 12, 1958).

Научную деятельность И. И. Смирнов сочетал с большой педагогической работой. Начал ее И. И. Смирнов с просеминарских занятий по истории СССР в Ленинградском педагогическом институте им. М. Н. Покровского, но бóльшая часть его преподавательской деятельности протекала в стенах Ленинградского университета. Много выдающихся советских исследователей, удостоенных ученой степени доктора и кандидата исторических наук, с гордостью называют себя учениками И. И. Смирнова.

И. И. Смирнов всегда сочетал в себе ученого, педагога, пропагандиста и общественного деятеля. Активный комсомолец, вступив в ряды КПСС, И. И. Смирнов всегда был бойцом на том участке, который доверила ему партия.

Уже пораженный тяжелым недугом, И. И. Смирнов в суровые дни начала блокады Ленинграда принял на себя тяжелое бремя редактора Лениздата.

Вся жизнь И. И. Смирнова является примером беззаветного служения советской науке, делу воспитания молодежи, образцом мужества, стойкости, образцом добрых дел и доброй воли ученого-борца, ученого-коммуниста.

В. В. Мавродин

И. В. ФАБРИЦИУС

6 января 1966 г. в Ленинграде скончалась Ирина Васильевна Фабрициус, одна из старейших украинских археологов и краеведов, кандидат исторических наук.

И. В. Фабрициус родилась в мае 1882 г. в Киеве, в семье профессора Киевского университета, дважды доктора наук — астрономии и философии — Василия Ивановича Фабрициуса. В 1900 г. Ирина Васильевна окончила с золотой медалью Херсонскую II женскую гимназию. Высшее образование она получила на Высших женских (Бестужевских) курсах в Петербурге, которые окончила в 1905 г.

Начало самостоятельной деятельности И. В. Фабрициус связано с Херсонским историко-археологическим музеем (до революции — городским музеем древностей). Большое влияние на формирование интересов, археологическую и музейную подготовку Ирины Васильевны оказал основатель Херсонского музея, известный украинский археолог и краевед В. И. Гошкевич. С 1913 по 1923 г. И. В. Фабрициус работала помощником хранителя, с 1923 по 1925 г.— хранителем Херсонского музея. В этот период она принимала участие в археологических исследованиях В. И. Гошкевича, являясь его ближайшим помощником и сотрудником по музею. В 1925 г., после ухода В. И. Гошкевича на пенсию, Ирина Васильевна стала директором музея. Херсонский музей в эти годы был одним из лучших краеведческих музеев на Украине как по подбору памятников, их экспозиции, так и по краеведческой, научной и издательской работе. Музей имел свой научный орган «Летопись Херсонского музея», восьмой и девятый выпуски которого были подготовлены И. В. Фабрициус.

С 1931 по 1936 г. Ирина Васильевна жила в Ленинграде, работала в Государственном Эрмитаже и Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. В 1937 г. она по приглашению Института археологии Академии наук УССР переехала в Киев, где работала старшим научным сотрудником института. Годы работы в Киеве были наиболее плодотворными в исследовательской деятельности Ирины Васильевны.

И. В. Фабрициус являлась видным специалистом по истории и культуре скифских племен и населения лесостепей Восточной Европы скифского времени, а также по бронзовому веку Украины. Она проводила большую полевую и исследовательскую работу по изучению и публикации открытых ею памятников. В 1924 г. Ирина Васильевна руководила раскопками Аджигольского городища (к югу от Ольвии) и Лукьяновского кургана, давшего ценные находки. Раскопки на Любимовском городище первых веков нашей эры (1925—1929) позволили восстановить его планировку и конструкцию крепостных сооружений. Работая на Гавриловском городище, ранее датировавшемся римским временем, Ирина Васильевна выявила на нем слой IV—III вв. до н. э. В 1927 г. во время экспедиционных исследований на Херсонщине она открыла и исследовала ряд энеолитических поселений. В 1938—1940 гг. И. В. Фабрициус руководила раскопками открытого ею на Тясьмине Шарповского городища V в. до н. э., ставшего со временем широко известным. Здесь были тщательно исследованы оборонительные сооружения, приемы домостроительства, открыты и изучены остатки кузнечного и керамического производства. Итогам исследования и интерпретации этих памятников посвящены статьи Ирины Васильевны: «Тясминська експедиція» (АП, II, Київ, 1949) и «Тясминська експедиція 1947 року» (АП, IV, Київ, 1952). И. В. Фабрициус, кроме того, принимала активное участие и в работе других экспедиций: Трипольской (Халепье, 1937), Деснинской (Новгород — Северск — Драбышевка, 1938).

В работе «До питаня про топографізацію племен Скіфії» (Археологія, V. Київ, 1951) Ирина Васильевна сделала попытку выделить в Скифии отдельные регионы в соответствии с данными Геродота и археологическими источниками.

Итогом многолетней экспедиционной и исследовательской работы И. В. Фабрициус явился труд «Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР» объемом в 60 печатных листов. В работе обобщены многочисленные материалы, собранные как В. И. Гошкевичем, так и самой И. В. Фабрициус на территории Северного Причерноморья, между низовьями Дуная и Днепра (в пределах Одесской, Николаевской, Херсонской области, части Кировоградской, Днепропетровской, Запорожской областей и Молдавской ССР). В ней учтено более 700 местонахождений различных археологических памятников, которым даны культурно-исторические характеристики, хронологическое определение и необходимая документация. Первый том работы, посвященный памятникам междуречья Днестра и Южного Буга, вышел в свет в 1951 г. К этому труду И. В. Фабрициус непременно обращаются все, кто интересуется археологией Северного Причерноморья.

Память об Ирине Васильевне Фабрициус, неутомимом труженике, видном археологе и краеведе, сохранится среди работавших с ней и знавших ее товарищей.

Л. Славин

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АзербФАН СССР — Азербайджанский филиал Академии наук СССР
АЛЮР — Археологическая летопись Юга России
АП — Археологічні пам'ятки УРСР
БАН — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград)
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
Бюл. МОИП — Бюллетень Московского Общества испытателей природы
ВВ — Византийский временник
ВИ — Вопросы истории
ВЛГУ — Вестник Ленинградского государственного университета
ВМГУ — Вестник Московского государственного университета
ВОКМ — Волгоградский областной краеведческий музей
ГАГО — Государственный архив Горьковской области
ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина
ГИН — Геологический институт АН СССР
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва)
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ДАН — Доклады Академии наук
ДП — Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья. Киев, 1899
Зап. Удм НИИ — Записки Удмуртского научно-исследовательского института
Збірник ДКІАМ — Збірник Дніпропетровського краевого історично-археологічного музею
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИА — Исторический архив
Изв. Азерб ФАН СССР — Известия Азербайджанского филиала АН СССР
Изв. АН УзССР — Известия Академии наук Узбекской ССР
ИЗ — Исторические записки
ИМКУ — Сб. «История материальной культуры Узбекистана»
ИОАИЭКУ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея
КСОГУ — Краткие сообщения Одесского государственного университета
МАИЧПЕ — Международная конференция Ассоциации по изучению четвертичного периода в Европе
МАИЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции
НІЛ — Новгородская первая летопись
Наукові записки ІІМК — Наукові записки Інститута історії матеріальної культури Всеукраїнської АН
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
Праці КДІМ — Праці Київського державного історичного музею
САИ — Свод археологических источников
СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
ТВУАК — Труды Владимирской Ученой архивной комиссии
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
ТОИПКЭ — Труды Отдела истории первобытной культуры. Эрмитаж
ТПУАК — Труды Пермской Ученой архивной комиссии
ТСАРАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
Тр. АС — Труды Археологического съезда
» Абхаз ИЯЛИ — Труды Абхазского Института истории, языка, литературы, искусства
» ГИМ — Труды Государственного исторического музея
» ИЭ — Труды Института этнографии
» КИЧП — Труды Комиссии по изучению четвертичного периода
» ЛОИИ — Труды Ленинградского отделения Института истории
» МАЭ — Труды Музея антропологии и этнографии
» СОМК — Труды Саратовского Областного музея краеведения
» ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
Уч. зап. ИВГПИ — Ученые записки Ивановского государственного педагогического института

» ИЭНКНВ — Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока
Уч. зап. КБНИИ — Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института
» ПГУ — Ученые записки Пермского государственного университета
» СГУ — Ученые записки Саратовского государственного университета
AA — American Antiquity
BSPF — Bulletin de la Société préhistorique Française
CIW — Carnegie Institution of Washington
DAGR — Ch. Daremberg et M. Ed. Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines.
EAF — Ethnographisch Archäologische Forschungen
EHR — The Economic History Review
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki
ICA — International Congress of Americanists
INAH — Instituto Nacional de Antropologia e Historia
MPM — Memoirs Peabody Museum
NWAF — New World Archaeological Foundation
PA — Przeglad archeologiczny. Posnań
PAPS — Proceedings American Philosophical Society
PPM — Papers Peabody Museum
SCIV — Studii şi cercetari de iştorie veche
SMIA — Suomen Muinais — muistoy — hdistyksen aikakuskirja
WA — Wiadomości archeologiczne

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

XXIII съезд КПСС и задачи советской археологии 3

З. А. Абрамова (Ленинград). О локальных различиях палеолитических культур Ангары и Енисея 9
В. И. Гуляев (Москва). Проблема происхождения цивилизации майя . . . 17
О. Н. Бадер (Москва). Культура с «текстильной» керамикой в Северо-Восточной Европе 32
Э. А. Сымонович (Москва). О связях лесных и лесостепных раннесредневековых культур Поднепровья (по керамическим материалам) 38
С. К. Кабанов (Ташкент). К изучению аграрного строя Согда в V—VI веках 52
А. Ф. Дубынин (Москва). О племенной принадлежности населения северной окраины Муромской земли 67
Л. А. Голубева (Москва). Коньковые подвески Верхнего Прикамья 80
Г. К. Вагнер (Москва). О главном мастере Георгиевского собора 1234 г. в Юрьеве Польском 99
А. В. Никитин (Москва). Художественная обработка кузнечных изделий XVI—XVII вв. 109
К. В. Шишкин (Симферополь). Применение аэрофотосъемки для исследования археологических памятников 116
Памяти Алескера Казым оглы Алекперова 122

Публикации

Л. Г. Мацкевой (Керчь). Мезолитические стоянки и местонахождения на Керченском полуострове 125
Р. М. Мунчаев (Москва), **А. Л. Нечитайло** (Ставрополь). Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике 133
В. А. Ильинская (Киев). Скифские курганы около г. Борисполя 152
М. М. Кобылина (Москва). Керамическое производство Фанагории в IV в. 172
Т. Н. Высотская, Е. Н. Черепанова (Симферополь). Находки из погребений IV—V вв. в Крыму 187
В. Л. Янин (Москва). Именные буллы русских епископов XII — начала XIII вв. 197

Заметки

А. В. Аппилогов, К. А. Инина (Петрозаводск). Результаты петрографического изучения кремня с древних поселений Карелии 208
М. Н. Петров (Новгород). Неолитическая стоянка «Стрелка» в Новгородской области 212
В. И. Мамонтов (Волгоград). Арчединский комплекс наконечников стрел срубной культуры 215
М. Ф. Косарев (Москва). Литейная форма из Среднего Приобья 218
Г. П. Кесаманлы (Баку). Погребение с бронзовым поясом из Хачбулага . . 221
А. П. Смирнов (Москва). Скифский меч Псковского музея 227
М. П. Завитухина (Ленинград). Два бронзовых кельта из могил VI—V вв. до н. э. на Енисее 228
М. М. Лесницкая (Ленинград). Портрет II в. из Пантикапея 230
С. А. Беляев (Ленинград). Обломок стеклянного сосуда из Херсонеса . . 233
А. А. Бобринский (Москва). Гончарный круг с мраморным диском из городища Роксоланы 235
И. Н. Осиновский (Москва). Находка солида Константина IV близ Судака 240
В. Ю. Лещенко, В. А. Оборин (Пермь). Новые находки восточного серебра в Прикамье 241
А. В. Бодянский (Запорожская обл.). Из новых находок на Нижнем Днепре 245
В. П. Даркевич (Москва). К заметке А. В. Бодянского «Из новых находок на нижнем Днепре» 246
П. Ф. Лысенко (Минск). Шиферное пряслице с надписью из Пинска . . . 248
С. Л. Агафонов (Горький). Шатровая церковь 1552 г. в Балахне 251
К 70-летию В. П. Петрова 260
К 60-летию С. Н. Орлова 262
К 60-летию Л. М. Славина 264

Критика и библиография

А. Я. Брюсов (Москва). Н. Н. Гурина. Новые данные о каменном веке в северо-западной Белоруссии 267

Б. А. Фролов (Новосибирск). André Leroi-Gourhan. Préhistoire de l'art occidentale 269
В. Д. Блаватский (Москва). Edit B. Thomas. Romische Villen in Pannonien 276
С. А. Плетнева, И. П. Русанова (Москва), Живка Н. Вължарова. Славянски и славянобългарски селища в българските земи от края на VI до XI век 276
Н. Г. Порфиридов (Ленинград). В. Л. Янин. Я послал тебе бересту . . . 280
В. Ф. Генинг (Свердловск). По поводу рецензии А. П. Смирнова 282

Хроника

А. Н. Кирпичников, А. Н. Мелентьев (Ленинград). Популярная археология 289
Н. М. Егоров 292
И. И. Смирнов 294
И. В. Фабрициус 296

SOMMAIRE

Articles

XXIII congrès du Parti communiste de l'Union Soviétique 3
Z. A. Abramova (Léningrad): Sur les distinctions locales entre les civilisations paléolithiques de l'Angara et de l'Iénissei 9
V. I. Gouliaïev (Moscou): Le problème de l'origine de la civilisation des maya 17
O. N. Bahder (Moscou): La civilisation à céramique textile en Europe du Nord-Est 32
E. A. Symonovitch (Moscou): Sur les rapports des civilisations du debut de moyen âge de la région du Dniepr 38
S. K. Kabanov (Tachkent). À l'étude de l'ordre agraire du Sogde aux V—VI siècles 52
A. F. Doubynine (Moscou): Sur l'appartenance de tribu de la population de la périphérie du nord de la terre de Mourom 67
L. A. Goloubéva (Moscou): Pendeloques en forme de cheval de la région de la Kama 80
G. K. Wagner (Moscou): Sur le maître en chef de la cathédrale de Saint George à Iouriév Polskoï 99
A. V. Nikitine (Moscou): Traitement artistique d'articles de forge aux XVI—XVII siècles 109
K. V. Chichkine (Simféropol): Application de la photographie aérienne pour la recherche des monuments archéologiques 116
En mémoire d'Alesker Kasym ohly Alekpérov 122

Publications

L. G. Matskévoï (Kertch): Stations et lieux mésolithiques sur la péninsule de Kertch 125
R. M. Mountchaév (Moscou), **A. Netchitaïlo** (Stauropol): Complexes de la civilisation Maïkopienne dans la cimétière d'Oust-Djeguitinsk 133
V. A. Ilyinskaïa (Kiev): Les tumulus des Scythes près de Borispol 152
M. M. Kobylina (Moscou): Production de céramique de Phanagorie au IV siècle 172
T. N. Vysotskaïa, E. N. Tcherépanova (Simféropol): Trouvailles de sépultures des IV—V siècles en Crimée 187
V. L. Ianine (Moscou): Bulles nominatives des évêques russes des XII—XIII siècles 197

Notes

A. V. Anpilogov, K. A. Inina (Petrozavodsk): Résultats de l'étude pétrographique du silex de campements anciens de la Carélie 208
M. N. Petrov (Novgorod): Station néolithique «Strelka» en région de Novgorod 212
V. I. Mamontov (Volgograd): Un complexe de flèches de la civilisation sroubnaïa d'Artchédine 215
M. F. Kosarev (Moscou): Une moule de la région de l'Obi moyenne 218
G. P. Kesamanly (Bakou): Sépulture à ceinture de bronze de Khatchboulag 221
A. P. Smirnov (Moscou): Glaive scythique du Musée de Pskov 227
M. P. Zavitoukhina (Léningrad): Deux celtes de bronze des sépultures des VI—V siècles av. notre ère au bord de l'Iénissei 228
M. M. Lesnitskaïa (Léningrad): Un portrait du II siècle de Panticapée . . 230
S. A. Beliaév (Léningrad): Fragment du vase de verre de Chersonèse . . 233
A. A. Bobrinski (Moscou): Le rond de poterie à disque de marbre du gorodichtché Roksolany 235
I. N. Osinovski (Moscou): Trouvaille d'un solide de Constantine IV près du Soudak 240
V. I. Lechtchenko, V. A. Oborine (Perm): Trouvailles nouvelles d'argent oriental en région de Kama 241
A. V. Bodianski (région de Saporojié): De trouvailles nouvelles au bord du Bas Dniepr 245
B. P. Darkevitch (Moscou): À l'article d'A. V. Bodianski 246
P. F. Lysenko (Minsk): Un guenouille en ardoise à inscription de Pinsk . . . 248
S. L. Agaphonov (Gorki): Église à tente de 1552 à Balakhna 251
À la 70e anniversaire de V. P. Petrov 260
À la 60e anniversaire de S. N. Orlov 262
À la 60e anniversaire de L. M. Slavine 264